This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

…ЛЮДАТЕЛЬ

…тературный, политический и ученый

…ежемесячный журнал…

…Пятковскаго.

ЯНВАРЬ. 1897 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.
[illegible] … 5
[illegible] … 50
[illegible] … 88
[illegible] … 91
[illegible] … 125
[illegible] … 162
[illegible] … 186
[illegible] … 204

ПЕРМСКАГО БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ БИБЛІОТЕКА

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. Н. ПЫПКОВСКАГО.

ГОДЪ VI. ЯНВАРЬ. 1887 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

		Стр
I.	Семья богатырей. Романъ **Вас. Ив. Немировича-Данченко**	5
II.	Два стихотворенія. **Ѳ. Э. Ромера**	56
III.	Вольные и невольные слуги московскихъ государей. **В. И. Сергѣевича**	58
IV.	Герои легкой наживы. (Les reins cassés). Романъ **Эрнеста Додэ**	90
V.	Культурные вопросы нашего народнаго хозяйства. **Я. В. Абрамова**	139
VI.	Свитокъ божества. Стихотвореніе **К. Фофанова**	182
VII.	Любовь и политика. Романъ **Базейля**	184
VIII.	Мечта въ зимнія сумерки. Стихотвореніе **Л. И. Пальмина**	284
IX.	Лилія. (Поэма въ прозѣ). **І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго)**	286
X.	Яхта на морскомъ берегу. **Де-Вариньи**	300
XI.	Паспортная система въ Россіи. **А. Ляховецкаго**	320
XII.	Абдулахъ. Разсказъ **Ферси Уайта**	343
XIII.	Письма изъ Флориды. **А. П.**	365
XIV.	Разсказы **Захеръ-Мазоха**	392

(см. на оборотѣ).

Современное Обозрѣніе.

XV. Парижскія письма. **К. Д—ча.** . . . . . с

XVI. Политическая хроника 1

Повторяется ли исторія?—Аналогія прошедшаго и опасенія будущаго.—Нѣмецкій отвѣтъ на русское сообщеніе.—Какъ легко было бы разрѣшить болгарскій вопросъ, еслибы этого хотѣла Германія.—Англійскія угрозы.—Болгарскіе депутаты въ Лондонѣ и припадки батенбергоманіи.—Новый поручикъ-кандидатъ на болгарскій престолъ.—Республика, разсуждающая логичнѣе дружественныхъ монарховъ и враждебныхъ консерваторовъ.—Русскія симпатіи въ Чехіи и Хорватіи.—Рѣчь Старчевича.—Оставленіе нѣмецкими депутатами пражскаго сейма.—Мадьярскія преслѣдованія сербскихъ газетъ.—Юбилей ...рянскаго.—Вѣнское общество „Единенія".—Младочехи.—Хорватъ Барчичъ.—Прусскій милитаризмъ.—Рѣчь Бисмарка въ защиту увеличенія арміи.—Распущеніе рейхстага.—Упрямство и распаденіе консервативнаго министерства въ Англіи.—Война итальянскаго правительства съ папою и съ общественнымъ мнѣніемъ, возстающимъ противъ австрійской политики министерства.

XVII. Новыя книги: 1) **Самозванцы и понизовая вольница.** Историческая монографія *Д. Мордовцева*. Изданіе 2-ое. Два тома. 1887. 2) **Степь,** херсонскій беллетристычный сбирнык. Херсонъ. 1886. 3) **Повѣсти и разсказы** *А. Винницкой* (Будзіанкъ). 1887. 4) *Александръ Круловъ.* **Господа земцы.** Провинціальныя картинки. 1887. 5) *Александръ Круловъ.* **Провинціальные корреспонденты.** Повѣсть изъ губернской жизни. 1887. 2

XVIII. Наши внутреннія дѣла 3

Голодъ или бездорожье?—Торговые курьёзы.—Законопроэктъ о подъѣздныхъ путяхъ.—Его хорошія и слабыя стороны.—„Усиленіе власти" и кавказскія неурядицы.—Колонизація черноморскаго побережья.—Явные и тайные поселенцы.—„Ничего не подѣлаешь".—Много дается—много и спрашивается.—„Ученыя блохи" и Тюмень.—Новые подвиги „хорошихъ и честныхъ степенствъ".—Необходимость торговой инспекціи.

XIX. Фонографъ (фельетонъ „**Наблюдателя**"). Стихотворенія: **Ефима Скорпіонова, Балалайкина и Н. Ежова** 5

XX. Объявленія объ изданіи въ 1887-мъ году журналовъ и газетъ: 1) „Самарскій Вѣстникъ Объявленій"; 2) „Волжскій Вѣстникъ"; 3) „Восточное обозрѣніе"; 4) „Русскія Вѣдомости"; 5) „Кавказское Обозрѣніе" . . . . . 1—

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ.

Комисіонная уступка для книжныхъ магазиновъ не распространяется на тѣ изъ нихъ, при которыхъ имѣются кабинеты для чтенія. Эти послѣдніе могутъ пользоваться уступкою только при выпискѣ

ПЕРМСКАГО ОБЛ. ГОРОДНАГО
БИБЛІОТЕКА
СОБРАНІЯ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

№ 1. ЯНВАРЬ.

ПЕРМСКАЯ
Центральная Библиотека
имени Максима Горького
№ 255.937
ц. 2р 25к 19 г

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5.
1887.

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ. СТРЕМЯННАЯ, №12.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1887 ГОДУ (ГОДЪ ШЕСТОЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: *Я. В. Абрамовъ*, *проф. И. Е. Андреевскій*, *Ф. А. Андреевъ*, *И. Д. Ахшарумовъ*, *Н. Ѳ. Бажинъ*, *В. П. Безобразовъ*, *С. А. Бердяевъ*, *П. И. Бларамбергъ*, *П. Д. Боборыкинъ*, *графъ П. Д. Бутурлинъ*, *Максимъ Бѣлинскій*, *П. В. Быковъ*, *В. В.*, *И. Ф. Василевскій*. (Буква), *П. И. Вейнбергъ*, *Вологдинъ*, *Г. А. Мачтетъ*, (*Г**), *д-ръ А. С. Виренiусъ*, *графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ*, *М. Г. Гребенщиковъ*, *проф. В. И. Даневскій*, *И. Н. Денисовъ*, *баронъ А. Г. Жомини*, *Ю. Г. Зависѣцкій*, *проф. А. И. Загоровскій*, *В. Р. Зотовъ*, *проф. А. А. Исаевъ*, *А. В. Круловъ*, *В. А. Крыловъ*, *проф. Ѳ. И. Леонтовичъ*, *П. Лѣтневъ*, *С. В. Максимовъ*, *В. Л. Марковъ*, *Н. Мизантроповъ*, *Н. Минскій*, *В. О. Михневичъ*, *Д. Л. Мордовцевъ*, *П. О. Морозовъ*, *К. В. Назарьева*, *В. И. Немировичъ-Данченко*, *М. В. Неручевъ*, *Ф. Д. Нефѣдовъ*, *В. Н. Никитинъ*, *А. И. Орловъ*, *Л. И. Пальминъ*, *Я. Л. Пакеръ*, *Л. К. Поповъ*, *Я. П. Полонскій*, *Ѳ. Э. Ромеръ*, *проф. В. И. Сергѣевичъ*, *Д. Сибирякъ*, *А. И. Скребицкій*, *А. В. Старчевскій*, *Д. И. Стахѣевъ*, *В. Я. Стоюнинъ*, *Л. Н. Трефолевъ*, *Н. Флеровскій*, *Е. В. Чешихинъ*, *В. В. Чуйко*, и др.

„*Наблюдатель*“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25-ти до 30 печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода.	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	7 р. 50.
Съ перес. въ другія мѣста Имперіи	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи.	8 р.
Съ пересылкою за границу. . .	16 р.	Съ пересылкою за границу. .	9 р.

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе 17 р. с., получаютъ, кромѣ годоваго экземпляра *Наблюдателя*: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**, изд. ред., въ которомъ помѣщены *три* романа: **Баккалавръ**, *Жюля Валлеса*; **Фостэнъ**, *Э. Гонкура*, и **Эгоистъ**, *Вернера*. 2) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Ф. Шпильгагена* и 3) **Сераписъ**, *Г. Эберса*. Всѣ эти романы въ отдѣльной продажѣ стоютъ **4 руб. 50 коп.**

Разсрочка платы допускается: для гг. служащихъ—за поручительствомъ казначеевъ, а для неслужащихъ—по особому соглашенію съ Главною Конторою, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою.	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. [illegible]	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (Поварской переулокъ, [illegible]). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только [illegible] изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

STANFORD UNIVERSITY
STACKS
FEB 20 1956

ПЕРМСКАГО БЛАГОРОДНАГО
БИБЛІОТЕКА
СОБРАНІЯ

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать три семикопѣечныя почтовыя марки за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *1 р. 50 к.*; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской *1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 20 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами*. Рукописи, принятыя *безъ назначенія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по усмотрѣнію редакціи. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 часовъ пополудни, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ:* **20 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

ВЪ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ:

1) **Баккалавръ**, *Жюля Валлеса.*
2) **Фостэнъ**, *Э. Гонкура.*
3) **Эгоистъ**, *Вернера.*

въ одномъ томѣ. 2 р.

4) **Гансъ-Филинъ**, *Ф. Шпильгагена.* Одинъ томъ, 1 р. 50 к.
5) **Утѣха жизни**, *Э. Золя.* Одинъ томъ. 1 р.
6) **Сераписъ**, *Георга Эберса.* Одинъ томъ. 1 р.

На пересылку каждой книги прилагается марками 21 к. Для подписчиковъ всѣ эти книги высылаются за *четыре* руб.

Кромѣ поименованныхъ романовъ, въ конторѣ имѣются на складѣ, въ небольшомъ количествѣ, слѣдующія книги, составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость:

1) Сочиненія *Д. В. Веневитинова.* Изд. 3-е, съ біографіей и портретомъ автора. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.
2) *Князь В. Ѳ. Одоевскій.* Литературно-біографическій очеркъ, съ портретомъ. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

СЕМЬЯ БОГАТЫРЕЙ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. Въ петербургскомъ ресторанѣ.

Сергѣй Николаевичъ Анисимовъ все плотнѣе старался закутаться въ шинель, пряча лицо въ бобровый воротникъ. Лошаденка, какъ нарочно, попалась скверная. Она едва плелась и только вздыхала съ натугой и хрипло, когда чувствовала ударъ кнута на своихъ впалыхъ бокахъ; пробовала подскакивать, мотая головою и хвостомъ, но изъ этого ничего не выходило, только больше летѣло во всѣ стороны грязи изъ-подъ копытъ. Другой лошади не нашелъ Анисимовъ на Васильевскомъ островѣ, въ одной изъ далекихъ линій котораго онъ обѣдалъ у стараго пріятеля и засидѣлся до поздняго часа. Въ туманѣ снѣгъ падалъ пухлыми и рыхлыми хлопьями. Огни фонарей казались большими желтыми пятнами. Порою слышался скрыпъ полозьевъ объ обнажившіеся камни мостовой.

— Да не бей ты коня, ради Христа! Вѣдь лучше не будетъ! досадливо крикнулъ онъ извощику.

— Ужь извѣстно, обернулся тотъ:—какъ тутъ лучше! Ноне, баринъ, сѣно-то осемь гривенъ пудъ. Объ овсѣ и не спрашивай. Какъ ее прокормишь, родимую? И народъ противъ прежняго сталъ куда разсчетливѣе. Каждый за свою копѣйку зубами держится. Примѣрно, юнкаря были: спросишь полтинникъ, ни Боже мой, чтобы торговаться! Сядетъ благородно—лети! А теперича все пѣшкомъ. Тоже и сквозныхъ воротъ попадѣлали на наше горе. Иной сѣдокъ въ бобрахъ—а потомъ ищи его.

Но Сергѣй Николаевичъ уже не слушалъ. Мысли его были позади, въ маленькой, только что оставленной имъ, квартирѣ. Хорошенькое *личико хозяйки* улыбалось ему съ ямочками на ру-

ныхъ щечкахъ, съ лукавыми и яркими глазками и вздернутымъ носикомъ. „Да, думалъ онъ про себя:—эта барыня совсѣмъ къ ногтю прижала бѣднаго Порожнева. Давно ли, кажется, ключемъ кипѣлъ человѣкъ, жизнь не удовлетворяла, тянуло куда-то далеко-далеко. Во всякую опасность головой лѣзъ—боевая натура была. И задачами какими задавался—одна труднѣе другой. Всего пять лѣтъ назадъ, какъ въ Ходжелійскомъ кишлакѣ жили мы съ нимъ. Вскочитъ, бывало, съ кровати и зашагаетъ. Тутъ и путешествіе черезъ весь Китай, и освобожденіе Индіи отъ англичанъ, и внутри Африки онъ уже распоряжается, какъ въ своей мазанкѣ глиняной. Думалъ я, изъ него нивѣсть какой витязь выдетъ, а онъ надѣлъ хомутъ и успокоился. Двое щенковъ у него пищатъ въ дѣтской, да по секрету съ радостнымъ видомъ сообщилъ мнѣ, что и третьяго въ виду имѣетъ. Щеки точно припухли, лицо какое-то лакированное, да и животъ майорскій совсѣмъ. Скажетъ что нибудь и сейчасъ на жену взглянетъ: такъ ли, дескать? И она его тоже безъ церемоніи обрываетъ—видимое дѣло, начальство. Вотъ тебѣ и Индія съ Китаемъ. Нѣтъ, другъ мой, теперь тебѣ не то что въ Африку, но изъ одиннадцатой линіи Васильевскаго острова въ двѣнадцатую не подняться разомъ. Еще одинъ орелъ въ курятникѣ. А вѣдь дѣйствительно орелъ былъ настоящій: въ Чекментѣ раньше меня вскочилъ на стѣну, изъ-подъ самаго носа георгіевскій крестъ выхватилъ. А въ Хаджибаѣ одинъ ворвался въ ворота города, занятаго бритоголовою сволочью. Еслибы не выручили уральцы, не глядѣлъ бы теперь въ глазенки своей Машѣ..... Э, чортъ, да неужели всѣ мы такъ кончимъ? Семья, дѣти, мурья своя противная, жизнь по расписанію.... Обѣдъ во-время, халатъ и туфли—и конецъ всему. Ну, нѣтъ, на это меня не поддѣнешь. Отъ любви этой прочь, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!“

И передъ нимъ, словно въ туманѣ, блеснули грустные глаза, такъ ласково свѣтившіе ему когда-то. Казалось, къ нему наклонилась бѣлокурая головка, почудилось даже ея дыханіе. Анисимовъ приподнялъ было лицо изъ воротника, но мокрые хлопья снѣга тотчасъ же засыпали его.

— *Эта* была опасна, да умереть догадалась. И хорошо! убѣждалъ онъ себя, хотя сердце защемило и заболѣло.—Съ ума я сходилъ тогда—а все къ лучшему вышло. Тотъ же хомутъ былъ бы, что у Порожнева, либо вѣчныя драматическія представленія. Теперь весь міръ открытъ—все мое!

— Да скоро ли ты наконецъ доѣдешь! крикнулъ онъ, выйдя изъ себя, и извощикъ тотчасъ же заторопился и задергалъ возжами.—*Будетъ—подъѣзжай* хоть сюда, указалъ онъ на ярко освѣ-

щенный подъѣздъ моднаго ресторана.—„Тутъ навѣрное есть кто нибудь изъ нашихъ. Одному теперь несносно дома“, соображалъ онъ, расплачиваясь и идя по мокрымъ ступенямъ.

— Баратынскій или Ладиславлевъ здѣсь?

— Недавно пожаловали. На верху-съ, ваше превосходительство! торопливо закончилъ швейцаръ, замѣтивъ генеральскіе погоны, когда Анисимовъ ему на руки сбросилъ свою шинель.

— Они одни?

— Никакъ нѣтъ-съ, цѣлою компаніей и съ дамами.

Сергѣй Николаевичъ поморщился и остановился: идти ли ему, или вернуться домой?

— Какія дамы? брезгливо спросилъ онъ.

— Актрисы. Одна даже-съ изъ цыганскихъ пѣсенъ, авторитетно подтвердилъ швейцаръ не безъ нѣкоторой гордости.

— Какія это еще пѣсни?

— Которыя въ лицахъ... Лѣтомъ-съ повсемѣстно. Помилуйте, ваше превосходительство, во всѣхъ газетахъ даже. Графъ приказали непремѣнно кабинетъ съ роялью.

— Дай-ка мнѣ шинель, братецъ! рѣшилъ было Анисимовъ; но въ эту минуту, какъ нарочно, на верху, на площадкѣ лѣстницы, показался молодой еще полковникъ съ вензелемъ на погонахъ.

— Анисимовъ—а я посылалъ къ тебѣ. Куда ты это? Пожалуйста, къ намъ. Свои собрались—Бухгольцъ сегодня камергерскій ключъ вспрыскиваетъ.—И онъ торопливо бѣжалъ внизъ.—Ей-ей, не пущу—это ужь какъ ты хочешь. Да они со мною и не знаю, что̀ сдѣлаютъ, если ты уѣдешь.

— Вѣдь у васъ тамъ опять безобразіе будетъ, дамы эти—и зачѣмъ ихъ только за собой таскаете, чортъ знаетъ!

— Ну, не ворчи. Началъ проповѣдь. Напротивъ, всѣ онѣ приличныя. Одна артистка—въ садахъ, правда, поетъ, но она за прокуроромъ была замужемъ, а другая—да вотъ увидишь самъ. Послушай-ка, какъ она „ночи безумныя—ночи безсонныя“...толстый Бухмановъ иначе, какъ на колѣняхъ, и не слушаетъ. Ну, полно хмуриться, пойдемъ.

Анисимовъ опять отдалъ шинель швейцару и поднялся на верхъ. Мимо летѣлъ со всѣхъ ногъ татаринъ съ судками и бутылками. Гдѣ-то слышался звонъ разбитой посуды, изъ одного кабинета вырвались звуки клавишей и пронзительный голосъ, спьяна напѣвавшій: „Веревьюшки-вьюшки-вьюшки—изъ сафьяна башмачки“. На встрѣчу попалась какая-то дама, старательно кутавшая лицо въ двойной вуали, и необыкновенно самодовольный юноша за нею изъ купеческихъ подсосковъ, судя по упитанному

виду и лѣнивымъ движеніямъ. Изъ одной двери послышался топотъ, точно тамъ гоняли цѣлое стадо скота.

— Терпѣть этихъ кабаковъ не могу! морщился Сергѣй Николаевичъ.

— Тамъ умора. Чиновники пляшутъ безъ музыки... Во фракахъ! Я одного за лакея принялъ, но онъ мнѣ сейчасъ же резонно объяснилъ, что состоитъ въ званіи надворнаго совѣтника и кавалера. Анну на шеѣ показалъ. Вотъ и наши.

Анисимова точно оглушило.

— А, Сергѣй Николаевичъ!

— Генералъ!

— Вотъ неожиданно-то!

Къ нему тянулись со всѣхъ сторонъ, обступили его и тормошили.

— Я и не зналъ, что вы въ Петербургѣ, радовался толстый баринъ съ круглой головой, на которой сидѣли совсѣмъ по рачьи выпученные глаза.

— Радъ васъ видѣть, Бухмановъ.

— А я-то!—И онъ попытался заключить Анисимова въ свои широкія объятія...—Въ Ташкентъ онъ сосланъ былъ—вернулся генераломъ!.. И нисколько не постарѣлъ. Такой же точно, только выраженіе лица, соотвѣтственное чину и званію бригаднаго. Ну, бѣда нашимъ дамамъ. Когда вы пріѣхали?

— Третьяго дня.

— Не представлялись?

Сергѣй Николаевичъ нахмурился. Тѣнь пробѣжала по его лицу.

— Нѣтъ еще. Приказано послѣ завтра.

— Чего ты это? спросилъ его флигель-адъютантъ.

— Да знаешь самъ, досадливо проговорилъ онъ, пожимая плечами.—Хорошаго вѣдь ничего не жду. Здѣсь не мѣсто разсказывать. На меня гроза идетъ.—И онъ понизилъ голосъ:—За то, что я имъ цѣлый край подарилъ, да на девять милліоновъ экономіи сдѣлалъ. Все ваши фазаны мутятъ. Прислали ихъ ко мнѣ за георгіевскими крестами,—ну, да ты меня вѣдь знаешь. Даромъ не дамъ —а благородные лбы-то подъ пули подставлять не хочется, и вернулись, какъ говорятъ мои солдаты: „несолоно хлѣбавши“. Съ этого и пошло. Теперь у меня только одни враги. Какъ доложатъ еще. Да мнѣ, впрочемъ, что же. У брата до сорока фабрикъ и заводовъ—найду себѣ дѣло. Въ земствѣ тоже нужны силы.

— Господа! Что вы тамъ шепчетесь? позвалъ ихъ, весь сіявшій радостнымъ оживленіемъ, Бухгольцъ.

— *Баратынскій, ты бы* его представилъ дамамъ.

Только теперь Анисимовъ обратилъ вниманіе на окружающее.

Довольно просторный кабинетъ былъ залитъ яркимъ свѣтомъ газа и горѣвшихъ въ канделябрахъ свѣчей. На большомъ кругломъ столѣ сверкалъ хрусталь бокаловъ, крюшоновъ и графиновъ, серебро набитыхъ льдомъ посудинъ для шампанскаго, блестѣлъ фарфоръ дорогихъ сервизовъ, очевидно, поданныхъ „по особому заказу.“ На обитыхъ темно-малиновою шолковою матеріею стѣнахъ сіяли яркія рамы, изъ которыхъ въ одно и то же время и наивно, и безстыже на всю эту кабацкую роскошь смотрѣли нимфы Нефа, русалки Маковскаго, воспроизведенныя спеціально для такихъ заведеній олеографіей. Бронза канделябръ горѣла, какъ золото. Газъ шипѣлъ и вздрагивалъ, нагрѣвая комнату и придавая какое-то возбужденное выраженіе лицамъ сидѣвшихъ здѣсь „гостей“. Онъ отражался и на погонахъ, и на брилліантахъ серегъ и брошекъ, и на золотистомъ атласѣ какой-то брюнетки, къ которой Баратынскій тотчасъ-же подвелъ Анисимова. Та встрѣтила его ласково-вызывающимъ взглядомъ, которому не доставало только одной черточки, чтобы стать наглымъ. Она была замѣчательно хороша собою. Черныя косы ея, небрежно свитыя позади, поддерживались большою булавкою въ видѣ золотой шпаги, вся рукоять которой была осыпана крупными рубинами. Такіе же рубины горѣли и въ ея тонкихъ, прозрачныхъ ушахъ, точно алыя капли только что проступившей крови. Изъ-подъ изящныхъ черныхъ бровей, казалось, не смущаясь, на все смотрѣли большіе черные глаза, то холодно и остро, то млѣя нѣгой, то какъ-то тускло и глубоко, точно въ эти мгновенія взглядъ ихъ уходилъ впередъ, ничего не видя передъ собою. Тонкій носикъ красавицы съ едва замѣтно шевелившимися нервными ноздрями надъ смѣлымъ и нѣсколько крупнымъ ртомъ, благодаря которому можно было видѣть сіяющіе своею бѣлизною зубы, казалось, былъ изваянъ мастерскимъ рѣзцомъ вдохновеннаго художника; на подбородкѣ—крупная родинка не безобразила этого лица, напротивъ придавала ему особенную, заманчивую оригинальность. Глядя на нее, невольно всматривались и въ удивительный овалъ лица съ низко завившимися у висковъ, какъ у андалузянокъ, волосками, и на эту прекрасную шею, такъ стройно сидѣвшую на высокой античной груди. Ни брошекъ, ни брилліантовыхъ пряжекъ, горѣвшихъ на другихъ дамахъ, не было на ней. Желтое атласное, дерзко вырѣзанное платье двумя тонкими проймами огибало полныя и круглыя плечи, точно оттѣняя на ихъ чудной бѣлизнѣ легкій румянецъ, вызванный теплотою кабинета. Рядомъ—было брошено бѣлое атласное, отдѣланное лебяжьимъ пухомъ, sortie-de-bal на *голубой атласной же* подкладкѣ. Платье было скроено про-

сто. Оно только придавало цвѣтъ этому безукоризненно сложенному тѣлу, ничего не отнимая у его дивныхъ линій и не придавая ему свѣта. Какъ ни былъ скверно настроенъ Анисимовъ, но красота этой женщины и на него подѣйствовала, что̀ не прошло незамѣченнымъ. По крайней мѣрѣ, у нея на мгновеніе сверкнули глаза и тотчасъ же потухли. Она даже отвернулась, точно показывая, что, послѣ произведеннаго ею впечатлѣнія, Анисимовъ потерялъ для нея всякій интересъ. Онъ это увидѣлъ, понялъ и зло закусилъ губу.

— Софья Васильевна! позвольте вамъ представить...

Она говорила съ сосѣдомъ, притворяясь, что не слышитъ. Только ноздри ходили, да уши раскраснѣлись у нея.

— Софья Васильевна!.. громко произнесъ Баратынскій: —Анисимовъ... покоритель сердецъ и народовъ...

— А, очень рада.—И она смѣрила Сергѣя Николаевича такимъ взглядомъ, который ясно обозначалъ:—„ну, меня-то ты не покоришь.“

Анисимовъ такъ это и понялъ, и еще пуще нахмурился.

— Софья Васильевна Нѣжина, наша несравненная... продолжалъ полковникъ.

— Изъ „Цыганскихъ пѣсенъ“? спокойно переспросилъ Анисимовъ.

— Что? точно подъ ударомъ хлыста, обернулась къ нему красавица.

— Это внизу... еще спокойнѣе улыбался Анисимовъ:—швейцаръ мнѣ рекомендовалъ, что здѣсь дамы не простыя, а изъ „Цыганскихъ пѣсенъ“.

Нѣжина въ упоръ подняла на него взглядъ, загорѣвшійся и негодованіемъ, и вызовомъ, но—увы!—ей пришлось опустить его передъ холоднымъ блескомъ этихъ стальныхъ глазъ, смотрѣвшихъ на нее не то съ любопытствомъ, не то съ пренебреженіемъ. Она даже до того растерялась, бѣдная, что поднялась, пересѣла на кресло рядомъ и уже робко проговорила:

— Садитесь сюда, ко мнѣ.

Онъ сѣлъ.

— Вы такой странный... Непохожій...

— На нихъ? обвелъ онъ глазами пріятелей.

— Да! И она пристально начала разсматривать это, очевидно, подъ вліяніемъ раздраженія и южнаго солнца потемнѣвшее лицо съ рѣзкими чертами, выражавшими какое-то презрѣніе ко всему *или равнодушіе*, трудно было понять, и—въ то же время—*рѣшительность и самоувѣренность*.

— Немудрено, я „не здѣшній“, какъ говорятъ у насъ. Я только что пріѣхалъ.

— Да! И, повидимому, скучаете.

— А развѣ есть чему веселиться? Мало интереснаго.

— Неужели мало!—И она кокетливо обдала его многообѣщающимъ и покорнымъ взглядомъ.

„Ручная стала“, подумалъ Анисимовъ.

— Неужели такъ-таки ничего у насъ, въ Петербургѣ?... еще разъ переспросила она.

— Нѣтъ, какъ не быть интересному, только, разумѣется, не здѣсь, въ этихъ кабинетахъ,—безъ всякаго намѣренія подчеркнулъ онъ.—Это все старое, давно извѣстное, отъ чего я когда-то въ глушь ушелъ.

И онъ тотчасъ же вспыхнулъ и замолчалъ. Ему досадно стало, что онъ такъ некстати разоткровенничался съ этою дамой „изъ Цыганскихъ пѣсенъ“.

— Однако вы нелюбезны, заискивающимъ тономъ проговорила она.—Хорошо, что другіе на васъ непохожи, а то...

— Пришлось бы порядочною женщиной сдѣлаться? Не трудитесь—не совѣтую. Тѣ еще скучнѣе и хуже.

— Послушайте? Что вы такое?.. даже вспыхнула она.—Вы говорите дерзости, за которыя ударить мало. А на васъ нѣтъ силы разозлиться.

— Напрасно не ударите. Мнѣ кажется, я бы способенъ былъ даже полюбить женщину, которая меня ударила бы. Вотъ ныть да киснуть—на это вы всѣ большія мастерицы.

— Дождетесь! тихо и зло уже проговорила та.—И бить васъ, генералъ, будутъ.

— Попробуйте.

— Что за глупости!

И, недовольная больше собою, чѣмъ своимъ собесѣдникомъ, она встала и перешла на другой конецъ кабинета, откуда на нее давно уже ревниво глядѣлъ Бухмановъ. Анисимовъ спокойно скользнулъ взглядомъ по ея красивымъ, словно точенымъ рукамъ и тонкому стану, и пожалъ плечами.

„Стоило вымѣщать свое раздраженіе на этой!“ думалъ онъ.

И ему стало еще скучнѣе. Онъ обернулся къ сосѣду справа и спросилъ его:

— Кто это сидитъ въ углу съ Ладиславлевымъ?

— Это... Женичка.

Анисимовъ усмѣхнулся.

— *Женичка? Въ одномъ* имени все соціальное положеніе?

вами, барами, и повеличаться хочется.—И она засмѣялась.—Я ужь это потомъ сама себя образовала.

— Образовали?

Она почувствовала иронію въ его тонѣ и весьма серьезно подтвердила:

— Да, образовала... училась, читала, путешествовала.

— По ярмаркамъ?

— Нѣтъ, за границей. Въ Италіи, въ Испаніи была. А въ Парижѣ я думаю—какъ у себя дома.

— Еще бы. Я увѣренъ, что вы тамъ довольно основательную школу прошли.

— Опять.—Она ударила его вѣеромъ.—Германію не люблю: тамъ мнѣ скучно.

— Вы точно на экзаменѣ мнѣ отвѣчаете, мало интересуясь даже, насколько все это меня занимаетъ.

— А что-жъ васъ занять можетъ? покраснѣла Нѣжина.—Знаете, у меня является серьезное желаніе доставить вамъ удовольствіе и побить васъ, право.

— Это все таки лучше. Что бы то ни было—а ощущеніе. Хотите со мной на брудершафтъ выпить? сказалъ онъ ни съ того, ни съ сего, точно что-то ударило ему въ голову.

— Хочу.

— А что вамъ Бухмановъ скажетъ?

— Мнѣ какое дѣло!

— А вѣдь онъ при васъ въ качествѣ безсмѣннаго обожателя состоитъ, а, можетъ быть, и... покровителя?

— Онъ!—И ея ноздри дрогнули, и краска все лицо залила ей. —Такихъ обожателей у меня тысячи вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, а покровитель себѣ—я сама. И никто, слышите, никто другой. Хочу—люблю, хочу—нѣтъ, и кого хочу, того и люблю, не спрашиваясь. Цѣпей не надѣваю. Я ихъ предоставляю „порядочнымъ“ женщинамъ, къ коимъ вы меня не изволили причислить... Поняли? А сама не надѣну ни для кого!

И она, опустивъ голову, задумалась.

Анисимовъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на нее. Она замѣтила его взглядъ и обернулась.

— Да!.. Вы это помните?

И она запѣла вполголоса:

L'amour est enfant de Bohème.
Il n'a jamais, jamais connu de loi.
Si tu ne m'aime pas—je t'aime,
Mais si je t'aime—prends garde à toi!

Софья Васильевна закончила послѣднюю фразу, точно подъ напоромъ внезапно нахлынувшаго увлеченія, громко и съ такою страстью, что Анисимову и самому стало жарко и душно въ одно и то же время.

Всѣ обернулись къ нимъ.

— Что такое? подошелъ Бухмановъ, давно уже не спускавшій съ нихъ взгляда.

— Ничего. Мы хотимъ выпить на „ты“, серьезно отвѣтила Нѣжина.

— Съ кѣмъ?

— Съ генераломъ.

— Ого!.. Такъ скоро! послышалось отовсюду...—Браво, браво.

— A bravo Figaro, bravo, bravissimo! запѣлъ Бухгольцъ.

— Послушайте, заговорилъ Бухмановъ, обращаясь къ Сергѣю Николаевичу;—и зачѣмъ только васъ щадили всѣ эти бухарскія, хивинскія, коканскія и еще какія—такія тамъ есть пули? Знаете, гдѣ нибудь тамъ, въ Ташкентахъ, Чекментахъ, Ходжентахъ и т. д. Нужно очень... Нечего сказать. Въ Туркестанѣ крѣпости отвоевывалъ, а здѣсь—женщинъ.

Анисимовъ, хмурый видъ котораго сначала расхолаживалъ всѣхъ, теперь присосѣдился къ пившимъ и совсѣмъ разошелся. Онъ болталъ и смѣялся безъ удержу, изрѣдка перебрасываясь съ Софьей Васильевной словами, повидимому, ничего не значущими, но отъ которыхъ оба они то краснѣли, то блѣднѣли. Веселый вечеръ мало по малу сталъ обращаться въ оргію. Фанни, сначала было напѣвавшая очень чувствительный романсъ о птичкѣ, одиноко умиравшей въ оставленномъ гнѣздѣ, вдругъ, точно ее подняло что-то, вскочила, повернулась къ роялю и, взявъ акордъ, крикнула:

— Il fait froid!.. il faudrait jetter du bois dans le poile! En avant, la vieille garde!..

И, точно разогрѣвая общество, съ своеобразнымъ шикомъ рыночной торговки, запѣла:

Je me nomme Po-Paul,
Je demeure à l'entresol.
Aussi je me pousse du col...

— Браво, браво, Фанни, кричали ей. —Нѣтъ, господа, какъ хотите, что значитъ француженка, а? Въ эти лѣта—а она живѣе насъ всѣхъ.

Самъ именинникъ Бухгольцъ, забывъ свой ключъ, показалъ, какъ у „нихъ“ въ Парижѣ канканировали когда-то, въ счастливыя времена второй *имперіи*, на что недавно бесѣдовавшій съ Анисимовымъ

вами, барами, и повеличаться хочется.—И она засмѣялась.—Я ужь это потомъ сама себя образовала.

— Образовали?

Она почувствовала иронію въ его тонѣ и весьма серьезно подтвердила:

— Да, образовала... училась, читала, путешествовала.

— По ярмаркамъ?

— Нѣтъ, за границей. Въ Италіи, въ Испаніи была. А въ Парижѣ я думаю—какъ у себя дома.

— Еще бы. Я увѣренъ, что вы тамъ довольно основательную школу прошли.

— Опять.—Она ударила его вѣеромъ.—Германію не люблю: тамъ мнѣ скучно.

— Вы точно на экзаменѣ мнѣ отвѣчаете, мало интересуясь даже, насколько все это меня занимаетъ.

— А что-жъ васъ занять можетъ? покраснѣла Нѣжина.—Знаете, у меня является серьезное желаніе доставить вамъ удовольствіе и побить васъ, право.

— Это все таки лучше. Что бы то ни было—а ощущеніе. Хотите со мной на брудершафтъ выпить? сказалъ онъ ни съ того, ни съ сего, точно что-то ударило ему въ голову.

— Хочу.

— А что вамъ Бухмановъ скажетъ?

— Мнѣ какое дѣло!

— А вѣдь онъ при васъ въ качествѣ безсмѣннаго обожателя состоитъ, а, можетъ быть, и... покровителя?

— Онъ!—И ея ноздри дрогнули, и краска все лицо залила ей. —Такихъ обожателей у меня тысячи вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, а покровитель себѣ—я сама. И никто, слышите, никто другой. Хочу—люблю, хочу—нѣтъ, и кого хочу, того и люблю, не спрашиваясь. Цѣпей не надѣваю. Я ихъ предоставляю „порядочнымъ“ женщинамъ, къ коимъ вы меня не изволили причислить... Поняли? А сама не надѣну ни для кого!

И она, опустивъ голову, задумалась.

Анисимовъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на нее. Она замѣтила его взглядъ и обернулась.

— Да!.. Вы это помните?

И она запѣла вполголоса:

L'amour est enfant de Bohème.
Il n'a jamais, jamais connu de loi.
Si tu ne m'aime pas—je t'aime,
Mais si je t'aime—prends garde à toi!

III. У дамы «изъ Цыганскихъ пѣсенъ».

Въ гостиной у Софьи Васильевны въ матовыхъ шарахъ горѣли лампы, и весело трещали дрова въ каминѣ, обшитомъ мраморомъ, по которому золоченою насѣчкой шла арабская вязь. Надъ каминомъ громадное зеркало все было отдѣлано тонкимъ венеціанскимъ хрусталемъ и мозаиками Сальвіати.

— Я сейчасъ, извинилась хозяйка и, сбросивъ на коверъ шубу и на софу sortie-de-bal, повернула фитиль большой лампы, чтобы лучше освѣтить комнату.

— Будьте, какъ дома! улыбнулся ей Анисимовъ.

— Чаю хотите? спросила она.—Ужинать, пить? Вы меня нисколько не стѣсните, я сама привыкла. И, притомъ, все есть.

— Чаю, если можно.

— Еще бы. Да онъ и готовъ, вѣрно, у моей примадонны.

— У кого?

— Я такъ называю свою горничную... засмѣялась Софья Васильевна.—Черезъ полчаса я васъ позову, а до тѣхъ поръ будьте терпѣливы.

— А если я засну здѣсь?

— Васъ разбудятъ. Теперь же — a rivederci, carissimo signore!

И, сдѣлавъ церемонный реверансъ, она прошла въ другія двери, за которыми показалась молодая и красивая горничная.

— Совсѣмъ Капуя! И Сергѣй Николаевичъ, давно уже отвыкшій отъ петербургскаго холода и сырости, придвинулъ большое и глубокое кресло къ камину и, сѣвъ, началъ съ удовольствіемъ отогрѣваться, глядя въ огонь и не обращая ни малѣйшаго вниманія на самую гостинную. Она, тѣмъ не менѣе, отвѣчала вполнѣ оригинальной и изящной красотѣ хозяйки. Будуаръ и салонъ должны быть рамкою для красавицы, живущей въ нихъ. Все, что было собрано здѣсь, такъ отличалось отъ общеустановленной формы! Чѣмъ-то фантастическимъ казался этотъ уголокъ. Стѣны были задрапированы яркими персидскими и анатолійскими коврами, тогда какъ полъ весь покрытъ отлично выдѣланнымъ и ровнымъ медвѣжьимъ мѣхомъ. Дверей не видно было подъ занавѣсями изъ бѣлаго плотнаго шолка, шитаго арабесками и цвѣтами въ Константинополѣ и Брусѣ. Только въ той, чрезъ которую вошелъ Анисимовъ— эти волны бѣлой и нѣжной матеріи были перехвачены шалями. У стѣнъ стояли софы, покрытыя бѣлымъ и тонкимъ войлокомъ—тоже отдѣланнымъ золотыми и серебряными узорами, надъ которыми трудились, повидимому, искусныя

мовымъ о мурильевскихъ типахъ молодой человѣкъ, состоявшій, какъ оказалось, при какомъ-то посольствѣ на востокѣ, отвѣтилъ бѣшеною пляской каирскихъ негровъ, а потомъ, ни съ того, ни съ сего, взялъ чью-то женскую накидку и протанцовалъ „халео", именно такой, какимъ онъ его „изучалъ", по его словамъ, въ кафе Сильверіо—одномъ изъ самыхъ грязныхъ кабаковъ Севильи. Все это до сихъ поръ было еще сносно.

— Баратынскій, крикнулъ Бухмановъ:—попроси Женичку.

— Женичка, спойте...

— Пожалуй, ну, что вамъ!

Мурильевская мадонна—этотъ оригиналъ „la Concepcion purissima"—поющій въ петербургскомъ вертепѣ!

Анисимову стало даже страшно. Онъ опять нахмурился. Артистка, все съ тѣмъ же святымъ видомъ своего дѣтски-невиннаго и ангельски-чистаго лица, сдвигала темныя бровки и, блаженно улыбаясь, начала приподымать юбки...

Смотрите здѣсь... смотрите тамъ...
Нравится-ль все это вамъ...

Публика смотрѣла и хвалила—очевидно, ей нравилось!

Сергѣй Николаевичъ всталъ, молча; мелькомъ пожалъ руку Баратынскому и, кинувъ Нѣжиной:

— Пора, я тебя жду у подъѣзда—быстро вышелъ вонъ.

Теперь ему хотѣлось поскорѣе на воздухъ, хоть на эту [illegible] мглу петербургскую сырость. Онъ приказалъ швейцару [illegible] ему карету, а самъ, не запахивая шинели, стоялъ на мокрых ступеняхъ, подставляя разгорѣвшееся лицо влажнымъ хлопь однообразнаго, не переставшаго медленно падать, снѣга. А мовъ жадно вдыхалъ эту, окутавшую все кругомъ, мглу, пока издали не показались два желтыхъ пятна отъ фонарей кареты, и она не подкатила къ подъѣзду.

— Готово, ваше превосходительство! вытянулся швейцаръ.

— Хорошо, пусть подождетъ.

Но ждать пришлось недолго. Вся закутанная въ ангорскій мѣхъ, въ бѣлыхъ волнахъ котораго ея смуглая головка казалась еще красивѣе, въ дверяхъ показалась Нѣжина.—Еслибы ты зналъ, какъ трудно было отдѣлаться! проговорила она.—Едва отбилась!

— Не стоило изъ-за этого хлопотать! Могла бы оставаться.

— Ну! Пожалуйста, теперь не хмуриться, злюка!—И она вскочила въ карету, куда за нею послѣдовалъ и Анисимовъ.

— Безъ дерзости нельзя! засмѣялась Нѣжина.

— Вотъ вы говорите, что вы сами себя образовали. Это и видно; собрали вы кругомъ столько чудесъ, что ослѣпнуть можно. Хотя все, разумѣется, здѣсь для показа, на впечатлѣніе бьетъ! Расположили все это удивительно. Бездна вкуса, изящества и красоты. И, притомъ, все гармонично, да вдругъ, среди всѣхъ этихъ чудесъ, взяли да и поставили вотъ этого карапуза.

— Что такое? подняла она брови.

— Поставецъ вашъ „мозолитъ“ глаза. Извините за выраженіе, оно стоитъ предмета.

— Что же мнѣ дѣлать со всѣми этими прелестными мелочами?

— Разбросайте ихъ по столамъ, унесите въ другія комнаты. А то бы вы еще комодъ сюда приказали помѣстить, потому что у васъ въ немъ бѣлье ужь очень тонкое!.. На все нужно чувство мѣры.

Но тутъ Анисимовъ взглянулъ на хозяйку, и въ немъ улеглось разомъ все раздраженіе, по временемъ еще вспыхивавшее.

Она была, дѣйствительно, лучшимъ изъ всѣхъ дивъ, скученныхъ кругомъ.

— Ну!... только и могъ проговорить онъ.

— Что вы?

— Вы бы самого Антонія, одолѣвшаго соблазны въ пустынѣ,— прямо въ геенну огненную за уши притащили. Дьяволъ тогда, должно быть, еще не былъ вполнѣ изобрѣтателенъ и не придумалъ васъ. Это уже потомъ пришло.

— А такъ какъ вы не святой Антоній, то и соблазнять васъ не стоитъ труда.

— Я вѣдь еще не положилъ оружія.

— Да, но уже готовы сдаться на капитуляцію.

— Смотря!...

Она была окутана пеньюаромъ, изъ чрезвычайно тонкаго шолка crême, падавшимъ внизъ широкими и красивыми складками. Ни пояса, ни корсета. Тѣлу было свободно. И, при каждомъ движеніи, формы ея обрисовывались такъ, что Сергѣй Николаевичъ уже не могъ оторвать глазъ отъ нея. Сквозь разрѣзы видны были ея чудесныя руки. Изъ-подъ бѣлой оборки—выглядывали голубыя туфли маленькихъ ножекъ. Лицо ея, оживленное и сознаніемъ своей побѣды, и обстановкою, видимо, очень любимой ею и шедшей къ ней, какъ рамка къ портрету,—что она, разумѣется, знала,— все загоралось огнемъ какихъ-то неодолимыхъ порывовъ и неудовлетворенныхъ желаній.

руки чернокожихъ рабынь и сиріянокъ; пестрыя и изящныя подушки были разбросаны по нимъ—то круглыя, то длинныя и цилиндрическія, то четыреугольныя, но всѣ одинаково-красиво расшитыя шелками, съ тяжелыми кистями и серебряными прошивами. Въ разныхъ мѣстахъ гостинной стояли столики, то легкіе, крошечные изъ благовоннаго дерева, которые на европейскіе рынки доставляются изъ Каира или Александріи, то мраморные съ мозаикой флорентійской работы. и только большой и тяжелый поставецъ въ одномъ углу казался зашедшимъ сюда невѣдомо зачѣмъ иностранцемъ. Онъ весь былъ загроможденъ фарфоромъ, золотыми и серебряными бездѣлушками, вѣерами, изящными черепаховыми бомбоньерками съ платиновыми иниціалами, эмальированными ларчиками, фигурами изъ слоновой кости, очевидно, привезенными кѣмъ нибудь изъ Бомбея, японскими и китайскими уродами. Одна изъ сторонъ поставца была замаскирована широкимъ разливомъ китайской плотной джесмы въ шолковыхъ цвѣтахъ и такихъ же бабочкахъ. Еслибы Анисимовъ посмотрѣлъ поближе, онъ бы увидѣлъ, что здѣсь не было ни одного вѣера купленнаго. Всѣ они подносились хозяйкѣ въ разное время художниками, покрывшими ихъ изящными и капризными рисунками. Громадный вѣеръ былъ раскинутъ на стѣнѣ надъ большой софой, и на немъ въ двѣнадцати видахъ оказывалась изображенною сама хозяйка—то въ яркихъ костюмахъ далекаго востока, то полуодѣтая, а въ серединѣ—только окутанная утренними тонами легкой мглы, позволявшей угадывать то, чего глазу не удалось разсмотрѣть вполнѣ. Когда Сергѣй Николаевичъ отогрѣлся и пришелъ въ себя—онъ равнодушно заходилъ по комнатѣ. Вѣеръ съ портретами хозяйки попался ему на глаза. Онъ остановился у софы и, опираясь на громадную подушку, началъ его равнодушно разсматривать. Въ уголку вѣера онъ разглядѣлъ подпись Ганса Макарта, кисть котораго угадалъ ранѣе.

— Ну, какъ вамъ у меня нравится? послышалось въ дверяхъ радостно и возбужденно. Софья Васильевна, очевидно, ожидала восторженныхъ похвалъ.

— Вы навязываетесь на любезность, отвѣтилъ онъ, не оборачиваясь и, по обыкновенію, рѣзко.

— О, нѣтъ! И, пожалуйста, не злитесь—не забывайте, что у меня, и теперь я васъ могу выгнать, когда захочу.

— Мнѣ ваша гостинная напоминаетъ, если хотите, и скл изъ „Тысячи и одной ночи“, и салонъ моднаго художника, и лав закладчика на Адріанопольскомъ базарѣ Али-паши. Выбира любое.

— Я сама терпѣть не могу „умныхъ“ разговоровъ. Думаю я наединѣ и читаю, когда одна. А теперь—пойдемте.

Чай былъ накрытъ въ крошечномъ свѣтло-розовомъ будуарѣ, отдѣлявшемся отъ алькова, гдѣ стояла кровать Софьи Васильевны, одною легкою драпировкой. На маленькой козеткѣ сѣла хозяйка, не оставивъ мѣста Анисимову.

— Что же вы меня гоните отъ себя? Вѣдь козетка на двухъ, кажется.

— Да, но это въ родѣ купеческаго сговора будетъ. Женихъ и невѣста рядомъ, а передъ ними мармеладъ и орѣхи.

— Тогда я выберу мѣсто по своему вкусу.

— Сдѣлайте одолженіе.

Анисимовъ принесъ изъ гостинной одну изъ длинныхъ подушекъ, бросилъ ее на полъ къ ногамъ Нѣжиной и сѣлъ на нее, охвативъ себѣ колѣни руками.

— Вамъ будетъ неудобно тутъ.

— Это не ваше дѣло!

— Вы мнѣ мѣшаете.

— А это мое дѣло. Давайте сюда ваши ножки.

— Ну, ужь это...

Но она не успѣла окончить. Сергѣй Николаевичъ схватилъ одну изъ ея туфель, вслѣдъ за туфлей и нога оказалась въ его рукахъ. Онъ залюбовался ею. Ажурный чулокъ только придавалъ болѣе блеска этому тѣлу, теплота котораго чувствовалась подъ шолкомъ.

— Я думаю, художники съ ума сходятъ по васъ? Да съ чего это мы вздумали „вы“ говорить другъ другу. Тамъ, при другихъ—„ты“, а тутъ, наединѣ, незамѣтно на „вы“ сошли... Это, впрочемъ, постоянно такъ бываетъ—когда остаются вдвоемъ.

— Ну, послушай... я тебѣ лучше уступлю мѣсто здѣсь, рядомъ... только веди себя хорошо, будь—поприличнѣе.

— Ладно! Это называется быть „паинькой“. Я на эту роль не претендовалъ даже и тогда, когда „умнымъ мальчикомъ“ былъ.

Сергѣй Николаевичъ сѣлъ около нея, но тутъ его дразнили волоса, завивавшіеся у нея на вискахъ и на шеѣ, эти тонкія ноздри, вздрагивавшія и „ходившія“, когда она говорила, эта грудь, колебанія которой онъ чувствовалъ, эта округлость плеча, едва касавшагося его.

Оно и понятно. Анисимовъ давно уже не жилъ въ Петербургѣ. Тамъ, у себя, въ Туркестанѣ, приходилось видѣть много несовсѣмъ опрятныхъ скуластыхъ сартянокъ или офицершъ, а какая же дама—растрепанная *офицерша*, вѣчно въ ситцевомъ капотѣ на-

распашку и бѣлыхъ чулкахъ. Жены интендантскихъ чиновниковъ да ротныхъ командировъ доходили богъ знаетъ до чего. Но онѣ не могли удовлетворить въ Сергѣѣ Николаевичѣ жажду красоты и увлеченія, жившую въ его душѣ. Тутъ же все было иначе. Эта свободная женщина, рѣшительная и смѣлая, только ему разомъ подчинившаяся, дразнившая его всѣми манерами, полными дерзости и изящества, и чертами своего художественно законченнаго лица, и всей своей оригинальною обстановкою, такъ непохожею на то, что онъ видѣлъ до сихъ поръ,—нравилась ему все больше и больше. Онъ, не привыкшій къ искренности, выросшій въ средѣ, гдѣ всякое слово, сказанное отъ сердца, чуть не является преступленіемъ, гдѣ лицо было дано человѣку, чтобы скрывать свои чувства, а языкъ—мысли, гдѣ приличіе, самое обыденное приличіе, требовало вѣчной маски равнодушія ко всему и даже скуки, гдѣ жили по какому-то недоразумѣнію;—онъ, давно привыкшій ко всему этому, чувствовалъ странное желаніе высказаться, быть нѣжнымъ, даже сантиментальнымъ. Требовалось нѣсколько усилій, чтобы не поддаться этому.

— Коньякъ или ромъ?—протянула она къ нему затѣйливые флаконы, расписанные Сеньё по фарфору и заключенные въ серебряную сѣтку.

— Ни того, ни другаго, что за гадость! поморщился онъ.—Вы меня, кажется, за армейскаго гусара принимаете или за майора въ отставкѣ.

— Съ чѣмъ же вы чай пьете? опять засмѣялась она, дразня его своими бѣлыми зубами и красивою игрою лица, то и дѣло загоравшагося румянцемъ.

— Ни съ чѣмъ. Скажите лучше, гдѣ вы достали такой сервизъ? Вѣдь это даже въ Китаѣ рѣдко. Это только при династіи Чунъ дѣлался такой тонкій фарфоръ.

— Мнѣ подарили, зная страсть мою ко всевозможнымъ рѣдкостямъ. Морякъ одинъ, возвратившійся изъ кругосвѣтнаго плаванія...

— Даже противно! не выдержалъ Анисимовъ и прервалъ ее, отодвигаясь.

— Что такое? Что васъ укусило опять.

— Какою цѣною добыто все это! Отъ каждой чашки, кажется...

— Мораль?

— Нѣтъ! Но вѣдь вы, ваша красота... вся зацѣлована. Точно товаръ въ лавкѣ, который всякій покупатель мнетъ и прикидываетъ...

— Не такъ это легко, какъ ты думаешь. Это съ тобою только

такъ быстро пошло... съ другими, если и было, то иначе.—И она покраснѣла.

— А было? гадливо переспросилъ онъ, и ему было въ одно и то же время и жаль ее, и зло его разбирало, и дикая ревность росла.

— Послушай, ты что же это во мнѣ ищешь? Я не могу дать больше того, что у меня есть.

— Фу, какъ я глупъ! опомнился Анисимовъ и всталъ — сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и опять подошелъ къ Софьѣ Васильевнѣ.

— Не смѣю спорить, разъ уже ты сознаёшься въ этомъ. Ты долженъ лучше всего знать себя...

Онъ взялъ ея руку и сталъ цѣловать.

— И духи мои любимые, вскользь замѣтилъ онъ.

— „Аида", я другихъ не знаю.

Дѣйствительно, ихъ раздражающимъ тонкимъ ароматомъ былъ переполненъ воздухъ кругомъ. Отъ него кровь била въ голову, въ вискахъ стучало, и все таки хотѣлось все больше и глубже дышать имъ! На свѣтло-розовомъ фонѣ будуара хозяйка такъ была хороша, что Анисимовъ недолго выдерживалъ спокойствіе. Онъ взялъ ее за руки и притянулъ къ себѣ. Ея горящіе страстью глаза смотрѣли прямо въ его глаза; онъ чувствовалъ жаръ ея щекъ, соблазнительную теплоту ея дыханія. Эти крупныя и алыя полуоткрытыя губы были близки къ его губамъ и, когда онъ коснулся ихъ, онѣ въ первое мгновеніе показались ему и сухи, и горячи. Самъ не зная, что онъ дѣлаетъ, онъ скользнулъ отъ ея рта къ родинкѣ подбородка, оттуда къ шеѣ,—и чуть не задушилъ ея своими поцѣлуями. Она отталкивала его отъ себя, но, видимо, не имѣла силы сдѣлать это рѣшительно. Руки ея, опиравшіяся въ его плечи, слабѣли и, вмѣсто того, чтобы удержать Сергѣя Николаевича, вдругъ обвивали ему шею, и ея чудная головка безсильно склонялась на его плечо...—„Ну, довольно, довольно", смутно слышалось ему, но онъ уже теперь не могъ бы совладать съ собою. Ему послышался трескъ какой-то—нѣсколько пуговицъ ея пеньюара упали на полъ. Онъ разорвалъ его—не зная самъ, что дѣлаетъ, и, увидѣвъ великолѣпныя формы молодой и крѣпкой груди, совсѣмъ потерялъ голову...

— Моя... да... моя?..

— Нѣтъ еще... съ усиліемъ проговорила она. И, приподнявъ голову, посмотрѣла въ зеркало. Развившіеся волосы ея сбились на лобъ, изъ-подъ нихъ горячо сверкали ея восточные глаза. Обнажившееся изъ-подъ разорваннаго пеньюара плечо все заг-

манилось отъ нахлынувшей страсти, его голова приникла къ ея груди и не отрывалась отъ нея... Она употребила послѣднія усилія, и наконецъ ей удалось поднять руку и нажать пуговку электрическаго звонка. Сергѣй Николаевичъ едва успѣлъ отскочить, ничего не понимая, какъ въ дверяхъ показалась горничная.

— Жанета... Подай холодной воды... Генералъ пить хочетъ, только побольше.

— Что это значитъ? спросилъ пораженный Анисимовъ, еще не придя въ себя и весь дрожа отъ волненія.

— Ничего... довольно, Сергѣй Николаевичъ, шутитъ. Будетъ. Какъ все это старо и пошло; довольно!

— Что довольно?

Комната, казалось, кружилась предъ его глазами. Онъ едва удерживался на ногахъ и задыхался.

— Что, что довольно?

Нѣжина звонко расхохоталась. Она уже смѣло владѣла собою и, когда горничная, съ графиномъ и стаканомъ на серебряномъ подносѣ, вошла въ будуаръ, — хозяйка привстала и собрала вокругъ себя шолкъ разорваннаго пеньюара, стараясь прикрыть его безпорядокъ новыми складками.

— До свиданія, до свиданія!... Выпейте воды, успокойтесь—и addio...

— Я не понимаю васъ.

Анисимовъ стоялъ передъ нею, весь блѣдный, еще не осиливъ охватывавшаго его ощущенія.

— Нечего понимать... Уѣзжайте, пора... я спать хочу.

— Какъ пора?... Значитъ, все это была игра?

— А вы приняли за настоящее—у дамы изъ „Цыганскихъ пѣсенъ", образовавшейся по ярмаркамъ? Полноте, Сергѣй Николаевичъ, теперь даже мальчики—и тѣ умнѣе. И тѣхъ не обманешь!..

— Что же это... месть?..

— Да, генералъ, месть—месть опереточной пѣвицы лавровѣнчанному герою за неуваженіе къ женщинѣ. Идите — я жду Бухманова, онъ долженъ пріѣхать черезъ десять минутъ — я думаю, вамъ непріятно будетъ встрѣтиться съ нимъ... въ такомъ видѣ... Фу, какой вы смѣшной... я думала, вы особенный, ни на кого непохожій, а у васъ такіе же осоловѣлые глаза и красное лицо... Ну—eccelenza!.. идите же, идите, если хотите сохранить и невинность, и собственное достоинство... Вѣдь вы знаете Бухманова—онъ будетъ радъ завтра разболтать это всѣмъ.—И она *весело* запѣла на мотивъ изъ „Севильскаго цирюльника":

Buona sera, mio signore,—
Presto andate via di qua!
Buona sera, ben di cuore!...

И она съ хохотомъ упала на кушетку, хватаясь рукой за ея сквозную спинку, чтобы не соскользнуть на полъ.

Еслибы Анисимовъ еще помедлилъ въ передней—онъ бы услышалъ, какъ ея хохотъ перешелъ въ рыданія, безумныя и порывистыя, когда грудь готова разорваться отъ тоски и муки, когда зубы впиваются въ тѣло, и не чувствуешь при этомъ ни боли, ни терзаній, когда самая смерть кажется легче... Вернись Анисимовъ въ эту минуту—неизвѣстно, какъ бы сложилось его будущее.

Дѣло въ томъ, что никакого Бухманова она не ждала.

Толстый эпикуреецъ вовсе и не бывалъ у нея. Жанета едва-едва могла приподнять Софью Васильевну и отнести ее въ спальню. Преданная горничная, сама чуть не плача, раздѣла Нѣжину и уложила ее въ постель.

— Стоютъ ли они всѣ этого, чтобы изъ за нихъ мучиться?... утѣшала она барыню.

— Этотъ стóитъ... Одинъ изъ нихъ только и стóитъ! проговорила та сквозь неумолкавшія рыданія...

IV. Въ царствѣ ночи.

Одинъ, лицомъ къ лицу съ темною и сырою ночью, шелъ домой Сергѣй Николаевичъ.

Онъ не былъ оскорбленъ всѣмъ происшедшимъ, нѣтъ! Первыя минуты тоска душила его; красота этой оригинальной женщины дразнила до такой степени, что онъ готовъ былъ опять вернуться назадъ, позабывъ все и всѣхъ, съ увѣренностью опять услышать этотъ презрительный смѣхъ, даже наткнуться на толстаго Бухманова. Онъ едва совладалъ съ собою и рѣшительно пошелъ впередъ. Въ немъ — одновременно росли и страшное увлеченіе, и пренебреженіе, почти гадливость. Онъ самъ не понималъ, какъ всѣ эти чувства могли уживаться рядомъ, но, съ отвращеніемъ вспоминая зацѣлованную другими Софью Васильевну, онъ въ то же время со страннымъ удовольствіемъ мысленно повторялъ себѣ ея слова, имѣвшія цѣлью обидѣть его, отомстить ему. Анисимовъ вообще пренебрегалъ женщинами, побѣда надъ которыми до сихъ поръ давалась ему слишкомъ легко и быстро. Онъ былъ честолюбивъ и смотрѣлъ далеко. Въ его жизни любовь играла роль краткаго антракта, послѣ котораго опять начинается безу-

стная гоньба за сильными ощущеніями, головокружительною карьерой, блестящими задачами, казавшимися тѣмъ увлекательнѣе, чѣмъ онѣ были труднѣе. Ему не приходило въ голову, что еще ни разу въ жизни онъ не былъ по настоящему счастливъ. Ни одной такой минуты ему не дарила судьба. Даже моменты торжества не радовали. Или онъ его предвидѣлъ, или, выигравъ какую нибудь тяжелую битву съ самимъ собою или съ другими, онъ, не окунувшись въ самодовольное успокоеніе, сейчасъ же кидался опять въ новыя волны, желая осилить еще болѣе грозную бурю. Ему были по душѣ удары волнъ, свистъ вихря, несшаго прямо въ разгорѣвшееся лицо сорванную имъ пѣну съ грозныхъ, отовсюду надвигавшихся, валовъ. Въ океанѣ жизни Анисимовъ былъ спокойнымъ и увѣреннымъ пловцомъ и, приближаясь къ берегу, заранѣе испытывалъ чувство скуки. „Покой въ могилѣ—а могила еще далека!“ повторялъ онъ себѣ строки вдохновеннаго испанскаго поэта. Когда улеглись первыя больныя ощущенія сегодняшняго вечера, онъ даже началъ съ удовольствіемъ припоминать и смѣхъ Софьи Васильевны, и ея „buona sera“.—„Это настоящая! повторялъ онъ про себя.—Это — сила, не плакса, не размазня петербургская съ вѣчнымъ недовольствомъ и скукою!.. Этакую побороть и привязать къ себѣ—стоитъ“... Еслибы только было время, и болѣе крупныя задачи не манили его къ себѣ. Такъ, отъ петербургскаго ничего-недѣланья—еще пожалуй. Даже туда—подъ горячее солнце Азіи, въ золотые пески увести ее съ собою можно было бы. Да тамъ и вышколить,—чтобы повода слушалась и безъ мундштука всѣми аллюрами ходила! Онъ поймалъ себя на этой мысли и засмѣялся.

— Романъ готовъ! Есть героиня, чего же болѣе!

Нѣтъ, лучше бросить все это. Поболитъ въ изломѣ день-два, и кончено. Еще многое крупное и серьезное упустишь.—„Знаемъ мы этихъ—оригинальныхъ женщинъ! При случаѣ обабятся точно также, какъ и неоригинальныя. Эта позолота съ нихъ сходитъ живо!“

И онъ еще быстрѣе зашагалъ впередъ, открывъ шинель и подставивъ грудь и шею холодному вѣтру, дувшему съ Невы. Пустынныя улицы оказались еще болѣе пустынными, когда потушили на нихъ фонари. Мрачными силуэтами выступали дома съ темными, точно слѣпыми, окнами. Небо, окутанное тучами, низко повисло надъ кровлями, такъ что нельзя было замѣтить, гдѣ оканчиваются шпили и куполы церквей и соборовъ. Изрѣдка попадалась посреди мостовой или на тротуарѣ неподвижная фигура городоваго, да сонные извощики порою окликали Сергѣя Нико-

лаевича... Онъ шелъ безъ цѣли. Онъ уже давно миновалъ Милліонную, гдѣ жилъ. Ему хотѣлось расходить свою тоску, расходить свое щемящее чувство недовольства самимъ собою, эту еще неулегшуюся вспышку страстнаго увлеченія... Онъ повернулъ на Дворцовую набережную; передъ нимъ скоро, точно черныя облака, опустившіяся на землю, въ мракѣ обрисовались деревья Лѣтняго сада... Не зная—зачѣмъ, онъ повернулъ къ Троицкому мосту и, прислонясь къ его периламъ, сталъ смотрѣть на бѣловатую пелену застывшей Невы... Вѣтеръ, безпрепятственно дувшій здѣсь, свѣвалъ пушинки свѣжаго, только что выпавшаго снѣга и несъ ихъ въ лицо Анисимову,—тотъ даже не отиралъ ихъ, онѣ его освѣжали... Какіе-то шаги наконецъ послышались позади... Кто-то остановился за нимъ...

Сергѣй Николаевичъ оглянулся машинально.

Передъ нимъ стояла, очевидно, въ нерѣшительности, едва-едва державшаяся на ногахъ женщина.

— Экъ, матушка, засмѣялся онъ:—гдѣ это тебя такъ укачало?

— Я не пьяна! тихо проговорила та и тихо, и робко, такъ робко, что Анисимову почему-то разомъ стало жаль ее.

— Что же тебѣ надо?

— Возьмите меня... еще тише уронила та, опустивъ голову.

— Спасибо!.. Я не ищу на улицахъ приключеній.

— Я дѣвушка... Возьмите меня... Возьмите!.. безсмысленно, точно совсѣмъ потерявшись, прошептала она...—Возьмите.

— Я вамъ говорю, что мнѣ васъ не надо! опять съ видимою гадливостью отвернулся Анисимовъ.

— Господи, Господи... Никому не надо... Никому... Что же я дѣлать стану?

И такимъ горемъ вдругъ повѣяло отъ звука ея словъ и отъ нихъ самихъ, что Анисимова точно ударило по сердцу.

— Послушайте... Скажите прямо, чего вы хотите?..

— Мать умираетъ. Мы со вчерашняго дня не ѣли... Въ комнатѣ темно, свѣчи нѣтъ даже... Холодно. Продаваться я вышла... кому такая оборванная нужна? Грязная, оборванная...

Сергѣй Николаевичъ посмотрѣлъ на нее пристальнѣе. Ему вспомнились разсказы о промышленницахъ, ловившихъ простаковъ на чувство состраданія и жалости. Ему почему-то пришло въ голову, что и эта изъ такихъ же.

— Ну, извините... На этотъ разъ вамъ не удастся. Въ полицію я васъ не отправлю—потому что самъ ея терпѣть не могу, но—прошу васъ идти своей дорогой!.. Къ умирающей... или къ дѣтямъ-сиротамъ.

Она не сказала ему ничего сначала... Постояла-постояла и затѣмъ, когда она отошла, ему послышалось тихое: „Богъ васъ прости!“ Онъ взглянулъ на нее — женщина шла, не оглядываясь... Сдѣлала нѣсколько шаговъ и схватилась руками за засыпанныя снѣгомъ перила моста, видимо, чтобы не упасть.

— А если настоящее горе?..

И Анисимовъ вспыхнулъ, не смотря на холодъ.

— А если это правда? Если ей нѣтъ никуда выхода, даже купить ее не хотятъ?—И онъ разомъ окрикнулъ ее.

— Послушайте, послушайте...

Но она опять видимо оправилась и продолжала идти, не оглядываясь.

— Послушайте, какъ васъ... Остановитесь, погодите.

Она точно не слышала его.

— Да, это несомнѣнное горе.

Сергѣй Николаевичъ тотчасъ же догналъ ее.

— Минуту. Вы меня простите, я васъ принялъ за одну изъ промышленницъ, эксплуатирующихъ лучшими чувствами человѣка...— Фу, чортъ, даже говорить разучился. Точно изъ передовой статьи (мелькнуло у него въ головѣ).—Я васъ не знаю, и поэтому не хотѣлъ, не имѣлъ желанія обижать васъ.

— Такъ вы берете меня!...

Не то радость, не то отчаяніе послышалось въ этомъ восклицаніи,—а, можетъ быть, и то и другое вмѣстѣ.

— Брать васъ не желаю, а помочь хочу. Только съ однимъ условіемъ: поѣдемте вмѣстѣ къ вамъ, сейчасъ же.

— Вы все еще не вѣрите, грустно проговорила она:—ну, что-жъ, идемте... Только, умоляю васъ, не говорите матери, если она пришла въ себя. Я скажу, что вы докторъ...

— Докторъ? Въ эти часы?

— О, мы давно потеряли понятіе о времени...

Анисимовъ остановилъ проѣзжавшаго мимо извощика и предложилъ женщинѣ сѣсть. Они проѣхали мостъ—спутница точно сейчасъ только вспомнила.

— Ради Бога... Дайте мнѣ теперь что нибудь... Хоть пять копѣекъ.

— Зачѣмъ?

— Взять хлѣба... Вотъ на лоткѣ еще торгуютъ...

Сергѣй Николаевичъ хотѣлъ было остановиться.

— Хороша пища для больной!

— Мы со вчерашняго дня и ея не видѣли!

— Нѣтъ здѣсь никакого открытаго еще трактира? спросилъ онъ у извощика.

— Есть за угломъ, для насъ, до утра торгуютъ.

— Ну, вотъ и отлично. Подъѣзжай туда.

Онъ далъ ей денегъ и поручилъ купить мяса, свѣчей, если возможно. Она торопливо ушла въ крошечную дверь, откуда каждый разъ, какъ ихъ отворяли, валилъ на улицу удушливый чадъ... Минуты черезъ двѣ, она опять вышла въ облакѣ того же чада и, радостная, сѣла рядомъ съ Анисимовымъ. Его стало занимать это приключеніе. Онъ не безъ любопытства ожидалъ возможности заглянуть въ мірокъ, ему совсѣмъ невѣдомый. Да, къ тому же, и чувство жалости на время заслонило всѣ другія пережитыя имъ сегодня ощущенія.

— Послушайте... Вы сирота, у васъ отца нѣтъ?

— Отецъ бросилъ мою мать давно... Очень давно. Я только что родилась тогда.

— Гдѣ-жъ онъ теперь?

— Служитъ гдѣ-то въ провинціи.

— Что-жъ, развѣ нельзя его заставить помочь вамъ?

— О, до этого униженія мы еще не дошли. Лучше погибнуть!

— Вы получили какое нибудь воспитаніе?

— Только два года назадъ кончила женскую гимназію.

— И не могли найти занятій?

— Нѣтъ!.. Выходили мѣста, но съ матерью не принимали меня. А одну ее оставить, больную...

— Развѣ вы не могли ее помѣстить куда нибудь—хоть въ богадѣльню, что ли?

— Мать—въ богадѣльню! Она мнѣ всю жизнь отдала, выпестовала меня. Нѣтъ, ужь лучше умереть вмѣстѣ.

— Вотъ вы какая!

Онъ положительно радовался этому „приключенію“.—„Совсѣмъ новый типъ, думалось ему:—этого я еще не видалъ. Вотъ среда, гдѣ дѣйствительно борятся и страдаютъ... Изъ-за чего—изъ-за гроша! Изъ-за возможности не умереть съ голоду. Что наши неудачи—рядомъ съ этимъ горемъ... А вѣдь поди какая худенькая, да „хлипкая“, какъ говорили мои солдаты“....

— Да вы обращались къ кому нибудь, просили?

— Обращалась... Давали... А вчера и сегодня никто ничего не далъ...

Извощикъ въѣхалъ въ глухую улицу, гдѣ полозья саней вязли *въ ухабахъ, и лошадь* должна была пойти шагомъ, чтобы не опро-

кинуть сѣдоковъ. Очевидно — зимой еще здѣсь было сноснѣе, а лѣтомъ—ни мостовыхъ, ничего не полагалось.

— Однако, глушь.

— Мы годъ ужь живемъ тутъ... Только лучше бы вы не шли... У насъ нехорошо... конфузилась она.

— Ну, вотъ еще.

Домикъ, вросшій въ землю и покосившійся, какихъ даже на окраинахъ Петербурга осталось мало. Анисимовъ дернулъ звонокъ—ручка его отлетѣла...

— Здѣсь звонка нѣтъ.

Дѣвушка наклонилась и постучала въ окно, бывшее вровень съ землей. Скоро во дворѣ послышался шумъ.

— Всякую шушваль чортъ по ночамъ носитъ, донеслось оттуда къ Анисимову.—Въ шею бы накласть, ворчалъ дворникъ.

Онъ, и отворивъ ворота, не угомонился.

— Кавалеровъ водите, а за квартиру не платите. Давеча хозяинъ приказалъ городового звать, чтобы васъ вонъ, а старуху вашу въ больницу.

— Молчи, дуракъ! оборвалъ его Сергѣй Николаевичъ.—Я тебя самого сейчасъ же отправлю. Мерзавецъ!..

Дворникъ оторопѣлъ. Ругается—значитъ, имѣетъ право. Онъ даже запахнулъ полы полушубка.

— Тебѣ заплатятъ и за квартиру, и за все, и сейчасъ же. Понимаешь, скотина?

— Слушаю, ваше высокоблагородіе.

— Чтобы сію минуту были принесены дрова въ ихъ квартиру, слышишь.

— Въ сикунтъ. Я хозяйскихъ возьму.

— Самоваръ у тебя есть? Чай и сахаръ тоже?

— Есть.

— Поставь и подай. Понялъ?... Да у меня живо, смотри. А то я распоряжусь съ тобою по своему.

Дворникъ проворно подхватилъ бумажку, брошенную ему, и со всѣхъ ногъ побѣжалъ исполнять приказанія.

Лѣстница скрипѣла, плакала и жаловалась подъ ногами Сергѣя Николаевича. Затхлымъ и сырымъ воздухомъ вѣяло отовсюду, точно въ старый склепъ входилъ онъ. Когда дѣвушка отыскала на стѣнѣ висѣвшій на гвоздѣ ключъ и отворила имъ двери, дверь точно также застонала и заскрипѣла, будто кашляя отъ старости... Въ комнатѣ за нею было дѣйствительно холодно... Когда дѣвушка зажгла свѣчу—Сергѣй Николаевичъ былъ пораженъ обстановкою, *какую ему пришлось* видѣть впервые.

V. Какъ умираютъ съ голоду.

Голая, совсѣмъ голая комната. Стѣны передней не было, потому что откосъ крыши замѣнялъ и ее, и потолокъ. Очевидно, снѣ на кровлѣ таялъ, потому что по временамъ слышались звуки отъ пад нія капель сверху въ лужу, уже образовавшуюся на полу. Въ печ вылъ вѣтеръ; холодно было до того, что Анисимовъ еще плотн закутался въ свою шинель. Въ углу, подъ откосомъ крыши, на по развалившейся кровати лежала цѣлая масса какихъ-то лохмотье Оттуда вѣяло кислымъ запахомъ, удушливымъ и, въ то же вре проникающимъ легкія, тѣмъ запахомъ, который такъ знако всѣмъ долго ухаживавшимъ за тифозными больными. Порою куча лохмотьевъ шевелилась, и изъ-подъ нея слышались тих робкіе стоны...

— Аня... Ты?...

Изъ-подъ тряпокъ приподнялась голова почти уже мертвой же щины. Только глаза ея горѣли лихорадочно.

— Сейчасъ, мама, сейчасъ... съ невыразимою нѣжностью зв чалъ голосъ дѣвушки въ этомъ ужасномъ углу.—Сейчасъ, мам Все у насъ будетъ, все. И самоваръ, и дрова...

— Откуда же...

— Я нашла добраго человѣка.... Докторъ вотъ со мною. Знакомый докторъ оказался, встрѣтила я! путала она, очевидно, не умѣя лгать.

— Не безпокойтесь, заговорилъ Анисимовъ:—я когда-то зналъ вашего мужа и съ удовольствіемъ готовъ помочь вамъ.

Худая рука поднялась подъ тряпками и съ усиліемъ сдѣлала знаменіе креста.

— Не всѣ, значитъ, не всѣ... насъ оставили... Мнѣ что! Я умираю... Не сегодня, такъ завтра... Ее вотъ, ее спасите... Передъ нею вся жизнь еще...

— Не бойтесь за дочь. Я уже рѣшилъ, что съ нею дѣлать.

— Сберегите ее... Мы какъ страдали, мучились—а все таки она можетъ прямо въ глаза смотрѣть людямъ.

— У моего брата есть заводы. Она поѣдетъ туда учительницей.

— Дай вамъ Господи! Я *тамъ* стану за васъ молиться.

Дворникъ ввалился въ комнату съ дровами и свѣчей. При ея тускломъ свѣтѣ—положеніе этой несчастной семьи показалось еще ужаснѣе. Дѣйствительно не было ничего. Все оказалось съѣдено. Когда огонь затрещалъ въ печи, гдѣ до сихъ поръ только уныло *выдъ вѣтеръ*—старуха уставила въ него свой неподвижный взглядъ

[redacted] точно не могла оторваться. Что-то похожее на улыбку показалось [redacted] ея землистомъ лицѣ.

— Да!... Одинъ видъ согрѣваетъ... Мнѣ становится теплѣе... [redacted]авно ужь я не видѣла огня... Щепки да уголья—мало его да[redacted]отъ. А когда-то... И мы жили... Помни, Аня,—одна останешься— [redacted]забудь, какъ мы съ тобой честно жили здѣсь и боролись... до [redacted]го вздоха.

[redacted]икъ, съ недоумѣніемъ поглядывавшій на Анисимова, ста[redacted], всю. Скоро на столѣ появился самоваръ, за которымъ хло[redacted] дѣвушка, плакавшая, когда ее не видѣла мать, и улыбав[redacted], когда взглядъ старухи, оторвавшійся наконецъ отъ ярко [redacted]згорѣвшагося огня, встрѣчался съ ея глазами.

Анисимовъ не могъ отдѣлаться отъ назойливаго сопоставленія только что оставленной имъ квартиры дамы изъ „Цыганскихъ пѣ[redacted]нъ", богатой, дразнившей глаза своею роскошью— и этимъ жалкимъ угломъ. Здѣсь, среди этой нищеты, ему дышалось легче. Онъ одозвалъ къ себѣ дѣвушку.

— Есть у васъ какіе нибудь документы?

— Да, аттестатъ..

— Я пошлю его брату... Совѣтую вамъ быть готовой... Онъ [redacted]олго не заставитъ ждать.

— Вотъ мама оправится, и мы поѣдемъ.

Они говорили шопотомъ, но слухъ у больной былъ тонокъ, и она разобрала все.

— Я не задержу тебя, Аня.

— Что вы, мама?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я ужь кончена, совсѣмъ. Сегодня, завтра, можетъ быть, я еще жива буду, а тамъ... Ты одна останешься... Тяжело. Думала еще на тебя полюбоваться.

— Я безъ тебя, мама, не уѣду.

— Безъ меня уѣдешь. Меня скоро-скоро не будетъ совсѣмъ. Я это знаю. Сегодня я заснула и видѣла свою мать. Приходила за мною она, бабушка твоя, ты ее не помнишь. Что же, и пора. Нетрудно умирать той, которая такъ, какъ я, была оставлена всѣми..! Прости ему, Боже... еще тише заговорила она... Прости ему, Боже!.. Онъ, можетъ быть, теперь счастливъ и веселъ... Встрѣтишь отца, Аня,—скажи ему, что я не помнила на немъ зла. Такъ вышло. Чѣмъ дальше отъ жизни, тѣмъ и зла на душѣ меньше. Какъ судить, кто виноватъ? Можетъ быть, и я.

— Ты, вспыхнула Аня:—ты, мама... Ты не могла быть виновата, *ты святая была.*

Анисимовъ вынулъ карандашъ и записалъ на клочкѣ бумаги свой адресъ.

— Анна... какъ васъ звать-то?

— Егоровна.

— Анна Егоровна. Вотъ гдѣ я живу. Найдете меня? Завтра вы пріодѣньтесь, купите тамъ что нибудь—я вамъ оставлю, сколько могу...

Она вдругъ неожиданно припала къ его рукѣ. Онъ даже не успѣлъ ее отдернуть.

— Что это?.. Какъ вамъ не стыдно.

А самъ инстинктивно сталъ гладить ее по головкѣ, вглядываясь въ ея измученное личико.

Оно было положительно красиво. Глаза, темно-сѣрые, сіяли теперь радостнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грустнымъ возбужденіемъ. Блѣдное личико было чисто и изящно, густые волосы падали назадъ, и только теперь Анисимовъ замѣтилъ, что они были обрѣзаны. Онъ поморщился.

— И вы тоже... Этакіе прелестные волосы обстричь!

— Что же было дѣлать. Мы на нихъ жили двѣ недѣли.

— Вы продали ихъ? покраснѣлъ Анисимовъ.

— Да...

— Простите меня. Такъ вотъ завтра вечеромъ найдете меня, если будетъ кого оставить съ вашей мамà, а нѣтъ—придите послѣ завтра. Я не на вѣтеръ говорю вамъ, что устрою васъ у брата.

— Какъ мнѣ благодарить васъ?

— Ну, это еще кто кого долженъ благодарить. Я тоже сегодня хорошъ былъ!..

И Анисимовъ, оставивъ дѣвушкѣ денегъ, вышелъ вонъ.

Теперь все его раздраженіе улеглось. Ему было хорошо и спокойно, и онъ только и думалъ о томъ, какъ бы скорѣе добраться домой и заснуть. Онъ даже улыбался, вспоминая Нѣжину и ея „buona sera“. Зато, то и дѣло скользившее въ его памяти растроганное личико Ани и ея тихій, робкій голосокъ возбуждали въ немъ какое-то, ему самому странное, умиленіе. Онъ даже съ неудовольствіемъ замѣтилъ, что какъ-то два или три раза слезы навернулись ему на глаза.

— Этого только не доставало. Кажется, не на Жуковскомъ выросъ?

И онъ гналъ извощика сильнѣе.

— Пошелъ, пошелъ. Чего ты на фонари засматриваешься—и безъ тебя горѣть будутъ.

А *мысль невольно* переносилась въ ту, имъ оставленную, ком-

отъ наглой красавицы изъ „Цыганскихъ пѣсенъ“... и наконецъ этотъ неумѣлый и пошлый загулъ въ лупанарѣ!.. Одною свѣтлою звѣздочкой мелькало ему худенькое, блѣдное, измученное личико Ани... „Анна Егоровна“—такъ, кажется, зовутъ ее... Только на этомъ эпизодѣ онъ останавливался съ чувствомъ, близкимъ къ умиленію. За это ему простится многое... Но сознаніе своей нравственной дряблости, сознаніе своего безсилія бороться съ окружающею его средой охватывало его все тѣснѣе и тѣснѣе... Онъ чувствовалъ, что ему не заснуть, что такъ до вечера онъ промается. И не одинъ онъ. Ему встрѣчались часто въ его обществѣ такіе же типы. Недовольство собою, окружающими, разладъ между цѣлями и жизнью—однихъ доводилъ до пьянства, другихъ до хроническаго отравленія морфіемъ. Вонъ Алексѣй Вольскій—часу не можетъ провести безъ впрыскиванія морфіемъ... сумашедшимъ сталъ совсѣмъ, его уже въ Ниццу посылаютъ, авось тамошнее ласкающее солнце и голубое небо вылѣчатъ его. А Баскаковъ! —развѣ лучше дойти до того, до чего дошелъ онъ? Обыкновенный развратъ уже не удовлетворяетъ этого, въ сущности, талантливаго человѣка. Ему нужно извращеніе его, онъ и жить не можетъ иначе, какъ доходя до ужасовъ!.. И ему, Анисимову, становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Онъ сознавалъ себя человѣкомъ этого міра; онъ былъ плоть отъ плоти его, кость отъ костей всей этой безполезно скучающей среды. Отрываясь отъ нея—онъ чувствовалъ въ себѣ богатырскія силы, возвращаясь назадъ—сознавалъ себя неотъемлемо принадлежащимъ къ прогнившему насквозь кружку. Вонъ, скорѣе вонъ отсюда. Все равно, ничего здѣсь не сдѣлаешь. Сегодня—какъ вчера, завтра—какъ сегодня,—и очумѣешь совсѣмъ. Вонъ Бухгольцъ хвалится, что еще ни разу трезвый въ постель не ложился—что же, и ему, Анисимову, также? И нѣтъ инаго исхода изъ этой наглой пустоты жизни. Куда ни кинь—одно и то же. Или въ грязь съ головою—или какъ одинъ изъ нихъ ударился въ юродство, въ спиритизмъ, въ глупость неимовѣрную, но все таки шевелящую нервы. И Шопенгауэра не читали—а въ жизнь извѣрились и сами убиваютъ ее. Одни пошли по этому пути. Въ прошломъ ноль, настоящее ничтожно, будущее безотрадно—значитъ, или живи свиньей, или пулю въ лобъ, а тѣ, кому еще хочется безконечнаго, въ комъ жива жажда инаго—и вотъ у нихъ безконечное желаніе пальцами ощупать духа, за хвостъ притянуть къ сигарному ящику и заставить его прорицать глупости. Такъ, смотришь, и идутъ дни за днями,—къ ужасу однихъ, на смѣхъ другимъ.

Что же, и ему также, что ли?

Вѣдь не въ этомъ же мірѣ искать спасенія!

— Аня, не смотря на свое горе—счастливѣе. Еще бы! у нея настоящее горе, не призрачное. Она не съ фантомами борется, и потому у нея борьба реальная.

Дайте ему опредѣленнаго врага—и какъ бы безпощадно онъ схватился съ нимъ! А тутъ съ чѣмъ бороться? съ воздухомъ, съ туманомъ, съ бродячими, поминутно мѣняющими свои очертанія, тучами? Противъ кого идти? Противъ всѣхъ и противъ себя.

Наконецъ, когда онъ совсѣмъ измучился—сонъ пришелъ къ нему на помощь, и онъ забылся.

Всталъ Анисимовъ совсѣмъ свѣжимъ. Отъ недавняго недовѣрія къ себѣ не оставалось и слѣда. Онъ даже сталъ школьничать со своимъ деньщикомъ, чѣмъ тотъ, разумѣется, тотчасъ и воспользовался.

— Вы, ваше провосходительство, всегда такъ.

— А именно какъ?

— Днемъ пріѣхали, стали въ меня полотенцами швыряться... Мыломъ—въ носъ ткнули.

— Что-жъ, хорошо оно пахнетъ?.. Ну, извини, пожалуйста. Зачти себѣ впередъ это.

— Такъ-то за вами много ужъ зачтено.

— На вотъ тебѣ.

И онъ бросилъ ему первую попавшуюся бумажку, которую деньщикъ подхватилъ налету.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство.

— Не благодари... поморщился Сергѣй Николаевичъ.

— Помилуйте, какъ можно. Вчера отъ родителей письмо было. Двѣ коровы пали у нихъ. Вотъ теперь пошлю имъ,—все помога.

— Ну, на это двухъ коровъ не купишь.

— Лучше, чѣмъ ничего!

— Ладно. Будешь писать—скажи мнѣ. Я тебѣ дамъ денегъ. Въ хозяйствѣ безъ скота тяжело.

Деньщикъ наклонился было поцѣловать руку.

— Сколько разъ я тебѣ говорилъ, чтобы ты не смѣлъ дѣлать этого. Холопъ этакій.

— Вами только семья и дышетъ.

— Хорошо, хорошо... Никто меня не спрашивалъ, пока я спалъ?

— И посейчасъ сидитъ... Виноватъ, запамятовалъ,—въ угостильной дама одна.

— Какая еще?

отъ наглой красавицы изъ „Цыганскихъ пѣсенъ“... и наконецъ этотъ неумѣлый и пошлый загулъ въ лупанарѣ!.. Одною свѣтлою звѣздочкой мелькало ему худенькое, блѣдное, измученное личико Ани... „Анна Егоровна“—такъ, кажется, зовутъ ее... Только на этомъ эпизодѣ онъ останавливался съ чувствомъ, близкимъ къ умиленію. За это ему простится многое... Но сознаніе своей нравственной дряблости, сознаніе своего безсилія бороться съ окружающею его средой охватывало его все тѣснѣе и тѣснѣе... Онъ чувствовалъ, что ему не заснуть, что такъ до вечера онъ промается. И не одинъ онъ. Ему встрѣчались часто въ его обществѣ такіе же типы. Недовольство собою, окружающими, разладъ между цѣлями и жизнью—однихъ доводилъ до пьянства, другихъ до хроническаго отравленія морфіемъ. Вонъ Алексѣй Вольскій—часу не можетъ провести безъ впрыскиванія морфіемъ... сумашедшимъ сталъ совсѣмъ, его уже въ Ниццу посылаютъ, авось тамошнее ласкающее солнце и голубое небо вылѣчатъ его. А Баскаковъ! —развѣ лучше дойти до того, до чего дошелъ онъ? Обыкновенный развратъ уже не удовлетворяетъ этого, въ сущности, талантливаго человѣка. Ему нужно извращеніе его, онъ и жить не можетъ иначе, какъ доходя до ужасовъ!.. И ему, Анисимову, становилось все тяжелѣе и тяжелѣе. Онъ сознавалъ себя человѣкомъ этого міра; онъ былъ плоть отъ плоти его, кость отъ костей всей этой безнадежно скучающей среды. Отрываясь отъ нея—онъ чувствовалъ въ себѣ богатырскія силы, возвращаясь назадъ—сознавалъ себя неотъемлемо принадлежащимъ къ прогнившему насквозь кружку. Вонъ, скорѣе вонъ отсюда. Все равно, ничего здѣсь не сдѣлаешь. Сегодня—какъ вчера, завтра—какъ сегодня,—и очумѣешь совсѣмъ. Вонъ Бухгольцъ хвалится, что еще ни разу трезвый въ постель не ложился—что же, и ему, Анисимову, также? И нѣтъ инаго исхода изъ этой наглой пустоты жизни. Куда ни кинь—одно и то же. Или въ грязь съ головою—или какъ одинъ изъ нихъ ударился въ юродство, въ спиритизмъ, въ глупость невѣроятную, но все таки шевелящую нервы. И Шопенгауэра не читали—а въ жизнь извѣрились и сами убиваютъ ее. Одни пошли по этому пути. Въ прошломъ ноль, настоящее ничтожно, будущее безотрадно—значитъ, или живи свиньей, или пулю въ лобъ, а тѣ, кому еще хочется безконечнаго, въ комъ жива жажда инаго—и вотъ у нихъ желаніе пальцами ощупать духа, за хвостъ при гарному ящику и заставить его прорицать глупос рить, и идутъ дни за днями,—къ ужасу о

гилъ.

Что же, и ему также, что ли?

Вѣдь не въ этомъ же мірѣ искать спасенія!

— Апя, не смотря на свое горе—счастливѣе. Еще бы! у нея настоящее горе, не призрачное. Она не съ фантошами борется, и потому у нея борьба реальная.

Дайте ему опредѣленнаго врага—и какъ бы безпощадно онъ схватился съ нимъ! А тутъ съ чѣмъ бороться? съ воздухомъ, съ туманомъ, съ бродячими, поминутно мѣняющими свои очертанія, тучами? Противъ кого идти? Противъ всѣхъ и противъ себя.

Наконецъ, когда онъ совсѣмъ измучился—сонъ пришелъ къ нему на помощь, и онъ забылся.

Всталъ Анисимовъ совсѣмъ свѣжимъ. Отъ недавняго недовѣрія къ себѣ не оставалось и слѣда. Онъ даже сталъ школьничать со своимъ деньщикомъ, чѣмъ тотъ, разумѣется, тотчасъ и воспользовался.

— Вы, ваше провосходительство, всегда такъ.

— А именно какъ?

— Днемъ пріѣхали, стали въ меня полотенцами швыряться... Мыломъ—въ носъ ткнули.

— Что-жъ, хорошо оно пахнетъ?.. Ну, извини, пожалуйста. Зачти себѣ впередъ это.

— Такъ-то за вами много ужь зачтено.

— На вотъ тебѣ.

И онъ бросилъ ему первую попавшуюся бумажку, которую деньщикъ подхватилъ налету.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство.

— Не благодари... поморщился Сергѣй Николаевичъ.

— Помилуйте, какъ можно. Вчера отъ родителей письмо было. Двѣ коровы пали у нихъ. Вотъ теперь пошлю имъ,—все помога.

— Ну, на это двухъ коровъ не купишь.

— Лучше, чѣмъ ничего!

— Ладно. Будешь писать—[illegible]жи мнѣ. Я тебѣ дамъ денегъ. Въ хозяйствѣ безъ скота т[illegible]

Деньщикъ [illegible]чился [illegible]ловать руку.

— Сколь[illegible] и те[illegible], чт[illegible]ы не смѣлъ дѣлать этого. Холо[illegible]

— Вам[illegible]

— [illegible] прашивалъ, [illegible]

[illegible]овалъ,—[illegible]

— Хорошая дама. У насъ въ Ташкентѣ такой не бывало никогда. Богатая. Ажно горитъ вся.

— Что расхваливаешь-то? Вѣрно, на чай дала тебѣ?

— Какъ же-съ. Ужь это, извѣстно, по положенію.

— Положеніе еще выдумалъ. Смотри, Степанъ, прогоню я тебя.

— А потомъ сами плакать будете.

— Такъ? удивился Анисимовъ.

— Потому такого человѣка, чтобы на васъ угодилъ, окромѣ меня, нѣтъ. Никто за вами такъ и ходить-то не станетъ. Попомните, сколько разовъ...

— Ну, ну, довольно, слышишь.

И, въ послѣдній разъ закутавъ ему голову мокрымъ полотенцемъ и завязавъ концы его узломъ у самаго носа барахтавшагося деньщика, Анисимовъ, свѣжій и веселый, вышелъ въ другую комнату.

Вышелъ и остановился на порогѣ.

— Ну! невольно проговорилъ онъ.—Что же это будетъ? Вчера вы меня выгнали, а сегодня сами пришли.

— Простите меня...—И Софья Васильевна Нѣжина, протянувъ обѣ руки, пошла къ нему на встрѣчу.

Анисимовъ нахмурился и, точно не замѣчая протянутыхъ къ нему рукъ—направился къ окну.

— Что же это... Послѣ Бухманова ко мнѣ вздумали? Для перемѣны, что ли?

— Я вовсе и не видала Бухманова.

— Вѣдь вчера же онъ долженъ былъ пріѣхать къ вамъ.

— Вовсе не долженъ былъ. Все это я сама на себя наговорила. Онъ не смѣетъ и носу показать ко мнѣ—я бы его и не приняла. Да и вообще у меня никто не бываетъ.

— Что же это вы вчера за комедію со мною разъиграли!

— Изъ „Цыганскихъ пѣсенъ“, генералъ... Очень ужь вы злостью своей меня обидѣли. Сорвать обиду хотѣлось. Я человѣкъ нервный—выгнала васъ, а сама до утра проплакала.

Анисимовъ съ чего-то сталъ веселъ. Онъ засмѣялся, взялъ руки Софьи Васильевны, усадилъ ее въ покойное кресло и началъ снимать съ нея шляпку, приколотую къ косамъ шпильками.

— Вы путаете мнѣ волоса.

— Это ужь будетъ моя месть за вчерашнее.

VII. Худой миръ лучше доброй ссоры.

— Вы должны меня сильно ненавидѣть, да? спрашивала Нѣжина, покорно заглядывая въ глаза Анисимову.

— Еще бы! вздумали изъ „Севильскаго цирюльника“ даже... Въ первыя минуты я такъ бѣсился....

— Мы вѣдь всѣ больные здѣсь... Не знаешь, гдѣ приходится жить, какъ и что играть. Никто, какъ на человѣка, и не смотритъ, —ну, и озлобляемся до послѣдней степени. Вчера я передъ вами нарочно отстаивала нашу сцену—а вѣдь что безобразнѣе ея...

— Вы бы на казенную попробовали.

— На казенную?

— Да!...

— Это вы шутите?

— Нѣтъ, напротивъ, у меня есть связи—я бы могъ помочь вамъ.

— Нѣтъ, Сергѣй Николаевичъ, не гожусь я въ чиновники.

— Какъ это въ чиновники?

— Да вы развѣ не знаете, во что обратился театръ теперь или, лучше, во что его обратили? Вы должны бы знать это. Вѣдь распорядители-то всѣ изъ вашихъ набраны туда; присматривалась я къ нимъ—Боже избави. Они въ театръ, какъ въ казарму, пришли и сейчасъ же изъ сцены плацъ-парадъ сдѣлали. Совсѣмъ—кавалерійскія конюшни. Чуть ли не съ арапниками въ рукахъ распоряжаются тамъ эти милые молодые люди... театральнаго дѣла капралы.

— Какъ вы назвали ихъ? засмѣялся Анисимовъ.

— Все равно. Что имъ за дѣло до талантовъ или до успѣха. Имъ лишь бы писарскій формализмъ да дисциплина была. Если-бы вы знали, какіе эти ограниченные, самодовольные люди. Ужь нечего и говорить объ искусствѣ. Навѣрное, въ немъ они понимаютъ не болѣе пожарныхъ, что по обязанности торчатъ за кулисами. Совсѣмъ носороги на цвѣточной выставкѣ.

— Чего вы злитесь?

— Вѣрила и добивалась вѣдь и я когда-то. Думала, что театръ—это храмъ. Легко ли мнѣ теперь видѣть эту вакханалію Скалозубовъ, Митрофанушекъ да Скотининыхъ...

И она, разомъ оживившись, начала передавать ему все, что знала объ этомъ мірѣ.

— Да это богъ знаетъ что вы толкуете. Этому и вѣрить трудно.

— Вотъ вы смѣетесь надъ „Цыганскими пѣснями“,—а кто создалъ всю эту заваль и гниль?..

И дѣйствительно, изъ ея словъ рельефно выдавалось все, что̀ за послѣднія десять лѣтъ совершилось на русской сценѣ. Развратъ, вносимый въ искусство, паденіе репертуаровъ, царство бездарности—отразилось на всемъ остальномъ. Публика, переставшая посѣщать серьезный театръ, нуждалась все таки въ зрѣлищѣ: этимъ воспользовалась разная шваль, явившаяся съ разнузданными толпами оголенныхъ и хриплыхъ пѣвицъ. Казенная сцена падала—кабацкая подымалась. Балаганы замѣнили драму; банальная, пошлая оперетка, этотъ чесоточный плодъ отъ вожделѣннаго союза публичнаго дома съ глупостью, безсмысленнаго смѣха тупоумнаго биржевика съ продажнымъ распутствомъ озвѣрѣлой въ цинизмѣ кокотки, это дитя жалкаго клоуна и накрашенной блудницы—захватила все въ свои руки. Идіотскій смѣхъ, конфортативное подбадриваніе слабѣющаго сладострастія, шельмованіе дѣвственныхъ и поэтическихъ идеаловъ, ёрническое нивеллированіе великаго и прекраснаго съ пошлымъ и уродливымъ, изнасилованіе исторіи, искаженіе логики, перерожденіе сатиры и тонкой шутки въ отвратительное гоготаніе пьяной толпы, освѣжающихъ слезъ,—въ комическій ревъ потаскушки, принциповъ чести и совѣсти—въ инструкціи врачебно-полицейскаго комитета—вотъ что̀ взошло на верхъ и рожистымъ воспаленіемъ со всѣхъ сторонъ охватило искусство. Этотъ чирей сцены не испугалъ толпу, уже омѣщанившуюся, уже нервно огрубѣвшую. Ей понадобился крикъ вмѣсто музыки, высоко поднятое платье—вмѣсто классическаго жеста, обнаженныя ноги—вмѣсто прекраснаго и выразительнаго лица. Толпа стала сходиться въ театръ не для того, чтобы жить, чувствовать и плакать—нѣтъ, и жизни и чувства не стало, мысль спряталась куда-то. Зачѣмъ? Гораздо интереснѣе, животнѣе, щекотнѣе, когда толстая бабища, съ насморкомъ въ горлѣ вмѣсто голоса и съ манерами судомойки, покажетъ всѣмъ, приподнявъ юбки, то, что̀ понятно каждому, для уразумѣнія чего не надо ни ума, ни образованія. Освинѣвшее искусство прибѣгало къ грубымъ возбужденіямъ; скоро и намека стало недостаточно, нуженъ былъ показъ.

Прежде, выходя изъ театра, люди до утра переживали глубокія впечатлѣнія, радовались торжеству правды, негодовали на временную побѣду зла; вмѣстѣ съ честнымъ страданіемъ плакали, давали волю нарождавшемуся въ сердцѣ протесту противъ насилія, гнета, рабства. Теперь не то: теперь кончили спектакль — думать и чувствовать нечего. Нервы достаточно возбуждены, кон-

фортативъ подѣйствовалъ—въ трактиръ, къ цыганамъ, въ публичный домъ. Идеалъ любви, чистый образъ, переживший средніе вѣка, чтобы въ душу и тѣло, въ краски и звуки воплотиться подъ геніальнымъ рѣзцомъ, подъ божественною кистью Гёте — чудная Гретхенъ, эта улыбка неба, отразившаяся на землѣ, эта искра божественнаго пламени, совокупившаяся съ огнемъ земной страсти,— Гретхенъ, омытая отъ своего страдальческаго грѣха слезами десятковъ милліоновъ людей,—Гретхенъ, которая была бы мадонною, еслибы не была женщиной съ плотью и кровью — выскакиваетъ набѣленная, циничная, пьяная, канканируетъ передъ вами на сценѣ, чуть не предъявляетъ съ подмостковъ выданный ей комитетомъ желтый билетъ—и дѣти тѣхъ отцовъ, которые рыдали надъ Маргаритою Гёте, смѣются и аплодируютъ этой сволочи Содома и Гоморы. Гдѣ, въ какой мѣняльной лавкѣ могло родиться, въ какомъ кабакѣ вырости, въ какомъ публичномъ домѣ воспитаться это золотушное чадо?!... Проказа искусства, зараза творчества! Еслибы воображеніе борова способно было создать свою вальпургіеву ночь—ему не надо было бы долго работать: въ нашей опереткѣ онъ нашелъ бы ее готовою.

Говорятъ—жалко серьезное искусство, гибнущее отъ соперничества оперетки! Жалка опера, драма, комедія, побѣжденныя этимъ культомъ Пріапа. Не все ли это равно, что̀ сказать: жалко человѣчество, уничтожаемое бактеріей; слабъ геній, умирающій оттого, что оболочку, въ которой онъ блисталъ, съѣли живьемъ коховскія запятыя. Пальцемъ можно заслонить солнце—изъ этого не слѣдуетъ, чтобы палецъ былъ великъ, а солнце ничтожно. Кусочекъ трихинной ветчины можетъ убить Шекспира. Что̀ же это значитъ? Шекспиръ жалокъ, а свинья всемогуща?... Представьте себѣ, что̀ бы случилось, еслибы гигіена занялась покровительствомъ и разведеніемъ бактерій? А развѣ не то же мы видимъ на сценѣ, развѣ не возбуждался вопросъ о приглашеніи каскадныхъ дивъ и геніевъ на казенную сцену, на сцену, призванную быть хранительницей добрыхъ преданій и чистыхъ свѣточей искусства. Развѣ не сдѣлано все для того, чтобы трихина и въ столицѣ, и въ провинціи съѣла человѣка?

— Вотъ вы какая! раздумчиво повторялъ Анисимовъ, слушая ее.

— А вы что̀ думали?

— Что вы и душой, и тѣломъ изъ „Цыганскихъ пѣсенъ“.

— Нѣтъ, моими лучшими тріумфами въ провинціи были шекспировскія роли; я и сюда пріѣхала добиваться того же. Только одинъ отвѣтъ и получила: не съ кѣмъ давать такія пьесы.

— Вы бы назадъ въ провинцію.

— Тамъ, кромѣ тру-ла-ла, почти ничего и не осталось. Серьезная сцена вся съѣдена этой трихиной. Даромъ никого не заманишь. Антрепренеры, задававшіеся цѣлью воскресить старый хорошій репертуаръ, прогорали—ну, „смотрите здѣсь—„смотрите тамъ“ и торжествуетъ повсюду.

— Душа моя: тру-ла-ла теперь вездѣ—и въ политикѣ, и въ наукѣ... Отчего же вы не бросили сцену?

— Что же мнѣ, по вашему, въ прачки идти? Жить хочется. Крови у меня много, и жизни тоже нужно много. Чтобы все кипѣло кругомъ... Меня не удержать. Кабы еще какое дѣло по душѣ было.

— Захотѣли!

— У насъ на Руси нѣтъ его. Все въ своихъ рамкахъ, всюду перегородки. У другихъ, сказываютъ, лучше. Была я въ Парижѣ—тамъ то же самое: женщина—или артистка, или кокотка.

— Чаще то и другое вмѣстѣ.

Нѣжина опять покраснѣла.

— Это въ мой огородъ!

— О, нѣтъ, ради Бога! У меня у самого вчерашняя злость уходилась. Теперь я другой совсѣмъ. Вы не повѣрите, какъ мнѣ досадно за нашу ссору.

— Я до утра проплакала. Истерика была даже, тихо проговорила гостья.

— Ну, я плакать не умѣю. Зато измучился не хуже. Всѣ мы нынче нервные люди—вѣкъ такой. Наши отцы не знали этихъ тонкостей. Изъ-подъ арапника, какъ встрепанные, вставали менуэтъ танцовать. Теперь не то. Шестое чувство явилось — внутренняго разлада въ каждомъ. Знаете, я сегодня утромъ чуть было не зашелъ къ вамъ—просить прощенія.

— Жаль, что вы этого не сдѣлали! просвѣтлѣла Нѣжина.—Не пришлось бы мнѣ съ тѣмъ же самымъ ѣздить къ вамъ.

— Боялся—Бухманова застану.

— Вотъ! я уже говорила вамъ...

— Вмѣсто васъ чортъ знаетъ куда попалъ—жизнь прожигать. Самымъ безобразнымъ манеромъ провелъ утро. Чортъ знаетъ гдѣ!

— А все оттого, что вчера меня обидѣли!... Да... Какой вы.

И вдругъ, совершенно неожиданно для Аннсимова, двѣ ея красивыя полныя руки обвились вокругъ его шеи. Горячія губки Нѣжиной искали его губы...

— Миръ, теперь миръ... навсегда, правда? шептала она порывисто и страстно, пряча на его груди свою головку.

— Да... да...охваченный внезапнымъ порывомъ нѣжности, отвѣчалъ онъ ей.

— Послушай, поѣдемъ сейчасъ ко мнѣ обѣдать...

— Ни за что...

— Отчего это?

— Я ревнивъ, знаешь...

— Къ кому же тебѣ ревновать придется?

— Ко всему этому дареному великолѣпію твоей квартиры...

— Что за глупости! покраснѣла она.

— Да, разумѣется. Со всѣхъ пяти частей свѣта. И вѣдь не даромъ же. Нѣтъ, знаете, у меня лучше, я такъ хочу. Къ вамъ, т. е. къ тебѣ я не поѣду.

— А ты самъ сегодня утромъ что дѣлалъ?

— Я съ ненавистью, съ отвращеніемъ въ омутъ внизъ головою кинулся, а ты... разница большая. Сама говоришь—крови много, жить хочется. Лучше ужь ты не зли меня.

Нѣжина покорно опустила голову и осталась.

VIII. По своему.

Прошло нѣсколько дней. Анисимовъ хандрилъ больше, чѣмъ когда нибудь. Онъ ѣздилъ представляться—и вернулся домой мрачнѣе тучи. Очевидно, враги его не дремали. Еще въ пріемной—когда онъ увидѣлъ друзей своихъ отворачивающимися къ окнамъ, старательно заговаривающими съ посторонними, спиною къ нему, точно вскользь подававшими ему руку и торопившимися отойти подальше,—онъ понялъ, что дѣла его плохи, и здѣсь ему нечего дѣлать. Одинъ Баратынскій оказался порядочнѣе другихъ. Онъ озабоченно подошелъ къ нему.

— Ну, Сергѣй Николаевичъ! акціи твои стоятъ низко.

Анисимовъ сталъ себя нервно дергать за усы.

— Очень низко...

— Изъ чего ты заключаешь?

— Такъ. Тебя велѣно послѣднимъ принять. Когда я доложилъ—мнѣ сказали: этому еще чего здѣсь нужно?

— Ну, и Богъ съ ними! разомъ совладалъ съ собою Анисимовъ.

— Да, братъ.

— Я что-жъ. Мнѣ все равно. Свѣтъ не клиномъ сошелся. Славянамъ нужны люди. А то въ земство уйду. Да чего я стану еще ждать здѣсь.. *Доложи, что я уѣхалъ.*

— Не порти ты себѣ окончательно положенія. Погоди. Знаешь —надо пережить. Если ты теперь уѣдешь—что̀ изъ этого выйдетъ? вѣдь вернутъ, и только еще хуже будетъ.

Мимо Анисимова, въ кабинетъ къ особѣ проходили позже пріѣхавшіе и младшіе. Сѣдой и необыкновенно румяный, точно корсетомъ стянутый, генералъ подошелъ къ нему.

— А, нашъ славный богатырь Бова-королевичъ... Какъ я радъ, какъ радъ васъ видѣть... Вы знаете, какъ я васъ защищалъ здѣсь... какъ защищалъ!.. Такихъ, какъ вы, у насъ—разъ, два, да и обчелся. Но не цѣнятъ, нѣтъ! грустно вздохнулъ онъ...—Но погодите, ваше время придетъ.

И онъ принялся преусердно жать Анисимову руки.

— Что̀ онъ тебѣ говорилъ?.. спросилъ Баратынскій, когда тотъ отошелъ.

— Тысячи любезностей, чортъ его возьми!

— Ну, значитъ, онъ тебѣ большую пакость или уже сдѣлалъ, или собирается сдѣлать.

Анисимовъ до крови кусалъ себѣ губы, видя, что знакомые проходятъ, почти не узнавая его или издали холодно кланяясь. Даже Ладиславлевъ, еще недавно игравшій съ нимъ въ дружбу—летѣлъ мимо и только кинулъ ему: „извините, генералъ!..“—„Дуракъ!..“ нисколько не стѣсняясь, проговорилъ ему вслѣдъ Сергѣй Николаевичъ. Но вотъ его терпѣнію пришелъ конецъ. Онъ рѣшительно обратился къ молоденькому адъютанту.

— Я жду здѣсь два съ половиною часа и больше не намѣренъ. Не угодно ли вамъ доложить объ этомъ?

— Помилуйте, ваше превосходительство. Какъ же я могу!.. оторопѣлъ тотъ, съ недоумѣніемъ хлопая глазами.

— Ну, такъ если меня спросятъ—можете сообщить, что я уѣхалъ, громко заговорилъ онъ, поворачиваясь къ дверямъ; но въ эту самую минуту Баратынскій вышелъ изъ кабинета и позвалъ его.

Черезъ четверть часа вышелъ оттуда Анисимовъ еще раздраженнѣе и злѣе—и, ни на кого не глядя, двинулся къ выходу.

— Ну, что̀?.. нетерпѣливо переспросилъ его пріятель.

Анисимовъ остановился, дернулъ плечами и нарочно отвѣтилъ такъ, чтобы его слышали:

— Ничего. Все въ порядкѣ. На дняхъ ѣду къ брату на заводы.

— Зачѣмъ?

— *Въ прикащики*... Думаю, что у меня есть торговыя способ-

ности. Управляя краемъ—я сберегъ казнѣ болѣе двѣнадцати милліоновъ. Но тутъ этого не надо.

— Что тамъ? повелъ онъ глазами на кабинетъ.

— Тамъ мнѣ сказали прямо, что я не нуженъ. Э, да что, право, мнѣ все это надоѣло. Мнѣ тоже не нужны они. У меня свои большія дѣла есть... До свиданія!

И, не подавая руки, онъ вышелъ.

Дома его ждала уже Софья Васильевна.

— Куда ты уѣзжаешь? встрѣтила она его.

— Почему это тебѣ извѣстно? остановился онъ, пораженный.

— Я еще вчера вечеромъ знала, что случится сегодня.

— Какимъ образомъ?

— У меня были вчера Дорошенко и Хмуровъ.

— Злѣйшіе враги мои!

— Да. Они между собою толковали.

— Отчего же ты мнѣ не сказала ни слова тотчасъ же?

— Во-первыхъ, это бы не измѣнило дѣла, а, во-вторыхъ, я сегодня всю ночь укладывалась.

— Развѣ ты тоже собираешься куда нибудь?

— Да!

— Не будетъ нескромностью спросить тебя объ этомъ?

— Разумѣется, съ тобою. Кажется, ясно. Что же я теперь уду здѣсь дѣлать?

Сергѣй Николаевичъ отошелъ отъ нея въ раздумьѣ.

— Послушай, Соня. Ты знаешь, я люблю тебя по своему, но если ты не хочешь сдѣлаться мнѣ ненавистной, ради Бога, оставайся здѣсь и не думай — за мною ѣхать. Я, когда болѣю или когда мнѣ не везетъ — терпѣть не могу никого около себя. Ты слышишь—никого. Теперь у меня на картѣ многое. Вся жизнь. Я не знаю, что я предприму еще—можетъ быть, что нибудь такое, отчего голова закружится. Короче, мнѣ для этого надо быть одному и свободнымъ.

— Я развѣ стѣсняю твою свободу?

— Да, стѣсняешь.

— Тѣмъ, что люблю тебя!

— Да, именно тѣмъ. Нѣтъ въ такія минуты людей ненавистнѣе тѣхъ, которые любятъ. Они считаютъ себя вправѣ требовать объясненій и отчетовъ. А серьезныя дѣла—я желаю исполнять молча. Довольно.

— Что же *это значитъ*?

— *Ничего больше.*

— Такъ это разрывъ? воскликнула Нѣжина.—Такъ я тебѣ нужна только, какъ игрушка, когда тебѣ весело?

— Свою скуку я и одинъ размыкаю.

— Я все таки поѣду, упрямо проговорила она, мѣняясь въ лицѣ.

— А я тебѣ говорю, что нѣтъ. Слышишь ты меня—я говорю тебѣ серьезно. Ну, прощай, мнѣ некогда.

И онъ повернулся, чтобы идти къ себѣ. Позади за нимъ послышались рыданія.

— Вы, по крайней мѣрѣ, позовете меня потомъ?

— Нѣтъ.

— Почему же? что я сдѣлала тебѣ?

— Потому что мы бы мѣшали другъ другу, и мѣшали постоянно. Я живу не для одного завтрашняго дня. Я далеко смотрю. Разойдемся теперь, пока еще есть время.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Я буду на твоей дорогѣ встрѣчаться всегда. Не хочешь добромъ, такъ я возьму тебя силой. Ты будешь мой! Да!.. — Она вспыхнула и въ упоръ подошла къ нему.—Не смотри такъ бѣшено,—если злость у тебя кипитъ, такъ ударь лучше.

— Я женщинъ не бью, прощай.

— До свиданія, но помни—придетъ минута, когда ты захочешь вернуть сегодняшнее. На колѣняхъ станешь ползать—поздно будетъ. И чѣмъ больше я любить тебя буду, тѣмъ безпощаднѣе стану. Себя вымучу, изведу—да и тебѣ не сладко покажется. Я своего не отдаю такъ легко. Я за свое держусь крѣпко. А ты мой—и будешь моимъ. Такъ это и знай; а теперь, еслибы ты и останавливалъ меня—я сама не останусь. Теперь я тебѣ говорю:—прощай. И никакими силами ты меня не остановишь. Не бойся, я плакать не стану—слезы прошли.

— Пожалуйста, избавь меня отъ этихъ драматическихъ представленій.

Софья Васильевна молча смѣрила его съ ногъ до головы и быстро пошла къ дверямъ, не оглядываясь.

— Слава Богу, опять одинъ. Фу!—И онъ вздохнулъ съ облегченіемъ.—А пока одинъ, значитъ, силенъ, и весь свѣтъ открытъ. Все мое.

Онъ сѣлъ и написалъ брату телеграмму. что ѣдетъ къ нему.

IX. Беллиніевская мадонна.

„*Какъ это все вышло* грубо, недостойно..." думалъ про себя

Анисимовъ, ходя изъ угла въ уголъ...—„А какъ же было иначе, когда я начиналъ уже привязываться къ ней? Чѣмъ дальше, тѣмъ связь наша становилась бы тѣснѣе, искреннѣе—трудно было бы развязаться со всѣмъ этимъ, а мнѣ нужно быть одному. Разъ какое либо иное существо на шеѣ—связанъ! Ни прежней свободы, ни стараго размаха. Съ карьерой, о которой я думалъ, придется покончить. Въ самомъ дѣлѣ, эта вѣчная зависимость, постоянное ожиданіе великихъ и богатыхъ милостей или непріятностей мнѣ уже надоѣли. Пусть служатъ и подслуживаются другіе. Я съумѣю пробить себѣ дорогу. Давно не былъ въ Россіи — и перемѣнилось здѣсь безъ меня многое. Общество какое-то больное; интеллигенція, о которой столько толкуютъ — вся разбилась на крохотные кружки—поѣдомъ ѣдятъ они другъ друга. Недовѣріе, ненависть повсюду. Внизу,—братъ пишетъ,—въ народѣ отчаянная нищета и апатія. Никто уже не надѣется ни на что лучшее. Надо присмотрѣться ко всему этому—да разомъ сказать такое слово, чтобы оно всѣхъ разбудило. Кличъ воскрешающій!.. Чтобы стать знаменемъ, подъ которымъ собрались бы всѣ въ чаяніи новой весны. Для этого одно остается — бросить Петербургъ и уйти на дно, въ самую глубь, туда, гдѣ слѣпо бродятъ великія силы, не находя себѣ ни простора, ни выраженія... Какіе-то неизвѣдомые химическіе процессы совершаются тамъ, посмотрѣть, ихъ и взять въ свои руки...“

„И вѣчно—я, я... самъ... свои руки... Эгоизмъ! И пустой эгоизмъ. Да если я вѣрю въ то, что мое дѣло дастъ счастіе людямъ,—если даже не счастье, то хоть оживитъ эти трупы?.. Всѣ—эгоисты, и тѣ, которые сознаются въ этомъ, и тѣ, которые о самопожертвованіи толкуютъ. Вопросъ въ томъ, какой эгоизмъ избрать:—Нерона или Гарибальди?“

Онъ порывисто ходилъ, раздумывая, изъ угла въ уголъ. Мягкій коверъ скрадывалъ шумъ его шаговъ. Сквозь тяжелыя портьеры уличный шумъ не достигалъ въ полумракъ этой большой комнаты. Только часовой маятникъ мѣрно стучалъ въ футлярѣ изъ чернаго дерева, да, должно быть, съ нижняго этажа едва-едва доносились звуки клавишей... Анисимовъ остановился передъ громаднымъ столомъ, на которомъ были раскиданы карты и планы...

„Это все пока придется оставить... Планъ Ватерлоосской битвы... Еще вчера всю ночь сидѣлъ, изучалъ ошибки Наполеона... Путь Седанъ... Мецъ! Самая позорная страница французской исторіи... Разсуждай теперь, какъ по ихнему. Базенъ—подлый эгоистъ или герой самопожертвованія? Продалъ Францію или династію спасти хотѣлъ?.. *Мерзавецъ, во всякомъ* случаѣ. А вѣдь, въ сущности, какъ

легко было нанести ударъ пруссакамъ. Линія обложенія у нихъ солдатъ не особенно геніально выполнена, оказывается. Стоило ударить на юго-западъ Базену—интересно, въ какое же время сѣверный и восточный отряды этихъ шнельклопсовъ могли его настигнуть—а тутъ вотъ это плато, успѣй его занять — и сраженіе выиграно... Да!... И вся Франція спасена—судьба войны явилась бы другою... Дуракъ!.. Вздумалъ спасать седанскаго героя, думалъ бы о себѣ—лучше было бы. Разбей онъ пруссаковъ — пожалуй, и династія явилась бы другая во Франціи... А все эти оглядки да нерѣшительность. Нѣтъ, надо дѣйствовать иначе. Современнаго человѣка—по нервамъ бей, и онъ весь будетъ твой...

— Ваше превосходительство! прервалъ его мысли деньщикъ.

— Что тебѣ нужно?

— Тамъ васъ спрашиваетъ дама какая-то.

— Какъ ее звать?

— Сказываетъ, Анна Егоровна Торацкая.

— Я совсѣмъ не знаю такой.

— Онѣ говорили, что вы сами приказали имъ прійти.

— Проси... Здравствуйте... Ба—это вы... я не узналъ васъ.

Бѣдная дѣвушка, встрѣченная въ ту памятную ночь, казалась еще слабѣе и блѣднѣе. Она пріодѣлась во все черное. Траурный крепъ низко падалъ съ ея скромной шляпки... Анисимовъ разомъ угадалъ, что случилось.

— Ваша мать умерла?

— Да... Вчера утромъ... Благодаря вамъ, я могла распорядиться всѣмъ... Завтра мы ее хоронимъ... Простите, что я не была вчера, какъ вы приказали.

Ея глаза были заплаканы и вспухли, руки нервно перебирали крепъ. Казалось, она едва удерживалась, чтобы не разрыдаться.

— Ну, что же дѣлать... Старушка ваша была очень плоха. Здоровье-то у нея не особенное оказывалось.

— Ее бѣдность убила... Пока мы существовали кое-какъ—она крѣпче меня была.

— Что-жъ... Я о васъ еще не писалъ брату, потому что самъ ѣду къ нему послѣ-завтра или завтра, если успѣю. Да вотъ что. Не ожидая никакихъ писемъ оттуда, выѣзжайте отсюда скорѣе какъ можете. Я васъ тамъ устрою, объ этомъ и безпокоиться чего.

— Не знаю, какъ и благодарить васъ...

— У васъ есть на дорогу деньги?

— Нѣтъ—покраснѣла дѣвушка.—Осталось мало. Долги завтра похороны.

— Хорошо, значитъ, что я спросилъ. Сами бы вы стѣснились сказать объ этомъ. Я вамъ оставлю, сколько надо. Совѣтую вамъ только скорѣе отъѣзжать отсюда... Слышите... Самое лучшее, если вы также послѣ-завтра поѣдете...

Дѣвушка спросила адресъ, куда ей ѣхать, и простилась.

„Подвиги благотворенія", смѣялся самъ надъ собою Анисимовъ.—„Какъ, подумаешь, это къ лицу мнѣ. Терпѣть не могу всей этой кислятины. Отъ нея мякнешь какъ-то, разнѣживаешься. А въ то же самое время что-то особенно привлекательное есть въ этой Аннѣ Егоровнѣ. Гдѣ я видѣлъ эти тихіе, именно тихіе глаза?.. И лицо такое простое—а на душѣ становится легче, чѣмъ больше смотришь на него. Гдѣ я видѣлъ... Да!.. разумѣется, это она..."

И передъ нимъ, точно въявь, мелькнула чудная панорама Венеціи, залитой розовымъ свѣтомъ заката. Онъ вспомнилъ, какъ тихо скользила его черная гондола по зеленымъ волнамъ Джіудекки. Вонъ на ея набережной поднялся могучій силуэтъ храма Redemptore, созданнаго великимъ Палладіо... Тамъ-то именно, въ одномъ изъ придѣловъ, онъ видѣлъ Мадонну Беллини. Потомъ онъ каждый день ѣздилъ туда смотрѣть на нее... Теперь ея тихіе и святые глаза онъ нашелъ у Анны Егоровны. Ему даже жаль стало, что онъ такъ скоро отпустилъ ее... Ему хотѣлось еще разъ, глядя на нее, пережить свои венеціанскія впечатлѣнія... Правда, онъ тогда былъ моложе, но они стали ему тѣмъ ближе и дороже!..—„И какая разница между этими двумя женщинами,—между этою беллиніевскою мадонной и той, которую, еще нѣсколько часовъ тому назадъ, онъ такъ грубо прогналъ прочь... На эту чѣмъ больше смотрѣть, тѣмъ она кажется чище и моложе... Дѣйствительно, въ ея взглядѣ, сердцѣ—свѣтлые помыслы. Эта, еслибы и пала въ ту ночь, все таки святою бы осталась. То же мученичество, а ужь никакъ не грѣхъ... Она бы и смотрѣла мученицей, отдаваясь, чтобы спасти мать свою отъ голода и смерти... А Софья Васильевна? Ну, у этой все—кромѣ святости!.. Эта—грѣхомъ дышетъ. И злобы въ ней сколько—на маломъ не помирится. Съ этой не напишешь мадонну, даже въ кающіяся Магдалины не годится. Вся она въ страстномъ и дикомъ порывѣ, и ужь что хотите, а плакать надъ своимъ прошлымъ ее не заставите. И что странно: Анну Егоровну чѣмъ больше видишь—тѣмъ больше видѣть хочется, а Софья Васильевна—когда уляжется бѣшеный порывъ и успокоются нервы—только помѣхою является... Радъ бы уйти тогда отъ нея скорѣе... И любить эту *бѣдную дѣвочку—лучше*, чѣмъ сумасшедшую Нѣжину. Первая

все отдастъ, и взамѣнъ ей не придетъ даже въ голову потребовать чего нибудь; вторая только тѣло свое тебѣ уступитъ, а отъ тебя все возьметъ, что̀ можетъ... Нѣтъ, хорошо я сдѣлалъ, что разошелся съ нею. Правда, грубо, рѣзко, глупо даже—зато разомъ, безъ сценъ, безъ нервной безтолочи..."

„И избави Богъ,—продолжалъ онъ думать,—отъ этихъ привязанностей. Только по рукамъ и по ногамъ спутаютъ онѣ и обезсилятъ человѣка... Мало ли ихъ было на моемъ вѣку, этихъ орловъ, которыхъ преспокойно засадили въ курятникъ и приручили тамъ. А ужь обращаться въ домашнюю птицу—слуга покорный. И въ каждой женщинѣ сидитъ это желаніе непремѣнно стащить тебя за фалды внизъ, и чѣмъ выше и лучше человѣкъ, тѣмъ интереснѣе продѣлать надъ нимъ эту операцію. Точно превосходство ихъ оскорбляетъ... Пока не измочалятъ, не истерзаютъ, до тѣхъ поръ не успокоятся. А потомъ и пойдутъ толковать:—я думала, когда сходилась съ нимъ, что онъ богатырь, левъ—а онъ оказался мокрой курицей. Сама вѣдь только этого и хотѣла. Вотъ этакая беллиніевская мадонна, какъ Анна Егоровна, пожалуй, молиться на тебя станетъ, и безропотно перенесетъ все; но вѣдь и подобной мадонны не встрѣтишь на каждомъ шагу! Помню я своего профессора Субботовича. Онъ у насъ всегда мрачный и злой былъ. А потомъ оказалось, что дома у него цѣлый адъ оказывался. Женился бѣдняга на такъ называемой современной дѣвушкѣ. Воображалъ, что она вмѣстѣ съ нимъ работать будетъ... А она, какъ только имъ „Исаія ликуй" отпѣли, да „возложили на главы ихъ вѣнцы", тотчасъ же шолковаго платья да кавалеровъ потребовала. Пошли безобразныя катанья на тройкахъ, безконечные кутежи!.. А потомъ она же его на всѣхъ соборахъ осмѣ предавала. Тираномъ и здодѣемъ, семейнымъ деспотомъ и каждому аттестовала. Нѣтъ,—засмѣялся Анисимовъ:—я не хожу, что нашъ сказочный эпосъ однимъ невѣренъ. Всѣ почти богатыри надъ бабой величаются, а то и упущено, что этакая баба почище Микулы Селяниновича всякаго витязя побѣдитъ, да еще и посмѣется надъ нимъ. Греки и евреи въ этомъ случаѣ понимали глубже: Самсонъ и Далила, Геркулесъ и Омфала—вотъ это настоящее..."

„Нѣтъ ужь!.. Будь, что̀ будетъ, а меня женщина не осѣдлаетъ. Не Порожневъ я... Въ обиду не дамся.—Эй, Степанъ!

— Чего изволите?

— У тебя любовница есть?

— Чего-съ? оторопѣлъ деньщикъ.

— *У тебя, говорю*, есть любовница?

Степанъ улыбнулся блаженно.

— Приманилъ я къ себѣ, ваше превосходительство, одну тутъ швею.

— Чѣмъ же это ты? засмѣялся Сергѣй Николаевичъ.

— Точно рыба на наживку—на синіе штаны мои пошла. Очевидно, говоритъ, это къ лицу вамъ, Степанъ Миколаичъ, потому—по ногамъ-то васъ отъ хлигерь-адъютанта не отличить. Зашибъ ее совсѣмъ красный лампасъ... Теперь, какъ узнала, что мы ѣдемъ, плачетъ.

— Чего-жъ она плачетъ?

— Извѣстно, дура... Опять же и то: гдѣ ей съ лампасомъ кавалера найти?

— Ну, а ты не плачешь?

— Стану я! Изъ-за бабы. Мало ихъ тоже!.. Нѣтъ, ваше превосходительство, мы себя довольно хорошо понимаемъ...

— Ну, молодецъ...

— Радъ стараться!

— Ну, теперь пошелъ вонъ, дуракъ. А если швея придетъ жаловаться на тебя, я заставлю тебя жениться...

— Никакъ это невозможно... оторопѣлъ Степанъ.—Если на всѣхъ да жениться, такъ этакъ и кавалеровъ не хватитъ.

X. Неожиданная сосѣдка.

Въ день отъѣзда Анисимова изъ Петербурга погода, какъ нарочно, стояла отвратительная.

— Наша Пальмира, очевидно, вовсе не хочетъ, чтобы ты жалѣлъ о ней! смѣялся Порожневъ, провожавшій его на станцію.

Снѣгъ на улицахъ расползался въ отвратительную слякоть; стѣны домовъ, стекла оконъ точно обливались слезами; слезы капали съ кровель на шляпы и шапки проходившихъ по тротуарамъ, въ воздухѣ стояла какая-то насквозь проникающая сырость. По сторонамъ тянулись похоронныя процессіи, причемъ провожавшіе едва ли не завидовали покойникамъ,—до того были кислы физіономіи первыхъ.

— Экая мерзость вашъ Петербургъ! злился напослѣдокъ Анисимовъ.

— Почему же нашъ?

— Ну, ты совсѣмъ подстать ему сдѣлался. Правду сказать, на этотъ *разъ мало хорошихъ* впечатлѣній увожу я отсюда.

— Меня, главнымъ образомъ, удивляетъ, что тебя такъ дурно приняли...

— А я этому радуюсь. И не подумай, что изъ самолюбія говорю,—нѣтъ. По совѣсти—судьбѣ благодаренъ. Иначе служба засосала бы меня, какъ болото. Знаешь, съ головой. Ну, а теперь—слава Богу. За живое дѣло возьмусь...

— Какое и гдѣ?

— Найду. Не безпокойся. Не все же намъ глиняные города брать штурмомъ да съ гололобой азіатской сволочью возиться. И дома пропасть дѣла.

— Ты удовлетворишься мирной и тихой работой?

— Кто тебѣ говоритъ, что она у меня будетъ тиха и мирна? Во всякомъ случаѣ, не я. Я-то себя ужь этимъ не обманываю, нѣтъ. Напротивъ. Я знаю, чего мнѣ ждать... Во всякомъ случаѣ, въ уголъ не забьюсь. Чуетъ мое сердце, что еще много-много придется мнѣ дѣла передѣлать.

— Послушай, вѣдь тебѣ черезъ годъ генералъ-лейтенанта слѣдуетъ.

— Ну?..

— Случись война—ты бы могъ корпуснымъ командиромъ быть.

— Я тебѣ на это вотъ что̀ скажу: во время войны я и безъ того возьму свое. А вотъ теперь, въ мирное время, какъ найти исходъ силамъ? Запереться въ Петербургѣ, въ военное министерство, или хлопотать получить дивизію? Да и того не дадутъ, дадутъ бригаду... А дивизіоннаго надо мною назначутъ какого нибудь тупоумнаго нѣмца, который будетъ выѣзжать на ремешкахъ да на пуговочкахъ.

— Назадъ въ Туркестанъ.

— Ну, Туркестана, другъ мой, теперь намъ, какъ своихъ ушей, не видать. Тамъ не такіе нужны люди. Мирная полоса настала, а надо все таки выдумывать войну—разворошить сартовъ или узбековъ, чтобы они поднялись, а потомъ сигналъ: „разсыпьтесь, молодцы, за камни за кусты—по два въ рядъ!“ и пали... Ты думаешь, это убійство?—ничуть не бывало. Это, по здѣшней логикѣ, добрая услуга пріятелямъ. Ихъ вѣдь за крестами посылаютъ къ намъ туда въ степь. Ну, не угодно ли импровизировать для нихъ среди полнаго покоя военныя дѣйствія.

— Вотъ ты убѣдишься скоро, что и въ провинціи не лучше. Такой складъ...

— Свѣтъ не клиномъ сошелся. Найду. Во всякомъ случаѣ, подслуживаться не буду.

— *Тебѣ бы родиться* двумя-тремя столѣтіями раньше.

— И на это хватитъ...

Въ Николаевскомъ вокзалѣ пріятели усѣлись въ ожиданіи перваго звонка...

— Кто это тамъ за твоимъ Степаномъ ухаживаетъ? заинтересовался Порожневъ.

— Въ самомъ дѣлѣ...

Какой-то громадный мужчинища со всклокоченной бородой и наглыми на выкатѣ глазами, съ ленточками въ петличкѣ, о чемъ-то разспрашивалъ Степана и по временамъ заносилъ его отвѣты въ записную книжку.

— Степанъ! крикнулъ Анисимовъ.

— Чего изволите?

— Ты билеты взялъ и багажъ сдалъ?

— Нѣтъ еще.

— Поторопись, пожалуйста. Кто это съ тобой?

— Изъ писарей газетныхъ, ваше превосходительство... Про васъ все интересуются... Дѣло ихъ такое.

— Репортёръ, вѣрно, улыбнулся Порожневъ.

— Тоже литература! поморщился Анисимовъ.

— Вотъ погоди, завтра прочтешь о себѣ такую арабскую сказку, что самому тошно сдѣлается.

Оставленный Степаномъ репортёръ—сталъ охаживать Анисимова со всѣхъ сторонъ. Потомъ сѣлъ опять и записалъ что-то въ свою книжку, продолжая умиленно посматривать на Сергѣя Николаевича... Этотъ уже и забылъ о немъ, заговоривъ съ Порожневымъ, какъ вдругъ у самаго уха его послышалось:

— Его превосходительство, генералъ Анисимовъ, кажется?

— Къ вашимъ услугамъ! проговорилъ Анисимовъ.

— Писатель Стоеросовъ изъ „Всевидящаго Ока“.

— Что это за „Око“?

— Помилуйте, ежедневная газета, 42,000 подписчиковъ и 52,000 розничной продажи. Громадное вліяніе, собственные корреспонденты и приложенія... высыпалъ онъ, торопясь почему-то и проглатывая цѣлые слоги.

— Вы, вѣрно, репортёръ?

— Да... Я веду отдѣлъ: „хватай его“. Меня, ваше превосходительство, боятся даже... Имѣю къ вамъ дѣло...

— Чѣмъ могу служить?

— Не удѣлите ли мнѣ десять минутъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Анисимова началъ интересовать этотъ типъ.

— Изволили *нѣсколько дней* тому назадъ вернуться изъ Турке-

стана? необыкновенно нагло и самоувѣренно спросилъ онъ.

— Да-съ.

— Съ какою цѣлью?

— Для наблюденія прохожденія Венеры черезъ дискъ солнца.

— Чего-съ?

— Для астрономическихъ наблюденій...

Стоеросовъ похлопалъ глазами, но записалъ.

— А теперь куда ѣдете?

— Направляюсь въ Абиссинію.

— Зачѣмъ? такъ и вспыхнулъ Стоеросовъ, завертѣвъ обмусленнымъ и искусаннымъ карандашемъ.

— Это большой секретъ... Впрочемъ, я вамъ, пожалуй, скажу... Есть дипломатическое порученіе къ негусу.

— Это что же такое будетъ „негусъ"?

Анисимовъ объяснилъ.

— А какъ вы смотрите на современное положеніе дѣлъ?

— То есть?

— Ну, знаете, на всѣ эти важныя реформы и прочее?

— Нахожу, что для экономіи слѣдовало бы укоротить штаны солдатамъ и снять съ моего Степана лампасъ, которымъ онъ побѣждалъ сердца петербургскихъ швей, расхохотался Анисимовъ.

— Вы что же получаете за свою полезную дѣятельность? заинтересовался Порожневъ.—Построчно, вѣрно?

— Нѣтъ... Я еще до построчнаго не дошелъ. Мнѣ платятъ—поштучно.

— Какъ это поштучно?

— Отъ сообщенія... за важныя сообщенія даже до трехъ рублей бываетъ. Недавно рынокъ горѣлъ—я первый поспѣлъ въ редакцію, ну — пять рублей. У меня, видите ли, подготовка къ этому, потому что я настоящую школу прошелъ... Другому трудно.

— То есть вы въ университетѣ были?

— Нѣтъ-съ... Я въ околодочныхъ служилъ, но по страсти къ литературѣ — полицейскую службу бросилъ. Впрочемъ, связи сохранилъ. Для полученія сообщеній—главнѣйшее. Я на протоколахъ руку набилъ.

Но Анисимовъ ужь не слушалъ. Первый звонокъ вызвалъ всѣхъ на платформу.

— Займи купе! приказалъ онъ Степану.—Послушай, Порожневъ, пожалуйста, пришли мнѣ завтрашній номеръ „Всевидящаго Ока": должно быть, этотъ шутъ гороховый навретъ тамъ про меня *чортъ знаетъ чего*.

— Ты тоже хорошъ. Уваженіе къ печати у тебя ужь совсѣмъ ташкентское!..

— Къ печати—да, только не къ этакой. Развѣ это печать? Это именно „хватай его". Такъ, кажется, называется отдѣлъ господина Стоеросова. Хороша печать—изъ околодочныхъ! На протоколахъ набилъ руку.

Пріятели обнялись. Степанъ стоялъ у дверей вагона.

Когда поѣздъ тронулся—смотрѣвшій до тѣхъ поръ въ окно и говорившій съ Порожневымъ — Анисимовъ повернулся и прямо лицомъ къ лицу столкнулся съ Софьей Васильевной Нѣжиной. Вся закутанная въ крытый малиновымъ бархатомъ мѣхъ ангорской козы, необыкновенно шедшій къ ея восточному лицу, красавица стояла въ дверяхъ сосѣдняго купэ...

Сергѣй Николаевичъ приподнялъ фуражку.

— Здравствуйте, кивнула она ему.

— Куда вы ѣдете?

— Я у васъ не спрашиваю о томъ же?... Что-же вамъ за дѣло до меня?

— Такъ... Изъ вѣжливости больше, потому что нимало не интересуюсь этимъ...

— А все таки мое будетъ!... вдругъ вспыхнула она, глядя въ упоръ на него.

Анисимовъ вошелъ въ купэ и притворилъ двери...

Василій Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе будетъ).

ПЕРМСКАГО ОБЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ БИБЛІОТЕКА

Два стихотворенія.

I.

Ты говоришь: „О, будь пѣвцомъ здоровья.
„Веселыхъ думъ и бодраго труда!
„Такъ тягостны житейскія условья,
„Такъ много слезъ, такъ выросла бѣда,
„И всѣ мы такъ покорствуемъ предъ нею,
„Всѣ—дряблые и тѣломъ и душой—
„Такъ рабски гнемъ разсудокъ, совѣсть, шею,
„Такъ искренно гнушаемся собой,
„Что наконецъ, хоть въ мірѣ пѣснопѣній,
„Хотѣлось-бы забыться, отдохнуть,
„Почувствовать восторгъ святыхъ волненій
„И, выпрямивъ измученную грудь,
„Увѣровать, хотя на мигъ единый,
„Что живъ еще завѣтный идеалъ,
„Что люди есть, что смѣлыя дружины
„Идутъ, идутъ... побѣды день настalъ,
„Бѣда и зло разсѣялись, какъ тѣни,
„Какъ лживый сонъ, какъ праздная мечта,
„И возсіялъ надъ міромъ свѣтлый геній,—
„Царятъ любовь, свобода, красота....“
Да, это такъ! Кого изъ насъ не гложетъ
Безсиліе, чужое и свое?
Въ годину золъ кому и чѣмъ поможетъ
Визгливыхъ лиръ печальное нытье?
Хотѣлъ-бы я съ чарующею силой
Греметь въ сердцахъ, хотѣлъ-бы каждый разъ
И ободрять, и радовать... Но, милый,
Не забывай, *я—лишь одинъ изъ васъ*!

II.

Нѣтъ, не рожденъ я для борьбы,
Иль для насилія и злости!
Отважнымъ буйствомъ у судьбы
Не вырву лакомой я кости.
И не нуждаюсь въ ней! Одинъ,
Въ родномъ затишьѣ сельской нивы,
Живу я (истый славянинъ!)
Довольный, мирный и счастливый.
Смотрите: вотъ семья и домъ,
Мое зерно растетъ и зрѣетъ,
„Зеленый шумъ“ стоитъ кругомъ,
И даль просторная синѣетъ.
И люди здѣсь мнѣ по душѣ:
Такіе-жъ будничные люди;
Хлопочемъ вмѣстѣ о грошѣ,
О лишней тряпкѣ, лишнемъ блюдѣ;
И радость общая у насъ,
И горе общее; другъ другу
Помочь готовы мы подчасъ,
Не ставя этого въ заслугу...

Нѣтъ, не рождснъ я для борьбы,
Иль для насилія и злости!
Отважнымъ буйствомъ у судьбы
Не вырву лакомой я кости.
Но если родина моя
Застонетъ въ часъ годины черной,
Но если братья и друзья
Пойдутъ на смерть—съ душой покорной,
За ними вслѣдъ, по зову ихъ,
Пойду и я. Хотя не воинъ,
Но умереть среди своихъ
Я и съумѣю, и достоинъ.

Ѳ. Ромеръ.

ПЕРМСКАГО ОБЛАГОРОДНАГО БИБЛІОТЕКА

Вольные и невольные слуги московскихъ государей.

Московскіе порядки тѣсно примыкаютъ къ до-московскимъ. Во вновь зарождающемся государствѣ весьма долго замѣчается совершенно тотъ же строй жизни, какимъ отличались мелкія княжества, мало по малу входившія въ его составъ. Можно сказать даже болѣе: Московское государство создалось общественными силами, сложившимися и дѣйствовавшими еще въ до-московское время. Борьбу съ этимъ старымъ порядкомъ московскіе государи начали только тогда, когда извлекли изъ него все для нихъ полезное. Борьба эта велась чрезвычайно осторожно и медленно. Она заняла цѣлыя столѣтія нашей исторіи. Новый, чисто-московскій порядокъ вещей въ полномъ блескѣ своемъ раскрывается только въ XVII в. То, что̀ мы привыкли называть специфически московскимъ, отличнымъ, съ одной стороны, отъ древней княжеской Руси, съ другой—отъ Россіи Петра Великаго, сложилось и расцвѣло только къ этому времени. Сравнительно, это порядокъ весьма новый, но не кратковременный, такъ какъ многія основныя его черты всецѣло переходятъ въ XVIII вѣкъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы разсмотримъ вольную боярскую конституцію Московскаго государства и послѣдовавшее затѣмъ преобразованіе вольной службы въ невольную. Въ области служилыхъ отношеній, игравшихъ такую важную роль въ образованіи Московскаго государства и въ развитіи власти московскихъ государей, все новое появляется весьма поздно и робко. Значительное время эти слабые всходы новой жизни существуютъ наряду со старымъ порядкомъ и только съ половины XVI в. получаютъ рѣшительное надъ нимъ преобладаніе.

Такое единовременное существованіе старыхъ и новыхъ формъ быта чрезвычайно затрудняетъ пониманіе исторической смѣны общественныхъ явленій московской жизни. На пространствѣ цѣлыхъ 500 лѣтъ (съ XIII по XVII в.) мы встрѣчаемъ одни и тѣ же наименованія для обозначенія разныхъ разрядовъ населенія (бояре, дѣти боярскія, дворяне, черные люди и проч.); но общественное положеніе этихъ разрядовъ существенно измѣняется за это время

Бояре, дѣти боярскія, дворяне и другіе разряды населенія XIII и XIV в. совсѣмъ не то, что тѣ же разряды въ XVII в. Слова тѣ же, а смыслъ ихъ иной.

Начнемъ съ картины первоначальнаго положенія служилыхъ людей, отдаленные отголоски котораго можно наслѣдить еще и въ XVII в.

Въ первые вѣка существованія Москвы встрѣчаются служилые и неслужилые люди. Но эти два разряда лицъ не составляютъ еще двухъ сословій, рѣзко между собою разграниченныхъ. Провести между ними точно опредѣленную межу не представляется еще никакой возможности.

Это дѣлаетъ необходимымъ, говоря о княжескихъ и царскихъ слугахъ, коснуться и положенія неслужилыхъ людей, которые, въ противоположность служилымъ, называются тяглыми, черными.

Кто наполнялъ ряды служилыхъ людей московскихъ государей? Въ отдѣльныхъ случаяхъ не всегда бываетъ возможно опредѣлить соціальное положеніе, къ которому принадлежалъ тотъ или другой государевъ слуга; но въ общемъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что на государевой службѣ состояли люди всѣхъ возможныхъ положеній, начиная съ холоповъ и оканчивая лучшими людьми волости, боярами.

Древнее время не знаетъ обособленія государственнаго управленія отъ управленія частными дѣлами князя. Княжескіе холопы, поэтому, являются не только слугами государя въ частномъ (домашнемъ) смыслѣ этого слова, но и чиновниками.

Въ ихъ рукахъ находится управленіе княжескими селами и деревнями. Тивуны, ключники, посельскіе и старосты назначаются обыкновенно изъ холоповъ. Холопы же облекаются званіемъ княжескихъ дьяковъ и казначеевъ. Въ этихъ должностяхъ они вѣдаютъ не домашнюю только переписку князя и не одну частную его казну, а всякую переписку и доходы, получаемые имъ въ качествѣ государя. Наконецъ, холопы составляютъ персоналъ древнѣйшихъ княжескихъ приказовъ, а потому и называются приказными людьми *).

Что вѣдали эти древнѣйшіе приказы холоповъ, объ этомъ можно только догадываться. Духовныя грамоты князей, перечисляя чиновниковъ-холоповъ, объ нѣкоторыхъ говорятъ, что они вѣдаютъ княжескіе прибытки. Можно, поэтому, думать, что древнѣйшіе приказы, состоявшіе изъ холоповъ, были финансовые. Но

*) Р. С. I № 24—26, 30, 34, 39, 86, 96, 121, 134, 147.

подъ понятіе прибытка въ древнее время подходила всякая доходная статья. Поэтому и судъ могъ состоять въ вѣдѣніи приказныхъ холоповъ. Совершали же разныя судныя дѣйствія намѣстничьи тивуны-холопы по порученію своихъ господъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и московскіе князья приказывали своимъ холопамъ совершеніе разныхъ судныхъ дѣйствій. Отдалъ же кіевскій князь, Всеволодъ Ольговичъ (1140—1146), весь судъ въ Кіевѣ и Вышгородѣ своимъ тіунамъ, а тіуны всегда были ключниками и, по общему правилу, принадлежали къ несвободнымъ слугамъ, холопамъ. Холопы, которымъ что либо приказывалось, и суть приказные люди. Они-то и составляютъ зерно, изъ котораго позднѣе развились московскіе приказы, преобразованные Петромъ I въ коллегіи и, въ свою очередь, уступившіе мѣсто александровскимъ министерствамъ. Тотъ же ходъ развитія представляетъ исторія и западно-европейскихъ учрежденій. Родоначальниками министровъ и тамъ были домашніе слуги государей, министеріалы, въ числѣ которыхъ встрѣчаются и люди несвободные, холопы.

Въ виду особенностей положенія вольныхъ слугъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, указанная широкая дѣятельность слугъ-холоповъ представляется совершенно естественной. Вольные слуги, благодаря праву отъѣзда, находились въ очень слабой зависимости отъ князей, а потому и менѣе были пригодны къ завѣдыванію такими интересными для князей дѣлами, каковы ихъ прибытки. Вольные слуги получали должности въ видѣ награды за службу и сами пользовались доходами съ этихъ должностей. Холопы же, безусловно подчиненные князю, обязаны были служить ему даромъ и всегда и вездѣ дѣйствовать въ его интересѣ, а не въ своемъ собственномъ.

Холопамъ, какъ и вольнымъ слугамъ, одинаково усволяется наименованіе слугъ. Быть въ холопствѣ—значитъ „служить“ кому либо *). Первоначальное понятіе службы, какъ неизмѣннаго долга и обязанности, зародилось у насъ въ этой невольной холопской средѣ.

Такіе слуги-холопы встрѣчаются не у однихъ только владѣтельныхъ князей; они есть и у частныхъ людей. Это институтъ общаго права. Онъ созданъ обычаемъ, а не княжескими указами.

По древнѣйшему до-московскому праву, вольный слуга, если принималъ на себя, безъ оговорки своей свободы, довѣрен-

*) А. И. I № 221, II; Ут. и Лаз. стр. 324 и сл.

ную должность ключника (тіуна), въ силу одного этого дѣлался уже холопомъ. Что довѣренныя должности поручаются слугамъ-холопамъ, а не вольнымъ людямъ, это очень старое явленіе нашей исторической жизни.

Потеря свободы ключниками-тіунами вознаграждается въ значительной мѣрѣ выгодами близости къ богатому господину, а еще болѣе—къ сильному князю. Слуги-холопы награждаются деньгами и землями. Они владѣютъ селами, пожалованными имъ господами, имѣютъ свои собственныя купли и даже вотчины. Москва знаетъ холоповъ-вотчинниковъ!

Древнѣйшее, встрѣтившееся намъ, указаніе на это относится къ 1462 г. У жены вел. кн. московскаго Василія Васильевича были холопы, владѣвшіе куплями и вотчинами; нѣкоторыхъ же изъ нихъ великій князь надѣлилъ своими собственными селами. Около того же времени холопъ князя Юрія Дмитріевича, Харя Лагирь, купилъ себѣ пустошь Бортневскую съ лѣсомъ и пожнями, и подарилъ ее въ домъ Пречистой Богородицы, митрополиту Іонѣ. Въ томъ же вѣкѣ было три холопа-собственника и у служилаго князя Ивана Юрьевича Патрикѣева. Онъ отпустилъ ихъ на волю съ принадлежащими имъ землями. Особенно любопытна грамота Ивана Григорьевича Нагова его человѣку, Богдану Сидорову, на пожалованную ему Нагимъ старинную вотчину. Нагой, въ царствованіе Ѳедора Ивановича, подвергся опалѣ и былъ заключенъ въ тюрьму. Въ это тяжелое для него время Богданъ Сидоровъ явился единственнымъ за него ходатаемъ. Онъ билъ челомъ Ѳедору Ивановичу объ освобожденіи своего господина, и за усердіе свое самъ попалъ за пристава. Просидѣвъ полгода въ неволѣ, онъ былъ освобожденъ при царѣ Борисѣ, и снова принялся хлопотать. Труды его увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ: Нагой былъ освобожденъ. За эту-то „великую работу и терпѣніе“, онъ и награжденъ старой вотчиной съ правомъ: продать ее, заложить и по душѣ отдать. Но воли ему Нагой не далъ. Наоборотъ, онъ разсматриваетъ Богдана, какъ долженствующаго служить за этотъ даръ и по смерти его—женѣ его и дѣтямъ. „А послѣ моей смерти,—читаемъ въ грамотѣ,—ему, Богдану, за то мое жалованье жену мою и дѣтей не покинуть и ихъ устроить по моей духовной грамотѣ, чѣмъ я ихъ благословлю. И дѣтей моихъ, Никифора и Гаврилу, ему, Богдану, грамотѣ научить и беречь и покоить всѣмъ, пока Богъ ихъ на ноги подниметъ“ *).

*) Р. С. I № 87 и 130; А. до Ю. Б. I № 103 1; Соков. VIII 23. Тоды

Два стихотворенія.

I.

Ты говоришь: „О, будь пѣвцомъ здоровья.
„Веселыхъ думъ и бодраго труда!
„Такъ тягостны житейскія условья,
„Такъ много слезъ, такъ выросла бѣда,
„И всѣ мы такъ покорствуемъ предъ нею,
„Всѣ—дряблые и тѣломъ и душой—
„Такъ рабски гнемъ разсудокъ, совѣсть, шею,
„Такъ искренно гнушаемся собой,
„Что наконецъ, хоть въ мірѣ пѣснопѣній,
„Хотѣлось-бы забыться, отдохнуть,
„Почувствовать восторгъ святыхъ волненій
„И, выпрямивъ измученную грудь,
„Увѣровать, хотя на мигъ единый,
„Что живъ еще завѣтный идеалъ,
„Что люди есть, что смѣлыя дружины
„Идутъ, идутъ... побѣды день настанъ,
„Бѣда и зло разсѣялись, какъ тѣни,
„Какъ лживый сонъ, какъ праздная мечта,
„И возсіялъ надъ міромъ свѣтлый геній,—
„Царятъ любовь, свобода, красота....“
Да, это такъ! Кого изъ насъ не гложетъ
Безсиліе, чужое и свое?
Въ годину золъ кому и чѣмъ поможетъ
Визгливыхъ лиръ печальное нытье?
Хотѣлъ-бы я съ чарующею силой
Греметь въ сердцахъ, хотѣлъ-бы каждый разъ
И ободрять, и радовать... Но, милый,
Не забывай, *я—лишь одинъ изъ васъ!*

II.

Нѣтъ, не рожденъ я для борьбы,
Иль для насилія и злости!
Отважнымъ буйствомъ у судьбы
Не вырву лакомой я кости.
И не нуждаюсь въ ней! Одинъ,
Въ родномъ затишьѣ сельской нивы,
Живу я (истый славянинъ!)
Довольный, мирный и счастливый.
Смотрите: вотъ семья и домъ,
Мое зерно растетъ и зрѣетъ,
„Зеленый шумъ“ стоитъ кругомъ,
И даль просторная синѣетъ.
И люди здѣсь мнѣ по душѣ:
Такіе-жъ будничные люди;
Хлопочемъ вмѣстѣ о грошѣ,
О лишней тряпкѣ, лишнемъ блюдѣ;
И радость общая у насъ,
И горе общее; другъ другу
Помочь готовы мы подчасъ,
Не ставя этого въ заслугу...

Нѣтъ, не рождснъ я для борьбы,
Иль для насилія и злости!
Отважнымъ буйствомъ у судьбы
Не вырву лакомой я кости.
Но если родина моя
Застонетъ въ часъ годины черной,
Но если братья и друзья
Пойдутъ на смерть—съ душой покорной,
За ними вслѣдъ, по зову ихъ,
Пойду и я. Хотя не воинъ,
Но умереть среди своихъ
Я и съумѣю, и достоинъ.

Ѳ. Ромеръ.

ПЕРМСКАГО ОБЛАГОРОДНАГО БИБЛІОТЕКА

Вольные и невольные слуги московскихъ государей.

Московскіе порядки тѣсно примыкаютъ къ до-московскимъ. Во вновь зарождающемся государствѣ весьма долго замѣчается совершенно тотъ же строй жизни, какимъ отличались мелкія княжества, мало по малу входившія въ его составъ. Можно сказать даже болѣе: Московское государство создалось общественными силами, сложившимися и дѣйствовавшими еще въ до-московское время. Борьбу съ этимъ старымъ порядкомъ московскіе государи начали только тогда, когда извлекли изъ него все для нихъ полезное. Борьба эта велась чрезвычайно осторожно и медленно. Она заняла цѣлыя столѣтія нашей исторіи. Новый, чисто-московскій порядокъ вещей въ полномъ блескѣ своемъ раскрывается только въ XVII в. То, что̀ мы привыкли называть специфически московскимъ, отличнымъ, съ одной стороны, отъ древней княжеской Руси, съ другой—отъ Россіи Петра Великаго, сложилось и расцвѣло только къ этому времени. Сравнительно, это порядокъ весьма новый, но не кратковременный, такъ какъ многія основныя его черты всецѣло переходятъ въ XVIII вѣкъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы разсмотримъ вольную боярскую конституцію Московскаго государства и послѣдовавшее затѣмъ преобразованіе вольной службы въ невольную. Въ области служилыхъ отношеній, игравшихъ такую важную роль въ образованіи Московскаго государства и въ развитіи власти московскихъ государей, все новое появляется весьма поздно и робко. Значительное время эти слабые всходы новой жизни существуютъ наряду со старымъ порядкомъ и только съ половины XVI в. получаютъ рѣшительное надъ нимъ преобладаніе.

Такое единовременное существованіе старыхъ и новыхъ формъ быта чрезвычайно затрудняетъ пониманіе исторической смѣны общественныхъ явленій московской жизни. На пространствѣ цѣлыхъ 500 лѣтъ (съ XIII по XVII в.) мы встрѣчаемъ одни и тѣ же наименованія для обозначенія разныхъ разрядовъ населенія (бояре, дѣти боярскія, дворяне, черные люди и проч.); но общественное *положеніе этихъ разрядовъ* существенно измѣняется за это время

Бояре, дѣти боярскія, дворяне и другіе разряды населенія XIII и XIV в. совсѣмъ не то, что тѣ же разряды въ XVII в. Слова тѣ же, а смыслъ ихъ иной.

Начнемъ съ картины первоначальнаго положенія служилыхъ людей, отдаленные отголоски котораго можно наслѣдить еще и въ XVII в.

Въ первые вѣка существованія Москвы встрѣчаются служилые и неслужилые люди. Но эти два разряда лицъ не составляютъ еще двухъ сословій, рѣзко между собою разграниченныхъ. Провести между ними точно опредѣленную межу не представляется еще никакой возможности.

Это дѣлаетъ необходимымъ, говоря о княжескихъ и царскихъ слугахъ, коснуться и положенія неслужилыхъ людей, которые, въ противоположность служилымъ, называются тяглыми, черными.

Кто наполнялъ ряды служилыхъ людей московскихъ государей? Въ отдѣльныхъ случаяхъ не всегда бываетъ возможно опредѣлить соціальное положеніе, къ которому принадлежалъ тотъ или другой государевъ слуга; но въ общемъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что на государевой службѣ состояли люди всѣхъ возможныхъ положеній, начиная съ холоповъ и оканчивая лучшими людьми волости, боярами.

Древнее время не знаетъ обособленія государственнаго управленія отъ управленія частными дѣлами князя. Княжескіе холопы, поэтому, являются не только слугами государя въ частномъ (домашнемъ) смыслѣ этого слова, но и чиновниками.

Въ ихъ рукахъ находится управленіе княжескими селами и деревнями. Тивуны, ключники, посельскіе и старосты назначаются обыкновенно изъ холоповъ. Холопы же облекаются званіемъ княжескихъ дьяковъ и казначеевъ. Въ этихъ должностяхъ они вѣдаютъ не домашнюю только переписку князя и не одну частную его казну, а всякую переписку и доходы, получаемые имъ въ качествѣ государя. Наконецъ, холопы составляютъ персоналъ древнѣйшихъ княжескихъ приказовъ, а потому и называются приказными людьми *).

Что вѣдали эти древнѣйшіе приказы холоповъ, объ этомъ можно только догадываться. Духовныя грамоты князей, перечисляя чиновниковъ-холоповъ, объ нѣкоторыхъ говорятъ, что они вѣдаютъ княжескіе прибытки. Можно, поэтому, думать, что древнѣйшіе приказы, состоявшіе изъ холоповъ, были финансовые. Но

*) Р. С. I № 24—26, 30, 34, 39, 86, 96, 121, 134, 147.

подъ понятіе прибытка въ древнее время подходила всякая доходная статья. Поэтому и судъ могъ состоять въ вѣдѣніи приказныхъ холоповъ. Совершали же разныя судныя дѣйствія намѣстничьи тивуны-холопы по порученію своихъ господъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и московскіе князья приказывали своимъ холопамъ совершеніе разныхъ судныхъ дѣйствій. Отдалъ же кіевскій князь, Всеволодъ Ольговичъ (1140—1146), весь судъ въ Кіевѣ и Вышгородѣ своимъ тіунамъ, а тіуны всегда были ключниками и, по общему правилу, принадлежали къ несвободнымъ слугамъ, холопамъ. Холопы, которымъ что либо приказывалось, и суть приказные люди. Они-то и составляютъ зерно, изъ котораго позднѣе развились московскіе приказы, преобразованные Петромъ I въ коллегіи и, въ свою очередь, уступившіе мѣсто александровскимъ министерствамъ. Тотъ же ходъ развитія представляетъ исторія и западно-европейскихъ учрежденій. Родоначальниками министровъ и тамъ были домашніе слуги государей, министеріалы, въ числѣ которыхъ встрѣчаются и люди несвободные, холопы.

Въ виду особенностей положенія вольныхъ слугъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, указанная широкая дѣятельность слугъ-холоповъ представляется совершенно естественной. Вольные слуги, благодаря праву отъѣзда, находились въ очень слабой зависимости отъ князей, а потому и менѣе были пригодны къ завѣдыванію такими интересными для князей дѣлами, каковы ихъ прибытки. Вольные слуги получали должности въ видѣ награды за службу и сами пользовались доходами съ этихъ должностей. Холопы же, безусловно подчиненные князю, обязаны были служить ему даромъ и всегда и вездѣ дѣйствовать въ его интересѣ, а не въ своемъ собственномъ.

Холопамъ, какъ и вольнымъ слугамъ, одинаково усвоется наименованіе слугъ. Быть въ холопствѣ—значитъ „служить“ кому либо *). Первоначальное понятіе службы, какъ неизмѣннаго долга и обязанности, зародилось у насъ въ этой невольной холопской средѣ.

Такіе слуги-холопы встрѣчаются не у однихъ только владѣтельныхъ князей; они есть и у частныхъ людей. Это институтъ общаго права. Онъ созданъ обычаемъ, а не княжескими указами.

По древнѣйшему до-московскому праву, вольный слуга, если принималъ на себя, безъ оговорки своей свободы, довѣрен-

*) А. И. I № 221, II; Ут. и Лаз. стр. 324 и сл.

ную должность ключника (тіуна), въ силу одного этого дѣлался уже холопомъ. Что довѣренныя должности поручаются слугамъ-холопамъ, а не вольнымъ людямъ, это очень старое явленіе нашей исторической жизни.

Потеря свободы ключниками-тіунами вознаграждается въ значительной мѣрѣ выгодами близости къ богатому господину, а еще болѣе—къ сильному князю. Слуги-холопы награждаются деньгами и землями. Они владѣютъ селами, пожалованными имъ господами, имѣютъ свои собственныя купли и даже вотчины. Москва знаетъ холоповъ-вотчинниковъ!

Древнѣйшее, встрѣтившееся намъ, указаніе на это относится къ 1462 г. У жены вел. кн. московскаго Василія Васильевича были холопы, владѣвшіе куплями и вотчинами; нѣкоторыхъ же изъ нихъ великій князь надѣлилъ своими собственными селами. Около того же времени холопъ князя Юрія Дмитріевича, Харя Лагирь, купилъ себѣ пустошь Бортневскую съ лѣсомъ и пожнями, и подарилъ ее въ домъ Пречистой Богородицы, митрополиту Іонѣ. Въ томъ же вѣкѣ было три холопа-собственника и у служилаго князя Ивана Юрьевича Патрикѣева. Онъ отпустилъ ихъ на волю съ принадлежащими имъ землями. Особенно любопытна грамота Ивана Григорьевича Нагова его человѣку, Богдану Сидорову, на пожалованную ему Нагимъ старинную вотчину. Нагой, въ царствованіе Ѳедора Ивановича, подвергся опалѣ и былъ заключенъ въ тюрьму. Въ это тяжелое для него время Богданъ Сидоровъ явился единственнымъ за него ходатаемъ. Онъ билъ челомъ Ѳедору Ивановичу объ освобожденіи своего господина, и за усердіе свое самъ попалъ за пристава. Просидѣвъ полгода въ неволѣ, онъ былъ освобожденъ при царѣ Борисѣ, и снова принялся хлопотать. Труды его увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ: Нагой былъ освобожденъ. За эту-то „великую работу и терпѣніе“, онъ и награжденъ старой вотчиной съ правомъ: продать ее, заложить и по душѣ отдать. Но воли ему Нагой не далъ. Наоборотъ, онъ разсматриваетъ Богдана, какъ долженствующаго служить за этотъ даръ и по смерти его—женѣ его и дѣтямъ. „А послѣ моей смерти,—читаемъ въ грамотѣ,—ему, Богдану, за то мое жалованье жену мою и дѣтей не покинуть и ихъ устроить по моей духовной грамотѣ, чѣмъ я ихъ благословлю. И дѣтей моихъ, Никифора и Гаврилу, ему, Богдану, грамотѣ научить и беречь и покоить всѣмъ, пока Богъ ихъ на ноги подниметъ“ *).

*) *Р. С. I № 87 и 130*; А. *до* Ю. Б. I № 103 1; Солов. VIII 23. Тольк

И для того, чтобы холопъ сталъ вотчинникомъ и имѣлъ право продавать, закладывать и завѣщать свою собственность, была нужна только добрая воля его господина; утвержденія князя не требовалось. Но отъ воли господина зависѣло и лишить холопа его вотчины: какъ самъ холопъ въ волѣ господина, такъ и его купли и вотчины.

Надо думать, что если число такихъ слугъ-холоповъ даже и было весьма значительно, все же хозяйство, какъ старинныхъ господъ вообще, такъ и московскихъ князей въ особенности, основывалось не на рабскомъ трудѣ, а на свободномъ. Дѣлаемъ это заключеніе на томъ основаніи, что въ дошедшихъ до насъ духовныхъ грамотахъ весьма нерѣдко встрѣчаемъ распоряженія объ отпущеніи на волю всѣхъ холоповъ завѣщателя *). Еслибы частное княжеское хозяйство было основано на трудѣ несвободномъ, такія поголовныя освобожденія рабовъ не могли бы происходить безъ разстройства всего хозяйства. Но этого, повидимому, не было. Нельзя думать, что князья, отпустившіе всѣхъ своихъ холоповъ на волю, оставляли своимъ наслѣдникамъ пустыя села и деревни.

Лучшіе слуги-холопы, при отпущеніи на волю, награждались недвижимою собственностью. Такъ сдѣлала княгиня Евдокія, жена Юрія Ивановича Пронскаго-Шемякина. Въ своей духовной (1565 г.) она отпустила на волю всѣхъ своихъ холоповъ, а тремъ изъ нихъ назначила деревни и починки „покамѣста къ тѣмъ деревнямъ соха и коса ходила и покамѣста къ нимъ въ лѣсу ростесъ **). Вольноотпущенные милостью господъ своихъ прямо переходятъ въ разрядъ вольныхъ вотчинниковъ.

Холопы, однако, не всѣ состояли при особѣ господъ своихъ. Нѣкоторые изъ нихъ поселялись въ господскихъ деревняхъ въ качествѣ земледѣльцевъ. У вел. кн. рязанскаго Ивана Васильевича въ селѣ Переславичахъ сидѣли холопы его, Шипиловы.

Уложеніе, XVII, 41, запрещаетъ холопамъ покупать вотчины и принимать ихъ въ закладъ.

*) Всѣхъ холоповъ отпустили на волю: Семенъ и Иванъ Ивановичи, Дмитрій Ивановичъ, Василій Дмитріевичъ, его жена Софія, Борисъ и Андрей Васильевичи, Михаилъ Андреевичъ, Иванъ Юрьевичъ и Ѳедоръ Борисовичъ; только чиновныхъ людей (казначеевъ, дьяковъ, приказныхъ и под.) отпустили: Василій и Юрій Васильевичи, Иванъ Васильевичъ и Дмитрій Ивановичъ. Иванъ Даниловичъ Калита и Юрій Дмитріевичъ никого не отпустили на волю. Изъ частныхъ *людей кн.* Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ отпустилъ всѣхъ.

**) *Ѳедоровъ-Чеховскій* № 82.

Судя по этому прозвищу, здѣсь надо разумѣть только одно семейство Шипиловыхъ. Такіе, пашнею устроенные, холопы носили наименованіе дѣловыхъ людей и страдныхъ. Княгиня Евдокія Пронская въ приведенной выше духовной противополагаетъ своихъ людей „служилыхъ“ — „дѣловымъ“. При устройствѣ дѣловыхъ людей пашнею господа снабжали ихъ необходимымъ хозяйственнымъ инвентаремъ; отпуская же на волю, дарили имъ иногда и ту животину, которая кому была дана *).

Большинство господскихъ и княжескихъ деревень въ XIII, XIV, XV и даже въ XVI в. было, какъ надо думать, населено свободными людьми.

Эти свободные крестьяне садились на господскія земли по уговору (рядная). Законовъ, опредѣлявшихъ отношенія землевладѣльцевъ къ земледѣльцамъ, въ первое время возникновенія Московскаго государства, еще не было, а потому отношенія эти исключительно опредѣлялись свободнымъ соглашеніемъ сторонъ.

Изъ немногихъ дошедшихъ до насъ договоровъ видно, что землевладѣльцы сдавали свои земли отдѣльнымъ крестьянамъ, изъ которыхъ каждый бралъ столько земли, сколько находилъ нужнымъ взять по своимъ силамъ и потребностямъ.

Недостатокъ въ земляхъ сталъ у насъ чувствоваться не очень давно, какихъ нибудь сто, много—полтораста лѣтъ тому назадъ, да и то въ нѣкоторыхъ только мѣстностяхъ, густо населенныхъ; въ XVI же вѣкѣ и ранѣе землевладѣльцы должны были, наоборотъ, чувствовать недостатокъ въ рукахъ для обработки своихъ земель. Имъ надо было привлекать къ себѣ земледѣльцевъ. Князья въ жалованныхъ грамотахъ духовнымъ учрежденіямъ предоставляютъ имъ обыкновенно право перезывать крестьянъ изъ иныхъ княженій на льготѣ, т. е. съ освобожденіемъ отъ повинностей въ пользу князя.

Кромѣ такихъ общихъ льготъ, предоставляемыхъ всѣмъ призываемымъ изъ иныхъ княженій, господа предоставляли вновь поселяющимся у нихъ крестьянамъ еще льготу на 2, на 3 и на 4 года отъ всѣхъ господскихъ повинностей и давали имъ подмогу деньгами, по полтинѣ и по два рубля и больше. За подмогу и льготу крестьянинъ обязывался привести въ порядокъ свой участокъ: деревню распахать, поля огородить, старые хоромы починить, новые поставить и пр. Исполненіе этихъ условленныхъ въ порядной грамотѣ работъ освобождало крестьянина отъ

*) *Р. С. I № 24, 83, 121, 127* Оед. Чех. № 82.

обязанности возвратить господину денежную подмогу при переходѣ на новое мѣсто. Но если онъ уходилъ до истеченія льготнаго времени и не исполнилъ принятыхъ на себя обязательствъ, то обязывался возвратить полученную подмогу. Иногда въ такихъ случаяхъ крестьянинъ обязывался еще уплатить опредѣленную сумму сверхъ подмоги, въ видѣ вознагражденія за убытки. Срокъ, въ теченіе котораго крестьянинъ долженъ былъ оставаться на спятой землѣ, въ древнѣйшихъ порядныхъ не обозначается, а потому надо думать, что по исполненіи обязательствъ, соединенныхъ съ полученіемъ подмоги, онъ былъ свободенъ перейти на новое мѣсто, безо всякаго платежа въ пользу землевладѣльца *).

Такъ поступали и князья при заселеніи своихъ пустыхъ земель. Но они могли раздавать льготы и подмоги еще болѣе щедрою рукой. Иванъ Васильевичъ давалъ льготы на 5 лѣтъ и подмоги по 5 рублей. Но при этомъ онъ невозбранно нарушалъ еще частныя права, имъ самимъ признанныя: онъ приказывалъ звать на свои земли не только свободныхъ людей, но и кабальныхъ, чьи бы они ни были **).

Какъ увидимъ ниже, значительная часть землевладѣльцевъ пользовалась правомъ суда надъ всѣми лицами, жившими въ предѣлахъ ихъ владѣній. Такимъ образомъ, выбирая участокъ земли, крестьянинъ выбиралъ себѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ, и судью. Надо, поэтому, думать, что не однѣ льготы и подмоги рѣшали вопросъ объ избраніи крестьяниномъ мѣста жительства; молва о томъ, за кѣмъ жить хорошо, также должна была играть громадную роль.

Нѣтъ надобности доказывать, что этотъ порядокъ вещей былъ болѣе въ интересахъ земледѣльцевъ, чѣмъ землевладѣльцевъ, которые могли иногда лишиться крестьянина въ самую нужную для хозяйства пору. Есть указанія, что крестьяне отказывались, напримѣръ, въ Петровъ день. Не всѣ однако землевладѣльцы въ одинаковой мѣрѣ чувствовали неудобство свободнаго перехода. Люди богатые, которые не затруднялись въ предоставленіи своимъ крестьянамъ разныхъ льготъ, могли даже находить его удобнымъ. По той же причинѣ для вел. князей московскихъ, владѣнія которыхъ постоянно росли, а вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно полнилась и казна ихъ, вольный переходъ могъ представлять выгоды сравнительно съ мелкими удѣльными князьями. Этимъ, конечно,

*) *А. Ю. № 178, 182, 183, 186, 187.*
**) *Соловьевъ, VII, 46.*

и надо объяснять то обстоятельство, что въ княжескихъ договорахъ, при заключеніи которыхъ воля московскихъ вел. князей обыкновенно играла первенствующую роль, мы не встрѣчаемъ никакихъ попытокъ къ ограниченію крестьянскаго перехода изъ княженія въ княженіе. Въ нѣкоторыхъ же прямо находимъ постановленія, ограждающія свободу крестьянскаго перехода. Такъ, въ договорѣ вел. князя рязанскаго съ его роднымъ братомъ читаемъ: „а.... хрестіанамъ межъ насъ вольнымъ воля“ *).

Только что высказанное положеніе нуждается въ одномъ разъясненіи. Въ договорахъ московскихъ вел. князей съ тверскими и рязанскими мы встрѣчаемъ такую статью: „а вывода не замышлять“, или: „а кто учинитъ выводъ, по исправѣ выдать“. О какомъ выводѣ идетъ здѣсь рѣчь? Приведенными статьями воспрещается насильственный выводъ изъ предѣловъ чужаго княженія должника или бѣжавшаго холопа, безъ обращенія къ мѣстной судебной власти, т. е. запрещается самоуправство, а не свободный выходъ крестьянъ. Это совершенно ясно изъ слѣдующихъ словъ договора московскаго вел. кн. Василія Васильевича съ тверскимъ: „А кто имѣтъ холопа или должника, а поставитъ передъ волостелемъ, въ томъ ему вины нѣтъ; а выведетъ изъ волости, а передъ волостелемъ не поставитъ, въ томъ ему вина“ **). Запрещеніе вывода не есть, слѣдовательно, запрещеніе выхода. Приведенныя статьи гарантируютъ судебную защиту должнику, вышедшему изъ одного княженія въ другое, до уплаты своего долга.

Въ этомъ же смыслѣ надо понимать и запрещенія вывода, встрѣчающіяся въ нѣкоторыхъ новгородскихъ договорныхъ грамотахъ: „а изъ Бѣжицъ, княже, людей не выводить въ свою землю, ни изъ иныхъ княженій“ ***). Изъ этихъ грамотъ не видно, чтобы въ нихъ рѣчь шла о самоуправномъ выводѣ людей подъ предлогомъ холопства или долга; а потому можно думать, что новгородцы имѣютъ въ виду насильственный выводъ вообще, т. е. и насильственный выводъ крестьянъ, чего они весьма могли опасаться отъ такихъ сильныхъ сосѣдей, какими были князья тверскіе и московскіе. Бывали же случаи насильнаго вывода крестьянъ даже частными землевладѣльцами ****).

---

*) Р. С. I № 127.

**) Р. С. I № 28, 32, 48, 65, 76, 88, 127.

***) Р. С. I № 1, 15, 20; въ №№ съ 11 по 14 такого условія нѣтъ.

****) Едва ли не единственное исключеніе изъ приведеннаго нами текста правилъ представляетъ договоръ Василія Васильевича съ Дмитріемъ Шемякою, 1440 г.

Если вольный переходъ крестьянъ изъ княженія въ княженіе могъ быть выгоденъ для московскихъ князей, то нельзя того же сказать о свободномъ передвиженіи крестьянъ въ предѣлахъ того же княженія. Такой переходъ могъ быть невыгоденъ князьямъ, какъ государямъ и какъ частнымъ собственникамъ.

Въ каждомъ княженіи было немало льготныхъ владѣній, освобожденныхъ отъ княжескихъ даней и отъ вѣдомства княжескихъ чиновниковъ. Переходъ тяглыхъ крестьянъ на такіе льготные участки умалялъ княжескій доходъ. Поэтому князья не могли не обратить вниманія на такіе переходы и не принять соотвѣтствующихъ мѣръ для огражденія своихъ фискальныхъ интересовъ. Они и дѣйствительно это дѣлаютъ, установляя нѣкоторыя ограниченія для владѣльцевъ льготныхъ имѣній.

Любопытна форма этихъ ограниченій. Князья не запрещаютъ крестьянамъ переходить на льготные участки; но обязываютъ владѣльцевъ такихъ льготныхъ участковъ не принимать на свои земли ихъ тяглыхъ людей. Свобода перехода есть исконное обычное право крестьянъ. Первые московскіе князья еще слишкомъ слабы, чтобы поднять руку на это право. Да при существованіи многихъ удѣловъ такой мѣры и провести было нельзя: отъ князя, запрещающаго переходъ, крестьяне отхлынули бы въ удѣлы, гдѣ переходъ дозволенъ. При такихъ условіяхъ ничего не оставалось, какъ требовать отъ землевладѣльцевъ, обязанныхъ князю льготами, не принимать на свои земли тяглыхъ людей. Древнѣйшая изъ дошедшихъ до насъ грамотъ этого рода принадлежитъ Ивану Даниловичу. Въ качествѣ новгородскаго князя, онъ далъ льготную грамоту новгородскому Юрьеву на Волокѣ монастырю, но въ ней обязалъ архимандрита—тяглыхъ людей волоцкихъ и изъ отчины князя вел., изъ Москвы, не принимать. Это запрещеніе безусловное *). Въ томъ

іюня 24-го. Вел. князь обязалъ Шемяку не выводить изъ Бѣжецкаго Верха данныхъ (обложенныхъ данью) людей—въ Алабузино, въ Эско и въ Новоселки. Это не общее, а частное ограниченіе; чѣмъ оно вызвано—неизвѣстно. Р. С. I № 60.

*) А. Э. I № 4. Эта грамота Калиты написана безъ соблюденія существовавшихъ въ Новгородѣ правилъ для выдачи такихъ грамотъ. Изъ договора Василія Васильевича съ Новгородомъ (А. Э. I № 57) видно, что новгородскій князь не могъ раздавать жалованныхъ грамотъ безъ новгородскаго посадника. Это правило, встрѣчающееся и въ договорахъ XIII в, дѣйствовало, конечно, и при Калитѣ; грамота же Юрьеву монастырю не упоминаетъ объ участіи посадника. Такое отступленіе отъ существовавшихъ правилъ объясняется: 1) или тѣмъ, что Калита не всегда соблюдалъ существующія права; 2) или тѣмъ, что всѣ земли Юрьева монастыря лежали въ той части Волока, которая обыкновенно предоставлялась новгородцами въ непосредственное завѣдываніе ихъ князя. Въ этихъ *частяхъ Волока (и Торжка)* князь, по всей вѣроятности, былъ полнымъ хозяиномъ *своихъ доходовъ* и могъ освобождать отъ повинностей по своему усмотрѣнію.

же родѣ сохранилось еще нѣсколько жалованныхъ грамотъ отъ XV и XVI в. *).

Что дѣлаютъ князья, то дѣлали и частные люди, но въ болѣе тѣсной сферѣ своихъ частныхъ интересовъ. Отъ 1452 г. сохранилась данная новгородскаго посадника Василія Степановича монастырю св. Іоанна Богослова. Онъ подарилъ этому монастырю три села, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязалъ игумена не принимать половниковъ изъ его другихъ имѣній, ни отхожихъ людей **). Посадникъ устраняетъ, такимъ образомъ, конкуренцію игумена въ предложеніи заработка однимъ и тѣмъ же рабочимъ.

Но такого рода ограниченія попадали иногда далѣе своей цѣли. Финансовые интересы князя были достаточно ограждены и въ томъ случаѣ, когда владѣльцы льготныхъ имѣній, не лишаясь права принимать тяглыхъ крестьянъ, обязывались только не распространять на нихъ льготъ, дарованныхъ княземъ. Безусловное же запрещеніе принимать тяглыхъ могло поставить ихъ въ худшія условія, чѣмъ тѣ, въ которыхъ находились лица, не пользовавшіяся никакими льготами. При удаленности льготныхъ земель отъ границы княженія, крестьяне иныхъ княженій могли совсѣмъ къ нимъ не заходить; а ближайшихъ сосѣдей, которые могли быть всѣ тяглые, они не имѣли права принять, и вслѣдствіе этого могли остаться совсѣмъ безъ рабочихъ.

Это обстоятельство, конечно, и было причиною того, что практика князей при выдачѣ льготныхъ грамотъ не была у насъ единообразна. Рядомъ съ приведенными грамотами, мы встрѣчаемъ и такія, въ которыхъ нѣтъ безусловнаго воспрещенія принимать тяглыхъ. Изъ этихъ грамотъ надо вывести, что пожалованная княземъ льгота распространяется только на крестьянъ, пришедшихъ изъ иныхъ княженій; свои же, переходя на льготныя земли, не освобождались отъ повинностей въ пользу князя ***).

Только грамотами перваго рода установляется нѣкоторое ограниченіе района земель, въ предѣлахъ которыхъ совершался вольный переходъ, но, съ точки зрѣнія землевладѣльцевъ, очень сла-

---

*) Отъ XV в.: А. Э. I № 17, 20, 34, 37, 60, 102. Отъ XVI в.: А. Э. I № 335; Д. къ А. И. I № 117, 119.

**) А. Ю. № 110 VI. Тоже дѣлаютъ: княгини и митрополиты, А. Э. I. № 41, 45.

***) Отъ XIV в.: А. Э. I № 5; отъ XV-го: А. Э. I. № 19, 23, 28, 31, 36, 44; А. Ю. № 5; А. И. I № 108; Д. къ А. И. I. № 193, 201, 208. Есть и грамоты, которыми допускался *пріемъ крестьянъ* на льготныя земли безъ всякихъ ограниченій: *А. Э. I № 47.*

бое. Ими вовсе не обезпечивается потребность землевладѣльцевъ, владѣтельныхъ князей и частныхъ лицъ—имѣть постоянныхъ работниковъ.

Съ этою цѣлью землевладѣльцы обращались къ другому средству. Они брали съ крестьянъ заемныя записи (кабалы). Что такая запись имѣла свойство „укрѣпить" вольныя, на основаніи порядной, отношенія крестьянина къ землевладѣльцу, это видно изъ Уложенія, въ которомъ читаемъ: „а которые всякихъ чиновъ люди, хотя бѣглыхъ чужихъ крестьянъ и бобылей за собою укрѣпить, возьмутъ на нихъ кабалы или записи во многой ссудѣ...." (XI, 23). Уложеніе говоритъ, надо думать, не о новомъ явленіи; оно, конечно, упоминаетъ старинный обычай укрѣплять крестьянъ заемными записями, который въ XVII в. примѣняется не къ свободнымъ только крестьянамъ, а и къ бѣглымъ. Но нуждается въ разъясненіи вопросъ о томъ, какъ и какое укрѣпленіе крестьянъ возникало изъ долговой записи.

Отъ XIV и XV в. къ намъ не дошло никакихъ княжескихъ указовъ, которыми опредѣлялись бы виды частныхъ кабалъ и ихъ послѣдствія. Первое такое опредѣленіе встрѣчаемъ въ Судебникѣ 1550 года. Оно очень важно. Изъ двухъ, относящихся къ этому вопросу, статей Судебника, надо, кажется, заключить, что до половины XVI в. по этому предмету не было никакихъ указныхъ опредѣленій; это было время господства практики, а практика, какъ и всегда, была разнообразна. Для прекращенія этого-то неустойчиваго порядка вещей, Судебникъ и даетъ свои опредѣленія. Онъ различаетъ два вида кабалъ: служилыя и ростовыя. По первымъ должникъ обязывается за ростъ служить своему кредитору (78); по вторымъ онъ ему не служитъ, а платитъ ростъ (82). Тѣ и другія кабалы погашаются уплатою долга. Первыя, слѣдовательно, устанавливаютъ временную личную зависимость должника отъ кредитора; изъ вторыхъ же никакой личной зависимости не возникаетъ. Но, при неуплатѣ въ срокъ, и должники по кабаламъ за ростъ могутъ быть выданы (въ случаѣ ихъ несостоятельности) кредитору головою, для отработки долга.

Судебникъ заботится о томъ, чтобы эти два вида кабалъ не смѣшивались, и установляетъ невыгодныя послѣдствія для того кредитора, который, давъ деньги въ ростъ (за %, а не за службу), станетъ держать должника у себя во дворѣ: если такой должникъ сбѣжитъ, обокравъ кредитора, послѣдній не имѣетъ иска ни въ сносѣ, ни по кабалѣ (82). Запрещеніе Судебника держать на службѣ должника, обязаннаго процентами, заставляетъ думать, *что прежде и это дѣлалось*. Судебникъ, обязывая кредитора до-

вольствоваться или службою, или ростомъ (въ XVI в. обыкновенно 20%), приходитъ на помощь къ должнику противъ заимодавца, который прежде бралъ и обычный ростъ, и службу.

Разсмотрѣнныя статьи Судебника совершенно разъясняютъ свойства укрѣпленія, достигаемаго долговою записью.

Судебникъ, конечно, не выдумалъ служилыхъ и ростовыхъ кабалъ; онѣ существовали на практикѣ и до него. О кабальныхъ людяхъ, составляющихъ послѣдствіе кабальнаго обязательства, памятники говорятъ лѣтъ за 40 до Судебника *). Судебникъ только регулировалъ практику.

Служилой кабалой достигалось полное укрѣпленіе должника вѣрителю. Обязываясь служить за ростъ, должникъ отдавалъ въ распоряженіе кредитора всѣ свои производительныя силы. Эта обязательная работа могла быть прекращена только уплатой капитала; но гдѣ взять капиталъ, если и % платились личной работой? Для уплаты капитала было одно средство—новый заемъ. Но онъ едва ли могъ быть заключенъ на лучшихъ условіяхъ; а новый заемъ на тѣхъ же условіяхъ есть только перемѣна хозяина. Только юридически служилая кабала легко развязывается уплатой долга; фактичееки же это полная утрата свободы, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ.

Но возникаетъ вопросъ, примѣнялся ли этотъ способъ укрѣпленія къ крестьянамъ, которые по порядным снимали для себя участки владѣльческой земли? Это сомнительно. Не будемъ отрицать, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ это, можетъ быть, и имѣло мѣсто; но, по общему правилу, служилой кабалой обязывались не земледѣльцы, а люди, поступившіе въ личную службу къ извѣстному господину и жившіе въ его дворѣ, а не на особомъ участкѣ. Это видно изъ текста служилыхъ кабалъ: кабальный холопъ обязывается служить во дворѣ своего господина **).

Въ числѣ такихъ дворовыхъ слугъ могли быть и сельскіе работники; но крестьяне, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, живутъ

---

*) Р. С. I № 147.

**) А. Ю. № 252. Въ этомъ же предположеніи составлена и 82 ст. Судебника. Вмѣсто того, чтобы сказать: а кто, давъ деньги въ ростъ, потребуетъ еще службы, она говоритъ: „а кто дастъ деньги въ ростъ да того человѣка станетъ держать у себя“, т. е. у себя во дворѣ для услуги. Такому взгляду на обязанность должника жить при господинѣ, въ его дворѣ, соотвѣтствуетъ и упоминаніе въ той же статьѣ о кражѣ должника у кредитора, о чемъ и упоминать не было бы повода, еслибы не *предполагалось*, что обязанный службою живетъ во дворѣ и на *хлѣбахъ кредитора*.

въ своихъ особыхъ дворахъ, своимъ хозяйствомъ, хотя и работаютъ на землевладѣльца. Для укрѣпленія ихъ, надо думать, были въ ходу кабалы ростовыя, а не служилыя. Это подтверждается и текстомъ выше приведенной статьи Уложенія. Она говоритъ объ укрѣпленіи крестьянъ „кабалами или записями во многой ссудѣ", а не „служилыми кабалами"; она указываетъ на большой размѣръ займа, а не на обязанность службы. Это не случайная обмолвка. Съ конца XVI в. была проведена еще болѣе рѣзкая грань между служилыми кабалами и кабалами заемными, чѣмъ это сдѣлалъ Судебникъ: съ 1597 г. служилыя кабалы не погашаются болѣе уплатой долга. Въ XVII в. это различіе ежедневно проводится на практикѣ. Составители Уложенія хорошо это знали. Если Уложеніе говоритъ о ссудной записи, а не о служилой кабалѣ, то конечно, потому, что крестьяне укрѣплялись этими записями, а не служилыми кабалами.

Въ актахъ XV в. сохранились прямыя указанія на то, что землевладѣльцы раздаютъ крестьянамъ своимъ деньги въ ростъ, т. е. по ссуднымъ записямъ, а не по служилымъ кабаламъ. Въ духовной верейскаго князя Михаила Андреевича читаемъ: „что мои деньги въ моихъ селехъ въ ростѣхъ".... Въ духовной князя Андрея Васильевича такія деньги названы, по той же причинѣ, „ростовымъ серебромъ". Отсюда и названіе самихъ крестьянъ серебряниками *).

Этотъ долгъ не должно смѣшивать съ подмогой, о которой рѣчь была выше. Подмога есть долгъ безпроцентный и погашается не уплатою, а исполненіемъ тѣхъ обязательствъ, которыя принялъ на себя крестьянинъ, снимая чужую землю и получая подмогу. Ссуда же есть долгъ процентный (въ дѣйствительности $^0/_0$ нерѣдко условливались только съ момента просрочки) и погашается уплатой.

Ссуда дается не только серебромъ, но и житомъ. Это тоже процентный долгъ, иногда въ размѣрѣ пятаго зерна на четыре. Погашеніе производится или житомъ же, или серебромъ, по предварительно сдѣланной оцѣнкѣ **).

Кромѣ серебра ростоваго, памятники упоминаютъ еще о серебрѣ издѣльномъ, но не даютъ достаточно данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы составить себѣ точное понятіе объ этомъ

---

*) Серебряниками, впрочемъ, назывались не одни только крестьяне, занявшіе деньги по ссудной кабалѣ, но и другіе должники; Судебникъ должниковъ по служилой кабалѣ тоже называетъ серебряниками, ст. 78.

**) *Р. С. I № 112*; А. Ю. № 239.

серебрѣ. Изъ памятниковъ ясно только, что это серебро есть долгъ крестьянина господину; но какъ онъ возникъ, это весьма неясно.

Предлагаемъ попытку объясненія издѣльнаго серебра. За право пользованія владѣльческой землей крестьяне обязывались, на основаніи порядныхъ, нести въ пользу землевладѣльца извѣстныя повинности. Они должны были работать на него (дѣло дѣлать) и платить ему денежный и хлѣбный оброкъ. Размѣры барщины, въ немногихъ дошедшихъ до насъ порядныхъ, опредѣляются не въ подробностяхъ, а общей ссылкой на то, какъ „ходятъ иные крестьяне". Оброкъ же всегда опредѣляется точно, хлѣбный—числомъ сноповъ: 5-й, 6-й снопъ и пр.; денежный—числомъ рублей: 1, 2, и пр. *). Верейскій князь Михаилъ Андреевичъ, въ своей духовной грамотѣ, серебру въ ростѣ противополагаетъ „серебро въ пашнѣ". И то и другое крестьяне ему должны, но онъ прощаетъ имъ долги ихъ. Думаемъ, что серебро въ пашнѣ и есть крестьянскій денежный оброкъ, который обратился въ долгъ, потому что не былъ уплаченъ въ срокъ. Въ другихъ духовныхъ „ростовому серебру" противополагается не пашенное, а „издѣльное" **). Думаемъ, что это тотъ же денежный оброкъ. Онъ одинаково можетъ быть названъ и пашеннымъ серебромъ и издѣльнымъ. Владѣльцы сдаютъ свои земли изъ дохода. Доходъ этотъ получается съ пашенъ, снимаемыхъ крестьянами, отсюда—пашенное серебро; онъ извлекается чрезъ посредство крестьянскаго труда, издѣлья, отсюда—издѣльное серебро. Въ одной духовной ***) плательщики издѣльнаго серебра названы издѣльниками. Это совершенно понятно, такъ какъ крестьяне-оброчники суть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и издѣльники, въ силу той же порядной.

Съ изложенной точки зрѣнія можно объяснить и встрѣчающееся въ памятникахъ выраженіе: „лѣтнее серебро", необходимо предполагающее свое противоположное —„зимнее". Лѣтнее серебро—это денежный оброкъ, добываемый лѣтнимъ трудомъ, земледѣліемъ; зимнее — зимнимъ, напр., рыболовствомъ. Крестьяне снимаютъ не только пахатныя земли, но и угодья, напр., рыбныя ловли, обязываясь платить за нихъ натурой или деньгами ****).

Если предлагаемое объясненіе вѣрно, то только ростовое серебро есть ссуда, которая давалась господиномъ для укрѣпленія крестья-

---

*) А. Ю. № 176—178, 182, 183, 186.
**) Р. С. I № 112.
***) Р. С. I № 83.
****) *А. И. I. № 54, А. Ю. № 176.*

нина, а не издѣльное. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ и то, и другое серебро прощается иногда крестьянамъ или въ полной цифрѣ, или въ размѣрѣ половины. Отказъ отъ взысканія издѣльнаго серебра есть собственно сложеніе недоимокъ, которыхъ, конечно, всегда было много. Это такое же доброе дѣло, какъ прощеніе ссудъ бѣднымъ крестьянамъ и отпускъ рабовъ на волю, совершаемое съ цѣлью пріобрѣсти молельщика по душѣ.

Вотъ образчикъ заемной кабалы: „Се язъ, Терентій, Филипповъ сынъ,... крестьянинъ Прилуцкаго монастыря, занялъ есми Прилуцкаго монастыря у келаря 30 алтынъ денегъ монастырскихъ, марта въ 30 день до Филиппова заговѣйна 94 году, безъ росту; а полягутъ деньги по сроцѣ и мнѣ давать ростъ на пять шестой. А гдѣ ся кабала застанетъ, тутъ по ней правежъ. А на то послуси.... А кабалу писалъ.... лѣта 7093 марта въ 30 день“ *).

Въ чемъ же связующая сила такихъ кабалъ? Мы видѣли уже выше, что ростовыя кабалы не связываютъ свободы крестьянина. Онъ не обязывается кабалою обработывать землю своего кредитора и можетъ оставить ее, не смотря на долгъ. Имѣемъ отъ половины XV в. даже офиціальное признаніе однимъ удѣльнымъ княземъ за серебряниками права отходить, когда захотятъ, и не уплачивал при уходѣ своего долга **). Это—съ точки зрѣнія права обычнаго и даже указнаго; но въ дѣйствительности такою свободою пользовался только тотъ крестьянинъ, который былъ въ состояніи погасить свой долгъ въ срокъ. Если онъ не могъ этого сдѣлать, ему угрожалъ сперва правежъ, а за нимъ—отдача головою въ заработокъ кредитору. Кто не былъ увѣренъ въ возможности уплатить долгъ, тотъ долженъ былъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, чтобы не подвергнуться правежу и другимъ непріятнымъ послѣдствіямъ взысканія. Человѣка, отданнаго въ заработокъ, кредиторъ могъ тѣлесно наказывать, и это право было ему предоставлено въ весьма широкихъ размѣрахъ. Уложеніе, въ огражденіе личности должника, приказываетъ брать съ кредитора запись въ томъ, что онъ его не убьетъ и не изувѣчитъ (X,266). Практика, конечно, знала такіе случаи. Это дѣлаетъ понятнымъ, почему землевладѣльцы, по словамъ Уложенія, брали съ крестьянъ записи во *многой* ссудѣ. Чѣмъ больше долгъ, тѣмъ меньше возможность уйти съ мѣста.

Заемная кабала установляетъ фактическую, а не юридическую зависимость.

---

*) А. Ю. № 250; ср. № 239, 251, 253.

**) *А. Э. I № 48. I.*

Но такой фактической зависимостью землевладѣльцы не могли довольствоваться. Она условливалась наличностью такого обстоятельства, котораго могло и не быть въ дѣйствительности. Не всякій землевладѣлецъ имѣлъ запасъ свободныхъ денегъ для раздачи въ ссуды. Но и получившіе ссуды крестьяне могли уйти въ самое горячее для землевладѣльца время; для преслѣдованія ихъ надо было обращаться въ судъ, но не ранѣе, какъ по истеченіи срока займа. А уборка хлѣба не ждетъ. При такихъ условіяхъ, землевладѣльцамъ надо было стремиться къ болѣе существеннымъ ограниченіямъ свободы крестьянскаго перехода, и не только крестьянъ-серебряниковъ, но и тѣхъ, которые у нихъ ничего не занимали. Съ половины XV в., а, можетъ быть, и нѣсколько раньше, начинается рядъ принимаемыхъ князьями съ этою цѣлью мѣръ, но не общихъ, а частныхъ, въ пользу отдѣльныхъ землевладѣльцевъ, которые именно объ этомъ просили.

Отъ половины XV в. сохранилось нѣсколько документовъ, изъ которыхъ видно, что монастыри жалуются на свободный переходъ серебряниковъ. Въ отвѣтъ на такія жалобы, князья: 1) воспрещаютъ серебряникамъ переходъ на новыя мѣста безъ уплаты долга прежнему владѣльцу; 2) пріурочиваютъ переходъ серебряниковъ къ осеннему юрьеву дню; 3) наконецъ, распространяютъ правило объ отказѣ въ юрьевъ день и на такихъ крестьянъ, которые не были должны владѣльцу. Древнѣйшее изъ дошедшихъ до насъ распоряженій этого рода принадлежитъ верейскому князю Михаилу Андреевичу († 1485) Всѣ вышеуказанныя привилегіи онъ установляетъ въ пользу Кирило-Бѣлозерскаго монастыря. Слѣдующія, ближайшія къ этимъ по времени, привилегіи даны вел. княземъ Василіемъ Васильевичемъ. Онъ установляетъ, по челобитью братіи того же Кирилова монастыря, одинъ срокъ въ году, недѣля послѣ юрьева дня осенняго, какъ для отказа монастырскимъ крестьянамъ, такъ и для выхода на монастырскія земли, и предписываетъ платить серебро при самомъ отказѣ, а не послѣ *).

Указанныя грамоты многознаменательны. Содержа княжескія распоряженія вмѣстѣ съ жалобами, которыя подали къ нимъ поводъ, онѣ прямо указываютъ на то, что вводимый князьями порядокъ есть новость, что въ половинѣ XV в. крестьяне переходятъ въ теченіе всего года, а серебряники выходятъ, не заплативши долга.

Понятно, распоряженія эти дѣлаются въ пользу землевладѣльцевъ.

*) *А. Э. I № 48, I—III, № 73*; Д. въ А. И. I. № 198, I—II.

Вел. князь Василій Васильевичъ пошелъ еще дальше. Отъ него сохранились двѣ грамоты, которыми онъ даетъ право Троице-Сергіеву монастырю вовсе не выпускать крестьянъ изъ села Присѣкъ Бѣлозерскаго уѣзда и изъ всѣхъ селъ въ Углицкомъ уѣздѣ *). Такимъ образомъ, въ половинѣ XV в. сдѣланъ уже вел. княземъ московскимъ первый опытъ прикрѣпленія крестьянъ, по челобитью монастыря, конечно. Это тъ исключительный случай ясно, обнаруживаетъ однако тенденцію землевладѣльцевъ и волю князей оказать ей поддержку. Полное свое торжество эта тенденція получила лишь много времени спустя. При Иванѣ Васильевичѣ примѣненіе правила о юрьевѣ днѣ—все болѣе и болѣе распространяется, пока, наконецъ, въ его Судебникѣ оно не получаетъ значенія общей нормы. Съ 1497 года всѣ крестьяне имѣютъ только одинъ срокъ для перехода,—недѣля до юрьева дня и недѣля послѣ.

Но и на этотъ срокъ выходъ крестьянина не былъ вполнѣ свободенъ. Онъ долженъ былъ платить „пожилое“ за пользованіе дворомъ: въ лѣсныхъ мѣстахъ полтину, въ безлѣсныхъ—1 р. Вся цѣна платилась прожившимъ 4 года; кто жилъ годъ, оплачивалъ $^1/_4$ двора, и т. д.

Недавно высказанное мнѣніе, что правило Судебника и по формѣ, и по содержанію направлено противъ крестьянъ **), кажется намъ совершенно вѣрнымъ. Предшествовавшая практика ничего не знаетъ о платѣ пожилаго. Крестьянинъ не платилъ пожилаго и въ томъ случаѣ, когда получалъ деньги въ подмогу для постройки избы. Какъ мы видѣли, онъ долженъ былъ возвратить эти деньги и заплатить еще неустойку только въ томъ случаѣ, если не ставилъ двора и отходилъ до истеченія льготнаго времени. Крестьянинъ долженъ былъ платить только ссуду по кабалѣ и, конечно, убытки, если онъ причинилъ ихъ землевладѣльцу. Обязанность платить по кабаламъ Судебникъ не отмѣняетъ, право землевладѣльца искать убытковъ также остается; сверхъ всего этого, Судебникъ вводитъ плату „пожилаго“. Несомнѣнно, мысль о затрудненіи переходовъ дѣлаетъ съ теченіемъ времени все большіе и большіе успѣхи.

Но почему Судебникъ ни слова не говоритъ о выходѣ серебряниковъ и не повторяетъ извѣстнаго уже предшествовавшей практикѣ правила, которымъ серебряникамъ выходъ запрещался

*) А. И. I № 59; А. Э. I № 64, эта грамота напечатана во второй разъ въ А. до Ю. Б. I № 37.

**) *Engelman, Die Leibeigenschaft in Russland*, 1884, стр. 20 и сл.

до уплаты долга? Еслибы большинство крестьянъ было укрѣплено ссудами, такое молчаніе было бы непонятно. Не слѣдуетъ ли думать, что задолженность крестьянъ господамъ далеко не составляла такого общаго явленія, какъ это предполагаютъ нѣкоторые изслѣдователи? Только такое предположеніе и можетъ объяснить молчаніе судебниковъ.

Есть свѣдѣнія, что иногда крестьяне занимали у третьихъ лицъ, а не у собственниковъ снятой ими земли *). Изъ Уложенія же (XIX, 5, 15) видно, что среди крестьянъ, сидѣвшихъ на чужихъ земляхъ, были такіе богатые люди, которые принимали въ закладъ и владѣли на правѣ собственности городскими дворами, лавками, каменными погребами и соляными варницами. Уложеніе все это запрещаетъ. Отъ 1612 года имѣемъ извѣстіе, что крестьянинъ Прилуцкаго монастыря, Маркъ Ивановъ Скоровскій, взялъ въ приданое за женой, кромѣ разной движимости, хлѣба и скота, 11 рублей деньгами да пожню (лугъ) купленую; самъ же Маркъ имѣлъ въ своей казнѣ деньгами 10 руб., не считая хлѣба зерномъ, скота и другихъ движимостей **). Оба супруга имѣли чистыми деньгами 21 руб. А сумма въ 21 руб. по тому времени составляла капиталъ весьма значительный. Въ 1550 г. князь Ѳедоръ Петровичъ Ухтомскій нуждался въ капиталѣ вдвое меньшемъ того, какимъ обладалъ крестьянинъ Маркъ съ женой. Ему удалось занять 10 р. у князя Данилы Даниловича Ухтомскаго; заимодавецъ взялъ, въ обезпеченіе своихъ денегъ, въ залогъ три деревни (въ то время подъ деревней разумѣлось небольшое поселеніе, въ 2—3 двора) со всѣми угодьями, куда топоръ, плугъ и коса ходили, съ правомъ за ростъ пахать. При несостоятельности, закладная обыкновенно переходила въ купчую. Въ XVI в. заимодавцемъ князя Ухтомскаго, а—при несостоятельности—и собственникомъ его деревень могъ быть крестьянинъ Маркъ; послѣ Уложенія это едва ли было возможно. Правда, прямаго запрещенія крѣпостнымъ крестьянамъ принимать въ залогъ и покупать уѣздныя недвижимыя имущества въ Уложеніи нѣтъ; но общее направленіе нашего законодательства XVII в. было не въ пользу такихъ сдѣлокъ. По Уложенію, патріаршіе дворовые люди, если они не служилыхъ отцовъ дѣти и не природныя дѣти боярскія, должны были оставлять свое званіе и переходить на государеву службу, если пріобрѣтали себѣ

*) Д. къ А. И. I № 51, III, 1555.
**) А. Ю. № *395*.

вотчину (XVII, 37). Тѣмъ менѣе, надо думать, могли сдѣлаться вотчинниками крѣпостные крестьяне. Изъ этого видно, какую борозду проводитъ московское законодательство XVII в. между нѣкогда свободными и обладавшими всѣми гражданскими правами крестьянами и высшими разрядами лицъ.

Но это уже новый порядокъ вещей, возникающій въ Москвѣ; первопачально же земледѣльцы не только были свободны, но и не знали никакихъ указныхъ ограниченій своихъ правъ. Они могли заниматься торговлею и владѣть домами и лавками въ городахъ; могли покупать недвижимости въ уѣздѣ и быть вотчинниками. Князья, какъ мы видѣли, соперничаютъ другъ съ другомъ въ переманиваніи ихъ изъ удѣла въ удѣлъ. Но это значитъ, что крестьяне не только не были крѣпки частнымъ землевладѣльцамъ,—они не были крѣпки и владѣтельнымъ князьямъ. До объединенія Руси московскими государями, крестьяне были весьма условными подданными владѣтельныхъ князей. Они находились въ предѣлахъ ихъ суда и вѣдомства и несли въ ихъ пользу тягло,—пока не уходили въ другой удѣлъ. То же надо сказать и о посадскихъ людяхъ.

Одни рабы крѣпки своимъ господамъ. Они одни—настоящіе слуги князей. Всѣ свободные могутъ уйти отъ князя, даже крестьяне; могутъ уйти даже въ чужой удѣлъ, и это не измѣна. Одни холопы не уходятъ, только ихъ служба неизмѣнна.

Но могли ли крестьяне и посадскіе люди поступать на службу князя? Могли. Ими, конечно, и пополнялись ряды холоповъ и низшихъ свободныхъ придворныхъ слугъ, о которыхъ рѣчь еще впереди. Къ намъ дошло отъ второй половины XIV и первой XV в. семь княжескихъ договоровъ, въ которыхъ князья принимаютъ на себя обязательство—черныхъ людей къ себѣ на службу не принимать. Это частное ограниченіе служитъ только подтвержденіемъ общаго правила, допускавшаго поступленіе черныхъ людей на службу. Приведенныя статьи мы называемъ частнымъ ограниченіемъ, потому что они встрѣчаются только въ договорахъ Дмитрія Ивановича, великаго князя московскаго, и его нисходящихъ съ Владиміромъ Андреевичемъ серпуховскимъ и его внукомъ. Только эти князья обязывались не принимать въ службу черныхъ людей своихъ удѣловъ. Но это обязательство князей не лишало ихъ черныхъ людей права поступать на службу къ частнымъ лицамъ и переходить въ другіе удѣлы и поступать тамъ на службу къ князьямъ другихъ линій. Точно также это обязательство не лишало Дмитрія Ивановича и Владиміра Андреевича права прини-

мать на свою службу черныхъ людей изъ всѣхъ другихъ удѣловъ *).

Но возвратимся къ несвободнымъ княжескимъ слугамъ. Приближеніе къ князю ставило довѣренныхъ холоповъ выше свободнаго сельскаго населенія. Въ качествѣ казначеевъ, приказныхъ людей, ключниковъ, посельскихъ, тіуновъ, холопы являются начальствомъ свободныхъ крестьянъ.

Трудно думать, чтобы каждому изъ приведенныхъ наименованій соотвѣтствовала особая должность съ опредѣленнымъ кругомъ занятій. Подъ приказными людьми разумѣются, конечно, и казначеи, и ключники, и тіуны, такъ какъ всѣ они получали приказы отъ князя. Ключники имѣли на своихъ рукахъ господское серебро, а потому едва ли рѣзко различались отъ казначеевъ, которые также хранили княжескую казну. Служебная личность ключниковъ обрисовывается въ памятникахъ XVI в. рельефнѣе другихъ должностей. Живя по селамъ, ключники собираютъ княжескіе доходы и заботятся о ихъ приращеніи; съ этою цѣлью они раздаютъ господское серебро въ ростъ крестьянамъ и получаютъ съ нихъ проценты, а по наступленіи срока взыскиваютъ капиталъ. Какъ хранители господской казны и сельскіе управители, они покупаютъ на имя господина недвижимости и рабовъ. Эти покупки дѣлаются ключниками, говоря языкомъ древнихъ памятниковъ, „за ключемъ ихъ господина“, или „на его ключъ“. Серпуховскій князь, Владиміръ Андреевичъ, упоминаетъ въ своей духовной ключниковъ, покупавшихъ деревни „за его ключемъ“. „Ключъ“ здѣсь символъ власти. Господинъ, покупая рабовъ самъ, соблюдаетъ тѣ же формальности: покупаемые „даются

*) Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей видятъ въ приведенныхъ договорахъ запрещеніе крестьянскаго перехода, а не пріема на службу. Въ подтвержденіе своего мнѣнія они цитируютъ Р. С. І. № 35, 45, 71, 78, 84, въ которыхъ статья эта изложена такъ: „А которые слуги потягли къ дворскому при нашихъ отцѣхъ, а черные люди къ сотскому, а тѣхъ намъ не пріимать“. Куда не принимать, этого не сказано, что и дало поводъ дополнить—„не принимать въ крестьяне“. Приведенные договоры заключены сыномъ Дмитрія Ивановича и внукомъ его съ Владиміромъ Андреевичемъ и внукомъ его. Имъ предшествуютъ болѣе древніе, заключенные самимъ Дмитріемъ Ивановичемъ съ Владиміромъ Андреевичемъ. Въ этихъ болѣе раннихъ договорахъ, послужившихъ образцомъ для позднѣйшихъ, читаемъ: „не пріимать въ службу“ (Р. С. І. № 27 и 33). Въ позднѣйшихъ слова „въ службу“ опущены или по недосмотру, или потому, что существо дѣла и безъ нихъ представлялось совершенно яснымъ. Если текстъ позднѣйшихъ договоровъ нуждается въ дополненіи, оно должно быть сдѣлано не свободно изъ головы, а согласно текстамъ болѣе старыхъ договоровъ, которые имѣлись въ виду при написаніи *позднѣйшихъ*.

которая состоитъ въ непосредственномъ вѣдѣніи самого князя, какъ и всѣ его дворовые люди. Такъ робко вводятся новые порядки. Нельзя даже сказать, что они отмѣняютъ старые: они сливаются съ ними. Въ результатѣ получается учрежденіе, которое можетъ быть объяснено только съ исторической точки зрѣнія. Грамота дана сокольникамъ, которые, по всей вѣроятности, давно уже перестали быть сокольниками и живутъ разными иными промыслами. Замѣна поставки соколовъ въ натурѣ денежнымъ оброкомъ уничтожаетъ послѣдній признакъ, по которому еще можно распознать сокольниковъ. Тѣмъ не менѣе, они продолжаютъ состоять въ вѣдомствѣ двора, хотя къ этому нѣтъ болѣе ни малѣйшей разумной причины.

Рядомъ съ обозначенной перемѣной въ положеніи разнаго рода ловцовъ, идетъ и другая. Въ XVI в., а—можетъ быть—и ранѣе, поселенія рыболововъ и бортниковъ стали поступать въ кормленіе путнымъ чинамъ двора (ловчимъ стольнаго пути и пр.), въ рукахъ которыхъ къ этому времени сосредоточились тѣ части придворнаго вѣдомства, для первоначальнаго удовлетворенія которыхъ именно и возникли эти рыбники, сокольники и бобровники. Съ этого времени они, помимо прежнихъ своихъ службъ по отношенію къ двору, должны были нести еще повинности для удовлетворенія кормленщиковъ *).

О дѣятельности ключниковъ, дворовыхъ дьяковъ, подъячихъ и разныхъ приказныхъ людей мы имѣли уже случай упомянуть. Мы указали и на то, что строгой спеціализаціи дворовыхъ слугъ, соотвѣтственно различію ихъ наименованій, не было. Подъячій могъ быть употребленъ вмѣсто сытника или хлѣбника для наблюденія за приготовленіемъ муки и т. д. **)

Помимо указанной дѣятельности, дворовые люди выступаютъ еще въ качествѣ низшихъ органовъ суда. Они вызываютъ тяжущихся къ суду, даютъ ихъ на поруки, заковываютъ въ желѣзо и пр. Въ этомъ качествѣ они извѣстны въ источникахъ подъ именемъ дворянъ: дворовые, дворные люди, а отсюда и дворяне ***). Дворовые люди—а, слѣдовательно, и дворяне—были не у однихъ только князей, они встрѣчаются во дворѣ каждаго состоятель-

---

*) А. Э. I № 143, 150.

**) А. Э. I № 201.

***) Древнѣйшее упоминаніе о дворянахъ въ смыслѣ дворовыхъ слугъ относится къ 1175 г., см. лѣт. Сузд. и Воскр. Памятники XIV в. говорятъ о дворянахъ, какъ о гонцахъ княжескихъ, посылаемыхъ съ разными порученіями, и *какъ низшихъ органахъ суда*. Р. С. I № 8 и 15 А. Э. I № 13.

наго человѣка. Поэтому, если онъ назначался судьей, то также посылалъ „своихъ дворянъ“ для исполненія разныхъ судныхъ дѣйствій, какъ дѣлали это и князья *).

Трудно думать, чтобы и здѣсь существовало какое либо обособленіе дворянъ, какъ судныхъ органовъ, отъ другихъ дворовыхъ. Все, конечно, рѣшалось условіями минуты и довѣріемъ господина; въ XIV и XV в. должность суднаго органа могла быть возложена на конюха, какъ въ XVII в. дворянъ назначали въ должность конюховъ. Памятники XIV в. разныхъ гонцовъ тоже называютъ дворянами, а кто же лучше конюха могъ исполнить должность, напримѣръ, гонца съ ратною вѣстью? Даже въ XVII вѣкѣ конюхи объявляютъ царскую волю боярамъ.

Дворяне за исполненіе разныхъ судныхъ дѣйствій получаютъ особую пошлину: хоженое, ѣздъ, желѣзное и пр. **). Служба другихъ дворовыхъ также оплачивалась. Источники упоминаютъ пошлины: дьячьи, ключничьи, подлазчиковъ, бобровниковъ и др. ***).

Наконецъ, дворовые люди составляли войско князя. Разные виды ловчихъ, охотники, псари и пр., по ежедневнымъ своимъ занятіямъ, были близки къ истребительному дѣлу войны и, конечно, сопровождали князя въ его походахъ. Но, помимо этого, есть поводъ думать, что подъ дворскимъ состояли слуги, спеціально назначенные для войны. Въ духовной Владиміра Андреевича читаемъ: „а кто будетъ подъ дворскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промеже себе не пріимаютъ, ни отъ сотниковъ...“ Эти слуги, раздѣленные на сотни, можетъ быть, и были воины, устроенные, подъ вѣдомствомъ дворскаго, на княжескихъ земляхъ или только дворовыхъ мѣстахъ. Еще въ началѣ XVII в. стрѣльцы и пушкари получали хлѣбъ годовой изъ дворца отъ дворецкаго ****). Въ случаѣ надобности, сытники, повара, хлѣбники, конюхи и другіе дворовые легко обращались также въ воиновъ.

Зависимость этихъ мелкихъ свободныхъ слугъ подъ дворскимъ состояла не въ томъ одномъ, что они теряли землю, оставляя службу. Московскіе третчики (князья, имѣвшіе часть въ Москвѣ) позаботились и о томъ, чтобы затруднить имъ уходъ безъ земли.

---

*) Дворянъ имѣли даже тивуны (рабы) и, производя судъ по порученію своихъ господъ, посылали ихъ для совершенія разныхъ судныхъ дѣйствій. А. Э. I № 5.

**) А. Э. I № 13.

***) А. Э. I № 136, 341.

****) *А. И. II № 355.*

Въ своихъ договорахъ они обязываются слугъ подъ дворскимъ не принимать другъ отъ друга *). Такую же обязанность возлагаетъ Владиміръ Андреевичъ и на своихъ сыновей, раздѣляя между ними своихъ слугъ подъ дворскимъ. Конкуренція московскихъ князей въ переманиваніи этихъ слугъ была, такимъ образомъ, ограничена. Они могли уйти только къ князьямъ немосковскаго дома, въ договорахъ съ которыми помянутаго ограниченія не встрѣчаемъ. А это, по дальности и неизвѣстности мѣстныхъ условій, не такъ-то легко было сдѣлать. Знаменательно: — князья не имѣютъ еще силъ лишить слугъ подъ дворскимъ права отъѣзда; они ограничиваютъ, поэтому, самихъ себя.

Дворъ, въ смыслѣ войска, составлялъ во время похода особый отрядъ отъ остальныхъ воиновъ. Если князь находился самъ въ походѣ, то онъ шелъ, окруженный своимъ дворомъ. Это и понятно, такъ какъ дворъ состоялъ изъ лично извѣстныхъ и близкихъ ему людей **).

По мѣрѣ развитія силъ и значенія московскихъ государей, при дворѣ ихъ, въ качествѣ воиновъ, начинаютъ появляться дѣти боярскія ***). Что это новый элементъ княжескаго двора, а не первоначальный, появляющійся въ его составѣ въ значительныхъ размѣрахъ только съ XV в., а не ранѣе, это видно изъ того, что на языкѣ офиціальныхъ актовъ XV в. дѣти боярскія различаются еще отъ чиновъ двора. Въ жалованныхъ грамотахъ льгота отъ постоя разныхъ ѣздоковъ выражается слѣдующими словами: князи мои и бояре, и дѣти боярскія, и люди дворные, и всякіе ѣздоки не ставятся... *).

Увеличеніе численности двороваго войска повело къ созданію особаго воеводы для командованія этимъ войскомъ. Въ разрядныхъ книгахъ XVI в. встрѣчаемъ двороваго воеводу. Въ 1568 г.

---

*) Р. С. I № 33.

**) Войска Дмитрія Донскаго въ походѣ на Мамая „начаша возитися за рѣку (Оку) за недѣлю до Семена дни, въ день недѣльный, и переѣхаша за рѣку и внидоша въ землю Рязанскую; а самъ в. к. въ понедѣльникъ перебродися съ своимъ дворомъ". Лѣт. VI, 92. См. еще Лѣт. VIII, годы 1433, 1434.

***) Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ XV в. читаемъ: „и к. в. послалъ дѣтей боярскихъ, дворъ свой", или: „послалъ дѣтей боярскихъ, дворъ свой, также и отъ всей земли своей дѣтей боярскихъ", или: „и многихъ дѣтей боярскихъ двора своего и понизовыхъ городовъ дѣтей боярскихъ" (Лѣт. VIII, стр. 122, 155 и 231). Изъ двухъ послѣднихъ выраженій ясно, что дѣти боярскія двора в к. составляютъ только часть дѣтей боярскихъ вообще.

****) *А. И. I № 71, 75.*

дворовымъ воеводой былъ кн. Михайло Темрюковичъ Черкасской *).

Въ памятникахъ XVII в. сохранился еще ясный слѣдъ этого зависимаго и, по преимуществу, холопскаго двора московскихъ государей.

Къ началу этого вѣка дворовое вѣдомство московскихъ государей чрезвычайно расширилось. Понадобилось, поэтому, обособить отдѣльныя его части и во главѣ каждой поставить особое довѣренное лицо. Мы встрѣчаемся въ это время не съ цѣльнымъ дворомъ, во главѣ котораго стоитъ дворецкій, а съ отдѣльными дворцовыми учрежденіями, на которыя распался старый княжескій дворъ. Памятники говорятъ о дворцѣ и о приказахъ: конюшенномъ, ловчемъ, сокольничемъ; во главѣ дворца состоитъ по прежнему дворецкій, во главѣ приказа конюшеннаго поставленъ боярин, во главѣ остальныхъ дворяне добрые **). Не смотря на эти измѣненія, въ дворцовыхъ учрежденіяхъ XVII в. безъ труда можно найти знакомые уже намъ элементы болѣе глубокой древности, хотя и не всѣ они дожили до этого времени.

Въ грамотѣ царя Бориса отъ 1601 г. находимъ слѣдующее перечисленіе дворовыхъ людей: „Большаго Дворца дворовые люди всѣхъ чиновъ, ключники, стряпчіе, сытники, подключники; конюшеннаго приказу прикащики, конюхи стремянные, стряпчіе; ловчаго пути охотники и конные псари; сокольничья пути кречетники, сокольники, ястребники, трубники и сурначеи“ ***). Что эти придворные занимаютъ по прежнему весьма низкую ступень соціальной лѣстницы, это видно изъ того, что они поименованы въ концѣ перечисленія, и что выше ихъ стоятъ дѣти боярскія. Низменное положеніе этихъ подключниковъ, псарей и конюховъ нисколько не мѣшало имъ владѣть населенными имѣніями и дворами на Москвѣ ****). Благодаря милости царской, всѣ они были господа помѣщики.

Изъ указовъ первой половины XVII в. узнаёмъ, что дворы,

---

*) Синб. сборн. 20.

**) А. И. II № 355.

***) А. И. II № 20.

****) То же мѣсто отведено дворовымъ людямъ и въ Уложеніи, X, 30, 91, 93, XVI, 1. Въ запискѣ о царскомъ дворѣ начала XVII в. читаемъ: „На дворцѣ церковь Преображенье, служитъ протопопъ. Весь Дворецъ, ключники и стряпчіе, и сытники и приспѣшники, и повары тутъ приходятъ, и рано для ихъ службы живетъ, чтобы отправясь шли всякъ на свой приспѣхъ къ царскому столу готовить“ (*А. И. II № 355*).

принадлежавшіе въ городѣ Москвѣ дворовымъ, не могли быть ими продаваемы людямъ, не состоящимъ на службѣ двора. Это объясняется тѣмъ, что дворы эти не составляли собственности дворовыхъ, а были даны имъ дворцовымъ вѣдомствомъ *). Въ этомъ новая точка соприкосновенія дворовыхъ людей XVII в. со слугами подъ дворскимъ Владиміра Андреевича, которые также получали земли отъ вѣдомства двора. Слуги подъ дворскимъ, оставляя службу, лишались земель; тѣмъ менѣе могли они продавать ихъ. Такимъ образомъ, запрещенія XVII в. не новость,—въ нихъ выражено только то, что̀ всегда предполагалось.

Въ описаніи Котошихинымъ приказа Большаго Дворца нетрудно узнать старый дворъ московскихъ князей. Въ этомъ приказѣ сидитъ бояринъ-дворецкій. Вѣдаетъ онъ: 1) дворы Сытенный, Кормовой, Хлѣбенный, Житенный... рыбныя угодья, бобровые гоны, бортныя угодья, сѣнные покосы въ царскихъ угодьяхъ...; 2) дворовыхъ людей, да торговыхъ и ремесленныхъ людей московскихъ слободъ: рыбниковъ, горшечниковъ, шатерниковъ, кузнецовъ и пр.; беретъ съ нихъ подати, что̀ и съ иныхъ посадскихъ, да они же повинны работать всякія дѣла на царскомъ дворѣ, что̀ прилучится, безденежно.

Котошихинъ не объясняетъ, почему перечисленные имъ торговые и ремесленные люди платятъ подати наравнѣ съ посадскими, да еще работаютъ на дворецъ безденежно. Въ силу измѣнившагося склада отношеній среди населенія Московскаго государства къ XVII в., причина этого неравенства повинностей могла быть неясна и самому автору сочиненія о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, такъ какъ она чисто историческая и объясняется лишь тѣмъ различіемъ, которое искони существовало между дворовыми и не-дворовыми людьми. Дворовые получали отъ дворецкаго земли и дворовыя мѣста,—этимъ и объясняется тотъ плюсъ повинностей, на который указываетъ Котошихинъ. Въ XVII в. легко могли забыть, какого происхожденія дворы дворцовыхъ рыбниковъ, шатерничихъ, гончаровъ и пр.

---

*) Изъ указа 1639 г, узнаёмъ, что запрещенные къ продажѣ дворы находятся за Арбатскими воротами въ улицахъ: Поварской. Столовой, Сторожевой, Хлѣбной. Изъ указа 1643 г. видно, что запрещеніе это простиралось и на мѣстность „во Псаряхъ", находившуюся за Бѣлымъ Городомъ. Изъ приведеннаго наименованія улицъ видно, что онѣ были заселены придворными чинами разныхъ наименованій извѣстными еще памятникамъ XV в. Царскій дворъ вышелъ за предѣлы стѣнъ *дворца и раскинулся по* всей Москвѣ. Ут. и Лаз. стр. 370, 388 и 391.

ВОЛЬНЫЕ И НЕВОЛЬНЫЕ СЛУГИ МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ.

Дворъ первыхъ московскихъ князей въ существенныхъ чертахъ своихъ дожилъ до конца XVII столѣтія. Это и понятно. Онъ совершенно подходитъ къ потребностямъ московскихъ властителей, и производить въ немъ существенныя реформы не было ни малѣйшей надобности. Основной его элементъ составляютъ холопы; къ нимъ присоединяются мелкіе свободные люди, надѣломъ земель поставленные въ тѣсную зависимость отъ хозяина двора. Это, конечно, самые лучшіе слуги, какъ зависимые и, вслѣдствіе этого, покорные. Надо было стремиться къ тому, чтобы и всѣхъ вольныхъ слугъ, не состоявшихъ подъ дворскимъ, привести въ такое же состояніе покорности. И это было достигнуто. Дворовыя отношенія представляютъ основной типъ, по которому сложилась вся служба московскаго государства и всѣ московскіе чины.

В. Сергѣевичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ГЕРОИ ЛЕГКОЙ НАЖИВЫ.

(Les reins cassés).

Романъ **Эрнеста Додэ.**

I.

Полночь; въ Елисейскомъ дворцѣ собралось не менѣе пяти тысячъ народа; блестящій балъ въ самомъ разгарѣ. Удушливая атмосфера затемняетъ пламя люстръ, дробящееся въ хрустальныхъ подвѣскахъ и раздуваемое вѣтромъ, который поднимаютъ танцующія пары. Стекла затворенныхъ оконъ, позолота и бѣлая окраска стѣнъ покрыты влажными бороздами осѣвшихъ испареній.

Со всѣхъ сторонъ мелькаютъ передъ глазами ослѣпительные цвѣта, живопись на потолкахъ, разнообразные тоны мебельной обивки, нѣжные отливы матерій на дамскихъ платьяхъ, блестящая вышивка корсажей, а на фонѣ этого подвижнаго калейдоскопа выдѣляется бѣлизна обнаженныхъ плечъ, профили женскихъ лицъ, обрамленныхъ волнами волосъ съ уборами изъ драгоцѣнныхъ камней, перьевъ и цвѣтовъ. Шарканье ногъ по паркету слилось съ нестройнымъ гуломъ голосовъ, но то и другое заглушается по временамъ звуками музыки, долетающими изъ танцовальныхъ залъ. Главная галлерея запружена толпою, которая двигается по двумъ направленіямъ между стульевъ, отброшенныхъ направо и налѣво. Эти стулья съ ожесточеніемъ защищаются тѣми, кто успѣлъ ими овладѣть, и берутся приступомъ, если они свободны. Здѣсь можно пройти впередъ только съ величайшимъ трудомъ, и нельзя ничего разсмотрѣть, кромѣ мельканья бѣлыхъ плечъ и черныхъ фраковъ. Вся эта вереница волнуется, подаваясь то въ одну сторону, то въ другую, подъ напоромъ вновь прибывшихъ гостей, которые спѣшатъ проникнуть въ залы.

Задыхаясь отъ жара, измученная усталостью, г-жа Рокруа томно опиралась на руку Фарга.

— Люсьенъ, ради Бога, дайте мнѣ присѣсть! прошептала она:— я не въ состояніи дольше держаться на ногахъ!

— Но прежде всего нужно выйти отсюда. Сдѣлайте надъ собою усиліе, Регина, чтобы я, по крайней мѣрѣ, могъ довести васъ до дипломатической гостинной, гдѣ вы будете избавлены отъ тѣсноты.

— Пустятъ ли меня туда? Жена префекта—важное лицо только въ своемъ департаментѣ. Въ Парижѣ я ничего не значу.

— И въ Парижѣ, и во всякомъ другомъ мѣстѣ васъ всегда замѣтятъ, какъ очень хорошенькую женщину, милый другъ. Кромѣ того, подъ руку со мной вы пройдете, куда угодно.

Свѣтлые глаза Регины засіяли радостью. Ея головка, утопавшая въ массѣ золотистыхъ волосъ, гордо выпрямилась. Они продолжали медленно подвигаться впередъ. Еще нѣсколько минутъ волнующаяся толпа бросала ихъ по своей прихоти туда и сюда, какъ морской валъ бросаетъ обломки корабля, прежде чѣмъ выкинуть на берегъ. Наконецъ Фаргу удалось довести свою даму до дверей дипломатической гостинной, гдѣ тѣснились любопытные зрители. Одинъ изъ письмоводителей канцеляріи стоялъ у входа. Сохраняя безстрастный видъ, онъ пропускалъ туда только извѣстныхъ ему лицъ; другіе сами называли ему свое имя, и чиновникъ почтительно имъ кланялся.

Молодой депутатъ изъ Арьежа, котораго, благодаря недавнимъ ораторскимъ успѣхамъ, прочили въ будущіе министры, удостоился крайне предупредительнаго обращенія со стороны письмоводителя. Прижимая къ себѣ руку Регины, онъ только что хотѣлъ пройти въ привилегированную гостинную, какъ вдругъ между нимъ и чиновникомъ появилась фигура, загородившая дорогу Люсьену Фаргу съ его дамой. Это былъ высокій мужчина, отличавшійся худобою аскета, съ сѣдой бородой, коротко остриженными волосами на головѣ, съ громаднымъ лбомъ и мрачнымъ взглядомъ лихорадочно блестѣвшихъ глазъ. Онъ, очевидно, чувствовалъ себя неловко въ черномъ фракѣ стариннаго покроя, измятомъ отъ долгаго лежанья на днѣ чемодана. Скромный костюмъ посѣтителя говорилъ о тяжелыхъ лишеніяхъ и объ отчаянныхъ усиліяхъ освободиться изъ-подъ гнета нищеты.

— Какъ, вы здѣсь, Баре? тихо сказалъ Люсьенъ.

— Мое почтеніе, г-жа Рокруа, мое почтеніе, г-нъ депутатъ!

— Развѣ вы оставили свою газету?

— Только на время. Мнѣ захотѣлось немного освѣжиться въ Парижѣ, въ этомъ очагѣ всеобщаго просвѣщенія. Кромѣ того, я намѣренъ присутствовать здѣсь на одномъ республиканскомъ праздникѣ.

— Нравится ли вамъ балъ?

— Черезчуръ много блеску! Здѣсь нѣтъ ничего демократическаго. Я чувствую себя не на мѣстѣ. Но, впрочемъ, можетъ быть, это съ непривычки. Мнѣ въ первый разъ пришлось войти во дворецъ не подъ ружьемъ.

— Вотъ какъ!

— 24-го февраля и 4-го сентября меня видѣли въ Тюльери, но я пришелъ туда только для изгнанія тирановъ.

Письмоводитель, презрительно слушавшій странный разговоръ, неожиданно смутился. Ѣдкая фраза журналиста была, очевидно, направлена противъ него и сопровождалась вызывающимъ взглядомъ.

— Теперь, къ счастію, тирановъ больше нѣтъ, весело возразила Регина, стараясь увлечь Фарга.

— Но все таки у насъ остались сословныя преимущества, съ горечью возразилъ Баре.—Вотъ, напримѣръ, меня не пускаютъ въ эту гостинную, куда свободно идутъ другіе.... Гдѣ же тутъ равенство?

— Вы правы, насмѣшливо отвѣчалъ Фаргъ.—Но не осуждайте меня за то, что я воспользуюсь этой привилегіей, которая даетъ мнѣ возможность усадить на мѣсто г-жу Рокруа: она едва держится на ногахъ отъ утомленія. До свиданья, г-нъ редакторъ.

Люсьенъ и Регина вошли въ дипломатическій салонъ. Баре остался у входа, униженный и взбѣшенный, подъ ироническимъ взглядомъ письмоводителя, которому удалось таки взять надъ нимъ перевѣсъ.

— Такъ вотъ ради чего мы строили баррикады! проворчалъ журналистъ.—Хоть ты и депутатъ, но я обличу тебя въ одномъ изъ нумеровъ своего *Фуайскаго Радикала*. Можетъ быть, тебѣ станетъ тогда понятно, что пресса имѣетъ право на извѣстную долю уваженія.

— Проходите, господа, проходите! покрикивалъ между тѣмъ на публику дежурный письмоводитель.

Въ отдѣльной гостинной собрались почетные гости президента республики: посланники, министры, генералы, увивавшіеся вокругъ дамъ или серьезно бесѣдовавшіе между собою. За исключеніемъ незначительнаго числа вновь испеченныхъ политиковъ, большинство изъ нихъ было украшено орденами и лентами. На военныхъ мундирахъ сверкали кресты. Толпа, проходившая мимо двери, называла этихъ лицъ по именамъ, съ завистью посматривая на баловней судьбы.

На офиціальныхъ балахъ, благодаря любезности главы государства, а также и старинному обычаю, высокопоставленные посѣ-

тители находили убѣжище отъ тѣсноты въ особой комнатѣ, куда не пускали постороннихъ. При входѣ Фарга и Регины между ними произошло движеніе. Молодой депутатъ становился знаменитостью. Его личность возбуждала любопытство. Что же касается Регины, жены скромнаго третьестепеннаго префекта, только что пріѣхавшей изъ провинціи, то ее съ первыхъ шаговъ въ высшемъ обществѣ Парижа встрѣтило поклоненіе, какимъ пользуются повсюду красота и молодость.

Г-жа Рокруа сѣла на круглый диванчикъ подъ тѣнью развѣсистой пальмы. Зеленыя листья растенія касались ея золотистыхъ волосъ. Эти кудри, отливавшія пламенемъ, отличались необыкновенной пышностью. Спереди онѣ покрывали лобъ крутыми, прихотливыми зивитками, а сзади, опуская вдоль шеи, падали шелковистой волной на полную бѣлую спину молочной бѣлизны, усѣянную золотистымъ пушкомъ, который искрился на нѣжной кожѣ. Большіе свѣтлые глаза молодой женщины ласкали и манили своимъ чарующимъ выраженіемъ; они придавали чистымъ очертаніямъ лица Регины что-то своеобразное, что невольно дѣйствовало на чувства, заставляя угадывать въ ней пылкую, страстную душу. Корсажъ бѣлаго платья плотно охватывалъ стройную талію, обрамляя обнаженныя плечи и руки безупречной формы. Ни драгоцѣнные камни, ни цвѣты не нарушали изящной простоты этого туалета, въ которомъ сказывался тонкій артистическій вкусъ женщины, сознававшей, что ея красота не нуждается въ излишнихъ украшеніяхъ. Фаргъ отошелъ въ сторону, чтобы отвѣчать на привѣтствія знакомыхъ. Онъ на минуту затерялся между группами почетныхъ гостей, но потомъ появился опять въ сопровожденіи господина среднихъ лѣтъ; обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими словами, молодой депутатъ подвелъ его къ г-жѣ Рокруа.

— Сударыня, сказалъ Люсьенъ:—г. министръ внутреннихъ дѣлъ желаетъ съ вами познакомиться.

Регина неторопливо встала, какъ женщина, сознающая свое могущество, граціозно отвѣтила на поклонъ государственнаго человѣка и осталась стоять, перебирая пальцами вѣеръ. Фаргъ скромно удалился. Тогда министръ попросилъ г-жу Рокруа сѣсть и позволить ему занять мѣсто возлѣ нея, на что она отвѣтила вполголоса:

— Сочту за честь, г. министръ!

Теперь они сидѣли рядомъ. Регина по прежнему не поднимала глазъ, между тѣмъ какъ ея кавалеръ поигрывалъ лорнеткой, стараясь устранить всякую церемонность обращенія, и скользилъ любопытнымъ *взглядомъ* по обнаженнымъ плечамъ красавицы.

— Я хотѣлъ лично выразить вамъ, сударыня, началъ онъ:—мое живѣйшее сожалѣніе о томъ, что вашъ мужъ хочетъ выйти въ отставку. Онъ совершенно напрасно вздумалъ оставить администрацію, и я позволяю себѣ разсчитывать на вашу поддержку въ данномъ случаѣ. Вамъ непремѣнно слѣдуетъ уговорить его отказаться отъ такого сумасбродства.

— Это сильно сказано, г. министръ.

— Правительство дорожитъ хорошими чиновниками, сударыня. Г. Рокруа—одинъ изъ лучшихъ префектовъ.

— Не потому ли его оставляютъ, вотъ уже три года, прозябать въ Фуа, гдѣ я умираю отъ скуки?

— Вы не останетесь тамъ на долгое время. По рекомендаціи нашего друга, Люсьена Фарга, я уже позаботился о повышеніи г-на Рокруа.

— О какомъ повышеніи? Вы считаете большою милостью доставить мужу одну изъ второстепенныхъ префектуръ, гдѣ ваши преемники забудутъ о его существованіи.

— Сударыня, вы слишкомъ честолюбивы!

Регина подняла голову и взглянула прямо въ глаза своего собесѣдника.

— Послушайте, господинъ министръ, неужели вамъ кажется, что я рождена для того, чтобы заглохнуть въ провинціи?

— О, нѣтъ, конечно. Для такой особы, какъ вы, нужно жить непремѣнно въ Парижѣ. Но устроить это очень легко.

— Какимъ образомъ?

— Открывъ вашему мужу доступъ въ государственный совѣтъ.

— А вы обѣщаете похлопотать о его переводѣ?

— Съ тѣмъ условіемъ, что вы дадите мнѣ годичный срокъ для исполненія моего обѣщанія.

— Годичный срокъ! Но кто можетъ поручиться, что вы удержитесь на своемъ посту до тѣхъ поръ?

— Конечно, это болѣе, чѣмъ сомнительно, съ иронической улыбкой сознался государственный человѣкъ.

— Вотъ видите! При всемъ желаніи, вы не можете ничего сдѣлать для насъ. Мы съ мужемъ обдумали и взвѣсили всѣ шансы, прежде чѣмъ рѣшиться покинуть администрацію.

— Но вы, по крайней мѣрѣ, не можете сказать, чтобы я не старался удержать васъ.

— Очень вамъ признательна, господинъ министръ. Вотъ и мой мужъ, но его задерживаютъ у входа.

— Я сейчасъ обезоружу суроваго цербера.

Министръ поднялся съ мѣста, подавая Регинѣ руку. Они на-

равились къ дверямъ, откуда Андрэ Рокруа дѣлалъ знаки женѣ.

— Пропустите г-на префекта, приказалъ министръ письмоводителю.

Андрэ пробрался въ гостинную, съ поклонами, улыбками, и разсыпался въ извиненіяхъ. Это былъ человѣкъ маленькаго роста, лѣтъ тридцати пяти, полный, красный, приземистый, съ большими ногами и толстыми руками, затянутыми въ слишкомъ узкія перчатки.

— Поблагодарите г-на министра, Андрэ, сказала ему жена:— онъ очень любезно настаивалъ на томъ, чтобы вы не покидали государственной службы.

— Не далѣе, какъ вчера, я слышалъ отъ г-на министра то же самое, когда имѣлъ честь быть у него. Мнѣ пришлось представить ему причины, по которымъ мое рѣшеніе остается неизмѣннымъ.

— Совершенно вѣрно, подтвердила Регина.

— Да, я слышалъ, что вы хотите заняться финансовыми предпріятіями.

— Я получилъ мѣсто въ административномъ совѣтѣ компаніи золотоносныхъ залежей въ Новой Зеландіи со званіемъ уполномоченнаго администратора. Великолѣпное дѣло!

— Очень можетъ быть, что вы пріобрѣтете здѣсь больше, чѣмъ на государственной службѣ. Потому не смѣю порицать вашего поступка, милостивый государь, и, сожалѣя о томъ, что мы теряемъ въ васъ отличнаго префекта, я въ то же время радуюсь предстоящей возможности почаще видѣть вашу супругу въ нашей средѣ, Не разрѣшитъ ли она мнѣ представить ее президенту республики?

— Я только что хотѣлъ просить васъ объ этомъ, г. министръ.

Они снова прошли въ противоположный конецъ гостинной, гдѣ состоялось представленіе. Президентъ сказалъ нѣсколько любезностей женѣ и мужу. Послѣ того, министръ вернулся со своей дамой къ главной группѣ гостей, гдѣ г-жу Рокруа снова окружила толпа мужчинъ, желавшихъ съ нею познакомиться.

Успѣхъ молодой женщины былъ поразителенъ. Хотя до сихъ поръ она еще никогда не бывала въ Парижѣ, однако нисколько не стѣснялась въ избранномъ обществѣ столицы, чувствуя себя здѣсь также свободно, какъ и въ скромныхъ гостинныхъ своей префектуры, гдѣ Регина успѣла научиться играть первенствующую роль. Вполнѣ сознавая свою красоту, она усвоила себѣ увѣренность обращенія, которая одинаково дѣйствовала какъ на

принадлежавшіе въ городѣ Москвѣ дворовымъ, не могли быть ими продаваемы людямъ, не состоящимъ на службѣ двора. Это объясняется тѣмъ, что дворы эти не составляли собственности дворовыхъ, а были даны имъ дворцовымъ вѣдомствомъ *). Въ этомъ новая точка соприкосновенія дворовыхъ людей XVII в. со слугами подъ дворскимъ Владиміра Андреевича, которые также получали земли отъ вѣдомства двора. Слуги подъ дворскимъ, оставляя службу, лишались земель; тѣмъ менѣе могли они продавать ихъ. Такимъ образомъ, запрещенія XVII в. не новость,—въ нихъ выражено только то, что̀ всегда предполагалось.

Въ описаніи Котошихинымъ приказа Большаго Дворца нетрудно узнать старый дворъ московскихъ князей. Въ этомъ приказѣ сидитъ бояринъ-дворецкій. Вѣдаетъ онъ: 1) дворы Сытенный, Кормовой, Хлѣбенный, Житенный... рыбныя угодья, бобровые гоны, бортныя угодья, сѣнные покосы въ царскихъ угодьяхъ...; 2) дворовыхъ людей, да торговыхъ и ремесленныхъ людей московскихъ слободъ: рыбниковъ, горшечниковъ, шатерниковъ, кузнецовъ и пр.; беретъ съ нихъ подати, что̀ и съ иныхъ посадскихъ, да они же повинны работать всякія дѣла на царскомъ дворѣ, что̀ прилучится, безденежно.

Котошихинъ не объясняетъ, почему перечисленные имъ торговые и ремесленные люди платятъ подати наравнѣ съ посадскими, да еще работаютъ на дворецъ безденежно. Въ силу измѣнившагося склада отношеній среди населенія Московскаго государства къ XVII в., причина этого неравенства повинностей могла быть неясна и самому автору сочиненія о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, такъ какъ она чисто историческая и объясняется лишь тѣмъ различіемъ, которое искони существовало между дворовыми и не-дворовыми людьми. Дворовые получали отъ дворецкаго земли и дворовыя мѣста,—этимъ и объясняется тотъ плюсъ повинностей, на который указываетъ Котошихинъ. Въ XVII в. легко могли забыть, какого происхожденія дворы дворцовыхъ рыбниковъ, шатерничихъ, гончаровъ и пр.

---

*) Изъ указа 1639 г, узнаёмъ, что запрещенные къ продажѣ дворы находятся за Арбатскими воротами въ улицахъ: Поварской. Столовой, Сторожевой, Хлѣбной. Изъ указа 1643 г. видно, что запрещеніе это простиралось и на мѣстность „во Псаряхъ“, находившуюся за Бѣлымъ Городомъ. Изъ приведеннаго наименованія улицъ видно, что онѣ были заселены придворными чинами разныхъ наименованій извѣстными еще памятникамъ XV в. Царскій дворъ вышелъ за предѣлы стѣнъ *дворца и раскинулся по* всей Москвѣ. Ут. и Лаз. стр. 370, 388 и 391.

ВОЛЬНЫЕ И НЕВОЛЬНЫЕ СЛУГИ МОСКОВСКИХЪ ГОСУДАРЕЙ.

Дворъ первыхъ московскихъ князей въ существенныхъ чертахъ своихъ дожилъ до конца XVII столѣтія. Это и понятно. Онъ совершенно подходитъ къ потребностямъ московскихъ властителей, и производить въ немъ существенныя реформы не было ни малѣйшей надобности. Основной его элементъ составляютъ холопы; къ нимъ присоединяются мелкіе свободные люди, надѣломъ земель поставленные въ тѣсную зависимость отъ хозяина двора. Это, конечно, самые лучшіе слуги, какъ зависимые и, вслѣдствіе этого, покорные. Надо было стремиться къ тому, чтобы и всѣхъ вольныхъ слугъ, не состоявшихъ подъ дворскимъ, привести въ такое же состояніе покорности. И это было достигнуто. Дворовыя отношенія представляютъ основной типъ, по которому сложилась вся служба московскаго государства и всѣ московскіе чины.

В. Сергѣевичъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПЕРМСКАГО ОБЛАГОРОДНАГО
БИБЛІОТЕКА
СОБРАНІЯ

ГЕРОИ ЛЕГКОЙ НАЖИВЫ.

(Les reins cassés).

Романъ Эрнеста Додэ.

I.

Полночь; въ Елисейскомъ дворцѣ собралось не менѣе пяти тысячъ народа; блестящій балъ въ самомъ разгарѣ. Удушливая атмосфера затемняетъ пламя люстръ, дробящееся въ хрустальныхъ подвѣскахъ и раздуваемое вѣтромъ, который поднимаютъ танцующія пары. Стекла затворенныхъ оконъ, позолота и бѣлая окраска стѣнъ покрыты влажными бороздами осѣвшихъ испареній.

Со всѣхъ сторонъ мелькаютъ передъ глазами ослѣпительные цвѣта, живопись на потолкахъ, разнообразные тоны мебельной обивки, нѣжные отливы матерій на дамскихъ платьяхъ, блестящая вышивка корсажей, а на фонѣ этого подвижнаго калейдоскопа выдѣляется бѣлизна обнаженныхъ плечъ, профили женскихъ лицъ, обрамленныхъ волнами волосъ съ уборами изъ драгоцѣнныхъ камней, перьевъ и цвѣтовъ. Шарканье ногъ по паркету слилось съ нестройнымъ гуломъ голосовъ, но то и другое заглушается по временамъ звуками музыки, долетающими изъ танцовальныхъ залъ. Главная галлерея запружена толпою, которая двигается по двумъ направленіямъ между стульевъ, отброшенныхъ направо и налѣво. Эти стулья съ ожесточеніемъ защищаются тѣми, кто успѣлъ ими овладѣть, и берутся приступомъ, если они свободны. Здѣсь можно пройти впередъ только съ величайшимъ трудомъ, и нельзя ничего разсмотрѣть, кромѣ мельканья бѣлыхъ плечъ и черныхъ фраковъ. Вся эта вереница волнуется, подаваясь то въ одну сторону, то въ другую, подъ напоромъ вновь прибывшихъ гостей, которые спѣшатъ проникнуть въ залы.

Задыхаясь отъ жара, измученная усталостью, г-жа Рокруа *томно опиралась на* руку Фарга.

— Люсьенъ, ради Бога, дайте мнѣ присѣсть! прошептала она:— я не въ состояніи дольше держаться на ногахъ!

— Но прежде всего нужно выйти отсюда. Сдѣлайте надъ собою усиліе, Регина, чтобы я, по крайней мѣрѣ, могъ довести васъ до дипломатической гостинной, гдѣ вы будете избавлены отъ тѣсноты.

— Пустятъ ли меня туда? Жена префекта—важное лицо только въ своемъ департаментѣ. Въ Парижѣ я ничего не значу.

— И въ Парижѣ, и во всякомъ другомъ мѣстѣ васъ всегда замѣтятъ, какъ очень хорошенькую женщину, милый другъ. Кромѣ того, подъ руку со мной вы пройдете, куда угодно.

Свѣтлые глаза Регины засіяли радостью. Ея головка, утопавшая въ массѣ золотистыхъ волосъ, гордо выпрямилась. Они продолжали медленно подвигаться впередъ. Еще нѣсколько минутъ волнующаяся толпа бросала ихъ по своей прихоти туда и сюда, какъ морской валъ бросаетъ обломки корабля, прежде чѣмъ выкинуть на берегъ. Наконецъ Фаргу удалось довести свою даму до дверей дипломатической гостинной, гдѣ тѣснились любопытные зрители. Одинъ изъ письмоводителей канцеляріи стоялъ у входа. Сохраняя безстрастный видъ, онъ пропускалъ туда только извѣстныхъ ему лицъ; другіе сами называли ему свое имя, и чиновникъ почтительно имъ кланялся.

Молодой депутатъ изъ Арьежа, котораго, благодаря недавнимъ ораторскимъ успѣхамъ, прочили въ будущіе министры, удостоился крайне предупредительнаго обращенія со стороны письмоводителя. Прижимая къ себѣ руку Регины, онъ только что хотѣлъ пройти въ привилегированную гостинную, какъ вдругъ между нимъ и чиновникомъ появилась фигура, загородившая дорогу Люсьену Фаргу съ его дамой. Это былъ высокій мужчина, отличавшійся худобою аскета, съ сѣдой бородой, коротко остриженными волосами на головѣ, съ громаднымъ лбомъ и мрачнымъ взглядомъ лихорадочно блестѣвшихъ глазъ. Онъ, очевидно, чувствовалъ себя неловко въ черномъ фракѣ стариннаго покроя, измятомъ отъ долгаго лежанья на днѣ чемодана. Скромный костюмъ посѣтителя говорилъ о тяжелыхъ лишеніяхъ и объ отчаянныхъ усиліяхъ освободиться изъ-подъ гнета нищеты.

— Какъ, вы здѣсь, Баре? тихо сказалъ Люсьенъ.

— Мое почтеніе, г-жа Рокруа, мое почтеніе, г-нъ депутатъ!

— Развѣ вы оставили свою газету?

— Только на время. Мнѣ захотѣлось немного освѣжиться въ Парижѣ, въ этомъ очагѣ всеобщаго просвѣщенія. Кромѣ того, я намѣренъ присутствовать здѣсь на одномъ республиканскомъ праздникѣ.

— Нравится ли вамъ балъ?

— Черезчуръ много блеску! Здѣсь нѣтъ ничего демократическаго. Я чувствую себя не на мѣстѣ. Но, впрочемъ, можетъ быть, это съ непривычки. Мнѣ въ первый разъ пришлось войти во дворецъ не подъ ружьемъ.

— Вотъ какъ!

— 24-го февраля и 4-го сентября меня видѣли въ Тюльери, но я пришелъ туда только для изгнанія тирановъ.

Письмоводитель, презрительно слушавшій странный разговоръ, неожиданно смутился. Ѣдкая фраза журналиста была, очевидно, направлена противъ него и сопровождалась вызывающимъ взглядомъ.

— Теперь, къ счастію, тирановъ больше нѣтъ, весело возразила Регина, стараясь увлечь Фарга.

— Но все таки у насъ остались сословныя преимущества, съ горечью возразилъ Баре.—Вотъ, напримѣръ, меня не пускаютъ въ эту гостинную, куда свободно идутъ другіе.... Гдѣ же тутъ равенство?

— Вы правы, насмѣшливо отвѣчалъ Фаргъ.—Но не осуждайте меня за то, что я воспользуюсь этой привилегіей, которая даетъ мнѣ возможность усадить на мѣсто г-жу Рокруа: она едва держится на ногахъ отъ утомленія. До свиданья, г-нъ редакторъ.

Люсьенъ и Регина вошли въ дипломатическій салонъ. Баре остался у входа, униженный и взбѣшенный, подъ ироническимъ взглядомъ письмоводителя, которому удалось таки взять надъ нимъ перевѣсъ.

— Такъ вотъ ради чего мы строили баррикады! проворчалъ журналистъ.—Хоть ты и депутатъ, но я обличу тебя въ одномъ изъ нумеровъ своего *Фуайскаго Радикала*. Можетъ быть, тебѣ станетъ тогда понятно, что пресса имѣетъ право на извѣстную долю уваженія.

— Проходите, господа, проходите! покрикивалъ между тѣмъ на публику дежурный письмоводитель.

Въ отдѣльной гостинной собрались почетные гости президента республики: посланники, министры, генералы, увивавшіеся вокругъ дамъ или серьезно бесѣдовавшіе между собою. За исключеніемъ незначительнаго числа вновь испеченныхъ политиковъ, большинство изъ нихъ было украшено орденами и лентами. На военныхъ мундирахъ сверкали кресты. Толпа, проходившая мимо двери, называла этихъ лицъ по именамъ, съ завистью посматривая на баловней судьбы.

На офиціальныхъ балахъ, благодаря любезности главы государства, *а также и* старинному обычаю, высокопоставленные посѣ-

тители находили убѣжище отъ тѣсноты въ особой комнатѣ, куда не пускали постороннихъ. При входѣ Фарга и Регины между ними произошло движеніе. Молодой депутатъ становился знаменитостью. Его личность возбуждала любопытство. Что же касается Регины, жены скромнаго третьестепеннаго префекта, только что пріѣхавшей изъ провинціи, то ее съ первыхъ шаговъ въ высшемъ обществѣ Парижа встрѣтило поклоненіе, какимъ пользуются повсюду красота и молодость.

Г-жа Рокруа сѣла на круглый диванчикъ подъ тѣнью развѣсистой пальмы. Зеленыя листья растенія касались ея золотистыхъ волосъ. Эти кудри, отливавшія пламенемъ, отличались необыкновенной пышностью. Спереди онѣ покрывали лобъ крутыми, прихотливыми зивитками, а сзади, опуская вдоль шеи, падали шелковистой волной на полную бѣлую спину молочной бѣлизны, усѣянную золотистымъ пушкомъ, который искрился на нѣжной кожѣ. Большіе свѣтлые глаза молодой женщины ласкали и манили своимъ чарующимъ выраженіемъ; они придавали чистымъ очертаніямъ лица Регины что-то своеобразное, что невольно дѣйствовало на чувства, заставляя угадывать въ ней пылкую, страстную душу. Корсажъ бѣлаго платья плотно охватывалъ стройную талію, обрамляя обнаженныя плечи и руки безупречной формы. Ни драгоцѣнные камни, ни цвѣты не нарушали изящной простоты этого туалета, въ которомъ сказывался тонкій артистическій вкусъ женщины, сознававшей, что ея красота не нуждается въ излишнихъ украшеніяхъ. Фаргъ отошелъ въ сторону, чтобы отвѣчать на привѣтствія знакомыхъ. Онъ на минуту затерялся между группами почетныхъ гостей, но потомъ появился опять въ сопровожденіи господина среднихъ лѣтъ; обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими словами, молодой депутатъ подвелъ его къ г-жѣ Рокруа.

— Сударыня, сказалъ Люсьенъ:—г. министръ внутреннихъ дѣлъ желаетъ съ вами познакомиться.

Регина неторопливо встала, какъ женщина, сознающая свое могущество, граціозно отвѣтила на поклонъ государственнаго человѣка и осталась стоять, перебирая пальцами вѣеръ. Фаргъ скромно удалился. Тогда министръ попросилъ г-жу Рокруа сѣсть и позволить ему занять мѣсто возлѣ нея, на что она отвѣтила вполголоса:

— Сочту за честь, г. министръ!

Теперь они сидѣли рядомъ. Регина по прежнему не поднимала глазъ, между тѣмъ какъ ея кавалеръ поигрывалъ лорнеткой, стараясь устранить всякую церемонность обращенія, и скользилъ *любопытнымъ взглядомъ* по обнаженнымъ плечамъ красавицы.

— Я хотѣлъ лично выразить вамъ, сударыня, началъ онъ:—мое живѣйшее сожалѣніе о томъ, что вашъ мужъ хочетъ выйти въ отставку. Онъ совершенно напрасно вздумалъ оставить администрацію, и я позволяю себѣ разсчитывать на вашу поддержку въ данномъ случаѣ. Вамъ непремѣнно слѣдуетъ уговорить его отказаться отъ такого сумасбродства.

— Это сильно сказано, г. министръ.

— Правительство дорожитъ хорошими чиновниками, сударыня. Г. Рокруа—одинъ изъ лучшихъ префектовъ.

— Не потому ли его оставляютъ, вотъ уже три года, прозябать въ Фуа, гдѣ я умираю отъ скуки?

— Вы не останетесь тамъ на долгое время. По рекомендаціи нашего друга, Люсьена Фарга, я уже позаботился о повышеніи г-на Рокруа.

— О какомъ повышеніи? Вы считаете большою милостью доставить мужу одну изъ второстепенныхъ префектуръ, гдѣ ваши преемники забудутъ о его существованіи.

— Сударыня, вы слишкомъ честолюбивы!

Регина подняла голову и взглянула прямо въ глаза своего собесѣдника.

— Послушайте, господинъ министръ, неужели вамъ кажется, что я рождена для того, чтобы заглохнуть въ провинціи?

— О, нѣтъ, конечно. Для такой особы, какъ вы, нужно жить непремѣнно въ Парижѣ. Но устроить это очень легко.

— Какимъ образомъ?

— Открывъ вашему мужу доступъ въ государственный совѣтъ.

— А вы обѣщаете похлопотать о его переводѣ?

— Съ тѣмъ условіемъ, что вы дадите мнѣ годичный срокъ для исполненія моего обѣщанія.

— Годичный срокъ! Но кто можетъ поручиться, что вы удержитесь на своемъ посту до тѣхъ поръ?

— Конечно, это болѣе, чѣмъ сомнительно, съ иронической улыбкой сознался государственный человѣкъ.

— Вотъ видите! При всемъ желаніи, вы не можете ничего сдѣлать для насъ. Мы съ мужемъ обдумали и взвѣсили всѣ шансы, прежде чѣмъ рѣшиться покинуть администрацію.

— Но вы, по крайней мѣрѣ, не можете сказать, чтобы я не старался удержать васъ.

— Очень вамъ признательна, господинъ министръ. Вотъ и мой мужъ, но его задерживаютъ у входа.

— Я сейчасъ обезоружу суроваго цербера.

Министръ поднялся съ мѣста, подавая Регинѣ руку. Они на-

правились къ дверямъ, откуда Андрэ Рокруа дѣлалъ знаки женѣ.

— Пропустите г-на префекта, приказалъ министръ письмоводителю.

Андрэ пробрался въ гостинную, съ поклонами, улыбками, и разсыпался въ извиненіяхъ. Это былъ человѣкъ маленькаго роста, лѣтъ тридцати пяти, полный, красный, приземистый, съ большими ногами и толстыми руками, затянутыми въ слишкомъ узкія перчатки.

— Поблагодарите г-на министра, Андрэ, сказала ему жена:— онъ очень любезно настаивалъ на томъ, чтобы вы не покидали государственной службы.

— Не далѣе, какъ вчера, я слышалъ отъ г-на министра то же самое, когда имѣлъ честь быть у него. Мнѣ пришлось представить ему причины, по которымъ мое рѣшеніе остается неизмѣннымъ.

— Совершенно вѣрно, подтвердила Регина.

— Да, я слышалъ, что вы хотите заняться финансовыми предпріятіями.

— Я получилъ мѣсто въ административномъ совѣтѣ компаніи золотоносныхъ залежей въ Новой Зеландіи со званіемъ уполномоченнаго администратора. Великолѣпное дѣло!

— Очень можетъ быть, что вы пріобрѣтете здѣсь больше, нѣмъ на государственной службѣ. Потому не смѣю порицать вашего поступка, милостивый государь, и, сожалѣя о томъ, что мы теряемъ въ васъ отличнаго префекта, я въ то же время радуюсь предстоящей возможности почаще видѣть вашу супругу въ нашей средѣ, Не разрѣшитъ ли она мнѣ представить ее президенту республики?

— Я только что хотѣлъ просить васъ объ этомъ, г. министръ.

Они снова прошли въ противоположный конецъ гостинной, гдѣ состоялось представленіе. Президентъ сказалъ нѣсколько любезностей женѣ и мужу. Послѣ того, министръ вернулся со своей дамой къ главной группѣ гостей, гдѣ г-жу Рокруа снова окружила толпа мужчинъ, желавшихъ съ нею познакомиться.

Успѣхъ молодой женщины былъ поразителенъ. Хотя до сихъ поръ она еще никогда не бывала въ Парижѣ, однако нисколько не стѣснялась въ избранномъ обществѣ столицы, чувствуя себя здѣсь также свободно, какъ и въ скромныхъ гостинныхъ своей префектуры, гдѣ Регина успѣла научиться играть первенствующую роль. Вполнѣ сознавая свою красоту, она усвоила себѣ увѣренность *обращенія*, которая одинаково дѣйствовала какъ на

старыхъ дипломатовъ, привыкшихъ рисоваться передъ самыми знаменитыми женщинами европейскаго общества, такъ и на членовъ правительства, по большей части только что прибывшихъ изъ глухой провинціи, благодаря всеобщей подачѣ голосовъ.

Фаргъ издали слѣдилъ за тріумфомъ своей возлюбленной. Хотя ихъ связь, возникшая отъ бездѣлья въ глухомъ городкѣ, отдаленномъ отъ центра, длилась уже три года и успѣла порядочно ему надоѣсть, но въ этотъ вечеръ Регина казалась Люсьену другою женщиной, способной возвратить ему иллюзіи и восторги вновь возникающей любви. Всеобщее поклоненіе ея красотѣ какъ будто преобразило г-жу Рокруа, придавъ ей новую, невѣдомую прелесть. Онъ сравнивалъ это чудное созданіе съ другими женщинами и находилъ ее обворожительнѣе всѣхъ. Регина вышла побѣдительницей изъ роковаго испытанія, которое съ трудомъ выдерживаетъ каждая провинціалка, впервые появляясь въ высшемъ кругу столичнаго общества. Эта побѣда дѣлала ее еще прекраснѣе въ глазахъ любовника, недовольнаго и удивленнаго такой неожиданной вспышкой охладѣвшей любви.

Люсьенъ Фаргъ былъ рѣзко выведенъ изъ своей задумчивости. Чья-то рука легла на его плечо. Онъ обернулся. Андрэ Рокруа, улыбаясь, говорилъ ему вполголоса:

— Спѣшу сообщить вамъ пріятную новость, мой милый. Я покончилъ всѣ переговоры съ Телэнжемъ. Черезъ недѣлю общее собраніе акціонеровъ утвердитъ мое назначеніе. Мнѣ даютъ жалованье въ тридцать тысячъ франковъ...

— Однако, Телэнжъ удивительно щедръ!

— Это еще не все. Онъ мнѣ даетъ сто утвержденныхъ акцій, такъ что доходы съ нихъ, мой окладъ и право на двадцать процентовъ съ общей прибыли, идущихъ въ пользу административнаго совѣта, составятъ въ общемъ шестьдесятъ тысячъ франковъ въ годъ, причемъ я могу заняться еще и другими финансовыми операціями.

— Однако достаточно ли гарантировано ваше предпріятіе?

— Еще бы! Я вамъ говорю, такія богатѣйшія золотоносныя копи.....

— Есть столько копей безъ руды!

— Телэнжъ стоитъ во главѣ новаго дѣла, а это что нибудь да значитъ.

— Да, если онъ настолько богатъ, какъ объ немъ разсказываютъ.

— Онъ милліонеръ!.. Дома въ Парижѣ, роскошное имѣнье *близъ Компьена*, капиталы во всѣхъ крупныхъ спекуляціяхъ....

— А самое главное, честный ли онъ человѣкъ? продолжалъ депутатъ.—О немъ ходитъ много неблагопріятныхъ слуховъ.

— Но о какомъ финансистѣ не сочиняютъ неправдоподобныхъ исторій! Телэнжъ поставленъ такъ высоко, что у него, естественно, много завистниковъ. Со мной, по крайней мѣрѣ, онъ поступаетъ вполнѣ безкорыстно, великодушно и безо всякаго лицемѣрія. Я никогда не забуду, что этотъ человѣкъ помогъ мнѣ начать настоящую карьеру.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ остается только васъ поздравить, что̀ я и дѣлаю отъ всего сердца.

— Но вѣдь отъ васъ самихъ зависитъ воспользоваться тѣми же выгодами. Мы можемъ дать вамъ мѣсто въ совѣтѣ, гдѣ намъ было бы пріятно имѣть депутата. Если вы вздумаете послѣдовать моему примѣру....

— О, нѣтъ. Я углубился въ политику, съ твердостью отвѣчалъ Люсьенъ.

— Конечно! Вы бредите портфелемъ, мечтаете попасть въ министры. Дѣлайте, какъ хотите; я васъ не принуждаю.

— Знаетъ ли г-жа Рокруа о томъ, что̀ вы мнѣ сообщили?

— Я едва успѣлъ сказать ей одно слово сію минуту, въ присутствіи министра.

— Поторопитесь же обрадовать ее!

Андрэ не двигался съ мѣста. Его взглядъ не безъ смущенія переходилъ отъ пріятеля, смотрѣвшаго на него, къ женѣ, которая сидѣла на другомъ концѣ гостинной. Регина была великолѣпна со своей величавой граціей и смѣлой красотой. Возлѣ нея увивался цѣлый рой блестящихъ поклонниковъ.

— Я хотѣлъ бы попросить васъ сообщить ей пріятную вѣсть, а потомъ проводить мою жену домой, заикаясь, замѣтилъ префектъ.

— Такъ вы уѣдете одни?

Рокруа съ рѣшительнымъ видомъ наклонился къ Люсьену.

— Я обѣщалъ Маргаритѣ заѣхалъ за ней въ театръ. Мнѣ надо спѣшить. Будьте такъ добры, объясните чѣмъ нибудь Региѣ мой отъѣздъ. Я разсчитываю на вашу находчивость.

И Андрэ ушелъ, не дождавшись отвѣта, какъ будто изъ опасенія, чтобы его не задержали. Онъ уже затерялся въ толпѣ, прежде чѣмъ Люсьенъ успѣлъ прійти въ себя. Слѣпая довѣрчивость обманутаго мужа и перспектива остаться наединѣ съ Региной—неожиданно смутили Фарга.

Въ ту же минуту она подошла къ нему, сіяющая, какъ будто опьяненная своимъ поразительнымъ успѣхомъ.

— Куда дѣвался Андрэ? спросила молодая женщина.

— Онъ сейчасъ уѣхалъ, прося меня остаться на балѣ къ вашимъ услугамъ и потомъ проводить васъ домой.

— Такъ мой мужъ самъ!...—Г-жа Рокруа оперлась на руку любовника и, замедляя шаги, спросила съ улыбкою, чтобы скрыть свое волненіе:—Куда онъ отправился?

— Ему нужно еще повидаться съ Телэнжемъ... переговорить о дѣлѣ.

— Перестаньте, Люсьенъ, не притворяйтесь! Я знаю, какими важными дѣлами занимаются мужья послѣ полуночи... Важное дѣло, о которомъ говорилъ вамъ Андрэ, называется Маргаритой Шарденъ. Онъ постоянно видѣлся съ нею, пріѣзжая въ Парижъ подъ предлогомъ необходимыхъ переговоровъ съ министромъ. Мнѣ давно извѣстна эта связь, очень давно. Впрочемъ, я не жалуюсь и, пожалуй, рада, что такъ случилось. Невѣрность мужа оправдываетъ мою любовь къ вамъ. Не такъ ли, дорогой Люсьенъ?

— Тише, Регина! умолялъ Фаргъ.

— Если такъ, то скажи, что ты никогда меня не разлюбишь! продолжала она, прижимаясь къ любимому человѣку съ кокетливой граціей котенка.

Онъ молчалъ, пытаясь еще бороться противъ соблазна. Но потухшая страсть съ такой неожиданной силой вспыхнула въ немъ, что успѣла поработить его волю.

Охладѣвшій любовникъ опять былъ во власти плѣнительной женщины. Между тѣмъ она, повидимому, не догадывалась о происходившей въ немъ борьбѣ, и въ ея глазахъ выражалась та же мольба, которую шептали ея губы:

— Скажи мнѣ, скажи, что ты никогда меня не разлюбишь!

II.

Главный редакторъ *Фуайскаго Радикала* не отходилъ отъ порога дипломатической гостинной. Не обращая вниманія на недовѣрчивые, надменные взгляды письмоводителя, онъ сѣлъ направо отъ дверей, чтобы хорошенько видѣть все происходившее. Журнализмъ—великое дѣло, налагающее серьезныя обязанности: тотъ, кто взялся за перо, долженъ съ бдительностью якобинца присматриваться вблизи къ развлеченіямъ республиканской буржуазіи, избранниковъ народа и вліятельныхъ лицъ, постоянно мѣняющихся у кормила власти.

Эти развлеченія, недостойныя суровыхъ душъ, закаленныхъ

испытаніями демократіи, раздражали Баре до отчаянія, приводили его въ ярость. О, какую краснорѣчивую, громовую сатиру готовился онъ послать на слѣдующій день въ свою газету! Достанется же отъ него министрамъ, дипломатамъ, генераламъ въ лентахъ и орденахъ, всей этой раззолоченной кликѣ, важничавшей въ отдѣльной гостинной, и даже письмоводителю, низкому рабу, гордившемуся своею цѣпью и не сознававшему позора подчиненія. Баре заклеймитъ ихъ; онъ будетъ взывать о мести къ народу-правителю.

Его перо обличитъ эту аристократическую пышность, заимствованную изъ временъ упадка. Неподкупный журналистъ прямо поставитъ вопросъ: не для того ли Франція изнемогаетъ подъ бременемъ налоговъ, чтобы оплачивать постыдныя сатурналіи высокопоставленныхъ лицъ? не потому ли чиновники увеличиваютъ государственный бюджетъ, чтобы пировать вдали отъ своего служебнаго поста? и наконецъ онъ спроситъ: имѣютъ ли право депутаты предаваться пустымъ парижскимъ развлеченіямъ, когда они посланы въ столицу для защиты интересовъ своихъ избирателей?

Пока озлобленный Баре обдумывалъ въ общихъ чертахъ свою молніеносную обличительную статью, блестящій праздникъ шелъ своимъ чередомъ. Пробило два часа. Гости, прибывшіе только для представленія министру, начали разъѣзжаться. Въ главной галлереѣ стало гораздо просторнѣе. Въ двухъ залахъ танцовали.

Въ чащѣ зелени, осыпанной только что распустившимися цвѣтами, играла музыка, потрясая зеркальныя стекла въ широкихъ окнахъ, выходившихъ въ садъ. На парадномъ дворѣ было настоящее столпотвореніе: крики, смѣхъ, топотъ лошадиныхъ копытъ по песку и стукъ экипажныхъ колесъ сливались въ оглушительный шумъ. Письмоводители президентской канцеляріи выкликали по именамъ прислугу важныхъ посѣтителей. Подъ палаткой подъѣзда, раздувавшейся отъ холоднаго вѣтра, этотъ зовъ ежеминутно повторялся.

Залитый огнями, старинный дворецъ сіялъ, полный жизни, лихорадочнаго возбужденія, звуковъ музыки и хаотическаго гула, который вырывался изъ ярко освѣщенныхъ дверей, потрясая массивное зданіе снизу до верху.

У входа въ дипломатическій салонъ собралось еще больше публики. Письмоводитель отворилъ обѣ половинки двери. Баре поднялся съ мѣста. Другіе письмоводители и секретари очищали дорогу шествію, состоявшему изъ президента республики и его почетныхъ *гостей, которыхъ* онъ велъ къ ужину въ буфетныя залы.

еще не открытыя для простыхъ смертныхъ. Баре проникся въ ту минуту крайнимъ презрѣніемъ; горькая улыбка блуждала по его губамъ, и онъ мысленно прибавилъ къ своей статьѣ еще одну жестоко-насмѣшливую фразу.

Но вдругъ въ пестромъ кортежѣ, гдѣ онъ не зналъ никого, журналистъ увидѣлъ г-жу Рокруа. На одно мгновеніе его гнѣвъ смягчился передъ ея чарующей прелестью и царственной красотой. Старикъ въ иностранномъ мундирѣ, расшитомъ золотомъ и увѣшанномъ орденами, велъ Регину подъ руку. Она медленно шла рядомъ съ нимъ, сохраняя величественную осанку королевы и таща за собой по ковру длинный шлейфъ бѣлаго платья, покрытый волнами кружевъ.

— Взгляните на эту красавицу съ австрійскимъ посланникомъ, сказалъ какой-то господинъ по близости Баре.—Кто она такая?

— Я уже замѣтилъ ее сегодня вечеромъ, но не знаю, какъ ея фамилія.

— Это г-жа Рокруа, „супруга“ арьежскаго префекта, съ достоинствомъ отвѣчалъ издатель *Радикала*.

Онъ гордился знакомствомъ съ нею и даже сдѣлалъ шагъ впередъ, надѣясь, что молодая женщина почтитъ его поклономъ или улыбкой. Такой знакъ вниманія, польстивъ тщеславію журналиста, утѣшилъ бы его въ горькую минуту, когда онъ съ особенной ясностью сознавалъ свое ничтожество. Но госпожа Рокруа, смотрѣвшая въ другую сторону, безучастно прошла мимо Баре. Это было новымъ уколомъ его самолюбію, такъ что онъ однимъ духомъ сочинилъ самое ядовитое заключеніе къ своей филиппикѣ.

По удаленіи важныхъ гостей, толпа разошлась, письмоводитель исчезъ, и дипломатическая гостинная сдѣлалась доступной для всѣхъ желающихъ. Измученный литераторъ пробрался туда, изнемогая отъ тоски одиночества, усталости и голода. Онъ только что хотѣлъ отдохнуть на мягкомъ диванѣ, какъ вдругъ увидѣлъ Люсьена Фарга, который стоялъ у окна, равнодушно слушая какого-то господина, приставшаго къ нему.—„Я непремѣнно заставлю его заговорить со мною“, подумалъ Баре и рѣшительно помѣстился у двери, намѣреваясь дождаться депутата. Обидная мысль, что молодой человѣкъ избѣгаетъ съ нимъ встрѣчи, выводила журналиста изъ себя. Однако эти опасенія оказались напрасными. Люсьенъ тотчасъ подошелъ къ нему съ самымъ любезнымъ видомъ и фамильярно взялъ его подъ руку, говоря:

— Ну, что, милѣйшій Баре, избавились ли вы отъ вашихъ предубѣжденій?

— Моихъ предубѣжденій противъ кого, г. депутатъ?

— Противъ правительства, какъ мнѣ показалось сейчасъ.

— Я всегда буду держаться того мнѣнія, что въ республикѣ не должно быть ни особыхъ милостей, ни привилегій.

— Полноте! Я сейчасъ вамъ докажу, что привилегіи имѣютъ свою хорошую сторону. Теперь довольно поздно; вамъ, вѣроятно, также хочется поужинать, какъ и мнѣ. Еслибы я не имѣлъ удовольствія встрѣтить васъ здѣсь и взять подъ свое покровительство, то вамъ пришлось бы добираться до буфета среди неимовѣрной давки. Гости обыкновенно не церемонятся. Но со мною вы покушаете и выпьете, чего угодно, самымъ спокойнымъ образомъ, и притомъ въ избранномъ обществѣ. Вотъ видите: еслибы привилегій не существовало, ихъ слѣдовало бы нарочно выдумать. Пойдемте, пойдемте поскорѣе и не клевещите на насъ, потому что мы хотимъ сдѣлать нашу республику любезной. Намъ необходимо выпить за ея процвѣтаніе.

Баре былъ задѣтъ за чувствительную струну. Перспектива хорошаго ужина умиротворила его ненависть и унесла изъ памяти пылкія обличенія, въ которыхъ онъ только что мысленно изливалъ свою жолчь. Напрасно журналистъ старался принять надменный видъ, проявить чѣмъ нибудь свою неподкупность; громкія фразы не шли у него съ языка и, когда надо было отвѣчать, онъ только пробормоталъ съ очевиднымъ смущеніемъ:

— Очень вамъ благодаренъ.

— Не за что, милѣйшій, я желалъ бы оказать вамъ болѣе существенную услугу.

— О, вы можете это сдѣлать, г. депутатъ! воскликнулъ Баре, обрадовавшись случаю.

— Чѣмъ могу быть вамъ полезенъ?

— Помогите мнѣ пристроиться къ какой нибудь парижской газетѣ.

— Развѣ вы хотите покинуть Фуа и своихъ старыхъ друзей?

— Мнѣ надоѣло жить въ провинціи.

— Но вѣдь вы состоите главнымъ редакторомъ *Радикала*?

— Какая же выгода быть редакторомъ газеты, выходящей въ пятистахъ экземплярахъ? Кромѣ того, я исполняю тамъ всевозможныя должности: не считая редакторской обязанности, я и кассиръ, и конторщикъ, и корректоръ, а иногда мнѣ приходится даже собственноручно наклеивать бандероли. Полковникъ безъ солдатъ! Да развѣ я могу оставаться на такомъ мѣстѣ! О, господинъ депутатъ, еслибы вы знали, какъ тяжело примириться съ неизвѣстностью человѣку, одаренному недюжиннымъ умомъ! Я *сознаю, что могъ бы сдѣлать* очень многое; въ моемъ мозгу идеи

быстро рождаются одна за другой: онѣ такъ и вспыхиваютъ, такъ и клокочутъ, такъ и рвутся черезъ край!.. А между тѣмъ мнѣ суждено вѣчно оставаться позади, несчастнымъ неудачникомъ, тогда какъ другіе быстро идутъ впередъ. Я не играю никакой роли въ той партіи, которая одержала побѣду, благодаря нашимъ отчаяннымъ усиліямъ... Мнѣ это надоѣло! Мнѣ нужна арена шире какого нибудь захолустнаго городишки: я желаю поселиться въ Парижѣ, гдѣ жилъ прежде и куда всегда мечталъ вернуться. Только здѣсь можно найти примѣненіе моимъ талантамъ и извлечь пользу изъ моихъ услугъ, оказанныхъ сторонникамъ республики. Я довольно потрудился и могъ разсчитывать на лучшее вознагражденіе, чѣмъ мое злополучное мѣсто редактора провинціальнаго органа въ такой глуши, гдѣ мнѣ невозможно ничего сдѣлать ни для себя, ни для общественнаго блага.

— Однако вы обладаете настоящимъ даромъ краснорѣчія, любезный Баре. Я рѣшительно не подозрѣвалъ въ васъ такого таланта.

— Говорили когда-то, что по моему слову люди бросались на защиту баррикадъ....

— Не вызывайте подобныхъ воспоминаній, если хотите добиться выгоднаго положенія. Теперь мы сами сдѣлались правительствомъ, и кому же изъ насъ могутъ быть пріятны рѣчи, возбуждающія въ народѣ недовольство противъ установленныхъ властей? Кромѣ того, баррикады въ настоящее время потеряли всякій смыслъ. У насъ есть другое оборонительное и наступательное средство, похуже булыжниковъ съ мостовой и скорострѣльныхъ ружей.

— Какое же именно?

— Бюллетень голосованія.

— При общей подачѣ голосовъ происходитъ немало злоупотребленій.

— Такъ совѣтую вамъ сдѣлаться сторонникомъ тѣхъ, кто умѣетъ ловко пользоваться обстоятельствами, и тогда мы выведемъ васъ въ люди.

Баре было некогда обдумать, возражать ли ему на слова пріятеля, или засмѣяться. Люсьенъ Фаргъ съ веселымъ видомъ тащилъ его мимо группъ, толпившихся у входа въ буфетъ. Однако двери столовой отворялись пока только для немногихъ избранныхъ, которымъ ихъ общественное положеніе или снисхожденіе офицеровъ въ президентскомъ домѣ позволяло проникнуть въ запертыя комнаты. Фаргъ обратился къ одному изъ военныхъ, дежурившихъ у порога.

— Вамъ нельзя пропустить никого изъ постороннихъ, добрѣйшій комендантъ?

— Это не относится ни къ вамъ, ни къ вашимъ друзьямъ, любезный г. депутатъ.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ провести одного изъ нихъ, г-на Баре.

Журналистъ съ важнымъ видомъ только что хотѣлъ пройти въ буфетъ вслѣдъ за своимъ пріятелемъ, какъ вдругъ Люсьенъ остановился. Онъ неожиданно увидалъ въ толпѣ пожилаго мужчину съ молоденькой дѣвушкой; мужчина былъ невеликъ ростомъ, строенъ и отличался меланхолическимъ выраженіемъ въ строгихъ чертахъ; сѣдѣющія короткія бакенбарды обрамляли его лицо; молодая дѣвушка, опиравшаяся на руку старика, была хорошенькая блондинка съ черными глазами, тоненькая, съ изящными манерами и очень просто одѣтая въ голубое тюлевое платье.

— О, г. Делоренъ, какъ я радъ васъ видѣть! воскликнулъ Фаргъ.— Сударыня....

Онъ почтительно раскланялся обоимъ.

— Вы, вѣроятно, удивились, встрѣтивъ насъ здѣсь, милѣйшій. Моя дочь непремѣнно пожелала быть на балѣ, и вотъ посмотрите, что она со мной дѣлаетъ: тащитъ меня къ буфету.

— Только на минутку! Мнѣ хочется стаканъ воды.

— Я буду имѣть честь подать вамъ его, сударыня, услужливо замѣтилъ Фаргъ.

Дежурный офицеръ дожидался, держась за ручку двери. Люсьенъ представилъ ему своихъ знакомыхъ: судебнаго слѣдователя Делорена и его дочь, мадмуазель Ноэми Делоренъ.

— Проходите скорѣе, любезно сказалъ комендантъ.

Они вчетверомъ вошли въ буфетную залу, гдѣ за ними тотчасъ заперли дверь. Баре немного отсталъ. Его лицо омрачилось. Взглядъ журналиста, на минуту просвѣтлѣвшій подъ вліяніемъ удовлетвореннаго тщеславія, сдѣлался снова злымъ и подозрительнымъ. Редакторъ *Радикала* тихо спросилъ Люсьена:

— Вы знакомы съ г. Делореномъ?

— Я имѣю честь состоять въ числѣ его друзей. Это одинъ изъ замѣчательныхъ законовѣдовъ въ департаментѣ Сены.

— Онъ? Да это одинъ изъ сообщниковъ реакціи. Вашъ пріятель нѣкогда добивался, чтобы меня осудили.

— Будьте увѣрены, что онъ считалъ васъ виновнымъ.

— *Я и былъ виноненъ* въ томъ, что хотѣлъ защитить рес-

публиканскія учрежденія отъ посягательствъ монархистовъ. Тогда у насъ происходилъ кризисъ шестнадцатаго мая.

— Да, я помню. Тогда вы пріѣхали въ Парижъ и подписали призывъ къ оружію—проступокъ, предусмотрѣнный законами. Люди, стоявшіе въ то время во главѣ управленія, имѣли право примѣнить ихъ къ вамъ.

— Какъ! отъ васъ ли я слышу такія рѣчи?

— Сожалѣю, что г-нъ Делоренъ былъ на сторонѣ притѣснителей, но опять таки надо сознаться, что онъ только исполнялъ свой долгъ. Кромѣ того, преслѣдованія виновныхъ были потомъ оставлены.

— Противъ его желанія и благодаря заступничеству моихъ друзей.

— Во всякомъ случаѣ, вы не были осуждены, и вамъ пора забыть прошедшее.

— Я никогда его не забуду, сердито возразилъ Баре.

Пріятели говорили тихо и торопливо. Делоренъ хотя и не могъ разслышать ихъ разговоръ, но догадывался, что рѣчь шла о немъ. Безпокоясь о своей дочери, стоявшей подъ руку съ депутатомъ, онъ старался развлечь ее, называя по именамъ нѣкоторыхъ присутствующихъ и въ то же время слѣдя насмѣшливымъ, проницательнымъ взглядомъ за движеніемъ губъ журналиста, шептавшагося съ Фаргомъ. Литераторъ, повидимому, не хотѣлъ отъ него отстать, однако терпѣніе Люсьена истощилось.

— Теперь вы попали въ святилище, любезный Баре, сказалъ онъ:—и я васъ больше не удерживаю; дѣлайте, что̀ угодно. Я жду васъ къ себѣ на этихъ дняхъ, и тогда мы потолкуемъ подробно о вашихъ планахъ.

Депутатъ удалился, занятый исключительно своей молоденькой дамой.

— Онъ предпочитаетъ мнѣ реакціонера, съ горечью прошепталъ журналистъ, окончательно уничтоженный.—Вотъ съ какими негодяями водятъ дружбу мнимые республиканцы! Они втайнѣ становятся на сторону монархистовъ. Погодите, любезные, я обличу васъ передъ всѣми.

Подойдя къ буфету, литераторъ яростно осушилъ одинъ за другимъ два бокала шампанскаго, чтобы утолить свою жажду, и потомъ принялся за пирожки и сандвичи, которые онъ началъ поглощать цѣлыми десятками.

— Наша встрѣча произвела, очевидно, непріятное впечатлѣніе на Баре, говорилъ между тѣмъ Делоренъ Люсьену Фаргу.

— *Вы угадали!...*

— У меня есть кліенты подобнаго рода. Къ счастію, они не опасны... Какъ вы познакомились съ этимъ?

— Онъ редакторъ радикальной газеты въ Фуа, и вотъ почему я его щажу... Кромѣ того, Баре намѣренъ перебраться въ Парижъ; ему навѣрно повезетъ на публичныхъ собраніяхъ... Неизвѣстно, что̀ можетъ случиться въ недалекомъ будущемъ... Пожалуй, въ одинъ прекрасный день Баре будетъ засѣдать рядомъ со мною въ палатѣ депутатовъ.

— Надо быть готовымъ ко всему, въ виду современныхъ политическихъ нравовъ, серьезно подтвердилъ Делоренъ.

Всѣ трое вмѣшались въ толпу, осаждавшую буфетъ. Между плато̀ изъ цвѣтовъ и серебряными приборами были разставлены кушанья, дразнившія апетитъ: холодное мясо на толстомъ слоѣ желэ, заливныя, гдѣ сквозь прозрачную оболочку янтарнаго цвѣта сквозили куски жареной дичи. Пирамиды фруктовъ разсыпа̀лись отъ прикосновенія смѣлой руки; шампанское искрилось въ бокалахъ, а бордосское отливало темнымъ пурпуромъ въ граненомъ хрусталѣ.

Публика тѣснилась вдоль высокаго стола, волнуясь, спѣша, передвигаясь съ мѣста на мѣсто; толпа все возрастала, не смотря на строгое запрещеніе впускать посѣтителей безъ разбора. Делорена случайно оттолкнули въ сторону, и его дочь осталась вдвоемъ съ Люсьеномъ. Онъ былъ совершенно поглощенъ заботой о Ноэми, оберегая ее отъ толчковъ и стараясь предупредить малѣйшія желанія молодой дѣвушки. Мадмуазель Делоренъ была до того взволнована его предупредительностью, что едва касалась губами до принесенныхъ ей кушаній и винъ.

Молодыхъ людей связывали между собою пріятныя воспоминанія. Они познакомились въ Котрэ, два года назадъ, живя въ одномъ отелѣ. Фаргъ только еще начиналъ тогда свою карьеру, но успѣхи на трибунѣ обратили уже на него вниманіе общества. Однако не громкая репутація искуснаго оратора, а любезность обращенія, открытый характеръ и пріятная наружность расположили къ Фаргу Делореновъ: отецъ Ноэми былъ человѣкъ съ выдающимся умомъ; онъ не любилъ роскоши, жилъ очень просто и, если не сочувствовалъ новымъ идеямъ, то во всякомъ случаѣ относился къ нимъ съ терпимостью; его молоденькая дочь обладала мужественной душою подъ нѣжной оболочкой. Это была одна изъ тѣхъ исключительныхъ натуръ, которыя невольно очаровываютъ собой окружающихъ. Глаза Ноэми отличались необыкновенно меланхолическимъ выраженіемъ, что̀ *представляло рѣзкій контрастъ* съ ея цвѣтущей молодостью, придавая

дѣвушкѣ особенную прелесть. Мадемуазель Делоренъ понравилась Фаргу съ перваго же дня ихъ знакомства.

Нѣсколько недѣль, проведенныхъ вмѣстѣ среди общихъ развлеченій и отдыха, сплотили ихъ дружбу, которая не прекращалась и по возвращеніи въ Парижъ. Но они видѣлись теперь довольно рѣдко. Отецъ и дочь вели уединенную жизнь. Люсьенъ былъ поглощенъ своими политическими обязанностями, своимъ честолюбіемъ, своими страстями и тріумфами. Кромѣ того, онъ былъ связанъ съ женщиной, опьянявшей его своею любовью. Но это не мѣшало ему часто вспоминать очаровательную дѣвушку, явившуюся передъ нимъ вдали отъ столичнаго шума, какъ неземное видѣніе. Изрѣдка встрѣчаясь съ нею, Люсьенъ убѣждался, что Ноэми помнила о прошломъ, которое сохранило для нихъ обоихъ ни съ чѣмъ не сравнимую привлекательность. То были свѣтлыя воспоминанія о беззаботныхъ дняхъ, когда они устраивали экскурсіи въ горы и, проводя вмѣстѣ долгіе часы, весело разговаривали или краснорѣчиво молчали, любуясь живописными видами. Эти мирныя картины такъ ярко запечатлѣлись въ памяти Люсьена и Ноэми, что, думая о Котрэ, молодые люди какъ будто вдыхали свѣжій ароматъ тѣхъ цвѣтовъ, которыми иногда обмѣнивались въ порывѣ ребяческой шаловливости.

Сегодня вечеромъ чарующія воспоминанія осаждали Люсьена, какъ бурный приливъ. Они освѣжили ему душу, успокоивъ тревогу, которую вызвала въ немъ пылкая любовь Регины. Доведенный до болѣзненнаго экстаза, онъ далъ обѣщаніе не измѣнять ей, между тѣмъ какъ его страсть давно угасла, и молодой человѣкъ продолжалъ свою связь съ г-жой Рокруа только по привычкѣ видѣться съ нею, а еще болѣе—изъ боязни ее огорчить. Люсьенъ невольно сравнивалъ невинное созданіе, готовое отдать ему свое нетронутое сердце, съ безумно влюбленной женщиной, требовательной и ревнивой, часто тяготившей его своими упреками и жалобами.

Ноэми могла сдѣлаться женою Люсьена; онъ имѣлъ право обожать ее, не боясь осужденія свѣта, тогда какъ ласки Регины доставались ему цѣною сдѣлокъ со своею совѣстью, которыя казались теперь позорными и унизительными для его чести, когда прежнія иллюзіи разсыпались прахомъ.

Ноэми кончила ужинъ, и депутатъ отвелъ ее подальше отъ буфета, гдѣ было просторнѣе.

Они усѣлись въ уголку; мадмуазель Делоренъ съ простодушнымъ, веселымъ видомъ охотно слушала своего кавалера; Люсьенъ *выказывалъ* ей величайшее вниманіе, едва сдерживая свои

настоящія чувства. Онъ видѣлъ издали обворожительную Регину, окруженную толпой мужчинъ. Она оживленно смѣялась, метко отвѣчая на ихъ любезности и, очевидно, упиваясь лестнымъ поклоненіемъ избраннаго общества. Однако Фаргъ не думалъ завидовать кавалерамъ г-жи Рокруа: ему, напротивъ, хотѣлось, чтобы они не отходили отъ нея, чтобы она забыла о немъ хотя на нѣсколько минутъ. Зачѣмъ она не могла забыть его навсегда!

— Мнѣ хотѣлось бы отыскать отца, г. Фаргъ, сказала Ноэми.

— Посидите еще со мною, прошу васъ, умолялъ Люсьенъ.—Я такъ давно былъ лишенъ удовольствія васъ видѣть.

— Вы сами въ этомъ виноваты. Нашъ домъ открытъ для васъ всегда.

— Боязнь показаться нескромнымъ...

— Такая отговорка недостойна васъ. Нескромнымъ! Почему же это? Мой отецъ всегда такъ радъ вашему приходу.

— Вашъ батюшка, да, но вы сами?

— Я! Мнѣ пріятны всѣ тѣ, кого онъ любитъ.

Ноэми отвѣчала Фаргу, не стѣсняясь, говоря съ нимъ вполголоса и заглядывая ему прямо въ глаза. Смущеніе и недомолвки Люсьена удивляли ее. Хотя женскій инстинктъ подсказывалъ дѣвушкѣ, что между нею и другомъ ея отца возникала новая нравственная связь, но мадмуазель Делоренъ вовсе не догадывалась о томъ, какое непобѣдимое очарованіе скрывалось въ ея невинныхъ глазахъ, гдѣ отражался свѣтлый умъ. Въ ней не было ни тщеславія, ни кокетства, и она не замѣчала, съ какимъ восхищеніемъ любовался Люсьенъ ея милымъ лицомъ, ея стройными обнаженными руками, шелковистой косой, граціозно приподнятой на затылкѣ, и гармонической граціей всей ея фигуры. Неопытная дѣвушка пока не сознавала своихъ чаръ.

— Вы заставляете меня сожалѣть, что я такъ рѣдко бывалъ у васъ, снова началъ Люсьенъ.

— Не жалѣйте о прошломъ, а лучше исправьтесь на будущее время. Это единственное средство заслужить мое прощеніе и доказать мнѣ, что вы помните счастливые дни, проведенные нами вмѣстѣ въ Котрэ, два года назадъ.

— А вы сохранили о нихъ пріятное воспоминаніе?

— Зачѣмъ вы спрашиваете о томъ, что̀ вамъ хорошо извѣстно?

Люсьенъ замолкъ, охваченный внезапной тревогой; наконецъ онъ прошепталъ:

— Съ вашего разрѣшенія, я буду приходить къ вамъ очень часто.

— *Посмотримъ!* замѣтила Ноэми, недовѣрчиво улыбаясь.

Она встала, чтобы проститься. Къ нимъ подходилъ Делоренъ, знаками подзывая къ себѣ дочь. Дѣвушка пошла къ нему на встрѣчу и сообщила о предстоящемъ визитѣ Фарга.

— Я буду очень радъ васъ видѣть, отвѣчалъ судебный слѣдователь.

Они медленно направились къ двери, сопровождаемые Люсьеномъ, старавшимся оградить ихъ отъ толчковъ. Толпа, раздраженная долгимъ ожиданіемъ, брала приступомъ столовую, откуда только что вышелъ президентъ. Проголодавшіеся гости шумѣли, какъ народная чернь на форумѣ.

Къ нестройному говору примѣшивался звонъ посуды, громкіе споры, вскрикиванья женщинъ и нетерпѣливыя восклицанія, обращаемыя къ метрдотелямъ, которые не знали, кому отвѣчать. У буфета завязалась борьба; посѣтители вырывали одинъ у другаго куски; бутылки переходили изъ рукъ въ руки и перехватывались по дорогѣ смѣльчаками. Люсьенъ простился съ Делоренами посреди этого содома и видѣлъ, какъ они исчезли въ массѣ вновь нахлынувшихъ гостей.

— Вотъ и я! произнесъ возлѣ него чей-то голосъ.

Люсьенъ почувствовалъ, что его взяли подъ руку и увлекли къ дверямъ. Это была Регина. Она спѣшила домой. Въ прихожей ихъ встрѣтилъ лакей, нанятый на этотъ вечеръ. Онъ подалъ имъ шубы и пошелъ за каретой. Г-жа Рокруа со своимъ кавалеромъ поджидала экипажъ на подъѣздѣ дворца, съ удовольствіемъ освѣжаясь морознымъ воздухомъ. Съ наступленіемъ утра холодъ усилился. Огни погасали. Озябшіе кучера бранились на козлахъ, нервно подергивая возжами, протянутыми вдоль сбруи дремлющихъ лошадей.

Усаживаясь въ карету возлѣ Регины, депутатъ увидѣлъ Ноэми Делоренъ съ отцомъ, уѣзжавшихъ въ фіакрѣ. Ему очень хотѣлось, чтобы молодая дѣвушка замѣтила его, но онъ не могъ выглянуть изъ окна экипажа. Утомленная Регина положила голову на плечо Люсьена, нашептывая нѣжныя слова. Она парализовала его движенія, безсознательно давая чувствовать Фаргу всю тягость надоѣвшихъ цѣпей.

Экипажъ, подпрыгивая по мостовой, везъ ихъ въ меблированный отель, гдѣ захотѣла остановиться Регина, потому что тамъ жилъ Люсьенъ. Такимъ образомъ, они могли утѣшаться мыслью, что проведутъ подъ одной кровлей ночь послѣ веселаго бала. Но эта перспектива, восхищавшая влюбленную Регину, была невыносима ея любовнику. Они по прежнему сидѣли, обнявшись. Люсьенъ чувствовалъ на своей щекѣ ласкающее дыханіе г-жи

Рокруа, которая прильнула къ нему, сгорая любовью. Однако онъ оставался совершенно безстрастнымъ вблизи этой обворожительной женщины: поэтическій образъ Ноэми заслонилъ ее собою.

III.

Между тѣмъ, въ театрѣ Водевиля происходило слѣдующее. Въ узкой комнатѣ втораго этажа ярко пылали двѣ газовыхъ лампы надъ туалетнымъ столомъ. Жаркая атмосфера была пропитана крѣпкимъ запахомъ духовъ и пудры. По стѣнамъ, обитымъ узорчатой матеріей, красовались фотографіи въ рамкахъ изъ позолоченныхъ лавровыхъ гирляндъ. Всѣ снимки изображали одну и ту же молодую особу въ различныхъ театральныхъ костюмахъ. Противъ туалета стоялъ широкій диванъ, тамъ и сямъ были разставлены кресла и стулья, на которыхъ лежали принадлежности дамскаго гардероба. Въ глубинѣ комнаты подъ занавѣской висѣли другія платья. Паркетъ былъ устланъ ковромъ. Этотъ уютный уголокъ служилъ уборной актрисѣ Маргаритѣ Шардэнъ.

Хотя представленіе окончилось полчаса тому назадъ, но она еще медлила уѣзжать. На диванѣ сидѣлъ мужчина. У него были курчавые волосы, рыжеватые усы, гордо приподнятые надъ углами рта, и живое лицо съ тонкими чертами. Маргарита стояла противъ него; онъ держалъ ее за руки и улыбался. Одѣтая въ обыкновенное платье, закутанная въ черную мѣховую шубу и съ кокетливой шляпой на головѣ, актриса была готова къ отъѣзду. Она съ удовольствіемъ слушала посѣтителя, который, очевидно, нравился ей своимъ изяществомъ и любезностью. Отвергая нерѣшительнымъ тономъ предложенія молодаго человѣка, Маргарита обнаруживала однако тайное желаніе сдаться на его просьбы, которыя онъ повторялъ ей полушутя, полусерьезно.

— Нѣтъ, сегодня вечеромъ я не могу, увѣряю васъ.

— Не можете? Но почему же это, милый другъ? Еслибы вы знали, какъ я васъ люблю!

— Дайте мнѣ время обдумать, въ состояніи ли я отвѣтить вамъ взаимностью... Впослѣдствіи, конечно...

— Значитъ, вы даете мнѣ слово. Но лучше сдержать его теперь, чѣмъ послѣ.

— Теперь я не свободна. Сейчасъ явится мой господинъ и повелитель.

— А если *не явится*?

— О, это невѣроятно! Онъ обѣщалъ заѣхать за мною послѣ спектакля.

Театральная горничная ходила по комнатѣ взадъ и впередъ, подбирая разбросанные юбки и чулки, упавшіе на коверъ. Она приводила въ порядокъ вещи актрисы, не смущаясь прологомъ вульгарнаго романа, который завязывался въ ея присутствіи.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ остается умереть съ отчаянія!

— Или жить надеждой.

— Это ваше послѣднее слово?

— Отгадайте, если можете.

— Моя малютка Маргарита!

Мужчина привлекъ ее къ себѣ съ умоляющимъ видомъ. Молодая дѣвушка отворачивалась, откинувшись назадъ и вытянувъ руки, какъ будто старалась защититься отъ магнетической силы, таившейся въ глазахъ ея поклонника.

— Вотъ и г-нъ Рокруа, торопливо замѣтила горничная.

Послышался легкій стукъ въ дверь. Маргарита едва успѣла освободиться изъ объятій своего кавалера, какъ Андрэ отворилъ уборную, не дожидаясь позволенія войти. Онъ остановился на порогѣ, непріятно пораженный встрѣчею съ незнакомымъ человѣкомъ въ комнатѣ своей подруги. Посѣтитель всталъ съ дивана и взялся за шляпу. Маргарита подошла къ префекту.

— Наконецъ-то вы явились. Я ужь не хотѣла дольше дожидаться.

— Мнѣ нельзя было раньше уѣхать съ бала въ Елисейскомъ дворцѣ, отвѣчалъ онъ.

— Мой другъ, г. Эмери Жераръ, продолжала актриса, представляя своего гостя. И прибавила, указывая на Андрэ:

— Г. Рокруа, арьежскій префектъ.

Мужчины раскланялись, не говоря ни слова и смѣривъ другъ друга испытующимъ взглядомъ. Маргарита поспѣшила къ выходу, желая прекратить непріятную сцену. Они спускались съ лѣстницы вслѣдъ за нею, церемонные и натянутые. У тротуара дожидался экипажъ Рокруа. Прежде чѣмъ сѣсть въ карету, артистка повернулась къ Эмери Жерару:

— До скораго свиданія, сказала она и подала ему руку.

Онъ наклонился поцѣловать кончики ея пальцевъ и остался съ непокрытой головой, пока за Андрэ захлопнулась дверца экипажа. Мадмуазель Шардэнъ дала ему мѣсто возлѣ себя, не переставая улыбаться своему покинутому обожателю, который былъ теперь убѣжденъ, что она разсталась съ нимъ противъ воли.

Менѣе чѣмъ черезъ десять минутъ, Маргарита и Андрэ до-

хали до конца бульвара Мальзербъ, гдѣ жила актриса. Во время ого короткаго переѣзда оба молчали. Молча поднялись они на ѣстницу,—она впереди, онъ сзади, нѣсколько запыхавшись отъ ъема въ четвертый этажъ. Служанка, поджидавшая свою госжу, отворила дверь. Андрэ прошелъ за Маргаритой въ гостинную, гдѣ горѣли двѣ лампы и топился каминъ.

— Я страшно устала и пойду переодѣться, сказала актриса.

Оставшись одинъ, Рокруа снялъ шляпу и теплое пальто, послѣ его усѣлся въ кресло у огня. Ему было пріятно отдохнуть, убаюканному полуночной тишиной, нарушаемой только глухимъ стукомъ колесъ на улицѣ и дребезжаніемъ оконныхъ стеколъ. Маргарита вскорѣ вышла изъ будуара, въ капотѣ, облегавшемъ ея гибкій станъ. Пышныя волны блестящихъ черныхъ волосъ падали й на плечи и спину до самой таліи, перехваченныя внизу бѣой шолковой лентой. Онѣ обрамляли молодое, гордое личико маовой бѣлизны съ насмѣшливыми глазами.

Дѣвушка приблизилась къ камину и, опираясь рукой о каменую доску, протянула къ огню одну изъ своихъ миньятюрныхъ ожекъ. Андрэ поднялся съ мѣста.

— Вы сегодня удивительно мрачны, г. префектъ! сказала она, исподлобья взглянувъ на своего гостя.

Рокруа молчалъ. Красавица надулась, какъ разсерженный ребенокъ, и съ неудовольствіемъ прибавила:

— Вѣроятно, балъ въ Елисейскомъ дворцѣ произвелъ на васъ непріятное впечатлѣніе.

— Балъ въ Елисейскомъ дворцѣ! Я уѣхалъ оттуда совершенно веселый въ ожиданіи встрѣчи съ вами, но то, что я увидѣлъ сейчасъ.....

— Что-же вы увидали?

— Женщина, которую я люблю, измѣняетъ мнѣ: я нашелъ у ней соперника...

Громкій смѣхъ прервалъ его слова.

— Вы ревнуете! Вотъ это забавно! Откуда только у васъ берутся такія дикія идеи? Если я живу съ вами, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы я должна была удалять отъ себя всѣхъ, кто предлагаетъ мнѣ свои услуги. Эмери Жераръ, котораго вы встрѣтили въ моей уборной,—талантливый живописецъ, успѣвшій заслужить извѣстность, пріобрѣсти связи. Онъ на хорошей дорогѣ, очень популяренъ, очень вліятеленъ и производитъ фуроръ. Жераръ абонированъ во Французской Комедіи и въ Оперѣ; у него масса знакомствъ во всѣхъ театрахъ, газетахъ, множество друзей во всѣхъ партіяхъ. *Онъ желаетъ* мнѣ добра. Неужели же я обязана

— О, это невѣроятно! Онъ обѣщалъ заѣхать за мною послѣ спектакля.

Театральная горничная ходила по комнатѣ взадъ и впередъ, подбирая разбросанные юбки и чулки, упавшіе на коверъ. Она приводила въ порядокъ вещи актрисы, не смущаясь прологомъ вульгарнаго романа, который завязывался въ ея присутствіи.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ остается умереть съ отчаянія!

— Или жить надеждой.

— Это ваше послѣднее слово?

— Отгадайте, если можете.

— Моя малютка Маргарита!

Мужчина привлекъ ее къ себѣ съ умоляющимъ видомъ. Молодая дѣвушка отворачивалась, откинувшись назадъ и вытянувъ руки, какъ будто старалась защититься отъ магнетической силы, таившейся въ глазахъ ея поклонника.

— Вотъ и г-нъ Рокруа, торопливо замѣтила горничная.

Послышался легкій стукъ въ дверь. Маргарита едва успѣла освободиться изъ объятій своего кавалера, какъ Андрэ отворилъ уборную, не дожидаясь позволенія войти. Онъ остановился на порогѣ, непріятно пораженный встрѣчею съ незнакомымъ человѣкомъ въ комнатѣ своей подруги. Посѣтитель всталъ съ дивана и взялся за шляпу. Маргарита подошла къ префекту.

— Наконецъ-то вы явились. Я ужь не хотѣла дольше дожидаться.

— Мнѣ нельзя было раньше уѣхать съ бала въ Елисейскомъ дворцѣ, отвѣчалъ онъ.

— Мой другъ, г. Эмери Жераръ, продолжала актриса, представляя своего гостя. И прибавила, указывая на Андрэ:

— Г. Рокруа, арьежскій префектъ.

Мужчины раскланялись, не говоря ни слова и смѣривъ другъ друга испытующимъ взглядомъ. Маргарита поспѣшила къ выходу, желая прекратить непріятную сцену. Они спускались съ лѣстницы вслѣдъ за нею, церемонные и натянутые. У тротуара дожидался экипажъ Рокруа. Прежде чѣмъ сѣсть въ карету, артистка повернулась къ Эмери Жерару:

— До скораго свиданія, сказала она и подала ему руку.

Онъ наклонился поцѣловать кончики ея пальцевъ и остался съ непокрытой головой, пока за Андрэ захлопнулась дверца экипажа. Мадмуазель Шардэнъ дала ему мѣсто возлѣ себя, не переставая улыбаться своему покинутому обожателю, который былъ теперь убѣжденъ, что она разсталась съ нимъ противъ воли.

Менѣе чѣмъ черезъ десять минутъ, Маргарита и Андрэ до-

хали до конца бульвара Мальзербъ, гдѣ жила актриса. Во время ого короткаго переѣзда оба молчали. Молча поднялись они на ѣстницу,—она впереди, онъ сзади, нѣсколько запыхавшись отъ ъема въ четвертый этажъ. Служанка, поджидавшая свою гос-жу, отворила дверь. Андрэ прошелъ за Маргаритой въ гостин-ую, гдѣ горѣли двѣ лампы и топился каминъ.

— Я страшно устала и пойду переодѣться, сказала актриса.

Оставшись одинъ, Рокруа снялъ шляпу и теплое пальто, послѣ его усѣлся въ кресло у огня. Ему было пріятно отдохнуть, уба-юканному полуночной тишиной, нарушаемой только глухимъ сту-омъ колесъ на улицѣ и дребезжаніемъ оконныхъ стеколъ. Марга-ита вскорѣ вышла изъ будуара, въ капотѣ, облегавшемъ ея гиб-ій станъ. Пышныя волны блестящихъ черныхъ волосъ падали й на плечи и спину до самой таліи, перехваченныя внизу бѣ-ой шолковой лентой. Онѣ обрамляли молодое, гордое личико ма-овой бѣлизны съ насмѣшливыми глазами.

Дѣвушка приблизилась къ камину и, опираясь рукой о камен-ую доску, протянула къ огню одну изъ своихъ миньятюрныхъ ожекъ. Андрэ поднялся съ мѣста.

— Вы сегодня удивительно мрачны, г. префектъ! сказала она, исподлобья взглянувъ на своего гостя.

Рокруа молчалъ. Красавица надулась, какъ разсерженный ре-ёнокъ, и съ неудовольствіемъ прибавила:

— Вѣроятно, балъ въ Елисейскомъ дворцѣ произвелъ на васъ непріятное впечатлѣніе.

— Балъ въ Елисейскомъ дворцѣ! Я уѣхалъ оттуда совер-шенно веселый въ ожиданіи встрѣчи съ вами, но то, что я уви-дѣлъ сейчасъ.....

— Что-же вы увидали?

— Женщина, которую я люблю, измѣняетъ мнѣ: я нашелъ у ней соперника...

Громкій смѣхъ прервалъ его слова.

— Вы ревнуете! Вотъ это забавно! Откуда только у васъ бе-рутся такія дикія идеи? Если я живу съ вами, отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы я должна была удалять отъ себя всѣхъ, кто предлагаетъ мнѣ свои услуги. Эмери Жераръ, котораго вы встрѣ-тили въ моей уборной,—талантливый живописецъ, успѣвшій заслу-жить извѣстность, пріобрѣсти связи. Онъ на хорошей дорогѣ, очень популяренъ, очень вліятеленъ и производитъ фуроръ. Жераръ абонированъ во Французской Комедіи и въ Оперѣ; у него масса знакомствъ во всѣхъ театрахъ, газетахъ, множество друзей во всѣхъ партіяхъ. *Онъ желаетъ* мнѣ добра. Неужели же я обязана

Она встала, чтобы проститься. Къ нимъ подходилъ Делоренъ, знаками подзывая къ себѣ дочь. Дѣвушка пошла къ нему на встрѣчу и сообщила о предстоящемъ визитѣ Фарга.

— Я буду очень радъ васъ видѣть, отвѣчалъ судебный слѣдователь.

Они медленно направились къ двери, сопровождаемые Люсьеномъ, старавшимся оградить ихъ отъ толчковъ. Толпа, раздраженная долгимъ ожиданіемъ, брала приступомъ столовую, откуда только что вышелъ президентъ. Проголодавшіеся гости шумѣли, какъ народная чернь на форумѣ.

Къ нестройному говору примѣшивался звонъ посуды, громкіе споры, вскрикиванья женщинъ и нетерпѣливыя восклицанія, обращаемыя къ метрдотелямъ, которые не знали, кому отвѣчать. У буфета завязалась борьба; посѣтители вырывали одинъ у другаго куски; бутылки переходили изъ рукъ въ руки и перехватывались по дорогѣ смѣльчаками. Люсьенъ простился съ Делоренами посреди этого содома и видѣлъ, какъ они исчезли въ массѣ вновь нахлынувшихъ гостей.

— Вотъ и я! произнесъ возлѣ него чей-то голосъ.

Люсьенъ почувствовалъ, что его взяли подъ руку и увлекли къ дверямъ. Это была Регина. Она спѣшила домой. Въ прихожей ихъ встрѣтилъ лакей, нанятый на этотъ вечеръ. Онъ подалъ имъ шубы и пошелъ за каретой. Г-жа Рокруа со своимъ кавалеромъ поджидала экипажъ на подъѣздѣ дворца, съ удовольствіемъ освѣжаясь морознымъ воздухомъ. Съ наступленіемъ утра холодъ усилился. Огни погасали. Озябшіе кучера бранились на козлахъ, нервно подергивая возжами, протянутыми вдоль сбруи дремлющихъ лошадей.

Усаживаясь въ карету возлѣ Регины, депутатъ увидѣлъ Ноэми Делоренъ съ отцомъ, уѣзжавшихъ въ фіакрѣ. Ему очень хотѣлось, чтобы молодая дѣвушка замѣтила его, но онъ не могъ выглянуть изъ окна экипажа. Утомленная Регина положила голову на плечо Люсьена, нашептывая нѣжныя слова. Она парализовала его движенія, безсознательно давая чувствовать Фаргу всю тягость надоѣвшихъ цѣпей.

Экипажъ, подпрыгивая по мостовой, везъ ихъ въ меблированный отель, гдѣ захотѣла остановиться Регина, потому что тамъ жилъ Люсьенъ. Такимъ образомъ, они могли утѣшаться мыслью, что проведутъ подъ одной кровлей ночь послѣ веселаго бала. Но эта перспектива, восхищавшая влюбленную Регину, была невыносима ея любовнику. Они по прежнему сидѣли, обнявшись. Люсьенъ чувствовалъ на своей щекѣ ласкающее дыханіе г-жи

Рокруа, которая прильнула къ нему, сгорая любовью. Однако онъ оставался совершенно безстрастнымъ вблизи этой обворожительной женщины: поэтическій образъ Ноэми заслонилъ ее собою.

III.

Между тѣмъ, въ театрѣ Водевиля происходило слѣдующее. Въ узкой комнатѣ втораго этажа ярко пылали двѣ газовыхъ лампы надъ туалетнымъ столомъ. Жаркая атмосфера была пропитана крѣпкимъ запахомъ духовъ и пудры. По стѣнамъ, обитымъ узорчатой матеріей, красовались фотографіи въ рамкахъ изъ позолоченныхъ лавровыхъ гирляндъ. Всѣ снимки изображали одну и ту же молодую особу въ различныхъ театральныхъ костюмахъ. Противъ туалета стоялъ широкій диванъ, тамъ и сямъ были разставлены кресла и стулья, на которыхъ лежали принадлежности дамскаго гардероба. Въ глубинѣ комнаты подъ занавѣской висѣли другія платья. Паркетъ былъ устланъ ковромъ. Этотъ уютный уголокъ служилъ уборной актрисѣ Маргаритѣ Шардэнъ.

Хотя представленіе окончилось полчаса тому назадъ, но она еще медлила уѣзжать. На диванѣ сидѣлъ мужчина. У него были курчавые волосы, рыжеватые усы, гордо приподнятые надъ углами рта, и живое лицо съ тонкими чертами. Маргарита стояла противъ него; онъ держалъ ее за руки и улыбался. Одѣтая въ обыкновенное платье, закутанная въ черную мѣховую шубу и съ кокетливой шляпой на головѣ, актриса была готова къ отъѣзду. Она съ удовольствіемъ слушала посѣтителя, который, очевидно, нравился ей своимъ изяществомъ и любезностью. Отвергая нерѣшительнымъ тономъ предложенія молодаго человѣка, Маргарита обнаруживала однако тайное желаніе сдаться на его просьбы, которыя онъ повторялъ ей полушутя, полусерьезно.

— Нѣтъ, сегодня вечеромъ я не могу, увѣряю васъ.

— Не можете? Но почему же это, милый другъ? Еслибы вы знали, какъ я васъ люблю!

— Дайте мнѣ время обдумать, въ состояніи ли я отвѣтить вамъ взаимностью... Впослѣдствіи, конечно...

— Значитъ, вы даете мнѣ слово. Но лучше сдержать его теперь, чѣмъ послѣ.

— Теперь я не свободна. Сейчасъ явится мой господинъ и повелитель.

— А если *не явится*?

— О, это невѣроятно! Онъ обѣщалъ заѣхать за мною послѣ спектакля.

Театральная горничная ходила по комнатѣ взадъ и впередъ, подбирая разбросанные юбки и чулки, упавшіе на коверъ. Она приводила въ порядокъ вещи актрисы, не смущаясь прологомъ вульгарнаго романа, который завязывался въ ея присутствіи.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ остается умереть съ отчаянія!

— Или жить надеждой.

— Это ваше послѣднее слово?

— Отгадайте, если можете.

— Моя малютка Маргарита!

Мужчина привлекъ ее къ себѣ съ умоляющимъ видомъ. Молодая дѣвушка отворачивалась, откинувшись назадъ и вытянувъ руки, какъ будто старалась защититься отъ магнетической силы, таившейся въ глазахъ ея поклонника.

— Вотъ и г-нъ Рокруа, торопливо замѣтила горничная.

Послышался легкій стукъ въ дверь. Маргарита едва успѣла освободиться изъ объятій своего кавалера, какъ Андрэ отворилъ уборную, не дожидаясь позволенія войти. Онъ остановился на порогѣ, непріятно пораженный встрѣчею съ незнакомымъ человѣкомъ въ комнатѣ своей подруги. Посѣтитель всталъ съ дивана и взялся за шляпу. Маргарита подошла къ префекту.

— Наконецъ-то вы явились. Я ужь не хотѣла дольше дожидаться.

— Мнѣ нельзя было раньше уѣхать съ бала въ Елисейскомъ дворцѣ, отвѣчалъ онъ.

— Мой другъ, г. Эмери Жераръ, продолжала актриса, представляя своего гостя. И прибавила, указывая на Андрэ:

— Г. Рокруа, арьежскій префектъ.

Мужчины раскланялись, не говоря ни слова и смѣривъ другъ друга испытующимъ взглядомъ. Маргарита поспѣшила къ выходу, желая прекратить непріятную сцену. Они спускались съ лѣстницы вслѣдъ за нею, церемонные и натянутые. У тротуара дожидался экипажъ Рокруа. Прежде чѣмъ сѣсть въ карету, артистка повернулась къ Эмери Жерару:

— До скораго свиданія, сказала она и подала ему руку.

Онъ наклонился поцѣловать кончики ея пальцевъ и остался съ непокрытой головой, пока за Андрэ захлопнулась дверца экипажа. Мадмуазель Шардэнъ дала ему мѣсто возлѣ себя, не переставая улыбаться своему покинутому обожателю, который былъ теперь убѣжденъ, что она разсталась съ нимъ противъ воли.

Менѣе чѣмъ черезъ десять минутъ, Маргарита и Андрэ до-

хали до конца бульвара Мальзербъ, гдѣ жила актриса. Во время
того короткаго переѣзда оба молчали. Молча поднялись они на
ѣстницу,—она впереди, онъ сзади, нѣсколько запыхавшись отъ
одъема въ четвертый этажъ. Служанка, поджидавшая свою гос-
ожу, отворила дверь. Андрэ прошелъ за Маргаритой въ гостин-
ую, гдѣ горѣли двѣ лампы и топился каминъ.

— Я страшно устала и пойду переодѣться, сказала актриса.

Оставшись одинъ, Рокруа снялъ шляпу и теплое пальто, послѣ
его усѣлся въ кресло у огня. Ему было пріятно отдохнуть, уба-
юканному полуночной тишиной, нарушаемой только глухимъ сту-
комъ колесъ на улицѣ и дребезжаніемъ оконныхъ стеколъ. Марга-
рита вскорѣ вышла изъ будуара, въ капотѣ, облегавшемъ ея гиб-
кій станъ. Пышныя волны блестящихъ черныхъ волосъ падали
ей на плечи и спину до самой таліи, перехваченныя внизу бѣ-
лой шолковой лентой. Онѣ обрамляли молодое, гордое личико ма-
ровой бѣлизны съ насмѣшливыми глазами.

Дѣвушка приблизилась къ камину и, опираясь рукой о камен-
ную доску, протянула къ огню одну изъ своихъ миньятюрныхъ
ножекъ. Андрэ поднялся съ мѣста.

— Вы сегодня удивительно мрачны, г. префектъ! сказала она,
исподлобья взглянувъ на своего гостя.

Рокруа молчалъ. Красавица надулась, какъ разсерженный ре-
бенокъ, и съ неудовольствіемъ прибавила:

— Вѣроятно, балъ въ Елисейскомъ дворцѣ произвелъ на васъ
непріятное впечатлѣніе.

— Балъ въ Елисейскомъ дворцѣ! Я уѣхалъ оттуда совер-
шенно веселый въ ожиданіи встрѣчи съ вами, но то, что я уви-
дѣлъ сейчасъ.....

— Что-же вы увидали?

— Женщина, которую я люблю, измѣняетъ мнѣ: я нашелъ у
ней соперника...

Громкій смѣхъ прервалъ его слова.

— Вы ревнуете! Вотъ это забавно! Откуда только у васъ бе-
рутся такія дикія идеи? Если я живу съ вами, отсюда еще не
слѣдуетъ, чтобы я должна была удалять отъ себя всѣхъ, кто
предлагаетъ мнѣ свои услуги. Эмери Жераръ, котораго вы встрѣ-
тили въ моей уборной,—талантливый живописецъ, успѣвшій заслу-
жить извѣстность, пріобрѣсти связи. Онъ на хорошей дорогѣ,
очень популяренъ, очень вліятеленъ и производитъ фуроръ. Жераръ
абонированъ во Французской Комедіи и въ Оперѣ; у него масса
знакомствъ во всѣхъ театрахъ, газетахъ, множество друзей во
всѣхъ партіяхъ. *Онъ желаетъ* мнѣ добра. Неужели же я обязана

отвергнуть благосклонность такого человѣка и даже не принимать его?

— Такъ вамъ недостаточно моего расположенія?

— Какъ ты глупъ, мой любезный Андрэ! Развѣ ты можешь пристроить меня, напримѣръ, во Французскій театръ?

— Развѣ не я вытащилъ васъ изъ провинціи, гдѣ вы прозябали еще три года назадъ?

— Конечно. Познакомившись со мною въ Фуа, вы были настолько проницательны, чтобы понять, какое дарованіе кроется во мнѣ, и выхлопотали для меня ангажементъ въ Парижъ. Но какой ангажементъ: на выходныя роли въ Клюньи!

— Однако вы не остались тамъ и перешли въ Водевиль...

— Въ Водевиль! Будемъ говорить откровенно: до сихъ поръ я не выхожу здѣсь изъ ряда статистокъ... какъ, напримѣръ, въ сегодняшней пьесѣ: перемѣнила пять туалетовъ, не сказавъ на сценѣ ни слова.

— Подождите немного. Со временемъ вамъ будутъ давать хорошія роли. А до тѣхъ поръ вы все таки, благодаря мнѣ, живете въ Парижѣ.

— Разумѣется. Но, устроивъ меня здѣсь, вы имѣли въ виду не только мои интересы, а также и свои собственные. Вы меня любили....

— Безумно, какъ люблю и до настоящей минуты!

— Въ маленькомъ городкѣ я не могла быть любовницей префекта, не компрометируя его. Вы сочли болѣе удобнымъ отправить меня въ Парижъ, гдѣ мы имѣли возможность встрѣчаться безъ стѣсненія. Я обязана своимъ дебютомъ въ Клюньи ничему иному, какъ только вашей трусости.

— Скажите лучше: моей любви.

— О, я не хочу умалять оказанной мнѣ услуги и никогда ея не забуду. Однако дѣло въ томъ, что мнѣ не удастся поступить во Французскій театръ, если я не прибѣгну къ содѣйствію лицъ, болѣе вліятельныхъ, чѣмъ вы.

— Иначе говоря: къ содѣйствію вашихъ новыхъ любовниковъ.

Маргарита сдѣлала насмѣшливое движеніе и придвинулась ближе къ Андрэ. Въ ея чертахъ не было ни тѣни досады.

— Развѣ для тебя недостаточно обладать мною, когда тебѣ вздумается? Во всемъ остальномъ я хочу имѣть право распоряжаться своими дѣлами по личному усмотрѣнію.

— Я никогда не соглашусь дѣлить твои ласки съ другими.

— Кто же объ этомъ говоритъ?

— *Эмери* Жераръ, конечно.

— Не все ли тебѣ равно, если онъ не добьется отъ меня ничего, и если я воспользуюсь его услугами безъ всякихъ жертвъ съ моей стороны? Еще разъ спрашиваю: развѣ ты можешь устроить меня въ улицѣ Ришелье? У тебя нѣтъ ни знакомствъ, ни вліянія въ этой сферѣ. Провинціальный префектъ! Что это значитъ въ Парижѣ?

— Теперь я даже и не префектъ. Я подалъ въ отставку, чтобы не разставаться съ тобою.

— Ты разбилъ ради меня свою карьеру! воскликнула мадмуазель Шардэнъ, раздосадованная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тронутая неожиданнымъ признаніемъ.—Какое безуміе!

— Я не разбилъ своей карьеры, а нашелъ лучшее мѣсто.

Въ нѣсколькихъ словахъ Рокруа сообщилъ о перемѣнѣ въ его судьбѣ. Съ этихъ поръ онъ будетъ жить въ Парижѣ и располагать бо̀льшими матеріальными средствами, чѣмъ въ Фуа. У него будетъ много случаевъ нажить значительныя деньги; онъ сдѣлается вліятельнымъ лицомъ и употребитъ всѣ усилія, чтобы упрочить счастіе своей возлюбленной.

— Ты устроишь себѣ жизнь по своему вкусу, говорилъ онъ:— но позволь мнѣ быть твоимъ единственнымъ руководителемъ. Я никогда не покину тебя и не остановлюсь ни передъ какою жертвой.

Маргарита не могла опомниться. Она всегда считала Андрэ человѣкомъ посредственнымъ, которому не суждено составить особенной карьеры. Молоденькая актриса его не любила, но пользовалась услугами Рокруа, пока ему не находился другой, болѣе выгодный преемникъ. Уловивъ въ свои сѣти богача или какую нибудь вліятельную личность, она намѣревалась немедленно бросить Андрэ или, по крайней мѣрѣ, отодвинуть своего преданнаго обожателя на второй планъ. Послѣднее время Маргарита серьезно подумывала о замѣщеніи провинціальнаго префекта интереснымъ живописцемъ, подкупившимъ ее своею гордой осанкой, талантомъ и славой.

Между тѣмъ извѣстіе, сообщенное Андрэ, перевернуло всѣ ея планы. Если Рокруа предстояла блестящая будущность, то со стороны мадмуазель Шардэнъ было бы неблагоразумно промѣнять прежняго покровителя на кого бы то ни было. Она знала его слабый характеръ и свое вліяніе на него. Андрэ до сихъ поръ безумно любилъ Маргариту, а влюбленный мужчина будетъ всегда послушнымъ орудіемъ въ рукахъ ловкой авантюристки. Актриса гораздо больше довѣряла испытанной любви Рокруа, чѣмъ пылкому чувству увлекающагося, легкомысленнаго Жерара, который

отвергнуть благосклонность такого человѣка и даже не принимать его?

— Такъ вамъ недостаточно моего расположенія?

— Какъ ты глупъ, мой любезный Андрэ! Развѣ ты можешь пристроить меня, напримѣръ, во Французскій театръ?

— Развѣ не я вытащилъ васъ изъ провинціи, гдѣ вы прозябали еще три года назадъ?

— Конечно. Познакомившись со мною въ Фуа, вы были настолько проницательны, чтобы понять, какое дарованіе кроется во мнѣ, и выхлопотали для меня ангажементъ въ Парижъ. Но какой ангажементъ: на выходныя роли въ Клюньи!

— Однако вы не остались тамъ и перешли въ Водевиль...

— Въ Водевиль! Будемъ говорить откровенно: до сихъ поръ я не выхожу здѣсь изъ ряда статистокъ... какъ, напримѣръ, въ сегодняшней пьесѣ: перемѣнила пять туалетовъ, не сказавъ на сценѣ ни слова.

— Подождите немного. Со временемъ вамъ будутъ давать хорошія роли. А до тѣхъ поръ вы все таки, благодаря мнѣ, живете въ Парижѣ.

— Разумѣется. Но, устроивъ меня здѣсь, вы имѣли въ виду не только мои интересы, а также и свои собственные. Вы меня любили....

— Безумно, какъ люблю и до настоящей минуты!

— Въ маленькомъ городкѣ я не могла быть любовницей префекта, не компрометируя его. Вы сочли болѣе удобнымъ отправить меня въ Парижъ, гдѣ мы имѣли возможность встрѣчаться безъ стѣсненія. Я обязана своимъ дебютомъ въ Клюньи ничему иному, какъ только вашей трусости.

— Скажите лучше: моей любви.

— О, я не хочу умалять оказанной мнѣ услуги и никогда ея не забуду. Однако дѣло въ томъ, что мнѣ не удастся поступить во Французскій театръ, если я не прибѣгну къ содѣйствію лицъ, болѣе вліятельныхъ, чѣмъ вы.

— Иначе говоря: къ содѣйствію вашихъ новыхъ любовниковъ.

Маргарита сдѣлала насмѣшливое движеніе и придвинулась ближе къ Андрэ. Въ ея чертахъ не было ни тѣни досады.

— Развѣ для тебя недостаточно обладать мною, когда тебѣ вздумается? Во всемъ остальномъ я хочу имѣть право распоряжаться своими дѣлами по личному усмотрѣнію.

— Я никогда не соглашусь дѣлить твои ласки съ другими.

— Кто же объ этомъ говоритъ?

— *Эмери* Жераръ, конечно.

— Не все ли тебѣ равно, если онъ не добьется отъ меня ни-
его, и если я воспользуюсь его услугами безъ всякихъ жертвъ съ
оей стороны? Еще разъ спрашиваю: развѣ ты можешь устроить
еня въ улицѣ Ришелье? У тебя нѣтъ ни знакомствъ, ни вліянія
ъ этой сферѣ. Провинціальный префектъ! Что это значитъ въ
Парижѣ?

— Теперь я даже и не префектъ. Я подалъ въ отставку, что-
ы не разставаться съ тобою.

— Ты разбилъ ради меня свою карьеру! воскликнула мадмуа-
ель Шардэнъ, раздосадованная и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тронутая не-
жиданнымъ признаніемъ.—Какое безуміе!

— Я не разбилъ своей карьеры, а нашелъ лучшее мѣсто.

Въ нѣсколькихъ словахъ Рокруа сообщилъ о перемѣнѣ въ его
удьбѣ. Съ этихъ поръ онъ будетъ жить въ Парижѣ и располагать
ольшими матеріальными средствами, чѣмъ въ Фуа. У него бу-
етъ много случаевъ нажить значительныя деньги; онъ сдѣлается
ліятельнымъ лицомъ и употребитъ всѣ усилія, чтобы упрочить
частіе своей возлюбленной.

— Ты устроишь себѣ жизнь по своему вкусу, говорилъ онъ:—
но позволь мнѣ быть твоимъ единственнымъ руководителемъ. Я
никогда не покину тебя и не остановлюсь ни передъ какою жер-
твой.

Маргарита не могла опомниться. Она всегда считала Андрэ
человѣкомъ посредственнымъ, которому не суждено составить осо-
бенной карьеры. Молоденькая актриса его не любила, но пользо-
валась услугами Рокруа, пока ему не находился другой, болѣе
выгодный преемникъ. Уловивъ въ свои сѣти богача или какую
нибудь вліятельную личность, она намѣревалась немедленно бро-
сить Андрэ или, по крайней мѣрѣ, отодвинуть своего преданнаго
обожателя на второй планъ. Послѣднее время Маргарита серьезно
подумывала о замѣщеніи провинціальнаго префекта интереснымъ
живописцемъ, подкупившимъ ее своею гордой осанкой, талантомъ
и славой.

Между тѣмъ извѣстіе, сообщенное Андрэ, перевернуло всѣ ея
планы. Если Рокруа предстояла блестящая будущность, то со сто-
роны мадмуазель Шардэнъ было бы неблагоразумно промѣнять
прежняго покровителя на кого бы то ни было. Она знала его
слабый характеръ и свое вліяніе на него. Андрэ до сихъ поръ
безумно любилъ Маргариту, а влюбленный мужчина будетъ всегда
послушнымъ орудіемъ въ рукахъ ловкой авантюристки. Актриса
гораздо больше довѣряла испытанной любви Рокруа, чѣмъ пыл-
кому чувству *увлекающагося*, легкомысленнаго Жерара, который

былъ избалованъ женщинами и скоро ускользалъ у нихъ изъ-подъ рукъ.

За минуту передъ тѣмъ, Маргарита только терпѣла своего прежняго поклонника и тяготилась неизбѣжнымъ притворствомъ, но теперь она смотрѣла на него несравненно благосклоннѣе. Вмѣстѣ съ хищническими инстинктами кокотки, въ ней просну-ось болѣе человѣчное чувство. Молодая дѣвушка была тронута доказательствомъ преданности со стороны Андрэ. Его любовь, вѣ-роятно, была сильна, если онъ преобразился подъ ея вліяніемъ, сдѣлавшись предпріимчивымъ и энергичнымъ.

— Почему ты не говорилъ мнѣ раньше о своихъ планахъ? спросила актриса.

— Я ждалъ, пока они осуществятся на дѣлѣ.

— Значитъ, теперь ты навсегда переселишься въ Парижъ?

— Да, и мы постоянно будемъ вмѣстѣ.

— А твоя жена?

— Она любитъ свѣтскія удовольствія, и ей не придетъ въ го-лову слѣдить за мною.

— Неужели г-жа Рокруа никогда не обнаруживаетъ ревности, не высказываетъ подозрѣній?

— Ея довѣріе ко мнѣ безгранично.

Актриса двусмысленно улыбнулась, но Андрэ ничего не за-мѣтилъ.

— Итакъ, мы будемъ вполнѣ принадлежать другъ другу? спросила она измѣнившимся тономъ, сопровождая свои слова нѣж-ной лаской.

— Ты говоришь отъ души?

— Разумѣется.

— Въ такомъ случаѣ, Эмери Жераръ...

— Оставь его въ покоѣ. Мнѣ нельзя съ нимъ ссориться, да и тебѣ, пожалуй, онъ будетъ полезенъ; но знай, что Жераръ не по-лучитъ отъ меня ничего.

Это была послѣдняя ложь, произнесенная Маргаритой Шар-дэнъ въ тотъ памятный вечеръ.

IV.

Около одиннадцати часовъ утра, въ третьемъ этажѣ меблиро-ваннаго отеля, гдѣ помѣщались супруги Рокруа и Люсьенъ Фаргъ, *Шамарета*, горничная Регины, ожидала на площадкѣ пробужденія

своей госпожи, разговаривая вполголоса съ однимъ изъ лакеевъ гостинницы. Слуга перебиралъ пачку принесенныхъ писемъ.

— Вотъ и вамъ есть письмецо, сказалъ онъ дѣвушкѣ.—Я давно подалъ бы его, но зналъ, что вы еще спите.

— Да, мы долго нѣжились сегодня въ постели. Барыня ѣздила вчера на балъ къ президенту республики, и я ждала ее до разсвѣта.

Горничная взяла адресованное ей письмо и окинула быстрымъ взглядомъ почеркъ, почтовый штемпель и адресъ.

—Это отъ моего жениха, весело сказала она.

Шамарета разорвала конвертъ, принимаясь торопливо пробѣгать страницы, исписанныя крупнымъ, неуклюжимъ почеркомъ.

Лакей съ любопытствомъ взглянулъ на письмо, а потомъ на молодую дѣвушку, которая, очевидно, ему нравилась.

— Такъ у васъ есть женихъ? спросилъ онъ.

— Какъ видите. Развѣ вамъ это непріятно?

— Нисколько. Вы можете любить кого угодно; только я хотѣлъ бы узнать, не оскорбляя васъ, не приходитъ ли вамъ въ голову оставить своего поклонника съ носомъ.

— Конечно, нѣтъ. Что же особенно пріятнаго.....

— Берегитесь, сударыня; вы клевещете на любовь.

— Глупецъ! воскликнула Шамарета, смѣясь. Она съ ироніей посмотрѣла на ловеласа и сказала:—вы знаете, еслибы я рехнулась и забыла о своей помолвкѣ съ бѣднымъ Жактономъ, то мой выборъ остановился бы ужь никакъ не на васъ.

— И совершенно напрасно!

Рѣзкій звонокъ, раздавшійся въ комнатахъ, неожиданно прервалъ этотъ интересный разговоръ.

— Барыня проснулась! воскликнула служанка.

Одной рукой она засунула письмо въ карманъ, а другой заперла дверь передъ носомъ донъ-жуана.

Шамарета была дѣвушка живая и ловкая, настоящая стрекоза, чистокровная южанка—смуглая и сухая, какъ черносливъ, черезчуръ маленькая, черезчуръ плоская, но съ громадными глазами, глубокими и страстными, съ черными волосами и хорошенькими ярко-пунцовыми губками, обличавшими знойную натуру. Въ деревняхъ Арьежа много крестьянскихъ семействъ носятъ фамилію Шамарэ. Горничная Регины также принадлежала къ ихъ числу, и потому ее, какъ старшую дочь, прозвали Шамаретой, а г-жѣ Рокруа понравилось это оригинальное имя, когда она взяла къ себѣ въ домъ молодую служанку три года назадъ. Дѣвушка вскорѣ пріобрѣла довѣріе своихъ господъ. Поступивъ въ услуже-

ніе въ префектуру, она могла испытать могущество своихъ великолѣпныхъ глазъ надъ мужскимъ персоналомъ въ домѣ, не исключая и самого префекта. Недаромъ кавалеры всякаго сословія заглядывались на ея гибкую талію и шелковистыя блестящія кудри, спускавшіяся на смуглую шею, гладкую, какъ старая слоновая кость. Къ счастію, Шамарета знала, что каждый мужчина ухаживаетъ за женщиной на свой ладъ, но, охладѣвъ къ ней, повторяетъ все одну и ту же исторію обмана и предательства. Поэтому новая горничная рѣшила не рисковать своимъ выгоднымъ мѣстомъ, провѣряя на опытѣ, составляетъ ли г-нъ Рокруа счастливое исключеніе изъ общаго правила, или нѣтъ. Эта жертва не была ей тяжела: молодая дѣвушка любила лѣснаго сторожа изъ своей деревни, намѣреваясь сдѣлаться его женой, какъ только позволятъ средства. Перспектива честнаго супружескаго счастія спасала Шамарету отъ искушеній, тѣмъ болѣе, что она предвидѣла ихъ неминуемыя перипетіи и опасности.

Поэтому ловкая крестьянка держала себя скромно, выставляя на видъ свое безкорыстіе и честность. На любезности барина Шамарета не сердилась, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не думала имъ поддаваться. Доведя его до раскаянія, она пріобрѣла довѣріе префекта; потомъ ей удалось заслужить ту же честь отъ Регины. Благодаря своему такту, дѣвушка сдѣлалась повѣренной обоихъ супруговъ, и ей стали извѣстны всѣ ихъ тайны. Она знала содержаніе писемъ, проходившихъ черезъ ея руки отъ Регины къ Фаргу и обратно; знала, куда отправлялся по ночамъ Рокруа, почему онъ поздно приходилъ домой, и что значили его частыя отлучки въ Парижъ. Все это Шамарета умѣла скрыть съ удивительной находчивостью и хладнокровіемъ. Она никогда не болтала о томъ, что происходитъ у хозяевъ, стараясь всѣми силами сохранить приличіе и домашній миръ, чтобы Андрэ и Регина не могли обойтись безъ своей преданной служанки. Дѣвушка дѣйствительно стала для нихъ необходима. Передъ отъѣздомъ въ Парижъ, мужъ и жена, тайно одинъ отъ другаго, уговаривали ее остаться у нихъ въ услуженіи, прибѣгая съ этою цѣлью къ самымъ дѣйствительнымъ аргументамъ. Шамарета согласилась, какъ будто нехотя, и тѣмъ окончательно упрочила за собою привилегированое положеніе въ домѣ.

Услышавъ звонокъ, она вошла въ комнату своей госпожи. Регина вставала при тускломъ свѣтѣ ночника, горѣвшаго въ темной спальнѣ. Сидя на краю постели съ распущенными волосами, въ туфляхъ на босую ногу, г-жа Рокруа надѣвала пеньюаръ, *ежась отъ холода.*

— Зачѣмъ вы не разбудили меня раньше, Шамарета?

— Я нарочно не безпокоила васъ, сударыня. Вы были такъ утомлены послѣ вчерашняго бала!..

— Но мнѣ никакъ не успѣть одѣться къ завтраку.

— Успѣете, ручаюсь вамъ.

Горничная дѣятельно распоряжалась въ комнатѣ: откидывала занавѣси, впуская въ окна яркій свѣтъ холоднаго февральскаго утра; затапливала каминъ, наливала воду въ умывальникъ, приготовляла бѣлье и раскладывала на кружевномъ чехлѣ туалетнаго стола гребенки и щетки.

— Баринъ дома? спросила Регина, скручивая на затылкѣ волосы передъ умываньемъ.

— Они ушли очень рано, отвѣчала горничная.

Г-жа Рокруа, наклонившаяся надъ рукомойникомъ, быстро выпрямилась. По ея лицу лились потоки воды.

— Развѣ онъ ночевалъ дома?

— Баринъ вернулись вскорѣ послѣ васъ, но я думаю, что они не ложились и ушли, пока я еще спала. Сказали лакею, что вернутся къ двѣнадцати часамъ.

Горничная говорила, не запинаясь и спокойно выдерживая устремленный на нее взглядъ Регины. Г-жа Рокруа хотѣла предложить еще одинъ вопросъ, но передумала и продолжала прерванное умыванье.

— Теперь ступайте внизъ, къ г-ну Фаргу, и попросите его зайти ко мнѣ, сказала она, вытираясь полотенцемъ.

— Г-нъ Фаргъ, должно быть, уѣхалъ въ палату.

— Подите и справьтесь, повелительнымъ тономъ приказала Регина.

Шамарета повиновалась. Барыня ожидала ея возвращенія у окна, прижимаясь лбомъ къ холодному стеклу и устремивъ разсѣянный взглядъ на дома по ту сторону улицы, заслонявшіе солнечный свѣтъ. Тревожное нетерпѣніе отражалось лихорадочнымъ блескомъ въ ея глазахъ и легкой дрожью въ членахъ. Служанка вернулась съ извѣстіемъ, что Люсьенъ дѣйствительно ушелъ изъ отеля.

— Хорошо, причешите меня.

Регина сѣла передъ туалетомъ; горничная внимательно принялась за дѣло. Г-жа Рокруа, задумчивая и грустная, слѣдила въ зеркалѣ за мельканьемъ гребня въ волнахъ бѣлокурыхъ волосъ, которые мало по малу укладывались на ея головѣ искусными руками *Шамареты, обрамляя* бѣлый лобъ молодой женщины.

— А я получила письмо отъ моего Жактона, сказала дѣвушка, стараясь отвлечь свою госпожу отъ печальныхъ мыслей.

— Отъ Жактона? равнодушно переспросила Регина.

— Онъ отказывается пріѣхать сюда; Парижъ пугаетъ его. Мой женихъ увѣренъ во мнѣ и подождетъ моего пріѣзда на родину. Жактонъ благодаритъ васъ и барина за ваши хлопоты о немъ.

— Такъ онъ не хочетъ пріѣхать! замѣтила г-жа Рокруа, заговоривъ сначала спокойнымъ тономъ, но потомъ постепенно оживляясь.—Тѣмъ лучше для него. Парижъ—гадкій, развращенный городъ; онъ сушитъ сердце, убиваетъ любовь, изглаживаетъ самыя чистыя чувства и жестоко обманываетъ тѣхъ, кто надѣется найти въ немъ счастіе.

Эти слова были крикомъ гнѣва, невольно сорвавшимся съ губъ Регины. Она невольно страдала съ той минуты, когда замѣтила внезапное охлажденіе къ себѣ со стороны Люсьена послѣ вчерашняго бала, гдѣ г-жу Рокруа встрѣтилъ такой тріумфъ, такое поклоненіе своей красотѣ. До сегодня Фаргъ никогда не уходилъ изъ дому, не пожелавъ ей добраго утра. Между тѣмъ Шамарета, ничего не знавшая о случившемся, не понимала настоящей причины волненія своей госпожи.

— Сударыня, вы слишкомъ строги къ этому прекрасному городу, замѣтила она.—Вы сами такъ сильно желали сюда переселиться.

— Ахъ, еслибы я знала заранѣе!...

Регина вздохнула и задумалась.

Горничная была поражена удивленіемъ, но не рѣшалась безпокоить разспросами встревоженную г-жу Рокруа. Одѣванье приходило къ концу. Шамарета накинула на бѣлыя юбки и атласный корсетъ своей барыни сѣрое суконное платье, плотно охватывавшее талію.

— Теперь мнѣ больше ничего не нужно; оставьте меня одну, продолжала Регина:—и придите сказать, когда вернется баринъ.

По уходѣ служанки, молодая женщина заплакала. Что сдѣлалось съ Люсьеномъ? Почему онъ такъ неожиданно перемѣнился? Эти вопросы мучили ее во время долгой безсонницы, и тягостная неизвѣстность была не легче горькой дѣйствительности, пугавшей ее.

Какъ глупо со стороны женщины вѣрить клятвамъ любви!.. Онѣ вырываются въ минуту экстаза и никого не могутъ оградить отъ измѣны. Г-жа Рокруа давно предчувствовала, что Парижъ *отниметъ у нея любимаго* человѣка. Это началось съ того дня,

когда Фарга выбрали депутатомъ, и онъ покинулъ Фуа. Его письма постепенно становились короче и суше, ихъ свиданія рѣже; въ первое время обладанія Регины, Люсьенъ забывалъ все на свѣтѣ въ ея объятіяхъ; но потомъ безуміе страсти прошло, и молодой человѣкъ сдѣлался осторожнѣе и сдержаннѣе въ обращеніи. Тогда Регина поняла, что возлюбленный ускользаетъ изъ ея рукъ, увлекаясь честолюбіемъ, и уговорила мужа переселиться въ Парижъ съ твердымъ намѣреніемъ отстоять свое счастіе. Но было уже слишкомъ поздно. Люсьенъ не принадлежалъ ей по прежнему безраздѣльно. Усилія вернуть его любовь и проблески надежды среди мучительныхъ терзаній поддерживали сладкія иллюзіи, не приводя однако къ желанной цѣли.

Теперь разочарованіе было черезчуръ явно. Множество мелочей, ускользнувшихъ отъ нея, когда Регина такъ веселилась на президентскомъ балу, пришли ей на память въ настоящую минуту и краснорѣчиво подтверждали смутныя подозрѣнія. Люсьенъ былъ разсѣянъ, холоденъ; онъ такъ охотно предоставлялъ постороннимъ бесѣдовать съ нею, такъ интересовался другими женщинами.... Онъ почти не говорилъ ни слова, когда они возвращались домой, и равнодушно простился у дверей ея комнаты, хотя отлично зналъ, что Андрэ не скоро вернется домой. Теперь она окончательно убѣдилась въ ужасной истинѣ: Люсьену Фаргу смертельно надоѣли доказательства любви, которыхъ онъ такъ страстно добивался когда-то и въ которыхъ Регина не могла ему отказать съ тѣхъ поръ, какъ привязалась къ нему всей душой. Воспоминанія о прошломъ подливали столько яду въ эти горькія думы!

Молодая женщина снова переживала свѣтлые дни своего счастія. Однажды вечеромъ, въ отсутствіе Рокруа, Люсьенъ появился въ маленькой гостинной префектуры. Пріятная наружность Фарга, его молодость и вліяніе, которымъ онъ пользовался въ родномъ городѣ и въ средѣ своихъ сослуживцевъ-юристовъ, окружали юношу извѣстнымъ ореоломъ, дѣлали его особенно интереснымъ. Честолюбіе, почести, тщеславіе еще не убили въ немъ энтузіазма. Онъ съ такимъ неподражаемымъ краснорѣчіемъ умолялъ Регину полюбить его, что она не устояла, и съ тѣхъ поръ будничное существованіе покинутой жены освѣтилось яркимъ солнечнымъ лучемъ. Обманутая человѣкомъ, давшимъ ей свое имя, она безъ сожалѣній и упрековъ совѣсти отдалась любовнику, въ полной увѣренности, что ихъ связь никогда не порвется.

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, они наслаждались величайшимъ счастіемъ. Жилище Люсьена примыкало къ садамъ пре-

фектуры. Эта близость, частыя отлучки Андрэ, сообщничество Шамареты благопріятствовали тайнымъ свиданіямъ. Какъ часто влюбленные прогуливались среди ночной тишины, подъ тѣнью каштановъ, пронизанной синеватыми лучами мѣсяца, но все таки укрывавшей ихъ отъ нескромныхъ глазъ! Старая стѣна, окружавшая садъ, была покрыта густо разросшимся плющемъ. Регина однажды перелѣзла черезъ нее, чтобы навѣстить своего любовника. Фаргъ занималъ старинный домъ-особнякъ, куда не имѣлъ доступа никто изъ постороннихъ, и они провели такой восхитительный вечеръ въ этомъ уютномъ гнѣздышкѣ, полномъ воспоминаніями предковъ. Регина была въ восторгѣ и не хотѣла разставаться съ уединеннымъ убѣжищемъ, пріютившимъ ихъ любовь.

Это было еще такъ недавно! Какъ безумно увлекался въ тѣ дни Люсьенъ, какими бурными ласками осыпалъ онъ Регину, какіе давалъ обѣты! Неужели онъ могъ забыть о прошломъ, стряхнуть съ себя чары, когда-то поработившія его сердце? Ей не хотѣлось вѣрить безотрадной дѣйствительности. Спасаясь отъ порывовъ отчаянія, молодая женщина мысленно возвращалась къ прошлому, почерпая въ немъ новыя надежды.

— Нѣтъ, еще не все потеряно!

Этотъ крикъ вырвался у нея изъ глубины души, готовой мужественно отстаивать ускользавшее счастіе. Регина поднялась съ мѣста, дрожа отъ волненія, и заглянула въ зеркало. Ея лицо было по прежнему прекрасно; вчерашній тріумфъ въ Елисейскомъ дворцѣ ясно доказывалъ, какой магнетическій силой обладаетъ ея красота. Г-жа Рокруа, не подозрѣвая о существованіи соперницы, думала, что между нею и Люсьеномъ стоятъ одни честолюбивые планы молодаго депутата, и потому надѣялась выйти побѣдительницей изъ борьбы.

Мало по малу мрачныя опасенія разсѣялись. Регина почувствовала себя бодрѣе; ея слезы высохли, и печаль, овладѣвшая молодою женщиной въ это утро, уступила мѣсто радужнымъ мечтамъ, которыя вызвали на ея лицо самоувѣренную и гордую улыбку.

Шамарета постучалась въ дверь, докладывая о приходѣ барина. Г-жа Рокруа тотчасъ направилась въ столовую. Андрэ дѣйствительно только что пришелъ.

— Гдѣ барыня? спросилъ онъ въ прихожей.

— Онѣ еще не выходили изъ спальни.

— Спрашивала обо мнѣ?

— *Спросили* только, дома ли вы. Я отвѣчала, что вы очень

рано отправились куда-то. Барыня повѣрила или сдѣлала видъ, что вѣритъ.

— Ну, это не бѣда! замѣтилъ Андрэ увѣреннымъ тономъ.

— Вы, право, очень неосторожны, сударь, возразила дѣвушка. —Если такъ будетъ продолжаться, я ни за что не отвѣчаю. Барыня, очевидно, догадывается.

— Догадывается? О чемъ же это? Я просто заигрался въ карты въ клубѣ...

— О, сударь, зачѣмъ мнѣ ваши отговорки?

Они объяснялись торопливымъ шопотомъ, причемъ Рокруа напряженно прислушивался, боясь, чтобы Регина не застала ихъ врасплохъ.

— Ни слова больше! рѣзко прервалъ онъ Шамарету, когда въ столовой раздались легкіе шаги его жены. Андрэ пошелъ ей на встрѣчу, благодушно улыбаясь, какъ человѣкъ съ чистой совѣстью, и заговорилъ съ Региной ласковымъ, слегка заискивающимъ тономъ. Она спокойно отвѣтила на вопросъ, и они оба сѣли завтракать. Шамарета служила у стола.

— Вы и не спрòсите меня, гдѣ я пропадалъ цѣлое утро, милый другъ,—сказалъ немного спустя Андрэ, котораго тяготило наступившее молчаніе.

— И гдѣ вы провели цѣлую ночь, уѣхавъ изъ Елисейскаго дворца. Къ счастію для васъ, я не любопытна!

Онъ пропустилъ мимо ушей колкость жены и спокойно замѣтилъ:

— Мнѣ пришлось уѣхать со вчерашняго бала въ клубъ, гдѣ меня поджидалъ Телэнжъ.

„Лжетъ", подумала про себя Регина.

— Сегодня утромъ, продолжалъ Рокруа:—я ѣздилъ, по его желанію, просить министра, чтобы мнѣ поскорѣе назначили преемника. Я долженъ немедленно заняться дѣлами общества золотоносныхъ залежей. Телэнжъ умоляетъ меня поторопиться. Министръ сказалъ, что новый арьежскій префектъ будетъ назначенъ раньше недѣли, и, кромѣ того, далъ обѣщаніе представить меня къ ордену почетнаго легіона; я получу крестъ при формальномъ выходѣ въ отставку.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ самъ предложилъ вамъ награду?

— Да, это была его личная иниціатива; насколько я могъ замѣтить, онъ оказываетъ услугу мнѣ собственно ради васъ. Съ какимъ жаромъ расхваливалъ министръ ваши достоинства!.. Вы *положительно вскружили* ему голову, прибавилъ Андрэ, смѣясь.

— Скажите, какая влюбчивость!..

— Но вчера вы въ самомъ дѣлѣ были ослѣпительно хороши, моя дорогая...

— И вы получите орденъ въ видѣ преміи за мою красоту?

— Пожалуй, такъ. Милѣйшій Фаргъ далъ понять министру, что я заслуживаю поощренія.

— Фаргъ! Значитъ, вы его просили! вскричала г-жа Рокруа.

— Нѣтъ. Онъ самъ догадался, что крестъ почетнаго легіона придастъ мнѣ вѣсу и откроетъ доступъ въ административные совѣты крупныхъ акціонерныхъ обществъ. Въ данномъ случаѣ Люсьенъ поступилъ, какъ истинный другъ.

„Еслибы онъ не любилъ меня, то не старался бы заслужить признательность моего мужа", сказала себѣ Регина.

— Это отличіе сильно подвигаетъ мои дѣла, продолжалъ Андрэ. —Съ такимъ талисманомъ я могу попасть и во Французскій банкъ, и въ Общество поземельнаго кредита, и въ крупныя желѣзнодорожныя компаніи. Состоять членомъ чрезвычайно выгодно. Конечно, общество золотоносныхъ розсыпей въ Новой Зеландіи также чего нибудь да стоитъ, но для человѣка съ моими способностями это не больше, какъ первая ступень къ обогащенію.

Говоря съ большимъ жаромъ, Рокруа исправно пилъ и ѣлъ.

— Смотрите, не споткнитесь на опасной дорогѣ, замѣтила жена.

— Будьте покойны, не оплошаю! съ живостью возразилъ Андрэ. —Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ... вы увидите...

— Пока я вижу только то, что Фаргъ оказалъ вамъ большую услугу.

Андрэ, задѣтый за живое предшествующимъ замѣчаніемъ, былъ окончательно взбѣшенъ послѣдними словами жены.

— Онъ оказалъ мнѣ услугу, не спорю; но вамъ это, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть непріятно.

Регина потупилась, не смѣя придраться къ мужу. Однако маленькая размолвка между супругами не послужила поводомъ къ серьезной ссорѣ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Потомъ Рокруа снова началъ прерванный разговоръ и сообщилъ женѣ, что сегодня вечеромъ онъ уѣзжаетъ въ Арьежъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ и пробудетъ въ Фуа, по распоряженію министра, до прибытія туда новаго префекта.

— Такъ какъ вы не уѣдете раньше вечера, то удѣлите мнѣ часокъ вашего времени до обѣда, сказала г-жа Рокруа.—Намъ необходимо поѣхать вмѣстѣ съ визитомъ.

— *Къ кому это?*

— У меня есть кліенты подобнаго рода. Къ счастію, они не опасны... Какъ вы познакомились съ этимъ?

— Онъ редакторъ радикальной газеты въ Фуа, и вотъ почему я его щажу... Кромѣ того, Баре намѣренъ перебраться въ Парижъ; ему навѣрно повезетъ на публичныхъ собраніяхъ... Неизвѣстно, что̀ можетъ случиться въ недалекомъ будущемъ... Пожалуй, въ одинъ прекрасный день Баре будетъ засѣдать рядомъ со мною въ палатѣ депутатовъ.

— Надо быть готовымъ ко всему, въ виду современныхъ политическихъ нравовъ, серьезно подтвердилъ Делоренъ.

Всѣ трое вмѣшались въ толпу, осаждавшую буфетъ. Между плато̀ изъ цвѣтовъ и серебряными приборами были разставлены кушанья, дразнившія апетитъ: холодное мясо на толстомъ слоѣ желэ, заливныя, гдѣ сквозь прозрачную оболочку янтарнаго цвѣта сквозили куски жареной дичи. Пирамиды фруктовъ разсыпа̀лись отъ прикосновенія смѣлой руки; шампанское искрилось въ бокалахъ, а бордосское отливало темнымъ пурпуромъ въ граненомъ хрусталѣ.

Публика тѣснилась вдоль высокаго стола, волнуясь, спѣша, передвигаясь съ мѣста на мѣсто; толпа все возрастала, не смотря на строгое запрещеніе впускать посѣтителей безъ разбора. Делорена случайно оттолкнули въ сторону, и его дочь осталась вдвоемъ съ Люсьеномъ. Онъ былъ совершенно поглощенъ заботой о Ноэми, оберегая ее отъ толчковъ и стараясь предупредить малѣйшія желанія молодой дѣвушки. Мадмуазель Делоренъ была до того взволнована его предупредительностью, что едва касалась губами до принесенныхъ ей кушаній и винъ.

Молодыхъ людей связывали между собою пріятныя воспоминанія. Они познакомились въ Котрэ, два года назадъ, живя въ одномъ отелѣ. Фаргъ только еще начиналъ тогда свою карьеру, но успѣхи на трибунѣ обратили уже на него вниманіе общества. Однако не громкая репутація искуснаго оратора, а любезность обращенія, открытый характеръ и пріятная наружность расположили къ Фаргу Делореновъ: отецъ Ноэми былъ человѣкъ съ выдающимся умомъ; онъ не любилъ роскоши, жилъ очень просто и, если не сочувствовалъ новымъ идеямъ, то во всякомъ случаѣ относился къ нимъ съ терпимостью; его молоденькая дочь обладала мужественной душою подъ нѣжной оболочкой. Это была одна изъ тѣхъ исключительныхъ натуръ, которыя невольно очаровываютъ собой окружающихъ. Глаза Ноэми отличались необыкновенно меланхолическимъ выраженіемъ, что̀ представляло *рѣзкій контрастъ* съ ея цвѣтущей молодостью, придавая

По его знаку, проворная горничная выбѣжала изъ комнаты и вскорѣ явилась назадъ въ сопровожденіи знаменитаго основателя общества золотосныхъ пріисковъ въ Новой Зеландіи и многихъ другихъ финансовыхъ предпріятій. Ихъ акціи, внесенныя въ офиціальную курсовую таблицу на биржѣ, ежечасно напоминали публикѣ его имя, необычайную ловкость и баснословную изобрѣтательность его ума.

Регина, знавшая Телэнжа только по наслышкѣ, увидѣла передъ собою толстяка лѣтъ пятидесяти, низенькаго, широкоплечаго, съ румянымъ лицомъ. Его чувственный ротъ непріятно улыбался, обнаруживая два ряда бѣлыхъ, маленькихъ и заостренныхъ зубовъ; трехъэтажный подбородокъ былъ обрамленъ длинными рыжими бакенбардами и подпирался высокимъ, туго накрахмаленнымъ воротничкомъ; хитрые глазки заплыли жиромъ; лобъ великаго финансиста былъ громаденъ, благодаря совершенно голому черепу. Узкій реденготъ стягивалъ его полную фигуру; изъ узкихъ свѣтлыхъ брюкъ выставлялись большія ноги въ лакированныхъ ботинкахъ, блестѣвшихъ, какъ зеркало, что обнаруживало въ посѣтителѣ привычку ѣздить въ крытыхъ экипажахъ. Телэнжъ, не смотря на тучность, отличался большою подвижностью и прекраснымъ здоровьемъ.

Онъ развязно подошелъ къ хозяйкѣ дома, прежде чѣмъ мужъ успѣлъ представить его.

— Теперь, когда я имѣю счастіе васъ видѣть, сударыня, сказалъ онъ:—я нахожу непростительнымъ со стороны моего друга, Рокруа, что онъ медлилъ представить вамъ меня. Я вижу, какъ много потерялъ.

Телэнжъ вторично поклонился, ожидая отвѣта на свою баналь-ную фразу.

— А я, напротивъ, радуюсь этому замедленію: оно дало мнѣ возможность при первомъ знакомствѣ поблагодарить васъ за то, что вы сдѣлали для насъ обоихъ.

Гость былъ тронутъ такимъ привѣтствіемъ, пріятно польстившимъ его тщеславію.

— Это пустяки, сударыня, возразилъ онъ:—будьте увѣрены, что я сдѣлаю для васъ гораздо больше. Но я не заслуживаю особенной благодарности, потому что встрѣтилъ въ лицѣ вашего мужа драгоцѣннаго сотрудника. Меня слѣдуетъ благодарить не вамъ, а моимъ акціонерамъ, которымъ я сдѣлалъ большое одолженіе, поставивъ г-на Рокруа во главѣ нашего предпріятія.

Онъ попеременно смотрѣлъ то на мужа, краснаго отъ волне-

нія и радости, то на жену, привѣтливо улыбавшуюся, хотя ей не нравились пошлыя манеры посѣтителя.

— Заранѣе предсказываю, сударыня, продолжалъ онъ:—что теперь вамъ предстоитъ только веселиться и жить въ свое удовольствіе. Въ самомъ непродолжительномъ времени г-нъ Рокруа пріобрѣтетъ такія средства, которыя позволятъ вамъ завести собственныхъ лошадей, экипажи, брилліанты, роскошныя платья, однимъ словомъ—все, что̀ пожелаетъ душа. И тогда вы увидите, что столичная жизнь еще лучше провинціальной.

— Моя жена и не сомнѣвается въ этомъ, замѣтилъ Андрэ, желая вставить свое словечко.

— Ну, разумѣется. Съ такой таліей, съ такими глазками...

— Пощадите кротко возразила Регина.

— Клянусь честью, сударыня! Весьма сожалѣю, если искреннее выраженіе моего восторга было слишкомъ откровенно. Я не люблю кривить душою. Надѣюсь, что Рокруа не ревнивъ.

Разговоръ принималъ неловкій оборотъ. Слишкомъ грубый оттѣнокъ лести оскорблялъ деликатность Регины. Андрэ понялъ это по взгляду жены, брошенному въ его сторону, и поспѣшилъ перейти къ другому предмету.

— Чему я обязанъ честью видѣть васъ у себя, господинъ президентъ? спросилъ онъ.

— Во-первыхъ, мнѣ давно слѣдовало отдать вамъ визитъ, а, во-вторыхъ, послѣ громкихъ похвалъ г-жѣ Рокруа, о которой сегодня трубятъ всѣ газеты, было бы смѣшно, еслибы я, имѣющій исключительное право приблизиться къ богинѣ, отказалъ себѣ въ удовольствіи лично выразить ей мое восхищеніе.

Телэнжъ, какъ видно, не далъ сбить себя съ позиціи, и Регина по неволѣ выслушивала его пошлости.

— Мнѣ крайне лестно такое вниманіе, отвѣчала молодая женщина,—хотя оно служитъ скорѣе доказательствомъ вашей любезности, чѣмъ моихъ достоинствъ.

— О, сударыня, излишняя скромность здѣсь совершенно не у мѣста, потому что ея никто не оцѣнитъ. Вы сами отлично сознаёте свою красоту и не должны сердиться, когда о ней говорятъ вамъ другіе. Вы не были бы женщиной, еслибы не любили похвалъ. Надѣюсь, вы позволите мнѣ представить вамъ г-жу Телэнжъ?

— Сочту за честь...

— Она у меня простая, несвѣтская женщина, добросердечная, но съ твердымъ характеромъ. Я женился на ней вдовцомъ, и мои дѣти отъ перваго брака выросли на ея попеченіи. Замѣ-

— А я получила письмо отъ моего Жактона, сказала дѣвушка, стараясь отвлечь свою госпожу отъ печальныхъ мыслей.

— Отъ Жактона? равнодушно переспросила Регина.

— Онъ отказывается пріѣхать сюда; Парижъ пугаетъ его. Мой женихъ увѣренъ во мнѣ и подождетъ моего пріѣзда на родину. Жактонъ благодаритъ васъ и барина за ваши хлопоты о немъ.

— Такъ онъ не хочетъ пріѣхать! замѣтила г-жа Рокруа, заговоривъ сначала спокойнымъ тономъ, но потомъ постепенно оживляясь.—Тѣмъ лучше для него. Парижъ—гадкій, развращенный городъ; онъ сушитъ сердце, убиваетъ любовь, изглаживаетъ самыя чистыя чувства и жестоко обманываетъ тѣхъ, кто надѣется найти въ немъ счастіе.

Эти слова были крикомъ гнѣва, невольно сорвавшимся съ губъ Регины. Она невольно страдала съ той минуты, когда замѣтила внезапное охлажденіе къ себѣ со стороны Люсьена послѣ вчерашняго бала, гдѣ г-жу Рокруа встрѣтилъ такой тріумфъ, такое поклоненіе своей красотѣ. До сегодня Фаргъ никогда не уходилъ изъ дому, не пожелавъ ей добраго утра. Между тѣмъ Шамарета, ничего не знавшая о случившемся, не понимала настоящей причины волненія своей госпожи.

— Сударыня, вы слишкомъ строги къ этому прекрасному городу, замѣтила она.—Вы сами такъ сильно желали сюда переселиться.

— Ахъ, еслибы я знала заранѣе!...

Регина вздохнула и задумалась.

Горничная была поражена удивленіемъ, но не рѣшалась безпокоить разспросами встревоженную г-жу Рокруа. Одѣванье приходило къ концу. Шамарета накинула на бѣлыя юбки и атласный корсетъ своей барыни сѣрое суконное платье, плотно охватывавшее талію.

— Теперь мнѣ больше ничего не нужно; оставьте меня одну, продолжала Регина:—и придите сказать, когда вернется баринъ.

По уходѣ служанки, молодая женщина заплакала. Что сдѣлалось съ Люсьеномъ? Почему онъ такъ неожиданно перемѣнился? Эти вопросы мучили ее во время долгой безсонницы, и тягостная неизвѣстность была не легче горькой дѣйствительности, пугавшей ее.

Какъ глупо со стороны женщины вѣрить клятвамъ любви!.. Онѣ вырываются въ минуту экстаза и никого не могутъ оградить отъ измѣны. Г-жа Рокруа давно предчувствовала, что Парижъ *отниметъ у нея любимаго* человѣка. Это началось съ того дня,

когда Фарга выбрали депутатомъ, и онъ покинулъ Фуа. Его письма постепенно становились короче и суше, ихъ свиданія рѣже; въ первое время обладанія Региной, Люсьенъ забывалъ все на свѣтѣ въ ея объятіяхъ; но потомъ безуміе страсти прошло, и молодой человѣкъ сдѣлался осторожнѣе и сдержаннѣе въ обращеніи. Тогда Регина поняла, что возлюбленный ускользаетъ изъ ея рукъ, увлекаясь честолюбіемъ, и уговорила мужа переселиться въ Парижъ съ твердымъ намѣреніемъ отстоять свое счастіе. Но было уже слишкомъ поздно. Люсьенъ не принадлежалъ ей по прежнему безраздѣльно. Усилія вернуть его любовь и проблески надежды среди мучительныхъ терзаній поддерживали сладкія иллюзіи, не приводя однако къ желанной цѣли.

Теперь разочарованіе было черезчуръ явно. Множество мелочей, ускользнувшихъ отъ нея, когда Регина такъ веселилась на президентскомъ балу, пришли ей на память въ настоящую минуту и краснорѣчиво подтверждали смутныя подозрѣнія. Люсьенъ былъ разсѣянъ, холоденъ; онъ такъ охотно предоставлялъ постороннимъ бесѣдовать съ нею, такъ интересовался другими женщинами.... Онъ почти не говорилъ ни слова, когда они возвращались домой, и равнодушно простился у дверей ея комнаты, хотя отлично зналъ, что Андрэ не скоро вернется домой. Теперь она окончательно убѣдилась въ ужасной истинѣ: Люсьену Фаргу смертельно надоѣли доказательства любви, которыхъ онъ такъ страстно добивался когда-то и въ которыхъ Регина не могла ему отказать съ тѣхъ поръ, какъ привязалась къ нему всей душой. Воспоминанія о прошломъ подливали столько яду въ эти горькія думы!

Молодая женщина снова переживала свѣтлые дни своего счастія. Однажды вечеромъ, въ отсутствіе Рокруа, Люсьенъ появился въ маленькой гостинной префектуры. Пріятная наружность Фарга, его молодость и вліяніе, которымъ онъ пользовался въ родномъ городѣ и въ средѣ своихъ сослуживцевъ-юристовъ, окружали юношу извѣстнымъ ореоломъ, дѣлали его особенно интереснымъ. Честолюбіе, почести, тщеславіе еще не убили въ немъ энтузіазма. Онъ съ такимъ неподражаемымъ краснорѣчіемъ умолялъ Регину полюбить его, что она не устояла, и съ тѣхъ поръ будничное существованіе покинутой жены освѣтилось яркимъ солнечнымъ лучемъ. Обманутая человѣкомъ, давшимъ ей свое имя, она безъ сожалѣній и упрековъ совѣсти отдалась любовнику, въ полной увѣренности, что ихъ связь никогда не порвется.

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, они наслаждались величайшимъ счастіемъ. Жилище Люсьена примыкало къ садамъ пре-

фектуры. Эта близость, частыя отлучки Андрэ, сообщничество Шамареты благопріятствовали тайнымъ свиданіямъ. Какъ часто влюбленные прогуливались среди ночной тишины, подъ тѣнью каштановъ, пронизанной синеватыми лучами мѣсяца, но все таки укрывавшей ихъ отъ нескромныхъ глазъ! Старая стѣна, окружавшая садъ, была покрыта густо разросшимся плющемъ. Регина однажды перелѣзла черезъ нее, чтобы навѣстить своего любовника. Фаргъ занималъ старинный домъ-особнякъ, куда не имѣлъ доступа никто изъ постороннихъ, и они провели такой восхитительный вечеръ въ этомъ уютномъ гнѣздышкѣ, полномъ воспоминаніями предковъ. Регина была въ восторгѣ и не хотѣла разставаться съ уединеннымъ убѣжищемъ, пріютившимъ ихъ любовь.

Это было еще такъ недавно! Какъ безумно увлекался въ тѣ дни Люсьенъ, какими бурными ласками осыпалъ онъ Регину, какіе давалъ обѣты! Неужели онъ могъ забыть о прошломъ, стряхнуть съ себя чары, когда-то поработившія его сердце? Ей не хотѣлось вѣрить безотрадной дѣйствительности. Спасаясь отъ порывовъ отчаянія, молодая женщина мысленно возвращалась къ прошлому, почерпая въ немъ новыя надежды.

— Нѣтъ, еще не все потеряно!

Этотъ крикъ вырвался у нея изъ глубины души, готовой мужественно отстаивать ускользавшее счастіе. Регина поднялась съ мѣста, дрожа отъ волненія, и заглянула въ зеркало. Ея лицо было по прежнему прекрасно; вчерашній тріумфъ въ Елисейскомъ дворцѣ ясно доказывалъ, какой магнетическій силой обладаетъ ея красота. Г-жа Рокруа, не подозрѣвая о существованіи соперницы, думала, что между нею и Люсьеномъ стоятъ одни честолюбивые планы молодаго депутата, и потому надѣялась выйти побѣдительницей изъ борьбы.

Мало по малу мрачныя опасенія разсѣялись. Регина почувствовала себя бодрѣе; ея слезы высохли, и печаль, овладѣвшая молодою женщиной въ это утро, уступила мѣсто радужнымъ мечтамъ, которыя вызвали на ея лицо самоувѣренную и гордую улыбку.

Шамарета постучалась въ дверь, докладывая о приходѣ барина. Г-жа Рокруа тотчасъ направилась въ столовую. Андрэ дѣйствительно только что пришелъ.

— Гдѣ барыня? спросилъ онъ въ прихожей.

— Онѣ еще не выходили изъ спальни.

— Спрашивала обо мнѣ?

— *Спросили* только, дома ли вы. Я отвѣчала, что вы очень

рано отправились куда-то. Барыня повѣрила или сдѣлала видъ, что вѣритъ.

— Ну, это не бѣда! замѣтилъ Андрэ увѣреннымъ тономъ.

— Вы, право, очень неосторожны, сударь, возразила дѣвушка. —Если такъ будетъ продолжаться, я ни за что не отвѣчаю. Барыня, очевидно, догадывается.

— Догадывается? О чемъ же это? Я просто заигрался въ карты въ клубѣ...

— О, сударь, зачѣмъ мнѣ ваши отговорки?

Они объяснялись торопливымъ шопотомъ, причемъ Рокруа напряженно прислушивался, боясь, чтобы Регина не застала ихъ врасплохъ.

— Ни слова больше! рѣзко прервалъ онъ Шамарету, когда въ столовой раздались легкіе шаги его жены. Андрэ пошелъ ей на встрѣчу, благодушно улыбаясь, какъ человѣкъ съ чистой совѣстью, и заговорилъ съ Региной ласковымъ, слегка заискивающимъ тономъ. Она спокойно отвѣтила на вопросъ, и они оба сѣли завтракать. Шамарета служила у стола.

— Вы и не спрòсите меня, гдѣ я пропадалъ цѣлое утро, милый другъ,—сказалъ немного спустя Андрэ, котораго тяготило наступившее молчаніе.

— И гдѣ вы провели цѣлую ночь, уѣхавъ изъ Елисейскаго дворца. Къ счастію для васъ, я не любопытна!

Онъ пропустилъ мимо ушей колкость жены и спокойно замѣтилъ:

— Мнѣ пришлось уѣхать со вчерашняго бала въ клубъ, гдѣ меня поджидалъ Телэнжъ.

„Лжетъ", подумала про себя Регина.

— Сегодня утромъ, продолжалъ Рокруа:—я ѣздилъ, по его желанію, просить министра, чтобы мнѣ поскорѣе назначили преемника. Я долженъ немедленно заняться дѣлами общества золотоносныхъ залежей. Телэнжъ умоляетъ меня поторопиться. Министръ сказалъ, что новый арьежскій префектъ будетъ назначенъ раньше недѣли, и, кромѣ того, далъ обѣщаніе представить меня къ ордену почетнаго легіона; я получу крестъ при формальномъ выходѣ въ отставку.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ самъ предложилъ вамъ награду?

— Да, это была его личная иниціатива; насколько я могъ замѣтить, онъ оказываетъ услугу мнѣ собственно ради васъ. Съ какимъ жаромъ расхваливалъ министръ ваши достоинства!.. Вы *положительно вскружили* ему голову, прибавилъ Андрэ, смѣясь.

— Скажите, какая влюбчивость!..

— Но вчера вы въ самомъ дѣлѣ были ослѣпительно хороши, моя дорогая...

— И вы получите орденъ въ видѣ преміи за мою красоту?

— Пожалуй, такъ. Милѣйшій Фаргъ далъ понять министру, что я заслуживаю поощренія.

— Фаргъ! Значитъ, вы его просили! вскричала г-жа Рокруа.

— Нѣтъ. Онъ самъ догадался, что крестъ почетнаго легіона придастъ мнѣ вѣсу и откроетъ доступъ въ административные совѣты крупныхъ акціонерныхъ обществъ. Въ данномъ случаѣ Люсьенъ поступилъ, какъ истинный другъ.

„Еслибы онъ не любилъ меня, то не старался бы заслужить признательность моего мужа", сказала себѣ Регина.

— Это отличіе сильно подвигаетъ мои дѣла, продолжалъ Андрэ. —Съ такимъ талисманомъ я могу попасть и во Французскій банкъ, и въ Общество поземельнаго кредита, и въ крупныя желѣзнодорожныя компаніи. Состоять членомъ чрезвычайно выгодно. Конечно, общество золотоносныхъ розсыпей въ Новой Зеландіи также чего нибудь да стоитъ, но для человѣка съ моими способностями это не больше, какъ первая ступень къ обогащенію.

Говоря съ большимъ жаромъ, Рокруа исправно пилъ и ѣлъ.

— Смотрите, не споткнитесь на опасной дорогѣ, замѣтила жена.

— Будьте покойны, не оплошаю! съ живостью возразилъ Андрэ. —Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ... вы увидите...

— Пока я вижу только то, что Фаргъ оказалъ вамъ большую услугу.

Андрэ, задѣтый за живое предшествующимъ замѣчаніемъ, былъ окончательно взбѣшенъ послѣдними словами жены.

— Онъ оказалъ мнѣ услугу, не спорю; но вамъ это, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть непріятно.

Регина потупилась, не смѣя придраться къ мужу. Однако маленькая размолвка между супругами не послужила поводомъ къ серьезной ссорѣ. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Потомъ Рокруа снова началъ прерванный разговоръ и сообщилъ женѣ, что сегодня вечеромъ онъ уѣзжаетъ въ Арьежъ для приведенія въ порядокъ дѣлъ и пробудетъ въ Фуа, по распоряженію министра, до прибытія туда новаго префекта.

— Такъ какъ вы не уѣдете раньше вечера, то удѣлите мнѣ часокъ вашего времени до обѣда, сказала г-жа Рокруа.—Намъ необходимо поѣхать вмѣстѣ съ визитомъ.

— *Къ кому это?*

— Къ моему дядѣ, Фремино. Мы до сихъ поръ не могли къ ему собраться. Прошу васъ, поѣдемте со мною въ Пасси!

Андрэ сдѣлалъ жестъ нетерпѣнія.

— Теперь самое удобное время говорить мнѣ про вашего дядюшку! воскликнулъ онъ, когда Регина кончила.—Вы видите, что меня голова идетъ кругомъ отъ хлопотъ, а между тѣмъ притаете съ пустяками...

— Это не пустяки, это серьезная обязанность—уважать семейныя узы... Еслибы мой дядя былъ богатъ, вы отзывались бы о немъ совершенно въ другомъ тонѣ.

— Очень можетъ быть... Однако, я думаю, не будетъ большой бѣды, если вы отправитесь къ нему однѣ и передадите ему мое извиненіе. Я навѣщу его послѣ пріѣзда. Не настаивайте, мой другъ,—мнѣ необходимо побывать до обѣда въ десяти мѣстахъ.

— Я не настаиваю, сухо отвѣчала Регина.

Опять настала пауза.

— Во время моего отсутствія, снова началъ Андрэ:—вы займетесь устройствомъ нашей новой квартиры въ аллеѣ Альма. Сегодня утромъ я порѣшилъ съ домохозяиномъ. Онъ приготовитъ письменное условіе, которое я подпишу по пріѣздѣ, но помѣщеніе считается за нами уже съ нынѣшняго дня. Поручаю вамъ переговорить съ обойщикомъ. Въ этомъ отношеніи, милый другъ, вы можете распоряжаться, какъ угодно; я знаю вашъ изящный кусъ и подчиняюсь ему; наша будущая квартира—та самая, которая понравилась вамъ... Что же, милая Регина, скажите наконецъ, довольны ли вы мною?

Этотъ вопросъ показался молодой женщинѣ оскорбительнымъ. Рокруа, очевидно, хотѣлъ вызвать на благодарность и доказать своей щедростью, что если онъ виноватъ передъ женой, то умѣетъ заглаживать свои вины. Регина хотѣла отвѣтить ему горькимъ упрекомъ. Она не обязана благодарить его; никакое вниманіе со стороны невѣрнаго мужа не могло смягчить нанесенной ей обиды. Однако г-жа Рокруа сдержала свой гнѣвъ, вспомнивъ собственную измѣну супружескому долгу. Ея вспышка немного улеглась.

— Очень вамъ благодарна, Андрэ, прошептала она, вставая изъ-за стола.

Мужъ прошелъ вслѣдъ за нею въ гостинную. Шамарета подала ему визитную карточку.

— Телэнжъ! вскричалъ взволнованный Рокруа, взглянувъ на карточку.—Онъ въ первый разъ пріѣзжаетъ ко мнѣ. Будьте съ нимъ *полюбезнѣе, дорогая,* сказалъ онъ женѣ.

По его знаку, проворная горничная выбѣжала изъ комнаты и вскорѣ явилась назадъ въ сопровожденіи знаменитаго основателя общества золотосныхъ пріисковъ въ Новой Зеландіи и многихъ другихъ финансовыхъ предпріятій. Ихъ акціи, внесенныя въ офиціальную курсовую таблицу на биржѣ, ежечасно напоминали публикѣ его имя, необычайную ловкость и баснословную изобрѣтательность его ума.

Регина, знавшая Телэнжа только по наслышкѣ, увидѣла передъ собою толстяка лѣтъ пятидесяти, низенькаго, широкоплечаго, съ румянымъ лицомъ. Его чувственный ротъ непріятно улыбался, обнаруживая два ряда бѣлыхъ, маленькихъ и заостренныхъ зубовъ; трехъэтажный подбородокъ былъ обрамленъ длинными рыжими бакенбардами и подпирался высокимъ, туго накрахмаленнымъ воротничкомъ; хитрые глазки заплыли жиромъ; лобъ великаго финансиста былъ громаденъ, благодаря совершенно голому черепу. Узкій реденготъ стягивалъ его полную фигуру; изъ узкихъ свѣтлыхъ брюкъ выставлялись большія ноги въ лакированныхъ ботинкахъ, блестѣвшихъ, какъ зеркало, что̀ обнаруживало въ посѣтителѣ привычку ѣздить въ крытыхъ экипажахъ. Телэнжъ, не смотря на тучность, отличался большою подвижностью и прекраснымъ здоровьемъ.

Онъ развязно подошелъ къ хозяйкѣ дома, прежде чѣмъ мужъ успѣлъ представить его.

— Теперь, когда я имѣю счастіе васъ видѣть, сударыня, сказалъ онъ:—я нахожу непростительнымъ со стороны моего друга, Рокруа, что онъ медлилъ представить вамъ меня. Я вижу, какъ много потерялъ.

Телэнжъ вторично поклонился, ожидая отвѣта на свою баналь-ную фразу.

— А я, напротивъ, радуюсь этому замедленію: оно дало мнѣ возможность при первомъ знакомствѣ поблагодарить васъ за то, что̀ вы сдѣлали для насъ обоихъ.

Гость былъ тронутъ такимъ привѣтствіемъ, пріятно польстившимъ его тщеславію.

— Это пустяки, сударыня, возразилъ онъ:—будьте увѣрены, что я сдѣлаю для васъ гораздо больше. Но я не заслуживаю особенной благодарности, потому что встрѣтилъ въ лицѣ вашего мужа драгоцѣннаго сотрудника. Меня слѣдуетъ благодарить не вамъ, а моимъ акціонерамъ, которымъ я сдѣлалъ большое одолженіе, поставивъ г-на Рокруа во главѣ нашего предпріятія.

Онъ попеременно смотрѣлъ то на мужа, краснаго отъ волне-

нія и радости, то на жену, привѣтливо улыбавшуюся, хотя ей не нравились пошлыя манеры посѣтителя.

— Заранѣе предсказываю, сударыня, продолжалъ онъ:—что теперь вамъ предстоитъ только веселиться и жить въ свое удовольствіе. Въ самомъ непродолжительномъ времени г-нъ Рокруа пріобрѣтетъ такія средства, которыя позволятъ вамъ завести собственныхъ лошадей, экипажи, брилліанты, роскошныя платья, однимъ словомъ—все, что̀ пожелаетъ душа. И тогда вы увидите, что столичная жизнь еще лучше провинціальной.

— Моя жена и не сомнѣвается въ этомъ, замѣтилъ Андрэ, желая вставить свое словечко.

— Ну, разумѣется. Съ такой таліей, съ такими глазками...

— Пощадите кротко возразила Регина.

— Клянусь честью, сударыня! Весьма сожалѣю, если искреннее выраженіе моего восторга было слишкомъ откровенно. Я не люблю кривить душою. Надѣюсь, что Рокруа не ревнивъ.

Разговоръ принималъ неловкій оборотъ. Слишкомъ грубый пріемъ лести оскорблялъ деликатность Регины. Андрэ понялъ это по взгляду жены, брошенному въ его сторону, и поспѣшилъ перейти къ другому предмету.

— Чему я обязанъ честью видѣть васъ у себя, господинъ президентъ? спросилъ онъ.

— Во-первыхъ, мнѣ давно слѣдовало отдать вамъ визитъ, а, во-вторыхъ, послѣ громкихъ похвалъ г-жѣ Рокруа, о которой сегодня трубятъ всѣ газеты, было бы смѣшно, еслибы я, имѣющій исключительное право приблизиться къ богинѣ, отказалъ себѣ въ удовольствіи лично выразить ей мое восхищеніе.

Телэнжъ, какъ видно, не далъ сбить себя съ позиціи, и Регина по неволѣ выслушивала его пошлости.

— Мнѣ крайне лестно такое вниманіе, отвѣчала молодая женщина,—хотя оно служитъ скорѣе доказательствомъ вашей любезности, чѣмъ моихъ достоинствъ.

— О, сударыня, излишняя скромность здѣсь совершенно не у мѣста, потому что ея никто не оцѣнитъ. Вы сами отлично сознаёте свою красоту и не должны сердиться, когда о ней говорятъ вамъ другіе. Вы не были бы женщиной, еслибы не любили похвалъ. Надѣюсь, вы позволите мнѣ представить вамъ г-жу Телэнжъ?

— Сочту за честь...

— Она у меня простая, несвѣтская женщина, добросердечная, но съ твердымъ характеромъ. Я женился на ней вдовцомъ, и мои дѣти отъ перваго брака выросли на ея попеченіи. Замѣ-

нивъ имъ родную мать, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, доставила мнѣ безмятежное супружеское счастіе.

Регинѣ показалось, что ея гость готовъ расчувствоваться, но она ошиблась. Онъ сейчасъ же перешелъ съ разговора о своей семьѣ и безмятежномъ счастіи къ вопросу о дѣлахъ.

— Теперь потолкуемъ съ вами серьезно, господинъ уполномоченный администраціи, замѣтилъ Телэнжъ хозяину дома.

— Къ вашимъ услугамъ, господинъ президентъ.

— Вотъ мои распоряженія: поѣзжайте, не мѣшкая, въ Фуа, если это необходимо, а потомъ возвращайтесь скорѣе обратно. Я жду—не дождусь, когда наконецъ вы поступите къ намъ.

— Я отправлюсь въ Арьежъ сегодня же вечеромъ.

— И оставляете г-жу Рокруа на наше попеченіе, не такъ ли? Мы будемъ очень довольны ролью ея покровителей. Она, конечно, сдѣлаетъ намъ честь ежедневно у насъ обѣдать. Мы повеземъ ее кататься въ Булонскій лѣсъ, поѣдемъ съ нею въ театръ. Однимъ словомъ, постараемся, чтобы она не слишкомъ скучала въ ваше отсутствіе.

Телэнжъ расходился и болталъ безъ умолку, волнуясь, возвышая голосъ, перескакивая съ предмета на предметъ, третируя свысока все и всѣхъ, а—главное—рисуясь своимъ цинизмомъ. Визитъ его затянулся до неприличія, но онъ продолжалъ разглагольствовать съ развязностью милліонера, который находилъ лишнимъ церемониться съ бѣдными людьми. Лицо финансиста раскраснѣлось; его разгорѣвшіеся глаза были все время устремлены на Регину. Молодая женщина испытывала необъяснимую неловкость подъ этимъ дерзкимъ взглядомъ и вздохнула свободно только послѣ ухода посѣтителя, просившаго у нея позволенія продолжать знакомство.

— Какъ онъ мнѣ надоѣлъ! со вздохомъ сказала Регина, когда Андрэ вернулся въ гостинную, проводивъ банкира.—Непріятный человѣкъ!

— Да, черезчуръ болтливъ; говоритъ необдуманно, а—главное—дурно воспитанъ. Однако, не смотря на свою манеру отзываться о людяхъ, онъ очень добръ. Вообще, моя милая, заключилъ Андрэ глубокомысленнымъ тономъ:—мы должны мириться съ его недостатками и брать его такимъ, каковъ онъ есть. Телэнжъ человѣкъ нужный.

— Нужный человѣкъ! съ досадой воскликнула молодая женщина.

— Ну, да! Поймите наконецъ, что съ нашими скудными доходами мы не перебьемся въ Парижѣ. Кто хочетъ достичь *извѣстной цѣли, тотъ* долженъ мириться съ необходимыми средствами.

Прежде всего, намъ нужно пріобрѣсти капиталъ; послѣ когда мы будемъ хлопотать только объ его увеличеніи, можно позволить себѣ нѣкоторую разборчивость, а до тѣхъ поръ нельзя пренебрегать нужными людьми.

Ясно и логично. Супругамъ Рокруа дѣйствительно приходилось терпѣть Телэнжа и ему подобныхъ, если они не хотѣли прозябать весь вѣкъ въ провинціи или нищенствовать въ Парижѣ. Врожденная честность Регины возмутилась на минуту подобной необходимостью. Она была готова на горячій протестъ, но слова замерли на ея губахъ. Г-жа Рокруа взглянула на мужа, который ея не любилъ и въ свою очередь былъ обманутъ женой и другомъ: она представила себѣ ихъ безрадостную жизнь вдвоемъ, вдали отъ свѣта, безо всякихъ развлеченій и даже безо всякаго комфорта, въ борьбѣ съ нуждою. Такая перспектива не на шутку испугала ее. Она гордо выпрямилась и сказала:

— Ты правъ: намъ нужно брать Телэнжа такимъ, каковъ онъ есть.

V.

Вечеромъ этого прекраснаго дня старикъ Фремино, дядя г-жи Рокруа, прохаживался по единственной аллеѣ своего маленькаго сада, какіе встрѣчались прежде въ парижскихъ предмѣстьяхъ и сохранились до настоящаго времени въ окрестностяхъ Булонскаго лѣса. Жилище отставнаго полковника находилось въ центрѣ Пасси; садикъ, отдѣленный отъ улицы четырехъэтажнымъ домомъ, былъ расположенъ надъ Сеной. Павильонъ, гдѣ помѣщался старикъ, выходилъ на открытое пространство, за которымъ возвышалась холмы Медона; каждую весну стѣны маленькаго зданія исчезали подъ зеленью дикаго винограда и цвѣтами глицинiй.

Передъ террасой, украшенной теперь одними колонками изъ бураго облупившагося камня, развертывалась панорама Парижа. Прямо противъ оконъ бѣлѣла квадратная площадь Марсова поля, на правой сторонѣ выступалъ Билянкуръ, слѣва—пріютъ Инвалидовъ, а дальше, группируясь вокругъ Пантеона, виднѣлись массы домовъ на лѣвомъ берегу Сены съ рядами оконъ, въ которыхъ искрилось теперь яркое зарево заката.

Вечеромъ заря опоясывала огненной полосой небесную лазурь; она сверкала надъ золотымъ куполомъ Инвалидовъ, постепенно сливаясь на горизонтѣ съ надвигавшимся сумракомъ. Умирающій день, какъ всегда, придавалъ природѣ отпечатокъ меланхоліи. Въ этомъ фантастическомъ сочетаніи свѣта и тѣни какъ будто олицетворялась идея смерти и возрожденія. Глухіе отголоски долетали

снизу; по рѣкѣ плыли пассажирскіе пароходы; экипажи, проѣзжая по набережной, исчезали въ туманѣ; вдали начали появляться въ окнахъ огни, оживляя потемнѣвшій ландшафтъ.

Хотя полковникъ Фремино давно привыкъ къ этой картинѣ, но, тѣмъ не менѣе, онъ останавливался по временамъ, чтобы полюбоваться ею. Силуэтъ высокаго старика съ гордой осанкой рисовался подъ обнаженными деревьями сада, то въ неподвижной позѣ, то наклонившись впередъ, когда хозяину уединеннаго жилища хотѣлось пристальнѣе всмотрѣться въ какой нибудь отдаленный предметъ, привлекавшій его вниманіе.

— Полковникъ, васъ желаетъ видѣть г-жа Рокруа, послышался голосъ позади Фремино.

Онъ вздрогнулъ и обернулся съ юношескою живостью.

— Какъ, моя племянница! вскричалъ онъ.—Гдѣ-жъ она?

— Въ гостинной, баринъ.

Старикъ быстро вернулся въ домъ и на порогѣ двери, выходившей на террасу, увидѣлъ Регину. Она подбѣжала и бросилась къ нему на шею. Дядя три раза поцѣловалъ ее въ лобъ, какъ въ старые годы, когда его племянница была малюткой и когда онъ любилъ сажать ее къ себѣ на лошадь, точно собираясь показать хорошенькую бѣлокурую дѣвочку своимъ драгунамъ. Вслѣдъ затѣмъ они вернулись въ гостинную. Взволнованный старикъ поспѣшилъ усадить дорогую гостью передъ затопленнымъ каминомъ.

— Дитя мое, какая неожиданная радость! повторялъ онъ.

Г-жа Рокруа молча смотрѣла на него, растроганная задушевной встрѣчей, и дорогія воспоминанія прошлаго проснулись въ ея душѣ. Старикъ былъ также ласковъ, какъ и прежде; та же доброта свѣтилась въ его глазахъ, не смотря на длинные сѣдые усы и суровую мину солдата, привыкшаго къ строгой дисциплинѣ подчиненныхъ.

— Я съ удовольствіемъ замѣчаю, милый дядя, что вы такой же молодецъ, какъ и были, сказала Регина послѣ небольшой паузы.

— О, я не могу пожаловаться на здоровье, отвѣчалъ Фремино, сбрасывая съ себя старое форменное пальто и фуражку безъ козырька, покрывавшую его коротко остриженные волосы.—Если такъ будетъ продолжаться, то я подумаю, что смерть забыла меня.

— Но сколько же вамъ лѣтъ?

— Семдесятъ два года, мой дружокъ. Дожить до такого возраста и не сдѣлаться ни паралитикомъ, ни глухимъ, ни слѣпымъ, ни беззубымъ,—вѣдь это просто безсовѣстно!

— Грѣшно говорить такимъ образомъ! Развѣ вы недовольны?

— *Конечно,* доволенъ и благословляю Бога, однако не хотѣлъ

бы слишкомъ долго заживаться на бѣломъ свѣтѣ. Старческая дряхлость—скверная штука. Но довольно говорить обо мнѣ. Я хочу спросить, какъ твои дѣла, здоровъ ли мужъ? Хорошо ли вамъ живется вмѣстѣ?

— Отлично, милый дядя!

— Очень радъ слышать это отъ тебя самой, потому что и ты, и Андрэ лѣнитесь писать сколько нибудь обстоятельныя письма...

— Не браните меня, прошу васъ, прервала Регина.—Множество занятій, обязательные выѣзды и пріемы отнимаютъ массу времени, но, ради Бога, не думайте, чтобы мы васъ забыли!

— Ну, ну, я не сержусь, я только спрашиваю, какъ ваши дѣла, весело воскликнулъ дядя.—А что, все еще нѣтъ наслѣдника? прибавилъ онъ, полушутя, полусерьезно, заглядывая въ глаза племянницѣ.

Грустное молчаніе было ему отвѣтомъ.

— Жаль! продолжалъ онъ послѣ минутной паузы.—Я желаю тебѣ полдюжины ребятишекъ. Дѣти—лучшіе хранители семейнаго счастія. Но что подѣлываетъ твой мужъ? Любитъ ли онъ тебя, по крайней мѣрѣ?

Регина пріѣхала не съ тѣмъ, чтобы жаловаться на судьбу, и потому солгала передъ добрымъ старикомъ:

— Андрэ любитъ меня по прежнему.

— Ну, вотъ и прекрасно! Ты останешься у меня обѣдать?

— Въ другой разъ, милый дядя.

— Напрасно. Сегодня, противъ обыкновенія, у меня отличный столъ, потому что я жду гостей: господина Делорена съ дочерью. Они мои сосѣди, и Ноэми прелестная дѣвушка.

— Извините, я не могу остаться. Андрэ ждетъ меня домой; ему необходимо уѣхать сегодня вечеромъ въ Арьежъ.

— Развѣ онъ здѣсь? съ живостью спросилъ удивленный Фремино.—Почему же ты пріѣхала ко мнѣ одна?

— Онъ очень занятъ и поручилъ мнѣ извиниться передъ вами. Вернувшись обратно...

— О, пусть не безпокоится и дѣлаетъ, какъ ему угодно. Но скажи мнѣ, малютка, неужели правительство намѣрено оставить васъ навсегда въ Фуа? Вы тамъ сидите вотъ уже нѣсколько лѣтъ. Неужели Андрэ нельзя перевести въ какую нибудь префектуру, менѣе отдаленную отъ Парижа?

— Мы теперь и не мечтаемъ больше о переводѣ. Мужу надоѣло дожидаться административныхъ милостей; онъ вышелъ въ отставку.

— Не можетъ быть!

— Сегодня утромъ Андрэ формально отказался отъ своей должности префекта.

— Онъ испортилъ себѣ карьеру! Какъ же ты, благоразумная женщина, допустила его до такой глупости?

— Но, дядя, вы сами говорите, что насъ забыли въ Фуа; мужъ не имѣлъ никакихъ шансовъ на повышеніе.

— Что за бѣда! воскликнулъ Фремино.—И ничтожное мѣсто все таки доставляло вамъ средства къ жизни. Желалъ бы я знать, за что вы приметесь теперь, не имѣя обезпеченія.

— Прежде чѣмъ выйти въ отставку, Андрэ пріискалъ себѣ другую должность.

— Ну, это прекрасно. Гдѣ же онъ намѣренъ служить?

— Мужъ будетъ заниматься дѣлами.

— Дѣлами! Что это значитъ?

Регина въ замѣшательствѣ потупилась, предвидя, что Фремино не одобритъ ихъ плановъ на будущее. Но было уже поздно уклоняться отъ объясненій, и такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ добился бы правды, то г-жа Рокруа рѣшила откровенно высказаться. Дядя внимательно слушалъ, хотя въ его глазахъ выражались недовѣріе и досада. Наконецъ старикъ не выдержалъ:

— Скажи отъ меня Андрэ, что онъ болванъ!

— Дядюшка!

— Да, повторяю еще разъ: патентованный дуракъ! Состоять префектомъ, быть на хорошемъ счету, ожидать несомнѣннаго повышенія—и вдругъ предпочесть обезпеченной карьерѣ сотрудничество въ неблаговидныхъ спекуляціяхъ какого-то проходимца! Да знаете ли вы, что за птица этотъ Телэнжъ?

— Онъ сдѣлалъ намъ визитъ, когда пріѣзжалъ въ Фуа познакомиться съ планомъ желѣзной дороги, которую хотѣлъ взять на концессію. У него были рекомендательныя письма отъ министра путей сообщенія.

— Это только доказываетъ, что министръ рекомендуетъ мошенниковъ, такъ какъ Телэнжъ—завзятый мошенникъ.

— Говорятъ, у него громадныя средства, робко возразила Регина.

— Мандрэнъ былъ также богатъ, занимаясь грабежемъ на большихъ дорогахъ, перебилъ Фремино, взбѣшенный возраженіемъ племянницы.—У Телэнжа, по слухамъ, нѣсколько милліоновъ, и я охотно этому вѣрю. Но знаешь ли ты, какъ онъ нажился?

— Вѣроятно, путемъ биржевыхъ спекуляцій.

— Ну, и другими путями также. Двѣнадцать лѣтъ назадъ, съ помощью неизвѣстно откуда добытыхъ ресурсовъ, онъ основалъ банкъ на акціяхъ: Большое кредитное общество. То было ано-

рано отправились куда-то. Барыня повѣрила или сдѣлала видъ, что вѣритъ.

— Ну, это не бѣда! замѣтилъ Андрэ увѣреннымъ тономъ.

— Вы, право, очень неосторожны, сударь, возразила дѣвушка. —Если такъ будетъ продолжаться, я ни за что не отвѣчаю. Барыня, очевидно, догадывается.

— Догадывается? О чемъ же это? Я просто заигрался въ карты въ клубѣ...

— О, сударь, зачѣмъ мнѣ ваши отговорки?

Они объяснялись торопливымъ шопотомъ, причемъ Рокруа напряженно прислушивался, боясь, чтобы Регина не застала ихъ врасплохъ.

— Ни слова больше! рѣзко прервалъ онъ Шамарету, когда въ столовой раздались легкіе шаги его жены. Андрэ пошелъ ей на встрѣчу, благодушно улыбаясь, какъ человѣкъ съ чистой совѣстью, и заговорилъ съ Региной ласковымъ, слегка заискивающимъ тономъ. Она спокойно отвѣтила на вопросъ, и они оба сѣли завтракать. Шамарета служила у стола.

— Вы и не спрòсите меня, гдѣ я пропадалъ цѣлое утро, милый другъ,—сказалъ немного спустя Андрэ, котораго тяготило наступившее молчаніе.

— И гдѣ вы провели цѣлую ночь, уѣхавъ изъ Елисейскаго дворца. Къ счастію для васъ, я не любопытна!

Онъ пропустилъ мимо ушей колкость жены и спокойно замѣтилъ:

— Мнѣ пришлось уѣхать со вчерашняго бала въ клубъ, гдѣ меня поджидалъ Телэнжъ.

„Лжетъ", подумала про себя Регина.

— Сегодня утромъ, продолжалъ Рокруа:—я ѣздилъ, по его желанію, просить министра, чтобы мнѣ поскорѣе назначили преемника. Я долженъ немедленно заняться дѣлами общества золотоносныхъ залежей. Телэнжъ умоляетъ меня поторопиться. Министръ сказалъ, что новый арьежскій префектъ будетъ назначенъ раньше недѣли, и, кромѣ того, далъ обѣщаніе представить меня къ ордену почетнаго легіона; я получу крестъ при формальномъ выходѣ въ отставку.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ самъ предложилъ вамъ награду?

— Да, это была его личная иниціатива; насколько я могъ замѣтить, онъ оказываетъ услугу мнѣ собственно ради васъ. Съ какимъ жаромъ расхваливалъ министръ ваши достоинства!.. Вы положительно *вскружили* ему голову, прибавилъ Андрэ, смѣясь.

друга, Делорена. Онъ судебный слѣдователь, и видалъ много поучительнаго на своемъ посту. Спроси его мнѣнія о Телэнжѣ и финансовыхъ затѣяхъ банкира.

— А между тѣмъ Телэнжъ кажется порядочнымъ человѣкомъ.

— Казаться и быть—не одно и то же. Напротивъ, дорогая Регина, поступки его некрасивы какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни. Еще при первой женѣ онъ соблазнилъ воспитательницу своей дочери; сдѣлавшись вдовцомъ, онъ на ней женился, что̀ не помѣшало ему однако остаться развратникомъ. Его отношенія къ Даверни извѣстны всему свѣту. Телэнжъ выставляетъ ихъ на показъ, не стѣсняясь приличіями.

— Кто такая Даверни? спросила Регина.

— Погибшее созданіе, опозоренное, падшее... Она пріобрѣла состояніе порочной жизнью; однимъ словомъ, дрянная женщина, отвѣчалъ Фремино.

Встревоженная г-жа Рокруа не знала, что̀ сказать.

— Какъ опрометчиво поступилъ Андрэ! прошептала она.

— Почему онъ не посовѣтовался со мною? Почему ты сама ни слова не писала мнѣ о вашихъ планахъ? До чего вы могли дойти, еслибы я не предостерегъ васъ во время! Къ счастію, еще не поздно.

— Но Андрэ уже далъ слово...

— Онъ можетъ взять его обратно.

— Тогда мой мужъ останется безъ мѣста...

— Правительство опять приметъ его на службу. Администрація дорожитъ хорошими чиновниками. Кромѣ того, еслибы вамъ понадобилась матеріальная поддержка, вы всегда можете разсчитывать на мою помощь. Будьте покойны—съ голоду не умремъ. Важнѣе всего сохранить честное имя.

Въ этихъ немногихъ словахъ вылилась вся душа старика Фремино. Регина была потрясена ихъ искреннимъ тономъ, и ей стало ясно, что избавиться отъ Телэнжа очень легко—сто̀итъ только захотѣть. Предостереженія дяди напугали ее. Теперь г-жѣ Рокруа хотѣлось поскорѣе переговорить съ Андрэ и удержать его на краю пропасти.

Но вдругъ ей представились всѣ затрудненія, связанныя съ отказомъ. Въ случаѣ разрыва съ банкиромъ, имъ предстояла куча непріятностей: отставка Рокруа и его поступленіе на частную должность получили огласку. Отказъ отъ участія въ дѣлахъ банкира и возвращеніе на административную службу надѣлаютъ много шуму. А изъ какихъ средствъ покроются только что сдѣланные *расходы*? Въ Альмской аллеѣ нанята большая квартира; сдѣлана

масса разорительныхъ заказовъ въ виду широкой жизни въ столицѣ.

„Андрэ ни за что не согласится отступить", подумала она.

Въ комнату вошелъ слуга съ зажженной лампой. Съ улицы не доносилось никакого шума, и глубокая тишина вокругъ нарушалась только звономъ серебра и посуды въ столовой.

— Поспѣши объясниться съ мужемъ, дитя мое, сказалъ Фремино, когда они опять остались вдвоемъ.—Передай ему все, что ты узнала отъ меня, а если онъ не послушаетъ моихъ совѣтовъ, уговори его, по крайней мѣрѣ, повидаться со мною до окончательнаго рѣшенія.

— Хорошо, милый дядя, вздыхая, отвѣчала Регина.

Она встала съ мѣста, принимаясь медленно завязывать ленты своей шляпки и надѣвать шубу, обнаруживая въ своихъ нерѣшительныхъ движеніяхъ малодушный страхъ передъ серьезнымъ шагомъ, къ которому обязывали ее долгъ чести и настоянія добраго старика.

— Пускай Андрэ отложитъ свой отъѣздъ, продолжалъ дядя:— а завтра пусть повидается съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Если его преемникъ еще не назначенъ, то вы, пожалуй, удержитесь на своемъ мѣстѣ въ Фуа. Въ противномъ случаѣ, нужно немедленно просить о назначеніи на новую должность.—Въ прихожей послышались голоса.—Вотъ мои гости, прибавилъ Фремино.

— Неужели такъ поздно! воскликнула Регина, взглядывая на стѣнные часы.

— Когда у меня обѣдаютъ Делорены, мы всегда садимся за столъ въ шесть часовъ: я забылъ сказать тебѣ объ этомъ.

— Тогда мнѣ надо спѣшить. Прощайте, дядя.

Но Регина не успѣла выйти. На порогѣ показался судебный слѣдователь съ дочерью. Они жили въ большомъ домѣ, выходившемъ на улицу, и пришли запросто, какъ сосѣди. Фремино познакомилъ ихъ съ племянницей. Обѣ женщины посмотрѣли одна на другую съ тайнымъ недовѣріемъ. Однако Ноэми обошлась съ Региной очень любезно.

— Нашъ добрый знакомый, г-нъ Фаргъ, говорилъ намъ о васъ, сударыня, сказала она.

— Я также слышала отъ него много лестнаго про васъ и вашего батюшку. Онъ искренно къ вамъ расположенъ.

— Точно также, какъ и мы къ нему, вмѣшался Делоренъ.— Къ сожалѣнію, милѣйшій Фаргъ навѣщаетъ насъ крайне рѣдко.

— У него такъ мало свободнаго времени, возразила г-жа Роқруа.

Ноэми утвердительно кивнула головой и прибавила съ улыбкой:

— Вчера, въ Елисейскомъ дворцѣ, онъ обѣщалъ мнѣ бывать у насъ почаще. Увидимъ, можно ли полагаться на его пламенныя увѣренія!

— Развѣ вы были вчера въ Елисейскомъ дворцѣ? вырвалось у Регины.

— Да, сударыня.

— Очень сожалѣю, что г. Фаргъ не сказалъ мнѣ объ этомъ. Мы могли познакомиться и пріятно провести время.

— Тамъ было ужасно много публики! Г-ну Фаргу стоило такого труда провести меня къ буфету и защищать отъ толчковъ со всѣхъ сторонъ.

Г-жа Рокруа почувствовала, что блѣднѣетъ. Ее поразила не предупредительность Люсьена къ Ноэми Делоренъ и не то, что молодая дѣвушка съ удовольствіемъ вспоминала объ оказанной ей любезности. Все это было въ порядкѣ вещей. Но почему Фаргъ измѣнилъ въ данномъ случаѣ своей обычной откровенности съ Региной и умолчалъ о встрѣчѣ съ друзьями? Такой поступокъ внушалъ невольное подозрѣніе. Въ сердцѣ г-жи Рокруа шевельнулись ревность и безпокойство. Она пожирала глазами Ноэми, досадуя на ея красоту. Ей показалось даже, что дѣвушка улыбается съ вызывающимъ видомъ, тогда какъ въ улыбкѣ мадмуазель Делоренъ выражалась только наивная самоувѣренность юности.

Г-жа Рокруа раскланялась съ гостями и вышла. Фремино проводилъ ее до экипажа, повторяя свои наставленія и совѣты. Всю дорогу Регина не могла опомниться отъ непріятныхъ неожиданностей, которыя обрушились на нее въ Пасси. Нервы молодой женщины были потрясены; мысли путались въ головѣ. Боязнь потерять дорогаго человѣка и необходимость вернуться къ будничному скитальческому существованію провинціальныхъ чиновниковъ представляли ей настоящее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Регинѣ оставалось или помириться съ этой долей, или подвергнуть себя риску, отъ котораго предостерегалъ ее дядя.

Когда г-жа Рокруа вернулась домой, Шамарета была испугана ея разстроеннымъ видомъ. Регина уклонилась однако отъ разспросовъ горничной и ея услугъ, спѣша поскорѣе объясниться съ мужемъ. Онъ еще не возвращался. Обѣдъ, приготовленный *раньше обыкновеннаго*, ожидалъ его. Молодой женщинѣ прихо-

дилось также покориться томительному, пассивному ожиданію. Она съ безпокойствомъ посматривала на часы, соображая, что ей не достанетъ времени обстоятельно переговорить съ Андрэ, если онъ пріѣдетъ поздно. Наконецъ Рокруа явился, красный, запыхавшійся, озабоченный, жалуясь на досадныя хлопоты. По его словамъ, онъ побывалъ въ двадцати мѣстахъ и цѣлый день былъ занятъ по горло. Передавая женѣ обо всемъ, что̀ задержало его сегодня внѣ дома, будущій финансистъ умолчалъ только о мадмуазель Шардэнъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ провелъ у нея почти все время, строя заманчивые планы на будущее. Рокруа обѣдалъ стоя, на скорую руку, торопясь на поѣздъ. Регина безуспѣшно старалась заговорить съ нимъ серьезно.

Наконецъ ея терпѣніе лопнуло.

— Мнѣ необходимо объясниться съ вами, Андрэ, сказала она.

— Развѣ вы не видите, что я спѣшу? Объяснимся послѣ моего возвращенія изъ Фуа, съ досадой перебилъ мужъ.

— Тогда будетъ поздно. Дѣло въ томъ, что я видѣлась съ дядей Фремино и разсказала ему о перемѣнѣ въ нашей жизни.

— Кто же васъ просилъ пускаться въ ненужныя откровенности! Я не давалъ вамъ права...

— Ему хорошо знакомъ Телэнжъ и его предпріятія. Вы должны узнать мнѣніе старика объ этомъ предметѣ.

— Какое мнѣ дѣло до его мнѣній!

— Дядя Фремино судитъ вполнѣ безпристрастно, какъ человѣкъ неподкупной честности. Онъ отечески любитъ меня, и потому естественно интересуется нашими обстоятельствами.

Тутъ Регина въ короткихъ словахъ передала Рокруа все слышанное отъ полковника. Андрэ продолжалъ ѣсть, съ очевиднымъ намѣреніемъ ни въ какомъ случаѣ не откладывать своего отъѣзда.

— Что̀ же изъ этого слѣдуетъ? холодно замѣтилъ онъ, выслушавъ Регину.

— Послѣ того, что̀ я вамъ сообщила, съ вашей стороны будетъ благоразумнѣе всего взять обратно просьбу объ отставкѣ и остаться арьежскимъ префектомъ.

— Вы серьезно совѣтуете мнѣ это?

— Конечно, такъ, если вы находите, что мой дядя не преувеличиваетъ опасности.

— Вашъ дядя! Напрасно вы къ нему ѣздили сегодня. Полковникъ человѣкъ отличный, не спорю, но у него совершенно

устарѣлыя понятія; онъ, какъ всѣ отжившіе люди, не доволенъ современностью....

— Андрэ!...

— Если хотите узнать правду о Телэнжѣ, то наведите справки о немъ не у стараго рутинёра, а у тѣхъ, кто стоитъ во главѣ финансоваго движенія Парижа. Что же касается предпріятій Телэнжа, то объ ихъ успѣхахъ кричитъ вся столичная биржа. Вотъ изъ какихъ источниковъ я почерпнулъ необходимыя свѣдѣнія о моемъ новомъ патронѣ. Поэтому вы позволите мнѣ, надѣюсь, остаться при своемъ рѣшеніи—тѣмъ больше, что теперь некогда пускаться въ безполезные споры.

— Конечно, вы лучшій судья въ своемъ дѣлѣ, прошептала Регина:—и если вы полагаете....

Андрэ не далъ ей договорить.

— Я полагаю, мой другъ, что вамъ менѣе всего слѣдуетъ создавать на моей дорогѣ препятствія и затрудненія. Мнѣ отлично извѣстны какъ выгоды, такъ и слабыя стороны избранной мною карьеры. Я вступаю на поприще, для котораго требуется много благоразумія, энергіи и осмотрительности, но которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, ведетъ къ богатству. Достигнувъ цѣли, мы можемъ избавиться отъ Телэнжа; до тѣхъ поръ, какъ я сказалъ сегодня утромъ, будемъ принимать его такимъ, каковъ онъ есть. А теперь—до скораго свиданія.

Рокруа наскоро поцѣловалъ жену. Регина равнодушно простилась съ мужемъ и смотрѣла ему вслѣдъ, когда онъ вышелъ въ прихожую въ сопровожденіи Шамареты, помогавшей ему одѣться.

„Андрэ правъ, сказала себѣ г-жа Рокруа:—намъ поздно думать объ отступленіи".

Но, оставшись одна въ гостинной у камина, утомленная вчерашнимъ баломъ, разстроенная разговоромъ съ дядей Фремино, молодая женщина почувствовала глубокую грусть. Будущее пугало Регину; настоящее было безотрадно. А между тѣмъ еще недавно ее радовали частыя отлучки мужа. Въ то время она чувствовала себя любимой и не знала горькихъ сомнѣній въ привязанности Люсьена. Теперь все перемѣнилось.... Фаргъ сдѣлался неузнаваемъ; онъ даже не приходилъ къ ней сегодня цѣлый день.

Въ прихожей дрогнулъ звонокъ. Регина встрепенулась.

„Это онъ", подумала она, выпрямляясь на креслѣ и напрягая слухъ.

Однако вмѣсто желаннаго гостя на порогѣ появилась тор-

Прежде всего, намъ нужно пріобрѣсти капиталъ; послѣ когда мы будемъ хлопотать только объ его увеличеніи, можно позволить себѣ нѣкоторую разборчивость, а до тѣхъ поръ нельзя пренебрегать нужными людьми.

Ясно и логично. Супругамъ Рокруа дѣйствительно приходилось терпѣть Телэнжа и ему подобныхъ, если они не хотѣли прозябать весь вѣкъ въ провинціи или нищенствовать въ Парижѣ. Врожденная честность Регины возмутилась на минуту подобной необходимостью. Она была готова на горячій протестъ, но слова замерли на ея губахъ. Г-жа Рокруа взглянула на мужа, который ея не любилъ и въ свою очередь былъ обманутъ женой и другомъ: она представила себѣ ихъ безрадостную жизнь вдвоемъ, вдали отъ свѣта, безо всякихъ развлеченій и даже безо всякаго комфорта, въ борьбѣ съ нуждою. Такая перспектива не на шутку испугала ее. Она гордо выпрямилась и сказала:

— Ты правъ: намъ нужно брать Телэнжа такимъ, каковъ онъ есть.

V.

Вечеромъ этого прекраснаго дня старикъ Фремино, дядя г-жи Рокруа, прохаживался по единственной аллеѣ своего маленькаго сада, какіе встрѣчались прежде въ парижскихъ предмѣстьяхъ и сохранились до настоящаго времени въ окрестностяхъ Булонскаго лѣса. Жилище отставнаго полковника находилось въ центрѣ Пасси; садикъ, отдѣленный отъ улицы четырехъэтажнымъ домомъ, былъ расположенъ надъ Сеной. Павильонъ, гдѣ помѣщался старикъ, выходилъ на открытое пространство, за которымъ возвышалась холмы Медона; каждую весну стѣны маленькаго зданія исчезали подъ зеленью дикаго винограда и цвѣтами глициній.

Передъ террасой, украшенной теперь одними колонками изъ бураго облупившагося камня, развертывалась панорама Парижа. Прямо противъ оконъ бѣлѣла квадратная площадь Марсова поля, на правой сторонѣ выступалъ Билянкуръ, слѣва—пріютъ Инвалидовъ, а дальше, группируясь вокругъ Пантеона, виднѣлись массы домовъ на лѣвомъ берегу Сены съ рядами оконъ, въ которыхъ искрилось теперь яркое зарево заката.

Вечеромъ заря опоясывала огненной полосой небесную лазурь; она сверкала надъ золотымъ куполомъ Инвалидовъ, постепенно сливаясь на горизонтѣ съ надвигавшимся сумракомъ. Умирающій день, какъ всегда, придавалъ природѣ отпечатокъ меланхоліи. Въ этомъ фантастическомъ сочетаніи свѣта и тѣни какъ будто олицетворялась идея смерти и возрожденія. Глухіе отголоски долетали

снизу; по рѣкѣ плыли пассажирскіе пароходы; экипажи, проѣзжая по набережной, исчезали въ туманѣ; вдали начали появляться въ окнахъ огни, оживляя потемнѣвшій ландшафтъ.

Хотя полковникъ Фремино давно привыкъ къ этой картинѣ, но, тѣмъ не менѣе, онъ останавливался по временамъ, чтобы полюбоваться ею. Силуэтъ высокаго старика съ гордой осанкой рисовался подъ обнаженными деревьями сада, то въ неподвижной позѣ, то наклонившись впередъ, когда хозяину уединеннаго жилища хотѣлось пристальнѣе всмотрѣться въ какой нибудь отдаленный предметъ, привлекавшій его вниманіе.

— Полковникъ, васъ желаетъ видѣть г-жа Рокруа, послышался голосъ позади Фремино.

Онъ вздрогнулъ и обернулся съ юношескою живостью.

— Какъ, моя племянница! вскричалъ онъ.—Гдѣ-жъ она?

— Въ гостинной, баринъ.

Старикъ быстро вернулся въ домъ и на порогѣ двери, выходившей на террасу, увидѣлъ Регину. Она подбѣжала и бросилась къ нему на шею. Дядя три раза поцѣловалъ ее въ лобъ, какъ въ старые годы, когда его племянница была малюткой и когда онъ любилъ сажать ее къ себѣ на лошадь, точно собираясь показать хорошенькую бѣлокурую дѣвочку своимъ драгунамъ. Вслѣдъ затѣмъ они вернулись въ гостинную. Взволнованный старикъ поспѣшилъ усадить дорогую гостью передъ затопленнымъ каминомъ.

— Дитя мое, какая неожиданная радость! повторялъ онъ.

Г-жа Рокруа молча смотрѣла на него, растроганная задушевной встрѣчей, и дорогія воспоминанія прошлаго проснулись въ ея душѣ. Старикъ былъ также ласковъ, какъ и прежде; та же доброта свѣтилась въ его глазахъ, не смотря на длинные сѣдые усы и суровую мину солдата, привыкшаго къ строгой дисциплинѣ подчиненныхъ.

— Я съ удовольствіемъ замѣчаю, милый дядя, что вы такой же молодецъ, какъ и были, сказала Регина послѣ небольшой паузы.

— О, я не могу пожаловаться на здоровье, отвѣчалъ Фремино, сбрасывая съ себя старое форменное пальто и фуражку безъ козырька, покрывавшую его коротко остриженные волосы.—Если такъ будетъ продолжаться, то я подумаю, что смерть забыла меня.

— Но сколько же вамъ лѣтъ?

— Семдесятъ два года, мой дружокъ. Дожить до такого возраста и не сдѣлаться ни паралитикомъ, ни глухимъ, ни слѣпымъ, ни беззубымъ,—вѣдь это просто безсовѣстно!

— Грѣшно говорить такимъ образомъ! Развѣ вы недовольны?

— *Конечно,* доволенъ и благословляю Бога, однако не хотѣлъ

бы слишкомъ долго заживаться на бѣломъ свѣтѣ. Старческая дряхлость—скверная штука. Но довольно говорить обо мнѣ. Я хочу спросить, какъ твои дѣла, здоровъ ли мужъ? Хорошо ли вамъ живется вмѣстѣ?

— Отлично, милый дядя!

— Очень радъ слышать это отъ тебя самой, потому что и ты, и Андрэ лѣнитесь писать сколько нибудь обстоятельныя письма...

— Не браните меня, прошу васъ, прервала Регина.—Множество занятій, обязательные выѣзды и пріемы отнимаютъ массу времени, но, ради Бога, не думайте, чтобы мы васъ забыли!

— Ну, ну, я не сержусь, я только спрашиваю, какъ ваши дѣла, весело воскликнулъ дядя.—А что, все еще нѣтъ наслѣдника? прибавилъ онъ, полушутя, полусерьезно, заглядывая въ глаза племянницѣ.

Грустное молчаніе было ему отвѣтомъ.

— Жаль! продолжалъ онъ послѣ минутной паузы.—Я желаю тебѣ полдюжины ребятишекъ. Дѣти—лучшіе хранители семейнаго счастія. Но что подѣлываетъ твой мужъ? Любитъ ли онъ тебя, по крайней мѣрѣ?

Регина пріѣхала не съ тѣмъ, чтобы жаловаться на судьбу, и потому солгала передъ добрымъ старикомъ:

— Андрэ любитъ меня по прежнему.

— Ну, вотъ и прекрасно! Ты останешься у меня обѣдать?

— Въ другой разъ, милый дядя.

— Напрасно. Сегодня, противъ обыкновенія, у меня отличный столъ, потому что я жду гостей: господина Делорена съ дочерью. Они мои сосѣди, и Ноэми прелестная дѣвушка.

— Извините, я не могу остаться. Андрэ ждетъ меня домой; ему необходимо уѣхать сегодня вечеромъ въ Арьежъ.

— Развѣ онъ здѣсь? съ живостью спросилъ удивленный Фремино.—Почему же ты пріѣхала ко мнѣ одна?

— Онъ очень занятъ и поручилъ мнѣ извиниться передъ вами. Вернувшись обратно...

— О, пусть не безпокоится и дѣлаетъ, какъ ему угодно. Но скажи мнѣ, малютка, неужели правительство намѣрено оставить васъ навсегда въ Фуа? Вы тамъ сидите вотъ уже нѣсколько лѣтъ. Неужели Андрэ нельзя перевести въ какую нибудь префектуру, менѣе отдаленную отъ Парижа?

— Мы теперь и не мечтаемъ больше о переводѣ. Мужу надоѣло дожидаться административныхъ милостей; онъ вышелъ въ отставку.

— Не можетъ быть!

— Сегодня утромъ Андрэ формально отказался отъ своей должности префекта.

— Онъ испортилъ себѣ карьеру! Какъ же ты, благоразумная женщина, допустила его до такой глупости?

— Но, дядя, вы сами говорите, что насъ забыли въ Фуа; мужъ не имѣлъ никакихъ шансовъ на повышеніе.

— Что за бѣда! воскликнулъ Фремино.—И ничтожное мѣсто все таки доставляло вамъ средства къ жизни. Желалъ бы я знать, за что вы приметесь теперь, не имѣя обезпеченія.

— Прежде чѣмъ выйти въ отставку, Андрэ пріискалъ себѣ другую должность.

— Ну, это прекрасно. Гдѣ же онъ намѣренъ служить?

— Мужъ будетъ заниматься дѣлами.

— Дѣлами! Что это значитъ?

Регина въ замѣшательствѣ потупилась, предвидя, что Фремино не одобритъ ихъ плановъ на будущее. Но было уже поздно уклоняться отъ объясненій, и такъ какъ онъ во всякомъ случаѣ добился бы правды, то г-жа Рокруа рѣшила откровенно высказаться. Дядя внимательно слушалъ, хотя въ его глазахъ выражались недовѣріе и досада. Наконецъ старикъ не выдержалъ:

— Скажи отъ меня Андрэ, что онъ болванъ!

— Дядюшка!

— Да, повторяю еще разъ: патентованный дуракъ! Состоять префектомъ, быть на хорошемъ счету, ожидать несомнѣннаго повышенія—и вдругъ предпочесть обезпеченной карьерѣ сотрудничество въ неблаговидныхъ спекуляціяхъ какого-то проходимца! Да знаете ли вы, что за птица этотъ Телэнжъ?

— Онъ сдѣлалъ намъ визитъ, когда пріѣзжалъ въ Фуа познакомиться съ планомъ желѣзной дороги, которую хотѣлъ взять на концессію. У него были рекомендательныя письма отъ министра путей сообщенія.

— Это только доказываетъ, что министръ рекомендуетъ мошенниковъ, такъ какъ Телэнжъ—завзятый мошенникъ.

— Говорятъ, у него громадныя средства, робко возразила Регина.

— Мандрэнъ былъ также богатъ, занимаясь грабежемъ на большихъ дорогахъ, перебилъ Фремино, взбѣшенный возраженіемъ племянницы.—У Телэнжа, по слухамъ, нѣсколько милліоновъ, и я охотно этому вѣрю. Но знаешь ли ты, какъ онъ нажился?

— Вѣроятно, путемъ биржевыхъ спекуляцій.

— Ну, и другими путями также. Двѣнадцать лѣтъ назадъ, съ помощью неизвѣстно откуда добытыхъ ресурсовъ, онъ основалъ *банкъ на акціяхъ*: Большое кредитное общество. То было ано-

нимное товарищество, однако его бумаги попали въ офиціальную биржевую таблицу. Затѣмъ Большое кредитное общество основало много маленькихъ: общество Вандейскихъ мукомольныхъ мельницъ, кассу французскаго судоходства, рѣчныя страхованія, каледонскія мраморныя ломки, ливанскіе нефтяные источники. Однимъ словомъ, была придумана куча машинъ для выманиванія чужихъ денегъ; искусные машинисты приводятъ ихъ въ движеніе, продавая публикѣ акціи съ преміями. Эти акціи не имѣютъ никакой цѣнности, ничѣмъ не гарантированы, но пока несостоятельность бумагъ не доказана—въ ожиданіи ликвидаціи, краха и заключительнаго эпилога—эти господа набиваютъ себѣ карманы преміями, которыя оплачиваются легковѣрными глупцами. Вотъ какимъ путемъ разбогатѣлъ Телэнжъ!

— Но между тѣмъ его предпріятія идутъ успѣшно. Не дальше, какъ сегодня утромъ, онъ говорилъ, что всѣ акціи повышаются.

— Искусственное повышеніе! Негодяй будетъ поддерживать ихъ до тѣхъ поръ, пока ему необходимо поддержать заблужденіе публики. Не думай, чтобы я говорилъ голословно. Я самъ имѣлъ неосторожность повѣрить въ „Мукомольныя мельницы Вандеи“; программа предпріятія сулила акціонерамъ золотыя горы, и мои сбереженія поступили въ кассу Большаго кредитнаго общества. Потомъ я узналъ, что въ Вандеѣ столько же мельницъ, сколько вотъ здѣсь—на моей ладони. Понимаешь?.. Мнѣ стало ясно, что тутъ собираются молоть не пшеницу, а мои бѣдныя денежки. Разумѣется, я поспѣшилъ потребовать ихъ обратно.

— И вамъ ихъ отдали, конечно? воскликнула г-жа Рокруа, начинавшая колебаться въ своемъ довѣріи къ знаменитому финансисту.

— Отдали. Но сначала я сочинилъ прекрасное письмецо на имя прокурора республики и далъ его прочесть почтеннѣйшему Телэнжу. Онъ немедленно пошелъ на всѣ уступки, едва пробѣжавъ нѣсколько строкъ. Теперь ты можешь судить о честности этого человѣка. Что касается общества золотыхъ розсыпей въ Новой Зеландіи, то я слышу о немъ первый разъ въ жизни; но достаточно его солидарности съ Большимъ Кредитомъ, чтобы предсказать ему печальный конецъ. Это нисколько не лучше Вандейскихъ мельницъ. Если твой мужъ положитъ палецъ въ эту машину, то она втянетъ его цѣликомъ и переломаетъ ему кости, какъ фабричная шестерня.

— Вы пугаете меня, милый дядя.

— Мой долгъ предостеречь васъ, пока не поздно. Если ты мнѣ не *вѣришь, спроси* другихъ опытныхъ людей,—вотъ много

друга, Делорена. Онъ судебный слѣдователь, и видалъ много поучительнаго на своемъ посту. Спроси его мнѣнія о Телэнжѣ и финансовыхъ затѣяхъ банкира.

— А между тѣмъ Телэнжъ кажется порядочнымъ человѣкомъ.

— Казаться и быть—не одно и то же. Напротивъ, дорогая Регина, поступки его некрасивы какъ въ общественной, такъ и въ частной жизни. Еще при первой женѣ онъ соблазнилъ воспитательницу своей дочери; сдѣлавшись вдовцомъ, онъ на ней женился, что̀ не помѣшало ему однако остаться развратникомъ. Его отношенія къ Даверни извѣстны всему свѣту. Телэнжъ выставляетъ ихъ на показъ, не стѣсняясь приличіями.

— Кто такая Даверни? спросила Регина.

— Погибшее созданіе, опозоренное, падшее... Она пріобрѣла состояніе порочной жизнью; однимъ словомъ, дрянная женщина, отвѣчалъ Фремино.

Встревоженная г-жа Рокруа не знала, что̀ сказать.

— Какъ опрометчиво поступилъ Андрэ! прошептала она.

— Почему онъ не посовѣтовался со мною? Почему ты сама ни слова не писала мнѣ о вашихъ планахъ? До чего вы могли дойти, еслибы я не предостерегъ васъ во время! Къ счастію, еще не поздно.

— Но Андрэ уже далъ слово...

— Онъ можетъ взять его обратно.

— Тогда мой мужъ останется безъ мѣста...

— Правительство опять приметъ его на службу. Администрація дорожитъ хорошими чиновниками. Кромѣ того, еслибы вамъ понадобилась матеріальная поддержка, вы всегда можете разсчитывать на мою помощь. Будьте покойны—съ голоду не умремъ. Важнѣе всего сохранить честное имя.

Въ этихъ немногихъ словахъ вылилась вся душа старика Фремино. Регина была потрясена ихъ искреннимъ тономъ, и ей стало ясно, что избавиться отъ Телэнжа очень легко—сто̀итъ только захотѣть. Предостереженія дяди напугали ее. Теперь г-жѣ Рокруа хотѣлось поскорѣе переговорить съ Андрэ и удержать его на краю пропасти.

Но вдругъ ей представились всѣ затрудненія, связанныя съ отказомъ. Въ случаѣ разрыва съ банкиромъ, имъ предстояла куча непріятностей: отставка Рокруа и его поступленіе на частную должность получили огласку. Отказъ отъ участія въ дѣлахъ банкира и возвращеніе на административную службу надѣлаютъ много шуму. А изъ какихъ средствъ покроются только что сдѣланные *расходы*? Въ Альмской аллеѣ нанята большая квартира; сдѣлана

масса разорительныхъ заказовъ въ виду широкой жизни въ столицѣ.

„Андрэ ни за что не согласится отступить", подумала она.

Въ комнату вошелъ слуга съ зажженной лампой. Съ улицы не доносилось никакого шума, и глубокая тишина вокругъ нарушалась только звономъ серебра и посуды въ столовой.

— Поспѣши объясниться съ мужемъ, дитя мое, сказалъ Фремино, когда они опять остались вдвоемъ.—Передай ему все, что ты узнала отъ меня, а если онъ не послушаетъ моихъ совѣтовъ, уговори его, по крайней мѣрѣ, повидаться со мною до окончательнаго рѣшенія.

— Хорошо, милый дядя, вздыхая, отвѣчала Регина.

Она встала съ мѣста, принимаясь медленно завязывать ленты своей шляпки и надѣвать шубу, обнаруживая въ своихъ нерѣшительныхъ движеніяхъ малодушный страхъ передъ серьезнымъ шагомъ, къ которому обязывали ее долгъ чести и настоянія добраго старика.

— Пускай Андрэ отложитъ свой отъѣздъ, продолжалъ дядя:— а завтра пусть повидается съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Если его преемникъ еще не назначенъ, то вы, пожалуй, удержитесь на своемъ мѣстѣ въ Фуа. Въ противномъ случаѣ, нужно немедленно просить о назначеніи на новую должность.—Въ прихожей послышались голоса.—Вотъ мои гости, прибавилъ Фремино.

— Неужели такъ поздно! воскликнула Регина, взглядывая на стѣнные часы.

— Когда у меня обѣдаютъ Делорены, мы всегда садимся за столъ въ шесть часовъ: я забылъ сказать тебѣ объ этомъ.

— Тогда мнѣ надо спѣшить. Прощайте, дядя.

Но Регина не успѣла выйти. На порогѣ показался судебный слѣдователь съ дочерью. Они жили въ большомъ домѣ, выходившемъ на улицу, и пришли запросто, какъ сосѣди. Фремино познакомилъ ихъ съ племянницей. Обѣ женщины посмотрѣли одна на другую съ тайнымъ недовѣріемъ. Однако Ноэми обошлась съ Региной очень любезно.

— Нашъ добрый знакомый, г-нъ Фаргъ, говорилъ намъ о васъ, сударыня, сказала она.

— Я также слышала отъ него много лестнаго про васъ и вашего батюшку. Онъ искренно къ вамъ расположенъ.

— Точно также, какъ и мы къ нему, вмѣшался Делоренъ.— Къ сожалѣнію, милѣйшій Фаргъ навѣщаетъ насъ крайне рѣдко.

— У него такъ мало свободнаго времени, возразила г-жа Рокруа.

Ноэми утвердительно кивнула головой и прибавила съ улыбкой:

— Вчера, въ Елисейскомъ дворцѣ, онъ обѣщалъ мнѣ бывать у насъ почаще. Увидимъ, можно ли полагаться на его пламенныя увѣренія!

— Развѣ вы были вчера въ Елисейскомъ дворцѣ? вырвалось у Регины.

— Да, сударыня.

— Очень сожалѣю, что г. Фаргъ не сказалъ мнѣ объ этомъ. Мы могли познакомиться и пріятно провести время.

— Тамъ было ужасно много публики! Г-ну Фаргу стоило такого труда провести меня къ буфету и защищать отъ толчковъ со всѣхъ сторонъ.

Г-жа Рокруа почувствовала, что блѣднѣетъ. Ее поразила не предупредительность Люсьена къ Ноэми Делоренъ и не то, что молодая дѣвушка съ удовольствіемъ вспоминала объ оказанной ей любезности. Все это было въ порядкѣ вещей. Но почему Фаргъ измѣнилъ въ данномъ случаѣ своей обычной откровенности съ Региной и умолчалъ о встрѣчѣ съ друзьями? Такой поступокъ внушалъ невольное подозрѣніе. Въ сердцѣ г-жи Рокруа шевельнулись ревность и безпокойство. Она пожирала глазами Ноэми, досадуя на ея красоту. Ей показалось даже, что дѣвушка улыбается съ вызывающимъ видомъ, тогда какъ въ улыбкѣ мадмуазель Делоренъ выражалась только наивная самоувѣренность юности.

Г-жа Рокруа раскланялась съ гостями и вышла. Фремино проводилъ ее до экипажа, повторяя свои наставленія и совѣты. Всю дорогу Регина не могла опомниться отъ непріятныхъ неожиданностей, которыя обрушились на нее въ Пасси. Нервы молодой женщины были потрясены; мысли путались въ головѣ. Боязнь потерять дорогаго человѣка и необходимость вернуться къ будничному скитальческому существованію провинціальныхъ чиновниковъ представляли ей настоящее въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Регинѣ оставалось или помириться съ этой долей, или подвергнуть себя риску, отъ котораго предостерегалъ ее дядя.

Когда г-жа Рокруа вернулась домой, Шамарета была испугана ея разстроеннымъ видомъ. Регина уклонилась однако отъ разспросовъ горничной и ея услугъ, спѣша поскорѣе объясниться съ мужемъ. Онъ еще не возвращался. Обѣдъ, приготовленный *раньше обыкновеннаго*, ожидалъ его. Молодой женщинѣ прихо-

дилось также покориться томительному, пассивному ожиданію. Она съ безпокойствомъ посматривала на часы, соображая, что ей не достанетъ времени обстоятельно переговорить съ Андрэ, если онъ пріѣдетъ поздно. Наконецъ Рокруа явился, красный, запыхавшійся, озабоченный, жалуясь на досадныя хлопоты. По его словамъ, онъ побывалъ въ двадцати мѣстахъ и цѣлый день былъ занятъ по горло. Передавая женѣ обо всемъ, что̀ задержало его сегодня внѣ дома, будущій финансистъ умолчалъ только о мадмуазель Шардэнъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ провелъ у нея почти все время, строя заманчивые планы на будущее. Рокруа обѣдалъ стоя, на скорую руку, торопясь на поѣздъ. Регина безуспѣшно старалась заговорить съ нимъ серьезно.

Наконецъ ея терпѣніе лопнуло.

— Мнѣ необходимо объясниться съ вами, Андрэ, сказала она.

— Развѣ вы не видите, что я спѣшу? Объяснимся послѣ моего возвращенія изъ Фуа, съ досадой перебилъ мужъ.

— Тогда будетъ поздно. Дѣло въ томъ, что я видѣлась съ дядей Фремино и разсказала ему о перемѣнѣ въ нашей жизни.

— Кто же васъ просилъ пускаться въ ненужныя откровенности! Я не давалъ вамъ права...

— Ему хорошо знакомъ Телэнжъ и его предпріятія. Вы должны узнать мнѣніе старика объ этомъ предметѣ.

— Какое мнѣ дѣло до его мнѣній!

— Дядя Фремино судитъ вполнѣ безпристрастно, какъ человѣкъ неподкупной честности. Онъ отечески любитъ меня, и потому естественно интересуется нашими обстоятельствами.

Тутъ Регина въ короткихъ словахъ передала Рокруа все слышанное отъ полковника. Андрэ продолжалъ ѣсть, съ очевиднымъ намѣреніемъ ни въ какомъ случаѣ не откладывать своего отъѣзда.

— Что̀ же изъ этого слѣдуетъ? холодно замѣтилъ онъ, выслушавъ Регину.

— Послѣ того, что̀ я вамъ сообщила, съ вашей стороны будетъ благоразумнѣе всего взять обратно просьбу объ отставкѣ и остаться арьежскимъ префектомъ.

— Вы серьезно совѣтуете мнѣ это?

— Конечно, такъ, если вы находите, что мой дядя не преувеличиваетъ опасности.

— Вашъ дядя! Напрасно вы къ нему ѣздили сегодня. Полковникъ человѣкъ отличный, не спорю, но у него совершенно

устарѣлыя понятія; онъ, какъ всѣ отжившіе люди, не доволенъ современностью....

— Андрэ!...

— Если хотите узнать правду о Телэнжѣ, то наведите справки о немъ не у стараго рутинёра, а у тѣхъ, кто стоитъ во главѣ финансоваго движенія Парижа. Что же касается предпріятій Телэнжа, то объ ихъ успѣхахъ кричитъ вся столичная биржа. Вотъ изъ какихъ источниковъ я почерпнулъ необходимыя свѣдѣнія о моемъ новомъ патронѣ. Поэтому вы позволите мнѣ, надѣюсь, остаться при своемъ рѣшеніи—тѣмъ больше, что теперь некогда пускаться въ безполезные споры.

— Конечно, вы лучшій судья въ своемъ дѣлѣ, прошептала Регина:—и если вы полагаете....

Андрэ не далъ ей договорить.

— Я полагаю, мой другъ, что вамъ менѣе всего слѣдуетъ создавать на моей дорогѣ препятствія и затрудненія. Мнѣ отлично извѣстны какъ выгоды, такъ и слабыя стороны избранной мною карьеры. Я вступаю на поприще, для котораго требуется много благоразумія, энергіи и осмотрительности, но которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, ведетъ къ богатству. Достигнувъ цѣли, мы можемъ избавиться отъ Телэнжа; до тѣхъ поръ, какъ я сказалъ сегодня утромъ, будемъ принимать его такимъ, каковъ онъ есть. А теперь—до скораго свиданія.

Рокруа наскоро поцѣловалъ жену. Регина равнодушно простилась съ мужемъ и смотрѣла ему вслѣдъ, когда онъ вышелъ въ прихожую въ сопровожденіи Шамареты, помогавшей ему одѣться.

„Андрэ правъ, сказала себѣ г-жа Рокруа:—намъ поздно думать объ отступленіи".

Но, оставшись одна въ гостинной у камина, утомленная вчерашнимъ баломъ, разстроенная разговоромъ съ дядей Фремино, молодая женщина почувствовала глубокую грусть. Будущее пугало Регину; настоящее было безотрадно. А между тѣмъ еще недавно ее радовали частыя отлучки мужа. Въ то время она чувствовала себя любимой и не знала горькихъ сомнѣній въ привязанности Люсьена. Теперь все перемѣнилось.... Фаргъ сдѣлался неузнаваемъ; онъ даже не приходилъ къ ней сегодня цѣлый день.

Въ прихожей дрогнулъ звонокъ. Регина встрепенулась.

„Это онъ", подумала она, выпрямляясь на креслѣ и напрягая слухъ.

Однако вмѣсто желаннаго гостя на порогѣ появилась тор-

ное время. Это обстоятельство, объясненіе которому будетъ приведено ниже, отзывается, между прочимъ, измѣненіемъ направленія рѣкъ. Послѣднее явленіе особенно рѣзко выражается на р. Аму-Дарьѣ. Аму постепенно передвигаетъ свое русло по направленію къ востоку, вслѣдствіе чего правый берегъ рѣки постепенно осыпается. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это передвиженіе Аму бываетъ такъ энергично, что, по наблюденіямъ Мушкетова, въ какіе нибудь 3—4 часа берегъ отодвигается фута на два; въ нѣкоторыхъ частяхъ берега нельзя простоять одного часа, чтобы не подвергнуться обвалу. Вслѣдствіе этого напора водъ Аму на правый берегъ, культурная полоса послѣдняго съ каждымъ годомъ съуживается. Многія селенія, стоявшія на лѣвомъ берегу, у рѣки или въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, разрушены, другимъ предстоитъ та же участь. Зато селенія, стоявшія на правомъ берегу у рѣки, теперь какъ бы отодвинуты отъ нея. Вообще же для селеній лѣваго берега это передвиженіе русла рѣки вызываетъ необходимость измѣнять и удлинять оросительные каналы (арыки). По свидѣтельству туземцевъ, всего за послѣднія 25—30 лѣтъ Аму подвинулась на востокъ по меньшей мѣрѣ верстъ на 8. Наконецъ, третье свойство среднеазіатскихъ рѣкъ, принадлежащее также значительной части русскихъ рѣкъ, состоитъ въ разрушеніи горныхъ высотъ, съ которыхъ онѣ стекаютъ, и отложеніи уносимыхъ при этомъ частицъ почвы по руслу, а главнымъ образомъ въ устьяхъ. Какое громадное значеніе имѣетъ этотъ фактъ—видно изъ того, что по точнымъ вычисленіямъ, основаннымъ на обстоятельныхъ фактическихъ изслѣдованіяхъ, Аму-Дарья отлагаетъ въ своей дельтѣ ежегодно 44.854,000 кубическихъ метровъ осадковъ [*]). Явленіе это, благодаря истребленію лѣсовъ въ верховьяхъ рѣкъ, прогрессивно увеличивается.

Рѣки, стекающія на сѣверъ и югъ съ кавказскихъ горъ, имѣютъ всѣ тѣ же свойства, какія представляютъ среднеазіатскія рѣки. Особенно рѣзко выражается здѣсь прогрессивный ростъ неравномѣрности теченія рѣкъ и занесенія устьевъ. Въ одно время рѣки несутъ громадныя массы воды, песку и камня, производя наводненія, а въ другое замѣтно сокращаются, причемъ нѣкоторыя даже пересыхаютъ. Мы остановимся на важнѣйшихъ рѣкахъ. Даже такая большая рѣка, какъ Кура, представляетъ весьма замѣтныя измѣненія въ своемъ теченіи сравнительно съ прошлымъ. Ежегодныя весеннія наводненія уносятъ массу воды, принося страшный вредъ странѣ. Во многихъ мѣстахъ своего теченія Кура почти ежегодно мѣняетъ свое русло. Занесеніе устья Куры осадками представляетъ собою весьма замѣтный фактъ. Еще рѣзче выражены всѣ означенныя явленія на Терекѣ. Здѣсь до вырубки лѣсовъ на главномъ притокѣ Терека, Сунжѣ, почти

*) *Мушкетовъ*. Туркестанъ. Стр. 717 и 699, 599—601 и 618, 635—6.

нія, и онъ питалъ надежду, что г-жа Рокруа, убѣдившись разумными доводами, сама возвратитъ ему свободу изъ безкорыстной привязанности къ Люсьену и въ интересахъ его будущности. Такой наивный разсчетъ оказался невѣренъ. Регина не думала мириться съ потерей любимаго человѣка и разрушила всѣ его планы, потребовавъ категорическаго объясненія.

Ему стало понятно, что объясненіе, затѣянное при настоящихъ условіяхъ, приведетъ къ рѣзкому разрыву, чего онъ опасался отчасти изъ осторожности, отчасти изъ сожалѣнія. Это заставило Люсьена малодушно отступить отъ принятой тактики.

— Я, право, не понимаю васъ, прошепталъ онъ уклончиво.

— Спросите вашу совѣсть, повторила Регина.—Если вы скажете, что она чиста передо мною, то я вамъ повѣрю и признаю свои опасенія напрасными!...

Люсьенъ, не колеблясь, рѣшился усыпить на время недовѣріе г-жи Рокруа. Ему казалось необходимымъ притворяться передъ нею, чтобы на свободѣ обдумать свое положеніе и перейти къ неизбѣжной развязкѣ безъ скандала.

— Моя совѣсть не упрекаетъ меня ни въ чемъ, отвѣчалъ онъ.

Регина въ восторженномъ порывѣ бросилась къ Фаргу, привлекла его къ себѣ и заставила опуститься на коверъ у своихъ ногъ. Дрожа отъ радости, молодая женщина осыпала Люсьена жаркими поцѣлуями. Ея глаза были влажны отъ слезъ.

— Если такъ, сказала она замирающимъ голосомъ:—зачѣмъ же причинять мнѣ напрасныя страданія? Я боялась, что ты меня разлюбилъ!

Люсьенъ увидѣлъ, къ какимъ печальнымъ результатамъ привела его ложь. Ему стало стыдно своего лицемѣрія и захотѣлось въ ту же минуту высказать всю правду, откровенно объясниться, отвести прочь ласкающія руки влюбленной женщины, сбросить съ себя постылыя оковы. Но Регина истолковала превратно его движеніе и зажала ротъ неопытному юношѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори ничего. Я была неправа; мною овладѣло безуміе!.. Не надо никакихъ оправданій! Скажи только, что ты меня любишь.

И онъ еще разъ повторилъ это обманчивое увѣреніе.

(Продолженіе будетъ).

КУЛЬТУРНЫЕ ВОПРОСЫ НАШЕГО НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА.

Культурные вопросы нашего народнаго хозяйства принадлежатъ къ числу вопросовъ, наименѣе интересующихъ наше образованное общество и печать. Это въ особенности должно быть сказано относительно послѣднихъ лѣтъ, когда обществомъ, а за нимъ и печатью овладѣлъ какой-то лихорадочный интересъ къ вопросамъ внѣшней политики, крайне ослабившій интересъ къ вопросамъ нашей собственной внутренней жизни. А между тѣмъ въ этой области медленно, постепенно, но зато вѣрно и неизбѣжно подготовляются явленія, грозящія намъ такими страшными послѣдствіями, сравнительно съ размѣрами которыхъ всѣ послѣдствія того или другаго разрѣшенія вопроса о „проливахъ“ и ему подобныхъ являются совершенно ничтожными. Мы разумѣемъ совершающееся на нашихъ глазахъ *измѣненіе климата Россіи*, понимая „климатъ“ въ обширномъ значеніи этого слова, какъ совокупность всѣхъ природныхъ условій, вліяющихъ на народное хозяйство.

Измѣненіе климата Россіи идетъ въ сторону его ухудшенія и даетъ себя знать замѣтными результатами уже и теперь. Кто не помнитъ страшныхъ неурожаевъ въ Самарской губерніи 1874 и 1880 годовъ, явившихся результатомъ засухъ, прежде совершенно неизвѣстныхъ въ этомъ краю? Эти же засухи сдѣлались хроническими явленіями по всему югу Россіи, вызывая голодъ въ мѣстахъ, бывшихъ доселѣ „житницею Европы“, и побуждая населеніе бѣжать изъ этихъ благословенныхъ мѣстъ далѣе на востокъ. Такія многоземельныя, малонаселенныя мѣстности, какъ Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губерніи, начинаютъ высылать переселенцевъ, и притомъ въ значительномъ числѣ, такъ какъ, оказывается, хозяйничать въ названныхъ мѣстностяхъ становится крайне затруднительнымъ вслѣдствіе недостатка влаги. Во многихъ мѣстностяхъ Донской области выгораніе хлѣба сдѣлалось настолько постояннымъ явленіемъ, что не вызываетъ уже ничьего удивленія. Ставропольская губернія, еще недавно отличавшаяся баснословными урожаями и гордившаяся богатствомъ своего населенія, стала хронически страдать отъ засухъ, а въ послѣдніе три года подъ рядъ была постигнута такими неурожаями, которые совершенно разорили населеніе и вызвали въ 1886 году настоящій голодъ. Огромныя степи *юговостока, предоставленныя* кочевникамъ, начинающіяся въ Ставро-

польской губерніи и оканчивающіяся въ Семирѣченской области, до такой степени страдаютъ отъ засухъ, что въ теченіе одного поколѣнія скотоводство кочевниковъ уменьшилось болѣе чѣмъ на три четверти. Рядомъ съ водвореніемъ господства засухъ идетъ общее ухудшеніе климата. Зимы дѣлаются не постоянны, раньше начинаются и позже оканчиваются. Продолжительность умѣренныхъ промежуточныхъ временъ года сокращается, и переходъ отъ суровой зимы къ жаркому лѣту дѣлается болѣе рѣзокъ. Послѣдствія этихъ измѣненій въ климатѣ неисчислимы. Сухая степь все болѣе и болѣе расширяется на сѣверъ. Господство подвижныхъ песковъ принимаетъ грозные размѣры. Происходитъ вырожденіе культурныхъ растеній. Предѣльная линія культуры многихъ растеній отодвигается къ югу и понижается по склонамъ горъ. Идетъ обмеленіе рѣкъ и высыханіе озеръ, и т. д.

Люди науки, а также и тѣ изъ людей опыта, которые не довольствуются интересами настоящаго дня, а заглядываютъ и въ будущее, уже обратили вниманіе на грозный фактъ ухудшенія климата Россіи, хотя, къ сожалѣнію, далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ это явленіе заслуживаетъ. Огромнѣйшее же большинство общества даже не подозрѣваетъ о самомъ существованіи факта. Наша статья именно и имѣетъ въ виду въ популярномъ очеркѣ познакомить публику съ сущностью названнаго явленія, его размѣрами, причинами, вызвавшими его, и средствами, которыя могутъ быть противопоставлены ему.

I.

Высыханіе озеръ и обмеленіе рѣкъ.

Прежде всего, дѣйствительно ли существуетъ явленіе, о которомъ мы намѣрены говорить, дѣйствительно ли въ климатѣ страны происходятъ серьезныя измѣненія, и притомъ въ дурную сторону?

Объективными признаками наличности указываемаго явленія служатъ: высыханіе озеръ, обмеленіе рѣкъ, измѣненья въ теченіи рѣкъ и вообще истощеніе всякаго рода водохранилищъ и источниковъ, распространеніе подвижныхъ, сыпучихъ песковъ и перемѣна климата въ болѣе тѣсномъ значеніи этого слова. Эти признаки и разсмотримъ по порядку.

Высыханіе озеръ представляетъ собою явленіе, весьма распространенное по всей Россіи. Съ наибольшею силою оно проявляется на нашемъ юго-востокѣ. Западная Сибирь, наши среднеазіатскія владѣнія и юговосточный уголъ Европейской Россіи представляютъ въ этомъ отношеніи множество поразительныхъ примѣровъ. Процессъ высыханія коснулся здѣсь не только второстепенныхъ водохранилищъ, но даже и такихъ громадныхъ водныхъ площадей, какъ Аральское и Каспійское „моря“. Приведемъ *важнѣйшіе*, относящіеся сюда, факты.

Въ Западной Сибири рѣзкій примѣръ высыханія представляетъ группа озеръ Чаны, Абышканъ, Сумы и Молоки. По изслѣдованіямъ г. Ядринцева, эта группа озеръ еще въ 1820 году занимала площадь (какъ это видно изъ составленной въ этомъ году карты названныхъ озеръ) около 8,300 квадратныхъ километровъ, а въ 1880 г. поверхность озеръ не превосходила 3,400 квадр. километровъ. Такимъ образомъ, за 60 лѣтъ поверхность бассейна уменьшилась на 4,900 кв. километровъ, т. е. на 59 проц. первоначальной поверхности; при этомъ озера Сумы и Абышканъ почти совершенно исчезли. Съ неменьшей интенсивностью идетъ обсыханіе Арало-Каспійскаго бассейна. Аральское и Каспійское моря, повидимому, составляли нѣкогда одно цѣлое и, во всякомъ случаѣ, занимали несравненно болѣе обширное пространство, нежели какое занимаетъ ихъ площадь теперь. Съ наибольшею интенсивностью идетъ высыханіе Аральскаго моря. Въ 1859 году одинъ изъ заливовъ этого моря Айбугиръ былъ длиною около 115 километровъ и шириною отъ 15 до 30 километровъ; еще въ 1872 году оренбургскія войска, шедшія въ Хиву, должны были переправляться чрезъ проливъ, соединяющій Айбугиръ съ Араломъ, а кавказскія войска, вышедшія съ Мангишака, обходили его съ юга. Но въ 1874 году Айбугиръ совершенно исчезъ. Другой заливъ Арала—Барсукъ былъ нанесенъ на карту нашими геодезистами въ 1741 году, но въ 1846 году онъ уже не существовалъ, и въ настоящее время на мѣстѣ его—песчаная степь Большіе Барсуки; такимъ образомъ, въ теченіе вѣка сѣверо-западный конецъ Аральскаго моря отступилъ на 70 километровъ къ югу, обнаживъ площадь въ 2230 квадр. километровъ [1]). Точно также заливъ Сары-Чеганакъ почти превратился уже въ озеро. Озеро Камыш-лы-башъ еще на памяти киргизовъ соединялось съ Араломъ. Вообще вся совокупность относящихся сюда данныхъ указываетъ на то, что Аральское море высыхаетъ чрезвычайно быстро, отступая отъ своихъ предѣльныхъ границъ и оставляя по берегамъ многочисленныя озера, какъ свидѣтелей своего былаго распространенія. Каждое изъ этихъ озеръ, въ свою очередь, переживаетъ процессъ пересыханія. Такимъ образомъ, берега Арала усѣяны еще, такъ сказать, живущими озерами; по мѣрѣ удаленія отъ береговъ, озера замѣняются солончаками. Высыханіе этихъ прибрежныхъ озеръ совершается весьма замѣтно и въ настоящее время. Въ устьяхъ Аму-Дарьи многія озера заносятся рѣчными осадками; въ такъ называемыхъ Кызыль-кумахъ (красныхъ пескахъ)—множество озеръ совершенно осушившихся, а въ Кара-кумахъ (черныхъ пескахъ)—много сократившихся озеръ. Озера Акча-тенгизъ и Кукча-тенгизъ представляютъ только остатки когда-то

---

[1]) „Восточное Обозрѣніе“, 1886 г. № 43. „Высыханіе озеръ въ Сибири и Средней Азіи“. *Я. М.*

обширнаго озера. Въ урочищѣ Джаманъ-мынъ-чеку отъ большаго озера сохранился только небольшой плесъ. Лежащее между Каспіемъ и Араломъ озеро Сара-камышъ занимало нѣкогда болѣе 10 тысячъ квадратныхъ верстъ, а теперь это—озерко очень скромныхъ размѣровъ [1]). Тотъ же процессъ высыханія наблюдается и на Каспійскомъ морѣ. Такъ, еще въ 1859 г. озеро Ашикуль соединялось съ Каспійскимъ моремъ проливомъ, удобнымъ для стоянки большихъ судовъ, а въ 1873 году русскій отрядъ прошелъ уже по высохшему дну этого озера [2]). Многіе изъ сѣверо-восточныхъ заливовъ Каспійскаго моря вовсе исчезли въ самое непродолжительное время, а другіе, въ которыхъ еще недавно во множествѣ ловились бѣлуги, осетры и проч., быстро исчезаютъ; таковы заливы или „кутуки": Ильмень, Черепинскій, Гогольскій и др. Вообще вся сѣверо-восточная часть Каспійскаго моря быстро мелѣетъ [3]). То же происходитъ на побережьѣ Каспійскаго моря, входящемъ въ предѣлы Астраханской губерніи. Здѣсь море „отходитъ" весьма замѣтно. Такъ, въ Астраханскомъ уѣздѣ деревня Самосдѣлка и село Образцово основаны были, въ царствованіе императрицы Екатерины II, на морскомъ берегу; при повѣркѣ же межеванія въ 1850 году оказалось, что море удалилось на 12 верстъ, и по бывшему дну его существуютъ покосы, на чистомъ пескѣ, орошаемомъ 24 большими и мелкими волжскими протоками. Точно также, въ уѣздѣ Красноярскомъ, Чуркинская Николаевская пустынь въ концѣ прошедшаго столѣтія стояла на самомъ берегу моря, а уже въ концѣ 50-хъ годовъ отъ монастыря до моря считалось не менѣе 15 верстъ. По той же причинѣ астраханскія селенія, исключительно занимающіяся рыболовствомъ, принуждены переноситься съ мѣста на мѣсто, передвигаясь вслѣдъ за убывающимъ моремъ [4]). Уменьшеніе площади Каспійскаго моря совершается также и въ западномъ направленіи, въ сторону Кавказа. Научныя изслѣдованія показали,что западный берегъ Каспійскаго моря проходилъ нѣкогда гораздо далѣе на западъ, чѣмъ теперь. Кура нѣкогда впадала въ Каспійское море раньше сліянія ея съ Араксомъ, и море вытѣснено здѣсь на пространствѣ до 1500 квадратныхъ верстъ.

Въ предѣлахъ Европейской Россіи наблюдается также высыханіе болѣе мелкихъ озеръ. Сравнивая карты Внутренней Букеевской Орды за 1846 и 1865 г., находимъ, что за этотъ короткій промежутокъ здѣсь исчезло нѣсколько озеръ. Нѣкоторыя озера Оренбургской пограничной линіи, упо-

---

[1]) *Мушкетовъ.* Туркестанъ. Геологическое и Орографическое описаніе. 1886 г. Стр. 698—700.

[2]) „Восточное Обозрѣніе". Jъ

[3]) „Волжскій Вѣстникъ", 1886 г., № 206. „Лѣса и Лѣсонстребленіе". *А. И—въ.*

[4]) Списокъ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Астраханская губернія. *Стр. VII.*

нинаемыя въ Топографіи Рычкова [1]), въ настоящее время представляютъ овраги, совершенно безводные. То же замѣчается и внутри Европейской Россіи. Такъ, въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, по берегамъ Донца многочисленныя нѣкогда озера, болота и заводи, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ, замѣтно исчезаютъ, а озера, прежде очень глубокія и рыбныя, теперь и вовсе высыхаютъ; около самаго Славяносербска всѣ озера, оставшіяся на мѣстѣ стараго русла Донца, совершенно высохли въ теченіе 30 лѣтъ, не смотря на то, что полая вода почти ежегодно покрываетъ эту поверхность. Въ Херсонской губерніи еще на памяти нынѣшняго поколѣнія было немало озеръ съ рыбой, а теперь тамъ роютъ на 10—15 саженъ колодцы со скудною водою [2]). Извѣстныя Манычскія озера, на границѣ Ставропольской губерніи съ Донскою областью и Астраханскою губерніею, высохли въ теченіе полустолѣтія почти на половину. Наконецъ, тотъ же процессъ высыханія даетъ себя знать даже сравнительно далеко на сѣверѣ. Такъ, озеро Неро въ Ярославской губерніи постепенно сокращается въ своемъ объемѣ, причемъ площадь его уменьшается ежегодно почти на $1^1/_2$ десятины, а обмеленіе настолько сильно, что можно ожидать скораго обращенія его въ болото.

Наконецъ, намъ приходится присутствовать при высыханіи и обмеленіи водохранилища, не замкнутаго, какъ всѣ предъидущія, а соединеннаго съ общею системою морей и океановъ земнаго шара. Мы говоримъ объ Азовскомъ и Черномъ моряхъ. „Отступаніе“ того и другаго не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію для человѣка, побывавшаго на лиманахъ названныхъ морей. Весь восточный, западный, а отчасти и сѣверный берегъ Азовскаго моря усѣянъ „лиманами“, изъ которыхъ одни уже совершенно отдѣлились отъ моря, а другіе соединяются съ нимъ ничтожными проливами и въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ отдѣлятся отъ него совершенно. Словомъ, здѣсь намъ представляется та же картина, какая имѣетъ мѣсто на берегахъ Арала. Типичный примѣръ азовскихъ лимановъ представляетъ извѣстный Сивашъ—мелкое пространство, отдѣленное отъ моря узкою Арбатскою стрѣлкою, имѣющею длину въ 104 версты, а ширину въ $^1/_2$—3 версты, и соединяющееся съ моремъ посредствомъ пролива, всего въ 45 саженъ ширины и отъ 1 до 2 саж. глубины. Сюда же должны быть отнесены соляныя озера, которыхъ въ одной Таврической губерніи до 300 и которыя, очевидно, образовались изъ морскихъ заливовъ. Очевидно, море здѣсь занимало нѣкогда несравненно болѣе широкое пространство, нежели теперь, и постепенно „отступило“. Что

---

[1]) „Оренбургская губернія съ прилежащими къ ней мѣстами по Ландкартамъ Красильникова и Топографіи Рычкова 1755 г.“ Оренбургъ 1880 г.

[2]) *Вейнберг.* Лѣсъ и его значеніе. 1884 г. Стр. 406 и 416.

Черное море въ далекую эпоху захватывало многія изъ южно-русскихъ мѣстностей,—тому есть несомнѣнныя доказательства въ геологіи этихъ мѣстностей. Но что оно и въ недавнюю эпоху заливало своими водами многія изъ заселенныхъ теперь прибрежныхъ мѣстъ и что оно продолжаетъ „отступать“ и доселѣ,—тому также существуютъ вполнѣ убѣдительныя свидѣтельства. Еще на памяти исторіи берегъ Чернаго моря, входящій въ составъ Херсонской губерніи, представлялся изрубленнымъ многочисленными заливами, но въ настоящее время лишь немногіе изъ этихъ заливовъ остались въ сообщеніи съ моремъ; прочіе же отдѣлились отъ него тонкими полосами суши, „пересыпями“; такъ, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія лиманы Тилигульскій и Аджалыкскій сообщались съ моремъ, а нынѣ они превратились въ озера. Въ Бессарабской области удаленіе береговъ Чернаго моря весьма замѣтно отмѣчается увеличеніемъ песчанаго побережья [1]).

Обмеленіе и высыханіе озеръ въ значительной мѣрѣ обусловливаются обмеленіемъ впадающихъ въ нихъ рѣкъ и, въ свою очередь, обусловливаютъ обмеленіе рѣкъ, вытекающихъ изъ озеръ. Обмеленіе рѣкъ представляетъ собою фактъ еще болѣе общій, нежели высыханіе озеръ. Наши рѣки мелѣютъ на всемъ пространствѣ Россіи отъ Восточнаго океана до западной границы и отъ Закавказья до рѣчной системы Ледовитаго океана. Какъ ни странно, но даже многоводныя рѣки Сибири обнаруживаютъ наклонность къ обмеленію, какъ это замѣчается даже на Ленѣ и Енисеѣ, а еще болѣе—на ихъ притокахъ. Въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ это явленіе замѣтно еще болѣе рѣзкимъ образомъ. По словамъ г. Мушкетова, въ Средней Азіи происходитъ осушеніе горныхъ озеръ и поднятіе снѣговой линіи и ледниковъ, а въ связи съ этими явленіями—уменьшеніе и отступаніе почти всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ, стекающихъ съ центральнаго азіатскаго нагорья. Такъ, рѣчные бассейны, питающіе Аральское море, постепенно уменьшаются вслѣдствіе сокращенія ледниковъ и снѣговыхъ полей въ горахъ, откуда они берутъ свое происхожденіе. Многіе значительные притоки, приносившіе въ Сыръ и Амуръ-Дарью много воды, въ настоящее время совершенно не доходятъ до нихъ, напр., большая рѣка Чу, Сары-су и др. для Сыръ-Дарьи, и Зеравшанъ, Карши-Дарья и пр.—для Амуръ-Дарьи. Кромѣ уменьшенія количества приносимой рѣками воды, наши среднеазіатскія рѣки представляютъ еще другое печальное явленіе, свойственное большинству русскихъ рѣкъ вообще. Явленіе это состоитъ все въ увеличивающейся неравномѣрности теченія, которое дѣлается все многоводнѣе весною, послѣ сильныхъ дождей, и все маловоднѣе въ осталь-

---

[1]) Списки населенныхъ мѣстъ. Таврическая губернія, стр. IX и XII. Херсонская губернія, VIII. Бессарабская область, XI.

ное время. Это обстоятельство, объясненіе которому будетъ приведено ниже, отзывается, между прочимъ, измѣненіемъ направленія рѣкъ. Послѣднее явленіе особенно рѣзко выражается на р. Аму-Дарьѣ. Аму постепенно передвигаетъ свое русло по направленію къ востоку, вслѣдствіе чего правый берегъ рѣки постепенно осыпается. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это передвиженіе Аму бываетъ такъ энергично, что, по наблюденіямъ Мушкетова, въ какіе нибудь 3—4 часа берегъ отодвигается фута на два; въ нѣкоторыхъ частяхъ берега нельзя простоять одного часа, чтобы не подвергнуться обвалу. Вслѣдствіе этого напора водъ Аму на правый берегъ, культурная полоса послѣдняго съ каждымъ годомъ съуживается. Многія селенія, стоявшія на лѣвомъ берегу, у рѣки или въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, разрушены, другимъ предстоитъ та же участь. Зато селенія, стоявшія на правомъ берегу у рѣки, теперь какъ бы отодвинуты отъ нея. Вообще же для селеній лѣваго берега это передвиженіе русла рѣки вызываетъ необходимость измѣнять и удлинять оросительные каналы (арыки). По свидѣтельству туземцевъ, всего за послѣднія 25—30 лѣтъ Аму подвинулась на востокъ по меньшей мѣрѣ верстъ на 8. Наконецъ, третье свойство среднеазіатскихъ рѣкъ, принадлежащее также значительной части русскихъ рѣкъ, состоитъ въ разрушеніи горныхъ высотъ, съ которыхъ онѣ стекаютъ, и отложеніи уносимыхъ при этомъ частицъ почвы по руслу, а главнымъ образомъ въ устьяхъ. Какое громадное значеніе имѣетъ этотъ фактъ—видно изъ того, что по точнымъ вычисленіямъ, основаннымъ на обстоятельныхъ фактическихъ изслѣдованіяхъ, Аму-Дарья отлагаетъ въ своей дельтѣ ежегодно 44.854,000 кубическихъ метровъ осадковъ [3]). Явленіе это, благодаря истребленію лѣсовъ въ верховьяхъ рѣкъ, прогрессивно увеличивается.

Рѣки, стекающія на сѣверъ и югъ съ кавказскихъ горъ, имѣютъ всѣ тѣ же свойства, какія представляютъ среднеазіатскія рѣки. Особенно рѣзко выражается здѣсь прогрессивный ростъ неравномѣрности теченія рѣкъ и занесенія устьевъ. Въ одно время рѣки несутъ громадныя массы воды, песку и камня, производя наводненія, а въ другое замѣтно сокращаются, причемъ нѣкоторыя даже пересыхаютъ. Мы остановимся на важнѣйшихъ рѣкахъ. Даже такая большая рѣка, какъ Кура, представляетъ весьма замѣтныя измѣненія въ своемъ теченіи сравнительно съ прошлымъ. Ежегодныя весеннія наводненія уносятъ массу воды, принося страшный вредъ странѣ. Во многихъ мѣстахъ своего теченія Кура почти ежегодно мѣняетъ свое русло. Занесеніе устья Куры осадками представляетъ собою весьма замѣтный фактъ. Еще рѣзче выражены всѣ означенныя явленія на Терекѣ. Здѣсь до вырубки лѣсовъ на главномъ притокѣ Терека, Сунжѣ, почти

[3]) *Мушкетовъ*. Туркестанъ. Стр. 717 и 699, 599—601 и 613, 635—6.

не были извѣстны наводненія. Съ тѣхъ же поръ, какъ началось оголеніе Сунжи отъ лѣсовъ, Терекъ сталъ выступать изъ береговъ во время весенняго половодья и сильныхъ дождей и производить сильныя опустошенія въ своихъ низовьяхъ. Для защиты поселеній, садовъ и полей сидящія по Тереку станицы, г. Кизляръ и администрація Терской области затрачиваютъ ежегодно громадныя матеріальныя средства и массу труда. Прорываются каналы съ цѣлью направить въ нихъ избытокъ водъ Терека, возводятся громадныя береговыя сооруженія,—и все это совершенно безполезно: почти ежегодно воды Терека прорываютъ береговыя насыпи и причиняютъ громадные убытки, губя сады, портя культурныя земли, снося постройки и т. д. Поднятіе дна въ устьяхъ Терека заставляетъ соотвѣтственно поднимать и береговыя сооруженія. Дѣло дошло до того, что въ настоящее время уровень почвы, на которой стоитъ г. Кизляръ, ниже уровня русла Терека. Такое положеніе вещей дѣлаетъ съ каждымъ годомъ все затруднительнѣе принятіе мѣръ къ удержанію водъ Терека въ руслѣ, а самые прорывы водою насыпей—все болѣе грозными и болѣе опасными. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разлившіяся воды Терека уже не могутъ, при уменьшеніи уровня воды въ рѣкѣ, возвратиться въ нее, и такимъ образомъ по берегамъ рѣки образуются обширныя болота. Громадныя площади превосходнѣйшей земли, такимъ образомъ, гибнутъ безплодно, и, кромѣ того, болота являются разсадниками жесточайшихъ лихорадокъ, благодаря которымъ населеніе Кизляра быстро вымираетъ [10]). Другая большая рѣка Сѣвернаго Кавказа, Кубань также потерпѣла значительныя измѣненія на глазахъ одного-двухъ поколѣній. И здѣсь, по мѣрѣ истребленія лѣсовъ на сѣверномъ склонѣ главнаго кавказскаго хребта, въ общемъ, количество воды уменьшилось, теченіе стало тише, рѣка течетъ уже не по прямой линіи какъ прежде, а зигзагами. Зато въ половодье и послѣ сильныхъ дождей скопляется такая масса воды, что „Кубань выходитъ изъ береговъ и покрываетъ на десятки верстъ лежащія по обѣ ея стороны пространства, причиняя такимъ образомъ вредъ не только путямъ сообщенія, но и земледѣльческому хозяйству: во многихъ мѣстахъ вымокаютъ почти ежегодно хлѣба; другія, дававшія раньше прекрасные урожаи хлѣба и травы, превратились въ болота и поросла камышемъ. Въ станицѣ Троицкой или Псебедаховой изъ обширнаго когда-то юрта осталось всего около 5 тысячъ десятинъ сколько нибудь годной земли; остальная земля превратилась въ болото. Болотами подѣлались довольно значительные клочки когда-то годныхъ земель въ станицѣ Славянской; еще больше ихъ встрѣчается въ Анастасіевской и, въ особен-

---

[10]) „О береговыхъ работахъ въ низовьяхъ рѣки Терека". Докладъ начальника Терской области. Владикавказъ. 1883 г. „Терекъ", 1883 г., рядъ корреспонденцій *изъ Кизляра*. *Тамъ же*, № 124, „По поводу Щедринскаго канала".

ва, снопы и разный хозяйственный скарбъ, заносятъ и совсѣмъ уничтожаютъ огороды и бахчи, причиняя тѣмъ громадный ущербъ сельскимъ хозяевамъ. Какъ явленіе неожиданное, застающее врасплохъ, ливни эти несравненно опаснѣе весенняго разлитія воды, въ ожиданіи котораго для всякаго легче принять мѣры предосторожности" [34]). Въ этомъ описаніи одного такого небольшаго уголка, какъ уѣздъ, уроженцы очень многихъ мѣстностей Россіи увидятъ весьма много знакомыхъ чертъ, ибо описанныя явленія имѣютъ мѣсто въ настоящее время почти по всей Россіи.

Высыханіе озеръ, обмеленіе рѣкъ и уменьшеніе въ послѣднихъ водъ не представляютъ еще собою всѣхъ явленій исчезанія влаги, находящейся на поверхности и въ почвѣ страны. Сюда же должны быть отнесены явленія уменьшенія или полнаго исчезновенія воды въ искусственныхъ водохранилищахъ, каковы пруды и колодцы, а также вообще въ почвенныхъ ключахъ. Объ этомъ уменьшеніи и исчезаніи воды свидѣтельствуютъ многочисленныя данныя, относящіяся къ различнымъ мѣстностямъ Россіи. Такъ, въ Орловской губерніи въ послѣднія 25 лѣтъ произошло въ громадныхъ размѣрахъ повсемѣстное уничтоженіе плотинъ и запрудъ, задерживавшихъ весною воду въ озерахъ, прудахъ, сажалкахъ и т. п. До 1861 года, при даровомъ крѣпостномъ трудѣ, не было почти ни одного имѣнія, гдѣ бы не существовало большихъ или маленькихъ запрудъ, которыя образовывали водовмѣстилища величиною въ нѣсколько десятинъ. Во множествѣ имѣній существовали водяныя мельницы, а гдѣ нельзя было ихъ устроить по недостатку воды, тамъ все таки дѣлали запруды для водопоевъ, пожарныхъ случаевъ и проч. Такимъ образомъ, губернія была усѣяна массою водохранилищъ, въ общемъ, составлявшихъ весьма значительную водяную площадь. Теперь же землевладѣльцы почти забросили запрудку плотинъ на небольшихъ ручьяхъ и рѣчкахъ, и вслѣдствіе этого количество искусственныхъ водохранилищъ уменьшилось въ весьма значительной степени. Прежде на пространствѣ какихъ нибудь десяти квадратныхъ верстъ существовало не менѣе десяти искусственныхъ запрудъ, а теперь нѣтъ ни одной [35]). Сказанное относительно Орловской губерніи вполнѣ приложимо ко всей средней Россіи. Вездѣ число прудовъ и всякаго рода запрудъ уменьшилось, особенно благодаря внесенію паровой силы въ мукомольное дѣло. Каждая паровая мельница убиваетъ десятки водоемовъ и уничтожаетъ такое же количество прудовъ. Мобилизація земельной собственности изъ рукъ прежнихъ владѣльцевъ въ руки „помѣщиковъ новой

---

[34]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Екатеринославской губерніи. Т. II. Бахмутскій уѣздъ. Стр. 12—13. (Текстъ этого тома „Сборника" принадлежитъ г. Кузнецову).

[35]) „Орловскій Вѣстникъ", 1886 г., № 113. „Замѣтка по поводу увеличивающихся неурожаевъ въ Орловской губерніи".

Не въ лучшемъ положеніи стоитъ дѣло и относительно Волги. Эта важнѣйшая артерія нашей экономической жизни обмелѣла до невозможности. Устья ея настолько мелки, что здѣсь происходитъ двойная перегрузка перевозимыхъ тяжестей и пассажировъ—съ судовъ, ходящихъ по Волгѣ, на плоскодонныя, а затѣмъ съ послѣднихъ—на суда, ходящія по Каспійскому морю. Обмеленіе русла даетъ себя знать почти на всемъ пространствѣ Волги. Только между Казанью и Рыбинскомъ насчитывается болѣе 50 перекатовъ, переваловъ, затоновъ и мелей, на которыхъ глубина воды въ жаркую пору падаетъ до 6, 5 и даже 4 четвертей. Число перекатовъ растетъ, и сами они дѣлаются длиннѣе. Въ особенно жаркіе годы, какъ напр., 1882 г., выступающія посреди Волги мели дѣлаютъ ее похожею на большой прудъ съ прорванною запрудою. Геологическія изслѣдованія показали, что въ современной намъ эпохѣ высшій уровень Волги упалъ, по крайней мѣрѣ, на 15 футовъ сравнительно съ эпохою существованія на берегахъ Волги Болгарскаго царства. Къ этому надо присоединить неравномѣрность теченія Волги и измѣненія въ направленіи русла. Послѣднее замѣчается, напр., въ настоящее время подъ Самарою и Саратовомъ, гдѣ рѣка уходитъ отъ города. Противъ Саратова Волга въ концѣ осени прошлаго года представляла изумительную картину. Рѣка обмелѣла такъ, что прибрежнымъ жителямъ для того, чтобы почерпнуть ведро воды, приходилось прогуливаться версты $1^1/_2$. Все пространство, гдѣ въ началѣ осени была глубина воды въ 2—3 сажени, къ началу зимы было покрыто песками и маленькими лужами воды. Весь рыбный караванъ (баржи), пароходныя конторы и всѣ суда очутились на мели, а одна баржа, остановившаяся было зимовать среди Волги, оказалась на пескѣ, покосившись на бокъ. Измѣненіе направленія Волги ведетъ къ занесенію песками побережья и разрушенію береговъ. Вотъ что, напр., наблюдается въ Самарскомъ уѣздѣ. Селенія этого уѣзда, расположенныя на лѣвомъ берегу рѣки, „постоянно испытываютъ на себѣ разрушительное вліяніе Волги въ песчаныхъ заносахъ прибрежныхъ луговъ, и въ разрушеніи, смываніи береговой полосы земли. Въ одной деревнѣ, Димитріевскихъ хуторахъ, водой размыло въ послѣднія 25 лѣтъ нѣсколько сотъ десятинъ земли; въ д. Чувашскихъ Лепегахъ въ послѣднія 10 лѣтъ заливные луга почти совершенно занесло пескомъ и т. д. [15]).

Какое громадное значеніе имѣютъ всѣ указанныя обстоятельства для экономической жизни Россіи, отчасти показываетъ то, что̀ дѣлается на Волгѣ въ такіе жаркіе годы, какъ 1882 и 1885-ый. Въ послѣднемъ году мелководье на Волгѣ началось сейчасъ же за быстрымъ спадомъ весен-

[15]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Самарской губ. Вып. I. Самарскій *уѣздъ, стр. 8.*

ними водъ и продолжалось все время почти до поздней осени. Пассажирское пароходство по Волгѣ вверхъ отъ Рыбинска прекращалось мѣсяцами; по линіи Рыбинскъ-Нижній ходили только самые мелководные пароходы; отъ Нижняго до Казани ходили малые пароходы, и только отъ Казани, и то съ великимъ трудомъ могли ходить большіе волжскіе пароходы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ этомъ году, образовались новые перекаты, какъ напр., Климовскій около Самары, гдѣ вслѣдствіе того скоплялось по 100 баржъ, не могшихъ пройти перекатъ. Отъ Саратова Волга ушла совсѣмъ. Перевозка грузовъ была крайне затруднена; приходилось на перекатахъ паузиться (перегружаться на мелкія судна), тратя и время, и средства. Самый фарватеръ рѣки измѣнялся, и возникали новыя мели; отсюда посадка судовъ на мель и новая трата времени и средствъ. Ѣдущіе и грузы не поспѣвали во-время, и всѣ разсчеты промышленниковъ, торговцевъ и рабочаго люда разбивались о случайности и непреодолимыя препятствія. Въ результатѣ—гибель множества милліоновъ [16]).

Въ настоящее время имѣются серьезныя данныя полагать, что даже общее количество воды, протекающее по Волгѣ, изъ года въ годъ уменьшается. Именно, инженерами министерства путей сообщенія производились измѣренія протекающей чрезъ Волгу воды у Александровскаго моста, нѣсколько выше Сызрани. По этимъ измѣреніямъ оказалось, что сумма протекающей въ теченіе года воды равнялась въ 1877 году 348,316, въ 1878 г.—320,943, въ 1879 г.—300,788 и въ 1880 г.—278,677 милліонамъ кубическихъ метровъ [17]). Правильное и весьма замѣтное погодное уменьшеніе количества протекающей воды рѣзко бросается въ глаза. Конечно, четырехлѣтнія наблюденія недостаточны для составленія рѣшительныхъ заключеній, но отъ этого приведенныя данныя не теряютъ своего грозно предостерегающаго характера.

Обмеленіе Волги обусловливается обмеленіемъ ея истоковъ и, въ особенности, ея многочисленныхъ притоковъ. Особенно рѣзко это обмеленіе обнаруживается относительно притоковъ верхней половины Волги, вытекающихъ изъ мѣстностей, въ которыхъ лѣсоистребленіе особенно замѣтно. Такъ, Ока по своему мелководью съ каждымъ годомъ становится менѣе доступною для судоходства. Пароходы здѣсь постоянно садятся на мель, и пассажиры принуждены бываютъ высаживаться на берегъ. Лѣтній уровень воды понизился весьма замѣтно. Противъ русла р. Клязьмы въ прежнее время бывало до 4 саженъ глубины, а теперь 3 аршина и менѣе; противъ Горбатова, гдѣ прежде было весьма глубокое мѣсто, теперь обра-

[16]) *Шулятниковъ.* „Къ вопросу о регулированіи Волги". 1886 г. *Вейнберга.* „Лѣсъ," стр. 386—396 и 403.

[17]) *Воейковъ.* „*Климаты земнаго шара и въ особенности Россіи*," стр. 518.

вовалась такая мель, чрезъ которую едва проходятъ пароходы, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она лѣтомъ даже обнажается; явились острова, которыхъ прежде не было; возникли броды и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчается очень значительное разлитіе воды въ рѣкѣ во время половодья; въ настоящее время рѣка разливается на десять верстъ въ ширину, а иногда и больше. Постоянно увеличивается разность между числами, выражающими высоту уровня воды во время половодья и въ другое время: прежде эта разность равнялась 4 аршинамъ, теперь же доходитъ до 3 сажень. Происходитъ также измѣненіе русла рѣки, что особенно замѣтно подъ Горбатовомъ, гдѣ измѣненіе теченія сперва заставило дер. Сонову перенести свои постройки, а затѣмъ просто обошло ее съ другой стороны. Замѣчается также усиленное размываніе береговъ, что ведетъ къ образованію подвижныхъ песчаныхъ мелей. Болѣе мелкія рѣки волжскаго бассейна, какъ Сура, Керженецъ, Лида и др., обмелѣли еще болѣе замѣтно, и притомъ на памяти старожиловъ. Многія рѣки, впадавшія въ притоки Волги, совсѣмъ изчезли, какъ это замѣчается, напр., въ Нижегородской губерніи [18]). Даже такія многоводныя прежде рѣки, какъ Унжа, страдаютъ въ настоящее время отъ недостатка воды и ея неравномѣрнаго теченія. Вотъ какія свѣдѣнія имѣются относительно названной рѣки для 1881—1883 гг. Въ 1881 г. вода въ Унжѣ прошла до 10 апрѣля и затѣмъ наступило такое мелководье, что многочисленныя барки, сплавляемыя по Унжѣ съ дровами и прочими лѣсными матеріалами, не сдѣлали и трети пути, какъ должны были стать на фарватерѣ передъ неодолимымъ препятствіемъ—перекатомъ въ 8 вершковъ; приходилось выгружать суда до 8-вершковой осадки и выкидывать на берегъ дрова. Въ слѣдующемъ 1882 году прибыль и убыль воды шла болѣе равномѣрно, такъ что только у нѣкоторыхъ лѣсопромышленниковъ барки сѣли, не доплывши 8—10 верстъ до Волги; зато въ этомъ году произошелъ неожиданный разливъ воды, продолжавшійся съ 25 апрѣля по 30 іюня: водою этою потопило всѣ луга, унесло скошенную траву и сгубило всѣ яровые, высѣянные на низкихъ мѣстахъ. Въ 1883 году Унжа, по вскрытіи, прошла, не сдѣлавъ весенняго разлива, не затопивъ даже луговъ, и вслѣдствіе этого сотни тысячъ деревъ вывезеннаго лѣса—не были сняты водою и остались на берегахъ. Изъ 65 бѣлянъ, выстроенныхъ въ этомъ году на Унжѣ, изъ которыхъ каждая нагружается 4,000 саженями аршинныхъ дровъ, только 7 выплыли съ грузомъ на Волгу, а остальныя остались на берегахъ Унжи, не поднятыя весеннимъ разливомъ [19]). Такое же непостоянство теченія

---

[18]) *Веймберъ*, стр. 397—401.

[19]) „Русскій Курьеръ“, 1882 г., № 189 и 1883 г., № 111. Корреспонденція *изъ Кологрива.*

обнаруживаетъ въ настоящее время и большинство сплавныхъ притоковъ Волги.

Нѣкогда „быстроточный" Донъ нынѣ „утопаетъ въ своемъ безводіи". Перекатовъ здѣсь на пространствѣ отъ Ростова до Калача 10, и на нихъ сплошь и рядомъ задерживаются цѣлые караваны судовъ и бьются отъ 3 до 12 сутокъ. Въ 1885 году особенно далъ себя знать Кудимовскій перекатъ, неоднократно задерживавшій громадные караваны; однажды здѣсь было задержано 30 пароходовъ, да 60 баржъ и соотвѣтствующее количество другихъ судовъ [20]). Сообщеніе по Дону носитъ вполнѣ случайный характеръ, и человѣкъ, предполагающій проѣхать на немъ трое сутокъ, можетъ пробыть въ пути цѣлый мѣсяцъ. Что касается устьевъ Дона, то эти такъ называемыя донскія „гирла" пріобрѣли общую извѣстность своимъ мелководьемъ, и для приведенія ихъ въ мало-мальски сносный видъ учрежденъ даже особый гирловый комитетъ. Притоки Дона также замѣтно обмелѣли. Самый большой изъ нихъ, Донецъ проявляетъ это обмелѣніе весьма замѣтнымъ образомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается и измѣненіе его русла. Прежде Донецъ протекалъ близь самаго Славяносербска, теперь же онъ отступилъ къ сѣверо-востоку. Въ прежнемъ руслѣ Донца, называемомъ „Мертвый Донецъ", нѣтъ мѣстъ глубже $2—2^1/_2$ аршинъ, тогда какъ лѣтъ 20 назадъ были мѣста въ нѣсколько саженъ глубиною [21]).

Обмеленію подвергся и Днѣпръ, даже въ верхнихъ своихъ частяхъ. „Тамъ, гдѣ пять лѣтъ тому назадъ береговыя ивы красиво окаймляли Днѣпръ, наклонившись своими вѣтвями къ самой водѣ,—читаемъ мы относительно верховьевъ Днѣпра,— теперь длинными косами врѣзываются въ средину рѣки песчаныя отмели, по мѣстамъ даже поросшія травой—вѣрный признакъ того, что онѣ въ лѣтнее время не затопляются водою. А ивы очутились или на высокомъ обрывѣ, или какъ бы отступили отъ берега на разстояніе 7—10 футовъ. Далѣе, неоспоримымъ доказательствомъ обмеленія можетъ служить образованіе съ недавняго времени множества бродовъ: такъ, на протяженіи приблизительно 60 верстъ по прямой линіи отъ истоковъ рѣки до Дорогобужа, вмѣсто недавнихъ шести насчитываютъ ихъ десять" [22]). Рядомъ съ обмеленіемъ Днѣпра идетъ измѣненіе его теченія. Изъ множества относящихся сюда фактовъ приведемъ одинъ, имѣющій мѣсто въ Черниговской губерніи. Здѣсь у с. Навоза Днѣпръ каждый годъ мало по малу подмываетъ берегъ, на которомъ расположено село. За послѣднія 30 лѣтъ, около 45 дворовъ пришлось перенести на другое мѣсто; церковь въ с. Навозѣ лѣтъ 20 стояла тамъ,

---

[20]) „Новороссійскій Телеграфъ", 1885 г., № отъ 1-го сентября. „Утопающій Донъ".

[21]) *Вейнбергъ*, 406.

[22]) „*Смоленскій Вѣстникъ*", 1883 г., № 59. Изъ Дорогобужскаго уѣзда.

гдѣ теперь находится средина рѣки. Еще болѣе рѣзко измѣнилось направленіе притока Днѣпра, Десны, которая въ предѣлахъ Черниговскаго уѣзда оставила на старомъ своемъ руслѣ рядъ озеръ, совершенно отдѣленныхъ отъ настоящаго русла рѣки [23]).

Обмеленіе Днѣстра служитъ причиною безуспѣшности всѣхъ попытокъ учрежденія пароходства по немъ. Рѣка усѣяна перекатами, которые лѣтомъ имѣютъ глубины: ниже Тирасполя 4—7 футовъ, выше этого города—$1^1/_2$ и 2 фута, а въ годы засухъ—и менѣе этого. Мели по рѣкѣ тянутся по $^1/_2$ и $1^1/_2$ версты длиною. Глубина устьевъ Днѣстра всего 2—3 фута, причемъ грунтомъ является нанесенный рѣкою илъ съ пескомъ [24]). Еще болѣе обмелѣли притоки Днѣстра; такъ, напр., рѣчка Ботня нынѣ представляетъ собою пересыхающій ручей, а еще недавно она была многоводна и богата рыбою [25]).

Участь, постигшая наши крупныя рѣки, еще болѣе сильно отразилась на рѣкахъ второстепенныхъ. Многія изъ нихъ даже исчезли совсѣмъ. По описанію Геродота, южно-русскія степи были столь же богаты рѣками, какъ Египетъ его времени—каналами; еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, по описанію полковника Шмидта, въ одной Херсонской губерніи, кромѣ Днѣпра, Днѣстра и Буга, было еще 57 постоянныхъ рѣчекъ и 107 пересыхающихъ; теперь все это исчезло безслѣдно. Въ концѣ прошлаго столѣтія почти всѣ рѣчки, вливавшіяся въ Бугъ, сохраняли свою воду въ продолженіе всего лѣта; теперь же онѣ представляютъ почти сухія ложбины. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Херсонской губерніи стояли мельницы, иногда двухъэтажныя, а теперь здѣсь совершенно сухо. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ лежитъ почтовая дорога и стоитъ постоялый дворъ, была проточная вода, изъ которой вылавливали сазановъ возами [26]). Текущія чрезъ Харьковъ, Лопань и Весела еще въ 50 годахъ представляли собою порядочныя рѣчки; теперь онѣ съузились и измельчали до послѣдней степени. Лопань въ знойные мѣсяцы совсѣмъ пересыхаетъ въ Харьковѣ; въ верхнемъ же теченіи, верстъ за тридцать, вода въ обѣихъ рѣкахъ совсѣмъ исчезаетъ, и на мѣстѣ ея виднѣется лугъ. Въ Саратовскомъ и Кузнецкомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, всѣ рѣки обмелѣли весьма замѣтно за послѣднія 20 лѣтъ, какъ, напр., Сура, Кадада и другія [27]). Во многихъ мѣстностяхъ Самарскаго уѣзда земскіе статистики кон-

---

[23]) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Черниговской губерніи. Т. I. Черниговскій уѣздъ. Стр. 6 и 2.

[24]) „Вѣстникъ Бессарабскаго земства", 1881 г., № 1.

[25]) Списки населенныхъ мѣстъ. Бессарабская область, стр. XII.

[26]) „Русскій Вѣстникъ", 1866 г., № 12. Ст. Палимпсестова: „Перемѣнился ли климатъ на югѣ Россіи". Стр. 603—604.

[27]) *Н. Смирновъ.* Экономическій бытъ крестьянъ Саратовскаго и Кузнецкаго *уѣздовъ Саратовской* губерніи, стр. 4.

статировали немало случаевъ исчезновенія съ лица земли, въ послѣднія 10—15 лѣтъ, рѣчекъ, озеръ и болотъ. Въ Ставропольскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, рѣки и рѣчки до того обмелѣли, что существованіе многихъ рѣчекъ единственно зависитъ лишь отъ одной запруды ихъ навозомъ; многія же рѣчки совсѣмъ изсякли: такъ, рѣчки Грязнуха, Хмѣлевка, Чолна, Кармала, Писковка и др., обозначенныя на картѣ Самарской губерніи, изданной въ 1867 г., давно уже не существуютъ, благодаря чему многія селенія сильно страдаютъ отъ недостатка воды въ крестьянскихъ угодьяхъ. Вообще земскіе статистики Самарской губерніи, основываясь на своихъ изслѣдованіяхъ, высказываютъ убѣжденіе, что „въ неособенно далекомъ будущемъ площадь южной части губерніи превратится въ безводную пустыню". Вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣки Самарской губерніи обнаруживаютъ крайнюю капризность въ направленіи теченія. Такъ, главная водная артерія Ставропольскаго уѣзда, р. Черемшань, въ теченіе послѣдняго 25-ти-лѣтія настолько измѣнила направленіе своего теченія, что берегъ ея около с. Хрящевки обвалился почти на протяженіи $2^1/_2$ верстъ, благодаря чему погибли луга, и три длинныхъ улицы села должны были перебраться на противоположный конецъ села; для предотвращенія дальнѣйшей опасности отъ напора рѣки, общество с. Хрящевки купило на 1000 р. бревенъ и осенью 1883 года вбило вдоль берега рѣки болѣе 1000 бревенъ [28]). Въ Богодуховскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, по свидѣтельству мѣстной земской статистики, замѣчается также уменьшеніе водъ: болота обсохли, а рѣки обмелѣли [29]). То же замѣчается и въ Полтавской губерніи; такъ, въ Зеньковскомъ уѣздѣ „существованіе многихъ теперь уже пересохшихъ ручьевъ и топкихъ мѣстъ, по которымъ нынѣ безпрепятственно косятъ траву—помнятъ почти всѣ старожилы" [31]). Наблюдается въ Полтавской губерніи и другое общее свойство нашихъ проточныхъ водъ — измѣненіе теченія. Такъ р. Пселъ, какъ здѣсь говорятъ, „то награждаетъ, то наказываетъ": у одного помѣщика въ м. Сорочинцахъ отхватила кусокъ луга, въ м. Шишакѣ прибрежная полоса часто обрушивается въ рѣку и т. п. [32]).

Многія рѣки, теперь не судоходныя, прежде были таковыми, доказательствомъ чему служатъ находимые въ нихъ остатки большихъ судовъ и судовыя принадлежности; такія находки имѣли мѣсто, напр., по рр. Альтѣ,

---

[28]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Самарской губерніи. Выпускъ I. Самарскій уѣздъ, стр. 3—4. Выпускъ II. Ставропольскій уѣздъ, стр. 3—4.

[29]) Сборникъ статистическо-экономическихъ и оцѣночныхъ свѣдѣній по Богодуховскому уѣзду Харьковской губерніи, стр. 10.

[30]) Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи. Томъ I. Зеньковскій уѣздъ, стр. 4.

[31]) То же. Томъ III. Миргородскій уѣздъ. Стр. 2.

Ворсклѣ, Переводѣ, Острѣ, Оржицѣ, Стугнѣ, Сулѣ, Супоѣ, Трубежѣ и Хоролѣ [32]). Свидѣтельствомъ о существованіи многихъ рѣкъ, нынѣ исчезнувшихъ, служатъ мосты, стоящіе на сухомъ мѣстѣ. Такіе мосты еще въ 1876 г. встрѣчались по Тамбовской губерніи, въ которой весьма часто встрѣчаются лощины, наполненныя пескомъ и сухимъ иломъ и, очевидно, составлявшія ложбины рѣкъ и ручьевъ [33]) Вообще, какую бы мы мѣстность ни взяли, относительно каждой найдутся несомнѣнныя свидѣтельства, что въ ней въ прежнее время, часто весьма недалекое, рѣкъ было значительно больше, и всѣ онѣ были несравненно многоводнѣе, чѣмъ въ настоящее время.

Точно также несомнѣнныя данныя убѣждаютъ насъ въ томъ, что характеръ теченія нашихъ рѣкъ рѣзко измѣнился. Нижеслѣдующая характеристика рѣкъ одного изъ уголковъ Южной Россіи въ сущности вполнѣ приложима къ огромнѣйшему большинству мѣстностей Россіи. „Рѣчки уѣзда весьма мелководны,—говоритъ авторъ прекраснаго описанія Бахмутскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи;—въ лѣтніе мѣсяцы онѣ почти всѣ пересыхаютъ, образуя мѣстами плёсы и лужи со стоячей водой. Но, наряду съ общимъ маловодіемъ рѣчекъ, онѣ въ извѣстное время года изобилуютъ водой. Такъ, весной онѣ переполняются ею отъ дождей, во время весенняго полноводія и таянія снѣга. Переполненія этого не избѣгаютъ даже ничтожные ручьи, признаками которыхъ лѣтомъ служитъ, по большей части, бѣдная луговая растительность. Въ это время рѣчки выходятъ изъ береговъ, затопляютъ низменности и быстро несутся грозными потоками, разрушая по пути своему мосты, плотины и гати; проѣздъ и сообщенія дѣлаются въ это время крайне затруднительными по всему уѣзду, а мѣстами и совсѣмъ невозможными, какъ напр., между частями г. Бахмута. Селеніямъ, расположеннымъ по берегамъ рѣчекъ, тогда грозитъ опасность затопленія и разрушенія жилищъ. Но это переполненіе водою каждой балки, каждой ямы продолжается недолго. Въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая вода спадаетъ, многія затопленныя мѣста высыхаютъ и покрываются высокой густой травой. Далѣе, въ іюлѣ и августѣ, отъ бывшаго изобилія воды, можно сказать, не остается и слѣда; ручьи высохли, и русла ихъ покрыты копнами сѣна; рѣчки во многихъ мѣстахъ пересохли, и вода остается въ нихъ только въ углубленіяхъ дна. Въ это время всюду слышатся жалобы на недостатокъ рѣчнаго водопоя. Однако и среди лѣта бываетъ нерѣдко, что рѣчки снова наполняются водою отъ проливныхъ дождей, снова образуются бушующіе потоки, сносятъ съ полей копны сѣ-

---

[32]) *Вейнберъ*, 403.

[33]) „Отечественныя Записки“, 1876 г., № 2. Ст. *кн. Васильчикова*: „*Черноземъ и его будущность*“.

на, снопы и разный хозяйственный скарбъ, заносятъ и совсѣмъ уничтожаютъ огороды и бахчи, причиняя тѣмъ громадный ущербъ сельскимъ хозяевамъ. Какъ явленіе неожиданное, застающее врасплохъ, ливни эти несравненно опаснѣе весенняго разлитія воды, въ ожиданіи котораго для всякаго легче принять мѣры предосторожности“ [34]). Въ этомъ описаніи одного такого небольшаго уголка, какъ уѣздъ, уроженцы очень многихъ мѣстностей Россіи увидятъ весьма много знакомыхъ чертъ, ибо описанныя явленія имѣютъ мѣсто въ настоящее время почти по всей Россіи.

Высыханіе озеръ, обмеленіе рѣкъ и уменьшеніе въ послѣднихъ водъ не представляютъ еще собою всѣхъ явленій исчезанія влаги, находящейся на поверхности и въ почвѣ страны. Сюда же должны быть отнесены явленія уменьшенія или полнаго исчезновенія воды въ искусственныхъ водохранилищахъ, каковы пруды и колодцы, а также вообще въ почвенныхъ ключахъ. Объ этомъ уменьшеніи и исчезаніи воды свидѣтельствуютъ многочисленныя данныя, относящіяся къ различнымъ мѣстностямъ Россіи. Такъ, въ Орловской губерніи въ послѣднія 25 лѣтъ произошло въ громадныхъ размѣрахъ повсемѣстное уничтоженіе плотинъ и запрудъ, задерживавшихъ весною воду въ озерахъ, прудахъ, сажалкахъ и т. п. До 1861 года, при даровомъ крѣпостномъ трудѣ, не было почти ни одного имѣнія, гдѣ бы не существовало большихъ или маленькихъ запрудъ, которыя образовывали водовмѣстилища величиною въ нѣсколько десятинъ. Во множествѣ имѣній существовали водяныя мельницы, а гдѣ нельзя было ихъ устроить по недостатку воды, тамъ все таки дѣлали запруды для водопоевъ, пожарныхъ случаевъ и проч. Такимъ образомъ, губернія была усѣяна массою водохранилищъ, въ общемъ, составлявшихъ весьма значительную водяную площадь. Теперь же землевладѣльцы почти забросили запрудку плотинъ на небольшихъ ручьяхъ и рѣчкахъ, и вслѣдствіе этого количество искусственныхъ водохранилищъ уменьшилось въ весьма значительной степени. Прежде на пространствѣ какихъ нибудь десяти квадратныхъ верстъ существовало не менѣе десяти искусственныхъ запрудъ, а теперь нѣтъ ни одной [35]). Сказанное относительно Орловской губерніи вполнѣ приложимо ко всей средней Россіи. Вездѣ число прудовъ и всякаго рода запрудъ уменьшилось, особенно благодаря внесенію паровой силы въ мукомольное дѣло. Каждая паровая мельница убиваетъ десятки водоемовъ и уничтожаетъ такое же количество прудовъ. Мобилизація земельной собственности изъ рукъ прежнихъ владѣльцевъ въ руки „помѣщиковъ новой

---

[34]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Екатеринославской губерніи. Т. II. Бахмутскій уѣздъ. Стр. 12—13. (Текстъ этого тома „Сборника“ принадлежитъ г. Кузнецову).

[35]) „Орловскій Вѣстникъ“, 1886 г., № 113. „Замѣтка по поводу увеличивающихся неурожаевъ въ *Орловской* губерніи“.

формаціи" также имѣла своимъ слѣдствіемъ уничтоженіе массы рыбныхъ прудовъ. Множество прудовъ исчезло также вслѣдствіе истощенія питавшихъ ихъ ключей. Кн. Васильчиковъ приводитъ данныя о фактахъ послѣдняго рода, имѣвшихъ мѣсто въ Тамбовской губерніи. Здѣсь есть мѣста, на которыхъ столѣтіе или даже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ стояли мельницы на обширныхъ запрудахъ, въ которыхъ ловили судаковъ, а теперь зіяютъ размытые, осыпающіеся сухіе овраги, да встрѣчаются остатки плотинъ въ видѣ истлѣвшихъ свай. Многіе ключи, дававшіе истокъ ручьямъ и рѣчкамъ, теперь исчезли, и населеніе затруднено въ добываніи воды для домашнихъ потребностей [36]). То же самое наблюдается въ губерніяхъ юго-западнаго края. Въ Чигиринскомъ уѣздѣ, Кіевской губерніи, въ прежнее время по оврагамъ всюду были большія водовмѣстилища съ громаднымъ количествомъ рыбы; теперь ничего подобнаго нѣтъ. Не удивительно, что бывшія прежде значительныя рѣчки превратились въ маленькіе ручейки, пересыхающіе въ концѣ лѣта [37]). Еще рѣзче выражается уменьшеніе влаги въ почвѣ южныхъ губерній. Въ новороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ прежде достаточно было вырыть колодезь на 2—3 сажени, теперь приходится рыть на 15—20 сажень. По всему побережью Чернаго моря въ Херсонской губерніи было множество ключей, бившихъ фонтаномъ, изъ которыхъ иные имѣли по три вершка въ діаметрѣ; отъ всего этого теперь не осталось и слѣда [38]). Въ Ставропольской губерніи уменьшеніе почвенной влаги составляетъ настоящее бѣдствіе. Въ Самарской губерніи такой недостатокъ почвенной воды, что приходится рыть колодцы иногда въ 20 саженъ глубины. Колодцы даютъ воду далеко не вездѣ, да и тѣ, которые имѣютъ воду, даютъ ее въ столь недостаточномъ количествѣ, что жители *запираютъ колодцы на замокъ* изъ страха, чтобы кто нибудь изъ сосѣдей не взялъ воды [39]). Въ Саратовскомъ и Кузнецкомъ уѣздѣ констатированы многіе случаи истощенія и даже полнаго уничтоженія источниковъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія [40]). Наконецъ, даже въ Сибири, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, начинаетъ замѣчаться уменьшеніе ключей, какъ, напр., по „падямъ", находящимся въ районѣ г. Иркутска.

Уменьшеніе водной площади на поверхности, а также количества

---

[36]) „Отеч. Записки", 1876 г., №2. *Кн. Васильчиковъ*: „Черноземъ и его будущность". Стр. 174—175.

[37]) „Заря", 1884 г., октябрь.

[38]) „Русскій Вѣстникъ" 1886 г., № 12. *Палимпсестовъ*, стр. 611—612.

[39]) Сборникъ статист. свѣд. по Самарск. губ. Вып. II. Ставропольскій уѣздъ, стр. 4.

[40]) *Н. Смирновъ*. Экономич. бытъ крестьянъ Саратовскаго и Кузнецкаго *уѣздовъ, стр. 4.*

влаги, находящейся въ почвѣ, приводитъ къ тому, что при сильныхъ лѣтнихъ жарахъ на многія мѣстности обрушиваются такія ужасныя бѣдствія, при описаніи которыхъ чувствуешь себя перенесеннымъ въ Сахару или аравійскія пустыни. Приведемъ два-три примѣра такихъ бѣдствій. Послѣдніе три года нашъ югъ подвергался усиленнымъ засухамъ. И вотъ какія слѣдствія имѣли эти засухи для многихъ мѣстностей. „Въ Ростовскомъ уѣздѣ, по дорогѣ изъ Ростова въ посадъ Азовъ, не доходя 10 верстъ до Азова, есть селеніе Кулишовка, состоящее изъ 206 дворовъ, не имѣющее никакой рѣки; оно расположено при озерѣ Лебединомъ, въ болотистой мѣстности, изобиловавшей прежде озерами съ разной рыбой, громадными камышами и прекрасными сѣнокосами. Отъ этихъ урочищъ мѣстные жители-крестьяне, кромѣ продовольствія, получали еще и доходы, собирая много сѣна и камыша, который продавали отъ 30 до 50 рублей за тысячу сноповъ; кромѣ того, въ озерахъ ловили рыбу, которой продавали каждый годъ на 1,000 рублей. Въ прошедшее лѣто (1885 г.) всѣ болотистыя мѣста и самыя глубокія озера совершенно высохли; рыба въ озерахъ вымерла и пеклась на солнцѣ массами, отъ чего образовался такой смрадъ, что по утрамъ невозможно было дышать. Рогатый скотъ, овцы и свиньи, которыхъ насчитываютъ до 3,000 головъ, лишившись водопоя въ озерахъ, бросались въ камыши, отыскивая лужи съ испортившеюся водой, для утоленія жажды. Крестьяне во время полуденнаго зноя разводили стада по дворамъ для водопоя изъ колодцевъ; но въ нѣкоторыхъ не хватало воды, и скотъ метался по селенію изъ двора во дворъ, отыскивая воду; даже овцы—и тѣ вечерней порой, кашляя отъ сильной пыли, бѣгали стадами по улицамъ и толпились у колодцевъ, отыскивая водопой. Когда весь кормъ на степи посохъ, голодный скотъ былъ пущенъ въ высохшія болота, гдѣ уничтожилъ всѣ камыши, такъ что тамъ, гдѣ были озера, остались однѣ кочки и рытвины отъ свиней, а гдѣ были камыши и трущобы—теперь объѣденные до земли пни съ утоптанными скотомъ дорожками. Вся эта мѣстность, занимающая до 1,500 десятинъ, теперь такъ рѣзко измѣнилась, что жители-крестьяне, лишившись какъ продовольствія и прежнихъ доходовъ отъ камыша и рыбы, такъ и отопленія, вынуждены обращаться къ сосѣднимъ жителямъ, казакамъ ст. Елизаветовской, для добыванія сѣна и камыша изъ половинной части; за самовольное же добываніе камыша казаки отбирали добытый камышъ, отнимали колеса съ возовъ, возжи и проч., а за водопой скота изъ ручья казаки захватывали стада, до 100 головъ рогатаго скота, и взыскивали съ крестьянъ по 25 коп. за каждую голову [14]).

---

[14]) „1885 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи". Выпускъ III, ч. II, стр. 475—476.

Не меньшія бѣдствія причинила засуха 1885 года въ Крыму, особенно на южномъ берегу. Во многихъ мѣстностяхъ фруктовые сады потерпѣли непоправимыя поврежденія. Для примѣра остановимся на дер. Дерекой, близь самой Ялты. Дерекойскіе татары пользуются водой изъ массандрскаго водопада, которая, стекая съ горъ, въ прежніе годы проходила чрезъ ихъ деревню въ видѣ широкаго ручья Салгира. Лѣтомъ 1885 г. дерекойскій Салгиръ, всегда прежде полный воды и разливавшійся на довольно широкое пространство, представлялъ собою одно сухое каменистое русло съ кое-гдѣ зеленѣющими лужами гніющей воды. Дерекойскіе татары, видя предстоящую гибель своихъ садовъ, обратились съ просьбою къ конторѣ княгини Воронцовой въ Массандрѣ объ отпускѣ воды, предлагая въ уплату за то весь урожай фруктовъ того года; бѣдняки думали только о томъ, чтобы спасти на будущее время свои сады отъ окончательнаго засыханія. Къ сожалѣнію, оказалось, что массандрская контора не могла удовлетворить просьбы дерекойцевъ, такъ какъ вся массандрская родниковая вода откуплена арендаторами-табаководами, и даже массандрскіе жители могли имѣть воду для питья лишь тогда, когда арендаторы останавливали поливку табаковъ [42]).

Въ Ставропольской губерніи, трехлѣтнихъ засухъ (1884—1886 г.) было достаточно, чтобы обратить цвѣтущій край съ богатымъ населеніемъ въ настоящую пустыню съ населеніемъ, разорившимся до того, что теперь здѣсь царитъ голодъ со всѣми его ужасами. Вотъ что писалъ одинъ наблюдатель подъ впечатлѣніемъ засухъ только первыхъ двухъ лѣтъ (1884 и 1885 гг.). „Эти два года застали населеніе до того врасплохъ, что оно совершенно растерялось. Впечатлѣніе было дѣйствительно подавляющее: полный неурожай 1885 г. на огромномъ пространствѣ (хлѣба были брошены совсѣмъ, и только подъ осень стали кое—гдѣ скрести остатки яровыхъ на сѣно); полная безкормица всюду отъ Маныча до Терской области; страшная засуха, не только въ отдаленныхъ степяхъ съ одними колодцами, но и въ центральныхъ ключевыхъ частяхъ края, отозвалась обезсиленіемъ скота, падежами, гибелью садовъ, бахчей, огородовъ; безконечные восточные вѣтры съ вихрями выметали степи, поднимая зловѣщія тучи пыли и песку, замучивая все живущее среди этой суши, жары, безкормицы и безводницы. Работа оставалась одна: черпать воду изъ мелкихъ колодцевъ, и день и ночь поить измученную скотину. Землевладѣльцу спасать было нечего, остались только скотоводы и огородники съ садовниками. Начался неистощимый рядъ ухищреній и взаимныхъ несправедливостей, чтобы уберечь свою скотину и сады съ огородами. Прежнее общее довольство, которое отчасти еще

---

[42]) „*Одесскій Вѣстникъ*“, 1885 г., № 187.

Ильджика и проч. И это явленіе совершается воочію, вызывая съуженіе культурной полосы на берегу Аму. То же происходитъ и съ культурными мѣстностями, лежащими вглубь страны. Такъ, г. Каракуль, находящійся въ 60 верстахъ отъ г. Чарджуя, еще недавно богатый и большой, въ настоящее время представляетъ маленькую деревушку, почти засыпанную пескомъ. Долина р. Зеравшана у Каракуля вовсе не содержитъ воды и тоже пересыпается пескомъ. Въ окрестностяхъ Каракуля среди массы бархановъ, достигающихъ до 100—150 футовъ высотою, во многихъ мѣстахъ видны остатки полуразрушенныхъ построекъ, старыхъ деревьевъ и проч., засыпанныхъ еще сравнительно недавно, какихъ нибудь лѣтъ 70—80 тому назадъ, такъ что многіе старики еще помнятъ процвѣтаніе Каракуля. Луга, на которыхъ паслись стада овецъ, дававшихъ знаменитыя каракульки, теперь уже засыпаны и самая порода каракулекъ теперь уже исчезла или переродилась. Около Каракуля находилось прежде нѣсколько соляныхъ озеръ, изъ которыхъ многія тоже засыпаны пескомъ, а другія только засыпаются теперь; такъ, озеро Маханъ существовало еще 30—40 лѣтъ назадъ, а въ настоящее время превратилось въ подпесочное. Вообще въ окрестностяхъ Каракуля воочію видно громадное наступленіе песковъ съ сѣвера и сѣверо-востока, которые медленно, но постоянно и въ большихъ размѣрахъ превращаютъ бывшую житницу Бухары въ совершенную пустыню. Да и все бухарское ханство засыпается пескомъ, и пустынныя площади его увеличиваются на глазахъ у жителей изъ года въ годъ. Между крѣпостью Устыкъ и Каракулемъ пески занимаютъ площадь около 25 верстъ шириною, и среди нихъ часто видны развалины старыхъ поселеній, засохшія деревья, какъ свидѣтели лучшихъ временъ. Здѣсь, также какъ въ Каракулѣ, пески ежегодно засыпаютъ культурныя площади, превращаютъ мѣстность въ пустыню и вытѣсняютъ жителей. Дѣятельность летучихъ песковъ здѣсь настолько энергична, что иногда одна буря покрываетъ большія пространства орошенныхъ полей слоемъ песку въ два вершка толщины. Пескомъ засыпанъ, на подобіе Каракуля, нѣкогда богатый и населенный городъ Варданзи, который еще недавно значился большимъ городомъ, а теперь почти необитаемъ. Округъ Ромитакъ съ 1868 г. совершенно опустошенъ песками, и 16,000 жителей его принуждены были оставить поля, всѣ свои дома и переселиться въ Хиву. Наконецъ, пески приближаются къ самому городу Бухарѣ. Такъ, между гг. Фарабомъ и Ходжибекомъ засыпано нѣсколько деревень, какъ-то: Ходжи, Довлетъ, Сопиъ и Бугъ-арыкъ, изъ которыхъ жители ушли. Вообще, есть серьезныя основанія опасаться, что рано или поздно большая часть владѣній Бухары будетъ также засыпана пескомъ, какъ это уже случилось въ низовьяхъ Зеравшана [2]).

[2]) Id. 584, 601—2, 607—9 и 53

чалымъ населеніемъ, и лишь на каждомъ шагу встрѣчающіяся развалины огромныхъ городовъ, придорожныхъ сооруженій и водопроводныхъ каналовъ и плотинъ свидѣтельствуютъ о быломъ процвѣтаніи края. Этотъ поучительный историческій урокъ долженъ заставить насъ обратить особенное вниманіе на грозное бѣдствіе, о которомъ мы говорили и проявленія котораго имѣютъ мѣсто въ нашемъ отечествѣ на огромномъ пространствѣ отъ Аму-Дарьи до Бессарабіи, съ одной стороны, и Финскаго залива — съ другой.

Съ наибольшею силою летучіе пески даютъ себя знать въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ. Разсматривая прекрасную геологическую карту Туркестанскаго бассейна, приложенную къ капитальному труду И. В. Мушкетова [1]), на которой обозначены границы распространенія летучихъ песковъ, поражаешься громадностью площади, захваченной ими уже въ настоящее время. Сыпучіе пески распространены въ областяхъ Семирѣченской, Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской, Сыръ-Дарьинской и Ферганской. Во многихъ мѣстахъ пески представляютъ господствующій элементъ, а мѣстности, свободныя отъ песковъ, являются лишь въ видѣ оазисовъ. Такой характеръ имѣетъ цѣлая Сыръ-Дарьинская область. Еще болѣе засыпана песками наша Закаспійская область, какъ это можно видѣть на вышедшей въ прошломъ году 20-ти-верстной картѣ области, составленной генеральнымъ штабомъ: здѣсь почти сплошной песокъ, а культурныя мѣстности являются лишь незначительными пятнами. Въ настоящее время, на всемъ этомъ огромномъ пространствѣ отъ Каспійскаго моря до озера Зайсанъ идетъ усиленный процессъ разнесенія песковъ, которые все болѣе и болѣе засыпаютъ остающіяся культурныя мѣстности. Господствующій въ краѣ сухой сѣверо-восточный вѣтеръ поднимаетъ массу песку и засыпаетъ имъ пограничныя культурныя мѣстности. Въ Закаспійской области сыпучіе пески угрожали заносомъ недавно проложенному рельсовому пути. Въ сосѣдней Бухарѣ пески заносятъ поля, ирригаціонныя сооруженія, деревни и цѣлые города. Такъ, у самаго г. Келифа летучій песокъ образуетъ безформенныя скопленія, нагромождаясь у заборовъ, у домовъ, на плоскихъ крышахъ и т. д. Нѣкогда большой городъ Келифъ нынѣ буквально засыпается пескомъ и потому производитъ крайне безотрадное впечатлѣніе. Весь городъ состоитъ нынѣ не больше, какъ изъ 150 мелкихъ хижинъ, на половину засыпанныхъ пескомъ. Это явленіе, рядомъ съ надвиганіемъ съ сѣверо-востока песчаныхъ „бархановъ“ (подвижныхъ холмовъ), наблюдается и ниже Келифа, и вообще по всему правому берегу Аму. Песокъ засыпаетъ поля, опустошаетъ культурную почву, вытѣсняетъ деревни у гг. Сурхи, Акъ-Кума, Наразыма, Чарджуя,

[1]) *„Туркестанъ“*. Геологическое и топографическое описаніе. Спб. 1886 г.

Ильджика и проч. И это явленіе совершается воочію, вызывая съуженіе культурной полосы на берегу Аму. То же происходитъ и съ культурными мѣстностями, лежащими вглубь страны. Такъ, г. Каракуль, находящійся въ 60 верстахъ отъ г. Чарджуя, еще недавно богатый и большой, въ настоящее время представляетъ маленькую деревушку, почти засыпанную пескомъ. Долина р. Зеравшана у Каракуля вовсе не содержитъ воды и тоже пересыпается пескомъ. Въ окрестностяхъ Каракуля среди массы бархановъ, достигающихъ до 100—150 футовъ высотою, во многихъ мѣстахъ видны остатки полуразрушенныхъ построекъ, старыхъ деревьевъ и проч., засыпанныхъ еще сравнительно недавно, какихъ нибудь лѣтъ 70—80 тому назадъ, такъ что многіе старики еще помнятъ процвѣтаніе Каракуля. Луга, на которыхъ паслись стада овецъ, дававшихъ знаменитыя каракульки, теперь уже засыпаны и самая порода каракулекъ теперь уже исчезла или переродилась. Около Каракуля находилось прежде нѣсколько соляныхъ озеръ, изъ которыхъ многія тоже засыпаны пескомъ, а другія только засыпаются теперь; такъ, озеро Маханъ существовало еще 30—40 лѣтъ назадъ, а въ настоящее время превратилось въ подпесочное. Вообще въ окрестностяхъ Каракуля воочію видно громадное наступленіе песковъ съ сѣвера и сѣверо-востока, которые медленно, но постоянно и въ большихъ размѣрахъ превращаютъ бывшую житницу Бухары въ совершенную пустыню. Да и все бухарское ханство засыпается пескомъ, и пустынныя площади его увеличиваются на глазахъ у жителей изъ года въ годъ. Между крѣпостью Устыкъ и Каракулемъ пески занимаютъ площадь около 25 верстъ шириною, и среди нихъ часто видны развалины старыхъ поселеній, засохшія деревья, какъ свидѣтели лучшихъ временъ. Здѣсь, также какъ въ Каракулѣ, пески ежегодно засыпаютъ культурныя площади, превращаютъ мѣстность въ пустыню и выгѣсняютъ жителей. Дѣятельность летучихъ песковъ здѣсь настолько энергична, что иногда одна буря покрываетъ большія пространства орошенныхъ полей слоемъ песку въ два вершка толщины. Пескомъ засыпанъ, на подобіе Каракуля, нѣкогда богатый и населенный городъ Вардазизи, который еще недавно значился большимъ городомъ, а теперь почти необитаемъ. Округъ Ромитакъ съ 1868 г. совершенно опустошенъ песками, и 16,000 жителей его принуждены были оставить поля, всѣ свои дома и переселиться въ Хиву. Наконецъ, пески приближаются къ самому городу Бухарѣ. Такъ, между гг. Фарабомъ и Ходжибекомъ засыпано нѣсколько деревень, какъ-то: Ходжи, Довлетъ, Сонъ и Бугъ-арыкъ, изъ которыхъ жители ушли. Вообще, есть серьезныя основанія опасаться, что рано или поздно большая часть владѣній Бухары будетъ также засыпана пескомъ, какъ это уже случилось въ низовьяхъ Зеравшана [2]).

---

[2]) Id. 584, 601—2, 607—9 и 53

Что происходитъ въ предѣлахъ Бухарскаго ханства, то имѣетъ мѣсто во многихъ мѣстностяхъ нашихъ азіатскихъ владѣній на всемъ указанномъ выше пространствѣ. И здѣсь иной разъ интенсивность явленія отнюдь не меньше той, которую оно имѣетъ въ предѣлахъ Бухары. Такъ, на русскій городъ Петро-Александровскъ, лежащій на низовьяхъ Аму-Дарьи, пески надвигаются съ такою силою, что угрожаютъ ему въ будущемъ гибелью. Даже крайне густо населенная и наиболѣе культурная часть нашихъ среднеазіатскихъ владѣній, Ферганская область, справедливо названная Миддендорфомъ „обѣтованною землею", настолько сильно страдаетъ отъ сыпучихъ песковъ, что вызвала вопросъ о принятіи чрезвычайныхъ мѣръ для противодѣйствія этому злу. И здѣсь песокъ заваливаетъ ирригаціонные каналы, засыпаетъ сады и плантаціи и выгоняетъ населеніе изъ деревень [3]).

Почти въ тѣхъ же самыхъ размѣрахъ описываемое явленіе повторяется въ предѣлахъ Астраханской губерніи. Съ наибольшею силою оно происходитъ здѣсь на земляхъ Внутренней Киргизской Орды, но имѣетъ мѣсто также и въ другихъ частяхъ губерніи. Во Внутренней Киргизской Ордѣ теперь песками захвачено болѣе 1.000,000 десятинъ, тогда какъ не болѣе 30 лѣтъ тому назадъ считалось подъ пескани всего около 600,000 десятинъ. „Ханская Ставка", основанная около 1825 года, на равнинѣ, обильной прѣсными родниками, украшенной хорошею рощею изъ ивы и осокори и представлявшей собою богатѣйшія пастбища, годныя также и подъ земледѣльческую культуру, теперь совершенно занесена пескомъ, и окрестная мѣстность неудобна даже для кочевой жизни. Участь, постигшая земли Внутренней Орды, поразила также бывшій Хошоутовскій улусъ, который въ настоящее время представляетъ собою одну сплошную массу песка, уничтожившую для калмыковъ всякую возможность пастьбы и скотоводства. На земляхъ кундровскихъ татаръ пески распространяются такъ быстро, что изъ 530 солончаковъ, найденныхъ здѣсь при генеральномъ межеваніи, къ настоящему времени занесена пескомъ уже добрая половина. Извѣстны многочисленные случаи засыпанія пескомъ озеръ. Вообще вся восточная половина Астраханской губерніи, лежащая по лѣвую сторону Волги, состоитъ изъ мѣстностей, или занесенныхъ песками, или такихъ, на которыя уже началось наступленіе песковъ. Пески наступаютъ и на Волгу, и въ иныхъ мѣстахъ она зимою исчезаетъ подъ толстымъ слоемъ нанесеннаго вѣтромъ песку. Наконецъ, пески перешли и на правый берегъ Волги, и здѣсь начали свою разрушительную работу въ Астраханскомъ уѣздѣ и на Калмыцкихъ степяхъ. Во многихъ мѣстностяхъ появленіе сыпучихъ песковъ относится

---

[3]) *Id., 632* и *518. Миддендорфъ.* „Ферганская долина". Стр. 30, 38—47.

къ самому недавнему времени. Такъ, на всемъ почтовомъ трактѣ отъ Астрахани до Енотаевска теперь постоянно встрѣчаются песчаные бугры такой величины, что прямое сообщеніе оказывается невозможнымъ, и приходится на цѣлые десятки верстъ дѣлать лишніе объѣзды вокругъ песчаныхъ холмовъ. Между тѣмъ, напр., у Енотаевска 15—20 лѣтъ тому назадъ песковъ почти совсѣмъ не было. Точно также по дорогѣ изъ Чангачи въ Харабали шесть лѣтъ тому назадъ песковъ совсѣмъ не было. По линіи баскунчакской желѣзной дороги летучіе пески образовались лишь со времени проведенія дороги, стало быть, всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Пески тѣснятъ человѣка въ Астраханской губерніи самымъ серьезнымъ образомъ. У кочевниковъ они въ буквальномъ смыслѣ слова отнимаютъ всякую возможность существованія. Но страдаетъ отъ нихъ и осѣдлое населеніе. Такъ, у крестьянъ селенія Сасыкольскаго пески уничтожаютъ посѣвы хлѣбовъ и травы. Селеніе Сѣнтовка до того засыпается пескомъ, что жители вынуждены выселяться. То же произошло съ Лебяжинской станицей. Вообще многія селенія принуждены бываютъ подъ напоромъ песковъ переносить въ другое мѣсто свои пашни и даже жилища [4]).

То, что имѣетъ мѣсто въ степяхъ Астраханской губерніи, повторяется въ степяхъ, занятыхъ кочевниками Ставропольской губерніи. Вся сѣверо-восточная часть послѣдней все болѣе и болѣе дѣлается жертвою сыпучихъ песковъ, захватившихъ здѣсь уже весьма значительный районъ. Здѣсь есть мѣстности, которыя мѣстные изслѣдователи сравниваютъ прямо съ Сахарою [5]). Въ послѣдніе годы сыпучіе пески начали свою работу и въ той части Ставропольской губерніи, которая занята осѣдлымъ населеніемъ. Такъ, окрестности села Петровскаго представляютъ собою сплошной сыпучій песокъ. Лежавшее около села озеро сплошь занесено пескомъ. Песокъ сдувается съ возвышенности на огороды с. Петровскаго, на сосѣдніе хутора Ейскіе, на дорогу вдоль р. Калауса и въ самый Калаусъ,— и все это въ ближайшемъ будущемъ сдѣлается жертвою песковъ. Между тѣмъ, еще недавно эта мѣстность была богата травянистою и древесною растительностью. И такія превращенія встрѣчаются въ губерніи на каждомъ шагу [6]).

Переходя далѣе на западъ, мы встрѣчаемъ сыпучіе пески положи-

---

[4]) Списки населенныхъ мѣстъ. Астраханская губернія, стр. VI; *Вейнбергъ*, стр. 466—467; „Астраханскій Справочный Листокъ", 1884 г., № 201: ст. „Летучіе пески"; „Русскій Курьеръ", 1885 г., № 177, корр. изъ Астрахани; *Мушкетовъ*, Туркестанъ, стр. 522.

[5]) *І. Бентковскій*, „Статистика населенныхъ мѣстъ и поземельной собственности Ставропольской губ." Стр. XV. *Ивановъ*. „Вліяніе русской колонизаціи на природу Ставропольскаго края", *стр. 26—24.*

[6]) *Ивановъ, id., стр. 18—19.*

тельно на протяженіи всей южной Россіи—начиная Донскою областью и кончая Бессарабіей. Въ Донской области сыпучіе пески встрѣчаются во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ они обратили многія плодородныя пространства въ безплодную пустыню. Для примѣра укажемъ на явленія, имѣвшія мѣсто близь р. Медвѣдицы на протяженіи какихъ нибудь ста верстъ. Здѣсь „старинную Островскую станицу пришлось переселить на новую землю, вслѣдствіе занесенія песками; недалеко отъ этой станицы яблони во фруктовыхъ садахъ занесены пескомъ до верхушки; также занесены хутора Глазуновской станицы и сёла: Михайлово и Сидоръ; у послѣдняго села съ 1861 года песокъ на выгонѣ отъ р. Тишины подвинулся въ степь на одну версту и засыпалъ плодоносную почву до такой степени, что на этомъ пространствѣ всякая растительность прекратилась“ [7]).

Въ Таврической губерніи наибольшее скопленіе сыпучихъ песковъ находится въ Днѣпровскомъ уѣздѣ. Эти такъ называемые Алешковскіе пески тянутся по лѣвой сторонѣ Днѣпра, занимая огромную площадь въ 160 верстъ длиною и 30 — 35 шириною. Всего эта площадь занимаетъ до 350,000 десятинъ, но здѣсь кое-гдѣ встрѣчаются *поды*, углубленія между песками, которыя удобны для культуры и въ которыхъ расположены многія населенныя мѣста, средоточіемъ которыхъ является городъ Алешки, откуда и названіе песковъ. Собственно пески занимаютъ до 140,000 десятинъ. Поверхность ихъ имѣетъ крайне разнообразный видъ: она представляетъ или равнину, изборожденную небольшими волнами, или массу холмовъ („кучугуровъ“), или, наконецъ, длинную цѣпь громадныхъ валовъ, сдерживаемыхъ пока отъ дальнѣйшаго гибельнаго движенія впередъ жалкими остатками лѣсковъ. Дѣйствіемъ сильныхъ степныхъ вѣтровъ пески разносятся на далекія пространства, засыпая культурныя мѣстности. Съ теченіемъ времени, площадь песковъ все увеличивается. Такъ, съ 1843 до 1868 г., т. е. за 25 лѣтъ, пески захватили 14,000 десятинъ культурной земли. То же продолжается и доселѣ: въ теченіе одной только осени и зимы 1885—1886 гг. днѣпровскіе пески подвинулись впередъ въ глубь уѣзда въ иныхъ мѣстахъ на двѣ версты [8]).

О существованіи сыпучихъ песковъ въ Херсонской губерніи имѣются лишь отрывочныя свѣдѣнія. Въ Бессарабской области сыпучіе пески занимаютъ морское побережье. Здѣсь они подвигаются съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе въ глубь страны, такъ что полоса, занятая песками, дѣлается все шире [9]).

---

[7]) *Вейнбергъ*, 467—468.

[8]) Списки населенныхъ мѣстъ. Таврическая губернія, стр. III—IV. *Вейнбергъ*, 469—470. „Севастопольскій Листокъ“, 1886 г., № отъ 25 мая. „Голосъ“, 1882 *года, № 71.*

[9]) *Списки* населенныхъ мѣстъ. Бессарабская область, стр. XI.

рянскомъ уѣздѣ, гдѣ они окружаютъ г. Чигиринъ и ближайшія къ нему селенія по лѣвую сторону р. Тямсина. Площадь сыпучаго песку занимаетъ здѣсь нѣсколько тысячъ десятинъ земли и тянется полосой въ 4 версты ширины на значительномъ протяженіи по берегу рѣки [17])

Безъ сомнѣнія, сыпучіе пески встрѣчаются и во многихъ мѣстностяхъ, лежащихъ сѣвернѣе перечисленныхъ губерній; къ сожалѣнію, свѣдѣній объ этомъ предметѣ имѣется весьма мало. Намъ, по крайней мѣрѣ, удалось собрать относительно указаннаго предмета лишь нѣкоторыя указанія для губерній Смоленской, Московской и Петербургской. Относительно Смоленской губерніи намъ извѣстенъ лишь фактъ появленія тамъ сыпучихъ песковъ въ послѣднія 15 лѣтъ. Сыпучая песчаная почва распространена во всей западной части Московской губерніи [18]). Въ Петербургской губерніи сыпучіе пески проявились у г. Сестрорѣцка, Петербургскаго уѣзда. Пески движутся съ запада на востокъ, согласно направленію господствующаго вѣтра. Движеніе песковъ здѣсь проявилось съ такою силою, что заносились вплоть до верхушки деревья вышиною въ 12—15 саженъ. Затѣмъ пески наступили на самое поселеніе и здѣсь занесли многіе дома выше крышъ; цѣлый переулокъ былъ занесенъ пескомъ; на одной улицѣ образовалась высокая песчаная гора, оставившая съ одной стороны лишь узкій проѣздъ, и т. п. Наконецъ, пески стали засыпать громадный водяной бассейнъ, устроенный здѣсь для сестрорѣцкаго оружейнаго завода, и угрожать самому заводу. Только мѣры, принятыя противъ бѣдствія,—въ видѣ разведенія по песку лѣса,—нѣсколько парализовали зло [19]).

Приведенныя данныя о распространеніи сыпучихъ песковъ, конечно, далеко не охватываютъ всѣхъ дѣйствительныхъ случаевъ появленія и распространенія этихъ песковъ. Вопросъ о сыпучихъ пескахъ не подвергался болѣе или менѣе всестороннимъ изслѣдованіямъ и, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ мѣстностей, свѣдѣнія о сыпучихъ пескахъ попадаютъ въ печать часто совершенно случайно, и свѣдѣнія эти приходится встрѣчать нерѣдко тамъ, гдѣ вовсе того не ожидаешь. Не удивительно, поэтому, если окажется, что собранныя нами данныя далеко не исчерпываютъ имѣющихся въ печати свѣдѣній о распространеніи сыпучихъ песковъ. Но и приведенныя нами данныя вполнѣ достаточны для того, чтобы охарактеризовать изображаемое явленіе и выставить его ужасающе-грозный характеръ. Мы видимъ, что сыпучіе пески захватили уже не-

---

[17]) „Кіевлянинъ“, 1886 г., № 259. Передовая статья.

[18]) Сборникъ стат. свѣд. по Москов. губ., Т. V, вып. II. Хозяйство частныхъ землевладѣльцевъ, стр. 82.

[19]) *Н. И. Кусовъ*. Отчетъ о дѣятельности С.-Петербургскихъ уѣздныхъ земскаго собранія и земской управы за время съ 1 сентября 1865 года по 1 января 1883 года, стр. 3—5.

берніи сыпучіе пески имѣютъ такое распространеніе и такой грозный характеръ, что мѣстное губернское земское собраніе проэктировало рядъ поощрительныхъ мѣръ для борьбы съ песками; именно, предположено: участки, на которыхъ будетъ разведенъ лѣсъ, освобождать на 10 лѣтъ отъ земскихъ налоговъ; пески крестьянскихъ надѣловъ, въ случаѣ разведенія на нихъ лозняка или деревьевъ, должны по земскому проэкту, поступать въ собственность крестьянъ безъ выкупа, и т. д. [14]). Сыпучіе пески попадаются и въ Полтавской губерніи; такъ, извѣстно присутствіе ихъ по лѣвому берегу рѣки Груни (притока Псела), въ Гадячскомъ и Зеньковскомъ уѣздахъ, по обоимъ берегамъ р. Псела—въ Миргородскомъ уѣздѣ; въ послѣднемъ—полоса песковъ шириною до 2 верстъ и покрыта отчасти буграми, которые отъ вѣтра передвигаются [15]). Относительно Черниговской губерніи мы имѣемъ свѣдѣнія о существованіи сыпучихъ песковъ въ уѣздахъ Черниговскомъ, Сосницкомъ, Нѣжинскомъ, Городницкомъ, Мглинскомъ и Суражскомъ. Вообще песчаные наносы въ Черниговской губерніи дѣлаются настоящимъ бичемъ земледѣлія. Въ предѣлахъ губерніи находятся десятки тысячъ десятинъ, сплошь заваленныхъ сыпучими песками; при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра песокъ распространяется все дальше. На сѣверѣ Сосницкаго уѣзда, сыпучій песокъ образовалъ цѣлую гору въ десять верстъ длиною; количество пашень здѣсь сокращается чудовищно быстро; цѣлыя деревни заносятся пескомъ. Не лучше обстоитъ дѣло въ Городницкомъ уѣздѣ. Здѣсь многія песчаныя пространства ухудшаются изъ года въ годъ и грозятъ въ недалекомъ будущемъ обратиться въ сыпучіе пески. Такія превращенія имѣются уже въ сѣверозападномъ углу уѣзда. Многія земли, пахавшіяся на памяти современнаго поколѣнія, стали уже рѣшительно негодными для эксплуатаціи и приносятъ страшный вредъ и сосѣднимъ полямъ, постепенно засыпая ихъ. До чего сильно наступленіе сыпучихъ песковъ, видно изъ жалобъ крестьянъ, которыя они высказывали при земско-статистическомъ изслѣдованіи: „плоты загородишь выше косаго сажня, такъ и то замете“... „у насъ якъ зимой снѣгъ отъ дворовъ отгребаютъ, такъ лѣтомъ песокъ—у каждаго и тяголки подѣланы“ [16]) и т. п. Въ Кіевской губерніи сыпучіе пески имѣются въ Чигі-

---

[14]) Списки населенныхъ мѣстъ. Харьковская губ. стр. XII. „Статистическій Листокъ“, 1882 г., № 4. *Л. А. Соколовскій*: „Плетеніе корзинъ на Заосколъѣ“. Сборникъ стат. и оцѣночн. свѣд. по Богодуховск. у., стр. 7. Сводъ постановленій Харьковскаго губернскаго земства за годы съ 1865 по 1883. Т. I, ч. I, стр. 55.

[15]) Сборн. по хоз. стат. Полтавск. губ. Т. I, стр. 5 — 6; т. III, стр. 5 и ?; т. V, стр. 3.

[16]) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Черниговской губерніи. Разные томы.

рянскомъ уѣздѣ, гдѣ они окружаютъ г. Чигиринъ и ближайшія къ нему селенія по лѣвую сторону р. Тямсина. Площадь сыпучаго песку занимаетъ здѣсь нѣсколько тысячъ десятинъ земли и тянется полосой въ 4 версты ширины на значительномъ протяженіи по берегу рѣки [17])

Безъ сомнѣнія, сыпучіе пески встрѣчаются и во многихъ мѣстностяхъ, лежащихъ сѣвернѣе перечисленныхъ губерній; къ сожалѣнію, свѣдѣній объ этомъ предметѣ имѣется весьма мало. Намъ, по крайней мѣрѣ, удалось собрать относительно указаннаго предмета лишь нѣкоторыя указанія для губерній Смоленской, Московской и Петербургской. Относительно Смоленской губерніи намъ извѣстенъ лишь фактъ появленія тамъ сыпучихъ песковъ въ послѣднія 15 лѣтъ. Сыпучая песчаная почва распространена во всей западной части Московской губерніи [18]). Въ Петербургской губерніи сыпучіе пески проявились у г. Сестрорѣцка, Петербургскаго уѣзда. Пески движутся съ запада на востокъ, согласно направленію господствующаго вѣтра. Движеніе песковъ здѣсь проявилось съ такою силою, что заносились вплоть до верхушки деревья вышиною въ 12—15 саженъ. Затѣмъ пески наступили на самое поселеніе и здѣсь занесли многіе дома выше крышъ; цѣлый переулокъ былъ занесенъ пескомъ; на одной улицѣ образовалась высокая песчаная гора, оставившая съ одной стороны лишь узкій проѣздъ, и т. п. Наконецъ, пески стали засыпать громадный водяной бассейнъ, устроенный здѣсь для сестрорѣцкаго оружейнаго завода, и угрожать самому заводу. Только мѣры, принятыя противъ бѣдствія,—въ видѣ разведенія по песку лѣса,—нѣсколько парализовали зло [19]).

Приведенныя данныя о распространеніи сыпучихъ песковъ, конечно, далеко не охватываютъ всѣхъ дѣйствительныхъ случаевъ появленія и распространенія этихъ песковъ. Вопросъ о сыпучихъ пескахъ не подвергался болѣе или менѣе всестороннимъ изслѣдованіямъ и, за исключеніемъ немногихъ отдѣльныхъ мѣстностей, свѣдѣнія о сыпучихъ пескахъ попадаютъ въ печать часто совершенно случайно, и свѣдѣнія эти приходится встрѣчать нерѣдко тамъ, гдѣ вовсе того не ожидаешь. Не удивительно, поэтому, если окажется, что собранныя нами данныя далеко не исчерпываютъ имѣющихся въ печати свѣдѣній о распространеніи сыпучихъ песковъ. Но и приведенныя нами данныя вполнѣ достаточны для того, чтобы охарактеризовать изображаемое явленіе и выставить его ужасающе-грозный характеръ. Мы видимъ, что сыпучіе пески захватили уже не-

---

[17]) „Кіевлянинъ", 1886 г., № 259. Передовая статья.

[18]) Сборникъ стат. свѣд. по Москов. губ., Т. V, вып. II. Хозяйство частныхъ землевладѣльцевъ, стр. 82.

[19]) *Н. И. Кусовъ*. Отчетъ о дѣятельности С.-Петербургскихъ уѣздныхъ земскаго собранія и земской управы за время съ 1 сентября 1865 года по 1 января 1883 года, стр. 3—5.

мало милліоновъ десятинъ плодородной земли, дававшей жизнь населенію; что они съ каждымъ годомъ расширяютъ свое губительное дѣйствіе и появляются все въ новыхъ мѣстностяхъ, гдѣ въ прежнее время о ихъ существованіи совсѣмъ не подозрѣвали. Это—грозный бичъ, отъ котораго всего болѣе страдаетъ нашъ юговостокъ, т. е. богатѣйшія по своимъ естественнымъ условіямъ части нашего отечества, но отъ котораго не застрахованы и другія мѣстности. Сыпучіе пески одинаково могутъ вести свою разрушительную работу какъ у подножья Памира, такъ и на берегу Финскаго залива,—какъ въ степной Самарской губерніи, такъ и въ бывшихъ еще недавно лѣсными Смоленской и сѣверныхъ частяхъ Черниговской губерніи. Вопросъ о сыпучихъ пескахъ, такимъ образомъ, получаетъ всероссійское значеніе, и изслѣдованіе причинъ появленія сыпучихъ песковъ, условій, благопріятствующихъ ихъ развитію, и мѣръ противодѣйствія имъ должно имѣть глубокій интересъ для всѣхъ, понимающихъ, что основа благоденствія нашего отечества есть культурная земля, и что всякое уменьшеніе площади послѣдней есть тяжелое бѣдствіе для родины. Расширеніе культурной площади вообще есть трудъ крайне тяжелый, а обращеніе въ годный для культуры видъ земель, засыпанныхъ пескомъ, возможно только вѣками, и притомъ лишь съ помощью гигантскихъ усилій; поэтому засыпанныя пескомъ земли погибаютъ безплодно для цѣлаго ряда поколѣній.

Но не одно только распространеніе сыпучихъ песковъ служитъ причиною уменьшенія площади культурныхъ земель. Аналогичное по своему значенію явленіе составляетъ образованіе балокъ и овраговъ. Ниже мы увидимъ, что явленіе это, какъ и всѣ описанныя ранѣе, представляетъ собою прямое послѣдствіе неразумной дѣятельности человѣка. Образованіе балокъ и овраговъ уменьшаетъ площадь культурныхъ земель двоякимъ образомъ: или склоны образовавшихся балокъ и овраговъ настолько круты или даже прямо отвѣсны, что на нихъ дѣлается невозможною какая бы то ни было культура, или по склонамъ ихъ обнажаются породы, исключающія всякую возможность произрастанія на нихъ чего либо, причемъ еще нерѣдко породы эти, размываясь полыми водами и ливнями, сносятся на дно балокъ и овраговъ, а также и на сосѣднія земли, дѣлая всѣ эти пространства также непригодными къ культурѣ. Овраги представляютъ собою явленіе повсемѣстное въ южной половинѣ Россіи, уменьшаясь или даже исчезая лишь въ мало культивированныхъ степяхъ. Но въ послѣднее время овраги стали появляться все въ большемъ и большемъ числѣ, дѣлаясь для многихъ мѣстностей крайне опаснымъ явленіемъ. Къ сожалѣнію, явленіе это до сихъ поръ не обратило на себя вниманія, котораго оно заслуживаетъ, и даже изъ земскихъ статистиковъ лишь немногіе отмѣчаютъ его въ своихъ работахъ. Поэтому мы можемъ привести относительно *указываемаго* явленія лишь отрывочныя указанія. Земскіе стати-

стики, описывавшіе Ставропольскій уѣздъ Самарской губерніи, встрѣтили здѣсь многочисленные факты образованія небывалыхъ прежде „обваловъ“ (овраговъ) на крестьянскихъ надѣлахъ. Вотъ для примѣра нѣсколько фактовъ. „Новая Хмѣлевка, Хмѣлевской волости. Въ послѣднее время образовалось два новыхъ оврага, уничтожившіе надѣльной земли десятинъ до 30. Вешней водой нижнія поля заноситъ пескомъ“.. „С. Бряндино, Бряндинской волости. Послѣ 1861 года образовались новые „обвалы“, которые лишили крестьянъ 20 десятинъ земли“. „Д. Аксаковка, той же волости. Образовались два новыхъ „обвала“ на 2 версты длины и 20 саж. ширины“.. „С. Старая-Бинарадка, Старо-Бинарадской вол. Прежде въ оврагахъ былъ лѣсъ, который въ послѣднія 20 лѣтъ вырубили и туда стали пускать для толоки скотъ, отчего овраги стали обваливаться. Появилось новыхъ 7 яровъ“. „С. Курумочь, той же волости. Лѣтъ 12 назадъ появился оврагъ въ 2 версты длины и 14 саженъ ширины“. „С. Узюково, Ташолской волости. Съ давнихъ поръ въ поляхъ существуетъ оврагъ, въ которомъ прежде быдъ лѣсъ, теперь не стало, и онъ постоянно обваливается“. „Новая-Бинарадка, Ново-Бинарад. вол. Въ поляхъ въ недавнее время образовалось 4 оврага“, и т. д., и т. п. [20]). Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Самарскаго уѣзда „черноземъ, смываемый потоками дождевой и весенней воды, почти совершенно отсутствуетъ и замѣняется красной глиной, отчего на этихъ мѣстахъ никогда не воздѣлываются культурные злаки“ [21]). Въ сосѣдней Саратовской губерніи наблюдается то же печальное явленіе: „потоки смываютъ верхній плодородный слой почвы и сносятъ его въ ложбины и овраги, такъ что подпочва обнажается, и земли дѣлаются на такихъ склонахъ непроизводительными, негодными для сельскаго хозяйства [22]). Въ Воронежскомъ уѣздѣ, всюду, гдѣ только дѣйствуетъ на почву вода болѣе или менѣе значительными массами по скатамъ и оврагамъ, замѣчается обыкновенно и присутствіе песчаныхъ наносовъ [23]). Въ Бахмутскомъ уѣздѣ нѣкоторыя низменности заносятся пескомъ, который сносится сюда водными потоками съ разрушающихся склоновъ [24]). Въ Полтавской губ балки и овраги представляютъ обычное явленіе на поляхъ, причемъ во время сильныхъ дождей въ овраги сносится съ полей хлѣбъ; образованіе овраговъ въ видѣ обваловъ и проваловъ продолжается и доселѣ [25]). Чрезвычайное обиліе балокъ и овраговъ въ Одесскомъ уѣздѣ наглядно видно на картѣ уѣзда, приложенной къ его земско-статистическому описанію:

---

[20]) Сборникъ стат. свѣд. по Самар. губ. Т. II. Ставропольскій у. стр. 3—5.
[21]) Тоже. Т. I. Самарскій уѣздъ, стр. 3.
[22]) *Смирновъ*. Экономич. бытъ и проч. стр. 6.
[23]) Сб. ст. свѣд. по Воронеж. губ. Т. I, стр. 6.
[24]) Сб. ст. св. по Екатерин. губ. Т. II, стр. 10.
[25]) Сб. по *хоз. стат. Полт. губ.*, особенно Т. III, стр. 8.

весь уѣздъ буквально исполосованъ балками и оврагами и ихъ развѣтвленіями. Здѣсь „при большихъ разливахъ весною или осенью, а также и во время большихъ дождей лѣтомъ воды по балкамъ несутся съ большою быстротою и силою, уничтожая и гати, и мосты, и огородныя плантаціи, устраиваемыя на днѣ балокъ. Берега балокъ, поэтому, имѣютъ видъ оголенныхъ до красной глины, а иногда и до каменистыхъ породъ, поверхностей“ [26]). Сказанное относительно Одесскаго уѣзда приложимо къ большей части мѣстностей нашего юга. Вездѣ тутъ наблюдается чрезвычайное обиліе балокъ и враговъ, и вездѣ число ихъ каждогодно растетъ. Пишущему эти строки приходилось наблюдать образованіе враговъ въ г. Ставрополѣ-Кавказскомъ. Здѣсь, въ части города, называемой „Подгорнымъ“, образовался огромный оврагъ, снесшій цѣлую улицу и грозящій своимъ дальнѣйшимъ расширеніемъ сосѣднимъ улицамъ. Параллельно этому оврагу, въ послѣдніе годы возникло еще нѣсколько меньшихъ, которые, однако, уже занимаютъ значительныя части улицъ, по которымъ они идутъ. Мнѣ приходилось слышать также объ увеличеніи числа враговъ отъ мѣстныхъ жителей весьма многихъ мѣстностей, не перечисленныхъ выше, какъ, напр., губерній—Пензенской, Симбирской, Тамбовской и другихъ.

Рядомъ съ распространеніемъ сыпучихъ песковъ и образованіемъ враговъ, теченіе рѣкъ заноситъ галькою (мелкимъ камнемъ) и въ особенности пескомъ культурныя поля. Какъ мы видѣли выше, едва ли не всѣ наши рѣки и рѣчки отличаются крайнимъ непостоянствомъ теченія, постоянно измѣняя свои русла. Благодаря этому обстоятельству, рѣчныя воды, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, послѣдовательно омываютъ разныя площади земли, оставляя на нихъ песокъ, а часто и гальку, и этимъ путемъ обращая пахатныя поля, а еще чаще луга—въ безплодные пустыри. То же нерѣдко совершается и при рѣчныхъ половодьяхъ. Относящихся сюда фактовъ можно было бы привести чрезвычайное множество, но такъ какъ о подобныхъ фактахъ было отчасти упоминаемо въ предъидущей главѣ, къ тому же о распространенности явленія можно составить понятіе по приведеннымъ выше даннымъ объ измѣненіи направленій руслъ нашихъ рѣкъ, то мы ограничимся здѣсь лишь приведеніемъ нижеслѣдующихъ словъ изслѣдователя Воронежскаго уѣзда, Ф. А. Щербины, относительно интересующаго насъ вопроса, да указаніемъ на одинъ характерный фактъ, недавно обнаруженный въ Казанской губ. Г. Щербина говоритъ: „между самою характерною почвенною особенностью уѣзда, присутствіемъ значительныхъ массъ песку, и направленіемъ главнѣйшихъ рѣкъ оказывается до очевидности тѣсная за-

[26]) Матеріалы для оцѣнки земель Херсонской губерніи. Т. I. Одесскій уѣздъ, *втр. 4.*

висимость. Пески мало того что идутъ въ одномъ и томъ же направленіи, въ какомъ текутъ рѣки, но и бываютъ тѣмъ обильнѣе, чѣмъ значительнѣе сопровождающая ихъ водная система: ихъ больше по Дону, меньше по Воронежу и еще меньше по Усмани. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и толщина ихъ не одинакова во всѣхъ трехъ полосахъ. По Дону и Воронежу песчаныя полосы настолько глубоки, что „имъ дна нѣтъ", по выраженію крестьянъ; между тѣмъ какъ на Усмани, часто уже на незначительной глубинѣ песковъ, встрѣчается глинистая подпочва. Очевидно, что и въ этомъ послѣднемъ случаѣ обиліе воды и песчаныя залежи находятся въ прямомъ отношеніи между собой" [27]). Въ Казанской губерніи, при происходившей недавно разверсткѣ выкупныхъ платежей между селеніями государственныхъ крестьянъ, было обнаружено, что многія общества, особенно въ уѣздахъ Царевококшайскомъ, Мамадышскомъ и Чистопольскомъ, потеряли по нѣскольку сотъ десятинъ земли вслѣдствіе заноса рѣчными песками.

Какъ велика общая площадь культурныхъ земель, обращенныхъ въ безплодныя указанными факторами—распространеніемъ сыпучихъ песковъ, смытіемъ снѣговою и дождевою водою плодороднаго слоя и образованіемъ враговъ и, наконецъ, занесеніемъ песками или галькою (послѣднее относится къ горнымъ рѣкамъ) при разлитіяхъ рѣкъ и измѣненіяхъ руслъ, —объ этомъ мы, при существующихъ данныхъ, не можемъ составить себѣ и приблизительнаго понятія. Во всякомъ случаѣ, имѣющіяся данныя даютъ право заключать, что указанная площадь страшно громадна, и что отмѣченными путями Россія ежегодно теряетъ весьма значительную часть своей культурной площади [28]).

III.

Измѣненіе климата.

Обратимся теперь къ области явленій, носящихъ названіе климатическихъ въ болѣе тѣсномъ значеніи этого слова. Въ этой области совершившіяся измѣненія, по самому своему существу, уже не могутъ быть засвидѣтельствованы такими безусловно объективными данными, какъ тѣ, которыя мы привели въ двухъ предъидущихъ главахъ. Въ самомъ дѣлѣ, высыханіе озеръ и рѣкъ, измѣненіе теченія послѣднихъ, распространеніе

---

[27]) Сб. свѣд. по Воронежск. губ. Т. I, стр. 8.

[28]) Было бы желательно, чтобы земскіе статистики въ своихъ послѣдующихъ работахъ собрали болѣе или менѣе точныя данныя относительно погибшихъ для культуры, въ нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій, земель въ изслѣдуемыхъ ими мѣстностяхъ. Такія данныя дали бы основу для приблизительнаго опредѣленія отмѣчаемаго нами явленія.

сыпучихъ песковъ, образованіе овраговъ и т. д.—все это оставляетъ слѣды, которые могутъ сохраняться тысячелѣтія, и потому могутъ быть всегда констатированы посредствомъ чисто объективныхъ данныхъ. Иное дѣло—климатическія измѣненія. Они почти не оставляютъ по себѣ какихъ либо вещественныхъ слѣдовъ, которые сохранялись бы болѣе или менѣе продолжительное время; все въ этой области—преходяще и исчезаетъ безслѣдно. Объективныя данныя могли бы представить метеорологическія наблюденія, еслибы они были широко организованы и охватывали всю совокупность климатическихъ явленій. Но если и теперь у насъ метеорологическія станціи рѣдки, и наблюденія производятся лишь надъ немногими климатическими явленіями (почти исключительно надъ температурой воздуха, атмосферическимъ давленіемъ, количествомъ водяныхъ осадковъ и направленіемъ вѣтра—притомъ безъ комбинаціи наблюденій при различныхъ условіяхъ), то въ прежнее время и этого почти не было. Объективныя данныя мы, такимъ образомъ, можемъ имѣть почти исключительно въ видѣ измѣненій во флорѣ страны, которыя однако, къ сожалѣнію, мало изслѣдованы. Затѣмъ остаются субъективныя свидѣтельства лицъ, наблюдавшихъ климатическія измѣненія въ теченіе своей жизни. Значеніе этого источника вообще относительное; но когда всѣ субъективныя свидѣтельства единогласно отмѣчаютъ одинъ и тотъ же фактъ, то, несомнѣнно, цѣнность такихъ свидѣтельствъ равна цѣнности чисто объективныхъ данныхъ. Къ тому же, тѣ объективныя данныя, которыми мы можемъ располагать, вполнѣ подтверждаютъ и единогласныя субъективныя свидѣтельства.

У насъ пока нѣтъ основаній предполагать уменьшеніе количества выпадающей въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи влаги, равно какъ увеличеніе или уменьшеніе средней величины температуры. И, тѣмъ не менѣе, такой, напр., фактъ, какъ повсемѣстное усиленіе засухъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Объясняется это кажущееся противорѣчіе тѣмъ, что самое количество выпадающей влаги можетъ играть разную роль, какъ это мы подробно разъяснимъ въ слѣдующихъ главахъ, смотря по продолжительности времени, которое она остается въ почвѣ, по большей или меньшей скорости ея расходованія. Точно также, нѣтъ никакого противорѣчія между неизмѣнностью количества выпадающей влаги и средняго количества тепла и измѣненіями въ климатѣ, свидѣтельства о которыхъ мы приводимъ [1])

---

[1]) Приведенныя нами въ настоящей главѣ данныя, кромѣ тѣхъ, источники которыхъ указаны прямо, заимствованы изъ прекрасной книги г. Вейнберга, прочитать которую обязательно для каждаго образованнаго русскаго: „Лѣсъ и его значеніе въ природѣ и мѣры къ его сохраненію“, стр. 208—305.

Уже приведенныя въ предъидущихъ главахъ данныя свидѣтельствуютъ о повсемѣстности измѣненій въ естественныхъ условіяхъ нашего хозяйства. Собственно въ климатической области эти измѣненія также повсемѣстны, какъ то подтверждается многочисленными наблюденіями старожиловъ, наблюденіями, иногда производившимися въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній. Но, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, причины, вызвавшія климатическія измѣненія, дѣйствовали и дѣйствуютъ съ наибольшею силою именно въ южной половинѣ Россіи, и здѣсь эти измѣненія особенно сильно даютъ себя знать. Чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ происшедшія въ климатѣ перемѣны менѣе рѣзки. Но уже въ центральной промышленной полосѣ климатъ измѣнился въ нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій. Такъ, по отзывамъ старожиловъ подмосковныхъ деревень—Воробьева, Семеновскаго, Раменки и другихъ, нѣкогда славившихся своими вишневыми садами, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, здѣсь лѣтомъ стояли такіе жары, что работать въ полѣ нельзя было; теперь ничего подобнаго нѣтъ. На Егорьевъ день трава уже было порядочная, а теперь едва отъ земли видна; полевыя травы были высокія и сочныя, а теперь онѣ стелятся близь земли. Условія температуры были настолько благопріятны еще 25 лѣтъ тому назадъ, что здѣсь яблони и вишни постоянно вызрѣвали; теперь же, хотя вишневыя деревья весною бываютъ сплошь покрыты цвѣтами, поздніе холода губятъ цвѣтъ, и сады не даютъ урожая. Справедливость этого послѣдняго наблюденія подтверждается г. Вейнбергомъ, живущимъ каждое лѣто въ Воробьевѣ съ 1859 года. „Россійское общество любителей садоводства“ также указываетъ на рѣзкое измѣненіе климата вокругъ Москвы. Въ настоящее время, здѣсь, съ истребленіемъ лѣсовъ, „лѣтомъ, при свободномъ движеніи вѣтровъ и безпрепятственномъ вліяніи солнечныхъ лучей, почва глубоко изсушается; испаренія ея быстро уносятся, не оставляя ничего растительности, такъ что и рѳсы бываютъ скудны противъ прежнихъ лѣтъ. Зимою тоже свободное движеніе вѣтровъ усиливаетъ экстенсивность холода и дѣлаетъ его невыносимымъ для растеній. Въ Нижегородской губерніи, по наблюденіямъ землевладѣльцевъ Демидовыхъ (въ трехъ поколѣніяхъ), „прежде зимы были хотя и холоднѣе, но ровнѣе, безъ рѣзкихъ перемѣнъ; вёсны были теплыя, а лѣта жаркія; по осенямъ не было такихъ раннихъ неожиданныхъ снѣговъ, какъ теперь“. Наблюденія эти относятся къ Васильсурскому уѣзду. Старожилы Горбатовскаго уѣзда, той же губерніи, свидѣтельствуютъ, что „тамъ въ прежнее время зимы были продолжительнѣе и холоднѣе; морозы доходили до 40°, а въ 1837 г.—до 45°; въ настоящее же время зимніе морозы рѣдко доходятъ до 33°. Зато въ прежнее время и лѣтніе жары были гораздо сильнѣе нынѣшнихъ. Весна теперь начинается раньше, уже съ половины марта и къ первому, апрѣлю Ока обыкновенно уже очищается *ото льда; но настоящее* весеннее тепло рѣдко устанавливается до 1 мая,

а иногда даже въ маѣ бываютъ сильные морозы, чередующіеся съ теплыми днями. Такимъ же измѣнчивымъ характеромъ отличаются теперь и прочія времена года. Зима начинается обыкновенно между 10 и 20 ноября, но уже съ первыхъ чиселъ сентября часто настаютъ сильные морозы; зато оттепели и дождь среди зимы—явленіе въ настоящее время очень обыкновенное. Подъ вліяніемъ такихъ измѣненій въ климатѣ, происходятъ измѣненія и въ ходѣ полевыхъ работъ. Такъ, въ Васильсурскомъ уѣздѣ время начала работъ стало, дѣйствительно, замѣтно позже. Прежде до 23 апрѣля (Егорьевъ день) всѣ уже вспахивали поля, а нынѣ почти всѣ пашутъ послѣ этого срока. До 50-хъ годовъ посѣвъ ржи и озимой пшеницы всегда происходилъ около 12 августа, теперь же кончаютъ посѣвъ ржи не позже 6 августа, а озимой пшеницы ранѣе—1 августа, иначе она пострадаетъ отъ утренниковъ; яровая пшеница высѣвалась прежде 20-го мая, теперь же лишь 6 іюня. Словомъ, лѣто стало короче—позднѣе начинается и раньше кончается; весна кончается позднѣе, осень наступаетъ ранѣе. Уменьшеніе зимнихъ холодовъ замѣтно также въ Орловской губерніи; но здѣсь еще рѣзче стало замѣтно господство засухи. До 40-хъ годовъ здѣсь въ теченіе лѣта рѣдко бывали сухіе вѣтры; теперь же постоянные сухіе вѣтры дуютъ не только лѣтомъ, осенью и зимою, но и весною, когда растенія особенно нуждаются въ атмосферной влагѣ. Мѣстные хозяева видятъ причины неурожаевъ именно въ господствѣ засухъ. Вотъ что̀, напр., здѣсь имѣло мѣсто въ 1885 году. „Всходы озимыхъ хлѣбовъ, весною этого года, были превосходные; затѣмъ яровые хлѣба были отсѣяны рано, во̀-время, и тоже дали прекрасные всходы. Все подавало надежды на прекрасный, изобильный урожай. Но вотъ, начиная со второй половины мая мѣсяца, началась полнѣйшая засуха; земля высохла до такой степени, что мѣстами даже потрескалась. Яровые посѣвы пропали окончательно, такъ что во многихъ мѣстахъ не собрали даже сѣмянъ; озимые хлѣба, какъ болѣе укоренившіеся, и, вслѣдствіе этого, менѣе подверженные засухѣ, дали только посредственный урожай легкаго, неполновѣснаго хлѣба. Помнимъ мы и другіе годы, въ самомъ недалекомъ прошломъ,—продолжаетъ мѣстный хозяинъ, слова котораго мы приводимъ:—когда засухи дѣлались осенью, въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, когда озимые посѣвы представляли черныя поля съ признаками ржаныхъ и пшеничныхъ всходовъ. Въ такомъ видѣ захватывали ихъ снѣгъ и морозъ, и, понятно, никакого удовлетворительнаго урожая быть не могло“ [2]).

Переходя къ черноземнымъ губерніямъ, мы и здѣсь найдемъ ту же перемѣну климата. Общее положеніе вещей здѣсь въ настоящее время пре

---

[2]) *„Орловскій Вѣстникъ“*, 1886 г., № 113. „Замѣтка по поводу увеличивающихся *неурожаевъ въ Орловской* губерніи“. *Землевладѣлецъ.*

красно охарактеризовано въ работѣ кн. Васильчикова, на которую намъ уже приходилось не разъ ссылаться. Урожаевъ прежняго времени, при которыхъ хлѣба ломились отъ тяжести зерна, теперь почти совсѣмъ не бываетъ; средній урожай не превышаетъ 5 четвертей съ десятины; естественные покосы даютъ такое ничтожное количество травы, что приходится выкашивать огромныя пространства даже для удовлетворенія малой нужды въ сѣнѣ. На одинъ годъ урожая приходится по два и по три года совершенной засухи; дожди являются тогда, когда они прямо вредны при уборкѣ, благодаря чему хлѣбъ теряетъ половину своей стоимости [3]). Вообще черноземныя губерніи, равно какъ и степныя, въ настоящее время сильно страдаютъ отъ засухи. Причина—не въ томъ, чтобы общее количество выпадающихъ въ теченіе года атмосферныхъ осадковъ было менѣе прежняго. Причиною является сухость воздуха и высокая температура преобладающаго воздушнаго теченія, благодаря чему выпадающая влага скоро испаряется. Въ общемъ климатъ черноземной полосы нынѣ представляетъ слѣдующія особенности: зима съ оттепелями и слѣдующими за ними сильными морозами, весьма теплая весна, прерываемая морозами, лѣтнія продолжительныя засухи со знойными вѣтрами и безснѣжная осень съ ураганами. Въ частности, по каждой черноземной губерніи весьма многія данныя свидѣтельствуютъ объ измѣненіи климата. Такъ, наблюденія хозяевъ Харьковской губерніи говорятъ о томъ, что и дожди здѣсь выпадали чаще, и снѣгъ держался, не растаивая, долѣе. Зимы были холоднѣе, но постояннѣе; весенніе утренники бывали недолго, и притомъ незначительные. Теперь же лѣтомъ частыя засухи, господствуютъ сухіе вѣтры, убивающіе часто зерно въ зародышѣ; зимы сдѣлались непостоянными, почти безснѣжными и такъ теплы, какъ никогда прежде. Зато поздно весною теперь бываютъ частые утренники (утренніе морозы), убивающіе растительность. Въ губерніяхъ юго-западнаго края замѣчено, что дожди сдѣлались рѣже, но болѣе проливные, нерѣдко прибивающіе хлѣбъ къ почвѣ.

Въ приволжскихъ губерніяхъ—Саратовской и Самарской—во многихъ мѣстахъ только однимъ-двумя поколѣніями назадъ не знали, что̀ такое зима и скотъ пасли круглый годъ. Точно также въ Донской области табуны круглый годъ оставались въ степи; плуги ходили въ полѣ до декабря, а иногда до рождества; въ Новочеркаскѣ не знали даже, что̀ такое сани. Вообще, если климатъ гдѣ измѣнился особенно рѣзко, то это именно въ нашихъ степяхъ. Южная половина новороссійскихъ степей, полвѣка тому назадъ, зимы почти не знала; поля покрывалъ иней вмѣсто снѣга, а снѣжный покровъ лежалъ на короткое время и былъ не толстъ. Пахали всю зиму, и въ февралѣ кончали посѣвы; запасовъ сѣна

---

[3]) „Отеч. *Зап.*", *1876 г.*, № 2. „Черноземъ и его будущность".

не дѣлали, такъ какъ скотъ пасся всю зиму въ степи. Это имѣло мѣсто также въ юго-восточныхъ прикаспійскихъ степяхъ, гдѣ въ послѣднее десятилѣтіе погибла масса скота здѣшнихъ кочевниковъ, продолжавшихъ сохранять привычку не дѣлать запасовъ корма на зиму, между тѣмъ какъ, вслѣдствіе наступившихъ суровыхъ зимъ, скотъ уже потерялъ возможность находить естественный кормъ въ это время года [4]). Сравненіе растительности, царившей въ степяхъ южной Россіи въ прежнее время, съ ея настоящимъ состояніемъ дастъ намъ понятіе о контрастѣ, представляемомъ климатическими условіями прошлаго и настоящаго. Вотъ въ какихъ чертахъ рисуетъ прошлое новороссійскихъ степей извѣстный знатокъ естественныхъ условій юга Россіи, Палимпсестовъ.„ Степи юга Россіи еще въ недавнее время покрывались роскошною растительностью. Здѣшніе старики говорятъ, что, бывало, пустишь воловъ въ траву, и если вѣтеръ, то и не найдешь ихъ, такъ какъ ихъ можно было замѣтить только по колебанію травы, производимому ими. Подобная растительность доходила вплоть до береговъ Чернаго моря. Не одинъ старожилъ сказывалъ мнѣ, что, бывало, стоило только подняться на Жевахову гору, и можно было заплутаться въ бурьянахъ; достаточно было своротить на десять саженъ съ дороги, ведущей въ Одессу, чтобы скрыть себя и воловъ отъ воровъ... Предъ освѣщеніемъ Екатерининскаго собора нужно было для совершенія крестнаго хода послать рабочихъ съ топорами вырубить бурьянъ.... На моей уже памяти, т. е. въ 50-хъ годахъ, въ годы, обильные дождями, окрестности Одессы покрывались цѣлымъ лѣсомъ нѣкоторыхъ сложноцвѣтныхъ растеній, достигавшихъ въ общей сложности отъ трехъ до четырехъ аршинъ высоты и толщиною до вершка въ діаметрѣ. Въ 1857 г. я видѣлъ въ Бессарабіи такую высокую, густую и притомъ довольно разнообразную растительность (на землѣ, которая почти съ незапамятныхъ временъ находилась подъ обработкой), что буквально въ ней могъ скрыться конь и съ сѣдокомъ. Сопровождавшій меня хозяинъ (С. Леонардъ) замѣтилъ мнѣ, что подобныя чащи для нихъ истинное бѣдствіе, потому что служатъ убѣжищемъ для волковъ, которыхъ оттуда нѣтъ возможности выгнать ни собаками, ни народомъ: такая непролазная чаща! Я и на сажень не могъ проникнуть въ нее“ [5]). Другой знатокъ края, Умисса, свидѣтельствуетъ, что въ Новороссіи еще „не болѣе полувѣка травы доходили до человѣческаго роста; по балкамъ были разбросаны небольшіе лѣски; вода находилась въ изобиліи; дикія козы и лошади паслись на поляхъ; миріады пахучихъ цвѣтовъ покрывали степныя низменности; разнаго рода

---

[4]) Относительно кочевниковъ—по мѣстнымъ источникамъ.

[5]) „Русскій Вѣстникъ“, 1864.г., № 12. „Перемѣнился ли климатъ на югѣ Россіи“? *И. Ю. Палимпсестова*, стр. 698.

птицы щебетали въ теченіе цѣлаго дня; на рѣкахъ и озерахъ стадами плавали дикіе утки, гуси и лебеди; рыба водилась въ изобиліи. По окраинамъ находились густые лѣса. Не знали въ то время ни бурныхъ потоковъ воды, смывающей гребли, ни страшныхъ засухъ, ни запаливанія зерна; небольшой дождь освѣжалъ землю на нѣсколько дней; землю обрабатывали грубыми деревянными орудіями, и хлѣбъ собирали въ изобиліи: одна десятина давала больше, чѣмъ теперь 3—4 десятины" [6]). То же подтверждается свидѣтельствомъ извѣстнаго Скаржинскаго, въ теченіе полувѣка хозяйничавшаго въ нашихъ южныхъ степяхъ и своими глазами видѣвшаго совершавшіяся въ климатѣ перемѣны. „Вижу я,—говорилъ онъ еще въ 1859 году,—что съ каждымъ годомъ нашъ край измѣняется все болѣе и болѣе и становится менѣе удобнымъ для двухъ главнѣйшихъ отраслей нашего хозяйства—полеводства и скотоводства. Первое находитъ болѣе или менѣе истощенную землю и болѣе терпитъ отъ неблагопріятностей климата; для второй—степи не представляютъ такихъ тучныхъ пастбищъ и богатыхъ сѣнокосовъ, какъ въ былыя времена" [7]). Причина перемѣны заключается въ томъ, что пракиткующаяся въ степяхъ культура изсушила и продолжаетъ изсушать степи. Въ прежнее время, почва степей владѣла запасами влаги, которые ежегодно пополнялись. Теперь, напротивъ, почва расходуетъ влаги болѣе, нежели получаетъ, и потому истощаются даже остальные запасы почвенной влаги, такъ сказать, капиталъ почвы (см. объ этомъ ниже). „Отсюда—говоритъ г. Умисса—является необыкновенная сухость воздуха и вообще рѣзкость климата, а съ ними вмѣстѣ—и ихъ необходимые спутники: болѣзни, вредныя насѣкомыя, засухи и другія бѣды. Сухой вѣтеръ лѣтомъ, прибѣгая къ намъ изъ Азіи и не найдя влаги въ нашей атмосферѣ, начинаетъ быстро поглощать ее изъ почвы, запаливая наши хлѣба. Зимою же, выпадающіе снѣга не держатся, но быстро расхищаются тѣмъ же вѣтромъ и вывѣтренною почвою. Выпадающіе же у насъ лѣтомъ дожди быстро испаряются, и появляется пыль; слѣды сырости въ атмосферѣ мимолетны. Весна совершенно утратила свой естественный характеръ, и почти всегда вслѣдъ за зимою у насъ наступаютъ жары [8])".

Переходя далѣе на югъ, къ южной и южнобережной части Крыма къ Кавказу, мы и здѣсь встрѣчаемъ указанія на измѣненіе климата. Многія данныя указываютъ на то, что весна на южномъ берегу Крыма

---

[6]) Въ „Запискахъ Общества сельскаго хозяйства Южной Россіи" за 1859 г. (Цит. по Неручеву: „Хлѣбный жукъ", стр. 25).

[7]) „Одесскій Вѣстникъ", 1886 г., № 104. „Движеніе влаги на степяхъ южной Россіи". *Акт. Умиссы.*

[8]) *Умисса.* „Современное положеніе сельскаго хозяйства на югѣ Россіи" стр. 57.

стала суровѣе и богаче морозами; въ то же время лѣто здѣсь стало суше, и бѣдствія засухъ сдѣлались обычными; примѣръ этихъ бѣдствій мы приводили во второй главѣ. На Кавказѣ, по словамъ извѣстнаго метеоролога А. И. Воейкова, измѣненіе климата, между прочимъ, выразилось въ измѣненіи распредѣленія атмосферной влаги между временами года; именно, сравнивая данныя объ облачности, относящіяся ко времени до 1870 года и послѣ него, найдемъ, что разность между облачностью лѣта и зимы значительно болѣе въ послѣдній періодъ, чѣмъ въ прежнее время. Въ роскошныхъ долинахъ Закавказья, прилегающихъ къ главному кавказскому хребту, „климатъ сдѣлался крайне непостояннымъ: продолжительная засуха, не во-время дожди, сильные вѣтры, градъ, морозъ и прочія физическія бѣдствія каждый годъ поражаютъ виноградники въ разныхъ частяхъ нашего края“,—пишетъ одинъ мѣстный житель. Ранніе морозы—какъ, напр., въ 1886 г., когда морозъ ударилъ 21 сентября—совершенно небывалое явленіе—губятъ виноградъ и причиняютъ милліонные убытки населенію. По наблюденіямъ мѣстныхъ жителей, въ послѣднія 10 лѣтъ замѣтно понижается предѣльная линія культуры винограда. Въ результатѣ получается, что, не смотря на то, что воздѣлываніе виноградниковъ теперь ведется тщательнѣе, умѣнія больше, труда и капитала тоже кладется больше, а площадь, занимаемая виноградниками, съ каждымъ годомъ расширяется,—за послѣднія 20 лѣтъ количество ежегодно производимаго вина уменьшилось почти вдвое [9]).

Измѣненія въ климатѣ имѣли своимъ послѣдствіемъ повсемѣстное уменьшеніе урожаевъ какъ полевыхъ хлѣбовъ, такъ фруктовъ и овощей. Данныя, относящіяся сюда, мы уже приводили. Но здѣсь мы приведемъ еще нѣсколько рѣзкихъ данныхъ. Въ имѣніи гг. Демидовыхъ (Васильсурскій уѣздъ, Нижегородской губерніи), которые вели сельско-хозяйственныя записи въ теченіе трехъ поколѣній, до 50-хъ годовъ урожай ржи былъ самъ-11 и выше; съ 1851 по 1855 г. рожь даетъ среднимъ числомъ уже самъ-10; въ слѣдующее пятилѣтіе—уже самъ-8; въ 1861—1865 гг. средній урожай—самъ-6; а въ пятилѣтіе 1866—1870 гг. средній урожай не выше самъ-5,8. То же имѣетъ мѣсто и по отношенію къ овсу и ячменю: урожай овса съ самъ-7 понизился до самъ-$2^5/_8$—$1^1/_5$, такъ что теперь его и сѣять не стоитъ; ячмень давалъ самъ-8, а теперь посѣвъ его прекращенъ, такъ какъ совсѣмъ не даетъ урожаевъ. То же самое подтверждается и наблюденіями въ Горбатовскомъ уѣздѣ. Въ Орловской губерніи, несмотря на улучшенія въ хозяйствѣ, урожаи становятся все хуже и хуже. То же наблюдается въ губерніяхъ Курской, Тамбовской и Воронежской.

---

[9]) „Новое Обозрѣніе“, 1886 г., № 982. *Давидъ Сосланн.* „Насущный вопросъ дня“.

„Было время, когда эти три губерніи, вмѣстѣ съ Орловской, славились постоянными громадными урожаями и справедливо были названы житницей Россіи. Въ настоящее же время видимъ, что въ этой, когда-то знаменитой, житницѣ въ нѣкоторые годы не хватаетъ хлѣба даже для собственнаго потребленія, и народонаселеніе вынуждено прикупать его изъ другихъ, болѣе урожайныхъ мѣстностей“ [10]). Въ Елисаветградскомъ уѣздѣ, Херсонской губерніи, помѣщики Эрдели (три поколѣнія) вели сельско-хозяйственныя записи съ 1783 по 1875 годъ; основываясь на нихъ, г. Пржишиховскій вычислилъ средній урожай разныхъ хлѣбовъ для трехъ тридцатилѣтнихъ періодовъ. Оказалось, что урожай былъ самъ-столько-то:

	Въ 1786—1815 гг.	1816—1845 гг.	1846—1875 гг.
Озимой пшеницы.	17,43	14,82	11,27
Ржи	12,86	14,07	15,92
Овса	10,44	9,73	7,31
Ячменя	12,49	12,34	10,77
Проса.	63,92	52,17	45,88
Арнаутки. . . .	13,78	13,73	8,69.

Такимъ образомъ, для всѣхъ хлѣбовъ, кромѣ ржи, замѣчается сильное пониженіе урожаевъ [11]). Въ Харьковской губерніи замѣчается пониженіе урожайности какъ на продукты садоводства, такъ и полеводства. Фрукты родятся теперь и въ меньшемъ количествѣ, и хуже качествомъ, чѣмъ прежде. Еще не такъ давно здѣсь всегда вызрѣвали на открытомъ воздухѣ безъ особеннаго тщательнаго ухода на бахчахъ дыни, арбузы и тыквы, а теперь, благодаря морозамъ, случающимся иной разъ даже въ половинѣ мая, поднятыя растенія почти не даютъ вызрѣвшихъ плодовъ. Яровая пшеница родитъ все хуже, а потому во многихъ экономіяхъ вмѣсто нея вводится посѣвъ озимой пшеницы. Вообще хлѣба стали родить значительно хуже, не смотря на то, что теперь обработка земли несравненно лучше прежней. Приписывать это обстоятельство исключительно прежнему обилію цѣлинныхъ земель нельзя, такъ какъ и теперь есть здѣсь цѣлинныя земли, которыя, даютъ теперь урожаи, хотя и лучшіе сравнительно съ урожаями съ выпаханныхъ полей, но далеко не достигающіе прежнихъ размѣровъ. То же наблюдается въ Кіевской и Подольской губерніяхъ, гдѣ урожаи на клочкахъ земли, оставшихся до сихъ поръ цѣлинными, или совсѣмъ не отличаются отъ урожаевъ на выпаханныхъ земляхъ, или превосходятъ послѣдніе лишь на незначительную величину, тогда какъ

[10]) „Орловскій Вѣстникъ“, 1886 г., № 113. „Замѣтка по поводу увеличивающихся неурожаевъ въ Орл. губ.“.

[11]) „Одесскій Вѣстникъ“, 1886 г., № 87. *Проф Классовскій*. „Дѣятельность Елисаветградской метеорологической станціи“.

разница между урожаями настоящаго времени и бывшими 20—30 лѣтъ тому назадъ—громадна. Очевидно, все дѣло въ измѣненіи климатическихъ условій.

Далѣе, ухудшеніе климата повлекло за собою измѣненіе флоры отдѣльныхъ мѣстностей, вытѣсненіе многихъ растеній и замѣну ихъ болѣе выносливыми. Выше уже упомянуто о прекращеніи въ имѣніяхъ гг. Демидовыхъ (въ Нижегородской губерніи) посѣвовъ овса и ячменя, о замѣнѣ во многихъ имѣніяхъ Харьковской губерніи яровой пшеницы озимою и о пониженіи предѣльной линіи культуры винограда въ Закавказьѣ. Но подобные факты встрѣчаются въ Россіи повсемѣстно. Такъ, въ Муромскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, сады яблонные и вишневые такъ пострадали отъ суровыхъ зимъ, что всѣ старанія возстановить ихъ не приводятъ ни къ чему; то же случилось и съ орѣшниками,—и добываніе превосходнаго орѣховаго масла, прежде употреблявшагося въ пищу, теперь вовсе прекратилось. Подмосковныя деревни: Воробьево, Семеновское, Раменка, Гладыщево, Воронцово, Акиньево, Троицкое и др. славились своими садами съ яблонями, вишнями, крыжовникомъ и т. д. Еще въ началѣ истекшаго двадцатипятилѣтія сады эти давали чрезвычайные урожаи, доставлявшіе громадный доходъ населенію. Теперь яблони исчезли—вымерзли; вишни едва влачатъ свое существованіе и даютъ самые ничтожные урожаи. Вообще подъ Москвою яблони и груши почти совершенно исчезли, кромѣ исключительно благопріятныхъ по условіямъ мѣстностей. Въ Харьковской губерніи, гдѣ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ прежде разведены были сады на нѣсколькихъ стахъ десятинъ, съ фруктами южныхъ странъ —почти все вымерзло. Точно также въ Подольской губерніи, гдѣ прежде были роскошные сады, виноградники и даже фиговыя деревья,—теперь все высохло и вымерло [12]). Но не одни только плодовыя деревья исчезаютъ; то же происходитъ и съ лѣсными деревьями. Въ Ярославской губерніи, въ окрестностяхъ рѣки Шексны, лиственные лѣса уступили свое мѣсто хвойнымъ. Въ лѣсахъ Васильсурскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, дубъ и липа совсѣмъ почти переводятся и замѣняются березою и осиною; кленъ не выростаетъ болѣе толщины оглобли, и верхніе его побѣги страдаютъ отъ морозовъ; а между тѣмъ въ прежнее время кленъ достигалъ огромныхъ размѣровъ. Дубъ теперь вымерзаетъ даже тамъ, гдѣ онъ прежде составлялъ преобладающую древесную породу, напр., въ Курской губерніи. Букъ нынѣ растетъ только въ югозападномъ углу Россіи да въ Крыму, а прежде предѣлы его распространенія были гораздо шире. По отзыву извѣстнаго спеціалиста Шредера, изъ лѣсовъ сѣверныхъ и среднихъ губерній постепенно вымерзаютъ и исчезаютъ кленъ, илимъ,

---

[12]) „*Волжскій* Вѣстникъ“, 1886 г., № 203. „Лѣса и лѣсоистребленіе“.

ясень и дикія яблони. То же происходитъ съ полевыми растеніями. До 50-хъ годовъ въ нижегородскомъ имѣніи гг. Демидовыхъ съ успѣхомъ разводились ассирійская пшеница и арнаутка; но съ 50-хъ годовъ означенные южные злаки должны были все болѣе уступать свое мѣсто оренбургской пшеницѣ; затѣмъ стала плохо родить и послѣдняя,—и теперь тамъ вынуждены разводить сѣверныя породы—вазу, пробштейнскую и альпійскую. Кромѣ того, яровые хлѣба здѣсь стали въ высшей степени ненадежными и послѣдовательно уступаютъ мѣсто озимымъ. Въ Тамбовской губерніи посѣвы яровой пшеницы съ каждымъ годомъ уменьшаются; озимая пшеница подвергается вымочкамъ и вымерзанію; посѣвы кубанки и бѣлотурки почти прекратились [13]). Въ послѣдніе годы вообще „яровая пшеница почти всюду, гдѣ она только воздѣлывается, постепенно вытѣсняется другими яровыми растеніями—ячменемъ, овсомъ, масличными и кукурузою, а мѣстами—и озимыми, рожью и даже озимой пшеницей“... „Во всѣхъ южныхъ степныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ землевладѣльцы и крупные посѣвщики значительно сократили посѣвы яровой пшеницы—мѣстами на $^1/_3$—$^1/_2$ и до $^2/_3$“... „Пшеница озимая въ свою очередь вытѣсняется рожью, а коегдѣ—и рапсомъ. Вообще, стремленіе хозяевъ южнаго района состоитъ въ томъ, чтобы замѣнить пшеницу, преимущественно яровую, сѣрыми хлѣбами: посѣвы пшеницы сокращаются, зато посѣвы ржи, овса и ячменя расширяются.—Въ свою очередь, въ сѣверной половинѣ Россіи овесъ и ячмень все болѣе исчезаютъ“. [14]).

Измѣненіе флоры и, въ особенности, лѣсоистребленіе, которому посвящается слѣдующая глава, повлекли за собою и измѣненіе фауны страны. Это, съ одной стороны, выразилось въ весьма полезномъ для хозяйства явленіи,—уменьшеніи разнаго рода вредныхъ, дикихъ животныхъ—волковъ, лисицъ и т. д., а съ другой—въ крайне убыточномъ для экономіи страны повсемѣстномъ истребленіи дикихъ птицъ. Такимъ образомъ, повсюду крайне сильно сократилась численность хищныхъ и насѣкомоядныхъ птицъ, что̀ послужило одною изъ причинъ чрезвычайнаго распространенія овражковъ, мышей и разнообразныхъ насѣкомыхъ, такъ сильно вредящихъ въ послѣднее время нашему сельскому хозяйству; вмѣстѣ съ тѣмъ, повсюду уменьшились въ числѣ, а во многихъ мѣстахъ совсѣмъ исчезли дикія птицы, какъ водяныя (утки, гуси, кулики и пр.), такъ и степныя (дрохвы, стрепета̀, куропатки и др.), охота за которыми составляла весьма замѣтный промыселъ многихъ селъ и деревень.

Я. Абрамовъ.

(Окончаніе будетъ).

---

[13]) „Саратовскій Листокъ“, 1886 г., корр. изъ Тамбова.

[14]) 1885 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Выпускъ I, стр. VII—VIII, вып. II, стр. 392—394.

Свитокъ божества.

Вывелъ Богъ изъ тьмы хаоса
Міровданья вѣчный свѣтъ
И въ эѳиръ безбрежный бросилъ
Зёрна солнцевъ и планетъ.
Отдѣлилъ отъ суши воды,
Поднялъ темные лѣса
И надъ ними синимъ тюлемъ
Поразвѣсилъ небеса.
Въ груди темныхъ великановъ,
Въ груды каменныя скалъ
Огнецвѣтные алмазы
Онъ ревниво закопалъ.
Золотистою водою
Налилъ грани янтаря
И разсыпалъ бѣлый жемчугъ
Въ опѣнённыя моря.
Сотворилъ страну мороза—
Сѣверъ мрачный и сѣдой,—
Гдѣ цвѣтетъ подснѣжникъ блѣдный
Съ темнокудрою сосной,
Гдѣ съ полночною мятелью
Слился грустный плачъ волковъ...
Сотворилъ страну другую:
Царство свѣта и цвѣтовъ.
И, полна душистымъ зноемъ,
Породила та страна
Полосатыхъ леопардовъ
И тяжелаго слона.
Но—что краше всѣхъ сокровищъ
И могучѣе звѣрей—
Богъ вложилъ сердца живыя
Въ груди теплыя людей

И, собравъ всѣ перлы міра,
Всѣ дары лучей и тьмы,
Въ черепахъ людей разлилъ онъ
Многодумные умы.
И горитъ ихъ яркій свѣточъ,
Освѣщая новый міръ,—
Міръ духовный, безграничный
Чудныхъ образовъ и лиръ!
И стремятся годы въ вѣчность
Длинной цѣпью, безъ конца,
Превращая краски жизни
Въ блѣдный обликъ мертвеца.
Но, изъ смерти возрождаясь
Поколѣніемъ другимъ,
Жизнь привѣтнѣе сіяетъ
Надъ гнѣздилищемъ земнымъ.
И теперь еще далеко
Не исчерпаны слова,
Не исчерпаны всѣ краски
Въ вѣчномъ свиткѣ божества...

К. Фофановъ.

ПЕРМСКАГО ОБЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ БИБЛІОТЕКА

ЛЮБОВЬ И ПОЛИТИКА.

Романъ Базейля.

I.

Любовь съ перваго взгляда.

— Прошу извиненія.

Дѣвушка, къ которой онъ обратился съ этою фразой, собирала, по его мнѣнію, водяной кресс на продажу или на ужинъ. Она стояла посреди рѣки, доходившей ей до щиколокъ, поднявъ одной рукой платье до колѣнъ, а другую протянувъ за какимъ-то предметомъ. Страшно вздрогнувъ при звукѣ незнакомаго голоса, она уронила платье въ воду, въ одинъ мигъ выпрямилась и обратила къ нему прелестное личико. Она повернулась къ нему только на одну минуту, и затѣмъ тотчасъ же отвернулась, чтобы скрыть свое смущеніе и краску.

— Еще разъ прошу извиненія, проговорилъ онъ, сконфузившись не меньше ея.

Она отъ смущенія продолжала молчать. Что ему было дѣлать? Онъ былъ англійскій туристъ, въ тревожное время путешествовавшій въ далекихъ и неспокойныхъ округахъ Ирландіи. Онъ охотился за бекасами, но потерялъ своего проводника-ирландца, исчезнувшаго таинственнымъ образомъ (дѣйствительно Микъ Молони, узнавъ, что его ищетъ полиція, улизнулъ въ одинъ мигъ). И англичанинъ остался въ глухой мѣстности, не зная дороги. Молодая дѣвушка была единственнымъ живымъ существомъ, которое онъ встрѣтилъ въ этотъ день. Онъ смотрѣлъ кругомъ, отыскивалъ глазами домъ, изъ котораго могла выйти его наяда, но такого дома нигдѣ ни оказывалось. Пересиливъ свое смущеніе, онъ снялъ шляпу и проговорилъ:

— Мнѣ очень совѣстно, что я испугалъ и встревожилъ васъ; но я сбился съ дороги, и надѣялся, что вы будете настолько любезны, что укажете мнѣ путь въ Шаункиль.

— Шаункиль? повторила она тихимъ и жалобнымъ голосомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ сѣренькому осеннему дню.—Надо.... надо..... Голосъ ея прервался отъ смѣха. Развѣ не забавно было вести свѣтскій разговоръ, стоя по колѣни въ водѣ и повернувшись спиною къ собесѣднику?

— Надо...! что? спросилъ онъ, подождавъ съ полминуты. Его серьезный тонъ заставилъ ее удержаться отъ смѣха.

— Если вы пойдете вдоль рѣки, то придете къ деревянному мостику, и тамъ подождите нѣсколько минутъ; я пошлю кого нибудь показать вамъ дорогу.

— Очень вамъ благодаренъ. Надѣюсь, что вы извините меня за безпокойство. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Подождавъ съ минуту, она осмотрѣлась кругомъ, нѣтъ ли его гдѣ нибудь, и затѣмъ наклонилась, чтобы поднять убитую птичку, которую она надѣялась еще спасти. Въ сумеркахъ, вслѣдствіе движенія воды, дѣвушкѣ показалось, что птица еще жива и бьется, боясь утонуть. Послѣ этого она вышла на берегъ, вытерла свои ноги носовымъ платкомъ и сѣла надѣвать чулки и башмаки, смѣясь по временамъ звонкимъ, серебристымъ смѣхомъ. Обувшись, она побѣжала вдоль рѣчки, до каменной стѣны, на которую стала влѣзать съ быстротою векши, хотя въ одной рукѣ держала мертвую птицу. Остановившись, чтобы перевести духъ, на верху стѣны, она увидала, что внизу ждалъ недавній знакомый. Понятно, что молодой человѣкъ, разъ увидавшій ее, хотѣлъ видѣть еще разъ; онъ отошелъ только, чтобы не мѣшать ей обуться, и съ волненіемъ, непонятнымъ для него самого, ждалъ ея прихода. Снявъ шляпу и держа ее въ рукѣ, чтобы показать ей свое глубокое уваженіе, онъ сказалъ:

— Извините меня еще разъ, но мнѣ было такъ совѣстно, что я встревожилъ васъ и вт[illegible]ли не разслышалъ, внизъ или вверхъ по рѣкѣ найду я [illegible]апа, сказа[illegible]

— Вверхъ по рѣкѣ, прогов[illegible]ь. А ты[illegible] показаться еще неприличнѣе прогулки по колѣни въ[illegible] по этим[illegible]го зайти[illegible]

— Позвольте мнѣ помочь вамъ, [illegible]одой человѣкъ, поставивъ къ стѣнѣ ружье и протянувъ [illegible]ечальны[illegible]

— Благодарю васъ, я и сама слѣзу. [illegible]рител[illegible]

Но такъ какъ онъ продолжалъ стоять [illegible]при[illegible] руки, то ей не оставалась другаго выбора, какъ пода[illegible]у. Тогда онъ увидалъ, что она держитъ мертвую птицу.

— Вы *хотѣли спасти* ее?

ПЕРМСКАЯ ОБЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ БИБЛІОТЕКА

ЛЮБОВЬ И ПОЛИТИКА.

Романъ Базейля.

I.

Любовь съ перваго взгляда.

— Прошу извиненія.

Дѣвушка, къ которой онъ обратился съ этою фразой, собирала, по его мнѣнію, водяной кресс на продажу или на ужинъ. Она стояла посреди рѣки, доходившей ей до щиколокъ, поднявъ одной рукой платье до колѣнъ, а другую протянувъ за какимъ-то предметомъ. Страшно вздрогнувъ при звукѣ незнакомаго голоса, она уронила платье въ воду, въ одинъ мигъ выпрямилась и обратила къ нему прелестное личико. Она повернулась къ нему только на одну минуту, и затѣмъ тотчасъ же отвернулась, чтобы скрыть свое смущеніе и краску.

— Еще разъ прошу извиненія, проговорилъ онъ, сконфузившись не меньше ея.

Она отъ смущенія продолжала молчать. Что ему было дѣлать? Онъ былъ англійскій туристъ, въ тревожное время путешествовавшій въ далекихъ и неспокойныхъ округахъ Ирландіи. Онъ охотился за бекасами, но потерялъ своего проводника-ирландца, исчезнувшаго таинственнымъ образомъ (дѣйствительно Микъ Молони, узнавъ, что его ищетъ полиція, улизнулъ въ одинъ мигъ). И англичанинъ остался въ глухой мѣстности, не зная дороги. Молодая дѣвушка б[illegible] ственнымъ живымъ существомъ, которое онъ встрѣ[illegible] ь день. Онъ смотрѣлъ кругомъ, отыскивалъ гля[illegible] котораго могла выйти его наяда, но такого до[illegible] оказывалось. Пересиливъ свое смущеніе, онъ снялъ[illegible] орилъ:

— М[illegible], что я испугалъ и встревожилъ васъ; но я [illegible] и надѣялся, что вы будете настолько люб[illegible]те мнѣ путь въ Шаункиль.

— Шаункиль? повторила она тихимъ и жалобнымъ голосомъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ сѣренькому осеннему дню.—Надо.... надо..... Голосъ ея прервался отъ смѣха. Развѣ не забавно было вести свѣтскій разговоръ, стоя по колѣни въ водѣ и повернувшись спиною къ собесѣднику?

— Надо...! что? спросилъ онъ, подождавъ съ полминуты. Его серьезный тонъ заставилъ ее удержаться отъ смѣха.

— Если вы пойдете вдоль рѣки, то придете къ деревянному мостику, и тамъ подождите нѣсколько минутъ; я пошлю кого нибудь показать вамъ дорогу.

— Очень вамъ благодаренъ. Надѣюсь, что вы извините меня за безпокойство. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Подождавъ съ минуту, она осмотрѣлась кругомъ, нѣтъ ли его гдѣ нибудь, и затѣмъ наклонилась, чтобы поднять убитую птичку, которую она надѣялась еще спасти. Въ сумеркахъ, вслѣдствіе движенія воды, дѣвушкѣ показалось, что птица еще жива и бьется, боясь утонуть. Послѣ этого она вышла на берегъ, вытерла свои ноги носовымъ платкомъ и сѣла надѣвать чулки и башмаки, смѣясь по временамъ звонкимъ, серебристымъ смѣхомъ. Обувшись, она побѣжала вдоль рѣчки, до каменной стѣны, на которую стала влѣзать съ быстротою векши, хотя въ одной рукѣ держала мертвую птицу. Остановившись, чтобы перевести духъ, на верху стѣны, она увидала, что внизу ждалъ недавній знакомый. Понятно, что молодой человѣкъ, разъ увидавшій ее, хотѣлъ видѣть еще разъ; онъ отошелъ только, чтобы не мѣшать ей обуться, и съ волненіемъ, непонятнымъ для него самого, ждалъ ея прихода. Снявъ шляпу и держа ее въ рукѣ, чтобы показать ей свое глубокое уваженіе, онъ сказалъ:

— Извините меня еще разъ, но мнѣ было такъ совѣстно, что я встревожилъ васъ и вы [illegible] не разслышалъ, внизъ или вверхъ по рѣкѣ найду я [illegible] сказа[illegible]

— Вверхъ по рѣкѣ, прогово[illegible]ушка, смутившись еще болѣе прежняго. Влѣзанье на за[illegible] показаться еще неприличнѣе прогулки по колѣни въ[illegible] зайти

— Позвольте мнѣ помочь вамъ, [illegible]ой человѣкъ, поставивъ къ стѣнѣ ружье и протянувъ [illegible]

— Благодарю васъ, я и сама слѣзу. [illegible]

Но такъ какъ онъ продолжалъ стоять[illegible] руки, то ей не оставалась другаго выбора, какъ пода[illegible]у. Тогда онъ увидалъ, что она держитъ мертвую птицу.

— Вы *хотѣли спасти* ее?

— Да, но она была уже мертвая... кажется, она подстрѣлена, прибавила она, съ негодованіемъ взглянувъ на его ружье.

Миссъ Нора Виндгемъ отличалась своеобразнымъ взглядомъ на жестокое обращеніе съ животными, въ особенности съ птицами, такъ что даже отецъ, обожавшій ее, потихоньку отъ дочери удовлетворялъ своей страсти къ охотѣ.

— Должно быть, я убилъ ее, проговорилъ незнакомецъ, взявшись за ружье.—Вы находите это жестокимъ? прибавилъ онъ, пройдя рядомъ съ нею нѣсколько шаговъ въ молчаніи.

— Птицы такъ безобидны, такъ счастливы, и вы изъ-за ничтожнаго удовольствія лишаете ихъ всего. Вы не стали бы убивать ихъ, еслибы только подумали [illegible] этомъ хорошенько,—съ жаромъ проговорила она.

— Я не сталъ бы убивать ихъ, еслибы зналъ, какъ *вы* относитесь къ этому,—отвѣ[illegible] онъ, съ раскаяніемъ глядя на мертвую птицу. Она замол[illegible]досадуя на себя за то, что высказалась, а на молодаго чел[illegible]—за его пошлый комплиментъ.—Кажется, я оскорбилъ [illegible]говорилъ [illegible], замѣтивъ, какъ она нахмурилась.

— Надо мною стоитъ посмѣяться!

— Посмѣяться! Да я вовсе не смѣялся надъ вами. Право, [illegible]. Можно ли предположить это?

Дѣвушка продолжала печально смотрѣть на убитую птицу, и [illegible]дой человѣкъ свободно могъ любоваться ея черными глазами. Если только можно влюбиться съ перваго взгляда, то мистеръ Рейдъ Соммерсъ влюбился въ Нору.

Хотя этотъ человѣкъ вовсе не былъ способенъ увлекаться и, кромѣ того, былъ утомленъ и голоденъ до послѣдней степени,—но, съ другой стороны, онъ встрѣтилъ дѣвушку, которой живописная мѣстность придавала еще болѣе очарованія.

— Мнѣ, право, досадно, ск[illegible]ъ,—что я убилъ птицу и съ молодыхъ лѣтъ пріучился к[illegible]ю дичи.

Нора замолчала, увѣ[illegible] что онъ смѣется надъ ея расположеніемъ къ пернат[illegible] прервалъ молчаніе, тихо проговоривъ:

— Я заставля[illegible]дти въ сторону.

— Нѣтъ, я [illegible]же дома.

— Такъ я [illegible] на вашей землѣ?

— Немног[illegible]о на ней поохотиться, с[illegible] смѣясь, но съ [illegible]которой горечью:—а теперь *на нашей зе*[illegible]. Вотъ и мостъ. Видите эту *Она прямо* выведетъ васъ на большую доро

какъ далеко до Шаункиля? спросила она вдругъ съ очевиднымъ сожалѣніемъ.

— Понятія не имѣю.

— Девять ирландскихъ миль.

— Ай! ай! печально проговорилъ онъ.—А нельзя ли гдѣ нибудь нанять лошадь или телѣжку?

Нора молчала, какъ бы обдумывая что-то.

— Подождите тутъ немного.

— А *вы* вернетесь? живо спросилъ онъ.

— Или я, или кто нибудь другой придетъ къ вамъ.

— Я... хотѣлъ только поблагодарить васъ, пробормоталъ онъ.—Можетъ быть, вы позволите мнѣ зайти къ вамъ и объяснить вашему батюшкѣ и...

— Тутъ нечего объяснять и не за что благодарить, отвѣчала она, смущаясь:—я иду за своимъ отцомъ.

Она ушла такъ поспѣшно, что онъ не успѣлъ сказать слова. Нора съ быстротою лани добѣжала до развалившагося забора, перескочила черезъ него и по заросшей дорожкѣ побѣжала къ усадьбѣ. Пробѣжавъ черезъ сѣни во вторую комнату, она вошла къ отцу. Увидавъ ее съ убитой птицей въ рукахъ и задыхающуюся отъ ходьбы, онъ началъ оправдываться.

— Честное слово, милая, это не я. Я до курка не притрогивался...

— Знаю, папа, что это не ты. Это одинъ господинъ... англійскій путешественникъ; онъ заблудился, и тебѣ слѣдуетъ выйти къ нему.

— Эти англичане также немилосерды къ птицамъ, какъ мы— къ правительственнымъ агентамъ! Еслибы онъ былъ воспитанъ тобою, какъ ты воспитала *меня*, онъ бы зналъ, что значитъ убить птицу!...

— Да слушай же, [illegible] положилъ птицу и ухватилъ его за [illegible] ...ъ заблудился, и хочетъ пробраться [illegible] ...дь замѣтилъ, что иностранцу [illegible] дорогамъ ночью.

— [illegible] сюда? съ удивленіемъ [illegible]

[illegible] тономъ и опре- [illegible] только это [illegible] не пригласить англича- [illegible]

[illegible] ...чатъ, моя милочка, ска-

залъ онъ, цѣлуя ее съ нѣжностью, какъ будто по его винѣ обстановка въ домѣ была недостойна Норы:—что же намъ дѣлать?

— Не можетъ ли Микъ отвезти его туда?...

— Завтра можетъ; но сегодня ѣхать по этой дорогѣ ни Мику, ни кому другому—неудобно.

— Ну, такъ онъ стоитъ на мосту, папа; поди и пригласи его.

— Какъ его фамилія?

— Почемъ же я знаю? отвѣчала она такимъ тономъ, точно она совершила бы преступленіе, еслибы спросила фамилію англичанина.

— Приготовь чего нибудь поужинать, Нора... У насъ есть омаръ... Я увѣренъ, что онъ любитъ омары... и кусокъ холоднаго мяса. Ужинъ царскій. Милая Нора, тебѣ бы слѣдовало предупредить маму; я увѣренъ, что ей понадобится къ ужину еще что нибудь больше.

Ей дѣствительно понадобилось больше. Мистрисъ Виндгемъ была родомъ изъ замка Берри—чего она никогда не забывала сама и не позволяла забывать другимъ—и происхожденіе налагало на нее извѣстныя обязанности. Главной своей обязанностью она считала — расточительность, и находила нужнымъ поддерживать достоинство своего рода, не взирая на одолѣвавшую ихъ нужду. Это было причиною раздора между нею и дочерью, потому что Нора всегда протестовала противъ расточительности и униженія просить въ долгъ; сама она одѣвалась съ квакерской простотою и чистотой. Мать смотрѣла на нее свысока, какъ на особу, въ жилахъ которой не течетъ ни одной капли настоящей благородной крови Берри. Нора казалась ей иногда какимъ-то выродкомъ; зато отецъ боготворилъ дочь.

Нора поспѣшила съ новостью къ матери, которую застала, по обыкновенію, сидящею безъ дѣла въ гостинной. Она никогда ничего не дѣлала, а только одѣвалась и раздѣвалась, и иногда читала аристократическіе романы, воображая себя знатною леди. При входѣ Норы, она вскричала:

— Гдѣ это ты была, Нора?—Она тотчасъ же замѣтила мокрый подолъ и мокрые башмаки дѣвушки. Нора, по первому впечатлѣнію, шагнула въ воду въ [illegible]отинкахъ, и только потомъ сняла ихъ.

— Въ водѣ. Мама, у насъ будетъ ночевать одинъ джентльменъ.

— Джентльменъ! какой такой?

— Англійскій путешественникъ, который заблудился. Онъ просилъ меня показать ему дорогу въ Шаупкиль, но папа полагаетъ, что ѣхать туда ночью небезопасно.

— И англичанинъ видѣлъ мою дочь въ такомъ видѣ... въ окромъ платьѣ и мокрыхъ башмакахъ?

— Нѣтъ, мама: на мнѣ не было ни ботинокъ, ни чулокъ, и платье было поднято до колѣнъ,—отвѣчала она, смѣясь.

Мистрисъ Виндгемъ, уже поднявшаяся съ креселъ, чтобы идти одѣваться, безмолвно опять сѣла, и только всплеснула руками.

— Что же дѣлать, мама! Мнѣ хотѣлось спасти тонувшую птичку.

— Теперь можно поправить только однимъ, проговорила мать, придя въ себя и обдумавъ отчаянное положеніе настоящаго дѣла.—Тебѣ незачѣмъ показываться, пока онъ будетъ у насъ въ домѣ, и онъ не узнаетъ, кто ты такая.

— Я могу выдать себя за прислугу, предложила Нора, забавляясь такой шуткой.

— Совсѣмъ этого не надо; ты ужь опозорила насъ достаточно и безъ того, сердито отвѣчала мать.

— Во всякомъ случаѣ, мнѣ придется быть кухаркой, потому что надо приготовить омара съ салатомъ, и времени у меня мало.

Послѣдняя фраза заставила мистрисъ Виндгемъ подумать о туалетѣ. Даже еслибы этотъ англичанинъ заподозрилъ, что Нора приходится ей родственницей, то репутація ея, какъ наслѣдницы дома Берри, была уже испорчена. Въ надеждѣ, что такого несчастія не случится, она бросилась одѣваться, чтобы съ честью принять гостя.

II.

Месть мистрисъ Виндгемъ.

Вообще Нора не столько была огорчена, сколько обрадована запрещеніемъ показываться на глаза гостю. Безмолвный ужасъ, выраженный ея матерью при извѣстіи о томъ, что съ нею было, заставилъ ее припомнить, въ какомъ видѣ ее засталъ англичанинъ, и какую нотацію объ охотѣ она ему прочитала. Отъ этого воспоминанія ей сдѣлалось невыносимо стыдно.

Вслѣдствіе этого, когда отецъ, на минуту оставивъ гостя, пришелъ въ кухню,—гдѣ Нора приготовляла салатъ,—чтобы приказать подавать ужинъ, она сказала ему:

— Я вѣдь не выйду, папа.

— Не выйдешь?

— Да ты посмотри, въ какомъ я видѣ, прибавила она, указывая на платье и *ботинки*.

— Онъ будетъ смотрѣть только на твое лицо, милочка, сказалъ отецъ, цѣлуя ее.—Да и, кромѣ того, долго ли тебѣ переодѣться?

— Не въ этомъ бѣда... но я сдѣлала такую ужасную вещь, сказала она, пряча свое лицо къ нему на грудь.

— Что же ты сдѣлала, милочка?

Она разсказала ему, въ какомъ видѣ засталъ ее гость.

— И только-то?

— Да развѣ это не позорно, папа? сказала она.

— Только для тѣхъ, кто считаетъ это позорнымъ.

— Мама находитъ это ужаснымъ.

— Еще бы!

Послѣднее восклицаніе выражало очень многое.

— Она полагаетъ, что мнѣ лучше не показываться на глаза гостю.

— Пожалуй. Долго онъ у насъ не нагоститъ,—сказалъ онъ, зная очень хорошо, что отсутствіе Норы и присутствіе ея матери заставятъ гостя бѣжать съ разсвѣтомъ.

— Конечно, не останется, если ты будешь оставлять его одного. Иди, занимай его, а я сейчасъ пошлю ужинъ.

Но вмѣсто того, чтобы вернуться къ гостю, Майльсъ Виндгемъ направился къ своей женѣ, питая слабую надежду выхлопотать возвращеніе изъ ссылки своей дочери. Онъ могъ бы знать, соображаясь съ двадцатилѣтнимъ опытомъ, что просьбы его о чемъ нибудь, а въ особенности въ вопросахъ, касавшихся дочери, не подѣйствуютъ на его жену. Бѣдный мужъ однако рѣшилъ поднять этотъ вопросъ. Онъ засталъ жену въ раздумьѣ, какое изъ трехъ нарядныхъ платьевъ, разложенныхъ передъ нею, надѣть къ ужину.

— Ты, конечно, пошутила относительно Норы, Бриджетъ?

— Какъ пошутила?

— Приказавъ ей, чтобы она не выходила къ гостю?

— Не думаешь ли ты сказать мнѣ, Майльсъ Виндгемъ, что дочь твоя настолько нескромна, что сама желаетъ идти къ гостю? Знаешь ли ты, гдѣ онъ засталъ ее? по колѣни въ рѣкѣ!

Рѣчку ихъ или ручей она называла рѣкой, прудъ—озеромъ, нѣсколько акровъ оставшейся у нихъ земли—владѣніями, домъ—замкомъ.

— Да вѣдь она еще ребенокъ, мой другъ.

— Хорошъ ребенокъ! Въ мартѣ ей будетъ восемнадцать лѣтъ.

— Ну, все равно, ребенокъ или не ребенокъ, но въ поступкѣ *вя не было ничего* дурнаго.

И, собравъ всѣ перлы міра,
Всѣ дары лучей и тьмы,
Въ черепахъ людей разлилъ онъ
Многодумные умы.
И горитъ ихъ яркій свѣточъ,
Освѣщая новый міръ,—
Міръ духовный, безграничный
Чудныхъ образовъ и лиръ!
И стремятся годы въ вѣчность
Длинной цѣпью, безъ конца,
Превращая краски жизни
Въ блѣдный обликъ мертвеца.
Но, изъ смерти возрождаясь
Поколѣніемъ другимъ,
Жизнь привѣтнѣе сіяетъ
Надъ гнѣздилищемъ земнымъ.
И теперь еще далеко
Не исчерпаны слова,
Не исчерпаны всѣ краски
Въ вѣчномъ свиткѣ божества...

К. Фофановъ.

Мистеръ Соммерсъ съ радостью простился съ хозяйкой, и хотя ему хотѣлось курить, но онъ такъ былъ утомленъ и огорченъ отсутствіемъ своей паяды, что извинился и направился къ себѣ въ комнату. Майльсъ проводилъ его и пожелалъ ему спокойной ночи, а самъ пошелъ курить и вспомнилъ о Норѣ. Онъ не хотѣлъ идти спать до тѣхъ поръ, пока его дражайшая половина не будетъ покоиться крѣпкимъ сномъ, а сидѣть безъ Норы ему показалось скучно. Онъ потихоньку пробрался къ дверямъ комнаты Норы, находившейся насупротивъ дверей ихъ спальни, и, тихо постучавъ, проговорилъ:

— Нора, милая.

— Что, папа? сказала она подбѣжавъ къ двери и отворивъ ее, причемъ онъ замѣтилъ, что она уже собиралась ложиться, потому что распустила волосы, доходившіе ей чуть не до пятъ.

— Тише! проговорилъ онъ, указывая на дверь спальни матери.—Тебѣ хочется спать или нѣтъ?

— Ни крошечки.

— Теперь драконъ удалился, сказалъ онъ, указывая на комнату Соммерса.—Мы можемъ пойти немного поболтать.

— Сейчасъ, только подберу волосы, прошептала она въ отвѣтъ.

— И такъ хорошо, нечего подбирать,—проговорилъ онъ, видя, что съ распущенными волосами она еще красивѣе. Онъ обнялъ ее за талію, и они тихо пошли къ нему въ комнату. Заперевъ дверь, онъ взялъ ее за подбородокъ и, поднявъ ея личико, сказалъ:

— И намъ было стыдно сознаться, что ты наша дочка, когда онъ спросилъ о тебѣ!

— Развѣ онъ спрашивалъ? съ дѣтскою живостью проговорила она. — Что же ты отвѣчалъ? Вѣрно, сказалъ, что я за наказаніе отправлена спать?

— Онъ хотѣлъ только знать, кто ты такая. Онъ думалъ, что ты намъ сродни; и когда я разувѣрилъ его, то онъ сказалъ, что такъ какъ ты намъ не родня, то онъ можетъ, не боясь оскорбить насъ, сказать то, что о тебѣ думаетъ.

— Что же онъ думаетъ? съ любопытствомъ спросила она.

Отецъ покачалъ головой.

— Ну, что же, папа? Неужели онъ сказалъ, что я такая... какой считаетъ меня мама?

— Милочка! воскликнулъ онъ, поцѣловавъ ея разгорѣвшіяся *щечки:—онъ сказалъ*, что ты такая, какой считаетъ тебя твой

апа. Я не повторю тебѣ, что онъ сказалъ, потому что это вовсе е правда.

Она охватила его шею руками, очень довольная, что гость охвалилъ ее; въ эту самую минуту дверь отворилась, и въ омнату вошелъ Соммерсъ или, лучше сказать, хотѣлъ войти, по-ому что онъ, какъ вкопанный, остановился на порогѣ. Подъ пред-огомъ попросить ключъ отъ дверей, онъ пошелъ къ хозяину, съ вердымъ намѣреніемъ узнать, кто такая ундина, и вдругъ уви-алъ ее въ объятіяхъ своего хозяина, увидалъ настоящей унди-ой, всю покрытую чудными волосами.

— Извините... извините меня, въ полнѣйшемъ смущеніи про-оворилъ онъ, въ то время, какъ Нора безсознательно, прежде всего, хватилась за свои волосы и начала ихъ подбирать.

— Входите, входите! весело вскричалъ Майльсъ и, видя, что ечего больше скрывать, прибавилъ:—дочь моя сошла внизъ, что-ы поболтать немного.

— Ваша дочь... а я думалъ...

Онъ въ недоумѣніи остановился.

— Это была съ моей стороны глупая шутка за ужиномъ, объ-яснилъ Майльсъ, видя, что инаго исхода ему нѣтъ:—я сказалъ ее, желая уколоть мистрисъ Виндгемъ. Мнѣ досадно, что я об-манулъ васъ, и мнѣ бы слѣдовало тотчасъ же объяснить вамъ все; но дѣло такъ запуталось, что я не зналъ, съ чего начать.

Хотя Соммерсъ не находилъ и теперь этого вопроса о дочери разъясненнымъ, но онъ о немъ не думалъ, а только спрашивалъ себя:—„неужели она опять скроется?“

— Я надѣюсь, что миссъ Виндгемъ проститъ меня за мой риходъ, со страхомъ проговорилъ онъ.—Ради Бога, не уходите, рибавилъ онъ, видя, что Нора прощается съ отцомъ: — я при-ѣхалъ только на минуту—спросить ключъ отъ двери моей комнаты.

— Тебѣ незачѣмъ уходить, милая. Садитесь, мистеръ Сом-ерсъ, и курите. Вотъ эту сигару я могу рекомендовать вамъ.

Курить въ ея присутствіи! прокоптить табачнымъ дымомъ эти удные волосы! Такое предложеніе показалось ему святотатствомъ. Чѣмъ не менѣе, отецъ, не подозрѣвая, какое преступленіе онъ овершаетъ, закурилъ сигару какъ разъ надъ ея головой. Сом-ерсъ, отказавшись отъ куренья, прибавилъ, намекая на нецере-оніость ея отца:

— Вы выносите табачный дымъ, миссъ Виндгемъ?

— Выношу. Въ особенности въ этой комнатѣ, гдѣ все пропи-тано дымомъ.

— Мнѣ кажется, что табачный дымъ пропитываетъ волосы, прибавилъ англичанинъ.

— Это вѣрно, отвѣчалъ Майльсъ, поднося свою бороду къ носу, какъ будто рѣчь шла о его волосахъ.

Майльсъ боялся, чтобы англичанинъ не заговорилъ съ нимъ объ охотѣ и не выдалъ Норѣ его обѣщанія отправиться съ нимъ на зайцевъ. Опасенія его оправдались, потому что Соммерсъ пришелъ также спросить, когда они завтра выйдутъ на охоту?

— Очень сожалѣю, что не могу отправиться съ вами, какъ ни въ чемъ не бывало, сказалъ Майльсъ.

— А я понялъ, что вы... началъ удивленный гость.

— Что я пошлю съ вами человѣка, хорошо знакомаго съ мѣстностью? Да, да, пошлю непремѣнно. Самъ я теперь не беру ружья въ руки. Дочь моя забрала себѣ въ голову, что это жестокая забава, и я принужденъ отказываться отъ нея.

Говоря это, Майльсъ какъ-то особенно подмигнулъ гостю.

— Я обдумалъ то, что вы мнѣ говорили о жестокости охоты, началъ Соммерсъ тономъ ученика, обращающагося къ своему обожаемому профессору.

— Какъ! она и вамъ уже успѣла прочесть лекцію! вскричалъ Майльсъ, гладя Нору по головѣ.

— Да, это было довольно глупо съ моей стороны, вспыхнувъ, проговорила она.

Разговоръ оживился и всѣ отъ души хохотали. Вдругъ взрывъ веселаго смѣха былъ внезапно прерванъ появленіемъ мистрисъ Виндгемъ.

Нора въ одинъ мигъ вскочила и, встряхнувъ волосами, храбро ждала нападенія. Отецъ ея и Соммерсъ тоже встали. Мистрисъ Виндгемъ явилась въ дезабилье, въ бѣломъ пеньюарѣ. Она выразила изумленіе, увидя гостя.

— Миссъ Виндгемъ! вскричала она такимъ тономъ, какимъ говорила леди Макбетъ при видѣ лужи крови. Затѣмъ, обратившись къ Соммерсу, она извинилась за свое появленіе.—Извините, пожалуйста. Я думала, что вы уже ушли спать.—А тебя, обратилась она къ Норѣ:—я искала по всему дому, но ужь никакъ не ожидала найти здѣсь, и въ такомъ видѣ!

— Я позвалъ ее сюда поболтать немного, послѣ того какъ мистеръ Соммерсъ ушелъ къ себѣ, а между тѣмъ онъ вернулся ко мнѣ за ключемъ.

Бѣдному Майльсу было ужасно досадно, но онъ прежде всего желалъ спасти Нору отъ брани.

— *Мнѣ приходится* опять извиняться передъ вами за свое

вмѣшательство, мистеръ Соммерсъ, продолжала хозяйка, не обращая вниманія на Майльса.—Насколько мнѣ извѣстно, здѣсь незачѣмъ быть дамамъ, и эта комната—не уборная! прибавила она, указывая на распущенные волосы Норы.

Проговоривъ это, она, какъ трагическая героиня, отошла отъ двери и, указавъ на нее жестомъ, безмолвно приказывала дочери удалиться. Бѣдная Нора въ полномъ смущеніи стала прощаться съ отцомъ, который съ материнскою нѣжностью расцѣловалъ ее въ обѣ щеки, а Соммерсъ съ особеннымъ сочувствіемъ пожалъ ей руку и распахнулъ дверь спеціально для нея, хотя мистрисъ Виндгемъ приняла это на свой счетъ и, проходя вслѣдъ за дочерью, важно проговорила:

— Благодарю васъ, сэръ. Спокойной ночи.

И она направилась на верхъ, совершенно довольная своею местью. Она знала, что смертельно уязвить мужа она могла, только оскорбивъ Нору.

Послѣ ухода дамъ, съ минуту продолжалось молчаніе, наконецъ прерванное Майльсомъ.

— Теперь мнѣ необходимо объяснить вамъ мою глупую шутку во время ужина и причину настоящаго негодованія мистрисъ Виндгемъ. Дѣло въ томъ, что она была очень недовольна, что вы застали Нору босой, и вбила себѣ въ голову, что дѣвочкѣ лучше не показываться вамъ больше на глаза. Мы поспорили съ нею объ этомъ, и она была мною недовольна.

— Изо всего этого я заключаю, что мнѣ слѣдуетъ извиниться за свое появленіе тамъ, куда мнѣ не слѣдовало приходить. Но вы навѣрное простили бы меня, еслибы знали, какое это мнѣ доставило удовольствіе, съ—полнѣйшей искренностью проговорилъ молодой человѣкъ.

III.

Много шуму изъ ничего.

На слѣдующее утро Нора проснулась безъ малѣйшаго непріятнаго чувства. Она сознавала, что, по мнѣнію ихъ гостя, она ничего неприличнаго не сдѣлала. Вспомнивъ о вниманіи Соммерса, она даже покраснѣла, хотя не имѣла ни малѣйшаго желанія влюбиться въ него, по той простой причинѣ, что сердце ея уже было занято. Но все таки англичанинъ ей нравился, и она охотно поболтала бы съ нимъ еще.

Между тѣмъ, по поводу того же гостя, между мужемъ и женой происходила настоящая битва.

— Послушай, Бриджетъ, говорилъ Майльсъ, обиженный за Нору:—никто не претендуетъ, чтобы ты уважала себя, но ты должна уважать Нору, меня и нашего гостя. Пока онъ у насъ, выставляй въ смѣшномъ видѣ только себя, и когда Нора сойдетъ къ завтраку, помни, что она дѣвушка умная, хотя и твоя дочь.

Майльсъ рѣдко говорилъ со своимъ тираномъ такимъ тономъ. Жена же его, видя, что теряетъ поле битвы, прибѣгнула къ своей всегдашней угрозѣ. Она объявила, что уѣдетъ къ своимъ роднымъ, въ замокъ Берри. Она почему-то воображала, что мужъ ея умиралъ съ тоски во время ея отсутствія. Майльсъ, услыхавъ о сборахъ жены, тотчасъ же послалъ кому-то телеграмму и просилъ Соммерса погостить у нихъ.

— Вчера вечеромъ, говорилъ Майльсъ женѣ:—мнѣ пришлось объяснить Соммерсу, что ты изъ чувства скромности пришла къ намъ полураздѣтая, чтобы отправить Нору спать. Теперь, слѣдовательно, тебѣ краснѣть за Нору нечего, и я надѣюсь, ты не будешь бранить ее за завтракомъ.

— Она будетъ завтракать у себя въ комнатѣ, сердито отвѣчала мистрисъ Виндгемъ.

— Не думаю; впрочемъ, я спрошу ее.—Онъ вышелъ въ коридоръ, къ дверямъ комнаты Норы.—Придешь ты внизъ завтракать, Нора?

— Приду, папа, если только.....

— Хорошо. Я такъ и думалъ, что ты придешь.—Онъ вернулся въ спальню и съ самой обидной холодностью сказалъ:—Да, она придетъ.

— Въ такомъ случаѣ, я не приду!

— Ты желаешь завтракать у себя въ комнатѣ?

— Нѣтъ! я не желаю вовсе завтракать въ этомъ домѣ. Я уѣзжаю сегодня же, сейчасъ же.....

— Не сегодня только! сегодня ѣхать нельзя! Я хотѣлъ отвезти Соммерса въ Шаункиль.

Мужъ очень хорошо зналъ, что ему стоило сказать это, чтобы она непремѣнно захотѣла сдѣлать напротивъ. Мистрисъ Виндгемъ дернула за звонокъ, и когда на порогѣ показалась дѣвушка Молли, она послала ее съ приказаніемъ къ Мику, чтобы онъ съ лошадью былъ готовъ отвезти ее черезъ часъ на станцію.

— Да будь же благоразумна, Бриджетъ! Что же мнѣ дѣлать *съ Соммерсомъ*? Что онъ обо мнѣ подумаетъ? Если ужь ты не-

премѣнно хочешь ѣхать, отчего тебѣ не поѣхать завтра? Ты вѣдь знаешь, что лошади напять здѣсь негдѣ.

Все это Майльсъ говорилъ, зная очень хорошо, что каждая его просьба заставляла жену упорнѣе стоять на своемъ, и кажущаяся его досада заставляла ее спѣшить. Послѣ ухода мужа, Виндгемъ бросилась къ Норѣ.

— Нора! не смѣй ходить внизъ завтракать.

— Хорошо, мама, съ нѣкоторою грустью проговорила она.

— Слышишь, не смѣй ходить.

— Да я не пойду, съ досадой отвѣчала дочь.

— Зачѣмъ же ты сказала отцу, что идешь? Ты всегда только поселяешь раздоръ между нами.

Она опустилась на стулъ и заплакала; тронутая Нора въ душѣ тотчасъ же стала обвинять себя.

Виндгемъ плакала скорѣе отъ досады, чѣмъ отъ огорченія, и потому, когда Нора тихо проговорила:—„Мнѣ, право, такъ жаль“... она прервала ее и капризно закричала:

— Жаль! Нисколько тебѣ меня не жаль. Еслибы тебѣ было дѣйствительно жаль, ты не стала бы брать сторону моихъ враговъ и прогонять меня изъ дому.—Она заплакала еще сильнѣе.— Но пока я въ домѣ, я хочу быть хозяйкой, и ты должна исполнять мои желанія; а когда я уѣду—дѣлай, что̀ хочешь.

— Уѣдешь! Вѣдь ты же не уѣзжаешь, мама?

— Неужели я могу оставаться въ такомъ домѣ, гдѣ мнѣ говорятъ, что я не должна являться къ завтраку?

— Соммерсу это покажется страннымъ.

— Что̀ ты такъ безпокоишься о Соммерсѣ! Очень жаль, что вчера ты такъ мало безпокоилась о себѣ.

— Я хотѣла сказать.....

— Ты хотѣла сказать, что я не умѣю вести себя и поступаю неприлично и смѣшно. Но я вовсе не желаю, чтобы дочь читала мнѣ нотаціи, слышишь?

Нора рѣшительно недоумѣвала, что̀ сдѣлалось съ ея матерью.

— Ахъ, мама, что̀ это ты говоришь! чуть не плача, сказала она.—Я хотѣла только сказать, что Соммерсъ, пожалуй, подумаетъ, что ты уѣхала изъ-за него.

— Соммерсъ! Да кто такой этотъ Соммерсъ, что изъ-за него меня бранятъ и даже выгоняютъ изъ дому!.....

Виндгемъ готова была закусить удила и наговорить еще богъ знаетъ чего, но въ эту минуту вошла Молли спросить у нея, какія надо ей уложить платья, и отвлекла ея вниманіе на такое *важное дѣло.*

Нора вздумала было уговаривать свою разгнѣванную мать; но, видя, что слова ея не дѣйствуютъ, стала помогать ей укладываться.

Предложеніе Норы помочь матери было принято очень дурно. Виндгемъ язвительно замѣтила, что Нора помогаетъ ей, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ нея.

IV.

Дипломатія Падди Дойля.

Только послѣ отъѣзда жены Майльсъ рѣшился сообщить Норѣ, что Соммерсъ пробудетъ у нихъ дня два, такъ какъ онъ не желалъ, чтобы объ этомъ знала ея мать.

— Ему хочется осмотрѣть наши окрестности, и я отправлюсь съ нимъ, а ты дай намъ съ собою бутербродовъ и приготовь что нибудь къ обѣду.

— А Микъ-то уѣхалъ! Зачѣмъ это ты не сказалъ мнѣ раньше, отецъ? У насъ вѣдь въ домѣ ничего нѣтъ.

— Еслибы я тебѣ сказалъ раньше, то Микъ, конечно, не уѣхалъ бы, сказалъ онъ, подмигнувъ такъ, что Нора не могла не понять, что вмѣстѣ съ Микомъ дома осталась бы и мать, еслибъ узнала, что Соммерсъ не уѣзжаетъ.—Мы съ голоду будемъ довольны всѣмъ.

— Всѣмъ, но не ничѣмъ. Я могу, впрочемъ, послать Падди Дойля.

— Нѣтъ, нѣтъ. Сегодня Падди занятъ.—Падди былъ привратникомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, егеремъ, и по секрету отправлялся на охоту съ Майльсомъ и англичаниномъ.—Мало ли кого можно послать!

Нора съ дѣтства привыкла управлять всѣмъ домомъ. Мать у нея умѣла только наряжаться, а отецъ былъ простъ, какъ ребенокъ, и не зналъ, что̀ значитъ экономія, вслѣдствіе чего дѣла его были страшно разстроены. Надѣлавъ бутербродовъ и отправивъ мужчинъ, Нора поспѣшила въ привратницкую за дочерью Падди, Еленою, которую она хотѣла попросить пойти съ нею въ лавку и принести оттуда провизію. Но Елена ушла зачѣмъ-то въ Кагирбекъ, и Норѣ пришлось нести корзинку самой, въ надеждѣ, что она встрѣтитъ Елену въ деревнѣ.

Неподалеку отъ дому она встрѣтила Падди, вооруженнаго съ головы до ногъ.

— *Развѣ они* отправляются охотиться, Падди? тревожно спросила *Нора.*

— Они говорятъ, что не будутъ охотиться, недовольнымъ тономъ отвѣчалъ Падди. Онъ, какъ старый охотникъ, въ грошъ не ставилъ ея отвращенія къ этому занятію.—Англичанинъ говоритъ, что не будетъ стрѣлять, потому что миссъ Виндгемъ этого не любитъ. Незачѣмъ было тогда и въ Ирландію пріѣзжать.

— Какъ я рада! вскричала Нора, очевидно, довольная не однимъ тѣмъ, что птицы останутся живы.

— Но нашъ баринъ зато, сердито продолжалъ онъ:—говоритъ, что это дѣвичьи причуды и больше ничего.

— А вы что̀ скажете, Падди?

— Я ничего не скажу, съ полнѣйшимъ презрѣніемъ отвѣчалъ привратникъ, только теперь замѣтившій, какую большую корзинку несла она.—Куда это вы съ такой корзиной?

Нора разсказала ему, и онъ обѣщалъ занести ружья и догнать ее, если она пойдетъ потихоньку.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она на поворотѣ улицы встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Соммерсомъ, который ждалъ Майльса. Нора въ душѣ молила Бога, чтобы онъ послалъ поскорѣе Падди, который избавилъ бы ее отъ корзинки. Бѣдность такъ тѣсно связана съ униженіемъ брать въ долгъ, что Нора невольно стыдилась ея.

— Миссъ Виндгемъ! Позвольте, я понесу вамъ корзинку! сказалъ онъ, тономъ человѣка, умоляющаго объ одолженіи.

— Благодарю васъ... привратникъ Падди... сейчасъ придетъ...

Какъ она ни отговаривалась, но ей пришлось отдать корзинку и пойти съ нимъ потихоньку.

Дѣло, по которому Майльсъ былъ приглашенъ въ управленіе мѣстечкомъ, оказалось настолько серьезнымъ, что и Падди былъ призванъ для какихъ-то показаній полиціи, и поэтому ни тотъ, ни другой не догнали ихъ.

— Какое удобство жить въ глухой мѣстности, говорилъ Соммерсъ:—можно дѣлать, что̀ угодно.

— Даже ходить съ такими громадными корзинками? Еслибы вы знали, какъ меня безпокоитъ то, что корзинку несете вы.

— Безпокоиться тутъ не о чемъ. Мнѣ доставляетъ удовольствіе нести ее для васъ.

Они подходили уже къ деревнѣ, и онъ упорно шелъ съ нею, такъ что ей предстояло дѣлать при немъ всѣ хозяйственныя покупки. Могло ли это не смутить дѣвушку ея лѣтъ? Но дѣлать было нечего; она остановилась въ дверяхъ лавки Тимоти Дели, служившаго мясникомъ, булочникомъ, лабазникомъ, огородникомъ, *продавцомъ матерій*, свѣчей, табаку, шляпъ, башмаковъ и по-

ставщикомъ новѣйшихъ извѣстій. Къ несчастію, въ настоящую минуту онъ не могъ похвалиться трезвостью и находился въ мрачномъ настроеніи духа.

— Есть у васъ сегодня мясо, мистеръ Дели?

— Мясо? Есть, миссъ. Если только баранину вы называете мясомъ, говорилъ онъ, искоса посматривая на незнакомаго человѣка, котораго онъ почему-то принялъ за правительственнаго эмисара. Дѣло, по которому былъ призванъ Майльсъ, касалось самого Дели, подозрѣваемаго въ укрывательствѣ оружія феніевъ въ своемъ подвалѣ. Дели же, съ своей стороны, подозрѣвалъ, что на него показалъ Виндгемъ или его привратникъ Падди Дойль, вслѣдствіе чего ждалъ обыска, о которомъ былъ предупрежденъ еще наканунѣ. Принявъ уже свои мѣры, онъ сегодня могъ быть дерзокъ. Нора же, ничего не зная, не ожидала, конечно, никакихъ дерзостей.

— Баранина мнѣ годится.

— Годится, миссъ? ну, такъ баранину вы получите, когда я получу деньги. Такъ и скажите вашему отцу, миссъ. Я пришлю баранину, когда онъ пришлетъ мнѣ деньги. Прощайте, миссъ.

Нора была поражена, какъ громомъ. Въ дѣйствительности они почти ничего не были должны въ эту лавку, но долги Майльса вошли въ поговорку, и пьяный лавочникъ зналъ, что, намекая на нихъ, онъ могъ нанести кровную обиду.

Бѣдная Нора! Какую пытку пришлось ей вытерпѣть въ присутствіи Соммерса! Она сначала вся вспыхнула, потомъ побѣднѣла, какъ полотно, такъ что Соммерсъ не могъ удержаться.

— Ахъ ты, негодяй! крикнулъ онъ, такъ грозно поднявъ кулакъ, что лавочникъ отшатнулся, а Нора схватила англичанина за руку и проговорила:

— Оставьте, оставьте! Уйдемте.

Выйдя съ нею изъ лавки, Соммерсъ злобу на лавочника перенесъ на самого себя. Изъ-за него бѣдной Норѣ второй день приходилось выносить оскорбленія. Взглянувъ на нее, онъ увидалъ, что слезы текли по ея щекамъ. Что ему было дѣлать? Теперь даже уйти отъ нея показалось бы неловкостью. Но его вывело изъ затрудненія появленіе Елены.

— Позвольте, миссъ Нора...

— Ахъ, Елена, какъ я рада, что вы тутъ.— Она отдала ей кое-какія приказанія, и затѣмъ, обращаясь къ Соммерсу, сказала:— Теперь я могу освободить васъ отъ ноши.

Они вернулись домой, почти не нарушая молчанія, и если то-

ворили, то только о погодѣ и красивомъ мѣстоположеніи, пока не встрѣтили Майльса.

— А я не сталъ васъ ждать, сказалъ ему Соммерсъ.

— И прекрасно сдѣлали. Меня задержали долѣе, чѣмъ я думалъ. Правительство послало къ намъ какого-то чиновника, чтобы понудить полицію отыскать то, о чемъ ему дали знать.

— Такъ и онъ былъ здѣсь?

— Нѣтъ, онъ въ Шуанкилѣ; но телеграфировалъ сюда, и задалъ намъ работу. Нашъ деревенскій лавочникъ, Нора, подозрѣвался въ укрывательствѣ, въ своихъ погребахъ, оружія феніевъ.

— Вѣроятно, онъ отъ этого и былъ со мною такъ дерзокъ. Онъ отказался дать мяса, пока ему не будетъ уплачено, сказала Нора.

— Да я гроша не долженъ этому негодяю. Я увѣренъ, что онъ уже знаетъ о подозрѣніи, и, конечно, теперь ничего запрещеннаго у него не найдутъ. Эти господа получаютъ свѣдѣнія гораздо скорѣе полиціи, да и организованы они лучше ея.

— Однако ирландцы такой народъ, которымъ трудно управлять, улыбаясь, сказалъ Соммерсъ.

— Годами дурнаго обращенія Англія довела лошадь до норова, а теперь жалуется, что на ней трудно ѣздить. Да и можно ли еще называть народомъ такихъ негодяевъ, какъ Дели... Кстати, Нора, если онъ ничего не пришлетъ, то что же мы будемъ ѣсть за обѣдомъ? А я вѣдь телеграфировалъ Блеку и Морису Стедмерту.

Отчего это Нора такъ вспыхнула? Вѣроятно, оттого, что при гостѣ отецъ заговорилъ о хозяйствѣ, подумалъ Соммерсъ. Какъ хозяйство безпокоитъ ее! подумалъ и отецъ.

— Ты недовольна, что я пригласилъ ихъ? съ тревогой спросилъ онъ.

— Какъ нибудь сдѣлаемъ,—сказала она, краснѣя такъ, что Майльсъ счелъ нужнымъ объяснить ихъ положеніе Соммерсу.

— Въ такой глуши мы находимся въ полной зависимости отъ лавочниковъ, и это они очень хорошо знаютъ.

Нора могла скрыть свою краску, потому что они дошли до воротъ, и юркнула въ дворницкую.

Трудно описать негодованіе Падди, когда Нора ему разсказала о дерзости Тима Дели. Не слушая никакихъ убѣжденій Норы, онъ схватилъ корзинку и бросился изъ дому, говоря:

— Если я не заставлю этого пьянаго негодяя просить у васъ на колѣняхъ прощенія, миссъ, то я не буду Падди Дойлемъ.

Падди добѣжалъ до деревни, влетѣлъ въ лавку и, поставивъ

корзинку на прилавокъ, грубо спросилъ у жены Дели, стоявшей въ лавкѣ.

— Гдѣ хозяинъ?

— Его дома нѣтъ. Можетъ быть, я могу служить чѣмъ нибудь? униженно проговорила хозяйка.

Задорный тонъ Падди не предвѣщалъ ничего хорошаго. Всѣ они хорошо знали, что многихъ запирали въ острогъ по одному подозрѣнію, а такъ какъ Тимъ обвинялся въ очень серьезномъ политическомъ преступленіи, то жена его не могла не тревожиться и, по уходѣ Норы, такъ бранила его за дерзость, сказанную имъ миссъ Виндгемъ, что тотъ убѣжалъ изъ дому. Теперь же Падди своимъ грознымъ видомъ подтверждалъ ея страхъ.

— Скажите ему, чтобы онъ, протрезвившись, пришелъ на колѣняхъ просить прощенія у миссъ Виндгемъ... слышите?.. на колѣняхъ.

— Придетъ... придетъ, мистеръ Дойль. Ему самому будетъ стыдно, когда онъ пойметъ, что̀ насказалъ миссъ Виндгемъ! вскричала она.—И еще передъ правительственнымъ чиновникомъ! прибавила она, искоса поглядывая на Падди.

— Эгэ! такъ вотъ за кого они его принимаютъ! подумалъ Падди, обрадовавшись мелькнувшей ему новой мысли. — Вести себя такъ передъ человѣкомъ, вслухъ прибавилъ онъ:—который однимъ взмахомъ пера можетъ упрятать въ тюрьму!

При словѣ „тюрьма“ жена Дели залилась слезами и, вытирая глаза передникомъ, сказала:

— Вы сами знаете, мистеръ Дойль, что онъ былъ не въ своемъ видѣ, когда говорилъ это. Когда онъ не пьянъ, онъ не знаетъ, чѣмъ угодить миссъ Норѣ.

— Миссъ Виндгемъ, хотите вы сказать, гордо поправилъ Падди.—Миссъ Виндгемъ не нуждается въ угожденіи такихъ людей, какъ вы. Она привела съ собою этого англичанина нарочно, чтобы доказать ему, какой вы смирный народъ, а онъ позволилъ такую дерзость! Не пришлетъ мяса, пока ему не заплатятъ! Ему отлично заплатятъ... будутъ самого кормить мясомъ даромъ, да и помѣщеніе дадутъ даровое въ тюрьмѣ.

Дели тотчасъ же поняла, что Падди намекаетъ на арестъ ея мужа, и заплакала пуще прежняго.

— Вѣдь у него жена и шесть человѣкъ дѣтей! У васъ у самого есть дѣти, мистеръ Дойль. Замолвите за насъ словечко. Скажите этому джентльмену, что на свѣтѣ нѣтъ человѣка болѣе *безобиднаго*, какъ мой мужъ. Что же касается до мяса, вы сами *знаете, что* все самое лучшее у насъ—къ вашимъ услугамъ. Молли!

крикнула она своей дочери: — сними баранью ногу. Она вамъ донесетъ ее, мистеръ Дойль. Что вамъ самимъ безпокоиться? Не прикажете ли вина, пива или чего нибудь другаго?

Падди удержался отъ соблазна и снизошелъ только до того, что понесъ баранину самъ.

— Такъ вы поговорите о мужѣ? спрашивала она уходившаго Падди.

— Завтра утромъ можетъ самъ поговорить, серьезно отвѣчалъ Падди и вышелъ изъ лавки.

Неизвѣстно, уговорила ли лавочница своего мужа просить прощенія, потому что въ этотъ же день онъ былъ арестованъ и посаженъ по подозрѣнію. Дипломатія Падди послужила лишь къ тому, что вся деревня твердо убѣдилась, что Соммерсъ—никто иной, какъ чиновникъ, присланный правительствомъ.

V.

Развалины замка Шалли.

Нора вспыхнула потому, что долженъ былъ пріѣхать Морисъ Стеддертъ, котораго она давно любила и который боготворилъ ее. Давно, когда она только что выучилась складно говорить, она предложила выйти за него замужъ; и онъ торжественно обручился съ нею, надѣвъ ей на крошечный мизинецъ кольцо отъ своихъ часовъ. Но сейчасъ же послѣ этой церемоніи она забыла свой обѣтъ повиноваться мужу.

— Что же это значитъ, Нора, что ты не слушаешься меня? Знаешь, куда отправляютъ непослушныхъ дѣвочекъ?

— Куда?

— Въ скверное мѣсто.

— И ты будешь тамъ со мной?

Маленькая Нора не признавала, чтобы могло быть гдѣ нибудь скверно вмѣстѣ съ Морисомъ.

Морисъ на восемь лѣтъ былъ старше Норы и, какъ мальчикъ двѣнадцати лѣтъ, смотрѣлъ на четырехлѣтнюю дѣвочку, какъ на забавную игрушку. Сначала Нора боготворила Мориса, но затѣмъ наступило время, когда Морисъ сталъ боготворить ее, а дѣвушка показывала видъ, что она совершенно къ нему равнодушна.

Морисъ однако не явился ни въ этотъ день, ни на слѣдующій, *и такъ какъ* Филь Блекъ пріѣхалъ только на одинъ вечеръ,

то передъ Соммерсомъ поле было открыто, и онъ могъ атаковать Нору, какъ ему угодно. Онъ съ каждымъ днемъ все болѣе влюблялся въ нее, восхищался не только ея красотой, наивностью и оригинальностью, но ему нравилось, что она смотрѣла на вещи совершенно съ иной точки зрѣнія, чѣмъ онъ. Она была рьяная патріотка—патріотизмомъ она заразилась отъ Мориса—и то, что въ другой женщинѣ Соммерсу показалось бы дикимъ, привлекало его къ ней. И между тѣмъ не было такой вещи, на которую Соммерсъ и Нора смотрѣли бы одинаково. И такъ какъ она не уступала ему въ спорахъ, то онъ невольно поражался ея умомъ.

Отецъ Норы, считавшій ее совершеннымъ ребенкомъ, и представить себѣ не могъ, чтобы она могла внушать любовь, и такъ какъ въ эту недѣлю онъ былъ очень занятъ, то посылалъ вмѣсто себя Нору показывать мѣстныя достопримѣчательности Соммерсу. Въ тотъ день, когда онъ ждалъ Мориса Стеддерса, онъ послалъ Нору показать гостю старыя развалины, замѣчательныя въ историческомъ отношеніи и называющіяся замкомъ Шалли.

— Ваша мѣстность, кажется, полна разрушенными замками и аббатствами, миссъ Виндгемъ,— замѣтилъ Соммерсъ, выходя съ нею изъ дому.

— Да, англичане оставили здѣсь послѣ себя тяжелые слѣды, съ горькимъ упрекомъ отвѣчала Нора.

— Скажите откровенно, миссъ Виндгемъ: неужели вы думаете, что эти замки и аббатства обязаны своимъ разореніемъ политическимъ причинамъ?

— Конечно. Наши внутреннія распри привлекали васъ сюда, вы поддерживали ихъ, чтобы имѣть предлогъ не уходить. И сли народъ нашъ неразвитъ, этимъ онъ обязанъ все таки вамъ, англичанамъ.

— Намъ!

— Онъ неразвитъ вслѣдствіе своей религіи, а вашу религію онъ возненавидѣлъ, потому что она позволяла вамъ обращаться съ людьми, какъ съ дикими звѣрями! проговорила она и остановилась, прямо взглянувъ на него сверкающими глазами.—Читали ли вы когда нибудь исторію Ирландіи?

— Нѣтъ, спеціально Ирландіи—не читалъ.

— Хорошо, еслибы вы прочли.

— Я прочту, если вы этого желаете, отвѣчалъ онъ.

— Еслибы въ Ирландіи господствовала другая нація, а не англійская, какъ бы вы кричали противъ угнетателей и противъ *ихъ ужасной* жестокости! Я безъ слезъ не могу читать о

бѣдномъ народѣ, который продавали, какъ рабовъ, или изгоняли въ пустынныя мѣстности, гдѣ онъ умиралъ съ голоду. Я не могу вспомнить объ этомъ безъ ужаса.

Она говорила съ жаромъ, и широко раскрытые глаза ея выражали муку и страданіе. Соммерсъ съ восторгомъ слѣдилъ за нею взорами. Онъ зналъ, что съ ирландцами обращаются, какъ съ рабами, и морятъ ихъ голодомъ; но былъ увѣренъ, что они сами въ этомъ виноваты. Англичане извѣстны цѣлому міру своей филантропіей, гуманностью, любовью къ свободѣ и ненавистью къ угнетателямъ; и если они поступали исключительнымъ образомъ съ ирландцами, то поступали такъ потому, что ирландцы— исключительная раса. Это было ему ясно, какъ день. И еслибы кто нибудь другой сталъ ему говорить, что съ ирландцами дурно обращаются, онъ тотчасъ же возразилъ бы: „вѣроятно, это единственный способъ обращенія съ ними, потому что англичане не могутъ быть несправедливыми, негуманными и немилосердными". Горячее же заступничество Норы приводило его въ восторгъ, и онъ только находилъ, что ея состраданіе обращено на недостойныхъ.

— Ну, положимъ, миссъ Виндгемъ, что исторія Ирландіи— печальная исторія; но вѣдь это уже фактъ совершившійся, такъ что же о немъ вспоминать?

— Значитъ, вы все прощаете и забываете? Какъ это великодушно съ вашей стороны!

— Конечно, великодушно, потому что, какъ вамъ извѣстно, „обидчикъ никогда не прощаетъ".

Нора замолчала. Она поняла, что этотъ англичанинъ неспособенъ видѣть обратной стороны медали.

— Можетъ быть, это и правда, наконецъ сказала она:— и простить могли бы тоже и мы, еслибы вы дали намъ возможность забыть прошлое—но возможности этой вы не даете.

— Я не знаю, что вы называете возможностью, миссъ Виндгемъ, но мнѣ кажется, что Ирландію можно назвать теперь балованнымъ ребенкомъ британской имперіи.

— Потому что вы не лѣчите ея? Да у насъ въ цѣлой странѣ не найдется ни города, ни деревни, гдѣ не сажали бы людей въ тюрьму только по одному доносу.

— Иногда больныхъ, чтобы вылѣчить, приходится связывать. Но если мы держимъ васъ одной рукой, зато вѣдь другой рукой кормимъ васъ изъ своего собственнаго кармана! Согласитесь сами, что непріятно платить подати и недоимки за лучшихъ землепашцевъ въ мірѣ.

— Да кто же виноватъ, что у нихъ недоимки?

— Такъ какъ вы спрашиваете меня, то мнѣ приходится отвѣтить вамъ, что въ этомъ виноваты лѣнь и нерадѣніе лучшихъ земледѣльцевъ въ мірѣ.

— А кто же виноватъ въ лѣни и нерадѣніи, если только они лѣнивы и нерадивы?

— Надо думать, что виноватъ ихъ характеръ, отвѣчалъ онъ, удивленный ея вопросомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! горячо вскричала Нора.—Это трудолюбивѣйшій народъ въ свѣтѣ, когда ему предоставляется возможность работать, какъ напримѣръ, въ Америкѣ. Предположите, что вы арендуете вотъ этотъ огородъ, сказала она указывая на нѣсколько грядъ:—и за всякое вами сдѣланное улучшеніе вамъ надбавляютъ арендную плату. Станете ли вы трудиться надъ улучшеніями?

— Да кто же надбавляетъ? Не англичане же. Англичане—лучшіе землевладѣльцы страны. Такая несправедливость совсѣмъ не въ характерѣ англичанъ.

— Земли конфисковали англичане! Англичане-землевладѣльцы ввели свою систему, англичане же уничтожили торговлю и оставили ирландцамъ только землю, и опять таки англичане же сдѣлали изъ арендаторовъ—своихъ рабовъ. Если три или четыре крупныхъ землевладѣльца не дѣлаютъ различія между англійскими и ирландскими арендаторами, это не даетъ еще повода говорить, что несправедливость не въ характерѣ англичанъ.

Соммерсъ былъ пораженъ ея горячими разсужденіями. Кто могъ доставить ей такія свѣдѣнія? Вѣроятно, ея отецъ. Но эти взгляды привилъ ей не отецъ, а соперникъ гораздо болѣе опасный!

— Дорогая миссъ Виндгемъ, вы, пожалуй, станете отрицать и аграрныя преступленія, которыми полны газеты? Жестокость выказывается не съ одной стороны.

— Еслибы преступленія, совершаемыя въ Англіи, печатались, они заполнили бы всѣ газеты.

— Я говорю не о простыхъ преступленіяхъ, а объ аграрныхъ.

— Еслибы въ Англіи было столько же поводовъ къ преступленіямъ, и они встрѣчались бы съ такимъ же сочувствіемъ, то Шеффильдъ былъ бы такою же Ирландіею.

Соммерсъ остановился, какъ вкопанный.

— Дорогая миссъ Виндгемъ, что вы говорите! Вы вѣдь заявляете, что вся страна состоитъ изъ убійцъ и сочувствуетъ убійствамъ.

— Вы сами заставили ихъ ненавидѣть законъ и правитель-

ство болѣе, чѣмъ убійства и насиліе. Убійства и насиліе ужасны, но униженіе, голодъ и отчаяніе довели народъ до жестокости.

Нора была чудно хороша, говоря это.

— Васъ надо посадить въ Кильмайнгемскую тюрьму, вскричалъ Соммерсъ, съ восторгомъ глядя на нее.—Я пожалуюсь на васъ вашему отцу. Я думаю, въ цѣлой Ирландіи нѣтъ болѣе крайней революціонерки.

— Еслибы вы знали исторію Ирландіи, то стали бы презирать каждаго ирландца и ирландку—не-революціонеровъ.

Они дошли до развалинъ, и разговоръ прекратился.

— Мы можемъ взобраться на верхъ развалинъ, если вы хотите, сказала дѣвушка.

— Очень радъ! отвѣчалъ онъ, въ надеждѣ, что ему придется вести ее; но онъ ошибся, потому что Нора вбѣжала на верхъ съ легкостью серны, а онъ шелъ, не переставая думать объ опасности этого пути. Придя на верхъ, онъ перевелъ духъ отъ усталости, и сказалъ:—Я надѣялся, что буду имѣть удовольствіе помочь вамъ, но чуть было самъ не попросилъ вашей помощи.

На верху они сѣли на камень, и Нора невольно тяжело вздохнула.

— Вы вздыхаете о несчастной Ирландіи? улыбаясь, спросилъ онъ.

— Частью — да, а частью — о томъ... что вся эта мѣстность когда-то принадлежала намъ...

Нора, замѣтивъ, что англичанинъ болѣе смотритъ на нее, чѣмъ на окрестные виды, смутилась и, вставая, сказала:

— Мнѣ пора домой, меня ждетъ хозяйство.

— Не пойти ли мнѣ впередъ? спросилъ м-ръ Соммерсъ.

— Зачѣмъ же? если вы думаете, что не вамъ, а мнѣ придется помогать вамъ.

Нора прошла три четверти пути, когда онъ не прошелъ еще и четверти. Когда же онъ наконецъ показался внизу, она, приложивъ палецъ къ губамъ и другою рукою указывая внизъ, смотрѣла на него блѣдная и встревоженная. Ожидая его тутъ, она услыхала, что внизу о немъ говорили, какъ о правительственномъ чиновникѣ, котораго не мѣшало бы подстрѣлить. Тамъ было три фенія, подъ прикрытіемъ наступившей темноты переносившихъ въ развалины нѣсколько ружей изъ склада Тима Дели и прятавшихъ въ отверстіе, которое они потомъ зарыли.

— Онъ остановился у Виндгемовъ, проговорилъ одинъ голосъ; — и Малаки говоритъ, что онъ секретарь самого министра.

— Падди *Дойль* говорилъ Мери Дели, что онъ чиновникъ.

— Проклятый! Мы его подстрѣлимъ!

— Пошлемъ ему смертный приговоръ.

— Что̀ за польза убивать землевладѣльцевъ? Надо убивать правительственныхъ мясниковъ.

— Легко это говорить! а какъ накроетъ полиція?

Нора все это слышала, когда Соммерсъ показался на тропинкѣ. Полагая, что вдали отъ этихъ людей ей удобнѣе будетъ объяснить ему все дѣло, она опять быстро стала взбираться къ нему на верхъ, и уже почти дошла до него, но по неосторожности зацѣпила за камень, который, скатившись, упалъ прямо на то мѣсто, гдѣ работали феніи.

Разговоръ замолкъ, и послышались торопливые шаги людей, бѣгущихъ на верхъ.

— Назадъ! съ ужасомъ крикнула Нора.

— Зачѣмъ...

— Ради Бога, идите назадъ! сказала она такимъ голосомъ, что Соммерсъ, не разсуждая, повернулся и пошелъ снова на верхъ.

Она тотчасъ же вернулась и опять тихо начала спускаться, а черезъ минуту очутилась глазъ на глазъ съ феніемъ, побѣжавшимъ ловить лазутчика.

Онъ остановился и въ недоумѣніи смотрѣлъ на нее широко раскрытыми глазами.

— Вы спускаетесь внизъ, миссъ?

— Да, Деннисъ, сначала она такимъ дрожащимъ голосомъ, что феній тотчасъ же заподозрилъ ее въ шпіонствѣ.

Онъ повернулся внизъ, а она пошла вслѣдъ за нимъ, оборачиваясь нѣсколько разъ, чтобы посмотрѣть, не видно ли Соммерса.

Придя внизъ, онъ сказалъ своимъ товарищамъ:

— Это его дочь.

— Чья дочь?

— Виндгема.

Тутъ Нора увидала, что знаетъ только одного Денниса; товарищи его были не изъ ихъ мѣстности.

VI.

Клятва.

— Такъ вы подслушивали? злобно проговорилъ старшій изъ *феніевъ*.

— *Нѣтъ, право* нѣтъ! Я не подслушивала,—какъ ребенокъ, *оправдывалась* Нора.

— Положимъ, не подслушивали, но слышали, крикнулъ онъ.

— Я слышала только, что вы хотите застрѣлить нашего гостя, думая, что онъ присланъ правительствамъ. Но, право, онъ не чиновникъ. Онъ даже не служитъ.

— Такъ, такъ! не служитъ!

— Онъ англійскій туристъ, пріѣхавшій сюда поохотиться, не помня себя, продолжала Нора.

— Что вы бобы-то разводите! Точно мы не знаемъ — зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Намъ теперь нужно только знать, зачѣмъ вы-то пришли сюда?

— Я пришла сюда, гуляя, полюбоваться на эти виды.

— И надѣюсь, чортъ возьми, что любуетесь ими въ послѣдній разъ!

Негодяй хотѣлъ напугать ее, чувствуя, что они ставятъ на карту свою жизнь. Онъ былъ увѣренъ, что она все слышала и однимъ своимъ словомъ могла довести ихъ до висѣлицы.

Бѣдная Нора стояла блѣдная, какъ полотно, и, ломая руки, смотрѣла на троихъ феніевъ, говорившихъ между собою на непонятномъ ей нарѣчіи. Наконецъ предводитель ихъ досталъ изъ одного кармана евангеліе, а изъ другаго—револьверъ и, подавая ей евангеліе, съ разсчитанной суровостью сказалъ:

— На колѣни, и повторяйте за мною то, что я буду говорить: клянусь Богомъ, что не передамъ ни слова изъ того, что слышала здѣсь сегодня, ни мужчинѣ, ни женщинѣ, ни ребенку!

— Я поклянусь не повторять, если.... если только съ нимъ ничего не случится.

— Съ нимъ ничего не случится? Да чортъ возьми! вы, кажется, вздумали торговаться съ нами.

— Я не могу обѣщать, что не предупрежу его, если вы намѣрены убить его... Я не могу допустить этого...

Феній произнесъ страшное проклятіе и направилъ на нее револьверъ. Она крикнула въ ужасѣ:

— Я поклянусь, поклянусь!

— На колѣняхъ.

Нора стала на колѣни и дрожащимъ голосомъ проговорила:

— Клянусь не разсказывать никому о вашемъ намѣреніи убить англичанина, котораго вы считаете секретаремъ Форстера.

— Не годится! крикнулъ феній, заподозривъ, что она нарочно не *упоминаетъ о болѣе* важныхъ преступленіяхъ, подслушанныхъ *ею.—Поклянитесь*, что вы не передадите не единаго слова, *слышаннаго вами.*

— Да я слышала только, что англичанинъ присланъ правительствомъ и долженъ быть убитымъ, ясно повторила Нора.

— Ну, такъ поклянитесь, что вы не скажете ничего.

— Клянусь, что не передамъ ничего изъ слышаннаго мною.

— Клянусь Господомъ!

— Клянусь Господомъ.

— Цѣлуйте евангеліе.

Нора дрожащей рукой приподнесла евангеліе ко рту и поцѣловала.

Когда она поднялась, феній сказалъ:

— Теперь жизнь ваша зависитъ отъ васъ самихъ. Если вы нарушите хоть одно слово изъ вашей клятвы, вся здѣшняя полиція не спасетъ ни васъ, ни вашего отца отъ нашей пули, которая поразитъ васъ даже у вашего домашняго очага. Клянусь вамъ въ этомъ Господомъ, сказалъ онъ, цѣлуя евангеліе.—А теперь мое вамъ почтеніе; немного пользы принесетъ вамъ ваше подслушиванье... Идемте, ребята!

Три фенія вышли мѣрнымъ шагомъ, какъ солдаты, въ отверстіе развалинъ, противоположное тому, въ которое вошла Нора.

Только что они удалились, какъ въ сводѣ двери у подножія каменной лѣстницы показался Соммерсъ, но тотчасъ же былъ вытолкнутъ дрожащими руками Норы. Онъ хотѣлъ заговорить, но Нора съ такимъ ужасомъ приложила палецъ къ губамъ, что онъ замолчалъ; повелительными жестами приказавъ ему стоять неподвижно, она подошла къ отверстію, въ которое вышли феніи, и простояла въ немъ минутъ пять, то глядя, далеко ли ушли феніи, то посматривая, не вышелъ ли опять Соммерсъ. Когда наконецъ феніи скрылись изъ виду, она вышла въ отверстіе и внимательно осмотрѣла, нѣтъ ли еще кого нибудь въ засадѣ. Убѣдившись, что никого нѣтъ, она вернулась къ своду, изъ котораго вышелъ Соммерсъ какъ разъ кстати, чтобы принять ее въ свои объятія и не дать упасть въ обморокъ. Теперь, когда грозившая опасность исчезла, она не выдержала и упала безъ чувствъ. Онъ осторожно положилъ ее на землю, а самъ побѣжалъ зачерпнуть воды изъ ручейка, бѣжавшаго внизу развалинъ. Вернувшись, онъ спрыснулъ ей лицо, и не могъ утерпѣть, чтобы нѣсколько разъ не поцѣловать ее въ лобъ. Прошло нѣсколько минутъ, показавшихся ему цѣлымъ вѣкомъ; наконецъ она открыла глаза и въ недоумѣніи *посмотрѣла на* него и кругомъ. Затѣмъ она припомнила все.

— *Вамъ лучше?* нѣжно спросилъ онъ.

— *Да, все прошло.*—Вспомнивъ вдругъ, какой опасности онъ

крикнула она своей дочери: — сними баранью ногу. Она вамъ донесетъ ее, мистеръ Дойль. Что вамъ самимъ безпокоиться? Не прикажете ли вина, пива или чего нибудь другаго?

Падди удержался отъ соблазна и снизошелъ только до того, что понесъ баранину самъ.

— Такъ вы поговорите о мужѣ? спрашивала она уходившаго Падди.

— Завтра утромъ можетъ самъ поговорить, серьезно отвѣчалъ Падди и вышелъ изъ лавки.

Неизвѣстно, уговорила ли лавочница своего мужа просить прощенія, потому что въ этотъ же день онъ былъ арестованъ и посаженъ по подозрѣнію. Дипломатія Падди послужила лишь къ тому, что вся деревня твердо убѣдилась, что Соммерсъ—никто иной, какъ чиновникъ, присланный правительствомъ.

V.

Развалины замка Шалли.

Нора вспыхнула потому, что долженъ былъ пріѣхать Морисъ Стеддертъ, котораго она давно любила и который боготворилъ ее. Давно, когда она только что выучилась складно говорить, она предложила выйти за него замужъ; и онъ торжественно обручился съ нею, надѣвъ ей на крошечный мизинецъ кольцо отъ своихъ часовъ. Но сейчасъ же послѣ этой церемоніи она забыла свой обѣтъ повиноваться мужу.

— Что же это значитъ, Нора, что ты не слушаешься меня? Знаешь, куда отправляютъ непослушныхъ дѣвочекъ?

— Куда?

— Въ скверное мѣсто.

— И ты будешь тамъ со мной?

Маленькая Нора не признавала, чтобы могло быть гдѣ нибудь скверно вмѣстѣ съ Морисомъ.

Морисъ на восемь лѣтъ былъ старше Норы и, какъ мальчикъ двѣнадцати лѣтъ, смотрѣлъ на четырехлѣтнюю дѣвочку, какъ на забавную игрушку. Сначала Нора боготворила Мориса, но затѣмъ наступило время, когда Морисъ сталъ боготворить ее, а дѣвушка показывала видъ, что она совершенно къ нему равнодушна.

Морисъ однако не явился ни въ этотъ день, ни на слѣдующій, *и такъ какъ* Филь Блекъ пріѣхалъ только на одинъ вечеръ,

думала, что у нея нѣтъ такихъ туалетовъ, въ которыхъ бы она могла ѣхать въ Англію.

— Благодарю васъ, но врядъ ли намъ можно будетъ поѣхать теперь.

— Но вѣдь это необходимо, настаивалъ онъ.—Если я ускользну изъ рукъ этихъ негодяевъ, они будутъ думать, что вы предупредили меня.

Только теперь соображеніе это мелькнуло въ ея головѣ и непріятно подѣйствовало, тѣмъ болѣе, что нервы ея сильно были разстроены.

— Я могу погостить въ Дублинѣ, у тетки. Я часто туда ѣзжу.

— Если вамъ можно ѣхать въ Дублинъ, то почему же не пріѣхать къ намъ? настаивалъ онъ.

— Поѣздку къ тетѣ я не считаю поѣздкой въ гости, но... прибавила она, какъ бы боясь обидѣть гостя:—я очень благодарна вамъ за приглашеніе, и воспользовалась бы имъ, еслибы это было возможно.

Не могла же она, въ самомъ дѣлѣ, сказать:—„еслибы у меня были приличные наряды“.

— Я увѣренъ, что вы могли бы воспользоваться имъ, еслибы знали, какъ сестры мои будутъ рады. Имъ такъ захочется познакомиться съ вами, когда онѣ узнаютъ, что я обязанъ вамъ жизнью.

Слово „сёстры“ произвело на нее далеко не благопріятное впечатлѣніе. Значитъ, нѣсколько барышень будутъ осматривать ее и ея туалетъ!

— Врядъ ли это будетъ возможно, проговорила она въ смущеніи.—Теперь я могу встать, идемте скорѣе отсюда, прибавила она.

— Точно ли вы можете идти? Позвольте мнѣ помочь вамъ, прибавилъ онъ, поднявъ ее, и, поддерживая за талію, направился съ нею изъ развалинъ.—Я надѣюсь, что уговорю васъ пріѣхать къ намъ. Вѣдь вы пріѣдете, не правда ли?

Онъ говорилъ вкрадчивымъ, нѣжнымъ голосомъ, наклонивъ къ ней голову, и, только почувствовавъ, что она вздрогнула, поднялъ глаза, думая увидѣть вернувшихся феніевъ; но вмѣсто нихъ увидалъ такого красавца, какого ему въ жизни не приходилось еще видѣть.

— Морисъ! вскричала Нора.

— Извините, что помѣшалъ, со злобной ироніей отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Соммерсъ понялъ, что у него есть соперникъ,—вѣроятно, счастливый, потому что она зоветъ его просто по имени. Неужели

эта дѣвушка—бездушная кокетка? Ея ирландское гостепріимство, даже спасеніе его показались ему кокетствомъ.

Что же могъ подумать о ней Морисъ Стеддертъ? Передъ нимъ стоялъ англичанинъ, познакомившійся съ нею всего три дня тому назадъ, и уже обнимавшій ее и нѣжно говорившій: — „вѣдь вы пріѣдете, не правда ли?“

— Ахъ Морисъ! Мнѣ... вы знаете...

Она остановилась, вспомнивъ свою клятву.

— Я все знаю, отвѣчалъ онъ, приподнявъ шляпу и быстро удаляясь.

VII.

Подозрѣніе.

Морисъ шелъ быстрыми шагами, волнуемый любовью, ненавистью и ревностью. Эта дѣвушка, которую онъ боготворилъ, какъ святыню, поощряетъ ухаживанье только что познакомившагося съ нею, три дня тому назадъ, никому неизвѣстнаго англичанина! Вся ея дѣвичья скромность сразу пропала при видѣ красиваго гостя. Да неужели это та Нора, которую онъ зналъ съ дѣтства?.. невѣроятно! Онъ постоянно останавливался и задавалъ себѣ этотъ вопросъ. Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ видѣлъ этого незнакомца, обнимавшаго Нору за талію? слышалъ его нѣжный вопросъ и видѣлъ, ясно видѣлъ отвѣтъ на ея лицѣ? Нѣтъ, это не сонъ, а дѣйствительность. А теперь онъ самъ проснулся отъ сна, блаженнаго, чуднаго сна, и шелъ, шатаясь, какъ человѣкъ только что очнувшійся.

Онъ бѣжалъ черезъ поля, перескакивалъ черезъ овраги, перебирался черезъ изгороди, вообще, имѣлъ видъ помѣшаннаго. Опомнился онъ около высокой стѣны, въ сводѣ которой сидѣли феніи и держали совѣтъ. Всѣ трое встали и почтительно, даже униженно поклонились ему. Онъ разсѣянно смотрѣлъ на нихъ, пока наконецъ не припомнилъ вопроса, который всецѣло поглощалъ его часъ тому назадъ.

— Опять убійство! вскричалъ онъ, смотря на феніевъ сверкающими глазами.

— Убійство, ваша честь? какъ бы въ недоумѣніи и въ полнѣйшемъ невѣдѣніи повторилъ предводитель.

— Запомните—вы знаете, что словъ по пустому я не трачу—если здѣсь случится новое убійство, я не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не отыщу преступника и не повѣшу его.

Феніи сердито, какъ виновные, опустили глаза. Они всѣ трое пришли къ тому заключенію, что Нора нарушила свою клятву, и сообщила ему не только то, что̀ слышала, но все, что̀ они говорили. Поэтому-то „капитанъ“ и бѣжалъ за ними; поэтому-то онъ и говорилъ съ такою увѣренностью о совершонномъ уже преступленіи и о предполагаемомъ новомъ убійствѣ. Но дѣло заключалось въ томъ, что Морисъ слышалъ въ Леймрикѣ, откуда онъ только что вернулся, что двое изъ феніевъ, стоявшихъ передъ нимъ, были виновниками убійства Клогесси. Преступленіе еще не было доказано, и поэтому убійцу нельзя было наказать, а можно было только предупредить другія убійства. Своимъ соціальнымъ положеніемъ, краснорѣчіемъ, энтузіазмомъ, а—главное—полнѣйшимъ отсутствіемъ личныхъ разсчетовъ въ своей преданности къ „дѣлу“, онъ пріобрѣлъ значительное вліяніе въ собраніяхъ людей, которые смотрѣли на реформу, какъ на путь къ уничтоженію слія̀нія Ирландіи съ Англіей, а на уничтоженіе — какъ на путь къ независимости или, въ крайнемъ случаѣ, ко включенію Ирландіи въ Сѣверо-Американскіе Штаты. Агитація и успѣхи поземельной лиги казались ему дѣломъ весьма сомнительнаго свойства. Преступленія — убійства или изувѣчиванье мужчинъ и женщинъ, уничтоженіе безсловесныхъ животныхъ — возмущали его такъ, какъ не возмущали никого въ цѣломъ королевствѣ. Онъ былъ увѣренъ, что эти убійцы причинили Ирландіи гораздо болѣе вреда, чѣмъ сама Англія. Его ненависть къ убійству казалась до такой степени непонятной и неудобной его единоплеменникамъ, что они порѣшили послать его въ Соединенные Штаты, гдѣ онъ своимъ пылкимъ краснорѣчіемъ могъ пріобрѣсти массу сторонниковъ для Ирландіи.

Вслѣдствіе своего отправленія въ Америку, онъ и былъ призванъ въ Леймрикъ именно въ то утро, когда получилъ приглашеніе отъ Майльса Виндгема, которымъ до настоящаго дня не могъ воспользоваться.

Онъ шелъ къ Виндгему съ мыслями о Норѣ, о новомъ порученіи, данномъ ему, и объ открытіи убійцъ Клогесси, подозрѣваемаго въ доносѣ.

Забывъ, что онъ уѣзжаетъ въ Америку и потому будетъ лишенъ возможности исполнить угрозу, онъ повторилъ феніямъ:

— Ну, такъ помните, что я предупредилъ васъ.

— Напрасно вы изволите, капитанъ, подозрѣвать, что мы стрѣляли въ Клогесси.

— Подозрѣвать! Я знаю, кто убилъ его, и вы убѣждены, что *я это знаю,* и какимъ образомъ я узналъ. Еслибы доказательства

у меня были въ рукахъ, я въ ближайшую сессію повѣсилъ бы негодяевъ.

Слово „негодяевъ“ онъ произнесъ съ такой выразительностью, что фенiи пришли въ ярость, и лишь только онъ отошелъ шага на два, какъ услыхалъ произнесенныя предводителемъ сквозь зубы слова: „всѣ доносчики будутъ отправлены вслѣдъ за Клогесси!“

Морисъ тотчасъ же вернулся къ нимъ:

— Доносчики! Да, я и намѣренъ донести. Стрѣляйте въ меня, если смѣете! Да гдѣ вамъ! вы умѣете только стрѣлять изъ-за угла и убивать безсловесныхъ животныхъ да пугать женщинъ, а пойти прямо, даже втроемъ, противъ одного у васъ недостанетъ духу.

Онъ постоялъ противъ нихъ, глядя гнѣвно въ упоръ; пока каждый изъ феніевъ не опустилъ глаза; затѣмъ, повернувшись, тихо пошелъ дальше.

Когда онъ отошелъ настолько, что не могъ уже слышать разговора, предводитель феніевъ крикнулъ:

— Она разболтала!

— Еще бы! Она вѣдь его возлюбленная, объяснилъ Деннисъ.— Они дружны съ самаго дѣтства.

— Поднять противъ нея руку—все равно, что самому взобраться на висѣлицу.

— Все равно попадешь на висѣлицу, если она будетъ болтать! Только что успѣла поцѣловать евангеліе—и ужь разболтала! Съ доносчиками только одно средство. Мертвые не болтаютъ.

— Убей-ка его возлюбленную! Да онъ весь свѣтъ перевернетъ... намъ тогда не сдобровать.

— Да кто же станетъ тогда доносить на насъ? Еслибы мы зажали ей ротъ пулей вмѣсто евангелія, она никому не могла бы разсказать.

— Что говорить о томъ, что могло быть, и чего нѣтъ... Теперь надо отправить доносчика вслѣдъ за Клогесси, ее—послѣ него, а капитана—послѣ нея.

— Говорятъ вамъ, съ раздраженіемъ настаивалъ Деннисъ: — что изъ-за нея капитанъ перевернетъ весь свѣтъ.

— Чортъ бы его побралъ! крикнулъ предводитель,—онъ вѣрно шпіонъ!

— Шпіонъ! Экъ ты хватилъ! съ насмѣшкой возразилъ Деннисъ.

— Такъ зачѣмъ же онъ такъ заступается за секретаря? Онъ повѣситъ насъ, если мы убьемъ этого англичанина.

— Проклятый! Мы его подстрѣлимъ!

— Пошлемъ ему смертный приговоръ.

— Что̀ за польза убивать землевладѣльцевъ? Надо убивать правительственныхъ мясниковъ.

— Легко это говорить! а какъ накроетъ полиція?

Нора все это слышала, когда Соммерсъ показался на тропинкѣ. Полагая, что вдали отъ этихъ людей ей удобнѣе будетъ объяснить ему все дѣло, она опять быстро стала взбираться къ нему на верхъ, и уже почти дошла до него, но по неосторожности зацѣпила за камень, который, скатившись, упалъ прямо на то мѣсто, гдѣ работали феніи.

Разговоръ замолкъ, и послышались торопливые шаги людей, бѣгущихъ на верхъ.

— Назадъ! съ ужасомъ крикнула Нора.

— Зачѣмъ...

— Ради Бога, идите назадъ! сказала она такимъ голосомъ, что Соммерсъ, не разсуждая, повернулся и пошелъ снова на верхъ.

Она тотчасъ же вернулась и опять тихо начала спускаться, а черезъ минуту очутилась глазъ на глазъ съ феніемъ, побѣжавшимъ ловить лазутчика.

Онъ остановился и въ недоумѣніи смотрѣлъ на нее широко раскрытыми глазами.

— Вы спускаетесь внизъ, миссъ?

— Да, Деннисъ, сначала она такимъ дрожащимъ голосомъ, что феній тотчасъ же заподозрилъ ее въ шпіонствѣ.

Онъ повернулся внизъ, а она пошла вслѣдъ за нимъ, оборачиваясь нѣсколько разъ, чтобы посмотрѣть, не видно ли Соммерса.

Придя внизъ, онъ сказалъ своимъ товарищамъ:

— Это его дочь.

— Чья дочь?

— Виндгема.

Тутъ Нора увидала, что знаетъ только одного Денниса; товарищи его были не изъ ихъ мѣстности.

VI.

Клятва.

— Такъ вы подслушивали? злобно проговорилъ старшій изъ *феніевъ*.

— *Нѣтъ*, право нѣтъ! Я не подслушивала,—какъ ребенокъ, *оправдывалась* Нора.

— Положимъ, не подслушивали, но слышали, крикнулъ онъ.

— Я слышала только, что вы хотите застрѣлить нашего гостя, думая, что онъ присланъ правительствамъ. Но, право, онъ не чиновникъ. Онъ даже не служитъ.

— Такъ, такъ! не служитъ!

— Онъ англійскій туристъ, пріѣхавшій сюда поохотиться, не помня себя, продолжала Нора.

— Что вы бобы-то разводите! Точно мы не знаемъ — зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Намъ теперь нужно только знать, зачѣмъ вы-то пришли сюда?

— Я пришла сюда, гуляя, полюбоваться на эти виды.

— И надѣюсь, чортъ возьми, что любуетесь ими въ послѣдній разъ!

Негодяй хотѣлъ напугать ее, чувствуя, что они ставятъ на карту свою жизнь. Онъ былъ увѣренъ, что она все слышала и однимъ своимъ словомъ могла довести ихъ до висѣлицы.

Бѣдная Нора стояла блѣдная, какъ полотно, и, ломая руки, смотрѣла на троихъ феніевъ, говорившихъ между собою на непонятномъ ей нарѣчіи. Наконецъ предводитель ихъ досталъ изъ одного кармана евангеліе, а изъ другаго—револьверъ и, подавая ей евангеліе, съ разсчитанной суровостью сказалъ:

— На колѣни, и повторяйте за мною то, что я буду говорить: клянусь Богомъ, что не передамъ ни слова изъ того, что слышала здѣсь сегодня, ни мужчинѣ, ни женщинѣ, ни ребенку!

— Я поклянусь не повторять, если.... если только съ нимъ ничего не случится.

— Съ нимъ ничего не случится? Да чортъ возьми! вы, кажется, вздумали торговаться съ нами.

— Я не могу обѣщать, что не предупрежу его, если вы намѣрены убить его... Я не могу допустить этого...

Феній произнесъ страшное проклятіе и направилъ на нее револьверъ. Она крикнула въ ужасѣ:

— Я поклянусь, поклянусь!

— На колѣняхъ.

Нора стала на колѣни и дрожащимъ голосомъ проговорила:

— Клянусь не разсказывать никому о вашемъ намѣреніи убить англичанина, котораго вы считаете секретаремъ Форстера.

— Не годится! крикнулъ феній, заподозривъ, что она нарочно не упоминаетъ о болѣе важныхъ преступленіяхъ, подслушанныхъ ею.—Поклянитесь, что вы не передадите ни единаго слова, слышаннаго вами.

— Да я слышала только, что англичанинъ присланъ правительствомъ и долженъ быть убитымъ, ясно повторила Нора.

— Ну, такъ поклянитесь, что вы не скажете ничего.

— Клянусь, что не передамъ ничего изъ слышаннаго мною.

— Клянусь Господомъ!

— Клянусь Господомъ.

— Цѣлуйте евангеліе.

Нора дрожащей рукой приподнесла евангеліе ко рту и поцѣловала.

Когда она поднялась, феній сказалъ:

— Теперь жизнь ваша зависитъ отъ васъ самихъ. Если вы нарушите хоть одно слово изъ вашей клятвы, вся здѣшняя полиція не спасетъ ни васъ, ни вашего отца отъ нашей пули, которая поразитъ васъ даже у вашего домашняго очага. Клянусь вамъ въ этомъ Господомъ, сказалъ онъ, цѣлуя евангеліе.—А теперь мое вамъ почтеніе; немного пользы принесетъ вамъ ваше подслушиванье... Идемте, ребята!

Три фенія вышли мѣрнымъ шагомъ, какъ солдаты, въ отверстіе развалинъ, противоположное тому, въ которое вошла Нора.

Только что они удалились, какъ въ сводѣ двери у подножія каменной лѣстницы показался Соммерсъ, но тотчасъ же былъ вытолкнутъ дрожащими руками Норы. Онъ хотѣлъ заговорить, но Нора съ такимъ ужасомъ приложила палецъ къ губамъ, что онъ замолчалъ; повелительными жестами приказавъ ему стоять неподвижно, она подошла къ отверстію, въ которое вышли фенiи, и простояла въ немъ минутъ пять, то глядя, далеко ли ушли фенiи, то посматривая, не вышелъ ли опять Соммерсъ. Когда наконецъ фенiи скрылись изъ виду, она вышла въ отверстіе и внимательно осмотрѣла, нѣтъ ли еще кого нибудь въ засадѣ. Убѣдившись, что никого нѣтъ, она вернулась къ своду, изъ котораго вышелъ Соммерсъ какъ разъ кстати, чтобы принять ее въ свои объятія и не дать упасть въ обморокъ. Теперь, когда грозившая опасность исчезла, она не выдержала и упала безъ чувствъ. Онъ осторожно положилъ ее на землю, а самъ побѣжалъ зачерпнуть воды изъ ручейка, бѣжавшаго внизу развалинъ. Вернувшись, онъ спрыснулъ ей лицо, и не могъ утерпѣть, чтобы нѣсколько разъ не поцѣловать ее въ лобъ. Прошло нѣсколько минутъ, показавшихся ему цѣлымъ вѣкомъ; наконецъ она открыла глаза и въ недоумѣніи *посмотрѣла на* него и кругомъ. Затѣмъ она припомнила все.

— *Вамъ лучше*? нѣжно спросилъ онъ.

— *Да, все прошло*.—Вспомнивъ вдругъ, какой опасности онъ

подвергался, она съ ужасомъ вскричала:—Вамъ надо немедленно уѣхать.

— Теперь мнѣ бояться нечего, благодаря вамъ. Опасность прошла.

— Вы хотѣли показаться феніямъ?

— Я хотѣлъ пустить въ ходъ вотъ этотъ револьверъ, когда вы увидали меня и остановили, давъ клятву... Какое присутствіе духа! восторженно вскричалъ онъ.

— Вы давно стояли тутъ, передъ тѣмъ какъ я увидала васъ?

— Не болѣе минуты. Я подошелъ, когда они болтали по ирландски. Видя, что вы не пошли за мною, и боясь, что съ вами случилась какая нибудь бѣда, я вернулся къ вамъ. Они говорили такъ горячо, что не слыхали моихъ шаговъ.

— А еслибы они слышали! съ ужасомъ вскричала она.

— Да, хорошо, что они не слыхали, и хорошо, что стояли спиною къ двери, а вы могли увидать меня. Но какое присутствіе духа!

— Я ни о чемъ не могла думать, видя передъ собою револьверъ.—Затѣмъ, вспомнивъ всю страшную сцену, она задрожала и прибавила, снова опускаясь на землю, послѣ тщетной попытки встать:—Они, пожалуй, вернутся.

— Возвращенія ихъ бояться нечего. Да развѣ они посмѣли бы совершить убійство среди бѣлаго дня?

— Мѣсяцъ тому назадъ, неподалеку отсюда, среди бѣлаго дня былъ убитъ человѣкъ.

— Можетъ быть, случайно или въ ссорѣ.

— Нѣтъ, его подозрѣвали въ доносѣ.

Тутъ въ первый разъ ему мелькнула мысль, что если онъ приметъ мѣры къ своему спасенію, то ее заподозрятъ въ нарушеніи клятвы и убьютъ. Онъ серьезно и тревожно проговорилъ:

— Вамъ надо уѣхать отсюда въ Англію... ѣдемте къ намъ. Еслибы я имѣлъ право, еслибы я смѣлъ....

Онъ замолчалъ. Нельзя же было ему сдѣлать предложеніе послѣ трехдневнаго знакомства. Она вѣдь не влюбилась въ него съ перваго взгляда. Онъ видѣлъ, что она старалась понравиться ему, и надѣялся, что въ ней начинаетъ зарождаться чувство любви къ нему, которое можетъ оборваться отъ несвоевременнаго признанія...

— Я... я надѣюсь, что вы и мистеръ Виндгемъ согласитесь пріѣхать погостить къ намъ...

Хотя Нора была занята только что пережитой ею опасностью, тѣмъ не менѣе, получивъ приглашеніе ѣхать, прежде всего по-

думала, что у нея нѣтъ такихъ туалетовъ, въ которыхъ бы она могла ѣхать въ Англію.

— Благодарю васъ, но врядъ ли намъ можно будетъ поѣхать теперь.

— Но вѣдь это необходимо, настаивалъ онъ.—Если я ускользну изъ рукъ этихъ негодяевъ, они будутъ думать, что вы предупредили меня.

Только теперь соображеніе это мелькнуло въ ея головѣ и непріятно подѣйствовало, тѣмъ болѣе, что нервы ея сильно были разстроены.

— Я могу погостить въ Дублинѣ, у тетки. Я часто туда ѣзжу.

— Если вамъ можно ѣхать въ Дублинъ, то почему же не пріѣхать къ намъ? настаивалъ онъ.

— Поѣздку къ тетѣ я не считаю поѣздкой въ гости, но... прибавила она, какъ бы боясь обидѣть гостя:—я очень благодарна вамъ за приглашеніе, и воспользовалась бы имъ, еслибы это было возможно.

Не могла же она, въ самомъ дѣлѣ, сказать:—„еслибы у меня были приличные наряды“.

— Я увѣренъ, что вы могли бы воспользоваться имъ, еслибы знали, какъ сестры мои будутъ рады. Имъ такъ захочется познакомиться съ вами, когда онѣ узнаютъ, что я обязанъ вамъ жизнью.

Слово „сёстры“ произвело на нее далеко не благопріятное впечатлѣніе. Значитъ, нѣсколько барышень будутъ осматривать ее и ея туалетъ!

— Врядъ ли это будетъ возможно, проговорила она въ смущеніи.—Теперь я могу встать, идемте скорѣе отсюда, прибавила она.

— Точно ли вы можете идти? Позвольте мнѣ помочь вамъ, прибавилъ онъ, поднявъ ее, и, поддерживая за талію, направился съ нею изъ развалинъ.—Я надѣюсь, что уговорю васъ пріѣхать къ намъ. Вѣдь вы пріѣдете, не правда ли?

Онъ говорилъ вкрадчивымъ, нѣжнымъ голосомъ, наклонивъ къ ней голову, и, только почувствовавъ, что она вздрогнула, поднялъ глаза, думая увидѣть вернувшихся феніевъ; но вмѣсто нихъ увидалъ такого красавца, какого ему въ жизни не приходилось еще видѣть.

— Морисъ! вскричала Нора.

— Извините, что помѣшалъ, со злобной ироніей отвѣчалъ молодой человѣкъ.

Соммерсъ понялъ, что у него есть соперникъ,—вѣроятно, счастливый, потому что она зоветъ его просто по имени. Неужели

эта дѣвушка—бездушная кокетка? Ея ирландское гостепріимство, даже спасеніе его показались ему кокетствомъ.

Что же могъ подумать о ней Морисъ Стеддертъ? Передъ нимъ стоялъ англичанинъ, познакомившійся съ нею всего три дня тому назадъ, и уже обнимавшій ее и нѣжно говорившій: — „вѣдь вы пріѣдете, не правда ли?“

— Ахъ Морисъ! Мнѣ... вы знаете...

Она остановилась, вспомнивъ свою клятву.

— Я все знаю, отвѣчалъ онъ, приподнявъ шляпу и быстро удаляясь.

VII.

Подозрѣніе.

Морисъ шелъ быстрыми шагами, волнуемый любовью, ненавистью и ревностью. Эта дѣвушка, которую онъ боготворилъ, какъ святыню, поощряетъ ухаживанье только что познакомившагося съ нею, три дня тому назадъ, никому неизвѣстнаго англичанина! Вся ея дѣвичья скромность сразу пропала при видѣ красиваго гостя. Да неужели это та Нора, которую онъ зналъ съ дѣтства?.. невѣроятно! Онъ постоянно останавливался и задавалъ себѣ этотъ вопросъ. Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ видѣлъ этого незнакомца, обнимавшаго Нору за талію? слышалъ его нѣжный вопросъ и видѣлъ, ясно видѣлъ отвѣтъ на ея лицѣ? Нѣтъ, это не сонъ, а дѣйствительность. А теперь онъ самъ проснулся отъ сна, блаженнаго, чуднаго сна, и шелъ, шатаясь, какъ человѣкъ только что очнувшійся.

Онъ бѣжалъ черезъ поля, перескакивалъ черезъ овраги, перебирался черезъ изгороди, вообще, имѣлъ видъ помѣшаннаго. Опомнился онъ около высокой стѣны, въ сводѣ которой сидѣли феніи и держали совѣтъ. Всѣ трое встали и почтительно, даже униженно поклонились ему. Онъ разсѣянно смотрѣлъ на нихъ, пока наконецъ не припомнилъ вопроса, который всецѣло поглощалъ его часъ тому назадъ.

— Опять убійство! вскричалъ онъ, смотря на феніевъ сверкающими глазами.

— Убійство, ваша честь? какъ бы въ недоумѣніи и въ полнѣйшемъ невѣдѣніи повторилъ предводитель.

— Запомните—вы знаете, что словъ по пустому я не трачу— *если здѣсь случится* новое убійство, я не успокоюсь до тѣхъ *поръ, пока не отыщу* преступника и не повѣшу его.

Феніи сердито, какъ виновные, опустили глаза. Они всѣ трое пришли къ тому заключенію, что Нора нарушила свою клятву, и сообщила ему не только то, что̀ слышала, но все, что̀ они говорили. Поэтому-то „капитанъ“ и бѣжалъ за ними; поэтому-то онъ и говорилъ съ такою увѣренностью о совершонномъ уже преступленіи и о предполагаемомъ новомъ убійствѣ. Но дѣло заключалось въ томъ, что Морисъ слышалъ въ Леймрикѣ, откуда онъ только что вернулся, что двое изъ феніевъ, стоявшихъ передъ нимъ, были виновниками убійства Клогесси. Преступленіе еще не было доказано, и поэтому убійцу нельзя было наказать, а можно было только предупредить другія убійства. Своимъ соціальнымъ положеніемъ, краснорѣчіемъ, энтузіазмомъ, а—главное—полнѣйшимъ отсутствіемъ личныхъ разсчетовъ въ своей преданности къ „дѣлу“, онъ пріобрѣлъ значительное вліяніе въ собраніяхъ людей, которые смотрѣли на реформу, какъ на путь къ уничтоженію слія̀нія Ирландіи съ Англіей, а на уничтоженіе — какъ на путь къ независимости или, въ крайнемъ случаѣ, ко включенію Ирландіи въ Сѣверо-Американскіе Штаты. Агитація и успѣхи поземельной лиги казались ему дѣломъ весьма сомнительнаго свойства. Преступленія — убійства или изувѣчиванье мужчинъ и женщинъ, уничтоженіе безсловесныхъ животныхъ — возмущали его такъ, какъ не возмущали никого въ цѣломъ королевствѣ. Онъ былъ увѣренъ, что эти убійцы причинили Ирландіи гораздо болѣе вреда, чѣмъ сама Англія. Его ненависть къ убійству казалась до такой степени непонятной и неудобной его единоплеменникамъ, что они порѣшили послать его въ Соединенные Штаты, гдѣ онъ своимъ пылкимъ краснорѣчіемъ могъ пріобрѣсти массу сторонниковъ для Ирландіи.

Вслѣдствіе своего отправленія въ Америку, онъ и былъ призванъ въ Леймрикъ именно въ то утро, когда получилъ приглашеніе отъ Майльса Виндгема, которымъ до настоящаго дня не могъ воспользоваться.

Онъ шелъ къ Виндгему съ мыслями о Норѣ, о новомъ порученіи, данномъ ему, и объ открытіи убійцъ Клогесси, подозрѣваемаго въ доносѣ.

Забывъ, что онъ уѣзжаетъ въ Америку и потому будетъ лишенъ возможности исполнить угрозу, онъ повторилъ феніямъ:

— Ну, такъ помните, что я предупредилъ васъ.

— Напрасно вы изволите, капитанъ, подозрѣвать, что мы стрѣляли въ Клогесси.

— Подозрѣвать! Я знаю, кто убилъ его, и вы убѣждены, что *я это знаю, и* какимъ образомъ я узналъ. Еслибы доказательства

у меня были въ рукахъ, я въ ближайшую сессію повѣсилъ бы негодяевъ.

Слово „негодяевъ“ онъ произнесъ съ такой выразительностью, что фенiи пришли въ ярость, и лишь только онъ отошелъ шага на два, какъ услыхалъ произнесенныя предводителемъ сквозь зубы слова: „всѣ доносчики будутъ отправлены вслѣдъ за Клогесси!“

Морисъ тотчасъ же вернулся къ нимъ:

— Доносчики! Да, я и намѣренъ донести. Стрѣляйте въ меня, если смѣете! Да гдѣ вамъ! вы умѣете только стрѣлять изъ-за угла и убивать безсловесныхъ животныхъ да пугать женщинъ, а пойти прямо, даже втроемъ, противъ одного у васъ недостанетъ духу.

Онъ постоялъ противъ нихъ, глядя гнѣвно въ упоръ; пока каждый изъ фенiевъ не опустилъ глаза; затѣмъ, повернувшись, тихо пошелъ дальше.

Когда онъ отошелъ настолько, что не могъ уже слышать разговора, предводитель фенiевъ крикнулъ:

— Она разболтала!

— Еще бы! Она вѣдь его возлюбленная, объяснилъ Деннисъ.— Они дружны съ самаго дѣтства.

— Поднять противъ нея руку—все равно, что самому взобраться на висѣлицу.

— Все равно попадешь на висѣлицу, если она будетъ болтать! Только что успѣла поцѣловать евангелiе—и ужь разболтала! Съ доносчиками только одно средство. Мертвые не болтаютъ.

— Убей-ка его возлюбленную! Да онъ весь свѣтъ перевернетъ... намъ тогда не сдобровать.

— Да кто же станетъ тогда доносить на насъ? Еслибы мы зажали ей ротъ пулей вмѣсто евангелiя, она никому не могла бы разсказать.

— Что говорить о томъ, что могло быть, и чего нѣтъ... Теперь надо отправить доносчика вслѣдъ за Клогесси, ее—послѣ него, а капитана—послѣ нея.

— Говорятъ вамъ, съ раздраженiемъ настаивалъ Деннисъ: — что изъ-за нея капитанъ перевернетъ весь свѣтъ.

— Чортъ бы его побралъ! крикнулъ предводитель,—онъ вѣрно шпiонъ!

— Шпiонъ! Экъ ты хватилъ! съ насмѣшкой возразилъ Деннисъ.

— Такъ зачѣмъ же онъ такъ заступается за секретаря? Онъ повѣситъ насъ, если мы убьемъ этого англичанина.

— Онъ боится вовсе не за секретаря, а за свою возлюбленную и ея отца. Она вѣрно ему разсказала, что мы обѣщали убить ея и отца даже у ихъ собственнаго очага.

Деннисъ, жившій около Виндгемовъ, хотѣлъ прежде всего спасти Нору и ея отца; Шамусъ боялся за себя; а Малахи, предводитель феніевъ, прежде всего хотѣлъ убить измѣнниковъ. Деннисъ, какъ не принимавшій участія въ убійствѣ Клогесси, могъ спокойнѣе другихъ относиться къ этому вопросу. Малахи хотя и не вѣрилъ, чтобы Морисъ заступался только за Нору, но, боясь черезчуръ напугать своихъ сообщниковъ, сказалъ Деннису:

— Такъ оттого-то онъ и былъ блѣденъ, какъ мертвецъ?

— Да вѣдь онъ, только что встрѣтившись съ нею, побѣжалъ догонять насъ. Я поручусь, что онъ не поблѣднѣлъ бы изъ-за секретаря.

— Ну, такъ покончимъ съ секретаремъ! рѣшительно сказалъ Малахи.—За домомъ Виндгемовъ намъ, во всякомъ случаѣ, надо наблюдать.

VIII.

Подозрѣніе подтверждается.

Морисъ, пройдя еще немного, пришелъ въ себя. Буря въ душѣ его немного улеглась. Въ первыя минуты онъ думалъ о феніахъ, и не сомнѣвался болѣе, что они замышляли новое убійство, потому что сильно смутились отъ его словъ.

Но онъ забылъ объ убійцахъ очень скоро, и вся душа его была полна тоской о потерѣ Норы, созданной его воображеніемъ. Что̀ ему дѣлать? спрашивалъ онъ себя. Никогда не видѣть ея болѣе и сейчасъ же ѣхать въ Америку? Нѣтъ, онъ не могъ уѣхать, не повидавшись съ нею и не осыпавъ ее самыми горькими упреками. Онъ былъ слишкомъ молодъ и слишкомъ горячъ, чтобы допускать какія нибудь смягчающія обстоятельства. На что же, впрочемъ, могъ онъ сердиться? Развѣ она клялась ему когда нибудь въ любви и вѣрности? Онъ самъ, изъ боязни вовлечь ее въ политическую дѣятельность, никогда не говорилъ ей о своей любви. Но, тѣмъ не менѣе, она не должна была принимать предложенія англичанина послѣ трехдневнаго знакомства. Размышляя такимъ образомъ, онъ дошелъ до Клонарда, и спросилъ, дома ли Нора. Сначала онъ посмотрѣлъ, нѣтъ ли ея въ гостинной. Ему сказали, что барина и гостя дома нѣтъ, но что миссъ Нора у себя въ комнатѣ.

— Скажите ей, Нанси, что я желаю ее видѣть, съ такимъ вол-

неніемъ проговорилъ онъ, что Нанси испугалась, предполагая, что случилось что нибудь дурное.

Бѣдная Нора не менѣе Мориса жаждала объясненія. Но, съ другой стороны, что же могла она объяснить? Она клятвенно обязалась ни слова не говорить изъ того, что только и могло оправдать ея короткость съ Соммерсомъ. Что могла она сказать? Что она не любитъ англичанина? Но развѣ это объяснило бы Морису то, что онъ видѣлъ своими глазами? Что ей сдѣлалось дурно, и что англичанинъ поддерживалъ ее? Ей дурно! Морисъ, да и никто изъ ея знакомыхъ не повѣрилъ бы этому! До настоящаго дня, она и не подозрѣвала, до какой степени любила Мориса.

Услыхавъ отъ Нанси, что Морисъ желаетъ ее видѣть, Нора, взглянувъ на себя въ зеркало, бросилась внизъ, но въ прихожей встрѣтилась лицомъ къ лицу не съ Морисомъ, а съ Соммерсомъ. Онъ страстно желалъ добиться отъ дѣвушки обѣщанія пріѣхать къ нимъ. Онъ не привыкъ къ ирландской любезности, и желаніе доставить удовольствіе гостю принималъ за желаніе дѣвушки понравиться ему.

— Могу я поговорить съ вами? спросилъ онъ.

— Мнѣ теперь некогда, отвѣчала Нора съ болью въ сердцѣ.

— Всего нѣсколько минутъ! просилъ онъ, принявъ краску, покрывшую ея лицо, за понятное смущеніе.

Ей вдругъ пришло въ голову, что, выйдя съ отцомъ, онъ узналъ что нибудь новое. Можетъ быть, отцу ея грозитъ гораздо бо̀льшая опасность, чѣмъ ей? Она тотчасъ же провела его въ маленькую пустую комнату, гдѣ никто не могъ помѣшать имъ.

— Что̀ случилось? тревожно спросила она, лишь только онъ затворилъ за собою дверь.

— Рѣшительно ничего,—поспѣшилъ онъ отвѣтить, видя, что она встревожилась. Очевидно, теперь ей было не до любви, и потому онъ прибавилъ:—я хотѣлъ только спросить у васъ, могу ли предупредить вашего отца. Это не будетъ нарушеніемъ клятвы.

— Ахъ, пожалуйста, ничего ему не говорите,—вскричала Нора, боясь, что отецъ начнетъ преслѣдовать этихъ людей, и навѣрное будетъ убитъ.

— Вамъ трудно одной нести тяжесть такой клятвы, нѣжно говорилъ онъ.—Позвольте мнѣ передать ему, и онъ приметъ мѣры.

Нора покачала головой.

— Вы его не знаете. Онъ не успокоился бы до тѣхъ поръ,

пока не подвергнулъ бы людей этихъ наказанію. Онъ и Мор... Онъ ненавидитъ эти преступленія.

— Но если онъ распорядится объ арестованіи этихъ людей?

— Онъ будетъ убитъ! тихо, но съ ужасомъ вскричала она.

— Ну, такъ вамъ надо уѣхать.

— Отецъ не броситъ Клонарда, рѣшительно отвѣчала она.

— Но вы, миссъ Виндгемъ? Неужели васъ нельзя будетъ убѣдить пріѣхать къ намъ, пока эта туча пронесется? Еслибы вы знали, какъ мнѣ страшно оставить васъ въ такой опасности? Пріѣзжайте! Подумайте объ этомъ, прибавилъ онъ, взявъ ее за руку.

Въ эту самую минуту Морисъ отворилъ дверь и увидавъ, что тутъ происходитъ какое-то нѣжное объясненіе, извинился, что помѣшалъ, и быстро заперъ дверь. Такъ какъ Нанси не принесла ему никакого отвѣта, то онъ опять обратился къ ней съ вопросомъ, и дѣвушка сказала ему, что миссъ Нора уже сошла внизъ и ищетъ его. Онъ въ свою очередь направился ее искать. Но могъ ли онъ думать, что найдетъ ее затворившейся съ англичаниномъ въ пустой комнатѣ!

Морисъ, какъ сумашедшій, бросился въ прихожую, и въ дверяхъ встрѣтился со входившимъ Майльсомъ.

— Что такое? Развѣ ужъ поданъ обѣдъ? вскричалъ Майльсъ, но видя, что Морисъ встревоженъ, онъ прибавилъ:—что здѣсь случилось?

Въ пылу раздраженія Морисъ хотѣлъ сообщить отцу о поступкѣ его дочери, но одумался и просто сказалъ:

— Мнѣ надо уходить.

— Какая нибудь бѣда дома? спросилъ Майльсъ, съ участіемъ положивъ руку на плечо Мориса.

— Нѣтъ, не дома. Я получилъ непріятныя извѣстія.

— Въ самомъ дѣлѣ? О феніяхъ?

Морисъ прямо отвѣчалъ:

— Я ѣду въ Америку.

— Приходится бѣжать? съ ужасомъ спросилъ Майльсъ.

— Нѣтъ еще, стараясь улыбнуться, отвѣчалъ молодой человѣкъ.—Я ѣду по дѣламъ.

— Не передъ обѣдомъ же? спокойно сказалъ Майльсъ.—Туда вы спѣшите не къ обѣду же.

— Мнѣ надо еще побывать дома, возразилъ Морисъ въ смущеніи, вслѣдствіе чего Майльсъ опять заподозрилъ, что дѣло идетъ о политикѣ. Морисъ скрывалъ отъ Майльса, какъ отъ *судьи*, многіе изъ своихъ политическихъ плановъ и опасностей.

Въ душѣ Майльсъ сочуствовалъ молодому человѣку, но не надѣялся на успѣхъ его дѣла.—Морисъ, ужь вы не попали ли въ списокъ подозрѣваемыхъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Да и въ такомъ случаѣ я врядъ ли нашелъ бы нужнымъ бѣжать.

— Такъ зачѣмъ же вамъ понадобилось ѣхать въ Америку?— Неужели вы бѣжите теперь, чтобы сѣсть на пароходъ?

Морисъ въ смущеніи молчалъ.

— Право, я не могу объяснить, но мнѣ...

— Входите, полноте! сказалъ Майльсъ, положивъ обѣ руки ему на плечи, и поворачивая его къ двери.—Не сегодня же вы ѣдете въ Америку, въ самомъ дѣлѣ! Завтра можете отправляться съ первымъ пароходомъ.

Нора и Соммерсъ стояли въ прихожей, когда Майльсъ вошелъ съ Морисомъ. Хозяинъ представилъ другъ другу соперниковъ, которые такъ холодно раскланялись, что привели въ совершенное недоумѣніе хозяина.

— Готовъ обѣдъ, Нора?

— Сейчасъ, папа.

— Поторопи Биддо. Скажи ей, что отецъ Макъ страшно голоденъ.

— Развѣ онъ пришелъ?

— Нѣтъ, не пришелъ, но придетъ навѣрное голоднымъ. Да вотъ и онъ!

И дѣйствительно, въ эту минуту въ дверь вошелъ священникъ, считавшій, въ отсутствіе мистрисъ Виндгемъ, домъ Майльса своимъ собственнымъ. Майльсъ любилъ его, какъ братъ, а Нора—какъ дочь. Макъ любилъ ихъ еще болѣе, чѣмъ они любили его.

— А я только что говорилъ Норѣ, отецъ Макъ, что вы придете голоднымъ.

— Я точно голоденъ; но если вы начнете торопить старуху Бидди, она сожжетъ жаркое.

Во все это время Нора, не смотря на всѣ старанія, не могла уловить взора Мориса, который прошелъ въ гостинную, не обращая на нее ни малѣйшаго вниманія.

IX.

Политика.

Соммерсъ никакъ не могъ понять, что можно быть до такой степени гостепріимнымъ, чтобы стараться всѣми силами угодить гостю.

Онъ, какъ англичанинъ, твердо вѣрилъ, что нѣтъ на свѣтѣ людей гостепріимнѣе англичанъ. Поэтому въ отношеніяхъ къ нему Виндгема онъ видѣлъ не одно гостепріимство, и порѣшилъ, что Майльсъ желалъ выдать за него свою дочь.

Когда всѣ сѣли за обѣдъ, Соммерсъ, весь поглощенный послѣднимъ страшнымъ событіемъ, ни о чемъ не могъ говорить, кромѣ ирландскихъ преступленій. Морисъ самъ ненавидѣлъ эти убійства, но когда ихъ сталъ порицать ненавистный ему англичанинъ, это порицаніе произвело на него такое же дѣйствіе, какое произвелъ бы красный флагъ на взбѣшеннаго быка; и когда Соммерсъ назвалъ эти преступленія дьявольскими, Морисъ сказалъ:

— Все таки они не настолько дьявольскія, какъ англійскія преступленія въ Шеффильдѣ. Ирландскія преступленія менѣе ужасны, потому что побудительныя причины гораздо важнѣе.

— Негодяевъ много во всякой странѣ, но вездѣ, кромѣ Ирландіи, они считаются негодяями, а не героями.

Морисъ горячился все болѣе и наконецъ воскликнулъ, вынимая газету.

— Вотъ прочтите, какими героями являются англичане въ Новой Зеландіи, и вообще въ дикихъ странахъ.

Соммерсъ взялъ газету и прочелъ объ англійскомъ офицерѣ, который въ Австраліи, пріѣхавъ въ лагерь туземцевъ, сначала воспользовался ихъ гостепріимствомъ, а потомъ приказалъ своимъ работникамъ стрѣлять въ нихъ. Въ живыхъ остались только три молодыя женщины; одну изъ нихъ съ вечера заковали въ наручники. Утромъ офицеръ не нашелъ ключа отъ наручниковъ, пустилъ пулю въ голову этой женщины, и затѣмъ отрубилъ ей руки, чтобы снять наручники.

— Это очень старое извѣстіе, презрительно отвѣчалъ Соммерсъ.

— Эта старая исторія—исторія Ирландіи. Исторію нашу можно назвать исторіею всѣхъ слабыхъ племенъ, землями которыхъ вы завладѣваете. Ужаснѣе англійскихъ жестокостей на свѣтѣ быть не можетъ!

X.

Вѣдь это Стеддертъ!

Нора вышла изъ-за стола съ нестерпимой болью въ сердцѣ. Въ продолженіе всего обѣда, она ни разу не могла уловить взгляда Мориса. Вмѣсто того, чтобы уйти къ себѣ въ комнату,

она прошла въ гостинную, все еще надѣясь, что туда придетъ Морисъ и дастъ возможность объяснить ея отношенія къ Соммерсу. Она хотѣла уже уходить, прождавъ Мориса напрасно, когда услыхала въ прихожей знакомые ей шаги; только шаги направлялись не къ дверямъ гостинной, а къ выходной двери, которая и затворилась за Морисомъ.

Она встала, чтобы побѣжать за нимъ, но въ это время вошелъ Майльсъ съ гостями. Осмотрѣвшись кругомъ, онъ спросилъ у Норы:

— Развѣ Морисъ уже ушелъ?

— Онъ и не заходилъ сюда.

— Не простился съ тобой?

— Нѣтъ.

— Да вѣдь завтра утромъ онъ ѣдетъ въ Америку, и теперь пошелъ домой, чтобы уложиться.

Дѣйствительно Морисъ ушелъ съ этой цѣлью. Онъ былъ твердо увѣренъ, что Нора навсегда для него потеряна, и боялся встрѣтиться съ нею.

Нора сначала машинально повторяла про себя: „ѣдетъ въ Америку!“ затѣмъ немного успокоилась и сообразила, что еслибы онъ былъ къ ней равнодушенъ, то, конечно, зашелъ бы проститься. Очевидно, онъ ее любилъ, и потому негодовалъ на нее. Она въ одинъ мигъ рѣшилась во что бы то ни стало увидѣться съ нимъ, сказать ему, что онъ дороже ей самой жизни, и что она совершенно равнодушна къ Соммерсу. Подъ вліяніемъ такого рѣшенія, она, не сказавъ ни слова, вышла изъ гостинной, прошла переднюю и вышла въ дверь съ намѣреніемъ по прямой тропинкѣ обогнать Мориса и встрѣтить его на большой дорогѣ.

Она хотѣла уже пройти въ дверь, выходившую на большую дорогу, но внезапно остановилась, услыхавъ голоса, отъ которыхъ кровь застыла у нея въ жилахъ. Она еще такъ живо помнила страшную сцену въ замкѣ Шалли, что узнала голоса феніевъ. Двое изъ трехъ феніевъ пришли въ это мѣсто удостовѣриться, что жертва ихъ еще не улетѣла, и, увидавъ Мориса, вышедшаго изъ дому, приняли его впотьмахъ за Соммерса. Они только что передъ Норой прошли той же самой тропинкой, и сѣли въ засаду около стѣны, у которой остановилась дѣвушка. Она видѣла, какъ одинъ фенiй, высунувъ голову изъ-за стѣны, поджидалъ жертву, а другой, положивъ на стѣну ружье, готовъ былъ прицѣлиться и спустить курокъ каждую минуту. Когда Нора все это разсмотрѣла, сторожившій фенiй хриплымъ голосомъ прошепталъ: „Вотъ онъ!“ и лицо другаго *фенiя* наклонилось къ ружью.

Въ такую ужасную минуту дѣвушка не растерялась, а въ одинъ мигъ сообразила, что убійцы принимаютъ Мориса за Соммерса, и убьютъ его, и что крикъ ея будетъ причиною смерти какъ его, такъ и ея. Бросившись къ убійцамъ, она въ одинъ мигъ обѣими руками схватила руку, въ которой феній держалъ ружье, и яснымъ шопотомъ проговорила:

— Вѣдь это Морисъ Стеддертъ!

Феніи онѣмѣли отъ ужаса въ первый моментъ испуга, и въ недоумѣніи смотрѣли на Нору, которая, понявъ, что ея нерѣшительность будетъ стоить жизни Морису, бросилась въ кустъ, чѣмъ несомнѣнно спасла жизнь и себѣ. Морисъ быстро прошелъ мимо.

Нора поднялась, дрожа, какъ въ лихорадкѣ, и, какъ бы оправдываясь, сказала:

— Вѣдь это былъ Стеддертъ!

Теперь, увидавъ, что онъ въ безопасности, она могла бояться и за себя.

Человѣкъ, котораго она схватила за руку, грубо проговорилъ:

— Зажми ей глотку!

Не успѣла Нора опомниться, какъ ротъ ей былъ зажатъ, и она была связана. Долго ли она лежала въ такомъ положеніи, она не могла опредѣлить, но наконецъ она увидала Малахи, вернувшагося къ ней.

— Это точно былъ капитанъ, проговорилъ онъ.—Развяжи ее! Разболтала? внѣ себя отъ ярости, крикнулъ онъ Норѣ.

Нора же, не понимая, что̀ онъ хочетъ этимъ сказать, продолжала молчать, и этимъ еще болѣе подтвердила подозрѣніе въ своей виновности.

— Если ты нарушила клятву, чортъ тебя возьми, такъ мы сдержимъ свою! проговорилъ онъ, поднимая ружье.

— Я не нарушала клятвы! крикнула она, упавъ на колѣни и поднявъ руки какъ бы для защиты. Ея еще дѣтскій голосъ и движеніе тронули зачерствѣлое сердце Шамуса.

— Подожди! сказалъ онъ, отстраняя Малахи и вставъ между нимъ и дѣвушкой.—Вы сказали ему? проговорилъ онъ, указывая въ ту сторону, куда уходилъ Морисъ.

— Я никому ничего не говорила. Клянусь Богомъ!

— Вамъ клясться ничего не стоитъ; а онъ намъ сказалъ, что вы все ему передали.

— Онъ? съ удивленіемъ воскликнула она.—Онъ не могъ сказать вамъ. *Я никогда* ему не говорила ни слова объ этомъ.

Малахи изумился, а Шамусъ повѣрилъ ей. Еслибы она ска-

зала капитану, то навѣрно смутилась бы, и не смотрѣла бы на нихъ съ такимъ спокойнымъ видомъ. Обоимъ феніямъ невольно пришло въ голову, что она добровольно не отдалась бы имъ въ руки, еслибы чувствовала себя виновной. Они стали шептаться между собою. Нора продолжала стоять на колѣняхъ и смотрѣть на феніевъ, рѣшавшихъ вопросъ о ея жизни и смерти, но смотрѣла такъ равнодушно, точно они разъигрывали передъ нею обыкновенную сцену.

Шамусу удалось убѣдить Малахи, что убійство ея подвергнетъ ихъ гораздо большей опасности, чѣмъ измѣна; Малахи съ проклятіемъ обратился къ ней и, подъ страхомъ немедленной смерти, приказалъ ей повторить клятву—не разсказывать никому о томъ, что она видѣла и слышала.

Нора смотрѣла на феніевъ съ выраженіемъ дѣтской невинности, и когда негодяй приказалъ ей повторить клятву, она продолжала молчать, хотя онъ совалъ ей въ руки евангеліе.

Малахи, разозлившись, опять поднялъ ружье, но Шамусъ во второй разъ отстранилъ его.

— Ты перепугалъ ее. Она ничего не понимаетъ. Послушайте меня, миссъ. Вы слышите?

— Да, слышу, послѣ нѣкотораго молчанія проговорила Нора.

Шамусъ, насколько могъ, тихо и мягко проговорилъ клятву, которую Нора машинально повторила вслѣдъ за нимъ, и затѣмъ поцѣловала евангеліе. Взявъ изъ рукъ ея евангеліе, оба фенія вышли на дорогу, а Нора тихо поднялась съ земли и пошла за ними вслѣдъ. Она шла, точно ясновидящая, пока Малахи, обернувшись, не увидалъ ея.

— Куда вы, дьяволъ васъ подери, идете? крикнулъ онъ въ бѣшенствѣ.

Она остановилась, точно окаменѣвъ, и смотрѣла на него, очевидно, ничего не понимая, пока Шамусъ, обратившись къ ней, не сказалъ:

— Вамъ надо идти домой, миссъ.... домой.... вотъ въ эту сторону.

Онъ повернулъ ее, и она пошла назадъ, сопровождаемая взорами феніевъ, остановившихся, чтобы посмотрѣть за нею.

— Плохую съиграли мы съ ней шутку. Она лишилась разсудка, съ участіемъ сказалъ Шамусъ.

— Шутка! Да теперь мы спасены. Что бы она ни говорила, никто не повѣритъ ей.

Нора шла прямо домой и вошла, все еще не помня себя, въ *переднюю. Проходя* ее, она наткнулась на Нанси, которая такъ

закричала, что чуть не уронила подносъ съ чашками. Такъ какъ дверь въ гостинную она не притворила, то Майльсъ, услыхавъ ея крикъ, тотчасъ же вышелъ.

— Господи! Нора, что̀ съ тобой? вскричалъ онъ, увидя ея мертвенную блѣдность и спѣша подхватить ее и провести на диванъ въ столовую, гдѣ хотѣлъ налить ей рюмку вина; но она уцѣпилась ему за руку.

— Не отходи! съ отчаяніемъ крикнула она.

— Я хочу налить только вина, милая.

Когда онъ началъ высвобождать свою руку, она уцѣпилась еще крѣпче, и только повторяла:

— Не уходи!

Майльсъ не зналъ, что̀ ему дѣлать.

— Не уйду, моя милая! Ахъ, Боже мой! Нанси... отецъ Макъ! Скорѣе! Я здѣсь, мое сокровище! повторялъ онъ, приложивъ ея голову къ себѣ на грудь и цѣлуя ея похолодѣвшее лицо. — Что̀ же это такое? крикнулъ онъ вбѣжавшему и въ изумленіи остановившемуся отцу Маку. Патеръ былъ встревоженъ не менѣе самого Майльса, но сильно поблѣднѣвшее лицо его не выражало ничего. Подойдя къ столу, онъ налилъ рюмку вина и, поднявъ ее къ губамъ Норы, кротко, но настойчиво сказалъ:

— Выпей, милая.

Нора подняла голову и выпила немного, уцѣпившись обѣими руками за отца.

— Что̀ съ нею, Макъ? спросилъ Майльсъ, глядя на священника съ выраженіемъ человѣка, ожидающаго своего приговора.

Макъ, держа одной рукой рюмку, а другою поглаживая волосы Норы, съ тревогою смотрѣлъ въ лицо дѣвушки.

— Это испугъ, Майльсъ. Она чего нибудь сильно испугалась. Нора, милая, ты узнаёшь меня?

Нора, грустно улыбнувшись, посмотрѣла ему въ лицо и затѣмъ, взявъ руку, которою онъ гладилъ ее по головѣ, приложила ее къ щекѣ.

Губы отца Мака задрожали, потому что въ этомъ дѣтскомъ движеніи онъ прочелъ такую любовь, какой не сказали бы никакія слова. Онъ наклонился, чтобы поцѣловать ее въ лобъ, и затѣмъ, поднявъ опять рюмку къ ея губамъ, сказалъ:

— Ну, выпей еще, милая.

Вино привело ее немного въ себя. Допивъ рюмку, она вздрогнула и начала сильно дрожать.

— *Ты вѣрно* спала и увидала страшный сонъ, сказалъ Макъ,

видя, что она вспомнила о чемъ-то страшномъ.—Уложите ее въ постель, Майльсъ, и посидите у нея, пока не заснетъ.

— Надо бы доктора.

— Да, да. Я самъ схожу за нимъ. Но къ утру она навѣрное поправится, съ увѣренностью сказалъ онъ, хотя въ душѣ далеко не былъ увѣренъ въ этомъ.

— Вы придете опять сюда, отецъ Макъ? спросилъ Майльсъ.

— Конечно, приду. Уложите ее скорѣе, не оставляйте ее, и ни о чемъ не спрашивайте.

Они говорили вполголоса, и Нора все слышала, но точно не понимала, и все старалась что-то припомнить.

— Вамъ бы лучше лечь въ постель, громко сказалъ священникъ, приподнимая ея голову.

Нора встала и съ помощью отца прошла къ двери. Затѣмъ она вдругъ обернулась и со страхомъ проговорила:

— Вѣдь вы останетесь ночевать у насъ, отецъ Макъ? Домой не пойдете?

— Останусь, милая, останусь.

Отецъ думалъ, что она просила остаться для себя, но священникъ сильно заподозрилъ, что она боялась чего-то за него. Онъ въ прихожей остановилъ спѣшившую на верхъ Нанси.

— Гдѣ она была, Нанси?

— Право, не знаю. Кажется, она ходила въ привратницкую. Я видѣла ее въ аллеѣ. Она вѣрно увидала привидѣніе.

— Ну, что за пустяки! Не говорите съ нею сегодня вечеромъ. Отрите глаза и примите такой видъ, точно ничего не случилось.

Макъ направился къ привратнику, и тамъ услыхалъ, что Норы не было съ самаго утра. Пославъ Падди Дойля за докторомъ, онъ пошелъ посмотрѣть, что могло ее напугать недалеко отъ дому. Онъ шелъ съ фонаремъ, освѣщая себѣ дорогу, и осматривалъ чуть не каждый кустикъ.

Вернувшись домой, онъ засталъ Соммерса, въ тревогѣ ходившаго взадъ и впередъ по залѣ.

— Я думалъ, что пришелъ докторъ, съ нетерпѣніемъ сказалъ онъ вошедшему Маку.—Что случилось? что съ нею? кажется, никто не знаетъ.

Макъ пристально посмотрѣлъ на него. Его удивила тревога молодаго человѣка, но онъ совершенно спокойно отвѣчалъ:

— Никто не знаетъ. Я подозрѣваю, что она чего нибудь испугалась.

— Опять! вскричалъ Соммерсъ.

— *Опять? вопросительно* повторилъ Макъ.

Это восклицаніе застало Соммерса врасплохъ; но, подумавъ съ минуту, онъ рѣшилъ, что для самой Норы ему слѣдовало разсказать Маку все дѣло. Какъ священникъ этого прихода, онъ могъ быть лучшимъ совѣтникомъ и лучшимъ защитникомъ ея и отца.

XI.

Соммерсу удается.

На слѣдующее утро Нора чувствовала страшное нервное разстройство. Она всего пугалась, плакала безо всякой причины и не отпускала отъ себя отца ни на минуту. Отецъ приходилъ въ отчаяніе отъ такихъ симптомовъ, потому что Нора никогда не была нервною и капризною. До настоящаго времени она не знала, что̀ значитъ хворать.

Докторъ говорилъ, что болѣзнь ея нервная, и что только время и перемѣна мѣста могутъ поправить ее. Онъ спрашивалъ у Майльса, что̀ могло такъ сильно поразить ее? Отецъ отвѣчалъ, что онъ себѣ объяснить этого не можетъ, и боится спросить больную. А случилось это поздно ночью въ тотъ день, какъ она захворала.

Всю ночь напролетъ она не могла сомкнуть глазъ. И если они невольно смыкались, дѣвушка тотчасъ же вздрагивала и съ ужасомъ осматривалась кругомъ, тутъ ли отецъ. Такъ какъ она настоятельно требовала, чтобы у нея стояла свѣча, то заснуть было еще труднѣе. Мудрено ли, что послѣ такой ночи нервы у нея страшно разстроились. У бѣднаго Майльса нервы тоже были разстроены. При видѣ Норы, его стала тревожить мысль, что она можетъ умереть или лишиться разсудка. Рано поутру онъ опять послалъ за докторомъ, и до прихода его все время ходилъ взадъ и впередъ отъ постели до оконъ.

Докторъ прежде всего требовалъ, чтобы Нора уснула, а затѣмъ снова сталъ совѣтовать поѣхать куда нибудь, и теперь уже говорилъ объ отъѣздѣ, какъ о вещи безусловно необходимой. Выслушавъ разсказъ Соммерса, Макъ нисколько не сомнѣвался, что Нора снова попала въ руки тѣхъ же самыхъ негодяевъ, которыхъ она вѣрно встрѣтила подкарауливающими Соммерса, и которые, вѣроятно, угрозами заставили ее дать еще болѣе ужасную клятву.

Когда Соммерсъ кончилъ свой разсказъ, Макъ сталъ ходить въ страшномъ волненіи взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ, какъ *священникъ*, и безъ того негодовалъ на преступленія; а теперь, *узнавъ, что Нора стала жертвой феніевъ*, пришелъ въ совершен-

ную ярость. Вдругъ онъ остановился и сказалъ скорѣе себѣ, чѣмъ Соммерсу:

— Я повѣшу этихъ людей!

Его спокойная увѣренность произвела впечатлѣніе даже на Соммерса; но люди, хорошо знавшіе Мака, могли бы принять его слова и тонъ, которымъ они были сказаны, за смертный приговоръ. Чтобы поймать ихъ, онъ не пожалѣлъ бы своей жизни.

Соммерсъ, думая, что священникъ негодуетъ на то, что жизни его грозитъ опасность, поблагодарилъ его и прибавилъ, что не слѣдуетъ забывать, что опасности можетъ подвергаться и Нора. Макъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Ну, конечно, сказалъ онъ:—ее не слѣдуетъ забывать.

Соммерсъ, заговоривъ о Норѣ, началъ развивать свой планъ о необходимости переѣзда отца и дочери въ Англію, и просилъ уговорить ихъ пріѣхать погостить къ его роднымъ.

— Лучше нашихъ мѣстъ нѣтъ ничего въ цѣлой Англіи, говорилъ онъ о Спрингсорнѣ, близъ котораго находилось ихъ помѣстье.

Макъ ничего не отвѣчалъ и разсматривалъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ. Онъ не оставилъ безъ вниманія мотивовъ приглашенія; но у него были свои причины не поощрять этого переѣзда. Съ другой стороны, Нору необходимо было перенести въ какую нибудь совершенно иную обстановку. Въ концѣ концовъ, онъ рѣшилъ, что приглашеніе Соммерса надо принять. Съ этою цѣлью, онъ встрѣтилъ доктора и сообщилъ что, сколько ему извѣстно, на Нору подѣйствовалъ испугъ, и что ей необходимо уѣхать. На основаніи этихъ словъ, докторъ и настаивалъ такъ на отъѣздѣ.

Вскорѣ послѣ втораго визита доктора, Нора крѣпко заснула, а Майльсъ тихонько пошелъ къ Маку, чтобы успокоиться немного, поговоривъ съ нимъ. Сначала онъ пришелъ въ комнату Мориса, гдѣ долженъ былъ спать священникъ, но нашелъ постель нетронутой. Затѣмъ онъ сталъ искать его по другимъ комнатамъ и зашелъ въ кухню, гдѣ Бидди сообщила ему, что Макъ всю ночь ходилъ взадъ и впередъ по гостинной, и иногда посылалъ ее узнать, что̀ дѣлаетъ миссъ Нора; затѣмъ рано утромъ ушелъ куда-то, вѣроятно, домой. Бидди прибавила, что сама она, изъ страха увидать привидѣніе, всю ночь просидѣла, не смыкая глазъ.

Выйдя изъ кухни, онъ встрѣтилъ священника, который несъ обрывокъ коричневой матеріи, съ грязнымъ отпечаткомъ подошвы, подбитой гвоздями. Макъ выходилъ осмотрѣть мѣстность при *дневномъ свѣтѣ*, и нашелъ этотъ обрывокъ около куста, за *которымъ пряталась* Нора. Малахи наступилъ ей на юбки, и

когда Шамусъ, связавъ, оттащилъ ее, кусокъ платья остался подъ ногою Малахи и, какъ улика, остался на землѣ съ отпечаткомъ подошвы фенія.

— Лучше ли ей, Майльсъ?

— Она наконецъ, слава Богу, уснула! Это вѣдь кусокъ ея платья, вскричалъ онъ, разсмотрѣвъ ближе то, что Макъ держалъ въ рукахъ.

— Заварите, Бидди, чашку чаю покрѣпче, и принесите мнѣ въ столовую, сказалъ Макъ, чтобы избавиться отъ лишнихъ ушей. Затѣмъ, выразительно посмотрѣвъ на Майльса, онъ пошелъ въ гостинную.

— Это ея платье, сказалъ Майльсъ, когда они вошли въ гостинную.

— То, въ которомъ она была вчера? спросилъ Макъ.

— Да, навѣрное.

Майльсъ стоялъ и смотрѣлъ на обрывокъ, точно ждалъ, что онъ ему разскажетъ что нибудь.

— Она была напугана, Майльсъ, вотъ и все. Обѣщайте мнѣ не дѣлать ничего безъ моего совѣта, и тогда я разскажу вамъ все.

— А вы знаете?

— Знаю; но вамъ разсказать я могу только подъ тѣмъ условіемъ, что безъ моего вѣдома вы не предпримите ничего.

Соммерсъ разсказалъ все Маку, подъ условіемъ, что Майльсъ не будетъ подвергать опасности какъ свою жизнь, такъ и жизнь дочери, стараясь поймать преступниковъ.

— Вамъ незачѣмъ брать съ меня такого обѣщанія, Макъ,—съ упрекомъ проговорилъ Майльсъ, во всемъ обращавшійся за совѣтомъ къ Маку.

Тогда патеръ разсказалъ все, что слышалъ отъ Соммерса, прибавивъ къ этому свои собственныя соображенія.

— Дьяволы! Дѣвочку, ребенка! Макъ, намъ нельзя терять ни минуты. Я обыщу весь округъ. Я...

— Вы убьете Нору. Что заставляло ее не отпускать васъ отъ себя ни на минуту? Боязнь за себя? Нѣтъ, боязнь за васъ. Она боялась вчера, что вы узнали что нибудь отъ Соммерса, и еслибы только подозрѣвала, что вы знаете все, то никогда бы не поправилась.

— Дьяволы! снова сквозь зубы проговорилъ Майльсъ, и затѣмъ съ полной безпомощностью обратился къ Маку: —что же *мнѣ* дѣлать?

— *Заботиться* о Норѣ. А ужь я позабочусь о нихъ, сказалъ *онъ, сверкнувъ* глазами.—Вамъ надо какъ можно скорѣе увезти

ее изъ графства и изъ Ирландіи, если только можете. Соммерсу очень хочется, чтобы вы съ нею поѣхали погостить къ его роднымъ, и я принялъ бы это приглашеніе.

Приходъ Бидди съ чаемъ прекратилъ разговоръ. Майльсъ тотчасъ же побѣжалъ на верхъ узнать, спитъ ли еще Нора. Придя къ ней въ комнату, онъ осмотрѣлъ платье, которое на ней было наканунѣ, и тотчасъ же увидѣлъ, что именно такого куска, какой былъ найденъ Макомъ, не доставало на подолѣ.

— Да, это кусокъ ея вчерашняго платья, сказалъ онъ, вернувшись въ столовую.—Сегодня вечеромъ они будутъ опять караулить, прибавилъ онъ, въ надеждѣ, что ему представится случай отмстить злодѣямъ.

— Не думаю. Но эти негодяи обо всемъ сообщили своему тайному обществу, и если они будутъ пойманы здѣсь, то вамъ съ Норой не прожить и недѣли. Вѣдь это террористы. Пролить кровь имъ ничего не значитъ, и имъ необходимо вселять ужасъ, чтобы усиливать свою власть. Если вы дадите имъ поводъ думать, что Нора нарушила свою клятву, они, въ видѣ примѣра, ради запугиванія, поступятъ съ нею самымъ жестокимъ образомъ. А если вы и избавитесь отъ опасности, то все таки не избавитесь отъ боязни этой опасности. Что за жизнь, если человѣкъ вѣчно долженъ бояться? Нѣтъ, Майльсъ, всего лучше, если вы увезете Нору въ этотъ Спрингсорнъ въ Іоркшайръ, гдѣ живутъ родные Соммерса.

— Вы думаете, что она настолько поправилась, что будетъ въ состояніи ѣхать? спросилъ Майльсъ.

— Изъ того, что говорилъ мнѣ докторъ, я вывелъ заключеніе, что сонъ поправитъ ее. Онъ говоритъ, что у нея необыкновенно здоровый организмъ.

Майльсъ успокоился, услыхавъ мнѣніе доктора.

— Ну, а какъ же мы сдѣлаемъ съ мистрисъ Виндгемъ? проговорилъ Майльсъ, не рѣшаясь взглянуть прямо въ лицо даже стараго друга. У Мака было болѣе, чѣмъ у кого либо, причинъ не любить эту ужасную протестантку.

— Послали вы ей извѣстіе?

— Нѣтъ еще. Я хотѣлъ послать сегодня утромъ... телеграфировать...

— Телеграмма можетъ напугать ее, замѣтилъ Макъ.—Подождите, пока Нора проснется. Тогда вы можете телеграфировать, что ей лучше или хуже.

— *Пожалуй, такъ будетъ* лучше, проговорилъ Майльсъ.

— *А о приглашеніи* Соммерса вы можете упомянуть ей въ

закричала, что чуть не уронила подносъ съ чашками. Такъ какъ дверь въ гостинную она не притворила, то Майльсъ, услыхавъ ея крикъ, тотчасъ же вышелъ.

— Господи! Нора, что съ тобой? вскричалъ онъ, увидя ея мертвенную блѣдность и спѣша подхватить ее и провести на диванъ въ столовую, гдѣ хотѣлъ налить ей рюмку вина: но она уцѣпилась ему за руку.

— Не отходи! съ отчаяніемъ крикнула она.

— Я хочу налить только вина, милая.

Когда онъ началъ высвобождать свою руку, она уцѣпилась еще крѣпче, и только повторяла:

— Не уходи!

Майльсъ не зналъ, что ему дѣлать.

— Не уйду, моя милая! Ахъ, Боже мой! Нанси... отецъ Макъ! Скорѣе! Я здѣсь, мое сокровище! повторялъ онъ, приложивъ ея голову къ себѣ на грудь и цѣлуя ея похолодѣвшее лицо. — Что же это такое? крикнулъ онъ вбѣжавшему и въ изумленіи остановившемуся отцу Маку. Патеръ былъ встревоженъ не менѣе самого Майльса, но сильно поблѣднѣвшее лицо его не выражало ничего. Подойдя къ столу, онъ налилъ рюмку вина и, поднявъ ее къ губамъ Норы, кротко, но настойчиво сказалъ:

— Выпей, милая.

Нора подняла голову и выпила немного, уцѣпившись обѣими руками за отца.

— Что съ нею, Макъ? спросилъ Майльсъ, глядя на священника съ выраженіемъ человѣка, ожидающаго своего приговора.

Макъ, держа одной рукой рюмку, а другою поглаживая волосы Норы, съ тревогою смотрѣлъ въ лицо дѣвушки.

— Это испугъ, Майльсъ. Она чего нибудь сильно испугалась. Нора, милая, ты узнаёшь меня?

Нора, грустно улыбнувшись, посмотрѣла ему въ лицо и затѣмъ, взявъ руку, которою онъ гладилъ ее по головѣ, приложила ее къ щекѣ.

Губы отца Мака задрожали, потому что въ этомъ дѣтскомъ движеніи онъ прочелъ такую любовь, какой не сказали бы никакія слова. Онъ наклонился, чтобы поцѣловать ее въ лобъ, и затѣмъ, поднявъ опять рюмку къ ея губамъ, сказалъ:

— Ну, выпей еще, милая.

Вино привело ее немного въ себя. Допивъ рюмку, она вздрогнула и начала сильно дрожать.

— *Ты вѣрно* спала и увидала страшный сонъ, сказалъ Макъ,

Сестра Виндгема, къ которой онъ ѣхалъ теперь, отличалась такой добротой и нѣжностью, что братъ, жившій сначала съ нею, отъ души сталъ бояться крайностей этой нѣжности. Она постоянно хвалилась своимъ глубокимъ сочувствіемъ ко всѣмъ страданіямъ ближнихъ. Если у васъ болитъ голова, она сто разъ спроситъ васъ объ этомъ, и предложитъ сто различныхъ средствъ противъ болѣани. Если вы до смерти измучены, она каждую минуту будетъ настаивать, чтобы вы сѣли поудобнѣе, и станетъ гонять васъ съ мѣста на мѣсто, съ дивана на диванъ, до тѣхъ поръ, пока вы не пожелаете ей провалиться сквозь землю. Если вы захвораете, она безъ устали будетъ ходить по вашей комнатѣ, шептаться надъ вашимъ ухомъ, будить васъ, чтобы удостовѣриться, что вы дѣйствительно спите, и не давать вамъ спать, если вамъ хочется уснуть.

Больной Норѣ, конечно, не могло быть хорошо у тети Винни, но другаго исхода у Виндгемовъ не было. Во всякомъ случаѣ, у тетки было лучше, чѣмъ въ отелѣ, и не такъ дорого. Бѣдному Майльсу или, лучше сказать, Норѣ приходилось разсчитывать каждую копѣйку, чтобы не входить въ новые долги и по возможности уплачивать старые. Еще ребенкомъ Нора приняла отъ отца бразды правленія домомъ, и не позволяла ничего тратить на нее.

Когда они подъѣхали къ дому тети Винни, старая дѣвушка стояла на крыльцѣ и съ любопытствомъ ожидала узнать причину ихъ пріѣзда.

— Помни же, отецъ! выразительно прошептала Нора, напоминая ему о своемъ строгомъ приказаніи: виду не показывать, что она нездорова, а, напротивъ того, самому требовать отъ нея разныхъ услугъ.

Хотя Нора совершенно свободно, какъ здоровая, выскочила изъ экипажа, но, тѣмъ не менѣе, тетка ея воскликнула:

— Милая моя! какой у тебя болѣзненный видъ!

— А я воображала, что могу похвалиться здоровымъ видомъ, съ недоумѣніемъ проговорила Нора.—Это вамъ такъ показалось, тетя, отъ вашихъ лентъ.—Тетя Винни была въ чепцѣ съ широкими ярко-желтыми лентами. Нора же поскорѣе вошла въ полутемную прихожую.

— Что это такое, Майльсъ? спросила тетя Винни, въ то время, какъ они втроемъ направились въ столовую.

— Что это такое? уклончиво спросилъ Майльсъ и, подходя къ *уставленному ѣдою столу*, прибавилъ:—право, Винни, ты сама *знаешь, что это* такое. Ничего милѣе и вкуснѣе ѣды предста-

вить себѣ нельзя. Бѣги, Нора, скорѣе раздѣться,—я голоденъ, какъ волкъ.

По уходѣ Норы, тетя Винни обратилась къ брату.

— Какія непріятности у тебя, Майльсъ?

— Оттого что мы пріѣхали? шутя воскликнулъ онъ.

— Перестань, Майльсъ, серьезно замѣтила она.—Я не могу выносить такой неизвѣстности.

— Ну, такъ знай же, съ необыкновенной торжественностью отвѣчалъ онъ:—что мы оба бѣжали изъ Ирландіи!

Тетя Винни окаменѣла отъ изумленія. Ей живо представились три повода къ бѣгству: отъ мистрисъ Виндгемъ, отъ долговъ и отъ заключенія въ Кильмангеймѣ.

— Я это видѣла по ея лицу! вскричала она.

— Еще бы не видѣть! Бѣдняжка такъ тревожится о своемъ туалетѣ, и хочетъ просить твоего совѣта.

— Ничего подобнаго я не ожидала! съ ужасомъ повторяла Винни, не слыша послѣднихъ словъ брата.

— Да и мы тоже не ожидали, и рѣшили всего два дня тому назадъ. У насъ былъ одинъ молодой англичанинъ и взялъ съ насъ слово, что мы пріѣдемъ къ нему. Ну, такъ Нора не рѣшалась ѣхать, не посовѣтовавшись съ тобою.

— А! воскликнула Винни тономъ человѣка, свалившагося съ небесъ. Она уже создала цѣлый планъ дѣйствій на тотъ случай, еслибы Майльсъ бѣжалъ отъ жены—она ненавидѣла мистрисъ Виндгемъ. Но онъ бѣжалъ вслѣдствіе крайнихъ политическихъ воззрѣній Норы. Тетя ненавидѣла ирландскіе безпорядки, какъ только могла ненавидѣть ихъ консервативная ирландка.

Майльсъ, замѣтивъ ея разочарованіе, началъ успокоивать ее.

— Она полагаетъ, что ни у кого нѣтъ такого вкуса по части нарядовъ, какъ у тебя, серьезно сказалъ онъ:—и что ты, вѣроятно, не откажешься походить съ нею по лавкамъ. И знаешь, Винни, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ:—мнѣ бы хотѣлось, чтобы Нора выбрала, что̀ ей нравится, и ты бы подарила ей это какъ будто отъ себя. Я, конечно, заплачу за все самъ... Какъ подаркомъ отъ тебя, она будетъ больше дорожить этими вещами.

Тетя Винни нисколько не возставала противъ такого заговора. Сама она не была скупой, но очень любила казаться щедрой.

— Хорошо, отвѣчала она.—Но ты мнѣ скажи, кто этотъ молодой англичанинъ?

Она, конечно, прежде всего вообразила, что Нора одержала побѣду.

— Одинъ туристъ, заблудившійся около нашего дома. Очень милый господинъ, небрежно отвѣчалъ Майльсъ.

Видя, что отъ брата не добьешься никакого толку, Винни направилась къ Норѣ.

— Бѣдняжка! сказала она, поднявшись на верхъ.—Майльсъ сказалъ мнѣ все! и я могу только отъ души поздравить тебя!

— Что̀ все, тетя? спросила удивленная дѣвушка.

— Ты, милая, также скрытна, какъ и Майльсъ.

— Ну, такъ онъ всего вамъ не сказалъ, проговорила Нора, отгадывая хитрость любопытной тетки.

— Братъ разсказалъ мнѣ, что *онъ* былъ у васъ, и что теперь вы ѣдете *къ нему*, многозначительно пояснила тетка.

— И тутъ больше разсказывать нечего, отвѣчала утомленная Нора.

— Такъ развѣ ты не помолвлена съ нимъ! съ удивленіемъ вскричала она.

— Помолвлена! Послѣ трехдневнаго-то знакомства!

— Трехдневнаго! Да, ты совершенно права; за это онъ тебя будетъ еще болѣе уважать, — важно качая головою, сказала тетка.

Нора вспомнила о недоразумѣніяхъ, возникшихъ изъ-за англичанина между нею и Морисомъ, и печально проговорила:

— Мы совершенно чужіе другъ другу, и отдаемъ ему визитъ; онъ не желалъ оставаться у насъ въ долгу по части гостепріимства,—вотъ и все.

Печальный тонъ Норы разъяснилъ все пылкой тетѣ. Она безнадежно любила Соммерса, и потому такъ сильно похудѣла. Нора явилась въ ея глазахъ душевно-больнымъ субъектомъ, на котораго слѣдовало обратить особенное вниманіе.

— Не принести ли тебѣ на верхъ чаю, милая? спросила она тихимъ замогильнымъ тономъ, усматривая душевнымъ окомъ сердце Норы, истекающее кровью.

Нора тотчасъ же вообразила, что отецъ не вытерпѣлъ и разсказалъ о ея болѣзни, и потому рѣшила отплатить ему за болтливость.

— На верхъ? что̀ вы, тетя, я нисколько не устала. Да и, кромѣ того, мнѣ надо присмотрѣть за папой. Не находите вы, что онъ сильно перемѣнился?

— Майльсъ? Да развѣ онъ былъ тоже боленъ?

— Ахъ, тетя, пожалуйста, не безпокойтесь о немъ. Онъ совсѣмъ здоровъ и ужасно не любитъ, когда за нимъ ухаживаютъ.

Этого было совершенно достаточно для Винни, которая брата своего любила болѣе всѣхъ на свѣтѣ.

— Ахъ, милая, и зачѣмъ это ты не написала мнѣ. Я бы пріѣхала къ вамъ сейчасъ. Бѣдная твоя мама! Но серьезнаго ничего нѣтъ, Нора?

— Да онъ совсѣмъ и не былъ боленъ, право, не былъ. Мнѣ ужасно досадно, что я вбила вамъ это въ голову.

Но мысль эту выбить изъ головы тети было уже невозможно. Отрицаніе Норы она приписала ея ревности. Очевидно, дѣвушка не хотѣла, чтобы за отцомъ ходилъ кто нибудь, кромѣ нея. Вслѣдствіе этого, тетя Винни бросилась въ столовую и до смерти мучила брата своимъ участіемъ. Майльсъ тотчасъ же догадался, что Нора на него отвлекла отъ себя вниманіе тетки, и охотно подчинился ея ухаживаньямъ. Она ему не дала хорошенько поѣсть и попить, не давала ходить, и согнала со стула на кресло, а съ кресла на диванъ. Теперь уже Нора ничѣмъ не могла поправить бѣды. Тетка сначала приписала увѣренія ея, что отецъ здоровъ,—ревности, а потомъ даже безсердечію. Когда Майльсъ,—лежа на диванѣ, съ подушкою подъ головой, съ ногами, окутанными пледами, и съ противнымъ лѣкарствомъ въ рукахъ,—съ упрекомъ посмотрѣлъ на дочь, точно хотѣлъ ей сказать: „вотъ что ты со мной сдѣлала!“ то Нора не могла утерпѣть и расхохоталась, къ немалому ужасу тетки. Безсердечіе дочери только удвоивало вниманіе сестры, начинавшей думать, что спасеніе жизни Майльса зависитъ отъ ея ухода.

XIII.

Шпіонъ въ лагерѣ.

Тетя Винни всегда приходила въ восторгъ отъ несчастій—ближняго, а не своихъ; и еслибы Майльсъ дѣйствительно чувствовалъ себя плохо, она напугала бы Нору до смерти.

Сойдя на третій день къ завтраку, онъ услышалъ обычный вопросъ, произнесенный замогильнымъ голосомъ:

— Ну, какъ ты себя чувствуешь сегодня, Майльсъ?

— Отлично. Лучше себя чувствовать невозможно, Винни, отвѣчалъ онъ, досадуя на ея соболѣзнованіе.

— Я жду сегодня мистера Флеми, продолжала она тѣмъ же замогильнымъ тономъ.

— *Кто это* такой? Гробовщикъ?

— *Гробовщикъ!* вскричала она, не понимая насмѣшки.—Что

ты! Онъ нотаріусъ, и я просила его къ себѣ. Не слишкомъ ли будетъ утомительно для тебя присутствіе чужаго человѣка?

— Милая Винни, да я во всю свою жизнь не былъ такъ здоровъ.

Тетя Винни недовѣрчиво покачала головой, но не успѣла ничего сказать, потому что Нора проговорила:

— А мы, папа, сейчасъ ѣдемъ за покупками.

Тетка съ негодованіемъ взглянула на племянницу, точно хотѣла сказать: „Боже мой! какая она безсердечная! Развѣ она не видитъ, какъ онъ нездоровъ!“

— Вы ѣдете въ Саквильскую улицу? спросилъ Майльсъ, очень довольный перемѣною разговора.

— Нѣтъ, на набережную; тетя знаетъ какой-то магазинъ, гдѣ можно купить все за безцѣнокъ.

— Вы ѣдете покупать тряпки! съ презрѣніемъ проговорилъ Майльсъ.—Экая страсть у женщинъ накупать всякую дрянь! Онѣ готовы по случаю за безцѣнокъ купить даже гробъ.

— Я никогда не покупаю всякой дряни за безцѣнокъ, воскликнула обиженная тетка.

— Не купишь даже и гроба? продолжалъ Майльсъ, любившій подтрунивать надъ сестрой.

Но шутка эта ему не прошла даромъ. Тетя Винни сочла его постоянный разговоръ о гробахъ дурнымъ предзнаменованіемъ, и еще сильнѣе стала ухаживать за нимъ. Норѣ тоже досталось немало. По дорогѣ въ магазинъ тетка серьезно объяснилась съ нею о состояніи здоровья отца и его близкой смерти. И когда въ магазинѣ Нора стала выбирать себѣ легкія и свѣтлыя платья, Винни съ упрекомъ посмотрѣла на нее, какъ бы желая дать ей понять, что лучше бы ей подумать о траурѣ. Винни такъ много и такъ высокопарно говорила о своемъ желаніи подарить ей наряды, что Нора, зная характеръ тетки и ея средства, начала подозрѣвать, что тутъ что нибудь нечисто. Подойдя къ прилавку, гдѣ были разложены всевозможныя матеріи, Винни величественно указала на него рукою и во всеуслышаніе проговорила:

— Выбирай, что тебѣ нравится, Нора. Не стѣсняйся!

Нора тихо возразила:

— Этого нельзя. У отца нѣтъ такихъ средствъ. Онъ всегда готовъ изъ-за меня влѣзть въ долги.

Говоря это, она пристально посмотрѣла на вспыхнувшую тетку.

— Я хотѣла принять на себя часть затратъ на твой туалетъ, *съ досадой отвѣчала* она:—но если ты не желаешь быть мнѣ *обязанной, нечего* говорить объ этомъ.

письмѣ, такъ какъ мистрисъ Виндгемъ съ удовольствіемъ проведетъ у своихъ родныхъ лишнихъ недѣли двѣ.

Главное затрудненіе было разрѣшено. Майльсъ былъ увѣренъ, что еслибы Виндгемъ знала, что они приглашены, то она немедленно пріѣхала бы, чтобы самой воспользоваться этимъ приглашеніемъ или запретить Норѣ принять его.

— И знаете, что̀ я вамъ скажу, Майльсъ, продолжалъ Макъ, знавшій очень хорошо семейныя отношенія своего друга:—такъ какъ ваша жена будетъ разспрашивать у Норы о причинахъ ея испуга, то лучше совсѣмъ не говорить о ея болѣзни.

— Хорошо, нерѣшительно отвѣчалъ Майльсъ.

— И когда вы прокатитесь, то все будетъ забыто.

— А если Нора не въ состояніи будетъ ѣхать до возвращенія ея матери? спросилъ Майльсъ.

— Полноте; она будетъ въ состояніи ѣхать завтра. Вы можете остановиться въ Дублинѣ—и оттуда написать женѣ, что поѣхали въ гости недѣли на двѣ къ Соммерсу.

Вслѣдствіе такихъ переговоровъ, Норѣ не удалось объясниться съ Морисомъ. На другой день послѣ его возвращенія, онъ опять поѣхалъ въ Леймрикъ, чтобы получить окончательныя инструкціи, и узналъ, что можетъ ѣхать только черезъ недѣлю.

Онъ, во всякомъ случаѣ, рѣшилъ не ѣхать раньше. Послѣ тревожной безсонной ночи онъ началъ сомнѣваться въ основательности своихъ подозрѣній, и рѣшилъ, что повѣритъ только, если услышитъ отъ самой Норы признаніе въ своей винѣ передъ нимъ. На третій день послѣ своего бѣгства изъ Клонарда, онъ вернулся туда, но только для того, чтобы узнать, что она уѣхала къ Соммерсу! Не дожидаясь дальнѣйшихъ объясненій Нанси, приготовившейся сообщить ему полный бюллетень о здоровьѣ миссъ Норы, онъ, какъ безумный, выбѣжалъ изъ дому.

XII.

Тетя Винни.

Нанси только успѣла сказать Морису, что хозяинъ и барыня поѣхали къ мистеру Соммерсу, но не успѣла сообщить, что сначала они заѣдутъ въ Дублинъ, къ старой миссъ Виндгемъ.

Что же касается Соммерса, то онъ уѣхалъ изъ Клонарда *на слѣдующее* утро послѣ болѣзни Норы, получивъ сначала *благопріятный* отвѣтъ на свое приглашеніе. Макъ самъ свезъ его къ *Леймрикъ*, *откуда* онъ уже могъ ѣхать безъ малѣйшей опасности.

Сестра Виндгема, къ которой онъ ѣхалъ теперь, отличалась такой добротой и нѣжностью, что братъ, жившій сначала съ нею, отъ души сталъ бояться крайностей этой нѣжности. Она постоянно хвалилась своимъ глубокимъ сочувствіемъ ко всѣмъ страданіямъ ближнихъ. Если у васъ болитъ голова, она сто разъ спроситъ васъ объ этомъ, и предложитъ сто различныхъ средствъ противъ болѣани. Если вы до смерти измучены, она каждую минуту будетъ настаивать, чтобы вы сѣли поудобнѣе, и станетъ гонять васъ съ мѣста на мѣсто, съ дивана на диванъ, до тѣхъ поръ, пока вы не пожелаете ей провалиться сквозь землю. Если вы захвораете, она безъ устали будетъ ходить по вашей комнатѣ, шептаться надъ вашимъ ухомъ, будить васъ, чтобы удостовѣриться, что вы дѣйствительно спите, и не давать вамъ спать, если вамъ хочется уснуть.

Больной Норѣ, конечно, не могло быть хорошо у тети Винни, но другаго исхода у Виндгемовъ не было. Во всякомъ случаѣ, у тетки было лучше, чѣмъ въ отелѣ, и не такъ дорого. Бѣдному Майльсу или, лучше сказать, Норѣ приходилось разсчитывать каждую копѣйку, чтобы не входить въ новые долги и по возможности уплачивать старые. Еще ребенкомъ Нора приняла отъ отца бразды правленія домомъ, и не позволяла ничего тратить на нее.

Когда они подъѣхали къ дому тети Винни, старая дѣвушка стояла на крыльцѣ и съ любопытствомъ ожидала узнать причину ихъ пріѣзда.

— Помни же, отецъ! выразительно прошептала Нора, напоминая ему о своемъ строгомъ приказаніи: виду не показывать, что она нездорова, а, напротивъ того, самому требовать отъ нея разныхъ услугъ.

Хотя Нора совершенно свободно, какъ здоровая, выскочила изъ экипажа, но, тѣмъ не менѣе, тетка ея воскликнула:

— Милая моя! какой у тебя болѣзненный видъ!

— А я воображала, что могу похвалиться здоровымъ видомъ, съ недоумѣніемъ проговорила Нора.—Это вамъ такъ показалось, тетя, отъ вашихъ лентъ.—Тетя Винни была въ чепцѣ съ широкими ярко-желтыми лентами. Нора же поскорѣе вошла въ полутемную прихожую.

— Что̀ это такое, Майльсъ? спросила тетя Винни, въ то время, какъ они втроемъ направились въ столовую.

— Что̀ это такое? уклончиво спросилъ Майльсъ и, подходя къ *уставленному ѣдою столу*, прибавилъ:—право, Винни, ты сама *знаешь, что̀ это* такое. Ничего милѣе и вкуснѣе ѣды предста-

вить себѣ нельзя. Бѣги, Нора, скорѣе раздѣться,—я голоденъ, какъ волкъ.

По уходѣ Норы, тетя Винни обратилась къ брату.

— Какія непріятности у тебя, Майльсъ?

— Оттого что мы пріѣхали? шутя воскликнулъ онъ.

— Перестань, Майльсъ, серьезно замѣтила она.—Я не могу выносить такой неизвѣстности.

— Ну, такъ знай же, съ необыкновенной торжественностью отвѣчалъ онъ:—что мы оба бѣжали изъ Ирландіи!

Тетя Винни окаменѣла отъ изумленія. Ей живо представились три повода къ бѣгству: отъ мистрисъ Виндгемъ, отъ долговъ и отъ заключенія въ Кильмангеймѣ.

— Я это видѣла по ея лицу! вскричала она.

— Еще бы не видѣть! Бѣдняжка такъ тревожится о своемъ туалетѣ, и хочетъ просить твоего совѣта.

— Ничего подобнаго я не ожидала! съ ужасомъ повторяла Винни, не слыша послѣднихъ словъ брата.

— Да и мы тоже не ожидали, и рѣшили всего два дня тому назадъ. У насъ былъ одинъ молодой англичанинъ и взялъ съ насъ слово, что мы пріѣдемъ къ нему. Ну, такъ Нора не рѣшалась ѣхать, не посовѣтовавшись съ тобою.

— А! воскликнула Винни тономъ человѣка, свалившагося съ небесъ. Она уже создала цѣлый планъ дѣйствій на тотъ случай, еслибы Майльсъ бѣжалъ отъ жены—она ненавидѣла мистрисъ Виндгемъ. Но онъ бѣжалъ вслѣдствіе крайнихъ политическихъ воззрѣній Норы. Тетя ненавидѣла ирландскіе безпорядки, какъ только могла ненавидѣть ихъ консервативная ирландка.

Майльсъ, замѣтивъ ея разочарованіе, началъ успокоивать ее.

— Она полагаетъ, что ни у кого нѣтъ такого вкуса по части нарядовъ, какъ у тебя, серьезно сказалъ онъ:—и что ты, вѣроятно, не откажешься походить съ нею по лавкамъ. И знаешь, Винни, продолжалъ онъ, понизивъ голосъ:—мнѣ бы хотѣлось, чтобы Нора выбрала, что ей нравится, и ты бы подарила ей это какъ будто отъ себя. Я, конечно, заплачу за все самъ... Какъ подаркомъ отъ тебя, она будетъ больше дорожить этими вещами.

Тетя Винни нисколько не возставала противъ такого заговора. Сама она не была скупой, но очень любила казаться щедрой.

— Хорошо, отвѣчала она.—Но ты мнѣ скажи, кто этотъ молодой англичанинъ?

Она, конечно, прежде всего вообразила, что Нора одержала *побѣду.*

— Одинъ туристъ, заблудившійся около нашего дома. Очень милый господинъ, небрежно отвѣчалъ Майльсъ.

Видя, что отъ брата не добьешься никакого толку, Винни направилась къ Норѣ.

— Бѣдняжка! сказала она, поднявшись на верхъ.—Майльсъ сказалъ мнѣ все! и я могу только отъ души поздравить тебя!

— Что̀ все, тетя? спросила удивленная дѣвушка.

— Ты, милая, также скрытна, какъ и Майльсъ.

— Ну, такъ онъ всего вамъ не сказалъ, проговорила Нора, отгадывая хитрость любопытной тетки.

— Братъ разсказалъ мнѣ, что *онъ* былъ у васъ, и что теперь вы ѣдете *къ нему*, многозначительно пояснила тетка.

— И тутъ больше разсказывать нечего, отвѣчала утомленная Нора.

— Такъ развѣ ты не помолвлена съ нимъ! съ удивленіемъ вскричала она.

— Помолвлена! Послѣ трехдневнаго-то знакомства!

— Трехдневнаго! Да, ты совершенно права; за это онъ тебя будетъ еще болѣе уважать, — важно качая головою, сказала тетка.

Нора вспомнила о недоразумѣніяхъ, возникшихъ изъ-за англичанина между нею и Морисомъ, и печально проговорила:

— Мы совершенно чужіе другъ другу, и отдаемъ ему визитъ; онъ не желалъ оставаться у насъ въ долгу по части гостепріимства,—вотъ и все.

Печальный тонъ Норы разъяснилъ все пылкой тетѣ. Она безнадежно любила Соммерса, и потому такъ сильно похудѣла. Нора явилась въ ея глазахъ душевно-больнымъ субъектомъ, на котораго слѣдовало обратить особенное вниманіе.

— Не принести ли тебѣ на верхъ чаю, милая? спросила она тихимъ замогильнымъ тономъ, усматривая душевнымъ окомъ сердце Норы, истекающее кровью.

Нора тотчасъ же вообразила, что отецъ не вытерпѣлъ и разсказалъ о ея болѣзни, и потому рѣшила отплатить ему за болтливость.

— На верхъ? что̀ вы, тетя, я нисколько не устала. Да и, кромѣ того, мнѣ надо присмотрѣть за папой. Не находите вы, что онъ сильно перемѣнился?

— Майльсъ? Да развѣ онъ былъ тоже боленъ?

— Ахъ, *тетя, пожалуйста*, не безпокойтесь о немъ. Онъ *совсѣмъ здоровъ и ужасно* не любитъ, когда за нимъ ухаживаютъ.

Этого было совершенно достаточно для Винни, которая брата своего любила болѣе всѣхъ на свѣтѣ.

— Ахъ, милая, и зачѣмъ это ты не написала мнѣ. Я бы пріѣхала къ вамъ сейчасъ. Бѣдная твоя мама! Но серьезнаго ничего нѣтъ, Нора?

— Да онъ совсѣмъ и не былъ боленъ, право, не былъ. Мнѣ ужасно досадно, что я вбила вамъ это въ голову.

Но мысль эту выбить изъ головы тети было уже невозможно. Отрицаніе Норы она приписала ея ревности. Очевидно, дѣвушка не хотѣла, чтобы за отцомъ ходилъ кто нибудь, кромѣ нея. Вслѣдствіе этого, тетя Винни бросилась въ столовую и до смерти мучила брата своимъ участіемъ. Майльсъ тотчасъ же догадался, что Нора на него отвлекла отъ себя вниманіе тетки, и охотно подчинился ея ухаживаньямъ. Она ему не дала хорошенько поѣсть и попить, не давала ходить, и согнала со стула на кресло, а съ кресла на диванъ. Теперь уже Нора ничѣмъ не могла поправить бѣды. Тетка сначала приписала увѣренія ея, что отецъ здоровъ,—ревности, а потомъ даже безсердечію. Когда Майльсъ,—лежа на диванѣ, съ подушкою подъ головой, съ ногами, окутанными плэдами, и съ противнымъ лѣкарствомъ въ рукахъ,—съ упрекомъ посмотрѣлъ на дочь, точно хотѣлъ ей сказать: „вотъ что ты со мной сдѣлала!“ то Нора не могла утерпѣть и расхохоталась, къ немалому ужасу тетки. Безсердечіе дочери только удвоивало вниманіе сестры, начинавшей думать, что спасеніе жизни Майльса зависитъ отъ ея ухода.

XIII.

Шпіонъ въ лагерѣ.

Тетя Винни всегда приходила въ восторгъ отъ несчастій—ближняго, а не своихъ; и еслибы Майльсъ дѣйствительно чувствовалъ себя плохо, она напугала бы Нору до смерти.

Сойдя на третій день къ завтраку, онъ услышалъ обычный вопросъ, произнесенный замогильнымъ голосомъ:

— Ну, какъ ты себя чувствуешь сегодня, Майльсъ?

— Отлично. Лучше себя чувствовать невозможно, Винни, отвѣчалъ онъ, досадуя на ея соболѣзнованіе.

— Я жду сегодня мистера Флеми, продолжала она тѣмъ же замогильнымъ тономъ.

— Кто это такой? Гробовщикъ?

— Гробовщикъ! вскричала она, не понимая насмѣшки.—Что

ты! Онъ нотаріусъ, и я просила его къ себѣ. Не слишкомъ ли будетъ утомительно для тебя присутствіе чужаго человѣка?

— Милая Винни, да я во всю свою жизнь не былъ такъ здоровъ.

Тетя Винни недовѣрчиво покачала головой, но не успѣла ничего сказать, потому что Нора проговорила:

— А мы, папа, сейчасъ ѣдемъ за покупками.

Тетка съ негодованіемъ взглянула на племянницу, точно хотѣла сказать: „Боже мой! какая она безсердечная! Развѣ она не видитъ, какъ онъ нездоровъ!“

— Вы ѣдете въ Саквильскую улицу? спросилъ Майльсъ, очень довольный перемѣною разговора.

— Нѣтъ, на набережную; тетя знаетъ какой-то магазинъ, гдѣ можно купить все за безцѣнокъ.

— Вы ѣдете покупать тряпки! съ презрѣніемъ проговорилъ Майльсъ.—Экая страсть у женщинъ накупать всякую дрянь! Онѣ готовы по случаю за безцѣнокъ купить даже гробъ.

— Я никогда не покупаю всякой дряни за безцѣнокъ, воскликнула обиженная тетка.

— Не купишь даже и гроба? продолжалъ Майльсъ, любившій подтрунивать надъ сестрой.

Но шутка эта ему не прошла даромъ. Тетя Винни сочла его постоянный разговоръ о гробахъ дурнымъ предзнаменованіемъ, и еще сильнѣе стала ухаживать за нимъ. Норѣ тоже досталось немало. По дорогѣ въ магазинъ тетка серьезно объяснилась съ нею о состояніи здоровья отца и его близкой смерти. И когда въ магазинѣ Нора стала выбирать себѣ легкія и свѣтлыя платья, Винни съ упрекомъ посмотрѣла на нее, какъ бы желая дать ей понять, что лучше бы ей подумать о траурѣ. Винни такъ много и такъ высокопарно говорила о своемъ желаніи подарить ей наряды, что Нора, зная характеръ тетки и ея средства, начала подозрѣвать, что тутъ что нибудь нечисто. Подойдя къ прилавку, гдѣ были разложены всевозможныя матеріи, Винни величественно указала на него рукою и во всеуслышаніе проговорила:

— Выбирай, что тебѣ нравится, Нора. Не стѣсняйся!

Нора тихо возразила:

— Этого нельзя. У отца нѣтъ такихъ средствъ. Онъ всегда готовъ изъ-за меня влѣзть въ долги.

Говоря это, она пристально посмотрѣла на вспыхнувшую тетку.

— Я хотѣла принять на себя часть затратъ на твой туалетъ, съ досадой отвѣчала она:—но если ты не желаешь быть мнѣ обязанной, нечего говорить объ этомъ.

Послѣднія слова привели къ двумъ результатамъ: во-первыхъ, Нора лишилась новаго платья, потому что тетка дѣйствительно хотѣла внести небольшую долю въ уплату за него; а, во-вторыхъ, это ускорило отъѣздъ ихъ въ Англію. Тетка до такой степени пилила Нору за ея безсердечіе, что Майльсъ рѣшился исполнить настоятельную просьбу Соммерса, полученную имъ въ этотъ день, вмѣстѣ съ приглашеніемъ мистрисъ Соммерсъ, написавшей Норѣ небольшое письмецо.

— Что мнѣ отвѣтить отецъ?

— Отвѣть, что завтра вечеромъ мы сядемъ на пароходъ.

— Завтра вечеромъ!

— Чѣмъ раньше мы уѣдемъ, тѣмъ лучше. Тетка пилитъ тебя, и тебѣ не можетъ быть пріятно жить здѣсь.

— Но платья мои не поспѣютъ раньше пятницы.

— Ну, такъ напиши, что мы выѣдемъ въ пятницу.

— Мнѣ кажется, что мистрисъ Соммерсъ чопорная особа.

— Чопорная! повторилъ Майльсъ, взявъ отъ нея письмо и перечитывая его.—Она англичанка, вотъ и все. Въ первыя двадцать лѣтъ знакомства всѣ англичанки чопорны, а потомъ онѣ начинаютъ уже смягчаться.

— Но самъ Соммерсъ былъ очень милъ и простъ.

— Мы познакомились случайно, а еслибы онъ пріѣхалъ съ формальнымъ визитомъ, то былъ бы инымъ. Теперь тебѣ надо привыкать къ чопорнымъ манерамъ. Англичанинъ можетъ быть очень вѣрнымъ другомъ, только не скоро съ нимъ можно сдружиться. Изъ-за пустяковъ онъ для самаго близкаго друга пальцемъ не шевельнетъ, но въ серьезномъ случаѣ не пожалѣетъ себя, чтобы оказать услугу.

— Но вѣдь вся жизнь состоитъ изъ пустяковъ, а не изъ серьезныхъ случаевъ, философски замѣтила Нора.

— Вотъ еще относительно чего мнѣ надо предупредить тебя, Нора. Не употребляй въ разговорѣ аллегорій и преувеличеній,— англичане понимаютъ все въ буквальномъ смыслѣ. Говоря съ англичанами, всегда думай, что ты говоришь на судѣ въ качествѣ свидѣтельницы.

Всѣ эти предостереженія возбуждали въ Норѣ только страхъ передъ новыми знакомыми. Но ѣхать было необходимо, такъ какъ поѣздка была предписана врачемъ, какъ лѣкарство.

— Такъ я напишу, что мы выѣдемъ въ субботу?

— Напиши. Когда мы отправимъ письмо, тогда и скажемъ объ отъѣздѣ теткѣ. Отъ кого это, отъ матери? спросилъ Майльсъ, видя, что Нора распечатываетъ другое письмо.

— Нѣтъ, отъ Нанси.

— Надѣюсь, что ничего дурнаго не случилось? проговорилъ Майльсъ, видя, что Нора вспыхнула.

— Ничего, отецъ. Она пишетъ, что надо вымыть полы, отвѣчала она, подавая письмо.

— Такъ мама еще не вернулась? продолжалъ успокоенный Майльсъ, думавшій сначала, что она покраснѣла, узнавъ о негодованіи матери. Онъ еще не писалъ женѣ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Англію, изъ боязни, что она пріѣдетъ вслѣдъ за нимъ и увезетъ Нору.

— Какой онъ странный человѣкъ. Онъ, кажется, также поспѣшно раздумалъ ѣхать въ Америку, какъ и выдумалъ,—замѣтилъ Майльсъ, подавая Норѣ обратно письмо, въ которомъ Нанси сообщала ей, что къ нимъ приходилъ мистеръ Морисъ. Приходъ тетки избавилъ Нору отъ необходимости отвѣчать. Она разсказала теткѣ о письмѣ, и та замѣтила, что знаетъ Мориса.

— Онъ бывалъ у тебя когда нибудь прежде? спросилъ Майльсъ.

— Онъ-то!... да вѣдь онъ составляетъ мои завѣщанія, вскричала она. Для нея составленіе завѣщанія было любимымъ занятіемъ. Она постоянно мѣняла лицъ, которымъ завѣщала что либо, и только одинъ Майльсъ никогда ни отсутствовалъ ни въ одномъ изъ ея завѣщаній. Въ настоящій же разъ она пригласила Мориса, потому что хотѣла замѣнить Майльса Норой, въ виду слабаго здоровья брата, который, по ея мнѣнію, былъ уже не жилецъ на этомъ свѣтѣ.

Винни извлекала немало выгодъ изъ того, что помѣщала имена своихъ знакомыхъ въ свои завѣщанія. Она всегда сообщала всѣмъ, кого помѣстила вновь, но никогда не говорила, кого вычеркнула, и потому лица, помѣщаемыя въ ея духовной, оказывали ей постоянно разныя мелкія услуги.

Майльсъ, хорошо зная сестру, былъ очень недоволенъ ея заявленіемъ оставить что нибудь Норѣ.

— Напрасно ты безпокоишь нотаріуса такими пустяками, Винни, сказалъ онъ.—Стоитъ ли вписывать въ завѣщаніе имя Норы?

— Какъ не стоитъ! въ негодованіи вскричала она, думая, что братъ говоритъ о незначительности ея состоянія. — Впрочемъ, можно и не вписывать.

— Какихъ денегъ должна тебѣ стоить эта перемѣна завѣщаній! или, можетъ быть, нотаріусъ у тебя нанятъ помѣсячно?... Кромѣ того, *я вовсе не желаю*, чтобы Нора надѣялась на ва-

кое нибудь наслѣдство. Этакъ, пожалуй, у нея не будетъ отбоя отъ женіховъ.

Нотаріусъ, тѣмъ не менѣе, явился. Это былъ ирландскій тори, весьма близкій человѣкъ къ правительству. Предполагая, что Майльсъ, какъ судья, непремѣнно долженъ быть реакціонеромъ, онъ за столомъ началъ порицать распоряженія правительства, говоря, что оно дѣйствуетъ слишкомъ слабо и только раздуваетъ волненія.

— Правительство арестуетъ то того, то другаго, подержитъ его съ мѣсяцъ въ заключеніи, и потомъ отпускаетъ. Да, кстати, прибавилъ онъ: — послѣдній арестъ будетъ произведенъ въ вашемъ сосѣдствѣ. Тамъ приказано арестовать, кажется.... Стеддерта, Мориса Стеддерта.

У Норы замерло сердце, и кровь бросилась въ голову. Она вся вспыхнула.

— Мориса! вскричалъ Майльсъ.—Неужели онъ арестованъ?

— Будетъ арестованъ завтра, многозначительно сказалъ нотаріусъ и, замѣтивъ смущеніе Майльса, холодно прибавилъ: —надѣюсь, что онъ не близкій вашъ знакомый?

— Онъ мой лучшій другъ.

— Вотъ какъ! Въ такомъ случаѣ, мистеръ Виндгемъ, позвольте мнѣ взять съ васъ обѣщаніе никому не разсказывать о томъ, что я вамъ сообщилъ, потому что свѣдѣніе это я получилъ конфиденціально.

Майльсъ, помолчавъ, сказалъ:

— Еслибы вы его знали.....

— Еслибы онъ былъ моимъ роднымъ братомъ, я и въ такомъ случаѣ не долженъ бы ради него нарушать довѣріе, горячо вскричалъ Флеми.

Въ эту минуту Винни сочла нужнымъ встать изъ-за стола, чему очень обрадовалась Нора. Ея поспѣшность бросилась въ глаза Майльсу. Она должна была бы интересоваться судьбою Мориса, и такъ торопилась уйти! По уходѣ дамъ, онъ охотно далъ нотаріусу обѣщаніе никому не сообщать о предполагаемомъ арестѣ.

Выйдя изъ столовой, Нора подъ какимъ-то предлогомъ побѣжала къ себѣ на верхъ и одѣлась. Незамѣченная никѣмъ, пробралась она на улицу и, какъ стрѣла, пронеслась на ближайшій телеграфъ.

Она страшно боялась всякихъ арестовъ. Морисъ часто въ разговорѣ называлъ Кильмайнгеймскую тюрьму—англійскимъ университетомъ, *дающимъ* ирландскимъ мятежникамъ дипломы и степени

на довѣріе ихъ соотечественниковъ. Нора же тюрьму считала тюрьмой и не признавала случаевъ, когда попасть въ тюрьму — было почетомъ. Поэтому она не шла, а летѣла на телеграфъ. У дверей она остановилась, чтобы составить въ головѣ телеграмму ясную, но не всѣмъ понятную. Затѣмъ она вошла и написала такимъ образомъ:

„Завтра Мориса отправятъ въ университетъ, чтобы онъ пріобрѣлъ извѣстную степень. Повидайтесь съ нимъ сейчасъ же!“

Она послала телеграмму на имя отца Мака, потому что Морисъ жилъ далеко отъ телеграфной станціи. Затѣмъ она съ облегченнымъ сердцемъ отправилась домой. Въ ту минуту, какъ она входила въ прихожую, отецъ ея и нотаріусъ шли въ гостинную.

— Уже вернулась, милая! сказалъ Майльсъ, и Нора по лицу его видѣла, что онъ угадалъ, зачѣмъ она выходила.

— Да, ужь вернулась. Все сдѣлано.

XIV.

Телеграмма.

Майльса очень тревожила мысль, что онъ черезъ Нору измѣнилъ слову, данному нотаріусу. Нора же, напротивъ, нисколько не раскаивалась въ томъ, что̀ сдѣлала. Она даже не признавала, что въ этомъ случаѣ поступила незаконно:—иначе поступить она и не могла. Нора совершенно своеобразно смотрѣла на то, что̀ справедливо и что̀ нѣтъ—и потому очень удивилась, когда, поздно вечеромъ, выслушавъ разсказъ ея о телеграммѣ, отецъ сильно смутился.

— Ты думаешь, что они не поймутъ? со страхомъ спросила она.

— Конечно, поймутъ. Ясно, какъ день. Не въ этомъ дѣло, душа моя. Я думаю о томъ: хорошо ли мы сдѣлали, что послали телеграмму?

— Хорошо ли! съ удивленіемъ повторила Нора.

— Ну, да, вѣдь онъ сообщилъ намъ по секрету.

— Мнѣ онъ не сообщалъ по секрету, да и тебѣ тоже.

— Но онъ взялъ съ меня слово не извѣщать объ этомъ Мориса; и, говоря по душѣ, Нора, я не далъ бы ему такъ охотно слова, еслибы не былъ увѣренъ, что ты пошла телеграфировать.

— Я обѣщанія не нарушала; да и ты сдержалъ данное слово.

— Но вѣдь я далъ слово, зная, что ты нарушишь его.

— Неужели ты хочешь сказать, отецъ, вскричала Нора:—что мы изъ какой-то вѣжливости должны были допустить, чтобы Мориса посадили въ тюрьму?

— Не совсѣмъ такъ, душа моя, но...

— Тутъ нѣтъ никакого *но*! съ жаромъ вскричала Нора:—Мориса посадили бы въ тюрьму, еслибы я поступила, какъ слѣдуетъ—по твоему—поступать благовоспитанной барышнѣ.

— Душа моя, при настоящихъ обстоятельствахъ ты поступила совершенно справедливо; я это говорю относительно себя....

— Ахъ, папа! снова вскричала Нора:—что же ты-то могъ сдѣлать? Неужели ты долженъ былъ сказать нотаріусу: „я обѣщаю вамъ не предупреждать Мориса, такъ какъ увѣренъ, что дочь моя пошла предупредить его".

— Право, мнѣ кажется, я долженъ былъ сказать это.

— И что же бы онъ сдѣлалъ тогда? Прямо отправился бы въ замокъ, чтобы Мориса арестовали сегодня же.. Неужели тогда ты чувствовалъ бы, что поступилъ справедливо?

— Нѣтъ, я думаю, что тогда чувствовалъ бы себя нехорошо.

— А ты могъ сдѣлать только то или другое. Не понимаю, чего же ты тревожишься?

Майльсъ пересталъ тревожиться. Если Нора, такая строгая во всемъ, находила, что онъ поступилъ, какъ слѣдуетъ, то тревожиться ему было незачѣмъ.

Нора, съ раннихъ лѣтъ управлявшая домомъ и отцомъ, была самостоятельна не по годомъ. Колебаній она никакихъ не знала. Она твердо вѣрила, что все раздѣлялось на хорошее и дурное, на черное или бѣлое, и никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью не допускала. Помолчавъ немного, Нора тихо спросила:

— Теперь ему необходимо будетъ уѣхать въ Америку?

— Мало ли что необходимо. Но какъ тутъ уѣдешь, когда всѣ порты будутъ осматривать.

— Но вѣдь, если онъ останется въ Ирландіи, ему придется скрываться, какъ убійцѣ. Вотъ тебѣ и свободная страна! съ негодованіемъ прибавила она.

— Милая Нора, играть въ революцію не позволятъ ни въ одной странѣ. Это занятіе опасное. Если ты грозишь человѣку, что застрѣлишь его, а онъ убьетъ тебя, то нечего сѣтовать и горевать, зачѣмъ онъ не далъ тебѣ времени вынуть револьверъ.

— *Никто* болѣе Мориса не ненавидитъ революціи.

— *Да, но* пора ему понять, что и политика запугиванія только вредитъ ему и его дѣлу.

— Ты думаешь, его арестуютъ, папа?

— Конечно. Онъ могъ бы скрыться, но вся страна будетъ отыскивать его. Будь я на его мѣстѣ, я бы отдался въ руки правосудія.

— И сѣлъ бы въ тюрьму?

— А потомъ въ парламентъ. Посидѣвъ въ Кильмангеймѣ, онъ пройдетъ въ парламентъ. Можно съ ума сойти отъ отчаянія при видѣ того, какъ безразсудно управляютъ Ирландіей! воскликнулъ Майльсъ, въ волненіи ходившій взадъ и впередъ по комнатѣ.

Его огорчало положеніе Мориса, да и самъ онъ скорбѣлъ о зависимости Ирландіи отъ Англіи. Онъ не соглашался въ ирландскомъ вопросѣ съ Морисомъ, и былъ увѣренъ, что англійское правительство хорошо относилось къ Ирландіи; но вѣдь хорошія отношенія быка, попавшаго въ посудную лавку, врядъ ли могли быть пріятны хозяину лавки и врядъ ли могли возбудить въ немъ желаніе удерживать такого гостя. Сердце Норы такъ болѣло о судьбѣ Мориса, что она не могла поддерживать отвлеченнаго разговора, и тихимъ голосомъ спросила:

— А долго ли они продержатъ его въ тюрьмѣ?

— Пока не будетъ вакансіи въ парламентѣ, или пока... Тутъ, увидавъ заплаканное лицо Норы, онъ вскричалъ.—Ахъ ты, моя бѣдная дѣвочка, какъ у тебя разстроены нервы! Ну, безпокоиться нечего, право нечего. Если онъ захочетъ просидѣть въ тюрьмѣ нѣсколько мѣсяцевъ—хоть можетъ и не захотѣть—онъ пріобрѣтетъ такое положеніе въ Ирландіи, какого безъ Кильмангейма ему не добиться годами. Я увѣренъ, что лучше этого ничего съ нимъ не могло случиться—съ его собственной точки зрѣнія, да и съ твоей тоже, маленькая мятежница! прибавилъ онъ, поднявъ обѣими руками ея заплаканное личико и наклоняясь, чтобы поцѣловать его. Эта ласка заставила Нору разрыдаться, и, охвативъ отца и положивъ къ нему на грудь голову, она долго рыдала, какъ въ истерикѣ. Бѣдный Майльсъ не зналъ, что ему говорить. Онъ приписалъ ея слезы нервному разстройству, и ему въ голову не приходило, что ея тревога о Морисѣ могла быть еще сильнѣе его тревоги.

Послѣ того какъ она немного успокоилась, онъ настоялъ на томъ, чтобы она отправилась спать, и самъ проводилъ ее на лѣстницу. Придя къ себѣ въ комнату, она въ смущеніи проговорила:

— *Я чувствую себя* теперь совершенно хорошо.

— *Тебѣ бы надо* подкрѣпиться чѣмъ нибудь.

— Нѣтъ, теперь я совсѣмъ здорова. Иди, отецъ, спать. Спокойной ночи.

— Ну, прощай, сказалъ онъ, успокоившись при видѣ ея развеселившагося личика. Но лишь только дверь за нимъ затворилась, какъ улыбка исчезла съ ея лица, и она въ полномъ отчаяніи прислонилась къ камину. Горевала она не объ одномъ Морисѣ, а также и о себѣ. Если онъ будетъ посаженъ, или уѣдетъ въ Америку, или скроется, для нея онъ все таки погибнетъ на такое продолжительное время, какое въ ея года казалось вѣчностью. И въ продолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ онъ будетъ ошибаться въ ней. Онъ не будетъ знать, какъ она... Она вспыхнула, устыдившись того, что отдала свое сердце и раздѣляла его невысказанную любовь. Она припоминала всѣ самыя незначительныя обстоятельства, давшія ей поводъ надѣяться на его расположеніе. Все, что̀ касалось ея отношеній къ нему, она помнила въ точности, и воспоминанія эти хранила, какъ кладъ.

Теперь ее терзало всего болѣе то, ка̀къ могъ онъ заподозрить ее въ любви къ англичанину, котораго она знала всего три дня? И ка̀къ, потерявъ надежду увидѣть его, разубѣдитъ она Мориса? Она стояла съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и думала о будущемъ, не заглядывая далѣе какихъ нибудь двухъ мѣсяцевъ. Всю эту ночь она провела безъ сна, и когда заснула къ утру, то постоянно видѣла во снѣ Мориса, приговореннаго ея же отцомъ къ разстрѣлянію; а она, видя, какъ его привязываютъ къ столбу, не могла ни пошевелиться, ни закричать. Нервы ея страшно были потрясены встрѣчей съ убійцами.

Когда она вошла на слѣдующее утро въ столовую, Майльсъ, увидавъ ее, невольно воскликнулъ:

— Нора, ты блѣдна, какъ мертвецъ!

Къ счастію, Винни дулась на Нору за то, что отецъ ея не пожелалъ, чтобы ея имя было вписано въ завѣщаніе; и потому не допускала ея до чести быть нездоровой. Поэтому, къ немалому удовольствію Майльса, она не только не бросилась ухладывать дѣвушку, но даже, видя, что отецъ ласкаетъ ее, рѣзко сказала ему:

— Что̀ ты! она здоровехонька, Майльсъ.

— Только женщина можетъ быть такой непослѣдовательной, подумалъ Майльсъ.—Она надоѣдаетъ мнѣ, человѣку совершенно здоровому, и говоритъ, что Нора здоровехонька!

— Очень радъ, что ты находишь ее здоровой, Винни, сухо сказалъ онъ.—Довольно и одного больнаго въ домѣ.

Тонъ его разсердилъ сестру еще болѣе, но въ эту минуту горничная вошла въ комнату съ телеграммой.

— Это отъ Джорджа! вскричала Винни, глядя на Майльса. Джорджъ былъ ихъ кузеномъ, очень бѣднымъ и обремененнымъ большимъ семействомъ.—Что станется съ его дѣтьми!

— Что за вздоръ! вскричалъ Майльсъ.—Онъ былъ совершенно здоровъ на прошлой недѣлѣ.

Но Винни только многозначительно качала головою.

— Да ты прежде распечатай и прочти,—смѣясь, сказалъ Майльсъ.

Она взглянула на адресъ, написанный телеграфистомъ, и въ его почеркѣ усмотрѣла трепещущую руку несчастной вдовы. Торжественно развернувъ телеграмму, она прочла:

„Уѣхалъ въ Америку".

Винни, думавшая о своемъ кузенѣ, съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Майльса и въ ужасѣ вскричала:

— Ахъ, Майльсъ!

— Что такое? умеръ? спросилъ онъ.

— Хуже! И сколько дѣтей!

Майльсъ, взявъ изъ рукъ ея телеграмму, засмѣялся.

— Успокойся Винни, ничего не случилось. Эта телеграмма къ Норѣ. Отъ отца Мака, объяснилъ онъ дочери.

Такъ какъ депеша была адресована на имя миссъ Виндгемъ, то, конечно, ее подали Винни, которая получала телеграммы только въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ и объяснила ее себѣ, представивъ, что кузенъ бѣжалъ въ Америку, бросивъ жену и дѣтей.

— Смѣю ли я спросить, кто уѣхалъ въ Америку? язвительно спросила она у Норы.

Но Майльсъ не далъ отвѣтить дочери, боясь, что та проболтаетъ что нибудь, и сказалъ:

— Это одинъ старый пріятель Норы и отца Мака.

— А кто это отецъ Макъ?

— Приходскій священникъ.

— Священникъ! съ ужасомъ ирландской протестантки проговорила Винни. Она считала католическихъ священниковъ какими-то алхимиками.—Но зачѣмъ же онъ телеграфировалъ? спросила она, не понимая, что можно телеграфировать о чемъ нибудь весьма обыкновенномъ.

— Вѣроятно, для того, чтобы не посылать письма, съ досадою отвѣчалъ Майльсъ.

XV.

Арестъ.

Винни такъ была недовольна Норой, что не возражала брату.

объявившему ей о своемъ отъѣздѣ. Майльсъ былъ очень радъ за себя и за Нору, когда они наконецъ сѣли въ кэбъ, чтобы ѣхать на станцію.

— Что же онъ не трогаетъ? спросилъ Майльсъ.

— Тетя говоритъ съ нимъ и приказываетъ везти тебя осторожнѣе,—лукаво улыбаясь, отвѣчала Нора, и снова высунулась въ окно.

Когда экипажъ тронулся, Майльсъ тоже выглянулъ въ окно, чтобы повторить извощику приказаніе везти на станцію, но почти тотчасъ же экипажъ былъ остановленъ. Винни, увидавъ, что Нора высунулась въ одно окно, а Майльсъ—въ другое, тотчасъ послала горничную остановить экипажъ.

— Позвольте, сэръ, задыхаясь, проговорила горничная:—барыня приказали запереть окно, чтобы не сквозило.

— Скажите ей, что я почувствовалъ себя дурно, и потому высунулся, чтобы дохнуть свѣжимъ воздухомъ, сказалъ Майльсъ.

Когда экипажъ снова тронулся, Майльсъ прочелъ Норѣ слѣдующее нравоученіе:

— Вотъ и еще я долженъ предупредить тебя, Нора. Съ ирландской прислугой можно быть ласковой до фамильярности, и за это она не будетъ менѣе почтительна, напротивъ; но если ты будешь ласкова до фамильярности съ англійской прислугой, она станетъ презирать тебя за это. Какъ господа, такъ и прислуга въ Англіи привѣтливость считаютъ слабостью и недостаткомъ самоуваженія. Англичане зачастую такъ уважаютъ себя, что другіе уже находятъ излишнимъ уважать ихъ. Мы же, ирландцы, страдаемъ совершенно противоположнымъ недостаткомъ.

— Мнѣ тоже казалось, что англичане слишкомъ много о себѣ думаютъ.

— Конечно, они думаютъ о себѣ гораздо болѣе, чѣмъ мы. Они зовутъ насъ дикарями, но въ нихъ гораздо больше животнаго, чѣмъ въ насъ. Въ среднемъ выводѣ, англичане глупѣе ирландцевъ.

Они пріѣхали на станцію какъ разъ ко времени отхода поѣзда на пароходную пристань, и въ то время, какъ Майльсъ пошелъ брать билеты, Нора осталась сторожить вещи. Но когда онъ вернулся, ея у вещей не было. Онъ осмотрѣлся кругомъ и, думая, что она поднялась на платформу, передалъ вещи носильщику, а самъ пошелъ искать ее. Но Норы нигдѣ не было. Въ совершенномъ недоумѣніи направился онъ на старое мѣсто, но встрѣтилъ ее на лѣстницѣ, на которую она, запыхавшись, поднималась.

— Куда же ты пропала? Идемъ скорѣе, можемъ опоздать.

— Онъ взятъ.

— Кто взятъ?

— Морисъ.

Нора подала отцу газету, указавъ на статью, озаглавленную: „Арестъ Мориса Стеддерта". Дожидаясь отца, она услыхала, какъ газетчикъ, продавая газеты, упоминалъ фамилію Стеддерта. Она сейчасъ же побѣжала за нимъ и купила номеръ, въ которомъ тотчасъ же увидала страшное извѣстіе. Майльсъ, войдя на палубу, началъ читать: „Морисъ Стеддертъ былъ арестованъ сегодня въ Квинстонѣ, въ ту минуту какъ садился на Кеннардскій пароходъ". Нора, страшно поблѣднѣвъ, смотрѣла на отца, въ надеждѣ, что онъ отложитъ свою поѣздку, для того чтобы посѣтить и утѣшить Мориса въ Кильмангеймѣ. И Майльсъ, конечно, сдѣлалъ бы это, еслибы только она попросила; но ему самому ничего подобнаго въ голову не приходило, а она не хотѣла признаться въ своей любви къ Морису.

— Ну, что же дѣлать, сказалъ Майльсъ, взявъ ее подъ руку и возвращаясь на платформу.

— А это отсюда близко, отецъ? тревожно спросила она.

— Что близко?

— Кильмангеймъ.

— Да, близко...

Черезъ минуту поѣздъ тронулся, и Нора покорилась своей судьбѣ.

— Наконецъ! вскричалъ одинъ изъ сидѣвшихъ въ вагонѣ англичанъ.—Поймали!

— Кого? Одного изъ убійцъ?

— Одного изъ безсовѣстныхъ агитаторовъ, науськивающихъ невѣжественныхъ крестьянъ на убійства, которыхъ сами они никогда бы не совершили.

— Онъ членъ парламента?

— Кажется, не членъ. Его зовутъ Морисъ Стеддертъ.

— Такъ онъ намѣревался улизнуть въ Америку?

— Да, поджегъ, да и далъ стречка. Такихъ поджигателей слѣдовало бы вѣшать, тогда въ Ирландіи было бы спокойнѣе. Это двойные убійцы, потому что руки ихъ замараны кровью убійцъ и ихъ жертвъ. Потокъ можно бы остановить у самаго русла, съ пафосомъ проговорилъ англичанинъ.

— Не думаю, чтобы шестимѣсячное заключеніе въ Кильмангеймѣ *принесло пользу*; послѣ заключенія эти люди становятся еще

ожесточеннѣе. По моему, лучше было бы—отпустить этого. молодца въ Америку и благодарить Бога, что избавились отъ него.

— Въ Америку! Для того, чтобы тамъ онъ проповѣдывалъ ученіе о динамитѣ! Ну, ужь нѣтъ! Если законъ не можетъ вѣшать такихъ негодяевъ, какъ собакъ, такъ, по крайней мѣрѣ, онъ можетъ надѣвать имъ намордники.

Будь Майльсъ одинъ въ вагонѣ, онъ и вниманія не обратилъ бы на этотъ разговоръ; но, взглянувъ на Нору, нашелъ нужнымъ положить конецъ такимъ бесѣдамъ.

— Позвольте мнѣ замѣтить, господа, со спокойнымъ достоинствомъ сказалъ онъ:—что я знаю мистера Стеддерта очень близко, и могу увѣрить васъ, что никто не противодѣйствовалъ такъ убійствамъ и преступленіямъ въ нашей странѣ, какъ онъ.

Англичанинъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него, какъ на сознавшагося фенія, въ то время какъ его болѣе мягкій товарищъ, чувствуя невольное уваженіе къ ирландскому джентльмену, началъ извиняться.

— Конечно, мы поторопились высказать заключеніе, но если-бы могли предполагать...

Товарищъ довольно грубо перебилъ его.

— Ошибка, если только тутъ была ошибка, не нами сдѣлана, а правительствомъ, арестовавшимъ вашего друга.

Взойдя на палубу парохода, Майльсъ обратился къ Норѣ со словами:

— Я сдѣлалъ большую глупость, вступившись за Мориса.

— Я такъ была рада, что ты заступился.

— Это пользы никому не принесло, продолжалъ онъ.—Англичанинъ можетъ допустить благородныя и не меркантильныя побужденія въ какомъ угодно агитаторѣ, въ эльзасскомъ, алжирскомъ, и пойметъ, что имъ руководитъ не одна страсть къ власти и убійству; но развѣ ирландскій агитаторъ можетъ быть человѣкомъ? Даже Карлейль отзывается объ Ирландіи такъ: „Ирландія—голодная крыса, стоящая на пути слона. Что дѣлать слону? Раздавить ее? Право, раздавить!“ Слону не удалось совершенно раздавить крысы, и въ ту минуту, какъ онъ занесъ ногу, неблагодарная крыса смѣетъ кусать своего благодѣтеля. Этого не понимаетъ никто изъ англичанъ—ирландская неблагодарность выводитъ ихъ изъ себя. Они увѣрены, что Ирландія—балованный ребенокъ, которому даютъ все, что онъ ни попроситъ, а онъ все *недоволенъ*, и потому не мѣшаетъ его иногда посѣчь, чтобы онъ *помнилъ, что* надъ нимъ есть властъ. Въ Англіи ты часто бу-

дешь слышать подобные разговоры, и я совѣтую тебѣ не возражать.

XVI.

Пріемъ.

Послѣднее разсужденіе отца не заставило Нору думать съ удовольствіемъ о предстоящемъ знакомствѣ. При ея нервномъ разстройствѣ, ей и безъ того все представлялось въ мрачномъ свѣтѣ. Кромѣ того, ее приводила въ отчаяніе мысль, что они выѣхали изъ Дублина какъ разъ въ то время, когда въ него въѣзжалъ Морисъ, въ качествѣ заключеннаго.

Первую половину пути провела она молча, постоянно думая о Морисѣ, а затѣмъ ее тревожила еще новая мысль объ ея туалетѣ. Теперь она раскаивалась, зачѣмъ отказалась въ Дублинѣ отъ нарядовъ. По двумъ письмамъ, полученнымъ ею отъ мистрисъ Соммерсъ, она заключила, что это чопорная, красивая и разряженная дама. Кромѣ матери, тамъ были и дочери, которыя взглянутъ критически на ея простенькій туалетъ. Она тревожилась, какъ только могла тревожиться ирландка—такъ какъ ирландки ложный стыдъ чувствуютъ сильнѣе англичанокъ. Подѣлиться своей тревогой ей было не съ кѣмъ. Отказавшись отъ нарядовъ въ Дублинѣ, нечего было теперь безпокоить отца; да и, кромѣ того, только женщина могла симпатизировать подобнаго рода униженію.

На станціи она немного успокоилась, увидавъ, какъ ихъ радушно приняли Соммерсъ и одна изъ его сестеръ, выѣхавшіе къ нимъ на встрѣчу. Соммерсъ выказывалъ искреннее радушіе, а миссъ Керри Соммерсъ разсыпàлась въ любезностяхъ передъ своими гостями. Она расцѣловала Нору на платформѣ, а Соммерсъ шумно выражалъ свою радость. Эта встрѣча въ сущности не должна была льстить Норѣ. Миссъ Керри Соммерсъ разсыпалась по двумъ причинамъ, изъ которыхъ ни одна не была лестной для Норы. Во-первыхъ, дома она составляла оппозицію, слѣдовательно, должна была горячо принять Нору, которую остальные члены семейства намѣревались принять съ ледяной холодностью. Во-вторыхъ, миссъ Керри любила новыя забавы, и была убѣждена, что Нора будетъ забавнымъ ребенкомъ. Нора была однихъ съ нею лѣтъ, но, по мнѣнію миссъ Керри, она по своему происхожденію была передъ нею ребенкомъ. Будь Нора англичанкой, миссъ Керри не считала бы ее моложе себя, даже будь она такою же бѣдной, какою опытный глазъ миссъ Керри

признала ирландку, пріѣхавшую безъ особенной клади и безъ горничной. На такую дѣвушку она не могла смотрѣть иначе, какъ на ребенка.

Радушіе брата и сестры нѣсколько сгладило тяжелое впечатлѣніе при видѣ высокопарныхъ лакеевъ и роскошнѣйшаго во всемъ Іоркшайрѣ экипажа. Когда одинъ изъ лакеевъ, уложивъ небольшой сундукъ, спросилъ у Майльса, нѣтъ ли еще багажа, Керри не могла удержаться отъ улыбки.

Когда вещи, уложенныя на телѣгу, были отправлены, Керри осыпала Нору вопросами: была ли у нея гувернантка? Или она училась въ школѣ? Много ли у нея братьевъ и сестеръ? Младшая ли она? Кого бы лучше она желала имѣть: братьевъ или сестеръ? На всѣ эти вопросы Керри не дожидалась отвѣтовъ, и снова начала предлагать самые безсмысленные и дикіе вопросы объ Ирландіи, точно страна эта находилась гдѣ-то на лунѣ. Она знала, что населеніе состояло изъ землевладѣльцевъ-помѣщиковъ, убійцъ и полиціи, что города состояли изъ мазанокъ и были населены свиньями и ирландцами, валявшимися вмѣстѣ въ одной кучѣ; далѣе она рѣшительно ничего не знала. Но въ настоящее время она вовсе не желала оставаться въ невѣдѣніи, и интересовалась всѣмъ на родинѣ своей хорошенькой новой знакомой. Съ незнакомымъ ребенкомъ только вопросами и можно поддерживать разговоръ.

Вопросы эти забавляли Майльса и бѣсили Соммерса, который, послѣ какого-то совершенно дикаго вопроса, сказалъ:

— Да вѣдь не безусловные же они дикари, Керри.

— Папа говоритъ, что ирландцы дикари,—язвительно отвѣчала она, обиженная такой наградой за ея любезность къ гостямъ и брату. Она одна изо всей семьи согласилась ѣхать встрѣчать ирландку и радушно приняла ее, а онъ смѣется надъ нею вмѣсто того, чтобы благодарить. Поэтому она и отвѣтила такъ язвительно.

— Отецъ нашъ—тори старой школы, въ смущеніи объяснилъ Соммерсъ Майльсу.

— Судя по точнымъ свѣдѣніямъ объ Ирландіи вашей сестрицы, я былъ въ этомъ увѣренъ, отвѣчалъ Майльсъ съ такимъ добродушнымъ смѣхомъ, что сарказма его не замѣтила Керри, и Соммерсъ не обидѣлся имъ.

— Я ровно ничего не знаю объ Ирландіи! вскричала Керри, принявшая слова Майльса за комплиментъ.

— Вамъ слѣдуетъ поѣхать въ Ирландію и узнать ее на

ѣстѣ, отвѣчалъ Майльсъ, очень довольный, что сарказмъ его ни-
ого не задѣлъ.

— Мнѣ-то? съ удивленіемъ вскричала Керри.

— Въ нашей семьѣ любознательность не составляетъ отличи-
ельной черты, замѣтилъ Соммерсъ, чтобы сказать что нибудь.

— На тебя не угодишь, рѣзко проговорила обиженная Керри
, надувшись, замолчала. Нора была сильно утомлена, и разговоръ
оддерживался только одними мужчинами.

Наконецъ они въѣхали чрезъ ворота въ темную извилистую
лею, точно кружившуюся вокругъ дома, и внезапно остановились у
одъѣзда. Зданіе было величественное и не напрасно называлось
амкомъ, такъ какъ было снабжено башнями и чѣмъ-то въ родѣ
ойницъ.

Соммерсъ провелъ гостей черезъ прохладную прихожую въ ма-
енькую столовую, гдѣ не оказалось ни души и никакого угоще-
ія. Никому изъ хозяевъ и въ голову не пришло, что Майльсу и
Норѣ негдѣ было даже наскоро позавтракать дорогой.

— Керри, отыщи маму и скажи ей, что мы здѣсь. Не
отите ли чего нибудь покушать? спросилъ Соммерсъ, глядя на
Майльса.

— Не мѣшало бы. Мы ѣхали, не останавливаясь, съ шести
асовъ вчерашняго дня.

— Я очень радъ, что не поѣхалъ черезъ Голигэдъ, замѣтилъ
озяинъ.—Вы, кажется, сильно утомились, миссъ Виндгемъ?

— Я очень устала, отвѣчала Нора, едва говорившая отъ
омленія. Тутъ въ комнату вошла мистрисъ Соммерсъ съ выра-
еніемъ недоумѣнія и вопроса на лицѣ, точно она не знала, зачѣмъ
алъ ее сынъ; она глядѣла вопросительно, точно готовая исполн-
ть все, что ей прикажутъ. Въ отсутствіе мужа она терялась и
дчинялась желаніямъ лицъ, которымъ угодно было распоряжать-
ею. Безъ хозяина ею могъ управлять всякій, кто только хо-
лъ. Майльса и Нору она привѣтствовала испуганно, потому что
ышала отъ мужа, что ирландцы—ничто иное, какъ бѣлые негры,
ансипація которыхъ разорительна какъ для ихъ хозяевъ, такъ
для нихъ самихъ; что держать ихъ нужно въ ежовыхъ
кавицахъ, и что безъ этого они впадутъ въ свою прежнюю ди-
ость. Это она слышала вообще объ ирландцахъ, о Майльсѣ же
о Норѣ слышала отъ своей старшей дочери, что они пріѣхали
Англію съ цѣлью поймать ея сына—или, лучше сказать, его
стояніе. Такія мысли не могли внушить ей желанія радушно
инять гостей; зато гости поразили ее своей наружностью. Кра-
вѣе Майльса она въ жизни никого не видала; а Нора, не

смотря на все предубѣжденіе противъ нея, вовсе не походила на дѣвушку, которая бѣгаетъ за женихами. Она показалась ей милой и простой, что̀ однако же не заставило ее привѣтливѣе отнестись къ пріѣзжимъ. Она по природѣ была холодна, да и, кромѣ того, всю жизнь старалась себя увѣрить, что чѣмъ выше стоитъ женщина по своему положенію, тѣмъ она должна быть невозмутимѣе.

Съ чопорностью куклы раскланявшись со своими гостями, она взглянула, въ ожиданіи дальнѣйшихъ инструкцій, на сына, который въ эту минуту приказывалъ дворецкому подать завтракъ.

— Завтракъ! самымъ негостепріимнымъ образомъ вскричала мистрисъ Соммерсъ. Ея мужъ строго требовалъ соблюденія домашнихъ правилъ и взыскивалъ за малѣйшее нарушеніе ихъ. Правила эти не допускали добавочныхъ завтраковъ. Столъ накрывали въ положенные часы, и всѣ члены семейства обязаны были быть налицо; только по случаю болѣзни дозволялось завтракать, пить чай или обѣдать не въ урочный часъ. Если гость опаздывалъ къ какой нибудь ѣдѣ, ему приходилось ждать слѣдующей; домашній порядокъ нельзя было нарушать изъ-за безпорядочнаго гостя. Конечно, даже самъ мистеръ Соммерсъ допустилъ бы исключеніе въ настоящемъ случаѣ, но бѣдная жена никакъ не смѣла допустить этого.

— Милая мама, они ѣхали всю ночь, съ досадою проговорилъ сынъ.—Керри, миссъ Виндгемъ надо отдохнуть. Позвольте мнѣ показать вамъ вашу комнату, прибавилъ онъ, обращаясь къ Майльсу.

Керри, встрѣченная сестрою насмѣшливо по поводу ея новаго знакомства, тотчасъ же вернулась къ Норѣ съ усиленнымъ желаніемъ быть еще любезнѣе, и готова была подъ руку вести ее на верхъ. Идя по лѣстницѣ, она все время болтала и ввела Нору въ комнату съ такимъ видомъ, точно ожидала, что она придетъ въ восторгъ отъ великолѣпія. Любезно объяснивъ сначала употребленіе разныхъ самыхъ обыкновенныхъ вещей, она начала снимать съ нея шляпку и офточку.

— А знаете, вѣдь вы очень хорошенькая. По разсказамъ Рейда я могла заключить это. Онъ вѣдь бредитъ вами. Онъ всегда восторгается брюнетками; вы, впрочемъ, не настоящая брюнетка, только глаза у васъ такіе большіе и черные. Кого вы больше любите, брюнетокъ или блондинокъ? спросила она, глядя въ зеркало на свое круглое личико съ бѣлокурыми волосами.—Я знаю, вы навѣрное скажите:—блондинокъ, потому что я *блондинка*. Но я себя вовсе не считаю хорошенькой.

И тутъ она, въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ вышли изъ столовой, умолкла, въ ожиданіи отвѣта Норы. Но Нора такъ была утомлена, что почти не слыхала ея болтовни, и, опустившись на стулъ, слабымъ голосомъ проговорила:

— Я такъ утомлена; мнѣ хотѣлось бы прилечь.

— Теперь!

— Да! едва проговорила Нора, чувствуя, что глаза ея смыкаются.

— Но вѣдь завтракъ заказанъ!

— Я не могу ѣсть, благодарю васъ.

— Такъ лучше бы сказать объ этомъ, замѣтила Керри тономъ упрека.

— Да, лучше бы сказать.

Миссъ Керри бросилась внизъ къ матери.

— Теперь она не хочетъ завтракать, мама!

— Ахъ ты, Боже мой, а завтракъ заказанъ!

— Она хочетъ лечь.

— Въ постель! вскричала мать, ужасаясь такому нарушенію порядка.

Тутъ вошелъ ея сынъ, и Керри повторила ему о прихотяхъ Норы.

— Ну, конечно, она хочетъ лечь. Вѣдь она ѣхала и день, и ночь, и, кромѣ того, была больна, съ досадой проговорилъ онъ.— Можно послать къ ней въ комнату чашку чаю или еще чего нибудь; ты, Керри, снеси ей.

— Но она говоритъ, что не хочетъ ѣсть,—недовольнымъ тономъ возразила Керри. Она находила, что вниманіе ея недостаточно оцѣнивается братомъ и Норой. Тутъ на совѣщаніе былъ призванъ вошедшій Майльсъ, но онъ могъ дать какой нибудь отвѣтъ, только повидавъ Нору. Вопросъ этотъ обсуждался съ такою серьезностью, что онъ заподозрилъ, не больна ли дочь, и встревожился. Миссъ Керри указала ея комнату, и Нора, слыхавъ его голосъ, тотчасъ же отворила дверь.

— Ты больна, милая? съ тревогою спросилъ онъ.

— Больна? Нѣтъ, но я такъ устала. Неужели мнѣ надо идти внизъ?

— Тебѣ надо лечь въ постель, выпивъ чашку чаю.

Но Нора больше всего хотѣла спать.

— Мнѣ кажется, что я могла бы проспать цѣлую недѣлю, папа.

— *Какъ разъ все* время нашего пребыванія здѣсь, милая.

— Ахъ, папа! оживляясь, проговорила она: — уѣдемъ ли мы черезъ недѣлю?

— Не знаю. Прежде всего тебѣ надо поправиться. Потомъ мы можемъ поѣхать недѣли на двѣ къ морю. Но тутъ больше недѣли мы не прогостимъ, рѣшительно отвѣчалъ онъ.

— Ну, такъ къ концу недѣли я поправлюсь; если пріѣздъ сюда могъ мнѣ принести пользу, то отъѣздъ вылѣчитъ меня совершенно.

Майльсъ засмѣялся; но Нора не столько хотѣла уѣхать изъ Спрингсорна, сколько ради Мориса хотѣла вернуться въ Дублинъ.

— Сначала надо посмотрѣть, какъ подѣйствуетъ первая часть лѣченія, для того чтобы примѣнить вторую. Начинай съ того, что ложись спать, и выспись хорошенько. Я позабочусь, чтобы тебя не тревожили.

Майльсъ, вернувшись въ столовую, объяснилъ, что Нора очень утомилась и потому ѣсть не хочетъ, но, выспавшись, будетъ совершенно здорова. Мистрисъ Соммерсъ тотчасъ же вообразила, что Нора проспитъ и второй завтракъ, который придется, пожалуй, подавать для нея во второй разъ.

— Они думаютъ только о себѣ, сказала она своей старшей дочери Аннѣ; и такъ какъ она ненавидѣла эгоизмъ, то сердце ея отвернулось отъ гостей.

XVII.

Домашняя жизнь Соммерсовъ.

Ирландцы, первый разъ пріѣзжая въ Англію, постоянно насторожѣ. Они воображаютъ, что англичане вѣчно помнятъ и презираютъ ихъ національность. Соммерсъ старшій принадлежалъ къ числу англичанъ съ самымъ узкимъ, эгоистичнымъ кругозоромъ. Свои дѣла онъ ставилъ на первый планъ, и все остальное имѣло для него значеніе, лишь насколько оно касалось ихъ. По мнѣнію его, ирландскій вопросъ долженъ былъ интересовать англійскихъ землевладѣльцевъ, потому что всякіе безпорядки заразительны, и его арендаторы могли отказаться платить ему. Соммерсъ обо всемъ говорилъ съ авторитетомъ, и если какой нибудь знакомый не сходился съ нимъ во мнѣніяхъ, то возраженія сначала ошеломляли его, а затѣмъ онъ громче прежняго повторялъ сказанное имъ, какъ будто громогласность могла придать убѣдительности мнѣнію. Иногда онъ и съ посторонними не допускалъ возраженій, какъ со своими домашними.

— Къ сожалѣнію—въ эту, любезно отвѣтилъ Майльсъ.

— Неужели вы пріѣхали къ намъ всего на три дня?

— Вы очень добры, но намъ рѣшительно невозможно остаться дольше, вѣжливо отвѣчалъ Майльсъ, но въ вѣжливости его слышалось что-то непонятное Рейду. Онъ никакъ не думалъ, чтобы колкости сестры Анны могли играть какую нибудь роль въ отъѣздѣ гостя. Не могли же они, въ самомъ дѣлѣ, ѣхать такую даль только для того, чтобы остаться три дня? Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, еслибы они получили какое нибудь извѣстіе, вслѣдствіе котораго имъ надо было ѣхать домой, они сказали бы объ этомъ. Значитъ, весь этотъ переполохъ надѣлала Анна, и чтобы удержать Нору, надо какъ можно скорѣе сдѣлать ей предложеніе. Онъ не сомнѣвался въ ея согласіи и только спрашивалъ себя: сдѣлать ли предложеніе теперь, или еще повременить. Нора въ Ирландіи такъ была съ нимъ любезна, а теперь, увидавъ, какъ онъ богатъ, вѣроятно, почувствуетъ къ нему еще большее расположеніе.

— Какая досада! вскричалъ Рейдъ:—но я не теряю надежды, что уговорю васъ.

Когда Майльсъ и компанія, шедшая съ нимъ впереди, пошли дальше, Керри, не имѣвшая привычки воздерживаться, сказала Норѣ:

— Это все надѣлала Анна, я увѣрена въ этомъ. Вѣдь пріѣхали вы изъ Ирландіи никакъ не для того, чтобы остаться три дня. Ну, признайтесь, это надѣлала Анна?

Рейдъ, увидавъ, какъ Нора смутилась, и убѣдившись, что подозрѣнія его вѣрны, тотчасъ же явился къ ней на помощь.

— Керри, какой ты взрослый ребенокъ! не лучше Эффи. Тебя и одной было бы довольно, чтобы заставить миссъ Виндгемъ бѣжать, еслибы она обращала вниманія на всякую неделикатность. Не могу вамъ выразить, какъ мнѣ досадно, прибавилъ онъ, обращаясь къ Норѣ:—я надѣялся показать вамъ наши мѣста и возвратить потерянное вами здоровье. Но я не теряю надежды уговорить васъ погостить здѣсь до тѣхъ поръ, пока не поправитесь.

— Да я совершенно поправилась, благодарю васъ.—Затѣмъ, желая перемѣнить разговоръ, она обратилась къ Керри, надувшейся за выговоръ брата.—Мнѣ очень бы хотѣлось видѣть Серборнское аббатство.

— Я думала, что у васъ достаточно своихъ развалинъ въ Ирландіи, надувшись, отвѣчала Керри.

— *У насъ ихъ* очень много, грустно отвѣчала Нора.

Босвель говоритъ въ своей книгѣ. Проходя мимо рыбныхъ садковъ, докторъ услыхалъ, какъ одинъ рыбакъ снималъ кожу съ живаго угря и ругалъ безсовѣстную рыбу за то, что она не лежитъ спокойно во время этой операціи.

Майльсъ говорилъ объ этомъ примѣрѣ изъ естественной исторіи такъ добродушно и просто, что Соммерсъ вообразилъ, будто гость просто хочетъ перемѣнить разговоръ, потому что не находитъ аргументовъ для возраженія. Поэтому для отступленія Майльса Соммерсъ даже выстроилъ мостъ.

— Это интересно, и совершенно вѣрно, сказалъ онъ, качая головою.—Я помню, когда я былъ въ Шотландіи, одинъ изъ лодочниковъ поймалъ угря...

Соммерсъ постоянно вспоминалъ, что̀ было съ нимъ въ Шотландіи, даже что̀ онъ тамъ ѣлъ и пилъ. Въ то время, какъ Соммерсъ погрузился въ разсказъ о какомъ-то макинтошѣ, забытомъ гдѣ-то въ Шотландіи, Эффи, его младшая дочь—enfant terrible—во всѣ глаза глядѣвшая на Майльса, вдругъ крикнула ему съ другаго конца стола:

— Керри говоритъ, что у васъ нѣтъ платьевъ.

Это замѣчаніе Керри, относившееся къ туалету Норы, внушило Эффи мысль, что Майльса она увидитъ оборваннаго, въ лохмотьяхъ. Замѣчаніе свое она прервала отчаяннымъ крикомъ. Керри, желая заставить ее замолчать, сильно ущипнула ее подъ столомъ.

— Что̀ такое, что̀ съ тобою, Эффи? тревожно спрашивала ее нѣжная мать.—Ну, полно, полно, иди сюда, бѣдная дѣвочка! Перестань же. Идемъ въ дѣтскую. Она не выноситъ чужихъ. Перестань же плакать, милочка!

И кричавшую безъ памяти Эффи вывели изъ столовой. Если первая помѣха его краснорѣчію возмутила такъ Соммерса, думалъ Майльсъ:—то этотъ крикъ, вѣроятно, выведетъ его изъ себя. Но хозяинъ вовсе не вышелъ изъ себя. Онъ нашелъ даже, что Эффи наблюдательна и остроумна.

— Оригинальный ребенокъ! сказалъ онъ Майльсу:—необыкновенно наблюдательный и впечатлительный! Какъ она внимательна ко всему.

— Настоящій бѣсенокъ, прямо сказалъ младшій Соммерсъ.

Въ мистрисъ Соммерсъ такое замѣчаніе задѣло чувство матери, и она чуть не со слезами вскричала:

— Увѣряю васъ, мистеръ Виндгемъ, что она не бѣсенокъ.

Не успѣлъ Майльсъ увѣрить, что онъ несогласенъ съ Рейдомъ Соммерсомъ, какъ глава семейства всталъ со своего мѣста *и прочелъ* молитву, не въ словахъ, а въ тонѣ которой слышался

упрекъ Рейду. Старшая миссъ Соммерсъ тоже была задѣта тѣмъ, что въ ея присутствіи упомянули о нечистой силѣ; она вышла изъ комнаты въ сопровожденіи Керри, напѣвавшей какую-то пѣсню о бѣсѣ и чортѣ, въ пику своей ханжѣ-сестрѣ. Мистрисъ Соммерсъ хотѣла сказать еще что-то въ оправданіе своей дочери, но раздумала и тоже ушла вслѣдъ за своими дочерьми. Хозяинъ предложилъ Майльсу пойти съ нимъ осмотрѣть хозяйство, и они втроемъ вышли изъ дому, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ осматривали не только куръ, но рѣшительно все, до патентованнаго висячаго замка на воротахъ. Можетъ быть, всѣ эти вещи были интересны, но далеко не настолько, какъ воображалъ хозяинъ. Онъ требовалъ, чтобы Майльсъ почувствовалъ, какъ хорошо все, что̀ ему показывали. Въ Англіи очень много Соммерсовъ, заставляющихъ людей разсматривать чуть не въ микроскопъ всѣ принадлежности англійскаго дома.

Рейдъ возненавидѣлъ Майльса за то, что тотъ увидалъ его родныхъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Кромѣ того, ему было досадно, что Нора не произвела такого впечатлѣнія, какого онъ ожидалъ, и не взяла приступомъ расположенія его семьи. Онъ забывалъ, что женщины прощаютъ другъ другу все, кромѣ красоты. Вслѣдствіе этого, онъ былъ не въ духѣ, а Рейдъ, поглаженный противъ шерсти, не походилъ на Рейда, которому все удавалось.

XVIII.

Обѣдъ.

Мужчинамъ трудно себѣ представить, въ какой рабской зависимости отъ своего туалета находятся женщины. Когда героиня наша проснулась, ей, къ счастію, некогда было горевать и раздумывать о своемъ туалетѣ,—она едва успѣла одѣться къ обѣду. Отецъ ея уже четыре раза стучался къ ней въ комнату, и затѣмъ, когда она уже была совсѣмъ готова, къ ней явилась разряженная миссъ Керри. Миссъ въ одинъ мигъ осмотрѣла Нору съ головы до ногъ, и осталась довольна какъ разъ тѣмъ, чѣмъ Нора была недовольна, а именно простотою ея туалета. Норѣ хотѣлось бы одѣться понаряднѣе.

— Ахъ, какъ вы милы! вскричала Керри.—Какъ къ вамъ идетъ простота! Вы всегда одѣваетесь такъ просто? Будь я на вашемъ мѣстѣ, я непремѣнно бы одѣвалась такъ; но мнѣ, какъ видите, этого нельзя: я покажусь просто страшилищемъ.

Послѣ этого она стала подробно, иронически разбирать туалетъ Норы, вертясь все время передъ зеркаломъ; затѣмъ вдругъ, прямо спросила мнѣнія Норы о ея наружности и, получивъ лестный отвѣтъ, сообщила свою тайну, что у нея есть вздыхатель, который сегодня у нихъ обѣдаетъ:—Лесли Чиллингемъ, красивый богатый, умный, очаровательный, какъ описывала его Керри, но... радикалъ, даже радикальный кандидатъ въ парламентъ.

— А мистеръ Соммерсъ—радикалъ?

— Папа! Онъ ненавидитъ радикаловъ; но онъ надѣется повліять на Чиллингема, можетъ быть, даже обратить его. И, кромѣ того...

Тутъ Керри, покраснѣвъ, замолчала. Она хотѣла сказать, что Чиллингема скорѣе обратитъ кто нибудь другой, а не ея отецъ.

Керри вошла къ Норѣ въ комнату съ твердымъ намѣреніемъ не говорить о своемъ вздыхателѣ, который ухаживалъ за нею гораздо менѣе, чѣмъ она того желала. Но лишь только она заперла за собою дверь, какъ тайна невольно сорвалась у нея съ языка, и вслѣдъ затѣмъ она почему-то разсердилась на Нору. Изъ желанія досадить Норѣ, она высказала, что замѣчаетъ ея черезчуръ простой туалетъ. Въ эту минуту прозвонилъ колоколъ, и онѣ побѣжали въ гостинную.

При ихъ приходѣ, чело Соммерса прояснилось, и онъ подошелъ къ Норѣ съ высокопарнымъ привѣтствіемъ. Миссъ Соммерсъ поздоровалась холодно и почти сурово. Мистрисъ Соммерсъ, довольная тѣмъ, что Нора не потребовала ѣды не во-время, милостиво спросила ее: отдохнула ли она, и представила ей мистера Чиллингема. Тотъ, какъ кандидатъ въ депутаты былъ, конечно, со всѣми любезенъ. Онъ, не смотря на свою молодость, потерялъ всякій интересъ въ жизни, и думалъ только о себѣ, считая себя призваннымъ улучшить положеніе дѣлъ. Онъ только что кончилъ курсъ въ Оксфордѣ, гдѣ отличался своими познаніями и ораторствомъ, и дѣйствительно былъ умный человѣкъ. Къ обѣду Нору повелъ самъ хозяинъ, который, замѣтивъ, какъ она хороша, тотчасъ же сталъ къ ней особенно внимателенъ. На ходу онъ объяснилъ ей, что спала она такъ крѣпко отъ Спрингсорнскаго воздуха, о которомъ онъ отзывался въ такихъ выраженіяхъ, точно воздухъ этотъ хранился у него въ бутылкахъ въ подвалѣ, вмѣстѣ съ его винами. Разговоръ о воздухѣ онъ продолжалъ все время, пока ѣли супъ и рыбу. Весь обѣдъ Соммерсъ ораторствовалъ самымъ скучнымъ образомъ. Чиллингемъ, недавно вышедшій изъ Оксфорда, естественно интересовался Ирландіей, на *которую онъ*, не смотря на свой радикализмъ, смотрѣлъ свысока.

Объясненія Майльса до такой степени заинтересовали его, что онъ просилъ его къ себѣ во вторникъ, когда у него будетъ обѣдать государственный секретарь по дѣламъ Ирландіи. Майльсъ сначала отказался отъ приглашенія, находя неловкимъ принять приглашеніе независимо отъ хозяина; но самъ Соммерсъ настоялъ на томъ, чтобы Майльсъ далъ слово.

Нора сильно скучала, удалившись съ дамами въ гостинную. Керри, весело болтавшая и смѣявшаяся въ столовой, омрачилась, лишь только дверь въ гостинную затворилась за дамами. Чиллингемъ далеко не былъ къ ней такъ внимателенъ, какъ она ожидала и нахвалилась Норѣ. Старшая миссъ Соммерсъ, непремѣнно желавшая досадить Норѣ, за то что она ловила брата ея себѣ въ женихи, стала ей показывать альбомъ съ портретами ихъ знатныхъ знакомыхъ, и особенно выразительно указывала на фотографію молодой дѣвушки, съ которою, какъ она говорила, Рейдъ почти помолвленъ. Она до такой степени много говорила ей объ этой помолвкѣ, что Нора не могла не понять, на что ей намекали.

Когда мужчины пришли въ гостинную, миссъ Соммерсъ старшая тотчасъ же, на зло своей сестрѣ и брату, усадила Чиллингема съ Норой. Само собою разумѣется, Чиллингемъ тотчасъ же повелъ разговоръ объ Ирландіи, и такъ какъ Нора говорила о своей дорогой родинѣ съ особенной любовью и жаромъ, то увлекла молодаго человѣка. Такая хорошенькая и умная собесѣдница совершенно завладѣла вниманіемъ Чиллингема, къ досадѣ Рейда Соммерса и Керри.

Керри въ эту минуту отъ души ненавидѣла Нору. Братъ ея сначала былъ очень доволенъ вниманіемъ Чиллингема. Это вниманіе ставило Нору на пьедесталъ, тѣмъ болѣе, что Рейдъ не могъ не замѣтить, что Нора не произвела ни малѣйшаго впечатлѣнія на его мать и сестеръ. Онъ надѣялся, что предубѣжденіе, создавшееся передъ ея пріѣздомъ, сразу исчезнетъ при ея появленіи. Но предубѣжденіе не исчезло. Ни мать, ни сестры не разинули рта при видѣ ея красоты. Рейдъ принадлежалъ къ числу людей, которые при выборѣ жены больше всего думаютъ о томъ, что скажетъ свѣтъ о ихъ выборѣ. Посмотритъ ли свѣтъ на нее благосклонно? Поэтому вниманіе самаго богатаго жениха ихъ округа, жениха, который могъ выбрать себѣ любую невѣсту, сначала очень польстило Рейду, но затѣмъ онъ сталъ припоминать разсказъ о мальчикѣ, въ избыткѣ радости показавшемъ товарищу найденное имъ гнѣздо, изъ котораго тотъ выбралъ себѣ всѣхъ птицъ, оставивъ нашедшему одно гнѣздо. Миссъ Соммерсъ также достигла своей цѣли. Она разлучила Нору съ братомъ и сестру съ Чиллингемомъ. Уви-

давъ же, что молодой человѣкъ увлеченъ разговоромъ, она порѣшила, что знакомство это надо прекратить, изъ боязни, что искательница приключеній, пожалуй, у нихъ въ домѣ поймаетъ лучшаго жениха въ округѣ, ради котораго Нора, конечно, завтра же откажется отъ Рейда. Въ теченіе вечера ей удалось на минуту поймать Чиллингема и сказать ему:

— Я такъ много обязана вамъ, мистеръ Чиллингемъ.

— Обязаны мнѣ?

— Я знала, что, познакомивъ васъ съ миссъ Виндгемъ, доставлю бѣдняжкѣ большое удовольствіе!

— Обязаны мнѣ за это? Напротивъ того, я обязанъ вамъ, увѣряю васъ, миссъ Соммерсъ. Я вамъ благодаренъ за такой пріятный вечеръ, какого давно не проводилъ. Она прелестная дѣвушка!

— Братъ мой познакомился съ ними въ какой-то глуши въ Ирландіи, куда онъ ѣздилъ охотиться, и пригласилъ ихъ пріѣхать къ намъ, если имъ случиться быть въ Англіи; но они оказали Рейду такое вниманіе, что пріѣхали ради него нарочно. Это, конечно, очень для него лестно, потому что она хорошенькая. Развѣ вы этого не находите?

Не только словами, но и тономъ она ясно дала понять, что Нора ловитъ ея брата.

— Она мнѣ вовсе не показалось такого рода особой, сказалъ Чиллингемъ съ рѣзко выраженнымъ отвращеніемъ, отвернувшись отъ нея.

Миссъ Соммерсъ не вѣрила брату, разсказывавшему, что Нора геройскимъ образомъ спасла ему жизнь; но она не могла не знать, что ирландцы пріѣхали по особенному приглашенію ея семейства, такъ какъ мать ея писала Норѣ два раза и звала ее къ себѣ.

Черезъ какую нибудь минуту, миссъ Соммерсъ раскаялась въ томъ, что соврала; но раскаялась только потому, что ложь ея не принесла пользы.

На слѣдующій день было воскресенье, и миссъ Соммерсъ, вставъ раньше другихъ, отправилась къ ранней обѣднѣ. Нора, выспавшись наканунѣ, проснулась рано и, помечтавъ о Морисѣ, захотѣла погулять. Одѣвшись, она подняла шторы, и почувствовала непреодолимое желаніе войти въ садъ. Блестѣвшій росою садъ казался такимъ прохладнымъ, такимъ заманчивымъ, и Нора, спустившись внизъ, спросила горничную, убиравшую комнату: какъ пройти въ садъ. Но она нашла, что вблизи садъ вовсе не былъ такъ красивъ, какъ издали. Не успѣла она сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ услыхала за собою шаги.

Обернувшись, она увидала Рейда, которому, улыбаясь, протянула руку. Нора была ему благодарна за вниманіе къ ней, не смотря на холодность остальныхъ членовъ семьи.

— Вы давно уже гуляете? спросилъ онъ, удерживая ея руку въ своей.

— Нѣтъ, не очень давно, съ четверть часа. Взглянувъ въ окно, я не могла устоять отъ искушенія—подышать теплымъ воздухомъ.

— И я тоже не могъ устоять, многозначительно замѣтилъ онъ. Она поняла комплиментъ, но не желала показывать вида, что понимаетъ смыслъ его.

— Я думала, что вы такъ привыкли къ этому саду, что онъ не могъ соблазнить васъ, сказала Нора.

— Да я говорю вовсе не о садѣ, проговорилъ онъ такъ выразительно, что уже нельзя было не понять.

— Неужели вы говорите обо мнѣ? весело вскричала Нора, нѣсколько смущаясь отъ его взгляда.—Это съ вашей стороны очень мило, и совершенно по ирландски.

— Нѣтъ, это вовсе не по ирландски, миссъ Виндгемъ, если вы подразумѣваете, что это не серьезно. Я жаждалъ....

— Позвольте, позвольте! Съ чего же вы взяли, что по ирландски значитъ не серьезно! вскричала Нора.—Съ чего вы взяли, что я могу такъ дурно отзываться о своей родинѣ? Комплиментъ вашъ я приняла совершенно серьезно и съ благодарностью, и готова даже сдѣлать реверансъ, какъ въ лансье. Ахъ! скажите, пожалуйста, танцуютъ ли еще лансье? спросила она, стараясь какъ нибудь перемѣнить разговоръ и направляясь къ дому.

— Куда же вы идете? завтракъ подадутъ не ранѣе, какъ черезъ полчаса, а я думалъ показать вамъ оранжерею; вы такъ любите цвѣты.

— Я хотѣла сходить за папой, чтобы показать ему садъ.

— Онъ вчера уже все осмотрѣлъ. Кромѣ того, онъ еще не всталъ. Его только что будили, когда я сходилъ. Мы можемъ пройти вотъ тутъ, сказалъ онъ, поворачивая налѣво. Черезъ нѣсколько минутъ онъ спросилъ:—Поправились ли вы послѣ того случая?

— Совершенно. Благодарю васъ.

— Никакъ не могу простить себѣ, что я былъ причиною такого страшнаго дня, ни забыть, что я обязанъ вамъ, миссъ Виндгемъ, своей жизнью.

— Меня разстроило не это, а случившееся потомъ, вздрогнувъ, отвѣчала она.

— Случившееся потому, что вы стояли утромъ между мною и смертью.

Нора, помолчавъ немного, сказала:

— Вы придаете слишкомъ большое значеніе тому, что я сдѣлала, мистеръ Соммерсъ. Я бы сдѣлала это для всякаго, и всякая на моемъ мѣстѣ сдѣлала бы это для васъ.

Послѣдняя фраза показалась ему комплиментомъ, о которомъ Нора и не думала.

— У другой дѣвушки не достало бы столько энергіи и присутствія духа и столько..... самопожертвованія! съ паѳосомъ вскричалъ онъ:—во всякомъ случаѣ, вы не можете заставить меня не быть благодарнымъ. Но не благодарность желалъ я выразить вамъ, а...

— Рейдъ! крикнула миссъ Соммерсъ со средней аллеи.

Вернувшись изъ церкви, она выглянула въ окно въ садъ, и въ страшныхъ попыхахъ бросилась туда. Она была убѣждена, что Нора устроила это свиданіе съ ея братомъ, и бросилась на выручку. Съ этой минуты она рѣшилась не выпускать изъ глазъ ихъ гостью и силою спасти брата.

— Рейдъ! повторила она еще громче.

— Что? спросилъ онъ съ досадою.

— Завтракать!

— Завтракать? Еще всего десять минутъ девятаго.

— Но вѣдь миссъ Виндгемъ надо еще раздѣться.

— Шляпку-то снять?

Предлогъ прервать tête-à-tête былъ неудаченъ, но миссъ Соммерсъ второпяхъ не подъискала лучшаго. Братъ, раздосадованный помѣхою и глупымъ предлогомъ, повернулся, не говоря ни слова, и пошелъ къ оранжереѣ. Но Нора, съ своей стороны довольная помѣхой, поспѣшно проговорила:

— Я пойду къ себѣ.

— Шляпку можно снять скорѣе, чѣмъ въ двадцать минутъ.

— Мужскую, можетъ быть, но не женскую... а коса-то? Снимешь шляпу, и не знаешь, что дѣлать съ волосами, надо ихъ сейчасъ же перечесывать. Мужчины понятія не имѣютъ о женской прическѣ.

— Вы забываете, что я видѣлъ ваши волосы, улыбаясь, сказалъ онъ, съ удовольствіемъ вспоминая знаменательный вечеръ.

Нора покраснѣла, а миссъ Соммерсъ, не слыхавъ разговора, а увидавъ только, какъ вспыхнули щеки Норы, убѣдилась, что подозрѣнія ея основательны.

Нора въ этотъ день была въ отличномъ расположеніи духа и, повернувшись къ миссъ Соммерсъ, направилась съ нею къ дому.

— Я вѣдь не знала, что вы не станете одѣваться къ завтраку, миссъ Виндгемъ, чопорно проговорила сестра Рейда.

— Напротивъ того, я только что объяснила мистеру Соммерсу, что женская прическа требуетъ немало времени. Скоро ли заплетешь косы! объяснила Нора.

Всякій разговоръ о прическѣ миссъ Соммерсъ считала личнымъ оскорбленіемъ, потому что у нея голова едва была покрыта волосами, и косу она носила подвязную. Рейдъ невольно улыбнулся, а миссъ Соммерсъ, увидавъ эту улыбку, подумала, что Нора, недовольная помѣхой, нарочно заговорила о волосахъ, чтобы уколоть ее.

Неужели она могла позволить этой противной, безсовѣстной дѣвушкѣ поймать ея глупаго брата и опозорить фамилію Соммерсовъ? Нѣтъ, она рѣшится на все, что̀ отъ нея зависитъ, и не допуститъ, чтобы Рейдъ сдѣлалъ предложеніе подобной особѣ.

— Надо полагать, рѣзко и язвительно сказала она:—что разговоръ о волосахъ лучше бы вамъ вести съ вашей горничной, а не съ молодымъ человѣкомъ.

Нора съ удивленіемъ взглянула на разъяренную миссъ. Рейдъ совершенно вышелъ изъ себя.

— Ея горничная и всякая послѣдняя служанка въ домѣ могла бы поучить тебя тому, чему ты думаешь учить ее, крикнулъ онъ, поблѣднѣвъ отъ злости.—Домой можно пройти вамъ этой дорогой, прибавилъ онъ, обращаясь къ Норѣ.—А по пути я вамъ покажу папоротники.

Нора, пораженная неожиданной бурей, пошла за нимъ, оставивъ окаменѣвшую отъ негодованія миссъ Соммерсъ.

— Мнѣ такъ досадно, миссъ Виндгемъ, началъ онъ, отойдя нѣсколько шаговъ.

— Да что̀ такое я сказала? спросила она, перебивая его и стараясь припомнить, что̀ она говорила.

— Вы сказали что-то о волосахъ, а она сочла это за насмѣшку.

— Ну, какъ можно было подумать это? Не могу высказать, какъ мнѣ обидно. Ахъ, какъ мнѣ досадно!

— Досадно должно быть ей. Развѣ такое предположеніе не оскорбительно?

— Какъ можно было предположить что либо подобное? чуть не съ отчаяніемъ вскричала Нора. — Будьте такъ добры, объ*ясните ей.*

— Если она извинится передъ вами.

— Нѣтъ, нѣтъ. Вѣдь еслибы я была такою, какой она меня считаетъ, я заслуживала бы ея негодованія. Пожалуйста, объясните ей, что я неспособна на такую дерзость, серьезно просила Нора.

— Хорошо, если вы непремѣнно желаете этого.

— Да, желаю. Я совсѣмъ разстроена.

— Непремѣнно объясню. А вотъ и папоротники.

— Теперь я не стану осматривать ихъ, мистеръ Соммерсъ. Мнѣ надо идти. Пожалуйста, объясните скорѣе все вашей сестрицѣ.

XIX.

Папеки миссъ Соммерсъ.

Мудрено ли, что подозрѣніе въ неделикатности огорчило Нору? Съ первыхъ же словъ брата о Норѣ и о ея предполагаемомъ визитѣ, миссъ Соммерсъ вообразила, что Нора—ничто иное, какъ ирландка, авантюристка, гоняющаяся за выгодными женихами. Стоило ей только забрать такую мысль въ голову, чтобы все въ Норѣ показалось [illegible] подтвержденіемъ принятаго ею мнѣнія. Дѣвушка, способная явиться спозаранку на свиданіе съ ея братомъ, конечно, могла нарочно отмстить ей за помѣху видѣться наединѣ съ Рейдомъ. Вслѣдствіе этого, объясненія брата были встрѣчены ею со злостью. Чувство гостепріимства было недоступно миссъ Соммерсъ, и потому она открыто выражала Майльсу и Норѣ свое неудовольствіе при видѣ ихъ. А между тѣмъ Нора знала, что Рейдъ объяснялся съ нею, потому что, входя въ дверь, она снова повторила ему свою просьбу, и онъ сказалъ:

— Я сейчасъ же пойду къ ней.

Майльсъ, человѣкъ наблюдательный, тотчасъ же замѣтилъ, что удары направлены на него и на дочь, и, улучивъ передъ обѣдней свободную минутку, спросилъ у Норы:

— Что это дѣлается съ миссъ Соммерсъ?

Нора объяснила ему, въ чемъ дѣло, и прибавила:

— Ахъ, папа, уѣдемъ лучше завтра. Ты можешь какъ нибудь извиниться... можно выдумать какой нибудь предлогъ. Всѣ они, кромѣ Рейда Соммерса, желаютъ, чтобы мы уѣхали; и ему это также непріятно, какъ и намъ. Уѣдемъ завтра.

— Я не могу. Во вторникъ я обѣщалъ обѣдать у Чиллингема.

— *Ахъ!* съ тяжелымъ вздохомъ проговорила она. Ей было не-

легко оставаться еще два дня; но остаться цѣлый день безъ отца казалось ужаснымъ.—Нельзя ли отказаться отъ этого обѣда?

— Нѣтъ, Нора, нельзя. Мы можемъ ѣхать въ среду.

— Господи! вздохнувъ, проговорила она.—Ну, такъ въ среду. Не забывай, пожалуйста, что здѣсь я нахожусь подъ надзоромъ полиціи. Тебѣ ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ оставлять меня одну, пока мы не вернемся въ Ирландію.

— За исключеніемъ вторника.

— Понять не могу, какъ рѣшаешься ты оставить меня на цѣлый день одну.

— Признаюсь тебѣ, дорогая, что мнѣ совѣстно оставить тебя, но иначе поступить я не могу.

— Желаю тебѣ встрѣтить настоящее англійское гостепріимство, сказала она.

— Не вездѣ же встрѣчаются такія госпожи, какъ миссъ Соммерсъ. Впрочемъ, какой же англичанинъ остался бы доволенъ ирландскимъ гостепріимствомъ, еслибы пріѣхалъ къ тетѣ Винни?

— Господи! Что я буду дѣлать во вторникъ? снова вздохнувъ, сказала Нора.

— Младшая сестра, кажется, очень мила, когда въ духѣ?

— Да, но она безпрестанно измѣняется. То она ухаживаетъ за мною, то бросаетъ, какъ наскучившую куклу.

— Во вторникъ не отставай отъ нея.

Майльсъ объяснялъ неудовольствіе миссъ Соммерсъ вниманіемъ ея брата къ Норѣ. До сихъ поръ отецъ считалъ Нору ребенкомъ—умнымъ и развитымъ, но, тѣмъ не менѣе, ребенкомъ. Что же могло означать вниманіе къ ней молодаго человѣка? что могло быть въ немъ подозрительнаго? Но Нора не была ребенкомъ, очень хорошо понимала значеніе ухаживаній Рейда, и потому боялась встрѣчаться съ нимъ глазъ на глазъ.

Разговоръ этотъ происходилъ между отцомъ и дочерью въ то время, какъ они ждали семью своихъ хозяевъ, чтобы вмѣстѣ направиться въ церковь. Соммерсъ никогда не позволилъ бы сварить картофелины между ранней и поздней обѣдней для своего завтрака, никогда не пропускалъ обѣдни, и думалъ, что она служится не для прихода, а спеціально для него. Проповѣдь онъ слушалъ съ такимъ видомъ, точно могъ тотчасъ же возразить на нее или согласиться съ высказанными въ ней желаніями. Онъ даже въ церкви готовъ былъ сказать: L'état—c'est moi.

Лишь только Соммерсы и гости ихъ вышли изъ церкви, какъ *Эффи нарушила* благоговѣйное настроеніе вопросомъ:

— Папа, отчего пасторъ Симонсъ называетъ чорта сатаной: развѣ онъ крещенъ подъ этимъ именемъ?

Этотъ вопросъ понравился даже Майльсу, а отецъ Эффи тотчасъ же началъ разсказывать про дѣвочку различные анекдоты: какъ, напримѣръ, за обѣдней, когда къ ней подошли съ тарелочкой, чтобы получить съ нея шесть пенсовъ, она вмѣсто того, чтобы положить монету, взяла съ тарелочки шиллингъ и положила его себѣ въ карманъ.

Дѣвушки шли сзади, и Керри, зная очень хорошо, что сестра ея заинтересована священникомъ Симонсомъ, начала смѣяться надъ его длинными ногами, длиннымъ носомъ и круглыми, выпуклыми глазами

— А мнѣ онъ показался такимъ простымъ, хорошимъ человѣкомъ, возразила Нора.

— Онъ чистый филинъ; вы сами увидите это во вторникъ.

— Онъ будетъ у васъ обѣдать во вторникъ?

— Нѣтъ, но мы устроимъ пикникъ во вторникъ въ Серборнское аббатство. Анна пригласила ученицъ своей воскресной школы сопровождать Симонса. Я это говорю въ буквальномъ смыслѣ слова. Ему безъ провожатыхъ неприлично было бы отправиться на пикникъ, ну а съ цѣлой школой ѣхать можно.

— А мистрисъ Соммерсъ поѣдетъ?

— Мама? Она терпѣть не можетъ пикниковъ, и я тоже; по крайней мѣрѣ, такого рода пикниковъ... придется быть няньками дѣвчонокъ, и я ни за что бы не поѣхала, еслибы можно было ѣхать куда нибудь въ другое мѣсто; но ѣхать-то некуда...

Въ эту минуту къ нимъ подошелъ Рейдъ.

— Ты во всякомъ случаѣ не будешь? спросила его сестра.

— Не буду гдѣ?

— На томъ пикникѣ, который Анна дѣлаетъ для Симонса во вторникъ. Вѣдь ты приглашенъ на охоту въ Сельбиседжъ. Кажется, такъ?

— А вы ѣдете, миссъ Виндгемъ?

— Конечно, ѣдетъ. Не поѣду же я одна. Можешь быть увѣренъ, что я не нужна Аннѣ и Симонсу.

— Жаль, что я далъ слово Крофтону; но я не зналъ, что мистеръ Виндгемъ пріѣдетъ къ намъ на этой недѣлѣ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Норѣ.

Нора очень обрадовалась, узнавъ, что во вторникъ она можетъ быть покойна. Соммерсъ-отецъ повернулся и сказалъ сыну:

— *Рейдъ*, мистеръ Виндгемъ хочетъ уѣхать отъ насъ въ среду.

— *Въ среду!* воскликнулъ Рейдъ.—Не въ эту же среду?

— Къ сожалѣнію—въ эту, любезно отвѣтилъ Майльсъ.

— Неужели вы пріѣхали къ намъ всего на три дня?

— Вы очень добры, но намъ рѣшительно невозможно остаться дольше, вѣжливо отвѣчалъ Майльсъ, но въ вѣжливости его слышалось что-то непонятное Рейду. Онъ никакъ не думалъ, чтобы колкости сестры Анны могли играть какую нибудь роль въ отъѣздѣ гостя. Не могли же они, въ самомъ дѣлѣ, ѣхать такую даль только для того, чтобы остаться три дня? Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, еслибы они получили какое нибудь извѣстіе, вслѣдствіе котораго имъ надо было ѣхать домой, они сказали бы объ этомъ. Значитъ, весь этотъ переполохъ надѣлала Анна, и чтобы удержать Нору, надо какъ можно скорѣе сдѣлать ей предложеніе. Онъ не сомнѣвался въ ея согласіи и только спрашивалъ себя: сдѣлать ли предложеніе теперь, или еще повременить. Нора въ Ирландіи такъ была съ нимъ любезна, а теперь, увидавъ, какъ онъ богатъ, вѣроятно, почувствуетъ къ нему еще большее расположеніе.

— Какая досада! вскричалъ Рейдъ:—но я не теряю надежды, что уговорю васъ.

Когда Майльсъ и компанія, шедшая съ нимъ впереди, пошли дальше, Керри, не имѣвшая привычки воздерживаться, сказала Норѣ:

— Это все надѣлала Анна, я увѣрена въ этомъ. Вѣдь пріѣхали вы изъ Ирландіи никакъ не для того, чтобы остаться три дня. Ну, признайтесь, это надѣлала Анна?

Рейдъ, увидавъ, какъ Нора смутилась, и убѣдившись, что подозрѣнія его вѣрны, тотчасъ же явился къ ней на помощь.

— Керри, какой ты взрослый ребенокъ! не лучше Эффи. Тебя и одной было бы довольно, чтобы заставить миссъ Виндгемъ бѣжать, еслибы она обращала вниманія на всякую неделикатность. Не могу вамъ выразить, какъ мнѣ досадно, прибавилъ онъ, обращаясь къ Норѣ:—я надѣялся показать вамъ наши мѣста и возвратить потерянное вами здоровье. Но я не теряю надежды уговорить васъ погостить здѣсь до тѣхъ поръ, пока не поправитесь.

— Да я совершенно поправилась, благодарю васъ.—Затѣмъ, желая перемѣнить разговоръ, она обратилась къ Керри, надувшейся за выговоръ брата.—Мнѣ очень бы хотѣлось видѣть Серборнское аббатство.

— Я думала, что у васъ достаточно своихъ развалинъ въ Ирландіи, надувшись, отвѣчала Керри.

— У насъ ихъ очень много, грустно отвѣчала Нора.

— Въ Серборнскомъ аббатствѣ вы почувствуете себя, какъ дома, потому что оно разорено англійскимъ грабительствомъ,— улыбаясь, сказалъ Рейдъ. Онъ представить себѣ не могъ, чтобы привязанность Норы къ своей родинѣ была чувствомъ глубокимъ. —Аббатство пало жертвою одного изъ хищническихъ набѣговъ Генриха VIII; но вы ему простите этотъ набѣгъ, когда увидите, что за прелестныя развалины сдѣлалъ онъ изъ аббатства.

— Это просто большой сарай безъ крыши, сердито сказала Керри, все еще дувшаяся за выговоръ.—Ты бы сталъ восхищаться любой фабрикой, еслибы она была достаточно стара и разрушена.

— Можетъ быть, сказалъ Рейдъ, желавшій успокоить ее.—Въ особенности, еслибы трубы этой фабрики были выстроены въ одно время съ пирамидами, мы, вѣроятно, восхищались бы ихъ устройствомъ.

— А я такъ ненавижу всякое старье! вскричала все еще разгнѣванная Керри.—Я это не отношу къ тебѣ, Анна! обратилась она къ сестрѣ, ожидавшей ихъ около привратницкой и боявшейся, что Керри оставитъ Нору вдвоемъ съ братомъ. Она очень хорошо понимала, что братъ теперь поспѣшитъ сдѣлать предложеніе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она близко знала Рейда и была увѣрена, что онъ никогда не сдѣлаетъ предложенія, если ему помѣшаютъ сдѣлать его теперь. Надо было не выпускать его изъ виду только въ этотъ и на другой день, потому что во вторникъ онъ уѣзжалъ на охоту, а Нора отправлялась въ Серборнское аббатство.

Дѣлая видъ, что не замѣчаетъ грубости Керри, она обратилась къ Норѣ съ такими словами:

— Папа желаетъ знать, не пойдете ли вы съ нимъ и съ мистеромъ Виндгемомъ осматривать куръ, миссъ Виндгемъ?

Когда „папа“ предложилъ пройтись къ курятникамъ, онъ вовсе не имѣлъ въ виду Норы, пока Анна не надоумила его.

— Охотно пойду, отвѣчала Нора „съ притворной готовностью“, какъ думала Анна; но Нора дѣйствительно желала попасть подъ полицейскій надзоръ.

— Я самъ могъ бы показать вамъ все, что угодно, живо вмѣшался Рейдъ:—если только вы интересуетесь разведеніемъ домашней птицы.

— Очень интересуюсь. Вы знаете, что ветчина и домашняя птица составляютъ главный предметъ торговли Ирландіи.

— *Ирландскія* яица никогда не бываютъ свѣжи, сердито замѣтила *все еще* недовольная Керри.

— Должно быть, наши курицы такія старомодныя, что несутъ несвѣжія яйца. У васъ куры новаго происхожденія и, слѣдовательно, вы ежедневно можете имѣть свѣжія яйца.

Но шутка ея прошла незамѣченной Керри, которая никогда не давала себѣ труда думать о чемъ нибудь другомъ, кромѣ какъ о нарядахъ. Даже дерзости она говорила безъ всякой задней мысли, а такъ, по первому впечатлѣнію.

— Папа никогда не даетъ намъ свѣжихъ яицъ; онъ говоритъ, что они стоютъ шиллингъ, и только ворчитъ изъ-за нихъ,—прибавила она вполголоса, потому что они уже подошли въ это время къ особѣ ея родителя, предводительствовавшаго обществомъ, которое направлялось осматривать хозяйство.

Онъ обходилъ все совершенно также, какъ обходилъ наканунѣ, и объяснялъ все точь-въ-точь въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, такъ что Майльсъ сказалъ потомъ дочери:

— Право, еслибы я не видѣлъ всего этого вчера, то могъ бы подумать, что все это онъ создалъ сегодня.

— Все таки съ его стороны очень любезно принять на себя трудъ все намъ показать, снисходительно проговорила Нора.

— Съ его стороны это такая же любезность относительно насъ, какъ съ твоей—относительно зеркала, въ которое ты смотришься. Зеркало, конечно, очень польщено, но ты смотришься въ него вовсе не для его удовольствія.

XX.

Грубости Эффи.

— Я считаю это даже невеликодушнымъ, говорила Нора, довольно рѣзко выражавшая свои мнѣнія.

На такую рѣзкость вызвала ее Керри, смѣявшаяся надъ нежеланіемъ Норы отправиться на охоту съ гончими, охоту, предложенную старшимъ Соммерсомъ. Это было въ понедѣльникъ по утру, послѣ завтрака; Соммерсъ предложилъ отправиться не только Майльсу и Рейду, но и своимъ дочерямъ и Норѣ, посмотрѣть, какъ будутъ травить зайца гончими по сосѣдству. Керри была въ восторгѣ отъ этого предложенія, потому что желала видѣть не только охоту, но и охотниковъ, между которыми могъ оказаться и Чиллингемъ. Она съ жаромъ описывала Норѣ послѣднюю охоту, на которой присутствовала и на которой зайца *гоняли до такой степени*, что онъ превратился въ „студень".

Въ отвѣтъ Нора замѣтила, что это было жестоко.

— Такъ сегодня, вѣроятно, вы съ нами не отправитесь? съ насмѣшкой спросила Керри, которая никакъ не могла себѣ представить, чтобы можно было отказаться отъ такого удовольствія.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ хотите остаться дома?

— Въ самомъ дѣлѣ, если только вы позволите.

— Какая странная прихоть! вскричала Керри.

— Охота — жестокая забава, повторила Нора, задѣтая насмѣшкой Керри:—и невеликодушная забава.

— Папа, миссъ Виндгемъ называетъ всѣхъ насъ малодушными! вскричала Керри, обращаясь къ отцу за болѣе сильнымъ подкрѣпленіемъ.

Мистеръ Соммерсъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на Нору, покраснѣвшую до корня волосъ и въ смущеніи проговорившую:

— Я сказала только, что гонять зайца до смерти—невеликодушно.

— Невеликодушно? повторилъ Соммерсъ.

— Онъ такой слабой, такой беззащитный, продолжала Нора.

— Я надѣюсь, что вамъ, миссъ Виндгемъ, извѣстно, что лучшіе люди Англіи, какъ напримѣръ, принцъ Уэльскій, охотятся, и ихъ никакъ нельзя назвать мокрыми курицами или малодушными.

Соммерсъ до такой степени былъ оскорбленъ дерзкимъ обвиненіемъ, высказаннымъ противъ него лично,—такъ какъ онъ предложилъ ѣхать на охоту,—что заговорилъ торжественно и рѣзко. Вслѣдствіе это его Майльсъ, не смотря на свое пристрастіе къ охотѣ, тотчасъ же перешелъ на сторону Норы.

— Вѣдь все зависитъ отъ того, какъ понимать слово „невеликодушно", сказалъ онъ.—Невеликодушно бить женщину, потому что она не можетъ защищаться; точно также невеликодушно и гонять собаками зайца до такой степени, что онъ превращается въ „студень", какъ говоритъ миссъ Керри.

— Люди, которые охотятся и о которыхъ я говорю, не могутъ принадлежать къ такимъ людямъ, которые бьютъ женщинъ. Въ первый разъ слышу, что англійская аристократія можетъ быть малодушною, съ негодованіемъ возразилъ Соммерсъ.

— Можно поступать невеликодушно, не будучи малодушнымъ, и поступать жестоко, не будучи жестокосердымъ. Впрочемъ, я не могу проповѣдывать противъ охоты, потому что самъ много въ своей жизни убивалъ беззащитныхъ животныхъ.

— Слѣдуетъ ли мнѣ понимать васъ, что вы желаете отправиться *съ нами*? надменно спросилъ Соммерсъ,

Онъ такъ не привыкъ къ возраженіямъ, что считалъ ихъ [illegible]

вольствіемъ, съ какимъ вскричала Анна. Сердце у нея упало при мысли о непріятной сценѣ, которая ее ожидала.

— Вы не ожидали меня видѣть и, можетъ быть, не желали? прибавилъ онъ съ полной увѣренностью, что этого не можетъ быть.

— Я думала, что вы на охотѣ, отвѣчала она.

— Я былъ на охотѣ, и раскаялся въ этомъ точно также, какъ раскаялся вчера, и по той же самой причинѣ,—многозначительно проговорилъ онъ, глядя на нее такъ, что она вся вспыхнула.

Такъ какъ она считала всего безопаснѣе молчать, то разговоръ на этомъ оборвался, и ему пришлось начать новую тему.

— Присядьте, пожалуйста, и позвольте мнѣ перевести духъ послѣ подъема на такую крутизну.

— Мнѣ пора идти. Я только что хотѣла спускаться.

— Какъ! По такой отвѣсной горѣ? Да тутъ безопасно пролетитъ только муха или проскочитъ лань. Я сведу васъ другой, болѣе удобной дорогой.

— Меня внизу ждетъ дѣвушка.

— Я отослалъ ее, въ надеждѣ, что вы предпочтете ей меня.

Дѣлать было нечего. Нора молча сѣла, не скрывая неудовольствія. Онъ помѣстился у ея ногъ и въ смущеніи началъ обыкновенный пустой разговоръ.

Нелюбезность Норы онъ приписывалъ непріятностямъ, которыя она имѣла съ Анной; но ему и въ голову не приходило, что она могла чувствовать къ нему отвращеніе. Наконецъ Нора сказала:

— Какъ вы думаете, не пора ли намъ отправляться?

— Миссъ Виндгемъ, чѣмъ же я оскорбилъ васъ?

— Вы? вскричала Нора, тотчасъ же почувствовавъ раскаяніе, что она была съ нимъ рѣзка.

— Судя по вашему обращенію со мною, можно подумать, что я чѣмъ нибудь обидѣлъ васъ, и это страшно огорчаетъ меня. Вы себѣ представить не можете, какъ я разстроенъ тѣми непріятностями, изъ-за которыхъ вы уѣзжаете отъ насъ такъ скоро. Вашъ отъѣздъ можетъ стоить мнѣ счастія всей моей жизни.

Онъ замолчалъ, съ мольбою глядя ей прямо въ глаза. Объясняя смущеніе ея въ свою пользу, онъ продолжалъ уже съ большею смѣлостью:

— Я думаю... я надѣюсь, что вы понимаете, отъ чего зависитъ счастіе моей жизни. Оно зависитъ отъ вашей руки... отъ вашей любви, Нора.

Нора, поспѣшно выдернувъ свою руку, взятую имъ, въ волненіи и встала.

Такое разоблаченіе разговоровъ Анны услыхали оба заинтересованныя лица, такъ какъ Рейдъ стоялъ въ открытой двери.

Онъ вышелъ съ другими для того, чтобы обмануть бдительность Анны, открыто наблюдавшей за нимъ, но остановился у привратницкой поговорить съ садовникомъ и, когда всѣ скрылись изъ виду, вернулся домой. Къ открытой двери онъ подошелъ какъ разъ въ ту минуту, когда Эффи объясняла, какъ Анна отзывается о пріѣздѣ Норы. Въ первую минуту онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать — войти или удалиться, потому что появленіе его еще не было замѣчено. Природная трусость одержала верхъ, и онъ удалился незамѣченнымъ въ библіотеку.

Услыхавъ такое обвиненіе, Нора вышла изъ себя. Южно-ирландская кровь ея взволновалась. Только спустя нѣсколько минутъ, она настолько пришла въ себя, что могла сказать:

— Эффи, не надо повторять всего, что̀ слышишь.

Для такой дѣвочки довольно было сказать, что не надо чего нибудь дѣлать, чтобы она тотчасъ же нарочно стала дѣлать это. Эффи соскочила со стула и, отбѣжавъ на безопасное растояніе, прыгая, какъ безумная, стала кричать:

— Ирландская тиристка! ирландская тиристка! Мы всѣ такъ зовемъ васъ!

Нора перестала сердиться и, смѣясь, смотрѣла на злую дѣвчонку, продолжавшую кричать:

— И Анна говоритъ, что вамъ надѣть нечего, что вы...

Но тутъ ей пришлось сразу замолчать. Рейдъ, войдя въ комнату, грубо схватилъ дѣвочку за руку и, выбросивъ за дверь, заперъ ее.

Такая быстрая расправа сначала озадачила дѣвочку, но потомъ она пришла въ себя и принялась неистово кричать и стучать кулаками въ дверь. Вдругъ крики и стукъ прекратились, и Рейдъ съ Норой услыхали крикливый голосъ Анны.

— Что̀ съ тобой, Эффи?

— Они заперли... за мною... дверь, рыдая, объясняла Эффи.

— Кто заперъ?

— Рейдъ и она!

— И миссъ Виндгемъ! громко и язвительно крикнула Анна, желая сконфузить Нору. Затѣмъ костлявыя руки стали стучаться въ дверь, и послышался холодный, рѣзкій приказъ:—Потрудись, Рейдъ, отворить дверь.

Рейду пришлось повиноваться, потому что иначе Анна надѣлала бы скандалъ на весь домъ. Лишь только дверь отворилась,

Эффи влетѣла въ комнату и, какъ дикая, стала кричать: „Ирландская тиристка!“ до тѣхъ поръ, пока Анна не крикнула:

— Молчать, Эффи! Я думала, что ты пошелъ на охоту, съ язвительной насмѣшкой обратилась Анна къ брату.

— Я раздумалъ, съ досадой отвѣчалъ онъ.

— Несомнѣнно раздумалъ, по той же самой причинѣ, по которой миссъ Виндгемъ отказалась идти съ нами.

Она хохотомъ своимъ ясно показала, что Нора осталась дома ради этого свиданія глазъ на глазъ съ ея братомъ. Теперь она была въ этомъ твердо убѣждена. Когда Нора отказалась идти, она заподозрила это; но когда брата не оказалось между охотниками, она пошла домой съ увѣренностью, что застанетъ ихъ вмѣстѣ.

— Я не позволю оскорблять миссъ Виндгемъ! крикнулъ онъ.

— Такъ зачѣмъ же ты самъ оскорбляешь ее? Что можетъ быть оскорбительнѣе для порядочной особы, какъ быть подобнымъ образомъ запертой въ комнатѣ съ мужчиной?

Слова „порядочная особа“ она сказала съ особеннымъ удареніемъ.

— Ты съ ума сошла! ты не понимаешь, что говоришь! внѣ себя крикнулъ Рейдъ.—Я не запирался съ миссъ Виндгемъ, а заперъ эту гадину, къ который ты привила свой ядъ. Она богъ знаетъ что говорила о миссъ Виндгемъ.

Анна сначала нѣсколько смутилась, но потомъ смѣло начала:

— Я ничего не говорила о миссъ Виндгемъ...

Нора стояла все время въ сторонѣ съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, съ презрительно-сложенными губами и , отъ изумленія и гнѣва, широко раскрытыми глазами; услыхавъ голосъ Анны, она подошла и тихо проговорила:

— Позвольте, миссъ Соммерсъ, вы такъ много обо мнѣ говорили, что теперь мнѣ рѣшительно все равно, что вы думаете и говорите обо мнѣ. А васъ, мистеръ Соммерсъ, я попрошу сказать моему отцу, что я желаю его видѣть.

Съ этими словами она вышла изъ комнаты.

— Скажи этой дѣвчонкѣ, чтобы она вышла изъ комнаты! вскричалъ Рейдъ.

— Эффи, иди въ дѣтскую! прошипѣла Анна.

Эффи, вѣроятно, понимала, что она подняла бурю, и потому, сверхъ ожиданія, тотчасъ же послушалась. Когда дверь за нею затворилась, гнѣвъ Рейда обрушился на сестру. Обвинивъ ее сначала въ неделикатности и въ дерзостяхъ, которыя она позволила себѣ говорить о Норѣ за глаза и въ глаза, онъ объяснилъ, по-

чему выгналъ дѣвочку изъ комнаты, и требовалъ, чтобы сестра извинилась передъ гостьей.

— Ты не помѣшаешь мнѣ сдѣлать ей предложеніе, сказалъ онъ:—и предложеніе я сдѣлаю непремѣнно... но ты можешь помѣшать ей принять мое предложеніе и разстроить всѣ мои надежды на счастіе. Ты меня ничѣмъ не вознаградишь за это; но ты можешь извиниться передъ нею и просить у нея прощенія... Я этого требую.

Легко себѣ представить, какъ эти слова должны были повліять на такую женщину, какъ Анна. Могла ли подобная особа обвинять себя и просить извиненія, въ особенности у ненавистной ей Норы?

Она въ негодованіи вскричала, громко захохотавъ:

— Мнѣ просить у нея прощенія! за то, что я вывела ее на свѣжую воду!

— Анна! въ Эдинбургѣ я видѣлся съ миссъ Камеронъ, и она показала мнѣ кое-какія письма. — Анна мертвенно поблѣднѣла и тотчасъ же сѣла. Это были отвратительныя анонимныя письма, написанныя къ одному господину, обрученному съ племянницей Камеронъ, съ цѣлью оклеветать дѣвушку, отъ брака съ которой желали удержать этого господина.—Я не хотѣлъ говорить о нихъ и не буду говорить, если ты сейчасъ же попросишь у миссъ Виндгемъ прощенія и уговоришь ее—остаться у насъ хоть до среды и не разсказывать отцу объ этомъ оскорбленіи.

Хотя такое орудіе нельзя было назвать благороднымъ, но другаго у Рейда не было, и оно оказалось дѣйствительнымъ. Посидѣвъ немного, Анна два раза принималась говорить:

— Ты.... сказала она и замолчала:—вѣдь это.....

Она замолчала второй разъ; затѣмъ, ни слова не говоря, она встала и ушла, но не къ Норѣ, а къ себѣ въ комнату, гдѣ принялась ходить взадъ и впередъ.

Нора между тѣмъ укладывала свои вещи, въ свою очередь кипя ненавистью къ этой женщинѣ. Никогда не забудетъ и не проститъ она этихъ оскорбленій. Если эта женщина на колѣняхъ будетъ просить у нея прощенія, она и тутъ оттолкнетъ ее. Такъ думала Нора въ ту минуту, какъ кто-то постучался къ ней.

— Кто тамъ? спросила она.

— Это я, миссъ Виндгемъ. Могу я поговорить съ вами минуту? проговорила Анна дрожащимъ голосомъ и такъ жалобно, что Нора остановилась въ изумленіи, прежде чѣмъ подошла къ двери, чтобы отворить.

— Миссъ Соммерсъ! вскричала она, ясно выражая своимъ воз-

ласомъ, что она никакъ не ожидала увидать Анну. Миссъ Соммерсъ вошла, поспѣшно закрыла за собою дверь и нерѣшительно, но торопливо заговорила:

— Миссъ Виндгемъ.... я пришла... попросить у васъ... прощенія... за свои дерзости. Я не поняла васъ и.... насказала вамъ такихъ вещей.... за которыя мнѣ пришлось раскаиваться. Мнѣ такъ досадно, но я надѣюсь, вы простите мнѣ.

Въ сущности она прощенія не просила, но высказала все это такимъ печальнымъ тономъ, и лицо ея выражало такое огорченіе, что Нора, непреклонная Нора была побѣждена.

— Пожалуйста, не извиняйтесь. Я боюсь, что тоже была къ вамъ несправедлива... и мысленно очень обвиняла васъ.

Только великодушныйчеловѣкъ можетъ прощать чистосердечно; а такъ какъ миссъ Соммерсъ вовсе не была великодушна, то возненавидѣла и стала презирать за это Нору еще больше прежняго. Она думала, что Нора простила ее такъ скоро только потому, чтобы имѣть предлогъ остаться у нихъ и принять предложеніе Рейда.

— Такъ вы прощаете мнѣ и даже, можетъ быть, избавите меня отъ униженья просить прощенія у мистера Виндгема ,умолчавъ о нашихъ непріятностяхъ?

— Но вѣдь вашъ братъ...

— Онъ еще не пошелъ къ вашему отцу. Могу я сказать ему, чтобы онъ не ходилъ?

— Если хотите.

Миссъ Соммерсъ сейчасъ же ушла отъ Норы и унесла еще сильнѣе закипѣвшую ненависть въ сердцѣ и желаніе отмстить за то, что ее заставили просить прощенія, и за то, что простили такъ скоро.

XXI.

Полицейскій надзоръ.

Нора объясняла себѣ появленіе Анны тѣмъ, что братъ убѣдилъ ее, какъ она несправедливо подозрѣвала Нору. Она старалась преодолѣть свое отвращеніе къ миссъ Соммерсъ и быть съ нею даже любезною, что̀ Анна, конечно, перетолковала по своему, но воспользовалась этимъ и не отходила отъ гостьи вплоть до втораго завтрака.

За завтракомъ Керри, желая поддразнить Нору, начала самыми яркими красками описывать ей охоту, на которой одинъ заяцъ не вынесъ погони и протянулъ ноги на мѣстѣ, а другой почти

— Въ Серборнскомъ аббатствѣ вы почувствуете себя, какъ дома, потому что оно разорено англійскимъ грабительствомъ,— улыбаясь, сказалъ Рейдъ. Онъ представить себѣ не могъ, чтобы привязанность Норы къ своей родинѣ была чувствомъ глубокимъ. —Аббатство пало жертвою одного изъ хищническихъ набѣговъ Генриха VIII; но вы ему простите этотъ набѣгъ, когда увидите, что за прелестныя развалины сдѣлалъ онъ изъ аббатства.

— Это просто большой сарай безъ крыши, сердито сказала Керри, все еще дувшаяся за выговоръ.—Ты бы сталъ восхищаться любой фабрикой, еслибы она была достаточно стара и разрушена.

— Можетъ быть, сказалъ Рейдъ, желавшій успокоить ее.—Въ особенности, еслибы трубы этой фабрики были выстроены въ одно время съ пирамидами, мы, вѣроятно, восхищались бы ихъ устройствомъ.

— А я такъ ненавижу всякое старье! вскричала все еще разгнѣванная Керри.—Я это не отношу къ тебѣ, Анна! обратилась она къ сестрѣ, ожидавшей ихъ около привратницкой и боявшейся, что Керри оставитъ Нору вдвоемъ съ братомъ. Она очень хорошо понимала, что братъ теперь поспѣшитъ сдѣлать предложеніе; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она близко знала Рейда и была увѣрена, что онъ никогда не сдѣлаетъ предложенія, если ему помѣшаютъ сдѣлать его теперь. Надо было не выпускать его изъ виду только въ этотъ и на другой день, потому что во вторникъ онъ уѣзжалъ на охоту, а Нора отправлялась въ Серборнское аббатство.

Дѣлая видъ, что не замѣчаетъ грубости Керри, она обратилась къ Норѣ съ такими словами:

— Папа желаетъ знать, не пойдете ли вы съ нимъ и съ мистеромъ Виндгемомъ осматривать куръ, миссъ Виндгемъ?

Когда „папа“ предложилъ пройтись къ курятникамъ, онъ вовсе не имѣлъ въ виду Норы, пока Анна не надоумила его.

— Охотно пойду, отвѣчала Нора „съ притворной готовностью“, какъ думала Анна; но Нора дѣйствительно желала попасть подъ полицейскій надзоръ.

— Я самъ могъ бы показать вамъ все, что угодно, живо вмѣшался Рейдъ:—если только вы интересуетесь разведеніемъ домашней птицы.

— Очень интересуюсь. Вы знаете, что ветчина и домашняя птица составляютъ главный предметъ торговли Ирландіи.

— *Ирландскія яица никогда не бываютъ свѣжи*, сердито *замѣтила все еще недовольная* Керри.

— Должно быть, наши курицы такія старомодныя, что несутъ несвѣжія яйца. У васъ куры новаго происхожденія и, слѣдовательно, вы ежедневно можете имѣть свѣжія яйца.

Но шутка ея прошла незамѣченной Керри, которая никогда не давала себѣ труда думать о чемъ нибудь другомъ, кромѣ какъ о нарядахъ. Даже дерзости она говорила безъ всякой задней мысли, а такъ, по первому впечатлѣнію.

— Папа никогда не даетъ намъ свѣжихъ яицъ; онъ говоритъ, что они стоютъ шиллингъ, и только ворчитъ изъ-за нихъ,—прибавила она вполголоса, потому что они уже подошли въ это время къ особѣ ея родителя, предводительствовавшаго обществомъ, которое направлялось осматривать хозяйство.

Онъ обходилъ все совершенно также, какъ обходилъ наканунѣ, и объяснялъ все точь-въ-точь въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, такъ что Майльсъ сказалъ потомъ дочери:

— Право, еслибы я не видѣлъ всего этого вчера, то могъ бы подумать, что все это онъ создалъ сегодня.

— Все таки съ его стороны очень любезно принять на себя трудъ все намъ показать, снисходительно проговорила Нора.

— Съ его стороны это такая же любезность относительно насъ, какъ съ твоей—относительно зеркала, въ которое ты смотришься. Зеркало, конечно, очень польщено, но ты смотришься въ него вовсе не для его удовольствія.

XX.

Грубости Эффи.

— Я считаю это даже невеликодушнымъ, говорила Нора, довольно рѣзко выражавшая свои мнѣнія.

На такую рѣзкость вызвала ее Керри, смѣявшаяся надъ нежеланіемъ Норы отправиться на охоту съ гончими, охоту, предложенную старшимъ Соммерсомъ. Это было въ понедѣльникъ по утру, послѣ завтрака; Соммерсъ предложилъ отправиться не только Майльсу и Рейду, но и своимъ дочерямъ и Норѣ, посмотрѣть, какъ будутъ травить зайца гончими по сосѣдству. Керри была въ восторгѣ отъ этого предложенія, потому что желала видѣть не только охоту, но и охотниковъ, между которыми могъ оказаться и Чиллингемъ. Она съ жаромъ описывала Норѣ послѣднюю охоту, на которой присутствовала и на которой зайца *гоняли до такой степени*, что онъ превратился въ „студень".

Въ отвѣтъ Нора замѣтила, что это было жестоко.

— Такъ сегодня, вѣроятно, вы съ нами не отправитесь? съ насмѣшкой спросила Керри, которая никакъ не могла себѣ представить, чтобы можно было отказаться отъ такого удовольствія.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ хотите остаться дома?

— Въ самомъ дѣлѣ, если только вы позволите.

— Какая странная прихоть! вскричала Керри.

— Охота — жестокая забава, повторила Нора, задѣтая насмѣшкой Керри:—и невеликодушная забава.

— Папа, миссъ Виндгемъ называетъ всѣхъ насъ малодушными! вскричала Керри, обращаясь къ отцу за болѣе сильнымъ подкрѣпленіемъ.

Мистеръ Соммерсъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на Нору, покраснѣвшую до корня волосъ и въ смущеніи проговорившую:

— Я сказала только, что гонять зайца до смерти—невеликодушно.

— Невеликодушно? повторилъ Соммерсъ.

— Онъ такой слабой, такой беззащитный, продолжала Нора.

— Я надѣюсь, что вамъ, миссъ Виндгемъ, извѣстно, что лучшіе люди Англіи, какъ напримѣръ, принцъ Уэльскій, охотятся, и ихъ никакъ нельзя назвать мокрыми курицами или малодушными.

Соммерсъ до такой степени былъ оскорбленъ дерзкимъ обвиненіемъ, высказаннымъ противъ него лично,—такъ какъ онъ предложилъ ѣхать на охоту,—что заговорилъ торжественно и рѣзко. Вслѣдствіе это его Майльсъ, не смотря на свое пристрастіе къ охотѣ, тотчасъ же перешелъ на сторону Норы.

— Вѣдь все зависитъ отъ того, какъ понимать слово „невеликодушно", сказалъ онъ.—Невеликодушно бить женщину, потому что она не можетъ защищаться; точно также невеликодушно и гонять собаками зайца до такой степени, что онъ превращается въ „студень", какъ говоритъ миссъ Керри.

— Люди, которые охотятся и о которыхъ я говорю, не могутъ принадлежать къ такимъ людямъ, которые бьютъ женщинъ. Въ первый разъ слышу, что англійская аристократія можетъ быть малодушною, съ негодованіемъ возразилъ Соммерсъ.

— Можно поступать невеликодушно, не будучи малодушнымъ, и поступать жестоко, не будучи жестокосерднымъ. Впрочемъ, я не могу проповѣдывать противъ охоты, потому что самъ много въ своей жизни убивалъ беззащитныхъ животныхъ.

— Слѣдуетъ ли мнѣ понимать васъ, что вы желаете отправиться *съ нами*? надменно спросилъ Соммерсъ,

Онъ такъ не привыкъ къ возраженіямъ, что считалъ ихъ [illegible]

Въ силу такого приказанія, мистрисъ Соммерсъ, какъ тѣнь, ходила за Норой даже по комнатамъ.

XXII.

Воскресная школа.

Легко себѣ представить радость мистрисъ Соммерсъ, когда на слѣдующее утро она увидала что Рейда поѣхалъ на ранній поѣздъ въ Сельбиседжъ. Она тотчасъ же сняла надзоръ и дала Норѣ отпускъ. Анна тоже прекратила свое любезное вниманіе и предоставила Нору сестрѣ Керри. Майльсъ также былъ доволенъ отъѣздомъ Рейда. Его приводило въ отчаяніе это хожденіе по пятамъ Норы. Отъѣздъ Рейда радовалъ Майльса еще потому, что молодой человѣкъ ни за что бы не уѣхалъ, еслибы надѣялся на любовь Норы.

Но болѣе всѣхъ была довольна сама Нора. Находясь подъ надзоромъ, котораго она не могла не замѣтить, она нѣсколько была не въ духѣ, и ея неудовольствіе, конечно, объясняли ея желаніемъ остаться наединѣ съ Рейдомъ. Нора до такой степени негодовала, что теперь ничто въ мірѣ не заставило бы ее принять его предложеніе, даже еслибы она его и любила. Въ настоящее время, ея дружеское расположеніе къ Рейду превратилось въ отвращеніе. При прощаніи съ нею, ему никакъ не приходило въ голову, что она нисколько не будетъ въ отчаяніи, если никогда болѣе не увидится съ нимъ.

Черезъ полтора часа послѣ его отъѣзда, къ крыльцу былъ поданъ экипажъ, чтобы везти Анну, Керри и Нору на поѣздъ, отправляющій въ Серборнское аббатство. Эффи, конечно, надѣлала скандалъ и кричала, какъ безумная, что ея не берутъ. Мистрисъ Соммерсъ насовала ей пирожнаго, но недовольная дѣвочка отправилась въ столовую, подставила стулъ къ буфету и налила себѣ цѣлый стаканъ хересу. Увидавъ въ эту минуту вошедшую мать, она, набожно перекрестясь, сказала: „сія есть кровь моя“ и начала пить залпомъ, пока мать не отняла стакана. Такое благочестіе плѣнило мать, и она тотчасъ же пошла разсказать объ этомъ.

— Вѣроятно, вы учите вашу сестру закону божію, оттого она такъ хорошо и знаетъ его? спросилъ Майльсъ у Анны, которая осталась очень довольна этимъ вопросомъ.

Помѣстившись въ коляску, Анна очень серьезно начала читать лекцію о пользѣ ученія катихизиса въ дѣтствѣ.

Такое разоблаченіе разговоровъ Анны услыхали оба заинтересованныя лица, такъ какъ Рейдъ стоялъ въ открытой двери.

Онъ вышелъ съ другими для того, чтобы обмануть бдительность Анны, открыто наблюдавшей за нимъ, но остановился у привратницкой поговорить съ садовникомъ и, когда всѣ скрылись изъ виду, вернулся домой. Къ открытой двери онъ подошелъ какъ разъ въ ту минуту, когда Эффи объясняла, какъ Анна отзывается о пріѣздѣ Норы. Въ первую минуту онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать — войти или удалиться, потому что появленіе его еще не было замѣчено. Природная трусость одержала верхъ, и онъ удалился незамѣченнымъ въ библіотеку.

Услыхавъ такое обвиненіе, Нора вышла изъ себя. Южно-ирландская кровь ея взволновалась. Только спустя нѣсколько минутъ, она настолько пришла въ себя, что могла сказать:

— Эффи, не надо повторять всего, что̀ слышишь.

Для такой дѣвочки довольно было сказать, что не надо чего нибудь дѣлать, чтобы она тотчасъ же нарочно стала дѣлать это. Эффи соскочила со стула и, отбѣжавъ на безопасное растояніе, прыгая, какъ безумная, стала кричать:

— Ирландская тиристка! ирландская тиристка! Мы всѣ такъ зовемъ васъ!

Нора перестала сердиться и, смѣясь, смотрѣла на злую дѣвчонку, продолжавшую кричать:

— И Анна говоритъ, что вамъ надѣть нечего, что вы...

Но тутъ ей пришлось сразу замолчать. Рейдъ, войдя въ комнату, грубо схватилъ дѣвочку за руку и, выбросивъ за дверь, заперъ ее.

Такая быстрая расправа сначала озадачила дѣвочку, но потомъ она пришла въ себя и принялась неистово кричать и стучать кулаками въ дверь. Вдругъ крики и стукъ прекратились, и Рейдъ съ Норой услыхали крикливый голосъ Анны.

— Что̀ съ тобой, Эффи?

— Они заперли... за мною... дверь, рыдая, объясняла Эффи.

— Кто заперъ?

— Рейдъ и она!

— И миссъ Виндгемъ! громко и язвительно крикнула Анна, желая сконфузить Нору. Затѣмъ костлявыя руки стали стучаться въ дверь, и послышался холодный, рѣзкій приказъ:—Потрудись, Рейдъ, отворить дверь.

Рейду пришлось повиноваться, потому что иначе Анна надѣ*лала бы скандалъ* на весь домъ. Лишь только дверь отворилась,

Эффи влетѣла въ комнату и, какъ дикая, стала кричать: „Ирландская тиристка!“ до тѣхъ поръ, пока Анна не крикнула:

— Молчать, Эффи! Я думала, что ты пошелъ на охоту, съ язвительной насмѣшкой обратилась Анна къ брату.

— Я раздумалъ, съ досадой отвѣчалъ онъ.

— Несомнѣнно раздумалъ, по той же самой причинѣ, по которой миссъ Виндгемъ отказалась идти съ нами.

Она хохотомъ своимъ ясно показала, что Нора осталась дома ради этого свиданія глазъ на глазъ съ ея братомъ. Теперь она была въ этомъ твердо убѣждена. Когда Нора отказалась идти, она заподозрила это; но когда брата не оказалось между охотниками, она пошла домой съ увѣренностью, что застанетъ ихъ вмѣстѣ.

— Я не позволю оскорблять миссъ Виндгемъ! крикнулъ онъ.

— Такъ зачѣмъ же ты самъ оскорбляешь ее? Что̀ можетъ быть оскорбительнѣе для порядочной особы, какъ быть подобнымъ образомъ запертой въ комнатѣ съ мужчиной?

Слова „порядочная особа“ она сказала съ особеннымъ удареніемъ.

— Ты съ ума сошла! ты не понимаешь, что̀ говоришь! внѣ себя крикнулъ Рейдъ.—Я не запирался съ миссъ Виндгемъ, а заперъ эту гадину, къ который ты привила свой ядъ. Она богъ знаетъ что̀ говорила о миссъ Виндгемъ.

Анна сначала нѣсколько смутилась, но потомъ смѣло начала:

— Я ничего не говорила о миссъ Виндгемъ...

Нора стояла все время въ сторонѣ съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ, съ презрительно-сложенными губами и , отъ изумленія и гнѣва, широко раскрытыми глазами; услыхавъ голосъ Анны, она подошла и тихо проговорила:

— Позвольте, миссъ Соммерсъ, вы такъ много обо мнѣ говорили, что теперь мнѣ рѣшительно все равно, что̀ вы думаете и говорите обо мнѣ. А васъ, мистеръ Соммерсъ, я попрошу сказать моему отцу, что я желаю его видѣть.

Съ этими словами она вышла изъ комнаты.

— Скажи этой дѣвчонкѣ, чтобы она вышла изъ комнаты! вскричалъ Рейдъ.

— Эффи, иди въ дѣтскую! прошипѣла Анна.

Эффи, вѣроятно, понимала, что она подняла бурю, и потому, сверхъ ожиданія, тотчасъ же послушалась. Когда дверь за нею затворилась, гнѣвъ Рейда обрушился на сестру. Обвинивъ ее сначала въ неделикатности и въ дерзостяхъ, которыя она позволила себѣ говорить о Норѣ за глаза и въ глаза, онъ объяснилъ, по-

уже издыхалъ, когда его поймали собаки. Керри разсказывала такъ грубо, что отбила и послѣдній небольшой апетитъ у Норы. Братъ Керри, лично недовольный ея кровожадностью, насмѣшливо замѣтилъ:

— Кажется, ты очень наслаждалась, Керри.

— Очень, съ жаромъ отвѣчала она.

— Для болѣе полнаго наслажденія подобной охотой, тебѣ бы слѣдовало обратиться къ Браутону.

— Къ кому?

— Къ Браутону, мяснику. Онъ бьетъ скотину по средамъ и охотно пуститъ тебя на бойню,—тамъ тебѣ будетъ еще веселѣе.

Керри рѣзко обернулась къ брату.

— Ты, вѣрно, все утро провелъ у ногъ миссъ Виндгемъ и обратился въ ненавистника охоты, смѣясь, сказала она.

— Рейдъ и она выгнали меня изъ библіотеки и заперлись! закричала Эффи.

— Молчи! крикнула Анна, съ злобнымъ намѣреніемъ показать, что дѣйствительно было что-то такое.

— Да, заперлись! капризно повторяла Эффи:—а ты приказала отворить, и сказала, что онъ, „скоблилъ“ ее, и сказала, что „скоблилъ“ меня тоже.

Мистеръ Соммерсъ вопросительно посмотрѣлъ на своего сына, въ то время какъ Майльсъ съ неменьшимъ удивленіемъ смотрѣлъ на дочь. Майльсъ удивился, что Нора, говорившая съ нимъ передъ завтракомъ, ничего ему не сообщила. И Рейдъ, и Нора покраснѣли, какъ виновные, когда взгляды всѣхъ обратились на нихъ. Рейдъ, принужденный отвѣтить что нибудь на этотъ безмолвный вопросъ, обратился къ матери, не въ видѣ защитника Норы, а въ видѣ обвинителя Эффи.

— Она говорила такія оскорбительныя вещи миссъ Виндгемъ, что мнѣ пришлось запереть отъ нея дверь. Въ самомъ дѣлѣ, мама, эта дѣвочка становится невыносимой.

— Я сказала только, что она ирландская тиристка. Анна говоритъ, что она тиристка. Да, ты говоришь! отвѣчала Эффи на возгласъ Анны.—И ты еще говоришь...

Тутъ Рейдъ вскочилъ.

— Я опять выброшу тебя за дверь, сказалъ онъ, направляясь къ Эффи.

Дѣвочка съ крикомъ уцѣпилась за мать, которая принуждена была вынести ее.

Эффи успѣла объяснить очень обстоятельно, за что она была *изгнана изъ* комнаты; но не могла объяснить только, чѣмъ Рейдъ

скорбилъ Нору. Рейдъ смѣло, глядя на Анну, сказалъ угрожающимъ голосомъ:

— Эта дѣвочка съ каждымъ днемъ становится несноснѣе. Анна, что ты говорила объ оскорбленіи?

— Я? вскричала Анна, ошеломленная такимъ прямымъ вопросомъ.—Она выдумываетъ разныя исторіи и все перевираетъ. Что значитъ „тиристка“—я ужь и понять не могу.

Отвѣтъ Анны не могъ удовлетворить Рейда, ясно видѣвшаго, что сестра опять виновата.

Майльсъ былъ убѣжденъ, что утромъ что нибудь случилось, но что Нора не пожелала безпокоить его. Подойдя къ ней послѣ завтрака, онъ сказалъ:

— Эта женщина опять надѣлала тебѣ непріятностей?

— Да, она не выказала особенной любезности, но зато потомъ извинялась и просила не говорить тебѣ.

— А что же сдѣлалъ Рейдъ Соммерсъ?

— Ничего. Я видѣлась съ нимъ въ продолженіе какихъ нибудь пяти минутъ, когда онъ избавилъ меня отъ этихъ... непріятностей. Можетъ ли быть что нибудь несноснѣе этой дѣвочки! прибавила она, и разсказала про игру Эффи съ мухами.

Майльсъ отъ души засмѣялся и сказалъ:

— Достойная сестра Анны!

— Но миссъ Соммерсъ вовсе не такая дурная, какъ ты думаешь... какъ я думала...

— Твое первое впечатлѣніе было вѣрнѣе, Нора... она неблаговоспитанная женщина.

— Но я не думаю, чтобы у нея было злое сердце... она себя преодолѣваетъ. Надо думать, что религія...

— Религія не измѣнила ея сердца, а сердце у нея злое. Она за завтракомъ готова была сдѣлать тебѣ непріятности, только боялась брата.

— Нѣтъ, папа, ты не узнаешь всего, а то бы ты перемѣнилъ свое мнѣніе о ней.

— Не думаю.

И Майльсъ не ошибался. Разоблаченія Эффи за завтракомъ совершенно точно объяснили ему, что Анна обвиняла Нору въ желаніи остаться глазъ на глазъ съ ея братомъ, и что братъ заставилъ ее просить прощенія. Что прощенія она просила по неволѣ, видно было изъ ея словъ за завтракомъ.

Грубости и колкости этой женщины не такъ тревожили его, какъ вопросъ: неужели Нора любитъ Рейда Соммерса? Онъ не сомнѣвался, что Рейдъ влюбленъ въ нее; но платитъ ли она ему

— Мнѣ ужасно досадно... Я не могу выразить вамъ, какъ мнѣ досадно, что произошло такое недоразумѣніе, мистеръ Соммерсъ, сказала она, лихорадочно упираясь о зонтикъ обѣими руками.

Волненіе, естественное въ дѣвушкѣ ея лѣтъ, въ такую серьезную минуту жизни, онъ объяснилъ въ свою пользу, а слово „недоразумѣніе“ приписалъ исторіи съ Анной. Также вставъ на ноги, онъ взялъ ее за обѣ руки и вскричалъ съ такимъ жаромъ, на какой она не считала его даже способнымъ:

— Недоразумѣніе! Вѣдь вы не хотите сказать... не можете сказать... что меня не любите?

Она именно это и хотѣла сказать; но Нора боялась, что своимъ обращеніемъ она ввела Рейда, съ англійской точки зрѣнія, въ обманъ.

— Я... я люблю васъ, проговорила она:—какъ хорошаго знакомаго; но не такъ, какъ вы думаете.

Еще болѣе поощряемый ея волненіемъ, онъ горячо отвѣчалъ:

— Нора, не жертвуйте счастіемъ нашей жизни ради дурнаго характера моей сестры.

— Позвольте... начала Нора.

— Я знаю, что̀ вы хотите сказать, продолжалъ онъ, желая поскорѣе объясниться:—вы хотите сказать, что тутъ задѣта ваша гордость; но неужели вы пожертвуете ради нея своими чувствами и моими надеждами на счастіе? Еслибы мои родные знали, насколько счастіе всей моей жизни зависитъ отъ васъ, они тотчасъ же присоединили бы свои просьбы къ моимъ. Имѣйте во всякомъ случаѣ въ виду, что вопросъ идетъ не о ихъ счастіи и будущности, а о моемъ и вашемъ, Нора. Если вы меня любите...

— Нѣтъ, я васъ не люблю! рѣшительно вскричала Нора.—Не люблю такъ, какъ вы думаете. Мнѣ досадно... выразить вамъ не могу, какъ досадно... что мое обращеніе съ вами ввело васъ въ заблужденіе. Конечно, я виновата въ этомъ, а не вы... но виновата неумышленно, увѣряю васъ. Я надѣюсь, что вы простите меня и забудете, что̀ говорили мнѣ.

Онъ выпустилъ ея руку, и сначала съ отчаяніемъ, а потомъ съ досадой смотрѣлъ на нее. Рейдъ былъ глубоко задѣтъ. Развѣ не смѣшенъ онъ былъ со своей увѣренностью въ ея любви? И почему онъ былъ такъ увѣренъ въ ней? Конечно, виновата во всемъ была она, а не онъ. Рейдъ, подобно своему отцу, во всемъ считалъ себя непогрѣшимымъ. Поэтому онъ тотчасъ же пришелъ къ убѣжденію, что Нора поощряла его, какъ кокетка.

— Да, вы ввели меня въ заблужденіе, сердито проговорилъ

Въ силу такого приказанія, мистрисъ Соммерсъ, какъ тѣнь, ходила за Норой даже по комнатамъ.

XXII.

Воскресная школа.

Легко себѣ представить радость мистрисъ Соммерсъ, когда на слѣдующее утро она увидала что Рейда поѣхалъ на ранній поѣздъ въ Сельбиседжъ. Она тотчасъ же сняла надзоръ и дала Норѣ отпускъ. Анна тоже прекратила свое любезное вниманіе и предоставила Нору сестрѣ Керри. Майльсъ также былъ доволенъ отъѣздомъ Рейда. Его приводило въ отчаяніе это хожденіе по пятамъ Норы. Отъѣздъ Рейда радовалъ Майльса еще потому, что молодой человѣкъ ни за что бы не уѣхалъ, еслибы надѣялся на любовь Норы.

Но болѣе всѣхъ была довольна сама Нора. Находясь подъ надзоромъ, котораго она не могла не замѣтить, она нѣсколько была не въ духѣ, и ея неудовольствіе, конечно, объясняли ея желаніемъ остаться наединѣ съ Рейдомъ. Нора до такой степени негодовала, что теперь ничто въ мірѣ не заставило бы ее принять его предложеніе, даже еслибы она его и любила. Въ настоящее время, ея дружеское расположеніе къ Рейду превратилось въ отвращеніе. При прощаніи съ нею, ему никакъ не приходило въ голову, что она нисколько не будетъ въ отчаяніи, если никогда болѣе не увидится съ нимъ.

Черезъ полтора часа послѣ его отъѣзда, къ крыльцу былъ поданъ экипажъ, чтобы везти Анну, Керри и Нору на поѣздъ, отправляющій въ Серборнское аббатство. Эффи, конечно, надѣлала скандалъ и кричала, какъ безумная, что ея не берутъ. Мистрисъ Соммерсъ насовала ей пирожнаго, но недовольная дѣвочка отправилась въ столовую, подставила стулъ къ буфету и налила себѣ цѣлый стаканъ хересу. Увидавъ въ эту минуту вошедшую мать, она, набожно перекрестясь, сказала: „сія есть кровь моя“ и начала пить залпомъ, пока мать не отняла стакана. Такое благочестіе плѣнило мать, и она тотчасъ же пошла разсказать объ этомъ.

— Вѣроятно, вы учите вашу сестру закону божію, оттого она такъ хорошо и знаетъ его? спросилъ Майльсъ у Анны, которая осталась очень довольна этимъ вопросомъ.

Помѣстившись въ коляску, Анна очень серьезно начала читать *лекцію о пользѣ* ученія катихизиса въ дѣтствѣ.

— Я очень хорошо знаю катихизисъ, сказала Керри:—но мнѣ никогда въ голову не приходило воровать при этомъ вино.

— Ты никогда не думаешь о томъ, что говоришь, рѣзко сказала ей Анна,

— А ты никогда не говоришь того, что думаешь, отвѣчала Керри.

„Веселое начало для гулянья!“ подумала Нора, и Керри, точно угадывая ея мысли, сказала:

— Прогулка будетъ прескучная, потому что съ нами не ѣдетъ ни одного кавалера, а зато—цѣлая школа дѣвушекъ.

— А пасторъ Симонсъ-то! улыбаясь, замѣтила Нора.

— Симонсъ? съ невыразимой насмѣшкой вскричала Керри.— Да вы его не знаете!

Она замолчала, совершенно довольная, что уязвила сестру, исключивъ Симонса изъ мужскаго пола.

На станціи къ нимъ примкнулъ Симонсъ и двадцать семь дѣвушекъ изъ воскресной школы. Когда пасторъ и Анна пошли брать билеты, имъ, конечно, и въ голову не приходило, чтобы ученицы перебирали ихъ по косточкамъ, и перебирали довольно грубо, какъ это услыхала Нора, которую дѣвочки не знали и потому не стѣснялись передъ нею.

— Отчего ему не взяться? у нея много денегъ, сказала въ заключеніе одна изъ ученицъ.

Всѣ засмѣялись. Керри подошла къ ученицамъ и милостиво начала разговаривать съ ними, желая разъиграть роль дамы-патронессы; но по ея уходѣ дѣвочки почесали язычки и о ней. Нора, въ свою очередь, скромно заговорила о погодѣ съ одной изъ нихъ, которую звали Лизбетой-Анной.

— Вы, вѣрно, родственница ихъ? спросила дѣвочка, кивкомъ головы указывая Норѣ на барышень.

— Нѣтъ.

— Такъ, можетъ, гувернантка?

— Нѣтъ. Я пріѣхала въ гости.

— Откуда?

— Изъ Ирландіи.

— Изъ Ирландіи? Да вы шутите!

— Развѣ вы никогда никого изъ Ирландіи не видывали?

— Напротивъ, видѣли слишкомъ много ирландцевъ. Тутъ у насъ неподалеку ирландская колонія, и тамъ всѣ пьяницы и буяны. Значитъ, вы католичка! утвердительно сказала дѣвочка.

— *Нѣтъ, я протестантка.* Не всѣ ирландцы католики.

— Однако большая часть изъ нихъ. Это тотчасъ же видно съ презрѣніемъ прибавила Лизбета-Анна.

— Ирландцы вовсе не дурной народъ... не хуже англичанъ, а во многомъ даже гораздо лучше.

Лизбета-Анна съ неописаннымъ изумленіемъ посмотрѣла на Нору.

— Зачѣмъ же вы не держите ихъ дома, а посылаете сюда? спросила она при общемъ смѣхѣ всей школы.

— Къ вамъ идутъ только самые бѣдные и самые невѣжественные; ни одинъ ирландецъ, имѣющій хотя какую нибудь возможность остаться дома или уѣхать въ Америку, не поѣхалъ бы въ Англію, еслибы только зналъ, что это за страна.

— Однако-жъ вы пріѣхали, съ побѣдоноснымъ смѣхомъ возразила дѣвочка.

Когда вся компанія помѣстилась въ вагонѣ, Лизбета-Анна съ восторгомъ вспоминала, какой мелодичный голосъ у этой барышни-ирландки. Она находила, что ихъ учительницѣ и ея сестрѣ далеко до этой гостьи, и старалась держаться вблизи отъ Норы.

Послѣ обѣда, происходившаго на полянкѣ, въ тѣни разрушеннаго аббатства, Лизбета-Анна предложила Норѣ показать водопадъ, мили за полторы отъ аббатства. Нора, умѣвшая лазить по горамъ не хуже лани, придя къ водопаду, захотѣла взобраться на верхъ и, какъ стрѣла, побѣжала на гору. Въ то время, какъ Лизбета-Анна стояла и въ изумленіи смотрѣла вслѣдъ за убѣгавшей Норой, подлѣ нея внезапно очутился Рейдъ Соммерсъ.

— Сестра, сказалъ онъ:—проситъ васъ прійти помочь ей укладывать посуду. А я провожу миссъ Виндгемъ.

XXIII.

Отказъ.

Намѣреніе Рейда Соммерса принять участіе въ пикникѣ явилось у него вовсе не внезапно, какъ думали его родные. Онъ еще наканунѣ составилъ планъ обмануть бдительность семьи—поѣздкой въ Сельбиседжъ и, пробывъ тамъ нѣсколько часовъ, пріѣхалъ со слѣдующимъ поѣздомъ прямо въ Серборнъ. Поѣздъ этотъ пришелъ однако всего за два часа до отъѣзда гуляющихъ домой. Онъ засталъ дѣвушекъ за какой-то игрой; онѣ стояли кружкомъ, помѣстивъ въ середину своего единственнаго кавалера Симонса.

— Рейдъ! вскричала Анна далеко не радостнымъ голосомъ.

— Не прерывайте игры, сказалъ Рейдъ, окидывая всѣхъ пристальнымъ взоромъ.

— Я думала, что ты на охотѣ! съ насмѣшкою проговорила Анна.

— Я и былъ все утро на охотѣ, отвѣчалъ онъ, озабоченный тѣмъ, что тутъ не было Норы, и боязнью, что она осталась дома.

— Ну, такъ мы будемъ продолжать нашу игру. Можетъ быть, и ты примешь въ ней участіе?

— Нѣтъ, не приму.

Анна съ лихорадочной поспѣшностью стала устраивать кружокъ и пригласила пастора въ середину. Но Симонсъ, чувствуя, какъ онъ смѣшонъ и жалокъ среди своихъ ученицъ, заявилъ, что ему надо поговорить о дѣлѣ съ Соммерсомъ.

— Можете поговорить послѣ, такъ рѣзко сказала Анна, что у Рейда явились подозрѣніе и надежда.

— Идемте, сказалъ Рейдъ, взявъ смутившагося пастора подъ руку и направ[illegible]сь съ нимъ къ аббатству.—А васъ тутъ не очень много, продолжалъ онъ:—и больше никого нѣтъ?

— Тутъ всѣ, кромѣ Лизбеты-Анны, которая пошла показать водопадъ миссъ Виндгемъ.

— Одной изъ сестеръ слѣдовало бы отправиться съ нею, съ кажущейся досадой, но—въ сущности—съ восторгомъ проговорилъ Рейдъ.—Миссъ Виндгемъ можетъ обидѣться, что ее оставили одну—съ простой дѣвушкой. Извините меня, пожалуйста, но я пойду къ ней и смѣню ея проводницу.

Сказавъ это, онъ помчался, какъ на крыльяхъ, оставивъ Симонса, который вернулся въ его сестрамъ и сообщилъ имъ объ уходѣ брата. Пасторъ Симонсъ не могъ понять, что могло разсердить до такой степени миссъ Соммерсъ.

— Вотъ такъ счастіе! думалъ Рейдъ, спѣша къ водопаду. Ему стоило только подъ какимъ бы то ни было предлогомъ отправить къ аббатству дѣвушку, и цѣлый часъ онъ могъ оставаться съ Норой. Онъ чувствовалъ, что ему понадобится немало времени, чтобы убѣдить Нору не обращать вниманія на нежеланіе его семьи, чтобы онъ женился на ней. Спѣша къ водопаду, онъ перебиралъ въ умѣ всевозможные доводы, которыми надѣялся убѣдить Нору; мысль объ отказѣ ни разу даже не приходила ему въ голову.

Увидавъ поднимавшуюся на гору Нору, онъ отправилъ обратно Лизбету-Анну и пошелъ за Норой, которую встрѣтилъ въ ту минуту, какъ она начала уже спускаться.

— *Мистеръ* Соммерсъ! вскричала она съ неменьшимъ неудо-

вольствіемъ, съ какимъ вскричала Анна. Сердце у нея упало при мысли о непріятной сценѣ, которая ее ожидала.

— Вы не ожидали меня видѣть и, можетъ быть, не желали? прибавилъ онъ съ полной увѣренностью, что этого не можетъ быть.

— Я думала, что вы на охотѣ, отвѣчала она.

— Я былъ на охотѣ, и раскаялся въ этомъ точно также, какъ раскаялся вчера, и по той же самой причинѣ,—многозначительно проговорилъ онъ, глядя на нее такъ, что она вся вспыхнула.

Такъ какъ она считала всего безопаснѣе молчать, то разговоръ на этомъ оборвался, и ему пришлось начать новую тему.

— Присядьте, пожалуйста, и позвольте мнѣ перевести духъ послѣ подъема на такую крутизну.

— Мнѣ пора идти. Я только что хотѣла спускаться.

— Какъ! По такой отвѣсной горѣ? Да тутъ безопасно пролетитъ только муха или проскочитъ лань. Я сведу васъ другой, болѣе удобной дорогой.

— Меня внизу ждетъ дѣвушка.

— Я отослалъ ее, въ надеждѣ, что вы предпочтете ей меня.

Дѣлать было нечего. Нора молча сѣла, не скрывая неудовольствія. Онъ помѣстился у ея ногъ и въ смущеніи началъ обыкновенный пустой разговоръ.

Нелюбезность Норы онъ приписывалъ непріятностямъ, которыя она имѣла съ Анной; но ему и въ голову не приходило, что она могла чувствовать къ нему отвращеніе. Наконецъ Нора сказала:

— Какъ вы думаете, не пора ли намъ отправляться?

— Миссъ Виндгемъ, чѣмъ же я оскорбилъ васъ?

— Вы? вскричала Нора, тотчасъ же почувствовавъ раскаяніе, что она была съ нимъ рѣзка.

— Судя по вашему обращенію со мною, можно подумать, что я чѣмъ нибудь обидѣлъ васъ, и это страшно огорчаетъ меня. Вы себѣ представить не можете, какъ я разстроенъ тѣми непріятностями, изъ-за которыхъ вы уѣзжаете отъ насъ такъ скоро. Вашъ отъѣздъ можетъ стоить мнѣ счастія всей моей жизни.

Онъ замолчалъ, съ мольбою глядя ей прямо въ глаза. Объясняя смущеніе ея въ свою пользу, онъ продолжалъ уже съ большею смѣлостью:

— Я думаю... я надѣюсь, что вы понимаете, отъ чего зависитъ счастіе моей жизни. Оно зависитъ отъ вашей руки... отъ вашей любви, Нора.

Нора, поспѣшно выдернувъ свою руку, взятую имъ, въ волненіи и встала.

— Мнѣ ужасно досадно... Я не могу выразить вамъ, какъ мнѣ досадно, что произошло такое недоразумѣніе, мистеръ Соммерсъ, сказала она, лихорадочно упираясь о зонтикъ обѣими руками.

Волненіе, естественное въ дѣвушкѣ ея лѣтъ, въ такую серьезную минуту жизни, онъ объяснилъ въ свою пользу, а слово „недоразумѣніе" приписалъ исторіи съ Анной. Также вставъ на ноги, онъ взялъ ее за обѣ руки и вскричалъ съ такимъ жаромъ, на какой она не считала его даже способнымъ:

— Недоразумѣніе! Вѣдь вы не хотите сказать... не можете сказать... что меня не любите?

Она именно это и хотѣла сказать; но Нора боялась, что своимъ обращеніемъ она ввела Рейда, съ англійской точки зрѣнія, въ обманъ.

— Я... я люблю васъ, проговорила она:—какъ хорошаго знакомаго; но не такъ, какъ вы думаете.

Еще болѣе поощряемый ея волненіемъ, онъ горячо отвѣчалъ:

— Нора, не жертвуйте счастіемъ нашей жизни ради дурнаго характера моей сестры.

— Позвольте... начала Нора.

— Я знаю, что̀ вы хотите сказать, продолжалъ онъ, желая поскорѣе объясниться:—вы хотите сказать, что тутъ задѣта ваша гордость; но неужели вы пожертвуете ради нея своими чувствами и моими надеждами на счастіе? Еслибы мои родные знали, насколько счастіе всей моей жизни зависитъ отъ васъ, они тотчасъ же присоединили бы свои просьбы къ моимъ. Имѣйте во всякомъ случаѣ въ виду, что вопросъ идетъ не о ихъ счастіи и будущности, а о моемъ и вашемъ, Нора. Если вы меня любите...

— Нѣтъ, я васъ не люблю! рѣшительно вскричала Нора.—Не люблю такъ, какъ вы думаете. Мнѣ досадно... выразить вамъ не могу, какъ досадно... что мое обращеніе съ вами ввело васъ въ заблужденіе. Конечно, я виновата въ этомъ, а не вы... но виновата неумышленно, увѣряю васъ. Я надѣюсь, что вы простите меня и забудете, что̀ говорили мнѣ.

Онъ выпустилъ ея руку, и сначала съ отчаяніемъ, а потомъ съ досадой смотрѣлъ на нее. Рейдъ былъ глубоко задѣтъ. Развѣ не смѣшенъ онъ былъ со своей увѣренностью въ ея любви? И почему онъ былъ такъ увѣренъ въ ней? Конечно, виновата во всемъ была она, а не онъ. Рейдъ, подобно своему отцу, во всемъ считалъ себя непогрѣшимымъ. Поэтому онъ тотчасъ же пришелъ къ убѣжденію, что Нора поощряла его, какъ кокетка.

— *Да*, вы ввели меня въ заблужденіе, сердито проговорилъ

онъ; и затѣмъ тотчасъ же прибавилъ: — я думаю, что дѣйствительно намъ пора вернуться.

Затѣмъ, допустивъ ее поднять зонтикъ, который она уронила по его милости, онъ пошелъ по отлогой дорожкѣ, спускавшейся въ долину.

Говоря по правдѣ, Нора была очень довольна, что онъ такъ разсердился, потому что досадой своей онъ какъ бы платилъ за свое невольное заблужденіе. Теперь онъ оставался у нея въ долгу только за то, что она спасла ему жизнь.

Сначала они шли молча; потомъ онъ холодно заговорилъ съ нею только ради приличія, и она также холодно отвѣчала ему.

Сдѣлавъ большой кругъ, они дошли наконецъ до аббатства и увидали, что общество отправилось уже обратно. На станціи же они, къ немалому своему ужасу, узнали, что поѣздъ — послѣдній поѣздъ въ этотъ день—ушелъ, и всѣ уѣхали, кромѣ нихъ двоихъ.

— Вамъ придется отправиться на соединительную линію въ Бриксомъ! сказалъ сторожъ.—Я сказалъ вашимъ, что пошлю васъ туда.

— А застанемъ ли мы тамъ поѣздъ въ Спрингсорнъ? спросилъ Рейдъ.

— Да, тамъ можете сѣсть въ Лидсъ, а изъ Лидса—въ Спрингсорнъ.

— Далеко ли до Бриксома?

— Кругомъ три мили, а прямо черезъ лѣсъ—двѣ.

— Нельзя ли тутъ нанять телѣжки?

— Какая тутъ телѣжка! съ усмѣшкой вскричалъ сторожъ.— Отправляйтесь черезъ лѣсъ пѣшкомъ.

— Кажется, намъ дѣлать больше нечего, какъ пойти, миссъ Виндгемъ. Я надѣюсь, что вы можете дойти.

— Я не устала, холодно отвѣчала Нора.

Рейдъ съ ужасомъ думалъ, въ какое онъ попалъ дурацкое положеніе, и какіе непріятные часы ему предстоятъ. Нора думала съ отчаяніемъ объ этихъ нѣсколькихъ часахъ; негодованіе Рейда начало ее тревожить, а съ тѣхъ поръ, какъ они вышли со станціи, Рейдъ все болѣе и болѣе негодовалъ на кокетство Норы, кончившееся такою непріятностью.

(*Окончаніе будетъ*).

Мечта въ зимнія сумерки.

Прячется солнца пылающій ликъ;
Холодъ крѣпчаетъ, могучъ и великъ;
Ярко на западѣ блещетъ сіянье
Алой вечерней зари.
Душу на западъ уноситъ мечтанье,
Манитъ въ разливъ золотой,—посмотри
Въ край, гдѣ въ лазурной волнѣ океана
Солнышко гаситъ лучи.
О, надоѣло мнѣ царство тумана...
Снѣжная вьюга сберется въ ночи...
Къ западу мчится мечта... Надоѣли
Сѣвера мрачныя, злыя мятели,
Волчій протяжный, томительный вой,
Скорбная пѣснь о родимой „дубинѣ“,
Стономъ звучащая вдоль по равнинѣ,
Грустный буранъ снѣговой
Надъ занесенною снѣгомъ могилой,
Гдѣ покосились кладбища кресты...
Пѣснь о дубинѣ съ щемящею силой,—
О, надоѣла мнѣ ты!
Въ нравахъ, въ природѣ и въ дикомъ напѣвѣ,
Даже и въ пляскѣ, не только что въ гнѣвѣ,
Грубая вѣчно дубина слышна,
Силой тупою, безсмысленно-грозной
Всюду нависла она...
О, надоѣло!.. Напѣвъ граціозный,
Цивилизація! спой мнѣ скорѣй!
Пусть изъ-за дальнихъ морей
Съ западнымъ вѣтромъ ко мнѣ онъ домчится...
Нѣтъ!.. Не хочу!.. Гдѣ лазурь вѣчно тмится,
Гдѣ завываетъ сѣдая мятель,
Птички залетной волшебная трель

Душу, со сцены звуча балаганной,
Тронетъ ли мнѣ подо мглою туманной,
Гдѣ самодуръ, пьяный скиѳъ-меценатъ
Пригоршню золота бросить ей радъ?
Нѣтъ! Этой пѣсни я жажду мятежно
Въ дальней отчизнѣ, гдѣ въ сладкой тиши
Море лазурное вторитъ ей нѣжно,
Тамъ, гдѣ священное пламя души
Только на волѣ она-бъ изливала,
Въ сердце та пѣсня мнѣ тамъ бы запала...
Къ западу!.. Но ужь померкнулъ закатъ...
Звѣздочка тускло выходитъ съ востока,
Какъ потемнѣвшаго ѳбраза око,
Смотритъ на сталь снѣжно-сѣверныхъ латъ,
Строго, угрюмо обводитъ ихъ взоромъ,
Будто бы сторожъ, что̀ ходитъ дозоромъ...
Къ западу, къ западу мчусь я душой,
Гдѣ надъ двурогой луной золотистой
Образъ мадонны божественно-чистой
Блещетъ святой красотой!
Тучи сбираются... Вьюгою снѣжной
Сѣверъ, быть можетъ, схоронитъ меня...
Западъ! Я все же душою мятежной
Сынъ твой,—предъ сѣверной мощью безбрежной
Гордой главы не клоня!...

Л. Пальминъ.

ЛИЛІЯ.

(Поэма въ прозѣ).

I.

Болитъ душа, сердце тоскуетъ. Ужь вечеръ. Шумный и гремящій Невскій проспектъ залитъ электричествомъ, и голубой свѣтъ косымъ лучемъ проникъ въ мою комнату. Онъ играетъ на стѣнѣ, искусственный и холодный, какъ весь этотъ Петербургъ... Поздно... Семь часовъ... четверть восьмаго... А ея нѣтъ! Все нѣтъ!

Я прислушиваюсь къ каждому шороху, и когда раздается звонокъ въ передней, я вздрагиваю отъ радостнаго испуга. Но то не она. Жильцы возвращаются домой, и номерной бойко увѣряетъ ихъ, что самоваръ будетъ „сейчасъ“. Они запираютъ двери за собою и ходятъ взадъ и впередъ по комнатамъ,—мученики своего добровольнаго одиночнаго заключенія. Здѣсь атмосфера—одна сплошная тоска!

Неужели она не придетъ? Я не увижу сегодня ея лица, не коснусь ея руки? Гдѣ же она? Что задержало ее? Быть можетъ, она больна? Она забыла меня, я надоѣлъ ей своею любовью! Или она, милая, нѣжная душа, избѣгаетъ новыхъ свиданій, чтобы я остылъ и очнулся отъ угара?

Странная забота! Эта дѣвушка нисколько не любитъ меня! О сегодняшнемъ вечерѣ я мечталъ вчера весь день, всю почь, я похудѣлъ отъ страстнаго ожиданія, ни за что не могу взяться, ни о чемъ другомъ не могу думать. Все мерещится мнѣ Татьяна Николаевна, высокая и стройная, какъ мраморная богиня, съ голубыми, добрыми глазами и задумчивымъ лбомъ.

Какое счастіе цѣловать ея руки, лежать у ея ногъ, смот-

увидѣть глубину снѣдающей васъ тоски. Въ душѣ вашей живетъ вѣра въ человѣка, не смотря на тысячи обидъ, нанесенныхъ вамъ людьми, и въ васъ есть Богъ. И вотъ почему вы поймете меня и, въ концѣ концовъ, любовь моя не покажется вамъ странной. Я проницателенъ, сразу вижу то, чего другіе не могутъ распознать въ теченіе годовъ. Довѣрьтесь мнѣ—вѣдь вы несчастны—дайте облегчить печаль вашей души. Всю жизнь искалъ я васъ—неужто-жъ я не грезился вамъ до нашей встрѣчи?"

И, подойдя къ ней, я смотрѣлъ въ ея прекрасные, свѣтлые глаза.

VIII.

„Слушайте, слушайте, милая", говорилъ я.—„Развѣ не помните вы, какъ въ тѣ года, когда только что проснулось ваше сердце, въ серебряномъ сумракѣ ночи, отдаваясь ласкѣ душистаго воздуха, сидѣли вы у окна и мечтали о новой сладостной жизни, раскрывающей вамъ объятія? Въ мечтахъ вы были не однѣ—одиночество ненавистно молодой душѣ.

„Бѣжали дни; вы расцвѣтали, становились красавицей, и расцвѣтало ваше сердце—какъ чудный цвѣтокъ, распускало оно свои лепестки и жадно просило у неба благодатной росы. И когда непогода терзала этотъ нѣжный цвѣтокъ, и грязныя руки прохожихъ касались его, вспомните, какъ плакали вы и съ тоской ожидали того, кто протянулъ бы вамъ руку, какъ другъ, какъ мужъ. Выросли вы—и вдвойнѣ ненавистно было вамъ одиночество.

„Рано судьба оскорбила васъ. Сытыя барышни блистали своею добродѣтелью и плѣняли невинностью глазъ, а вы были унижены и поруганы; васъ обманули, развратили, принесли въ жертву, чтобы спасти честь богатыхъ дѣвушекъ. Жизнь—это страшная битва. И какъ полководецъ губитъ цѣлыя арміи, чтобъ одержать верхъ надъ непріятелемъ и увѣнчать побѣдными лаврами горсть храбрецовъ, которые были прикрыты грудью погибшихъ, такъ и судьба, оберегая однихъ, губитъ другихъ.

„Но и погибая—припомните—вы не теряли надежды. Какъ раненый воинъ среди груды изрубленныхъ тѣлъ приходитъ

умѣ на фонѣ брезгливаго чувства, которое вызывалось видомъ лабазническихъ мордъ и ободрительныхъ улыбокъ, посылаемыхъ имъ хорошенькими личиками. Мой либеральный гнѣвъ закрывалъ собою, какъ щитомъ, постыдность моего пребыванія въ веселомъ домѣ. Голова моя была гордо поднята.

И только странную робость испытывалъ я, встрѣчаясь глазами съ застѣнчивой дѣвушкой.

III.

На ней былъ мѣщанскій шолковый платокъ, и она до половины прикрывала имъ лицо. Мнѣ показалось, что я давнымъ-давно зналъ эту скромную дѣвушку, и любилъ ее какой-то безнадежной, несчастной любовью. На зарѣ своей жизни встрѣчалъ я ее, плакалъ по ней горючими слезами, мечталъ объ ней, какъ объ идеалѣ женственности, но кто-то сталъ межъ нами и разлучилъ насъ.

И еще разъ встрѣчалъ я ее, уже будучи зрѣлымъ мужемъ. Не забыть мнѣ роковой минуты, когда я сжалъ руку милой дѣвушкѣ и, замеревъ отъ страха и счастія, спросилъ, хочетъ ли она быть моей. Я слышалъ, какъ тихій вздохъ поднялъ ея грудь. Она ушла, не сказавши ни слова. У нея была тайна, и эта тайна разлучила насъ.

И вотъ теперь, когда тусклое, подернутое черными тучками, солнце моей жизни стало склоняться къ закату, снова я встрѣтилъ ее. Она не перемѣнилась. Все тѣ же девятнадцать лѣтъ, все тотъ же скорбный взоръ и благородное лицо. Какъ! Неужто и послѣ смерти моей, послѣ того, какъ исчезнетъ самая память обо мнѣ, вѣчно будетъ существовать образъ этой тихой, загадочной дѣвушки?

Съ любовью и страхомъ смотрѣлъ я на нее. Зачѣмъ она здѣсь? Небогатъ нарядъ на ней. Должно быть, она швея и пришла съ подругами повеселиться. Въ этомъ голубенькомъ старенькомъ платкѣ не пустятъ ее ни въ какой клубъ. Жестоко требовать, чтобы бѣдныя труженицы сидѣли дома въ четырехъ стѣнахъ и скучали, потому что скучать нравственнѣе, чѣмъ танцовать.

Или, быть можетъ, она замужемъ? Мужъ у нея боленъ;

онъ лежитъ въ холодномъ подвалѣ на жосткой койкѣ. Кругомъ въ долгу бѣдная семья, исчерпаны всѣ ресурсы, нѣтъ надежды на постороннюю помощь. Какъ быть, что дѣлать? Старая, старая исторія! Вытаскивается убогій костюмъ, наряжается молодая женщина, при зловѣщемъ свѣтѣ тусклаго огарка, въ обновленныя лохмотья, и—вотъ она въ веселомъ домѣ.

И вмѣстѣ съ нею вошли въ этотъ домъ *Голодъ* и *Ужасъ*.

IV.

Да, по обѣимъ сторонамъ незнакомки сидятъ страшные призраки. Я одинъ вижу ихъ, и оттого такъ велика разница между мною и лабазниками, которые тоже смотрятъ на незнакомку, но слѣпыми глазами. *Голодъ*, худой старикъ, останавливаетъ мужчинъ, и его костлявыя руки силятся сорвать платокъ съ плечъ красавицы. Красныя очи его полны безсильной злобы, помертвѣлыя губы шепчутъ проклятія.

А *Ужасъ* молчитъ, потупя взоръ. На немъ черная мантія, и у него блѣдное лицо. Леденящимъ холодомъ вѣетъ отъ его дыханія. Бѣдная женщина! Ни одна слезинка не смѣетъ скатиться съ твоихъ прекрасныхъ рѣсницъ. Ты замерла, оцѣпенѣла отъ этого холода. Ахъ, еслибъ ты знала, какъ мучительно болѣла въ тотъ вечеръ душа моя, и какой глубокой, нечеловѣческой, странной любовью полюбилъ я тебя!

И еслибъ ты знала, что испытывалъ я, когда подошелъ къ тебѣ сѣдой господинъ въ сюртукѣ и золотыхъ очкахъ и началъ улыбаться, какъ черепъ. Я долго сдерживалъ себя. Но онъ взялъ тебя за руку—ты сердито посмотрѣла на него, и тогда я не вытерпѣлъ: грубо толкнулъ сѣдаго господина, и ты чуть-чуть улыбнулась мнѣ...

Не помню, что я тебѣ говорилъ: я робѣлъ все время, какъ мальчикъ. Мы сидѣли съ тобою, чуждые развратной толпѣ, которая бѣсновалась вокругъ насъ, и сердце мое билось отъ опасенія, что ты отвергнешь меня и предпочтешь другаго, потому что я былъ слишкомъ почтителенъ и непохожъ ни на кого въ веселомъ домѣ.

Мы стали ходить по залѣ. Эта прогулка казалась мнѣ пыткой.

На насъ смотрѣли съ завистливой гримасой голодныя дѣвушки. Музыка играла что-то изъ „Прекрасной Елены“ или „Мадамъ Анго“. Два купчика отплясывали передъ нами безобразный танецъ, подло подмигивая моей дамѣ. Она прижималась ко мнѣ. Ей было тяжело, и она опустила рѣсницы: можетъ быть, на нихъ дрожали слезы.

И я шепнулъ ей: „Уйдемъ отсюда, уйдемъ!“

V.

Пьяный извощикъ помчалъ насъ по улицамъ. Уныло скрипѣли полозья, угрюмо стояли дома, свѣтя окнами, какъ безчисленными красными глазами. Иные ужь дремали, повитые синимъ сумракомъ ночи. Вѣтеръ рѣзко дулъ намъ въ лицо. Я держалъ Татьяну Николаевну за талію, и мнѣ все хотѣлось узнать, кто она именно, но было неловко спросить.

Конечно, я могъ бы облечь ее въ любой женскій образъ силою фантазіи. Не она-ль та несчастная, которая въ прошломъ году была выгнана матерью въ одномъ платьѣ изъ дому? Долго бродила она по панели въ холодный ноябрьскій вечеръ, дивя прохожихъ лѣтнимъ костюмомъ...

Или братья отказались отъ нея, потому что она—незаконная дочь ихъ отца? Пока старикъ былъ живъ, дѣвушка думала, что рай на землѣ:—и будущее грезилось ей въ плѣнительныхъ краскахъ, и людей любила она, и была безпечна, какъ птичка. Но умеръ отецъ, покрыли трупъ золотою парчею, три свѣчи зажгли вокругъ печальнаго стола, замигали блѣдные огни въ душномъ воздухѣ, раздалось унылое пѣнье. Фигура адвоката въ черномъ фракѣ мелькнула въ толпѣ... Кончился рай, потускнѣло будущее.

Вижу я также, какъ мчится къ дальнему сѣверу поѣздъ желѣзной дороги. Въ третьемъ классѣ, на жосткой скамьѣ, сидитъ молодая дѣвушка въ кашемировомъ платочкѣ, освѣщенная сѣрымъ свѣтомъ морознаго дня. Тревожный вопросъ видится въ голубыхъ глазахъ, широко раскрытыхъ. Учиться ѣдетъ, работать? Счастья искать? Что тянетъ въ столицу этого ребенка?

Она не одна. Съ ней тетка, сѣдая, съ землистымъ лицомъ,

въ убогомъ бурнусѣ. Улыбка играетъ на безкровныхъ губахъ старухи—улыбка надежды. Всѣхъ неимущихъ влечетъ къ себѣ туманный городъ; тамъ горятъ за стеклами магазиновъ брилліанты въ орѣхъ величиной и сіяютъ груды серебра и золота; тамъ высятся дворцы, тамъ много богачей, и легко заработать на хлѣбъ насущный; даже—бывали случаи—можно найти на улицѣ туго набитый бумажникъ.

И, успокоивая свой голодъ золотыми грезами, дремлетъ старуха на плечѣ у дѣвушки.

VI.

Былъ пасмурный день, когда поѣздъ остановился у платформы Николаевскаго вокзала. Непривѣтливо встрѣтилъ нищихъ мечтательницъ угрюмый городъ, закованный въ гранитъ, какъ въ панцырь. Глазѣла старуха на дома, сѣдые отъ инея, на величавые храмы, на монументы, темными силуэтами выдѣлявшіеся на мглистомъ фонѣ зимы, и рядомъ съ нею шла племянница, охваченная неопредѣленнымъ страхомъ при видѣ безучастной, громадной толпы людей, снующихъ по улицамъ.

У каждаго своя забота—нахмурены брови или себялюбиво сжаты губы. Пресыщенные и голодные, здоровые и больные, нарядные и убогіе—всѣ вмѣстѣ, какъ хорошо дрессированные волки и овцы. Толпа эта, быть можетъ, раздавитъ, потушитъ, исковеркаетъ молодую, довѣрчивую жизнь...

Не обмануло предчувствіе... Но не рисуй мнѣ, фантазія, мрачныхъ образовъ! Прочь, я забыться хочу! Зачѣмъ мнѣ знать, кто эта дѣвушка? Я люблю ее, не надо мнѣ прошлаго. Яркимъ видѣньемъ пусть вспыхнетъ грядущее! Дорогая, ты будешь вѣчно моею!

И сквозь сумракъ ночи пытливо глянули на меня, осѣненные темными рѣсницами, глаза.—„Вѣчно? Да развѣ это возможно? Что за странный человѣкъ мой случайный спутникъ? Впервые слышу я подобную рѣчь! Нѣтъ, мгновенно начинается и мгновенно кончается любовь ко мнѣ“—казалось, говорилъ этотъ нѣмой, покорный взглядъ въ отвѣтъ на мой шопотъ.

Она не *понимала меня*! Она была по своему права. Развѣ

я могъ сразу объяснить ей, что давно люблю ее—любилъ еще до встрѣчи съ нею, любилъ, какъ грезу молодости, какъ свѣтлый сонъ души? Что мнѣ до толпы, кидающей въ нее каменьями? Ея горе и злая доля истерзали мнѣ грудь. И чудный сонъ вдвойнѣ милѣе для меня теперь...

Благословенны язвы сердца, точащія кровь во имя любви!

VII.

Помню, какъ было неловко и стыдно ей, когда мы пріѣхали домой. Горѣла свѣча и, не знаю почему, я не смѣлъ зажечь другую. На стѣнѣ висѣли фотографіи—блѣдные портреты друзей, дружба которыхъ давно ужъ выцвѣла, какъ ихъ изображенія.

Татьяна Николаевна со страннымъ вниманіемъ глядѣла на портреты. Потомъ она молча стала перебирать листы моихъ рисунковъ длинными озябшими пальцами красивыхъ рукъ. Темная коса ея расплелась до половины и тяжелой волной бѣжала по спинѣ.

Былъ поданъ самоваръ, и сонный номерной, при видѣ гостьи, встряхнулся и таинственнымъ шопотомъ спросилъ меня: не надо ли чего еще? Я махнулъ ему рукой, и онъ ушелъ. Мы опять остались вдвоемъ. И все молчали, потому что я любилъ ее, а ей не вѣрилось, что это любовь; она недоумѣвала, ей было страшно. Шумѣлъ самоваръ, и въ стеклянной посудѣ играло тусклое пламя свѣчи. Но вотъ и чай простылъ —мы не дотронулись до стакановъ.

Она застѣнчиво улыбнулась и, сидя въ креслѣ, поднесла руку къ воротничку и разстегнула. Но я сказалъ:—„Нѣтъ, мое дитя! Ничѣмъ, ничѣмъ не оскорблю я васъ. Любовь нужна мнѣ ваша, а не позоръ. Я вижу все! Вѣдь въ вашемъ сердцѣ столько печали! Откройте мнѣ его!“—Въ отвѣтъ она не промолвила ни слова. Краска стыда разлилась на холодномъ лицѣ, и двѣ слезы повисли на рѣсницахъ.

Я продолжалъ:—„Знаю! Вамъ можетъ показаться нелѣпымъ мое требованіе. Вы до сихъ поръ встрѣчали только веселыхъ и безпечныхъ нахаловъ или втихомолку грѣшащую себя-*любивую* старость. Но достаточно посмотрѣть на васъ, чтобы

увидѣть глубину снѣдающей васъ тоски. Въ душѣ вашей живетъ вѣра въ человѣка, не смотря на тысячи обидъ, нанесенныхъ вамъ людьми, и въ васъ есть Богъ. И вотъ почему вы поймете меня и, въ концѣ концовъ, любовь моя не покажется вамъ странной. Я проницателенъ, сразу вижу то, чего другіе не могутъ распознать въ теченіе годовъ. Довѣрьтесь мнѣ—вѣдь вы несчастны—дайте облегчить печаль вашей души. Всю жизнь искалъ я васъ—неужто-жъ я не грезился вамъ до нашей встрѣчи?"

И, подойдя къ ней, я смотрѣлъ въ ея прекрасные, свѣтлые глаза.

VIII.

„Слушайте, слушайте, милая", говорилъ я.—„Развѣ не помните вы, какъ въ тѣ года, когда только что проснулось ваше сердце, въ серебряномъ сумракѣ ночи, отдаваясь ласкѣ душистаго воздуха, сидѣли вы у окна и мечтали о новой сладостной жизни, раскрывающей вамъ объятія? Въ мечтахъ вы были не однѣ—одиночество ненавистно молодой душѣ.

„Бѣжали дни; вы расцвѣтали, становились красавицей, и расцвѣтало ваше сердце—какъ чудный цвѣтокъ, распускало оно свои лепестки и жадно просило у неба благодатной росы. И когда непогода терзала этотъ нѣжный цвѣтокъ, и грязныя руки прохожихъ касались его, вспомните, какъ плакали вы и съ тоской ожидали того, кто протянулъ бы вамъ руку, какъ другъ, какъ мужъ. Выросли вы—и вдвойнѣ ненавистно было вамъ одиночество.

„Рано судьба оскорбила васъ. Сытыя барышни блистали своею добродѣтелью и плѣняли невинностью глазъ, а вы были унижены и поруганы; васъ обманули, развратили, принесли въ жертву, чтобы спасти честь богатыхъ дѣвушекъ. Жизнь—это страшная битва. И какъ полководецъ губитъ цѣлыя арміи, чтобъ одержать верхъ надъ непріятелемъ и увѣнчать побѣдными лаврами горсть храбрецовъ, которые были прикрыты грудью погибшихъ, такъ и судьба, оберегая однихъ, губитъ другихъ.

„Но и погибая—припомните—вы не теряли надежды. Какъ раненый воинъ среди груды изрубленныхъ тѣлъ приходитъ

ночью въ себя, вспоминаетъ подробности боя и съ тоскою ждетъ, что явятся съ фонаремъ милосердные служители Краснаго Креста, перевяжутъ его раны, уймутъ кровь и спасутъ его отъ смерти, такъ и вы, очутившись въ кромѣшной тьмѣ, гдѣ царятъ порокъ и развратъ, все продолжали надѣяться на чью-то помощь... Нѣтъ ничего ненавистнѣе и постылѣе одиночества!

„Послушайте, вотъ рука моя; крѣпко, крѣпко обопритесь на нее. Я тотъ, кого давно вы ждете. Сжалилась судьба, и встрѣтились мы съ вами. Никогда отнынѣ грязь не коснется васъ. Я—ваша защита, вашъ братъ!.. Дитя мое, вѣрите вы мнѣ? Скажите, что—еслибъ сталъ я вашимъ другомъ и мужемъ?“

Въ смятеніи поднялась она съ мѣста и глядѣла на меня съ испугомъ.

IX.

Ея губы раскрылись беззвучно. Она выпрямилась и, заломивъ руки, сказала:—„Чего надо вамъ? Зачѣмъ такъ жестоко мучить? Я все могу перенести—я презираю себя—только не шутите, не насмѣхайтесь надъ моимъ сердцемъ... Простая я дѣвушка и не умѣю говорить красно, но... ради Бога, для меня ужь больше нѣтъ возврата. Никуда не зовите меня! Кто утонулъ, тому спасенья нѣтъ. Нечего будить меня, и мнѣ—ножъ острый въ сердце, когда со мною говорятъ, какъ съ честной барышней. Мнѣ снилось когда-то, что я хорошая женщина, что я замужемъ. Въ воскресенье звонятъ къ обѣднѣ, и я съ мужемъ и дѣтьми иду будто въ церковь. Такъ славно, такъ привольно. И люди всѣ одинъ добрѣй другаго. По имени-отчеству называютъ насъ, кланяются съ привѣтною улыбкой. Бѣлые голуби летаютъ въ воздухѣ около золотаго купола... Проснулась —гляжу, я въ номерѣ. Стоятъ бутылки на столѣ. Валяется зеленая бумажка на скатерти. И я одна, одна... Съ тѣхъ поръ мнѣ этотъ сонъ сталъ ненавистенъ. Онъ душу перевернулъ во мнѣ, насмѣшкой какой-то показался. И кто со мною говоритъ о томъ, что можно мнѣ, утопленницѣ, стать живой, тотъ мой первый мучитель. Сама я все обдумала и рѣшила—все кончено!“

Она махнула рукой. И, сдѣлавъ вдругъ веселые глаза, съ *плѣнительной* улыбкой подставила мнѣ щеку для поцѣлуя.

Среди ночной тишины, царившей въ сумрачной комнатѣ, безстрастно прозвучалъ поцѣлуй, словно губы мои коснулись не живаго лица, а мертвой холодной красавицы. Какъ русалка, увлекла она меня на дно глубокой, мутной рѣки. Я отдался ея чарамъ.

И, очарованный, я жилъ въ царствѣ какихъ-то сказокъ, гдѣ волшебные цвѣты, похожіе на лиліи и розы, рыбы и бабочки, украшенныя драгоцѣнными каменьями, водоросли, яркія, какъ перья павлина, и солнце, струившее рубиновый свѣтъ, и хрустальный воздухъ—все двигалось, трепетало, мучительно и болѣзненно жило, согласно біеніямъ моего сердца. И странный холодъ проникалъ мнѣ въ душу, и самому казалось мнѣ, что утонулъ я навѣки, навѣки, и больше не воскресну.

Какъ сквозь дымку, смотрѣли на меня глаза русалки.

X.

Мутный свѣтъ пробился изъ-подъ шторы—зловѣщій, гадкій свѣтъ сѣраго тифознаго петербургскаго дня. Татьяна Николаевна еще спала. Какъ у камеи, былъ правиленъ и красивъ ея профиль. На бѣлой подушкѣ темнѣли пышные, упругіе волоса, скрывая наготу твердыхъ плечей. Осторожно всталъ я и на кругломъ столикѣ, застлавъ его бѣлой салфеткой, возлѣ постели поставилъ приборъ и сталъ варить кофе. И паръ, вырываясь струей изъ металлическаго кофейника, казалось, согрѣвалъ собою это утро.

Мнѣ хотѣлось, чтобъ, проснувшись, она увидѣла обстановку, въ которой есть что-то семейное... Я берегъ ея покой и, глядя на длинныя рѣсницы опущенныхъ глазъ, спрашивалъ себя:—„Что снится ей? Неужто снова—день воскресный, и бѣлые голуби, и золотой куполъ?“ Но... тяжелъ ея сонъ—мраморный лобъ наморщенъ, и хмурятся брови.

Вдругъ, съ крикомъ открыла она глаза и протянула руки. Блѣдная, какъ смерть, глядѣла она на меня, и въ этомъ взглядѣ я прочиталъ ненависть. Черезъ мгновеніе она ужь улыбалась и, откинувъ волосы назадъ, сказала:—„Мнѣ снилось, что *я бѣгу по темнымъ* улицамъ и, молча, гонится за мной

несмѣтная толпа людей. Бѣгу-бѣгу—они все ближе, ближе... Ну, слава Богу, сонъ прошелъ!"

Я сталъ служить ей, какъ женѣ, и самъ ей надѣвалъ ботинки. Я говорилъ съ ней ласково, нѣжно, шутилъ, чтобъ разсѣять облако, которое нагналъ кошмаръ на ея лобъ. Но проходило утро, и все озабоченнѣй и тревожнѣе становилось выраженіе лица у дѣвушки. Мнѣ страшно было глядѣть въ окно—тоска сжимала сердце при мысли, что эта мгла сейчасъ охватитъ бѣдняжку, и она исчезнетъ въ вихрѣ подлой жизни, быть можетъ, навсегда.

„Навсегда!" Я обнялъ ея гибкій станъ и высказалъ опять все, чѣмъ была полна моя душа. Я просилъ не уходить и жить со мной, забывши прошлое. Когда же рѣчь моя осталась безъ отвѣта, я палъ на колѣни,—и жалость, и любовь, и злоба терзали поочередно мою грудь.

Она заплакала, закрывъ лицо руками.

XI.

„Я не могу! Не могу!" шептала она. И я не въ силахъ былъ добиться объясненія—почему. Межъ тонкихъ пальцевъ струились слезы, подобно свѣтлымъ жемчужинамъ, и падали на грудь и на голубой платокъ, который покрывалъ милыя плечи. Мнѣ было невыразимо тяжело. И я не зналъ, какія это были слезы—любви, раскаянья или досады.

Потомъ она стала поспѣшно одѣваться. А я молчалъ, терзаемый гнѣвомъ.—„Ну, пусть уходитъ!" думалъ я.—„Ей люба эта жизнь и трудно разстаться съ грязью—ей до конца хочется гибели. Пусть уходитъ, пусть!"—И, не взглянувши на меня, съ заплаканными глазами, скрылась Татьяна Николаевна за дверью. Она ушла, а я, шатаясь, упалъ на диванъ и зарыдалъ, какъ ребенокъ.

Но на другой день, передъ вечеромъ, когда въ сумракѣ петербургскихъ улицъ начинаютъ зажигаться огни, я встрѣтилъ Татьяну Николаевну возлѣ магазина эстамповъ. Она смотрѣла на новую гравюру мадонны Сикстинской, освѣщенную бѣлымъ свѣтомъ газоваго рожка. Рядомъ съ нею стоялъ тотъ *самый старикъ*, котораго я разъ уже встрѣтилъ въ веселомъ

домѣ. Сердце мое забилось. Я опять оттолкнулъ старика и взялъ руку Татьяны Николаевны.

„Хорошо, я съ вами пойду", сказала она, улыбаясь: — „но только не говорите о томъ... вы знаете—о чемъ... и купите мнѣ эту мадонну. Потомъ повезите меня въ театръ и сдѣлайте такъ, чтобъ мнѣ было весело, весело". Я исполнилъ всѣ ея желанія. Но весело ей не было:—когда я встрѣчался съ ея глазами, то изъ глубины темныхъ зрачковъ на меня смотрѣлъ неопредѣленный, но грозный призракъ—вѣчной печали.

Напрасно перебиралъ я средства разсѣять и утолить эту скорбь. Я ничего не могъ сдѣлать. Только сильнѣе разгоралась любовь моя—самая ужасная изъ всѣхъ видовъ несчастной любви! Татьяна Николаевна—загадка для меня, чудесный, прекрасный сфинксъ. Судьба дала ей власть надо мною, а она не хочетъ этой власти, и оттого, что она не хочетъ этой власти—я сталъ какимъ-то помѣшаннымъ, больнымъ субъектомъ.

... Плѣнительный, страшный сфинксъ съ лицомъ камеи и голубыми грустными глазами!

XII.

Иногда она говоритъ, что любитъ меня. Но не каждый день бываетъ. Случается, что долго и напрасно я жду ея прихода—день, другой. Она придетъ усталая и плачетъ Я до сихъ поръ не знаю, гдѣ живетъ она, какая у нея фамилія. Однажды я предложилъ ей взять у меня весь бумажникъ—въ немъ было больше тысячи. Она обидѣлась и сказала, что если я хочу платить ей за любовь, то, значитъ, не люблю. Но, впрочемъ, съ той поры она стала со мной ласковѣе и вѣритъ, кажется, что ничего мнѣ не жаль для нея.

Конечно, я жизнь отдалъ бы за нее! Сегодня я сдѣлаю попытку—быть можетъ, удастся узнать ея тайну. И опять въ умѣ рождается вопросъ:—„А если она связана семьей, или замужемъ? Что-жъ, все равно, я буду знать, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ надо дѣйствовать, потому что я не могу жить безъ этой загадочной, несчастной женщины. Она будетъ моей, я спасу ее!"

Жалкія созданія—люди! Несчастливы и счастливы они по прихоти судьбы. Какой-то перстъ незримый указываетъ пре-

дѣлъ желаній и надеждъ. Иному столько блаженства выпадаетъ на долю, что онъ тупѣетъ подъ его тяжестью. Иной всю жизнь мечтаетъ о какомъ нибудь скромномъ удѣлѣ, бьется, какъ рыба объ ледъ, борется, страдаетъ—приходитъ смерть и гаснетъ умъ, а съ нимъ и несбывшіяся желанія...

Быть можетъ, это мудро, и нѣтъ закона во вселенной, который смутилъ бы пытливый духъ философа своею неразумностью. Да, мудро, но жестоко. Когда представлю я себѣ, какъ много слезъ льетъ человѣчество и сколько мукъ переживаетъ каждое мгновеніе—кровь стынетъ въ жилахъ отъ ужаса.

Я долго ждалъ. Пробило одиннадцать часовъ. Огорченный, я всталъ и подошелъ къ окну. Электрическій свѣтъ заливалъ улицы, и въ голубомъ туманѣ, прорѣзываемомъ длинными черными тѣнями, которыя расходились на подобіе лучей, двигались экипажи и шли люди безконечной вереницей силуэтовъ. Ихъ можно было сравнить съ потокомъ, быстро несущимся въ узкомъ руслѣ. Мутный, пѣнящійся, холодный, онъ безучастно подхватываетъ все, что встрѣтитъ на пути—и мчитъ безсознательно къ невѣдомой цѣли и грязную щепку, и блѣдную лилію, сорванную и брошенную въ него рукой прекраснаго юноши или—не все ли равно?—омерзительнаго старца...

Боже мой! я знаю, кто эта лилія!

XIII.

Послышался звонокъ. Наконецъ-то! Было ужь очень поздно, и мнѣ стало немножко страшно этого полуночнаго громкаго звонка. Дверь отворилась, и вошла незнакомая дѣвушка. На ней была модная шляпка, лицо ея было набѣлено, и брови накрашены. Она заговорила быстро, быстро, какъ сорока, и сначала я ничего не понялъ. Я видѣлъ только два широко раскрытые глаза съ расплывающимися, какъ чернильныя пятна, неровными зрачками.

„Что вы надѣлали? кричала она.— Вы убили ее!“ — Она заломила руки и смотрѣла на меня съ упрекомъ и ужасомъ. И хотя я ничего или очень мало понялъ, но мои ноги подкосились, и я схватился за край стола. Голова моя кружилась;

незнакомка, со своими упреками и хриплымъ голосомъ, казалась мнѣ дурной игрой воображенія, мерзкимъ призракомъ, который вдругъ породила напряженная тишина этой печальной, одинокой ночи. И, разсуждая такъ, я машинально надѣлъ шапку и шинель, и вышелъ вмѣстѣ съ дѣвушкой на свѣжій воздухъ.

Быстро мчалъ насъ извощикъ; не переставая, говорила она—я слушалъ, какъ истуканъ, должно быть, безучастно—и только на днѣ души шевелилось гнетущее чувство. Куда и зачѣмъ ѣду я? Кто убилъ? Неужели эта дѣвушка—подруга Татьяны Николаевны и много разъ провожала ее ко мнѣ? Слѣдила, куда она ходитъ? О какой хозяйкѣ она говоритъ?.. Что это такое—что за кошмаръ? отчего такъ грустно мнѣ? И отчего въ то же время я такъ странно оцѣпенѣлъ и—чувствую, что на лицѣ моемъ застыла улыбка, совсѣмъ, совсѣмъ некстати?

Все мчалъ насъ извощикъ, мелькали фонари—и ужь далеко за нами сіялъ электрическій день Невскаго проспекта, а прямо—тьма. Изъ этой тьмы выдѣлился бѣлый высокій домъ, и мы остановились у подъѣзда. Въ коридорѣ, освѣщенномъ лампой со звѣздообразнымъ зеркальнымъ рефлекторомъ, дѣвушки съ обнаженными плечами и въ свѣтлыхъ нарядахъ, вздрагивая отъ холода и нервнаго возбужденія, перешептывались между собою и съ любопытствомъ посмотрѣли на меня. Дальше на лѣстницѣ, уходящей вверхъ, я увидѣлъ толстую даму въ шали и красныхъ цвѣтахъ. Она бесѣдовала съ молодымъ человѣкомъ въ полицейскомъ мундирѣ.

По гранитнымъ ступенькамъ лѣстницы сбѣгалъ, казалось, черный узкій потокъ, въ которомъ, на изгибахъ его, отражался свѣтъ. Но неподвиженъ былъ потокъ—и, словно пробудившись отъ сна, кинулся я на верхъ, полный смертельной тоски. Все шире становился потокъ, сливаясь, наконецъ, съ распущенными волосами прекраснаго трупа. Алая кровь еще слегка струилась изъ маленькой огнестрѣльной раны, сейчасъ за правымъ ухомъ. Морщинка между бровями исчезла, спокойствіе было разлито на блѣдномъ, страшно блѣдномъ лицѣ. Я помню—кто-то наклонился надъ нимъ, кто-то зарыдалъ... потомъ я потерялъ сознаніе.

И когда я пришелъ въ себя, мнѣ подали записку, гдѣ стояло: „мнѣ хотѣлось быть вѣчно твоей“.

І. Ясинскій. (Максимъ Бѣлинскій).

ЯНКИ НА МОРСКОМЪ БЕРЕГУ.

Картинка американскихъ нравовъ.

Де-Вариньи.

— Когда отправляется поѣздъ въ Атлантическій городъ?

— Который поѣздъ?

— Какъ: „который“? Ну, конечно, отходящій въ.....

— Въ Атлантическій городъ. Это я прекрасно понимаю, но спрашиваю васъ, о которомъ поѣздѣ вы освѣдомляетесь? Мы отправили туда шесть поѣздовъ въ теченіе одного часа. Седьмой отходитъ черезъ пять минутъ; восьмой—чрезъ четверть часа, и такъ будетъ цѣлый день.

— Слѣдовательно, вы перевозите.....

— Отъ десяти до двадцати тысячъ пассажировъ ежедневно.

— Не можетъ быть!

— Вотъ офиціальныя данныя за послѣдніе четыре дня: въ четвергъ было продано 12,272 билета; въ пятницу—10,508; въ субботу—18,321; а вчера, по случаю воскресенья, эта цифра возрасла до 31,840. Но интереснѣе всего то, что публика вовсе не возвращается оттуда.

— Неужели?

— Увѣряю васъ. Наши обратные поѣзды приходятъ почти пустыми. Можно подумать, что всѣхъ пріѣзжихъ въ Атлантическій городъ, немедленно по прибытіи, обираютъ до нитки и топятъ въ океанѣ, какъ въ былое время.

Нѣсколько оторопѣвшій путешественникъ, конечно, не соглашается съ такимъ чудовищнымъ предположеніемъ, невѣроятнымъ для нашего цивилизованнаго вѣка и такой благоустроенной страны, какъ Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Слѣдуя за толпой на Филадельфійскую станцію, онъ съ трудомъ добирается до кассы, получаетъ билетъ и садится *въ вагонъ*, буквально взятый приступомъ. Здѣсь, за недостат-

комъ мѣста, пассажиръ держитъ свой чемоданъ у себя на колѣняхъ, между тѣмъ какъ дорожный багажъ сосѣдей третъему бока, мѣшая дышать. Кое-какъ устроившись въ этой неудобной позиціи, онъ начинаетъ съ любопытствомъ разсматривать публику купэ. Дѣйствительно, здѣсь можно увидѣть немало интереснаго.

Наряду съ жителями Нью-Іорка, затянутыми въ черные сюртуки, вы встрѣтите и хорошенькихъ дѣвушекъ изъ Балтиморы, разряженныхъ въ свѣтлыя платьица, и безукоризненныхъ пенсильванцевъ, и крикливыхъ южанъ; всѣ эти люди, изнемогая отъ духоты и лѣтняго зноя, жаждутъ освѣжиться на берегу океана. Надо замѣтить, что здѣсь между публикой преобладаетъ не высшій кругъ, который отдаетъ предпочтеніе болѣе аристократическому Ньюпорту. Только немногіе представители лучшаго общества посѣщаютъ Атлантическій городъ, гдѣ бо́льшая часть пріѣзжихъ принадлежитъ къ среднему сословію; наводняя каждый лѣтній сезонъ это мѣстечко, средніе классы обратили его въ американскій Трувиль, отличающійся, однако, вполнѣ своеобразнымъ характеромъ.

Въ Европѣ пока еще не знаютъ громадныхъ каравансераевъ, способныхъ не только вмѣстить отъ сорока до пятидесяти тысячъ жильцовъ, но доставить имъ обильный столъ и все необходимое для удовлетворенія ихъ потребно́стей и прихотей. Еслибы въ Трувиль или Динаръ неожиданно нахлынуло двадцать тысячъ путешественниковъ, тамъ не нашлось бы для нихъ сорока отелей съ пятьюстами кроватей для ночлега, не говоря уже объ остальномъ. Между тѣмъ въ Атлантическомъ городѣ, не считая многочисленныхъ частныхъ пансіоновъ, существуетъ сто двадцать девять гостинницъ, изъ которыхъ многія могутъ пріютить до тысячи человѣкъ. Купальни устроены тоже въ необыкновенно широкихъ размѣрахъ, такъ что здѣсь иногда одновременно купается до пяти тысячъ человѣкъ.

I.

Атлантическій городъ расположенъ въ восьмидесяти километрахъ отъ *Филадельфіи*, на островкѣ, имѣющемъ около трехъ

льё въ длину и одного льё въ ширину. Мѣстечко разростается съ такой быстротой, что въ настоящее время бо́льшая часть этого пространства застроена новыми зданіями. Мосты соединяютъ островокъ съ континентомъ, отъ котораго онъ отдѣляется только узкимъ, но глубокимъ проливомъ. Низменный берегъ покрытъ на далекое разстояніе мелкимъ пескомъ; почва здѣсь до того тверда, что во время отлива колеса экипажей оставляютъ на ней едва замѣтные слѣды. Уклонъ берега очень ровенъ, безъ всякихъ обрывовъ, и несчастные случаи крайне рѣдки, въ особенности благодаря постоянному надзору.

До сихъ поръ исторія почти умалчивала объ Атлантическомъ городѣ. Вотъ какимъ образомъ онъ возникъ. Въ 1783 году нѣкто, по имени Іеремія, по неизвѣстнымъ причинамъ искавшій уединенія, поставилъ свой шалашъ въ этомъ пустынномъ убѣжищѣ. Здѣсь новый поселенецъ совершенно укрылся отъ всѣхъ своихъ соотечественниковъ; даже сбо́рщикъ податей не тревожилъ его непрошенными посѣщеніями. По словамъ одного изъ потомковъ предпріимчиваго піонера, Іеремія могъ въ давнее время пріобрѣсти въ полное владѣніе весь островъ за пару сапогъ и штуку недорогой матеріи. Если это вѣрно, то онъ упустилъ превосходный случай разбогатѣть самому и обезпечить своихъ наслѣдниковъ. Между тѣмъ почва оказалась безплодной; отшельникъ съ трудомъ добывалъ себѣ пищу. Сначала Іеремія кое-какъ пробавлялся рыбной ловлей, но онъ былъ человѣкъ находчивый, умѣвшій ловко примѣняться къ обстоятельствамъ. Однажды, благодаря его счастливой звѣздѣ, на берегъ выкинуло корабль, потерпѣвшій крушеніе; поселенецъ тотчасъ воспользовался такимъ неожиданнымъ даромъ судьбы. Капитанъ судна погибъ вмѣстѣ съ экипажемъ, почему Іеремія счелъ себя законнымъ наслѣдникомъ ихъ имущества, скромно умолчавъ о происшедшей катастрофѣ. Какъ новый Робинзонъ на необитаемомъ островѣ, онъ присвоилъ себѣ все, что могло быть ему полезнымъ. Изъ обломковъ корабля былъ построенъ прочный домъ, для котораго нашлась и мебель, и вся необходимая домашняя утварь. Кладовыя и погреба наполнились уцѣлѣвшей корабельной провизіей, ящиками матерій, инструментами. Кромѣ

того, Іеремія починилъ испорченную шлюпку и зажилъ припѣваючи.

По странному совпаденію, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, гальотъ, шедшій изъ Нью-Іорка въ Чезэпикскую губу, разбился у оконечности острова. Только двое матросовъ были спасены экипажемъ другаго судна. Они передавали, что корабль наткнулся на подводные камни, обманутый огнемъ, разведеннымъ на берегу. Однако ихъ словамъ не придали никакого значенія. Гальотъ былъ старъ и застрахованъ въ Амстердамѣ, такъ что хозяева были очень рады получить страховую премію. Полгода спустя, повторилась та же исторія. На этотъ разъ погибла шкуна, совершенно новая и съ очень цѣннымъ грузомъ. Было наряжено слѣдствіе. У Іереміи нашли миожество вещей, взятыхъ съ гальота и шкуны. Его обвинили въ томъ, что онъ нарочно топитъ суда, зажигая ночью огни. Піонеръ съ презрительнымъ видомъ пожалъ плечами. Развѣ ему могли запретить готовить свой ужинъ на открытомъ воздухѣ?

Никто не съумѣлъ опровергнуть такого мудраго аргумента. Іеремію оставили въ покоѣ. Однако слухъ о милостяхъ провидѣнія, которыми онъ пользовался, успѣлъ распространиться между окрестными жителями, и у одинокаго поселенца вскорѣ появились близкіе сосѣди. То были смѣлые, отчаянные люди, готовые на всякіе подвиги сомнительнаго свойства. Они очень вѣрно разсчитали, что островокъ лежитъ какъ разъ на пути изъ Нью-Іорка въ южные штаты. При умѣньѣ пользоваться обстоятельствами, здѣсь было нетрудно получить „честный“ заработокъ. Оба сосѣднихъ берега: Абседомскій и Эггъ-Гарбёрскій, также удобные для промышленности подобнаго рода, быстро населились и, благодаря развитію торговли и морскаго транзита, процвѣтали. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, эти три мѣстности служили театромъ многочисленныхъ катастрофъ. Изъ фатализма, по принципу, а еще болѣе—изъ желанія избавиться отъ непрошенныхъ свидѣтелей, здѣшнее населеніе никогда не подавало помощи утопающимъ; носились даже слухи, будто бы оно такъ или иначе спроваживало на тотъ свѣтъ людей, спасшихся отъ гибели. Но, можетъ быть, молва была неосновательна; по крайней мѣрѣ, жители острова оправдывались отъ подобныхъ нареканій и, въ доказательство своей благо-

намѣренности, выстроили на берегу новый храмъ съ высокой колокольней. Правда, что церковные подвалы служили для склада вещей, похищенныхъ съ разбитыхъ судовъ, а колокольня обращалась днемъ въ обсерваторію, откуда было удобно слѣдить за ходомъ кораблей, ночью же исполняла роль маяка для привлеченія мореплавателей къ предательскому берегу. Единственная молитва, которую затверживали здѣсь малыя дѣти, заключалась, по преданію, въ слѣдующихъ словахъ: „Милосердый Боже, благослови нашихъ родителей и всѣхъ насъ, бѣдныхъ, жалкихъ рыбаковъ, и пошли завтра утромъ судно къ нашему берегу!“

Наконецъ, власти нашли нужнымъ вмѣшаться въ дѣло. Напрасно поселенцы увѣряли, что они даютъ религіозное воспитаніе своимъ дѣтямъ; что, ставя караульныхъ на церковную колокольню днемъ и зажигая ночью огни, они имѣли въ виду подать помощь утопающимъ. Такъ какъ ни одинъ человѣкъ съ погибшихъ судовъ не остался въ живыхъ, то правительство распорядилось снести колокольню и, сверхъ того, прислало изъ Филадельфіи нѣсколькихъ полицейскихъ наблюдать за подозрительными дѣйствіями поселенцевъ. Однако бѣднымъ полисмэнамъ не посчастливилось на новомъ мѣстѣ службы. Они умирали, какъ мухи, если не пропадали безъ вѣсти самымъ загадочнымъ образомъ. Былъ ли тутъ виною неблагопріятный климатъ, или блюстители порядка заходили слишкомъ далеко въ своемъ рвеніи,—это осталось тайной. Наконецъ власти рѣшили пустить въ продажу участки земли на островѣ, что̀ заставило піонеровъ быстро разсѣяться, въ виду строгости начальства и наплыва новыхъ сосѣдей.

Атлантическій городъ возникъ собственно въ 1853 году; т. е. въ этомъ году на большомъ листѣ бумаги начертали планъ мѣстечка съ улицами, площадями, аллеями, общественными зданіями и церквями. Ему повезло болѣе, чѣмъ Эденъ-Сити, который обезсмертило перо Чарльза Диккенса: Атлантическій городъ довольно быстро населился. Владѣльцы земельныхъ участковъ стали строить дома; великолѣпный берегъ, приглянувшійся филадельфійцамъ, опоясался рядомъ веселенькихъ котэджей, куда каждое лѣто стала съѣзжаться пенсильванская аристократія. Въ 1870 году было приступлено къ *постройкѣ* Бордъ-Уока, широкаго тротуара изъ досокъ, кото-

рый тянется почти во всю длину острова. Бордъ-Уокъ представляетъ настоящую достопримѣчательность Атлантическаго города. Съ одной стороны, онъ обстроенъ гигантскими отелями, съ другой—театрами съ открытой сценой, помѣщеніями для танцевъ, кафе-концертовъ, дѣтскими каруселями и балаганчиками для стрѣльбы, что придаетъ этой мѣстности видъ нескончаемой ярмарки.

Атлантическій городъ относится къ Ньюпорту точно также, какъ Трувиль къ Довилю: сюда съѣзжается смѣшанное общество, гдѣ преобладаютъ среднее сословіе и шумныя развлеченія. Но, во всякомъ случаѣ, въ Атлантическомъ городѣ, какъ въ Трувилѣ, можно встрѣтить и цвѣтъ аристократіи; держась въ сторонѣ отъ остальной публики, этотъ избранный кругъ, тѣмъ не менѣе, служитъ предметомъ вниманія всѣхъ пріѣзжихъ. Изящество, роскошь, безумная расточительность баловней судьбы, а, въ особенности, ихъ рѣзкое раздѣленіе на два лагеря даютъ обильную пищу любопытству толпы и даже занимаютъ собою, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, прессу Соединенныхъ Штатовъ. Здѣсь передъ нами дѣйствительно развертывается картинка американскихъ нравовъ, которою стоитъ заняться.

Если бо́льшая часть Атлантическаго города наводнена средними классами значительныхъ центровъ Союза, благодаря удобству и дешевизнѣ сообщенія, зато извѣстные кварталы, какъ напримѣръ, аллеи: Тихаго океана, Иллинойсъ и Кентукки, исключительно заняты аристократіей, отчасти денежной, отчасти родовой. Филадельфійская знать живетъ на аллеѣ Тихаго Океана; здѣсь помѣщаются роскошныя жилища Брауна, Джорджа Ли, г-жи Гуперъ, стоющія отъ пятисотъ до семисотъ тысячъ франковъ. При помощи большихъ денежныхъ затратъ, прибрежные пески обращены въ плодородную почву, гдѣ разбросаны цвѣтники, разведены парки и восхитительные сады. Богатые жители Нью-Іорка воспроизвели тотъ же феноменъ въ аллеяхъ Иллинойсъ и Кентукки, но между аристократіей этихъ обоихъ городовъ существуетъ соперничество, которое доходитъ, во время пребыванія въ Атлантическомъ городѣ, до невѣроятныхъ размѣровъ и воплощается въ двухъ особахъ женскаго пола, знаменитыхъ высокимъ положеніемъ, богатствомъ и красотою. Представительницей Нью-

Іорка является миссисъ L. L., тогда какъ миссисъ Ch. W... высоко держитъ знамя Филадельфіи. Вокругъ каждой изъ нихъ группируется штатъ изъ молодыхъ хорошенькихъ женщинъ и очаровательныхъ дѣвушекъ, принадлежащихъ къ лучшему обществу обоихъ городовъ. Этотъ цвѣтъ женской аристократіи окруженъ, въ свою очередь, элегантными братцами, друзьями, женихами, поклонниками, которые наперерывъ стараются угодить своимъ дамамъ, устраивая роскошные пикники, блестящіе балы и фантастическія кавалькады.

Если женщины соперничаютъ между собою въ изяществѣ и стараются затмить одна другую туалетами, зато мужчины щеголяютъ силой и ловкостью. Оба враждебныхъ лагеря сходятся при игрѣ „поло“, гдѣ молодые кавалеры парадируютъ на дорогихъ коняхъ, побѣждая соперниковъ въ присутствіи дамъ своего сердца. Кромѣ того, они встрѣчаются на морскомъ берегу, ослѣпляя обыкновенныхъ смертныхъ своими роскошными экипажами, рысаками и нарядной упряжью. Каждая сторона спѣшитъ отличиться передъ другой какой нибудь расточительной, небывалой затѣей. Стоитъ нью-іоркцамъ устроить сельскій праздникъ съ импровизированнымъ баломъ, чтобы филадельфійцы тотчасъ организовали прогулку по морю съ участіемъ всѣхъ яхтъ, стоящихъ на рейдѣ. Если изъ Нью-Іорка выпишутъ оркестръ, на другой же день два оркестра изъ Филадельфіи играютъ на морскомъ берегу во время купанья.

Атлантическій городъ, какъ видитъ читатель, далеко ушелъ со времени пустынника Іереміи, и этому патріарху уединеннаго островка было-бы трудно узнать въ настоящее время свое прежнее убѣжище.

Теперь на мѣстѣ предательскихъ костровъ пылаютъ фейерверки. Привожу слѣдующій анекдотъ изъ здѣшней жизни, подробно описанный въ одномъ американскомъ журналѣ и чрезвычайно метко характеризующій эксцентричныхъ янки. Однажды богатая молодежь изъ Балтиморы рѣшила присутствовать на праздникѣ, устроенномъ одною изъ враждующихъ сторонъ. Балтиморцы заблаговременно командировали въ Атлантическій городъ своего товарища, который былъ обязанъ, во что бы то ни стало, нанять отель или нѣсколько виллъ для помѣщенія пріѣзжихъ и въ назначенный день встрѣтить ихъ на

станціи. Узнавъ о такомъ проэктѣ, непріятельскій лагерь прибѣгнулъ къ военной хитрости. Всѣмъ было извѣстно, что уполномоченный балтиморской молодежи страстно влюбленъ въ одну молодую вдовушку. Эта особа охотно согласилась сбить его съ пути. Они какъ будто нечаянно встрѣтились на Вильмингтонской станціи, гдѣ желѣзная дорога развѣтвляется. Вдовушка сказала своему обожателю, что ѣдетъ въ Гаррисбёргъ, лежащій въ противоположномъ направленіи отъ Атлантическаго города. Красавица была одна, и молодой человѣкъ не могъ устоять противъ искушенія проводить ее. Забывъ предстоящій праздникъ, друзей и всѣ ихъ порученія, онъ поѣхалъ за дамой своего сердца сначала въ Гаррисбёргъ, а оттуда на берега озера Эри, гдѣ ему наконецъ удалось получить ея руку. Въ тотъ же вечеръ товарищи, сойдя съ поѣзда, напрасно искали его по всему острову. Гостинницы были до того переполнены публикой, что вновь прибывшимъ не нашлось приличнаго помѣщенія. Разсерженные неудачей, балтиморцы вздумали отплатить за непріятную неожиданность. Они добыли массу факеловъ и устроили чудовищную процессію, которая цѣлую ночь ходила по улицамъ города съ громкимъ пѣніемъ, вопрошая окрестное эхо о судьбѣ посланнаго, на мотивъ извѣстной пѣсни. Само собою разумѣется, что все населеніе мѣстечка не смыкало глазъ до самаго разсвѣта. Двѣ недѣли спустя, бѣглецъ вернулся въ Балтимору. Онъ созвалъ своихъ одураченныхъ друзей на роскошный пиръ, представилъ имъ молоденькую жену и потребовалъ себѣ оправдательнаго вердикта, который и былъ единогласно произнесенъ присутствующими.

Деспотизмъ моды, пожалуй, еще сильнѣе чувствуется въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ въ Европѣ. Такъ, напримѣръ, въ Атлантическомъ городѣ есть около двадцати модныхъ отелей, гдѣ можно остановиться, не роняя своего достоинства. Благодаря этому, популярность мѣстечка прогрессивно увеличивается.

Исключительность, господствующая въ Ньюпортѣ, удаляетъ оттуда всѣхъ, кто, по своимъ матеріальнымъ средствамъ, не можетъ сравниться съ Вандербильтами, Бельмонтами, Вестморами, Лорильярдами изъ Нью-Іорка, Мённами изъ Чикаго, Лиманами и Перкинсами изъ Бостона и другими архимил-

ліонерами великой республики. Въ обоихъ приморскихъ городкахъ между свѣтскими дамами установился обычай переодѣваться по три раза въ день, причемъ дневной туалетъ долженъ быть одноцвѣтный, начиная шляпой и кончая обувью. Въ большомъ употребленіи синій цвѣтъ и матросскій покрой одежды. Что же касается купальныхъ костюмовъ, то здѣсь предоставлено широкое поле женской изобрѣтательности. Такъ, одна законодательница модъ дала себѣ слово не надѣвать два раза того же туалета; она сдержала обѣщаніе и, въ продолженіе двадцати пяти дней, постоянно появлялась передъ своими поклонниками въ новомъ костюмѣ. Когда эта красавица приходила купаться, на берегу собиралось нѣсколько тысячъ зрителей.

II.

Берегъ Атлантическаго города особенно знаменитъ любовными романами невиннаго свойства между молодежью обоего пола; въ этомъ уголку юношество пользуется большей свободой, предаваясь безъ помѣхи такъ называемому „флиртешенъ“, получившему полное право гражданства въ либеральныхъ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Холостые янки ухаживаютъ за барышнями иногда отъ скуки, но чаще всего имѣя въ виду женитьбу. Это нѣчто похожее на репетицію передъ настоящей игрой, гдѣ, подъ видомъ шутливой болтовни или сантиментальныхъ бесѣдъ, молодые люди постепенно узнаютъ другъ друга, выясняя себѣ, насколько ихъ характеры сходятся или противорѣчатъ одинъ другому; такая полуинтимная близость относится къ сознательному чувству любви, какъ урокъ фехтованья къ настоящей дуэли. Орудіями нападенія служитъ здѣсь остроуміе съ одной стороны, кокетство съ другой; молодежь обмѣнивается любезностями или слегка пикируется, но до серьезныхъ обязательствъ дѣло не доходитъ; юноша и молодая дѣвушка зорко слѣдятъ другъ за другомъ, стараясь оцѣнить взаимныя качества, открыть взаимные недостатки и стать на общую точку зрѣнія. Если, при ближайшемъ знакомствѣ, ихъ постигнетъ разочарованіе, тогда они оба совершенно спокойно расходятся, чтобы начать тѣ же интересныя похожденія съ другими лицами. Крайне практичная подъ своей романической внѣшностью, молодая амери-

канка любезничаетъ со своимъ поклонникомъ, желая убѣдиться, насколько его вкусы, привычки, его міровоззрѣніе и планы на будущее соотвѣтствуютъ ея собственнымъ симпатіямъ и запросамъ отъ жизни. Если она любитъ свѣтскія удовольствія, ей интересно узнать, раздѣляетъ ли ея будущій мужъ это стремленіе къ выѣздамъ въ свѣтъ, позволитъ ли онъ своей женѣ наряжаться, принимать у себя гостей, проводить лѣто въ Саратогѣ или на берегу моря. Между двумя чувствительными фразами, украшенными цитатой изъ Теннисона или Лонгфелло, юная миссъ съумѣетъ вывѣдать все необходимое о настоящемъ положеніи молодаго человѣка, о его шансахъ пріобрѣсти впослѣдствіи солидный капиталъ, о его дальнѣйшихъ планахъ и надеждахъ. При этомъ она сдѣлаетъ видъ, что интересуется такими вопросами вполнѣ безкорыстно, какъ любящая сестра, какъ преданный другъ. Послѣ немногихъ интимныхъ бесѣдъ, ей будетъ извѣстно все самое важное, а такъ какъ ее не торопятъ немедленнымъ рѣшеніемъ, то молодая дѣвушка заблаговременно успѣваетъ взвѣсить, слѣдуетъ ли ей поощрить, или отвергнуть своего поклонника.

Привилегія ухаживанья настолько же свята и нерушима въ Соединенныхъ Штатахъ, насколько святы и нерушимы для француза безсмертные принципы 1789 года. И если этотъ обычай не внесенъ по всѣмъ правиламъ въ американскую конституцію, то онъ подразумѣвается въ параграфѣ о признаніи правъ мужчины и женщины, гдѣ, какъ извѣстно, говорится, что каждому гражданину Соединенныхъ Штатовъ позволено по личному усмотрѣнію „искать своего счастія“. А такъ какъ ухаживанье представляетъ одно изъ средствъ къ его достиженію, то временная интимность между молодыми людьми допускается обществомъ и не вызываетъ никакихъ нареканій. Молодой янки и юная миссъ могутъ, сколько душѣ угодно, разъигрывать предварительную комедію любви, уединяясь среди гуляющихъ въ уголокъ веранды или, еще лучше, находя укромное мѣстечко на берегу.

Одинъ изобрѣтательный промышленникъ въ Атлантическомъ городѣ придумалъ очень выгодную спекуляцію, имѣя въ виду этотъ національный обычай. Онъ отдаетъ на прокатъ юнымъ парочкамъ, желающимъ бесѣдовать съ глазу на лазъ, *громадные зонтики*, снабженные длинной ручкой съ

желѣзнымъ наконечникомъ, который удобно на любомъ мѣстѣ воткнуть въ прибрежный песокъ. Служа защитой отъ солнечныхъ лучей, зонтикъ въ то же время скрываетъ черты влюбленныхъ отъ нескромныхъ глазъ. Изъ-подъ этого гигантскаго гриба обыкновенно выставляются только дамскія ножки въ изящныхъ башмачкахъ и пара мужскихъ ботинокъ; иногда, но, впрочемъ, гораздо рѣже, прохожій можетъ различить стройную талію, вокругъ которой обвивается рука смѣлаго кавалера. Видя успѣхъ своей выдумки, тотъ же промышленникъ устроилъ на земляномъ валу, возвышающемся надъ низменнымъ берегомъ, нѣчто въ родѣ песчаной террасы, откуда молодые люди, невидимые публикой, могутъ любоваться панорамой моря и берега. Это мѣстечко вскорѣ сдѣлалось любимымъ пріютомъ юныхъ паръ, занятыхъ своими невинными романами.

Ухаживанье не составляетъ исключительнаго преимущества богатыхъ классовъ. На всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы оно служитъ необходимой прелюдіей брака, и всякая американка сочла бы себя обиженной, еслибы ей не пришлось испытать этого обязательнаго перехода отъ дѣвичества къ супружеской жизни. Бываетъ и такъ, что молодые люди злоупотребляютъ предоставленной имъ свободой; но такіе случаи крайне рѣдки, потому что американскіе законы и обычаи не даютъ поблажки виновному. Донъ-Жуанъ по профессіи найдетъ для себя очень мало привлекательнаго въ Соединенныхъ Штатахъ. Энергичные янки умѣютъ жестоко мстить за поруганную честь своихъ дочерей и сестеръ, тогда какъ здѣшніе суды не церемонятся съ соблазнителями невинныхъ дѣвушекъ. Вотъ почему занятіе ловеласовъ не особенно пріятно въ Новомъ свѣтѣ, и холостой мужчина, ухаживая за молодой американкой, почти никогда не переступаетъ позволенныхъ границъ.

Пользуясь дружеской интимностью, юноша и дѣвушка имѣютъ случай хорошо узнать другъ друга до вступленія въ бракъ и даже до помолвки, что́ значительно устраняетъ возможность опрометчиваго выбора.

Вслѣдствіе этого, браки по любви гораздо чаще въ Соединенныхъ Штатахъ, чѣмъ въ Европѣ. Не получая отъ родителей приданаго, здѣшнія дѣвушки считаютъ себя вправѣ *выбирать себѣ* мужей, сообразуясь больше со своими личными

наклонностями, чѣмъ съ желаніемъ отца и матери. Однажды я коснулся этого деликатнаго вопроса въ разговорѣ съ однимъ американцемъ, человѣкомъ умнымъ, который много путешествовалъ и отличался наблюдательностью. Мы случайно столкнулись съ нимъ въ Мадридѣ, потомъ въ Неаполѣ и наконецъ въ Парижѣ, на званомъ обѣдѣ. Эта неожиданная встрѣча доставила намъ обоюдное удовольствіе; мы вспомнили общихъ знакомыхъ по ту сторону Антлантическаго океана, разговорились, и между нами незамѣтно возникла дружеская короткость. Тонкій умъ моего собесѣдника, хотя нѣсколько парадоксальный, но зато вполнѣ своеобразный, придавалъ особенную увлекательность его рѣчи.

За столомъ мы пространно разсуждали о латинской и англо-саксонской расѣ. Само собою разумѣется, что симпатіи американца были на сторонѣ послѣдней.

— Будущее принадлежитъ ей, сказалъ онъ, возобновляя послѣ обѣда прерванный разговоръ:—мало по малу англо-саксы населятъ весь міръ. Въ началѣ настоящаго столѣтія въ Соединенныхъ Штатахъ было только пять милліоновъ жителей, въ настоящее время это число удесятерилось. Мы успѣли проникнуть въ Южную Америку; наши колонисты занимаютъ земли въ Океаніи. Сравните французскія семьи, гдѣ встрѣтишь одного или двухъ дѣтей, съ американской семьею, гдѣ ихъ зачастую бываетъ отъ десяти до двѣнадцати человѣкъ. Ваше народонаселеніе остается почти безъ прироста, тогда какъ у насъ оно удвоивается въ тридцатилѣтній періодъ времени. Васъ убиваетъ приданое.

— Какимъ же это образомъ?

— Очень просто. Что̀ можетъ быть нелѣпѣе системы, при которой участь дѣтей обезпечивается родителями? Это настоящій антитезъ правды, это свѣтъ навыворотъ! Старики отнимаютъ у себя средства къ жизни въ пользу молодыхъ; люди, сдѣлавшіеся неспособными къ труду, жертвуютъ собою ради тунеядцевъ! И еслибы еще такая тяжелая жертва приносила счастіе молодежи,—а то въ девяти случаяхъ изъ десяти подобный порядокъ вещей приводитъ только къ самому печальному результату.

Американецъ воодушевился, и мнѣ оставалось только внимательно *выслушивать* его мнѣнія.

— Вы полагаете, что я нарочно забавляю васъ парадоксами? Нисколько Взгляните; вотъ передъ вами три молоденькихъ дѣвушки. Одна изъ нихъ хорошенькая; обѣ другихъ положительно некрасивы. У той, которая сидитъ направо, кривая спина и блѣдное, изнуренное лицо. Ея младшая сестра нисколько не лучше старшей. Но, какъ вамъ извѣстно, онѣ—богатыя невѣсты, и у нихъ нѣтъ отбою отъ жениховъ. А между тѣмъ природа, несправедливо жестокая, если хотите (о чемъ, конечно, судить не намъ), обрекла ихъ на безбрачіе. Отецъ этихъ дѣвушекъ женился пожилымъ на женщинѣ богатой и болѣзненной: вотъ результаты ихъ брака по разсчету. Однако обѣимъ барышнямъ, не смотря на некрасивыя черты и жалкую фигуру, предстоитъ выйти замужъ за молодыхъ людей, которые вступятъ съ ними въ союзъ безъ малѣйшей любви, только ради капитала. Что же касается подруги завидныхъ невѣстъ, то у нея есть всѣ данныя, чтобы нравиться, но, не имѣя капитала, она должна или навсегда отказаться отъ замужства, или выйти за старика. Некрасивыя дѣвушки съ испорченною кровью едва ли подарятъ своимъ мужьямъ наслѣдниковъ, и было бы лучше, еслибы онѣ остались бездѣтными.

— Позвольте, однако; не у всякой дурнушки есть капиталъ, да, кромѣ того, многія богатыя невѣсты цвѣтутъ красотой и здоровьемъ.

— Согласенъ, но нужно ли здѣсь стараться уравнивать шансы? Вы видите, что отецъ, которому злая судьба подарила безобразныхъ дочерей, бьется изо всѣхъ силъ, чтобы выдать ихъ замужъ, тогда какъ этотъ бракъ, независимо отъ личныхъ соображеній чадолюбиваго папеньки, не приноситъ ровно никакой пользы обществу. Предоставленная самой себѣ, природа распорядилась бы гораздо лучше, къ несомнѣнной выгодѣ всего человѣчества. Здоровому юношѣ съ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ вполнѣ естественно влюбиться въ молодую здоровую дѣвушку, нормально развитую физически, вступить съ нею въ бракъ и произвести многочисленное здоровое потомство. Незачѣмъ покупать за дорогую цѣну мужа для болѣзненной дѣвушки, не созданной для брачнаго сожительства? Отъ нея можно ожидать только худосочныхъ, тщедушныхъ *дѣтей, которыя* заранѣе обречены на преждевременную смерть;

а если ихъ и удастся вырастить, благодаря неусыпнымъ заботамъ, то они все таки останутся выродками, и отцу необходимо щедро обезпечить ихъ со стороны матеріальныхъ средствъ, чтобы эти хилыя созданія могли, въ свою очередь, вступить въ бракъ для продолженія своего несчастнаго рода.

— Однимъ словомъ, вы требуете уничтоженія некрасивыхъ женщинъ.

— Не насильственнымъ путемъ, конечно; я только совѣтую людямъ не поступать наперекоръ природѣ и не хлопотать объ искусственномъ размноженіи рахитиковъ. Воспитаніе болѣзненныхъ субъектовъ обходится еще дороже воспитанія нормальныхъ и здоровыхъ личностей, тогда какъ въ первомъ случаѣ общество остается въ проигрышѣ. Вотъ, напримѣръ, вы составляете общества съ цѣлью улучшенія породъ лошадей, быковъ, овецъ, домашней птицы и т. д., а когда дѣло идетъ о разумныхъ существахъ, о мужчинѣ и женщинѣ, вы создаете съ большими затратами цѣлую систему, нелѣпую въ самомъ корнѣ, идущую въ разрѣзъ съ разумными требованіями природы и приводящую къ распространенію безобразія и вырожденію расы. Вы находите вполнѣ естественнымъ, чтобы молодой человѣкъ женился на некрасивой дѣвушкѣ уродливаго сложенія, но съ большимъ приданымъ. Это у васъ называется блестящей партіей. Затѣмъ, вы одобряете молодую красивую невѣсту, когда она выходитъ за пожилаго человѣка, порядочно износившагося; подобный бракъ приводитъ васъ въ умиленіе, и вы спѣшите поздравить благоразумную мать или пріятельницу, ловко устроившую выгодную сдѣлку. Такія извращенныя понятія глубоко возмущаютъ меня. Природа съ своей стороны также возмущается нелѣпыми поступками людей и жестоко мститъ за нарушеніе своихъ мудрыхъ законовъ. Но вы стараетесь не видѣть этого, хотя статистическія данныя краснорѣчиво подтверждаютъ мои слова. Наука, медицина, житейскій опытъ, даже судебная хроника твердятъ вамъ, что такъ жить нельзя. Между тѣмъ, васъ не могутъ убѣдить никакіе доводы. Отцы семействъ во Франціи убиваютъ себя работой, наживая приданое для дочерей, тогда какъ чадолюбивыя маменьки отъискиваютъ богатыхъ невѣстъ. Одна изъ нихъ сказала мнѣ на дняхъ: „*Мнѣ очень* хочется женить Эрнеста; онъ страш-

но избаловался. Я ищу для него жену со средствами: бѣдный мальчикъ не можетъ обойтись безъ нихъ, но красоты мы не спрашиваемъ. Нѣтъ ли у васъ въ виду подходящей партіи моему сыну?" А надо вамъ сказать, что ея Эрнестъ настоящій болванъ. Онъ дурно воспитанъ, вращается въ самыхъ подозрительныхъ сферахъ, изможденъ развратомъ и представляетъ собою развѣ тѣнь человѣка. Однако предпріимчивой мамашѣ навѣрно удастся найти ему какого нибудь урода съ большимъ капиталомъ. Достойная чета вступитъ въ бракъ и, пожалуй, произведетъ потомство.

Мой собесѣдникъ остановился, чтобы перевести духъ послѣ своей горячей тирады.

— Мы, жители Соединенныхъ Штатовъ, гораздо логичнѣе, продолжалъ онъ.—Копируя ваши моды, мы не заимствуемъ вашихъ матримоніальныхъ теорій. Мы женимся по любви, и общество выигрываетъ отъ этого очень много. Одинъ изъ моихъ друзей, милліонеръ въ Чикаго, недавно выдалъ свою дочь за бѣднаго юношу, который только что началъ вести торговлю. Въ день свадьбы отецъ новобрачной подарилъ молодымъ двѣ тысячи долларовъ—десять тысячъ франковъ—на поѣздку въ Европу: всѣ нашли, что онъ поступилъ великодушно. Зять милліонера прилежно работаетъ; молодой человѣкъ обожаетъ свою жену, и она ему платитъ тѣмъ же. Держу пари, что черезъ десять лѣтъ у нихъ будетъ пятеро дѣтей и сто тысячъ долларовъ состоянія. Вотъ вамъ примѣръ! Подумайте хорошенько о моихъ словахъ, а теперь до свиданія!

Почтенный янки подалъ мнѣ руку и отправился домой. Пожилая дама, сидѣвшая рядомъ со мною, понимала по англійски. Она, очевидно, слѣдила за нашимъ разговоромъ, потому что пробормотала вслѣдъ уходившему:

— Какіе матеріалисты эти американцы!

III.

Послѣ безконечныхъ насмѣшекъ надъ Америкой, Европа *стала* перенимать ея обычаи. Америка также, въ свою очередь, *долгое время* по принципу презирала Европу, издѣвалась *надъ ея устарѣвшими* учрежденіями и соціальной организа-

ціей; но теперь независимые янки старательно копируютъ европейцевъ. Такимъ образомъ, между той и другой страной возникъ полезный обмѣнъ хорошихъ примѣровъ, чего нельзя было предвидѣть заранѣе и что рано или поздно можетъ совершенно демократизировать старый свѣтъ, перенесся за Атлантическій океанъ наши прежнія сословныя и аристократическія традиціи. На плодородной почвѣ Соединенныхъ Штатовъ все прививается съ удивительной быстротой, даже старыя идеи, которыя, попавъ въ Америку, пускаютъ крѣпкіе ростки, какъ американскія лозы, замѣнившія въ нашихъ южныхъ виноградникахъ галльскую лозу, источенную филоксерой.

Такъ, аристократическія тенденціи, сословныя различія, исключительность—положительно процвѣтаютъ въ великой республикѣ и приносятъ уже замѣчательные плоды. Въ Нью-Іоркѣ, въ Бостонѣ, Филадельфіи завязалась борьба между аристократіей денежной, родовой и интеллигентной. Нью-Іоркъ служитъ главной квартирой первой; въ Бостонѣ и Филадельфіи группируется вторая. Неумѣренные во всемъ, американцы дошли до того, что у нихъ простой милліонеръ уже не считается богачемъ. Для того, чтобы занять мѣсто въ кругу денежной аристократіи, нужно обладать громаднымъ состояніемъ, и такихъ крезовъ немало между янки. Въ одномъ Нью-Іоркѣ насчитываются сотни лицъ, имѣющихъ болѣе десяти милліоновъ. Пропорціонально населенію, не отстаютъ отъ Нью-Іорка и Цинцинати, Чикаго, Питсбёргъ, Сан-Франциско и другіе крупные промышленные центры Союза. Изъ этой толпы богачей выдѣляются капиталисты съ состояніемъ отъ пятнадцати до ста милліоновъ; мало того, есть личности, располагающія баснословнымъ богатствомъ, какъ напримѣръ, Вандербильты, цари пароходовъ, владѣющіе капиталомъ свыше милліарда, Джэй Гульдъ, желѣзнодорожникъ, затѣмъ Стюарды, Лорильярды, Бельмонты и т. п. Слѣдовательно, въ этой денежной аристократіи, какъ и во всякой другой, существуютъ свои разграниченія. Денежная аристократія живетъ сравнительно уединенно; богатство, достигшее такого предѣла, представляетъ собою извѣстное препятствіе къ сближенію *съ людьми. У крупныхъ* капиталистовъ мало равныхъ, зато *много завистниковъ и* еще больше льстецовъ. Кромѣ того, въ

странѣ чудовищныхъ богатствъ происходятъ не менѣе чудовищные крахи; тогда ряды американскихъ крезовъ временно рѣдѣютъ, чтобы вскорѣ пополниться съ помощью удачныхъ исполинскихъ спекуляцій, счастливыхъ случайностей и ловкости, что нерѣдко приводитъ къ зениту денежнаго могущества—вчерашняго бѣдняка.

Аристократія по рожденію отличается бо́льшимъ постоянствомъ, чѣмъ плутократія съ ея крайне измѣнчивымъ контингентомъ. Хотя населеніе Соединенныхъ Штатовъ существуетъ всего одно столѣтіе, въ смыслѣ націи, но здѣсь образовалась уже своя знать. Къ ней причисляютъ себя тѣ семейства, предки которыхъ попали въ число основателей или знаменитыхъ людей великой республики; точно также гордятся своимъ происхожденіемъ прямые потомки „найкербокеровъ“, голландскихъ колонистовъ Нью-Іорка, и потомки „рыцарства“ въ южныхъ штатахъ. Эта аристократія придерживается еще бо́льшей исключительности, чѣмъ первая, и держится особнякомъ, не смѣшиваясь съ другими сословіями; проникнуть въ ея салоны очень трудно, потому что они не отворяются передъ золотымъ тельцомъ. Родовая аристократія даетъ извѣстный тонъ, предписываетъ моды и законы приличія, которымъ безпрекословно покоряется остальное общество. Пропитанная идеями старой Англіи, она удаляется ото всего, что имѣетъ соприкосновеніе съ торговлей, предпочитая людей другихъ профессій, напримѣръ, литераторовъ, художниковъ, ученыхъ. Кромѣ того, аристократы по рожденію считаютъ несовмѣстнымъ съ ихъ достоинствомъ заниматься политикой и пренебрегаютъ *политиканами*.

Именно этотъ избранный кругъ даетъ Соединеннымъ Штатамъ людей, замѣчательныхъ въ умственномъ отношеніи: ученыхъ и писателей, извѣстныхъ Европѣ своими трудами и открытіями. Именно въ этой средѣ, пропитанной насквозь воспоминаніями и традиціями, съ которыми современный европеецъ давно покончилъ всѣ счеты, распускаются нѣжные цвѣты утонченной цивилизаціи,—прелестныя американки, ученыя безъ педантизма, элегантныя безъ хвастовства, придающія особый отпечатокъ изящества извѣстнымъ салонамъ Нью-Іорка и Бостона. Одна англійская пословица говоритъ, что *чистокровный* джентльмэнъ можетъ произойти отъ благород-

ныхъ предковъ не ранѣе, какъ черезъ три столѣтія; однако американки доказали, что воспріимчивой женской натурѣ достаточно и одного столѣтія для выработки типа безупречной лэди.

Американка надѣлена врожденной страстью къ роскоши, которая доходитъ у нея до послѣдней крайности въ меблировкѣ дома, въ выборѣ драгоцѣнныхъ уборовъ, туалета, экипажей и лошадей. Нѣсколько лѣтъ назадъ, эта пышность выставлялась на показъ съ безцеремонностью дурнаго тона. Между тѣмъ скромное, но могущественное вліяніе того избраннаго круга, о которомъ мы сейчасъ упоминали, положило предѣлъ такой эксцентричности, противопоставивъ хвастовству богатыхъ выскочекъ строгую выдержку благовоспитанныхъ людей, умѣряющую слишкомъ яркій блескъ ихъ богатства. Въ настоящее время американцы вообще охотно подражаютъ англичанамъ съ ихъ чопорностью, изъисканными манерами и строгимъ порядкомъ въ домашней жизни. Благодаря этому, обстановка американскаго жилища значительно измѣнилась, а ландо и купэ, поражавшія излишнею роскошью, уступили мѣсто экипажамъ, которые хоть стоютъ не дешевле, при всей своей кажущейся простотѣ, но, по крайней мѣрѣ, не бросаются въ глаза и не кричатъ о заплаченныхъ за нихъ деньгахъ. Они обыкновенно двигаются тѣсными рядами по набережной Атлантическаго города и Ньюпорта, запряженные чистокровными лошадьми, съ безстрастными кучерами на козлахъ и безукоризненными лакеями позади.

Врожденная страсть американца къ рѣдкимъ и дорогимъ вещамъ приняла въ послѣдніе годы новое направленіе: именно обратилась на цвѣты. Американцы выписали изъ Кведлинбурга и Эрфурта, въ Германіи, всѣ извѣстныя разновидности розъ. На берегахъ Гудзонова залива, въ Лонг-Эйландѣ и на Нью-Джерсеѣ выстроены громадныя оранжереи, снабжающія цвѣтами всѣ большіе города Союза. Страшные капиталы были затрачены на эту доходную промышленность. Баснословный спросъ на цвѣты создалъ замѣчательныхъ садовниковъ-спеціалистовъ. Такъ, напримѣръ, одни изъ нихъ разводятъ на берегахъ Гудзона только исключительно фіалки, другіе—розы, третьи—резеду. Многія свѣтскія львицы въ Нью-Іоркѣ ежедневно выписываютъ по сту пятидесяти розъ для украше-

пія своей гостинной. Чайныя розы особенно любимы американцами. Но изъ всѣхъ цвѣтовъ чрезвычайно дорого цѣнятся орхидеи. Эти великолѣпныя, рѣдкія растенія продаются въ Англіи по очень высокой цѣнѣ. Отыскивая ихъ разнообразные сорта въ болотистыхъ мѣстностяхъ и дѣвственныхъ лѣсахъ Индіи и Бразиліи, многіе бѣдняки поплатились за это жизнью. Стоимость красиваго цвѣтка орхидеи для корсажа или бутоньерки доходитъ въ Нью-Іоркѣ до двадцати пяти и даже до пятидесяти франковъ. Ихъ ежедневно отправляютъ въ Ньюпортъ, въ Саратогу и Атлантическій городъ. Букеты новобрачныхъ, согласно модѣ, составляются изъ тѣхъ же цвѣтовъ. Букетъ изъ бѣлыхъ орхидей стоитъ отъ двухсотъ пятидесяти до пятисотъ франковъ; разсказываютъ, что дочери одного изъ первоклассныхъ капиталистовъ Нью-Іорка, нѣкоего Вильяма Астора, поднесли въ день ея свадьбы замѣчательный букетъ изъ рѣдкихъ орхидей, окруженный померанцевыми цвѣтами и листьями папоротника; за него было заплачено свыше двухъ тысячъ франковъ. Что касается самыхъ растеній, то они стоютъ несравненно дороже. Одинъ цвѣтоводъ заплатилъ до двадцати тысячъ франковъ за орхидею, вывезенную изъ Индіи. Кромѣ того, очень дороги вновь открытыя розовыя фіалки; уходъ за ними до того труденъ и пока еще такъ мало извѣстенъ, что садовники не берутъ на себя ихъ поставку. Когда же имъ удается вырастить эти рѣдкіе экземпляры, тогда торговцы посылаютъ особыя увѣдомленія своимъ кліентамъ, которые на перебой бросаются покупать необыкновенные цвѣты. Розовыя фіалки сохраняютъ въ особыхъ ящикахъ, наполненныхъ холоднымъ воздухомъ, откуда онѣ вынимаются передъ самымъ баломъ, чтобы покрасоваться въ теченіе одного вечера на корсажѣ какой нибудь законодательницы модъ.

Въ концѣ сентября пріѣзжіе гости покидаютъ Атлантическій городъ, и громадные караванъ-сераи пустѣютъ. Если принять во вниманіе, что большинство этихъ отелей обошлись владѣльцамъ отъ двухъ до пяти милліоновъ франковъ каждый, считая меблировку; что число ихъ достигло ста двадцати девяти, и что хозяевамъ гостинницъ нужно въ теченіе нѣсколькихъ недѣль нажить, кромѣ процентовъ съ капитала, извѣстные барыши, то невольно удивляешься тому, съ какою легкостью американецъ наживаетъ и тратитъ деньги. Хозяину

одного изъ громадныхъ отелей въ Атлантическомъ городѣ предложили въ интимной бесѣдѣ слѣдующій вопросъ:

— Можете ли вы съ точностью опредѣлить, во сколько обходится вамъ ежедневное содержаніе каждаго путешественника?

— Ну, конечно! Каждый изъ нихъ стоитъ намъ, со всѣми расходами, включая сюда и непредвидѣнные убытки, девяносто восемь центовъ въ день (не много менѣе пяти франковъ).

— А вы берете съ нихъ?...

— Отъ тридцати до сорока франковъ ежедневно, смотря по этажу.

Слѣдовательно, почтенный содержатель гостинницы имѣлъ возможность въ теченіе трехъ мѣсяцевъ получить около милліона чистой прибыли, если допустить, что у него помѣщалось среднимъ числомъ до пятисотъ человѣкъ въ день.

Однимъ словомъ, промышленность мѣстнаго патріарха Іереміи по прежнему процвѣтаетъ—только подъ другимъ названіемъ—въ томъ уголку земнаго шара, гдѣ положилъ ей начало предпріимчивый піонеръ; благодаря успѣхамъ цивилизаціи, въ настоящее время несравненно выгоднѣе—давать путешественникамъ у себя пріютъ, чѣмъ топить ихъ въ волнахъ Атлантическаго океана.

Паспортная система въ Россіи *).

I.

Наша паспортная система, всѣми осуждаемая, кончаетъ свое существованіе. Надъ ея головой неоднократно собирались грозныя тучи, въ образѣ комисій; лился и льется дождь порицанія со стороны лицъ, обязанныхъ, по закону, поддерживать ее въ жизни съ неумолимою строгостью. По этому вопросу существуетъ трогательное согласіе въ мнѣніяхъ правительства, общества и печати. Всѣ признаютъ, что паспортный порядокъ отжилъ свой вѣкъ, что въ настоящее время онъ безусловно вреденъ. Тѣмъ не менѣе, какъ бы на зло разсудку, онъ продолжаетъ жить. И не удивительно. Паспортная система такъ тѣсно связана съ нашимъ прошлымъ, съ коренными началами нашей государственной жизни, что, помимо измѣненія ихъ, невозможно уничтожить ее. Прежде всего, предстоитъ ломка *податной* системы, слагавшейся у насъ постепенно, исторически. Только по окончательномъ преобразованіи податнаго порядка можно приступить и къ паспортному. Прежнія правительственныя комисіи по преобразованію паспортной системы имѣли программу чрезвычайно узкую. Компетенція ихъ ограничивалась пальятивными мѣрами. Комисіи, собравъ обширный матеріалъ и обсудивъ его, приходили къ заключенію, весьма незавидному для проэктированныхъ ими мѣръ. Проэкты становились достояніемъ архивовъ. Лишь въ настоящее время, съ отмѣной подушной подати, надежда на паспортную реформу является основательной.

Обращаясь къ литературѣ вопроса, мы должны сказать, что, не смо-

---

*) Источники и пособія: 1) Полное собр. зак. 2) Уставъ о пасп. 3) А. Д. Градовскаго: „Пасп. вопр.“, *Русская Рѣчь*, 1880, № 11. 4) Кавелина—„Паспорты въ Россіи“, *Вѣкъ*, 1861, №№ 1, 3, 4. 5) П. Г.—„О паспортахъ“, *Отеч. Зап.*, 1860, № 4. 6) Буха — „Мысли объ улучшеніи. пасп. сист. въ Россіи“. *Р. В.*, 1860, № 15. 7) Щербаня—„О податн. сосл. и круг. пор.“, *тамъ же*, № 16. 8) Михневича—„Язвы Петербурга“, *Наблюдатель* за 1882 г. 9) Труды двухъ пасп. *комисій. 10)* Градовскаго—„Курсъ госуд. права“. 11) Андреевскаго— „Курсъ *полиц. пр.“. 12)* Семевскаго—„Крестьяне въ царствов. Ек. II“. 13) Бѣлѣева— „*Крестьяне на Руси*“ и пр.

тря на массу исписанной бумаги,—обстоятельныхъ изслѣдованій чрезвычайно мало. Единственное исключеніе представляетъ работа проф. Градовскаго, да и та вовсе не касается нашихъ заграничныхъ паспортовъ. Такимъ образомъ трудъ, который обнялъ бы вопросъ въ цѣломъ, былъ бы и своевременнымъ, и полезнымъ.

Собственно говоря, самый крупный пробѣлъ въ литературѣ по паспортному вопросу,—это отсутствіе изслѣдованія его исторіи, т. е. одной изъ самыхъ важныхъ частей. Но серьезное выполненіе его можетъ имѣть мѣсто лишь въ спеціальномъ журналѣ. Имѣя въ виду изданіе съ литературнымъ характеромъ, мы ограничимся нѣсколькими замѣчаніями по вопросу объ *исторіи* внутреннихъ паспортовъ, заграничные же мы разсмотримъ болѣе подробно, такъ какъ свѣдѣнія о нихъ разбросаны и, до сихъ поръ, никѣмъ не приведены въ систему.

II.

Паспортная система есть совокупность законовъ и правилъ, регулирующихъ передвиженіе въ предѣлахъ государства, а равно и выѣздъ изъ него. Ограниченія передвиженія для всякаго подданнаго вытекаютъ изъ его обязанностей, какъ члена семейнаго, экономическаго и политическаго союза. Всякій гражданинъ несетъ цѣлый рядъ повинностей, заключаетъ торговыя сдѣлки и, если онъ имѣетъ семью, то обязанъ ее содержать. При свободѣ передвиженія возможны уклоненія отъ помянутыхъ обязанностей, что̀ влечетъ за собою ущербъ для общихъ интересовъ. Правительство или—правильнѣе—государство можетъ легко потерять, въ лицѣ подданнаго, солдата, плательщика, присяжнаго засѣдателя и пр. Государство должно знать, гдѣ находится его подданный, чтобы принудить его выполнить лежащія на немъ обязанности. Паспорты удовлетворяютъ этой потребности, являясь средствомъ надзора власти за передвиженіемъ населенія.

Какъ общегосударственное учрежденіе, съ вполнѣ выяснившимися цѣлями, паспортъ возникъ при Петрѣ Великомъ. Правда, зачатки паспорта находимъ гораздо раньше, но съ такимъ малоопредѣленнымъ характеромъ, что едва ли они могутъ дать намъ какія либо цѣнныя указанія на послѣдующее его назначеніе *).

О правѣ передвиженія въ самое древнее время едва ли представляется необходимость много говорить. Свободный человѣкъ переходилъ съ мѣста на мѣсто въ своей странѣ совершенно безъ всякихъ препятствій. Не-

*) *Первыя указанія* въ трактатахъ Игоря и Олега.

значительныя ограниченія существовали лишь для иноземцевъ,—ограниченія, вытекавшія изъ естественныхъ опасеній: не „лихой“ ли человѣкъ прибывшій къ намъ иностранецъ? Отъ него, въ видахъ гарантіи, требовали предъявленія проѣзжей грамоты, свидѣтельствовавшей, что гость—лицо мирное и посѣтило чужой край по торговымъ цѣлямъ.

Но и указанныя стѣсненія свободы движенія исчезли впослѣдствіи, когда установилась надежная общественная организація—вѣчевой строй. „Всѣ писатели,—говоритъ извѣстный историкъ Соловьевъ—единогласно превозносятъ гостепріимство славянъ, ихъ ласковость къ иностранцамъ, которыхъ усердно провожали отъ одного мѣста въ другое, и если случалось, что странникъ потерпитъ какую нибудь обиду по нерадѣнію своего хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почитая священнымъ долгомъ отомстить за странника“ *). Такое отношеніе къ иноземцамъ, конечно, исключало возможность стѣснять ихъ въ передвиженіи и переѣздахъ. При этомъ мы не встрѣчаемъ въ источникахъ никакихъ указаній, чтобы отъ иностранцевъ требовали гарантій, рекомендацій и пр. Община не боялась иноземцевъ. Ея организація предохраняла ее отъ всевозможныхъ вредныхъ элементовъ.

Съ паденіемъ общинной жизни, возникаютъ опасенія. Иностранцы превращаются въ безпокойныхъ и опасныхъ людей, тѣхъ же hostes, что существовали въ народномъ воображеніи римлянъ. Въѣздъ чужеземцевъ обставляется гарантіями, пребываніе въ странѣ—бдительнымъ надзоромъ.

Измѣнившіяся условія политической жизни новыхъ государствъ, система взаимнаго надзора съ одной стороны, а съ другой—естественныя стремленія Россіи скрыть свои силы отъ непріятельскаго глаза—содѣйствовали въ значительной степени указанной перемѣнѣ. Въ иностранцахъ стали видѣть шпіоновъ, посѣщавшихъ насъ съ единственною цѣлью все вывѣдать, все узнать. Къ приведеннымъ опасеніямъ присоединились еще и другія, съ *религіознымъ* характеромъ, подъ вліяніемъ совершавшихся тогда событій. Католицизмъ занялъ воинствующее положеніе въ отношеніи всѣхъ прочихъ религіозныхъ культовъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ борется съ протестантизмомъ, въ другомъ—съ іудаизмомъ, въ третьемъ—съ грекосточной вѣрой. Мы видимъ дружныя попытки сокрушить силу и могущество греко-русской религіи. Какъ и всегда, католицизмъ двинулъ къ намъ свою знаменитую армію, состоявшую изъ ловкихъ, опытныхъ и преданныхъ папѣ рабовъ—іезуитовъ... И вотъ возникли „проѣзжія грамоты“, въ видахъ контроля пріѣзжающихъ иностранцевъ. Іезуитамъ въѣздъ строго воспрещался.

Ограниченія права передвиженія для кореннаго населенія слагались

*) *Т. I, стр.* 64 и сл.

подъ вліяніемъ постепеннаго образованія сословій и закрѣпощенія крестьянъ. Знаменитый указъ Петра I отъ 30 октября 1619 г. о томъ, чтобы „никто безъ проѣзжихъ или прохожихъ писемъ изъ города въ городъ и изъ села въ село не ѣздилъ бы и не ходилъ бы", служитъ дополненіемъ крѣпостнаго права и однимъ изъ важныхъ его факторовъ. Указъ долженъ былъ положить конецъ массовымъ побѣгамъ, удручавшимъ страну. Народъ, въ значительномъ количествѣ, бросалъ насиженныя мѣста и бродилъ по Россіи. Налоги, постои и рекутчина его одолѣвали. Уходятъ плательщики налоговъ, бѣгутъ драгуны и матросы, бѣгутъ раскольники отъ притѣсненій православнаго духовенства. Указъ установилъ полицейскій контроль надъ населеніемъ. Передвиженіе было несомнѣнно затруднено. Но цѣль эта все таки имѣла *временный* характеръ. Побѣги вызывались тяжестью службы, плохой организаціей войска, неудобными условіями рекрутчины. Устраненіе помянутыхъ недостатковъ могло бы повліять на самое существованіе паспорта, сдѣлать его ненужнымъ и безцѣльнымъ. Вскорѣ присоединяется однако и иная цѣль, съ *постояннымъ* характеромъ. Плакатъ 26 іюня 1724 г. возводитъ паспортъ на степень *финансоваго* источника государства, ставя его въ тѣсную связь съ подушной податью. Съ этого момента паспортъ становится всесильнымъ, несокрушимымъ факторомъ нашей государственной жизни. Вся дальнѣйшая исторія паспортной системы представляетъ любопытную и поучительную картину безсилія властей въ борьбѣ съ бѣглымъ человѣкомъ. Масса изъятій является характерной уступкой потребностямъ народной жизни. Указъ слѣдуетъ за указомъ, съ напоминаніями о необходимости соблюдать паспортныя правила. Низшіе органы власти теряются, не зная, что дѣлать съ толпами бѣглыхъ, а высшіе „указываютъ", но безрезультатно.

Паспортъ продолжалъ служить и полицейскимъ, и *финансовымъ* цѣлямъ. О коренной реформѣ нечего было и думать. Отдѣльныя облегчительныя мѣры, появлявшіяся разновременно, не могли имѣть большаго значенія. Всѣ онѣ касались *срока* отлучки, *мѣста* выдачи паспорта, *способовъ* ихъ полученія и др. небольшихъ „льготъ".

III.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію тѣхъ цѣлей, для которыхъ существуетъ наша паспортная система, представимъ вкратцѣ ея содержаніе.

Прикрѣпленіе къ мѣсту, явившееся результатомъ податной системы, выразилось въ 1-й статьѣ устава о паспортахъ: „никто не можетъ отлучиться съ мѣста своего постояннаго жительства безъ узаконеннаго вида *или паспорта*". *Мѣсто* постояннаго жительства есть мѣсто, къ которому *лицо приписано*. По отношенію ко всѣмъ состояніямъ оно опредѣляется

1) службою, 2) мѣстомъ нахожденія недвижимаго имущества, гдѣ лицо имѣетъ постоянное пребываніе, и 3) внесеніемъ въ дворянскія, городовыя или ремесленныя книги *).

Постоянное жительство лицъ *бѣлаго духовенства* полагается при тѣхъ церквяхъ, кто куда посвященъ, а *монашествующихъ*—въ ихъ монастыряхъ. Мѣстомъ постояннаго жительства лицъ *податныхъ* сословій считаются тѣ общества и волости, къ которымъ они приписаны, причемъ, какъ гласитъ 4-я статья, „постоянное жительство или водвореніе *купцовъ* и *мѣщанъ* полагается въ томъ городѣ, гдѣ они записаны въ обывательскія книги“ **). Читая дальше уставъ о паспортахъ, замѣчаемъ, что онъ удѣляетъ особенное вниманіе податнымъ сословіямъ, что̀ можетъ быть объяснено господствомъ фискальной точки зрѣнія.

Паспорты, въ зависимости отъ времени, на которое они выдаются, могутъ быть *срочными* и *безсрочными*. Первые считаются нормальнымъ видомъ, вторые признаются исключеніемъ и выдаются только слѣдующимъ лицамъ: 1) чиновникамъ, уволеннымъ отъ службы, 2) ихъ вдовамъ и дочерямъ, 3) выслужившимъ узаконенное время нижнимъ сухопутнымъ и морскимъ чинамъ и женамъ ихъ. Для всѣхъ прочихъ лицъ установлены *срочные* виды, которые берутся ими для права отлучекъ. Купцы получаютъ *гильдейскія* свидѣтельства, выдаваемыя имъ ежегодно по уплатѣ гильдіи и замѣняющія паспорты. Полученіе паспорта возможно лишь съ *разрѣшенія правительственнаго или общественнаго учрежденія*, которое одно и компетентно въ этомъ вопросѣ. Поэтому *отказъ* не долженъ быть ничѣмъ мотивированъ и не можетъ быть обжалованъ. Лица, находящіяся на государственной или общественной службѣ, не имѣютъ права отлучаться *безъ дозволенія* своего начальства. Это правило распространяется и на духовенство (бѣлое и черное). Виды, установленные для податныхъ сословій, по 111-й статьѣ устава о паспортахъ, могутъ быть, смотря по разстоянію и времени путешествія, *тоякаго* рода: 1) простые письменные, 2) билеты, выдаваемые на обыкновенной гербовой бумагѣ, и 3) печатные плакатные паспорты. *Письменные* виды выдаются тѣмъ изъ нихъ, которые отлучаются въ *свой уѣздъ* и на разстояніе отъ мѣстъ ихъ жительства *не далѣе 30 верстъ*. Въ нихъ обозначаются имя и примѣты отлучающагося, а равно время и мѣсто отлучки.

---

*) Уставъ о паспортахъ не далъ общаго опредѣленія понятія мѣстожительства. Это троякое опредѣленіе, невыдержанное по существу, должно было допустить множество исключеній.

**) Мѣстожительство евреевъ опредѣляется особыми условіями. Для нихъ существуетъ такъ называемая *черта* осѣдлости, гдѣ могутъ жить всѣ евреи безъ *исключенія*,—затѣмъ существуютъ отдѣльные города и районы, гдѣ дозволено жить *только нѣкоторымъ* классамъ этого племени.

На обыкновенной гербовой бумагѣ выдаются виды (мѣсячные, двухмѣсячные и трехмѣсячные) на дальнюю отлучку. *Печатными плакатными паспортами* запасаются лица, оставляющія мѣсто своего постояннаго жительства на время болѣе полугода (6 мѣсяцевъ, 1 г., 2 г. и 3 г.). Означенные виды получаются отъ мѣстныхъ начальствъ — волостныхъ правленій, городскихъ думъ, а также мѣщанскихъ и ремесленныхъ управъ, гдѣ онѣ существуютъ *). Лицо, получающее паспортъ, обязано уплатить причитающійся съ него сборъ, по 1 руб. 45 коп. въ годъ. При этомъ принимаются во вниманіе и другія условія, какъ-то: уплата податей и отбываніе повинностей. Указъ 14 мая 1874 г. устанавливаетъ временныя правила касательно отбыванія *воинской* повинности. Въ силу этихъ правилъ, существующихъ „впредь до изданія новаго общаго законоположенія о паспортахъ", лицамъ податныхъ сословій, по достиженіи послѣдними 18 л., въ виду предстоящаго призыва къ отправленію воинской повинности, выдаются паспорты на бумагѣ *особаго цвѣта*, со внесеніемъ въ нихъ подлежащихъ касательно этого предмета свѣдѣній.

Такъ какъ паспорты служатъ финансовымъ и полицейскимъ цѣлямъ, то ихъ значеніе обезпечивается чрезъ опредѣленный контроль или явку въ мѣстныхъ полицейскихъ участкахъ или на заставахъ, если послѣднія гдѣ либо удержались. Паспортъ прописывается и немедленно возвращается по принадлежности, безъ всякаго за это платежа (исключая Москвы и Петербурга, гдѣ установленъ сборъ отъ 3-хъ до 40 коп.). Вообще въ столицахъ существуетъ довольно сложная и обременительная процедура прописки и явки видовъ. Всякій домохозяинъ обязанъ въ самое короткое время извѣстить полицію о всякомъ лицѣ, пріѣзжающемъ или выѣзжающемъ изъ его дома, а означенное лицо должно передать свой видъ домохозяину, у котораго оно намѣрено поселиться. Кромѣ того, полиція обязана наблюдать, чтобы военныя лица имѣли надлежащее разрѣшеніе на прожитіе отъ своихъ начальствъ, и сама обязана всякій разъ о пріѣздѣ такихъ лицъ извѣщать комендантское управленіе. Такому же особому надзору полиціи подчиняются лица *духовнаго* званія и *финляндскіе* уроженцы.

Лица, живущія трудомъ рукъ своихъ, подлежатъ въ столицахъ особому сбору—*адресному*, при перемѣнѣ своихъ видовъ на адресные билеты. Помимо этого сбора, существуетъ еще другой, который платятъ чернорабочіе въ столицахъ въ пользу больницъ и т. п. учрежденій.

Отлучка за границу обусловливается полученіемъ узаконеннаго вида отъ губернатора или оберъ-полицмейстера (въ столицахъ). Для полученія

---

*) *Нѣкоторымъ лицамъ* вовсе не могутъ быть выданы паспорты для путешествій *внутри Россіи: скопцамъ*, извѣстнымъ категоріямъ евреевъ, цыганъ и проч.

паспорта надо удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: желающій отлучиться долженъ быть: 1) русскимъ подданнымъ, 2) не моложе 25 лѣтъ *), 3) долженъ получить свидѣтельство отъ полиціи объ отсутствіи законныхъ препятствій къ таковому отъѣзду, который можетъ нанести ущербъ частнымъ лицамъ (кредиторамъ и проч.) и государству. Заграничный паспортъ подлежитъ сбору въ размѣрѣ 5 руб. за полугодіе. Изъ этихъ 5 руб., 4 руб. 50 коп. идутъ въ пользу инвалиднаго капитала въ видѣ полугодовой пошлины, а 50 коп. взимаются за печатаніе паспортнаго билета. *Безденежные паспорты выдаются*: богомольцамъ, ѣдущимъ въ Іерусалимъ съ религіозною цѣлью, купцамъ, иностранцамъ, учащимся, ѣдущимъ усовершенствоваться въ наукахъ и художествахъ на счетъ учебныхъ заведеній, раненымъ и прочимъ больнымъ. Нѣкоторыя лица могутъ выѣзжать по плакатнымъ паспортамъ или свидѣтельствамъ мѣстныхъ начальствъ безъ полученія заграничныхъ паспортовъ или со взиманіемъ пошлины за одинъ бланкъ (50 коп.). Сюда причисляются: вольные матросы, прикащики и работники на судахъ, извощики, посланные правительствомъ чиновники и проч. Правительство пользуется правомъ во всякое время вызвать данное лицо, а послѣднее обязано немедленно явиться въ отечество.

Эмиграція, по смыслу нашего законодательства, есть дѣяніе *противозаконное*, на что указываетъ статья 325 улож. о наказ.: „кто, отлучась изъ отечества, войдетъ въ иностранную службу безъ позволенія правительства или *вступитъ въ подданство иностранной державы*, тотъ за сіе нарушеніе вѣрноподданническаго долга и присяги подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и вѣчному изъ предѣловъ государства изгнанію, или, въ случаѣ самовольнаго возвращенія потомъ въ Россію, ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе“ **). Наоборотъ, принятіе иностранцевъ въ русское подданство, согласно закону о натурализаціи 10 февраля 1864 г., допускается по исполненіи ими нѣкоторыхъ предварительныхъ условій. Такимъ образомъ, здѣсь отсутствуетъ принципъ взаимности и, слѣдовательно, международной справедливости. Безсрочные паспорты для выѣзда изъ Россіи выдаются только иностранцамъ. Пріѣзжаю-

---

*) Это правило допускаетъ нѣкоторыя исключенія въ пользу: 1) нуждающихся въ лѣченіи, 2) въ усовершенствованіи въ наукахъ и художествахъ и проч., а также купцовъ, прикащиковъ и т. п.

**) Надо замѣтить, что изъ культурныхъ государствъ *одна* только Россія воспрещаетъ эмиграцію. Прочія государства въ послѣднее время объявили выходъ изъ подданства свободнымъ. Такой взглядъ явился результатомъ новаго общественнаго и политическаго строя, въ основаніе котораго положено начало уваженія къ человѣческой личности и ея потребностямъ. См. Маркевичъ, т. II, стр. 162—173.

щіе въ Россію иностранцы, по паспортнымъ правиламъ 29 іюня 1860 г., обязаны предъявлять свои паспорты или вандербухи, визированные за границей нашими правительственными агентами. (Разъ высланные иностранцы не могутъ болѣе въѣзжать въ предѣлы Россіи). Губернаторъ, не отбирая заграничнаго паспорта, выдаетъ особый паспортъ для жительства и переѣздовъ въ имперіи, на срокъ одного года, на гербовой бумагѣ двухрублеваго достоинства.

Паспортная система обезпечивается законами и мѣрами двоякаго рода — уголовными и полицейскими. Первые карають за преступленія по фабрикаціи паспортовъ и проживательство безъ нихъ. Вторые направлены противъ безпаспортныхъ (бродягъ, бѣглыхъ и дезертировъ).

IV.

Наша паспортная система, прикрѣпляя человѣка къ мѣсту, представляетъ отрицаніе права передвиженія для населенія.

Никто не имѣетъ права оставлять мѣсто своего постояннаго жительства, не взявъ узаконеннаго вида. Узаконеннымъ видомъ для нашихъ крестьянъ и мѣщанъ, составляющихъ $^4/_5$ всего населенія Россіи, считается паспортъ.

Уже это одно условіе уничтожаетъ свободу передвиженія народа. На первыхъ порахъ, человѣку нашего времени трудно и согласовать логически такія два слова, какъ „право передвиженія“, „право жительства“. „Жительство“ и „передвиженіе“—вѣдь это такія понятія, безъ которыхъ невозможно и представить себѣ самаго существованія человѣка. Они — разсуждаемъ мы—скорѣе относятся къ разряду тѣхъ благъ, которыя человѣкъ получаетъ отъ природы, а не отъ какого либо человѣческаго учрежденія. „Въ теоріи—говоритъ одинъ публицистъ—возможность свободнаго жительства прямо вытекаетъ изъ самаго понятія о жизни, и одно безъ другаго немыслимо. Парафразируя извѣстный философскій терминъ бытія: „cogito, ergo sum“,—можно сказать: „существую, значитъ, жительствую“. И какимъ образомъ, разсуждая отвлеченно, возможность свободнаго жительства могла сдѣлаться объектомъ договора, права, прерогативы?“ И далѣе отвѣчаетъ: „По мѣрѣ развитія организаціи общественнаго союза, право безпрепятственнаго жительства, какъ одно изъ условій „свободы дикой и необузданной“, должно было логическимъ путемъ подвергнуться ограниченіямъ и сдѣлаться предметомъ пожалованія, милости и снисхожденія“. По нашему мнѣнію, если ужь искать какихъ нибудь оправданій и объясненій этому явленію, то скорѣе ихъ можно найти въ слѣдующемъ положеніи, *принятомъ* какъ абсолютистомъ Гоббесомъ, такъ и демократомъ Руссо: „*жизнь есть* условное даяніе государства, но отъ этого всякій

гражданинъ ничего не проигрываетъ; напротивъ, онъ получаетъ гораздо больше благъ, чѣмъ отдаетъ въ пользу государства". Намъ кажется, что дурнаго еще ничего нѣтъ въ томъ, что „жительство" есть объектъ права; обставленное прочными гарантіями безопасности, освященное авторитетомъ цѣлаго гражданскаго союза, оно становится отъ этого только удобнѣе и шире. Весь вопросъ, въ данномъ случаѣ, сводится къ вопросу о раціональности тѣхъ средствъ, которыя принимаетъ государство для утвержденія этой безопасности „жительства" и „передвиженія". Государственныя мѣры могутъ быть такого рода, что достигаютъ цѣлей общественной и частной безопасности, оставляя свободу передвиженія „въ покоѣ", т. е. нисколько не стѣсняя ея. Но государственная власть принимаетъ иногда, въ этихъ же видахъ, такую систему мѣръ, которая, такъ сказать, скручиваетъ свободу передвиженія въ „бараній рогъ" и тѣмъ задерживаетъ всестороннее развитіе населенія.

Наша паспортная система стоитъ на почвѣ этого послѣдняго рода мѣръ. Несомнѣнно, что полицейскій надзоръ государственной власти надъ подданными составляетъ одну изъ главныхъ ея функцій. Несомнѣнно также и то, что эта функція можетъ быть успѣшно отправляема только тогда, когда органы власти будутъ имѣть право, въ случаѣ надобности, потребовать отъ всякаго гражданина доказательствъ самоличности. Но логика покидаетъ насъ съ того момента, когда мы ограничиваемъ способы доказательства самоличности однимъ видомъ—*паспортомъ*. Всякое лицо должно пользоваться въ этомъ случаѣ полнымъ просторомъ: для цѣлей безопасности безразлично, какимъ способомъ можетъ данное лицо удостовѣрить свою личность,—актами ли состоянія, служебными ли документами, письмами, свидѣтелями, либо другими видами, лишь бы оно доказало свою, такъ сказать, подлинность. Очевидно, что здѣсь существуютъ еще и *иныя цѣли*, кромѣ безопасности, которыя находятъ себѣ осуществленіе въ узаконенномъ видѣ. Вотъ эти цѣли и посягаютъ на свободу передвиженія.

Изъ того, что паспортъ—единственный узаконенный видъ, слѣдуетъ, что всякій, кто его не имѣетъ, есть „безпаспортный", „бѣглый". „Коль скоро кто либо задержанъ полиціей,—говоритъ 614 ст. уст. о пасп.,—по неимѣнію узаконеннаго вида, но есть доказательства, свидѣтельствующія о званіи его и настоящемъ мѣстѣ жительства или вѣдомства, то онъ *подвергается взысканію*, опредѣленному въ ст. 1221 улож. о наказ., и затѣмъ отсылается къ своему мѣсту, сообразно означеннымъ доказательствамъ, порядкомъ, соотвѣтствующимъ званію его или состоянію".

Это наказаніе ожидаетъ всякаго, кто *имѣетъ возможность* представить доказательства своей личности, но удалился отъ мѣста своего постояннаго жительства или вѣдомства *безъ* паспорта *). Но горе тѣмъ, кто ихъ

*) *582* ст. уст. о пасп.

вовсе не имѣетъ! Таковые причисляются къ разряду *бродягъ*, отдаются для исправленія въ роты гражданскаго вѣдомства, затѣмъ водворяются за Кавказомъ или въ сибирскихъ губерніяхъ. Женщины отдаются въ рабочіе дома на 4 года, затѣмъ водворяются въ Сибири; въ случаѣ ложнаго показанія, бродяги подвергаются наказанію розгами отъ 30 до 40 ударовъ, помимо вышеопредѣленнаго наказанія. Этой же участи подлежатъ и отказывающіеся назвать себя и свое мѣстожительство.

Какъ обыкновенно поступаютъ въ жизни съ безпаспортными, мы знаемъ изъ слѣдующихъ словъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланскаго: „полиція заключаетъ ихъ въ тюрьму, впредь до объясненія дѣла справками, или вмѣстѣ съ дѣйствительными преступниками пересылаетъ ихъ по этапу на мѣсто, гдѣ записаны по ревизіи". Отъ пребыванія въ тюрьмѣ „безпаспортный", конечно, не становится лучшимъ, болѣе надежнымъ гражданиномъ. Войдя туда „невреднымъ для общественнаго спокойствія", онъ часто выходитъ изъ нея—преступникомъ.

Но ограниченіе свободы отлучекъ идетъ еще дальше, такъ какъ самая выдача паспорта условливается *разрѣшеніемъ* подлежащихъ учрежденій. Начальство отказываетъ въ выдачѣ паспорта;—лицо не вправѣ обжаловать означенный отказъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, полученіе разрѣшенія превращается изъ *права* въ снисхожденіе и *милость* начальства; а „на милость—говоритъ пословица—образца нѣтъ".

Затѣмъ паспортъ, по общему правилу, выдается только *на срокъ*. Истекаетъ время дѣйствія паспорта, лицо обязано его *возобновить*, если желаетъ продлить срокъ своего пребыванія внѣ мѣста постояннаго жительства. Надо замѣтить, что полученіе паспорта большею частью достается послѣ большихъ и долгихъ мученій. Приходится часто удовлетворять аппетитъ „начальства", потерять немало времени на различныя пустыя формальности и нерѣдко получить паспортъ тогда, когда въ немъ не чувствуется болѣе нужды. Получить паспортъ *во-время* у насъ бываетъ довольно мудрено. Вотъ почему нисколько не преувеличенны, а, наоборотъ, чрезвычайно мѣтки слова г. Щербаня: „Нужно ѣхать—нѣтъ паспорта; есть паспортъ,—но срокъ его близокъ, а поѣздка долга; или паспортъ совсѣмъ въ порядкѣ, но требуетъ свидѣтельства отъ полиціи. Надобно же все это взять, выхлопотать, а время уходитъ. Въ частномъ быту замедленіе—непріятность, въ дѣловомъ—потеря, въ томъ и другомъ—*несчастіе*".

Если взятіе паспорта настолько затруднено, что приравнивается къ несчастію, то какими же словами охарактеризовать тѣ неудобства и невзгоды, какія лицо претерпѣваетъ при *возобновленіи* паспорта? Въ вышецитованномъ докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ за 1857 г., который, собственно говоря, послужилъ ближайшимъ поводомъ къ учрежденію *первой* паспортной *комиссіи*, *между прочимъ*, говорится, что въ теченіе 1857 г. *захвачено 30,478 бродягъ* и бѣглыхъ, и что эта цифра вовсе не показываетъ

числа тѣхъ, которые по закону называются бродягами и бѣглыми, но что въ нее вошелъ довольно значительный контингентъ лицъ съ *просроченными* паспортами. „Приведенная цифра свидѣтельствуетъ достаточно, какъ часто люди, снискивающіе пропитаніе заработками въ отдаленныхъ отъ постояннаго ихъ пребыванія губерніяхъ, подвергаются задержанію, теряютъ время и занятія, а съ ними средства къ жизни и уплатѣ податей; въ то же время самая формальность, наблюдаемая при перемѣнѣ паспортовъ, затрудняетъ податныя сословія въ ихъ промыслахъ".

Положеніе крестьянина, въ моментъ возобновленія паспорта, мучительно-тяжело. Во-первыхъ, начальство вправѣ всегда отказать ему въ выдачѣ новаго паспорта или потребовать личной явки; и то, и другое можетъ имѣть самыя вредныя послѣдствія для его интересовъ. Во-вторыхъ, ему угрожаютъ суровыя полицейскія мѣры за проживательство по просроченному паспорту. Но это еще далеко не все. Если крестьянинъ посылаетъ въ волость деньги за высылку паспорта, родные видятъ въ этомъ недовѣріе къ себѣ, обижаются и мстятъ ему тѣмъ, что налагаютъ свое veto на выдачу паспорта. Пошлетъ деньги къ роднымъ, опять непріятности: они зачастую издерживаютъ ихъ на свои нужды и просятъ вторичной высылки денегъ. Вся переписка деревни съ городомъ вертится въ данномъ случаѣ всецѣло на деньгахъ. Родные, друзья знаютъ про безпомощное положеніе просителя и безбожно эксплуатируютъ его. Вообще, въ этотъ моментъ всяческимъ капризамъ и злоупотребленіямъ счету нѣтъ. А бѣдняжка, въ грустномъ томленіи, ждетъ не дождется паспорта: то корреспонденція, пересылаемая черезъ земскую почту, залежалась мѣсяца на два въ счастливомъ почтовомъ пунктѣ, то какой нибудь волостной писарь или старшина требуетъ незаконнаго „вознагражденія", то всевластный міръ проявляетъ свой капризъ. Полиція же ничего этого знать не хочетъ: у нея имѣются на этотъ счетъ опредѣленныя предписанія и выработанные практикой обычаи.

Для характеристики тѣхъ мотивовъ и причинъ, по которымъ волостныя правленія часто отказываютъ крестьянамъ въ возобновленіи паспортовъ, приведемъ слѣдующій случай, о которомъ повѣствуютъ кіевскія газеты. Крестьянка деревни Рудни-Крапивенки, житомірскаго уѣзда, находившаяся въ услуженіи въ г. Кіевѣ, обратилась въ горашковское правленіе съ просьбой выдать ей паспортъ, для чего и представила два руб. сер. Горашковское волостное правленіе отказало въ выдачѣ паспорта и представило въ кіевское полицейское управленіе по этому поводу слѣдующій, весьма любопытный рапортъ: „Представляя при семъ 2 рубля, представленные крестьянкою (такою-то) на выдачу ей годичнаго паспорта, за *удержаніемъ* лишь изъ нихъ въ почтовый доходъ 29 коп., остальные 1 р. *71 коп. волостное* правленіе имѣетъ честь просить городское полицейское *управленіе вручить* по принадлежности А. Боровой, проживающей (такъ-

то), которой объявить при этомъ, что паспортъ ей не можетъ быть выданъ до тѣхъ поръ, пока она не представитъ сельскому обществу *7 р. 50 к. на расходы, могущіе встрѣтиться*". Не есть ли это открытое, подъ сѣнью закона совершаемое, *вымогательство*,—вымогательство, бороться съ которымъ, однако, нѣтъ никакой возможности! Вообще *ограниченіе срока* въ паспортѣ имѣетъ весьма прискорбныя послѣдствія. Оно не даетъ возможности человѣку заключать постоянныя обязательства, пріучаетъ его къ безпрестаннымъ переходамъ, къ частой перемѣнѣ занятій и всѣхъ отношеній.

Изъ всего вышеприведеннаго видно, что паспортъ есть *единственный узаконенный* видъ, выдача котораго обусловливается волею подлежащихъ учрежденій, и притомъ видъ *срочный*. Всѣ означенныя черты, характеризующія нашъ паспортъ, несовмѣстимы, конечно, со свободой передвиженія или, говоря точнѣе, совершенно отрицаютъ ее.

Посмотримъ теперь, какого рода неудобства *примыкаютъ* сюда и еще болѣе затрудняютъ возможность пользованія паспортомъ.

Кто, въ большинствѣ случаевъ, беретъ паспортъ? Человѣкъ, ищущій заработковъ, нуждающійся въ средствахъ къ жизни, и не имѣющій возможности прокормить себя на мѣстѣ. Отъ этого человѣка требуютъ, при выдачѣ паспорта, уплаты извѣстнаго *сбора*. Зачастую крестьянинъ не въ состояніи уплатить его и *не можетъ*, слѣдовательно, двинуться съ мѣста, т. е. долженъ оставаться тамъ, гдѣ онъ безполезенъ и гдѣ ему горько живется. Несомнѣнно, что такой порядокъ влечетъ за собой искусственную, чуждую экономическимъ потребностямъ и нуждамъ, группировку населенія по мѣстностямъ. Поэтому, сплошь и рядомъ мы сталкиваемся съ такого рода фактами: мѣстности, во многихъ отношеніяхъ удобныя и благодарныя для человѣческой дѣятельности, пустуютъ, въ то время, когда другія не въ состояніи прокормить всѣхъ своихъ обитателей по *несоотвѣтствію* между ихъ численностью и средствами питанія. Далѣе, большое неудобство испытываетъ передвигающійся элементъ населенія отъ способа *явки* паспортовъ. Нашъ паспортъ, какъ извѣстно, служитъ не только средствомъ удостовѣренія личности, но доказательствомъ непринадлежности лица къ разряду бѣглыхъ или бродягъ. Отсюда логически вытекаетъ необходимость явки паспорта. Полиція должна знать всѣхъ вновь прибывшихъ въ ея округъ людей, должна принять надлежащія мѣры противъ нарушителей общественнаго спокойствія и безопасности. Въ этомъ случаѣ, по смыслу нашего устава о паспортахъ, окажетъ большую услугу *явка* паспортовъ, служащая для ознакомленія органовъ мѣстной полиціи съ „чужаками". (Сюда присоединяется и *фискальная* цѣль, о которой мы поговоримъ ниже.). Явка становится безусловно *неудобной* процедурой, какъ для путешественника, такъ и для *самой полиціи*. Трата времени и труда здѣсь не только не искупается *достиженіемъ* какой либо разумной полицейской цѣли, но, по на-

тегорическому заявленію самой заинтересованной стороны, „скорѣе *мѣшаетъ*, чѣмъ помогаетъ полиціи“.

Кромѣ *этой* явки, въ Москвѣ и Петербургѣ для рабочаго класса обязательна такъ называемая *сложная явка*, состоящая въ томъ, что рабочіе представляютъ свои виды въ адресную экспедицію, откуда имъ выдаютъ *адресные билеты*, причемъ уплачивается особый сборъ, о которомъ мы сказали выше. Сложная явка установлена по причинамъ *двоякаго* рода, полицейскимъ и финансовымъ, но о нихъ рѣчь впереди. Характеристической чертой этой сложной явки служитъ процедура мелочная и многотрудная. Все это до невозможности утомляетъ, обременяетъ и даже разоряетъ крестьянина, такъ что многіе предпочитаютъ голодать дома, чѣмъ, въ чаяніи заработковъ, отправляться въ столицу и тѣмъ подвергнуть себя массѣ всякаго рода колючихъ непріятностей, сопровождающихъ прописку и замѣну видовъ.

До сихъ поръ мы доказывали, что наша паспортная система *отрицаетъ свободу передвиженія*. За это говорятъ какъ самое существо паспорта, такъ и условія его полученія и прописки. Если мы теперь докажемъ, что свобода передвиженія является *необходимымъ условіемъ государственной жизни*, то этимъ самымъ мы сразу отнимемъ почву у нашей паспортной системы.

V.

Русское правительство, подъ вліяніемъ разныхъ событій, усвоило себѣ взглядъ на передвиженіе, какъ на *зло*. Этотъ взглядъ установился тогда, когда закрѣпощенная Русь „брела врозь“, ища воли и спасенія отъ ужасающаго гнета. Народъ массами уходилъ отъ своихъ поработителей, а на прежнія мѣста, какъ свидѣтельствуютъ указы, возвращалось малое число. Понятно, что „платежная единица“ представляла печальный видъ и малонадежную опору для крѣпостнаго строя. Свобода движенія не могла не считаться вреднымъ, противогосударственнымъ началомъ. Отсюда логически вытекаетъ воззрѣніе на всякое передвиженіе, какъ на *зло*, какъ на угрозу государственному режиму. Въ теченіе всего XVIII вѣка этотъ взглядъ проводился въ жизни съ неумолимою строгостью. Всѣ силы правительства были устремлены къ искорененію „вольныхъ людей“. Наконецъ, въ XIX вѣкѣ, послѣ долгой, безплодной борьбы съ „гулящимъ“ человѣкомъ, сознаніе необходимости передвиженія и отлучекъ крестьянъ стало находить себѣ мѣсто въ умахъ государственныхъ людей. Какъ происходилъ этотъ любопытный процессъ измѣненія взглядовъ—можно видѣть изъ обзора исторіи нашего паспортнаго законодательства. Еще въ 1847 г. графъ Киселевъ, *министръ государственныхъ имуществъ*, представилъ свои поучительныя *замѣчанія на одну* изъ важныхъ статей устава о паспортахъ, которая, тѣмъ

не менѣе, существуетъ еще и понынѣ (112 ст.). Означенная статья вмѣняетъ въ обязанность крестьянамъ, отправляющимся для прокормленія себя работою въ своемъ уѣздѣ, не далѣе 30 в., а также отлучающимся на ярмарки и торги въ окрестные города и селенія для распродажи собственныхъ продуктовъ,—брать *письменные виды*. Вотъ критика, произнесенная министромъ: „При существованіи такихъ постановленій, крестьянинъ *не можетъ безъ письменнаго вида отлучиться въ приходскую церковь*, если она не въ томъ же селеніи, не можетъ отвезти произведеній своихъ трудовъ въ сосѣднія селенія на базаръ или на ярмарку, не можетъ явиться на сельскій или волостной сходъ; а въ губерніяхъ степныхъ или лѣсныхъ, гдѣ пространства приходовъ и волостей весьма обширны, ему надобно въ этихъ случаяхъ всякій разъ просить мѣсячный билетъ на гербовой бумагѣ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ крестьянинъ не можетъ выѣхать пахать свою землю, не взявши письменнаго вида, потому что удобныя земли нерѣдко лежатъ за 30 и болѣе верстъ отъ селенія. Во-вторыхъ, письменные виды не удерживаютъ отъ бродяжничества. Напротивъ, не только эти виды, но и самые паспорты часто еще служатъ бѣглымъ для покрытія ихъ бродяжнической жизни. Для полученія изъ казначейства паспорта представляется обыкновенно подложное требованіе вотчиннаго начальства; письменный билетъ также нетрудно составить подложный. Достаточно упомянуть о случаяхъ, когда, по разнесшимся слухамъ о дарованіи будто бы льготъ переселяющимся въ отдаленныя мѣста, крестьяне безъ всякихъ билетовъ и паспортовъ, цѣлыми семьями, уходили изъ своихъ селеній и пробирались далеко безъ остановки. Въ-третьихъ, всѣ побѣги, всѣ бродяжничества, въ сравненіи съ общею массою крестьянъ, такъ незначительны, что едва ли есть основаніе для нѣсколькихъ нарушителей стѣснять всю эту массу... Въ-четвертыхъ, законъ, заключающійся въ 1-й ст. уст. о паспортахъ, о томъ, чтобы никто не могъ отлучаться отъ мѣста своего постояннаго жительства безъ узаконеннаго вида, основанъ на указѣ 30 октября 1719 г., изданномъ по случаю большихъ побѣговъ при учрежденіи арміи и флота и производившихся отъ того повсемѣстныхъ грабежей и разбоевъ. Мѣра эта, можетъ быть, тогда была необходима, но теперь рѣшительно безполезна и даетъ только поводъ къ притѣсненіямъ".

Приведенная критика настолько основательна, что едва ли можно прибавить къ ней что либо существенное, не смотря на то, что она высказана въ 1847 г. Ею осуждается наша паспортная система во всѣхъ своихъ главныхъ пунктахъ. Особенно вѣски аргументы графа Киселева относительно тѣхъ затрудненій, какія создаются для хозяйственныхъ нуждъ крестьянъ правиломъ о 30-верстномъ разстояніи. При обширности разстояній въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, жители находятся въ постоянныхъ *сношеніяхъ съ сосѣднимъ* уѣзднымъ городомъ. Такимъ образомъ являются *мѣстности, связанныя* общностью *экономическихъ* потребностей, часто

не совпадающихъ съ административными дѣленіями. Требовать, при еженедѣльныхъ сношеніяхъ, отъ такихъ жителей паспортовъ—значитъ воздвигать препятствія на пути удовлетворенія самыхъ насущныхъ нуждъ населенія, умышленно вредить ему. При такихъ условіяхъ, несомнѣнно, правительство и народъ образуютъ изъ себя два враждующихъ лагеря, или же правительство вынуждено будетъ поступиться своими требованіями. По собраннымъ паспортною комисіею свѣдѣніямъ, означенный законъ *вовсе не исполняется*, „подавая лишь поводъ къ притѣсненіямъ и недобросовѣстнымъ дѣйствіямъ со стороны низшихъ полицейскихъ чиновъ". Оно и понятно. Правительство безсильно бороться съ нарушителями закона при существующихъ средствахъ передвиженія, при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеніяхъ.

Паспортная комисія 1870—75 гг. нашла возможнымъ, послѣ тщательнаго обсужденія, разрѣшить отлучки, безъ всякихъ видовъ, *на срокъ не болѣе одного мѣсяца*, независимо отъ разстоянія. По мнѣнію означенной комисіи, и это правило оказало бы рабочему и промышленному люду дѣйствительное облегченіе, ибо такимъ образомъ были бы отмѣнены паспортныя формальности въ тѣхъ именно случаяхъ, когда онѣ наиболѣе тягостны, т. е. при отлучкахъ экстренныхъ, кратковременныхъ и часто повторяющихся. Для городскихъ и сельскихъ обществъ такое правило едва ли имѣло бы какія либо невыгодныя послѣдствія *).

Всѣ эксперты, дававшіе свои объясненія по этому предмету, *единогласно* доказывали пользу отлучекъ. Эти замѣчанія паспортная комисія, какъ значится въ ея протоколѣ, нашла „уважительными", и на этомъ основаніи высказалась за разрѣшеніе отлучекъ на мѣсячный срокъ, безъ видовъ**).

Особенно краснорѣчиво и убѣдительно было показаніе управляющаго костромскою казенною палатою. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ *число отлучающихся* по паспортамъ, т. е. въ дальнія отлучки, столь велико, что *почти равняется всему числу работниковъ уѣзда*. По его словамъ, отлучки обусловливаютъ заработокъ доброй половины податнаго населенія. Поэтому, по словамъ того же эксперта, „всего лучше казенные окладные сборы поступаютъ тамъ, гдѣ преобладаютъ *отхожіе* промыслы. Въ Костромской губерніи размѣръ окладной недоимки по уѣздамъ почти математически соотвѣтствуетъ, въ обратной пропорціи, числу выбранныхъ по уѣзду паспортовъ и билетовъ". Въ этомъ же смыслѣ, хотя и менѣе убѣдительно, примѣняя свои показанія къ интересовавшему ихъ вопросу объ

---

*) См. проэктъ объ облегченіяхъ по паспортной части, стр. 36 и 37.

**) *Нужно* замѣтить, что паспортная комисія не была компетентна въ вопросѣ объ измѣненіи *фискальнаго* значенія паспорта для нашихъ податныхъ классовъ. *Здѣсь она* могла предложить только нѣкоторыя облегченія.

уплатѣ недоимокъ и поступленіи сборовъ съ крестьянъ,—высказались и прочіе эксперты (представители земства, губернаторы и управляющіе казенными палатами).

Для насъ лично эти показанія свѣдущихъ людей важны въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуютъ о *настоятельной необходимости свободы движенія*, о вредѣ существующаго порядка выдачи паспортовъ. Можно a priori сказать, что помянутая потребность растетъ съ каждымъ годомъ, въ силу все болѣе и болѣе усложняющейся „борьбы за существованіе". Уже изъ того одного, что отлучки даютъ возможность заработка крестьянамъ, не находящимъ себѣ спроса на трудъ въ мѣстѣ постояннаго жительства, явствуетъ, что свобода передвиженія есть одно изъ условій благосостоянія народа.

Усиливающееся развитіе фабричной промышленности, торговыхъ оборотовъ, городской жизни, съ ея безчисленными потребностями, вызываетъ съ мѣста массы сельскаго населенія, требуетъ широкой свободы передвиженія. При современномъ раздѣленіи труда, народъ долженъ размѣщаться и разселяться сообразно *экономическимъ* нуждамъ, а не административнымъ и фискальнымъ потребностямъ. Поэтому всякія правительственныя мѣропріятія, стремящіяся провести въ жизнь противоположныя начала, только задерживаютъ развитіе народнаго благосостоянія. Россія, въ виду обширности своей территоріи и неравномѣрности распредѣленія по различнымъ мѣстностямъ ея населенія, особенно нуждается въ свободѣ передвиженія. Возникшій въ послѣднее время переселенческій вопросъ, имѣющій такое огромное значеніе, стоитъ также въ зависимости отъ неуклюжей паспортной системы. Перечисленіе „окладовъ податей", до сихъ поръ, дѣло почти что невозможное, такъ какъ если казенныя недоимки и могутъ еще быть перечислены вмѣстѣ съ переселенцемъ на новое мѣсто, то *общественныя*—съ трудомъ, и то по исполненіи всѣхъ капризовъ руководителей всесильнаго „міра". При такихъ условіяхъ, водвореніе переселенца, а также устройство хозяйства на новомъ мѣстѣ жительства не обезпечены отъ всякихъ случайностей. Переселенецъ, находясь въ ожиданіи всяческихъ напастей, въ родѣ пересылки на родину, не рѣшается часто дѣлать того, что̀ полезно и выгодно для него, боится предпріятій, требующихъ продолжительнаго пребыванія хозяина на новомъ мѣстѣ. Конечно, такое положеніе вредитъ какъ развитію торговой и производительной дѣятельности, такъ и народному благосостоянію. Наконецъ, *переселеніе массами*, которое стало теперь зауряднымъ явленіемъ, убѣдительно доказываетъ, какъ важна свобода передвиженія для удовлетворенія экономическихъ нуждъ народа, и какъ безсильна паспортная система заставить народъ голодать „на законномъ основаніи".

Но, кромѣ вышепоименованныхъ живыхъ и убѣдительныхъ фактовъ,

мы можемъ еще привести краснорѣчивыя статистическія данныя, удостовѣряющія постепенное возрастаніе потребности передвиженія.

	полугод.	годов.	двухъ.	трехъ.
Въ 1857 г. выдано паспортовъ:	458,300 —	730,298 —	5134 —	2099
„ 1858 „ „ „	478,372 —	753,021 —	5750 —	2046
„ 1859 „ „ „	500,803 —	780,529 —	5739 —	2665
„ 1869 „ „ „	925,739 —	812,782 —	6243 —	3277
„ 1870 „ „ „	929,213 —	848,237 —	6137 —	2982
„ 1871 „ „ „	954,245 —	875,647 —	6030 —	2917
„ 1872 „ „ „	952,851 —	887,078 —	6029 —	3075

Если принять во вниманіе, что въ приведенное вычисленіе, за періодъ отъ 1857 по 1859 гг., вошли купеческіе виды, впослѣдствіи отмѣненные, то, по разсчету А. Д. Градовскаго, цифры приближаются къ *удвоенію*.

Итакъ, экономическій законъ, гласящій, что свобода передвиженія есть одно изъ главныхъ условій развитія производительнаго труда и благосостоянія народа, долженъ имѣть примѣненіе и по отношенію къ Россіи.

Но этимъ, однако, еще не исчерпываются всѣ доказательства въ вопросѣ о несостоятельности нашей паспортной системы. Намъ могутъ возразить, что нѣтъ такой законодательной системы, которая не имѣла бы темныхъ пятенъ, что вредъ, происходящій отъ нея, можетъ быть ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣми выгодами, которыя она приноситъ. Поэтому намъ предстоитъ еще доказать, что ожидаемыя выгоды призрачны. Приступаемъ къ этой задачѣ.

VI.

Паспортная система существуетъ въ интересахъ достиженія, *главнымъ образомъ*, двухъ цѣлей—полицейской и финансовой.

Паспортъ, въ качествѣ средства *полицейскаго* контроля, существовалъ—какъ было сказано—еще въ до-петровскую эпоху. Онъ служилъ средствомъ къ открытію „гулящихъ“ людей. Воеводамъ повелѣвалось никого не пропускать безъ проѣзжихъ писемъ. Кто не имѣлъ такого письма, тотъ считался „недобрымъ человѣкомъ“ или „воромъ“ и подлежалъ розыску. Петръ Великій въ своемъ знаменитомъ плакатѣ окончательно закрѣпилъ за паспортомъ его полицейскій характеръ, увидѣлъ въ немъ могучаго союзника и призвалъ его къ себѣ на службу. Съ тѣхъ поръ паспортъ и служитъ русскому государству.

Съ точки зрѣнія полицейскаго надзора, паспортъ свидѣтельствуетъ, что данное лицо получило дозволеніе на отлучку и что оно не принадлежитъ *къ классу бѣглыхъ*. Паспортъ облегчаетъ органамъ полиціи вести надзоръ *за путешествующими* въ ихъ округѣ.

Несомнѣнно, полиція обязана наблюдать за всѣми, во-время пред-

преждать и пресѣкать преступленія. Но едва ли паспортъ помогаетъ полиціи въ дѣлѣ отправленія этой функціи. Продолжительный опытъ какъ у насъ, такъ и на западѣ Европы показываетъ, что паспортъ скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ: онъ мѣшаетъ цѣлямъ полицейскаго надзора, ибо искусственно *усыпляетъ бдительность полиціи*. Темныя личности, преступники всякаго рода всегда запасаются паспортами. Полиція требуетъ отъ лицъ, возбуждающихъ ея подозрѣніе, паспортовъ, видитъ, что они обрѣтаются въ исправности, прописываетъ ихъ и возвращаетъ по принадлежности,—а тамъ „хоть трава не расти"—ей все равно. Конечно, такое исполненіе обязанностей никакъ нельзя назвать разумнымъ и правильнымъ, но оно, тѣмъ не менѣе, логически необходимо при существующей паспортной системѣ. До тѣхъ поръ, пока паспортъ будетъ служить единственной рекомендаціей путешествующихъ, преступники всякаго рода, люди, обратившіе нарушеніе закона въ свою профессію, будутъ находиться, благодаря означенной рекомендаціи, внѣ дѣйствительнаго полицейскаго надзора; самая лучшая полиція будетъ парализована въ своей дѣятельности, предаваясь исключительно ея внѣшней сторонѣ, выполненію пустыхъ формальностей, въ родѣ прописки паспортовъ. Наоборотъ, благонадежные граждане, которымъ, можетъ быть, некогда заниматься выполненіемъ сложныхъ паспортныхъ формальностей, дѣлаются жертвами неудобствъ означеннаго паспортнаго порядка, претерпѣваютъ многія невыгоды и усердно преслѣдуются полиціей. Такимъ образомъ, органы полицейскаго надзора, силою обстоятельствъ, вынуждены искать людей не съ преступными наклонностями, а безпаспортныхъ, либо съ просроченными паспортами. Безпаспортный—не преступникъ, а зачастую только невольный нарушитель неудобнаго закона. Для иллюстраціи этого вопроса мы приведемъ изъ массы фактовъ одинъ, на нашъ взглядъ, наиболѣе характерный *). Въ камерѣ одного изъ мировыхъ судей Петербурга обвиняется „ветхая, едва волочащая ноги, старуха" въ проживательствѣ безъ паспорта въ теченіе многихъ лѣтъ. На судѣ происходитъ любопытная, въ бытовомъ отношеніи, сценка.

— *Судья*. Признаёте себя виновной?

— *Старуха*. Въ чемъ же моя вина? Я живу въ Питерѣ съ той поры, какъ еще французъ приходилъ въ русскую землю, живу своими трудами и никогда въ судахъ не бывала.... За что же меня судить?

— *Судья*. Да вѣдь вы живете безъ паспорта?

— *Старуха*. А зачѣмъ онъ мнѣ? Я—человѣкъ старый, знаемый, живу много лѣтъ въ одномъ мѣстѣ, почто мнѣ пачпортъ?

---

*) Нѣкоторые изъ нихъ можно найти въ статьяхъ Михневича „Язвы Петербурга", печатавшихся въ „Наблюдателѣ" и вышедшихъ потомъ отдѣльнымъ изданіемъ.

Всѣ объясненія судьи ни къ чему не привели: старуха не могла понять, въ чемъ состоитъ ея преступленіе. Судья оштрафовалъ ее на 25 к. Такихъ безпаспортныхъ, по сообщеніямъ репортеровъ, въ Петербургѣ тысячи; многіе изъ нихъ (иногда по нѣсколько разъ каждый) судятся въ мировыхъ судахъ, и мировые судьи, вѣрные долгу службы, съ ея формальной стороны, налагаютъ копѣечные штрафы на преступниковъ этой категоріи.

Приведенный фактъ представляется, несомнѣнно, весьма поучительнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Въ Петербургѣ, гдѣ существуетъ бдительная полиція, безпаспортные имѣютъ возможность проживать очень долго, „съ той поры, какъ еще французъ приходилъ въ русскую землю“. Въ Петербургѣ полиція организована лучше, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ Россіи, вербуется изъ наиболѣе дѣятельнаго и пригоднаго элемента населенія; въ Петербургѣ существуютъ самыя строгія паспортныя правила, тратится много усилій на провѣрку правъ жительства, принимаются самыя энергическія мѣры къ поимкѣ безпаспортныхъ — и въ этомъ же самомъ Петербургѣ безпаспортные проживаютъ себѣ спокойно многіе годы. Но чтобы не быть голословнымъ и устранить отъ себя упрекъ въ поспѣшномъ обобщеніи, укажемъ на слѣдующія статистическія данныя, подтверждающія, какъ нельзя лучше, все вышесказанное. Съ 1868 по 1877 гг. включительно, т. е. за 10 лѣтъ, въ Петербургѣ ежегодно задерживалось полиціей, среднимъ числомъ, 17,411 человѣкъ (нищихъ, бродягъ и безпаспортныхъ). Изъ всего этого числа безпаспортные составляли не меньше половины, т. е. 8222 человѣка; дезертиры и бродяги—3818 чел. Вотъ эта таблица, расположенная по годамъ:

	безпаспорт.	брод. и дезерт.
Въ 1869 г.	1459	5000
„ 1870 „	9826	4666
„ 1871 „	7003	4311
„ 1872 „	6613	4533
„ 1873 „	6599	4576
„ 1874 „	7343	3730
„ 1875 „	8439	2510
„ 1876 „	8948	2796
„ 1877 „	7766	2245

Нужно принять во вниманіе, что это—задержанные полиціей; а сколько такихъ, которые живутъ со временъ нашествія француза и не попадаются въ руки блюстителей порядка—этого мы не знаемъ. Итакъ, *ежегодно полиція* задерживаетъ по нѣсколько тысячъ безпаспортныхъ, а, по *отбытіи наказанія*, высылаетъ ихъ изъ столицы, и ежегодно является на

ихъ мѣсто столько же новыхъ... Въ концѣ концовъ, очистить Петербургъ отъ безпаспортныхъ—дѣло невозможное и непосильное даже для петербургской полиціи.

Но всѣ эти безпаспортные, какъ видно, люди „непросвѣщенные, глупые". „Умные и ловкіе люди" вотъ что дѣлаютъ. Въ Петербургѣ, по словамъ г. Михневича, есть такія счастливыя мѣста, гдѣ за очень дешевую цѣну, которая мѣняется въ зависимости отъ полицейской бдительности въ ту или другую минуту, можно достать видъ на жительство „по своему вкусу, изъ какой угодно мѣстности, съ особыми примѣтами, по всей формѣ, съ гербовыми марками, печатями и начальственными подписями". Люди, которые привыкли заботиться о себѣ и принимать мѣры предосторожности противъ всевозможныхъ случайностей, знаютъ эти укромные уголки и пользуются услугами добрыхъ людей.

Недаромъ нашъ народъ охарактеризовалъ послѣдствія неудобныхъ и тяжелыхъ законовъ въ слѣдующей поговоркѣ: „законъ, что паутина: шмель проскочитъ, а муха увязнетъ". Какъ глубоко вѣрна эта поговорка въ примѣненіи къ данному случаю, и какое гнетущее чувство вызываетъ она! Ловкій всюду пролѣзетъ, а слабому—гибель, слабый беззащитенъ.

Въ способахъ обойти законъ „шмели" недостатка не испытываютъ. Фабрикація паспортовъ, при существующихъ средствахъ техники, для всѣхъ доступныхъ, — дѣло очень легкое. Стоитъ только взглянуть на исторію послѣднихъ политическихъ процессовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. При обычныхъ арестахъ политическихъ преступниковъ, забираются цѣлыя кипы паспортовъ. У политическихъ преступниковъ, паспорты всегда обрѣтаются въ полномъ порядкѣ. Между тѣмъ полицейскій надзоръ, полагаясь на силу паспортнаго наблюденія, не практикуетъ прочихъ способовъ полицейскаго наблюденія, которые успѣшно примѣняются на Западѣ. Все это приводитъ къ заключенію, что паспортъ, теоретически предназначенный содѣйствовать полицейскому надзору, на практикѣ мѣшаетъ только его дѣятельности, обращая ее въ пустую формальность.

Намъ могутъ возразить, что все это такъ, что у насъ паспортное наблюденіе дѣйствительно изъ рукъ вонъ плохо, но что виною тому не само паспортное учрежденіе, а наша полиція,—ея исконная неспособность, небрежность, „халатное" отношеніе къ обязанностямъ надзора. Но едва ли это возраженіе справедливо и убѣдительно. Наша полиція, собственно говоря, потому и плоха и неспособна, что на нее взваливаютъ массу невыполнимыхъ обязанностей. Всякая другая полиція на ея мѣстѣ, будь она даже столь энергичной и дѣятельной, какъ англійская, ничего бы здѣсь не подѣлала. Наша паспортная система настолько устарѣла, такъ сильно сдавливаетъ все развивающуюся народную жизнь, что выполненіе ея на практикѣ *дѣлается невозможнымъ*. Если мы пожелаемъ нѣсколько *Расширить поле наблюденій*, то узнаемъ, что на Западѣ, гдѣ тоже дол-

гое время существовала строгая паспортная система съ полицейскими цѣлями, европейская полиція, не смотря на ея хорошую репутацію, вела дѣло полицейскаго надзора крайне слабо и безуспѣшно. Послѣ многолѣтняго опыта, тамъ пришли къ непреклонному убѣжденію, что слѣдить нужно *не по паспортамъ* и прочимъ документамъ, которые, стѣсняя индивидуальную свободу гражданъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не приносятъ никакой пользы для дѣятельности полицейскаго надзора. Полиція должна слѣдить за всѣми и усиливать свой надзоръ тогда, когда кто либо покажется ей лицомъ подозрительнымъ, чтобы быть всегда наготовѣ помѣшать исполненію задуманнаго имъ преступленія. Если кто возбуждаетъ ея подозрѣніе, она вправѣ потребовать отъ такого лица свѣдѣній о его званіи, мѣстѣ жительства, цѣли путешествія. При такомъ порядкѣ, подозрительныя и темныя личности не уйдутъ отъ полицейскаго наблюденія, а благонадежные граждане не будутъ отвлекаемы отъ своихъ личныхъ заботъ и дѣлъ исполненіемъ различныхъ стѣснительныхъ формальностей. „Путешествіе гражданъ въ предѣлахъ отечества—говоритъ Моль—не должно быть стѣсняемо никакими задержками и тяжелыми условіями, и если отъ такой свободы и произошли бы какія либо неудобства и неустройства, то они все таки были бы значительно менѣе тѣхъ, которыя были бы послѣдствіемъ строгихъ паспортныхъ правилъ".

Мы привели здѣсь указаніе на западную Европу, чтобы устранить возраженіе: виновата полиція, но не паспортная система. Но и помимо этого, разсмотрѣніе самаго существа нашего паспортнаго порядка приводитъ къ тому же выводу: граждане тратятъ время и деньги на выполненіе безчисленныхъ паспортныхъ формальностей, а полиція не имѣетъ возможности вести правильный надзоръ за населеніемъ.

Паспортная комисія 1870—1875 года выслушивала, какъ извѣстно, мнѣніе наиболѣе выдающихся представителей полиціи касательно полицейскаго значенія паспортовъ. Вотъ мнѣніе начальника петербургской сыскной полиціи: „Какъ средство розыска, паспорты не только не облегчаютъ дѣйствій полиціи, но часто *затрудняютъ* ее, или *скрывая* преступника подъ ложнымъ именемъ, или же побуждая предпринимать напрасные поиски за лицомъ невиннымъ, но навлекающимъ на себя подозрѣніе по неимѣнію „законнаго вида". Такимъ образомъ, даже такіе знатоки сыскнаго дѣла, какъ г. Путилинъ, должны были признать, что лицо можетъ не имѣть законнаго вида и, въ то же время, быть „невиннымъ"; между тѣмъ, по смыслу нашего паспортнаго законодательства, всякій, не имѣющій законнаго вида, т. е. безпаспортный, представляетъ зародышъ преступника, и на этомъ основаніи противъ него принимаются суровыя мѣры.

Не безъинтересно будетъ ознакомиться со взглядами и другихъ *экспертовъ полицейской части* на паспортъ, какъ на полицейское средство, во-первыхъ, потому, что ихъ мнѣнія своеобразно освѣщаютъ паспортный вопросъ.

во-вторыхъ, и потому, что они авторитетны, какъ свидѣтельство свѣдущихъ, знакомыхъ съ практикою, людей.

„Долголѣтняя практика обнаружила, что лица, по поведенію своему имѣющія интересъ и поводъ скрываться отъ наблюденія или преслѣдованія, съ особой заботливостью принимаютъ мѣры къ снабженію себя видами, по внѣшности и по формѣ удовлетворяющими всѣмъ законнымъ требованіямъ. Виды эти, составленные собственно на чужое, иногда даже вымышленное имя, служатъ, за отсутствіемъ всякихъ поводовъ къ сомнѣнію въ ихъ подлинности, наилучшимъ средствомъ къ замаскированію личности въ глазахъ полиціи. Открывать подобныя злоупотребленія весьма трудно. Для этого необходимы со стороны самого виновнаго какія нибудь дѣйствія, возбуждающія сомнѣніе въ его самоличности. При отсутствіи же этихъ дѣйствій, предъявляемый видъ, вводя въ заблужденіе органы полицейской власти, устраняетъ съ успѣхомъ препятствія къ свободному проживательству укрывающагося и служитъ ему, такимъ образомъ, средствомъ не только къ уклоненію отъ наказанія за преступленіе, уже содѣянное, но нерѣдко и къ совершенію новыхъ преступленій.

„Еще бо̀льшее затрудненіе для полиціи, съ болѣе вредными для общества послѣдствіями, влечетъ за собой паспортная система въ примѣненіи ея къ лицамъ, по поведенію своему и нравственнымъ свойствамъ, вполнѣ *благонадежнымъ*. Подвергая такихъ лицъ за неисправность въ паспортѣ или за несвоевременное его полученіе, нерѣдко отъ нихъ независящее, преслѣдованію наравнѣ съ бродягами, законъ побуждаетъ ихъ скрываться отъ полиціи въ различнаго рода тайныхъ притонахъ, и тѣмъ не только уиножаетъ число требующихъ тщательнаго полицейскаго надзора, но весьма часто вовлекаетъ многихъ въ такого рода преступныя дѣйствія, какихъ они, конечно, не совершили бы при другихъ условіяхъ“.

Итакъ, по авторитетному свидѣтельству представителей самой полиціи, наша паспортная система не только не помогаетъ надзору, но *усложняетъ и затрудняетъ его*; а, кромѣ того, *умножаетъ количество преступниковъ*. Иллюстраціей къ этому можетъ служить слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ Петербургѣ.

На скамьѣ подсудимыхъ, по обвиненію въ проживательствѣ по подложному виду, очутилась 40-лѣтняя крестьянка, по сообщенію стенографа, „весьма приличная женщина“. На судѣ разсказала она свою біографію въ весьма трогательныхъ выраженіяхъ. Жизнь ея до замужства была непривлекательной, но стала въ тысячу разъ хуже по выходѣ замужъ. Мужа оне не любила, и выдали-то ее насильно за злаго и жестокаго человѣка, который билъ ее, нещадно мучилъ, тиранилъ и пр. Подсудимая возъимѣла желаніе уйти отъ него, куда глаза глядятъ, и обратилась съ просьбою *къ своей невѣсткѣ-солдаткѣ* (вдовѣ) передать ей свой паспортъ; та за *3 рубля исполнила просьбу*. Подсудимая цѣлыхъ десять лѣтъ проживала

„въ прислугахъ“ по этому „вѣчному“ паспорту, но на ея бѣду подлогъ въ концѣ концовъ обнаружился... Судъ присяжныхъ оправдалъ „преступницу“ *).

Очевидно, что здѣсь судъ имѣлъ дѣло съ несчастной жертвой нашей паспортной системы. Женѣ стало невмоготу жить съ жестокимъ мужемъ, она *вынуждена* жить отдѣльно отъ него, но не вправѣ этого сдѣлать по неимѣнію паспорта (мужъ конечно, не позволитъ его, выдать). Какъ тутъ быть? Легальныхъ средствъ, которыя выручили бы, — нѣтъ; остается путь преступленій... Кто здѣсь, спрашивается, сдѣлалъ изъ порядочной женщины преступницу? Конечно, устарѣлыя паспортныя правила. Такихъ преступницъ много, очень много. Полиція обязана ихъ задерживать, судебный слѣдователь — заключать въ тюрьму и производить предварительное слѣдствіе, прокуроръ—обвинять, а судъ народной совѣсти— оправдывать. Государство тратитъ силы и деньги, преступникъ томится въ заключеніи и развращается въ обществѣ дурныхъ людей, и все это для того, чтобы народная совѣсть сказала: „нѣтъ, не виновенъ“.

Большой интересъ представляютъ также показанія экспертовъ касательно явки паспортовъ. Оказывается, что многіе считаютъ ненужнымъ заявлять о своемъ прибытіи, такъ какъ разсчитываютъ пробыть въ новомъ мѣстѣ самое короткое время. Паспортовъ такія лица обыкновенно вовсе не берутъ при выѣздѣ изъ мѣста постояннаго жительства. Иные же хотя и имѣютъ у себя паспортъ, но не рѣшаются однако его предъявить, справедливо опасаясь задержки отъ длинной процедуры явки. Находятся и такіе, которые какъ нибудь затеряли свои виды и потому не могутъ ихъ представить. Въ общемъ, благодаря множеству такого рода фактовъ, явка теряетъ предположенное значеніе. По вразумительному показанію одного изъ экспертовъ, въ одномъ общеизвѣстномъ домѣ въ Петербургѣ, гдѣ по свѣдѣніямъ мѣстной полиціи живетъ до 1000 человѣкъ, на самомъ дѣлѣ живетъ вдвое больше.

Всѣ соображенія и фактическія данныя, приведенныя выше, безповоротно убѣждаютъ насъ, что паспортъ, какъ орудіе полицейскаго надзора, на практикѣ не только не достигаетъ предположенныхъ результатовъ, а создаетъ прямо противоположные.

Но паспортъ, кромѣ того, существуетъ для *финансовыхъ* цѣлей государства, и только ими можно объяснить упорную живучесть паспортной системы, не смотря на очевидную несостоятельность ея въ полицейскомъ отношеніи.

А. Ляховецкій.

(Окончаніе будетъ).

---

*) *Кому* неизвѣстны случаи выхода замужъ городской прислуги за солдата *только потому*, что это замужество даетъ право на полученіе безсрочнаго паспорта? *Многія* простодушныя крестьянки въ этомъ откровенно сознаются.

АБДУЛАХЪ.

Разсказъ **Ферси Уайта.**

I.

Меня всегда интересовалъ Сельби, хотя онъ былъ человѣкъ въ высшей степени неразумный. У него было столько недостатковъ, что ими можно было надѣлить цѣлую семью. Мальчиками мы съ нимъ учились въ одной и той же приготовительной школѣ. Онъ былъ наслѣдникомъ крупнаго состоянія и находился подъ опекой. Не смотря на надзоръ правительственной опеки, богатые сироты дурно призрѣваются. Бѣдный Сельби! товарищи стали эксплуатировать его, прежде чѣмъ онъ выучилъ латинскія имена существительныя. Даже его опекунъ, я увѣренъ, жилъ на счетъ своего воспитанника, и мнѣ думается, что почтенный директоръ нашей школы бралъ за Сельби съ его опекуна вдвое болѣе, чѣмъ, напримѣръ, за меня съ моего отца. Ну, конечно, за это Сельби считался самымъ важнымъ ученикомъ — важнѣе даже чернаго, вѣчно зябнувшаго мальчика, съ кудрявыми, какъ баранья шерсть, волосами, бывшаго царскимъ сыномъ на своей далекой родинѣ.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ, у Сельби были свои собственныя оригинальныя воззрѣнія на нравственность. Онъ почему-то думалъ, что все принадлежало ему. Если ему хотѣлось чего нибудь, онъ бралъ желаемую вещь, даже изъ чужихъ столовъ. Я помню, что онъ взялъ у меня шесть пирожковъ, въ одно воскресенье, когда всѣ мы были въ церкви, а онъ оставался дома, вслѣдствіе желудочнаго разстройства. Я страшно взбѣсился, но директоръ взглянулъ на это дѣло болѣе чѣмъ снисходительно и сказалъ, что Сельби не долженъ позволять себѣ *подобныхъ шутокъ* по воскресеньямъ, а что я подѣломъ *наказанъ за свою* жадность. Я назвалъ Сельби мазурикомъ,

но онъ далъ мнѣ перочинный ножичекъ съ такимъ множествомъ лезвій, что я тотчасъ же успокоился. Онъ, не стѣсняясь, отдавалъ свои вещи, какъ и бралъ чужія.

Наша школа помѣщалась неподалеку отъ дома опекуна Сельби, и по праздникамъ я ходилъ къ нимъ играть, но не очень любилъ бывать тамъ. У Сельби было множество игрушекъ, которыя онъ безпощадно ломалъ, а мнѣ онъ страшно надоѣдалъ разными химическими опытами, результатами которыхъ были прожженныя желтыя пятна на его платьѣ, распространявшія отвратительный запахъ. Окружающіе льстили ему и увѣряли, что онъ очень способенъ къ научнымъ изслѣдованіямъ. Дѣйствительно мальчикъ этотъ былъ золотымъ тельцомъ. Въ среднемъ учебномъ заведеніи Сельби не могъ идти съ классомъ, и вмѣсто познаній пріобрѣлъ преждевременную склонность къ коньяку и содовой водѣ, вслѣдствіе чего директоръ посовѣтовалъ опекуну взять его и отдать въ частный пансіонъ. Спустя нѣсколько времени, я встрѣтилъ Сельби уже въ Оксфордѣ. Мы были сначала на одномъ и томъ же факультетѣ, но затѣмъ онъ былъ исключенъ изъ университета, и я потерялъ его изъ виду. Я женился и поселился въ деревнѣ въ Девоншайрѣ, а онъ продолжалъ прожигать жизнь. Однажды, въ іюлѣ, пріѣхавъ зачѣмъ-то въ Лондонъ, я наткнулся на Гильтона, выходившаго изъ клуба. Онъ былъ со мной и съ Сельби въ одной школѣ.

— А я какъ разъ отправляюсь къ одному нашему общему знакомому, сказалъ онъ.

— Къ кому? спросилъ я.

— Къ Сельби. Онъ только что вернулся изъ Египта, гдѣ разъигрывалъ роль паши. Ѣдемте къ нему.

Мы поѣхали. Насъ провели въ роскошно меблированныя комнаты, уставленныя массою вещей, доказывавшихъ знакомство хозяина съ таинственнымъ востокомъ. По стѣнамъ висѣли трубки съ длинными чубуками, страшные кинжалы и другое смертоносное оружіе. Въ стекляномъ ящикѣ, между другими рѣдкостями, лежало даже нѣчто въ родѣ куска муміи, и самый воздухъ въ комнатѣ былъ пропитанъ запахомъ, свойственнымъ *восточнымъ* товарамъ.

— *Паша*, сказалъ мнѣ Гильтонъ:—хочетъ поразить насъ *своимъ великолѣпіемъ*.

Въ комнату вошелъ Сельби въ туфляхъ и въ фескѣ на головѣ, и радушно привѣтствовалъ насъ. Онъ значительно потолстѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ нимъ не видались. Губы у него нѣсколько обвисли, а глаза показались мнѣ мутными. Онъ сообщилъ мнѣ, что слышалъ о моемъ бракѣ, и выразилъ надежду, что я счастливъ.

— Да, вы всегда были солиднымъ человѣкомъ, съ покровительственнымъ видомъ замѣтилъ онъ, точно его безпорядочная жизнь должна была считаться чѣмъ-то высшимъ.

— А вы всегда были склонны высоко летать, сказалъ я. —Я отъ васъ ожидалъ многаго съ того дня, какъ вы прокатились съ лѣстницы въ университетѣ на подносѣ.

— На подносѣ? повторилъ Гильтонъ, недовѣрчиво глядя на тучную фигуру Сельби.—Неужели вы помѣстились на подносѣ?

— Помѣстился! сказалъ я:—помните?

— Ничего не помню, смѣясь, отвѣчалъ онъ.

Гильтонъ смотрѣлъ на меня, ожидая объясненія.

— Нѣсколько человѣкъ студентовъ пришли въ комнату Сельби „на вино", какъ у насъ говорилось,—началъ я, глядя въ лицо Сельби, который, вспомнивъ о происшествіи, просіялъ.—Когда студенты шумно вышли изъ его комнаты, хозяинъ пожелалъ имъ показать канадскій способъ передвиженія, какъ онъ выражался, и, усѣвшись на подносъ, скатился съ лѣстницы, быстро и шумно, какъ лавина. Это катанье такъ ему понравилось, что онъ пожелалъ повторить его, но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Онъ зажегъ нѣсколько петардъ и скатился съ ними, говоря, что хочетъ походить на комету съ яркимъ хвостомъ. Петарды лопались, производя такой адскій гвалтъ, что весь университетъ всполошился и выскочилъ посмотрѣть, что случилось. Сельби сидѣлъ на подносѣ внизу лѣстницы и бормоталъ что-то непонятное.

— И что же было на слѣдующій день? спросилъ Гильтонъ, находя исторію эту весьма забавной.

— Меня выгнали, отвѣчалъ Сельби:—находя, что я, по своимъ наклонностямъ, долженъ заниматься въ циркѣ, а не въ университетѣ. Но вамъ, господа, вѣрно хочется что нибудь *выпить?*

Онъ вдругъ сильно захлопалъ въ ладоши.

— Мистеръ Сельби находится въ такомъ положеніи, что знакомымъ его слѣдовало бы позаботиться о немъ.

Сельби я засталъ въ гостинной, въ креслѣ. Нельзя было не замѣтить, что онъ сильно пилъ все это время. Серебряные кубки его хозяина, стоявшіе на этажеркѣ, значительно поубавились, и я догадался, куда ихъ носилъ Абдулахъ.

— Ну, какъ поживаете, Сельби? спросилъ я.

— Усталъ немножко, отвѣчалъ онъ, не вставая съ кресла и поднимая на меня глаза.

— Я пришелъ къ вамъ вотъ по этому дѣлу, сказалъ я, показывая ему данный мнѣ чекъ.

Онъ посмотрѣлъ на него, точно не узнавая.

— Чей это чекъ?

— Да вашъ. Мнѣ его изъ банка вернули. Я вѣдь вамъ объ этомъ писалъ. Развѣ не помните?

— Нѣтъ, у меня такая плохая память. Что-то, кажется, случилось съ моими деньгами... банкъ не намѣренъ почему-то выдавать ихъ. Всѣ меня обманывали и теперь обманываютъ!

— Ну, полноте обвинять другихъ, Сельби. Заплатите мнѣ сами.

Услыхавъ это, онъ вдругъ заплакалъ, какъ, бывало, плакалъ въ школѣ.

— Вы всегда были добрымъ малымъ, всхлипывая, говорилъ онъ:—я... заплачу вамъ, когда... получу... проценты.

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы поговорить съ нимъ о той жизни, которую онъ велъ.

— Подумайте, что съ вами будетъ, сказалъ я, глядя съ досадой, какъ онъ, ослабѣвъ отъ вина, заливался слезами:— надо постараться перемѣнить образъ жизни.

— Къ чорту мнѣ надо отправляться, туда мнѣ и дорога, въ отчаяніи говорилъ онъ. — Но со мною дурно поступили. Кто не бралъ у меня денегъ? а теперь всѣ напали на меня. И даже этотъ шотландецъ, этотъ воръ Дугаль, который надулъ меня на „Аркадіи“, смѣетъ говорить всѣмъ, что я обманулъ его.

При этомъ воспоминаніи, онъ такъ разгорячился, что слезы его тотчасъ же высохли.

— Надо бросить пить, продолжалъ я, въ то время какъ онъ грязнымъ платкомъ обтиралъ глаза. — Подумайте объ

янами, отвѣчалъ Сельби.—Онъ тоже ходилъ когда-то съ обезьяной. Больше этого онъ по англійски не говоритъ.

Съ немалымъ трудомъ заставилъ онъ Абдулаха понять, что надо сходить за виномъ, и во время его отсутствія разсказалъ намъ, какъ онъ съ нимъ познакомился.

Однажды, стоя на якорѣ на Нилѣ, въ какомъ-то пустынномъ мѣстѣ, они были встревожены криками и звуками ударовъ на берегу. Одинъ изъ проводниковъ Сельби выстрѣлилъ изъ ружья, и они услыхали, что кто-то удалялся по мягкому песку. Подъѣхавъ къ берегу, они нашли Абдулаха со страшно разбитой головой, но еще съ признаками жизни. Его принесли на корабль, и онъ пришелъ въ себя. Сельби не зналъ, за что Абдулахъ былъ такъ избитъ, но подозрѣвалъ, что въ этомъ дѣлѣ была замѣшана какая-то женщина; но такъ какъ онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ограбленъ, то утверждать что нибудь положительное—было трудно.

— Онъ оказался отличнымъ парнемъ, продолжалъ Сельби:—и выказалъ безконечную благодарность. Онъ сберегъ мнѣ кучу денегъ, не позволяя другимъ грабить меня.

Зная, какая судьба ожидала въ будущемъ Сельби, я отъ души пожалѣлъ, что онъ не встрѣтилъ такого же вѣрнаго слугу въ числѣ своихъ соотечественниковъ.

Абдулахъ вернулся съ подносомъ и съ различными напитками, подъ вліяніемъ которыхъ Сельби сдѣлался болтливѣе и сообщилъ уже извѣстные намъ факты—какъ онъ поистратился, живя въ Египтѣ царькомъ, и какъ настойчиво одолѣвала его съ каждымъ днемъ увеличивающаяся толпа кредиторовъ.

— Къ счастію, они еще не знаютъ, въ какихъ я страшныхъ тискахъ. Я вѣдь живу своей прошлой репутаціей богача.

Онъ посмотрѣлъ на насъ съ такимъ видомъ, точно ожидалъ, что мы придемъ въ восторгъ отъ его ловкости.

— Долго вѣдь такъ жить, нельзя, прямо сказалъ Гильтонъ.—Что же вы думаете дѣлать?

— Я нашелъ средство поправить свои обстоятельства, *лукаво отвѣчалъ онъ.*

Помолчавъ немного, онъ подъ строжайшей тайной сооб-

то вспомните обо мнѣ. Я могу поддержать вашу рекомендацію.

Онъ былъ способенъ сказать, чтобы я поручился за него.

— Вамъ незачѣмъ говорить, что я люблю выпить, прибавилъ онъ:—но я брошу пить.

Я обѣщалъ, что если услышу что нибудь подходящее для него, то непремѣнно похлопочу, и оставилъ его въ сладкой надеждѣ. Онъ всегда легко увлекался.

Черезъ нѣсколько шаговъ отъ дому, я встрѣтилъ Абдулаха безъ серебрянаго кубка, но зато съ черной бутылкой и со сверткомъ табаку въ рукахъ.

— Вотъ это, сказалъ я, останавливая его и сердито глядя на бутылку, которую онъ несъ, какъ ребенокъ куклу:—это главный врагъ вашего барина, Абдулахъ.

Онъ съ упрекомъ покачалъ своей измятой чалмой.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ:—это негодяй Дугаль... проклятый шотландецъ обокралъ барина.

Очевидно, простосердечный негръ приписывалъ журналисту всѣ бѣдствія своего господина.

— А хотѣлось бы вамъ уѣхать въ Египетъ, Абдулахъ? спросилъ я.

— Да, сэръ.

Въ голосѣ его послышалось что-то трогательное.

— Что вы дѣлаете цѣлый день?

— Утромъ прибираю за господиномъ; вечеромъ стою въ живыхъ картинахъ.

— Вамъ платятъ за это?

Онъ протянулъ незанятую руку, вытянулъ длинный, черный средній палецъ, а указательный согнулъ пополамъ.

— Вотъ что мнѣ платятъ, серьезно и гордо сказалъ онъ —шиллингъ и шесть пенсовъ. А иногда и больше.

— Что вы дѣлаете съ деньгами?

— Господинъ беретъ ихъ.

Я досталъ двѣ полукроны и положилъ ихъ на его черную ладонь.

— Вотъ вамъ маленькій подарокъ, проговорилъ я.

— Благодарю васъ, сэръ.

Онъ зажалъ деньги въ кулакъ.

— Что вы на нихъ сдѣлаете?

всегда присутствуетъ при моемъ обѣдѣ, и я думаю, что онъ позабавитъ васъ.

Пока я раздумывалъ, кто этотъ Самбо, я услыхалъ за дверями крики какого-то измученнаго или разъяреннаго животнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ увидалъ Абдулаха, тащившаго подставку на колесикахъ, къ которой была прикована на цѣпи обезьяна, какъ маленькій бѣснующійся Прометей къ своей скалѣ. Самбо визжалъ, грызъ цѣпь, рвался и, конечно, бросился бы на Абдулаха, еслибы цѣпь не была коротка.

— Такъ вотъ кто Самбо! сказалъ Дугаль.—Какой безобразный бѣсенокъ.

Обезьяну подвезли къ столу, и тутъ только она угомонилась. Подали обѣдать. Мы начали разсуждать о будущности „Аркадіи“. Дугаль осмѣялъ всѣ мои аргументы, доказывавшіе, что Сельби рисковалъ, пріобрѣтая газету.

— У меня громадная опытность въ газетномъ дѣлѣ, сказалъ онъ:—мы намѣрены создать что нибудь оригинальное... что нибудь между великосвѣтскимъ журналомъ и Пончемъ“. Успѣхъ будетъ несомнѣнный!—Онъ налилъ себѣ стаканъ шампанскаго и прибавилъ:—Успѣхъ будетъ несомнѣнный! не такъ ли, Сельби?

— Ну, конечно, отвѣчалъ Сельби, повидимому, пившій цѣлый день и потому едва ворочавшій языкомъ.

Тутъ начались различные тосты, въ которыхъ я, какъ человѣкъ трезвый, не могъ принимать участія. Этого обѣда мнѣ никогда не забыть! Абдулахъ, хотя и не подавалъ кушаній, но стоялъ безмолвно и апатично, какъ статуя, и только иногда пристально смотрѣлъ на своего, все болѣе пьянѣвшаго, господина. Мнѣ становилось досадно слушать увѣренія Дугаля, что всѣ мои литературные разсчеты не имѣютъ основаній, и я изучалъ восточную важность Абдулаха, которой не могъ повредить даже причудливый нарядъ, изобрѣтенный Сельби. Противъ него сидѣла на полкѣ обезьяна и, отвратительно гримасничая, выискивала въ своей шерсти блохъ, очевидно, страдая удушьемъ и тоской по родинѣ.

Не смотря на свою сдержанность, я все таки выпилъ *болѣе, чѣмъ слѣдовало,* и потому громко захохоталъ, когда Дугаль, *пустивъ дымъ* сигары въ лицо обезьяны, былъ наказанъ

[illegible]ски были найдены у Абдулаха; его привлекли къ допросу и завтра судятъ.

Тутъ я пожалѣлъ, что изъ ложной деликатности не спросилъ у Сельби о странныхъ похожденіяхъ египтянина, встрѣтившагося мнѣ съ серебромъ, и, вспомнивъ школьную безцеремонность Сельби, пришелъ къ твердому убѣжденію, что Абдулахъ былъ только исполнителемъ его приказаній. Не говоря ни слова, я пошелъ на слѣдующій день въ судъ. Никогда не забуду я этой сцены. Хотя она и была полна комизма, но смѣяться мнѣ вовсе не хотѣлось. На судѣ были: блѣдный и растерянный Сельби, взбѣшенный Гавеленд и Абдулахъ въ арестантскомъ платьѣ, но спокойный и важный. Онъ обращалъ свои печальные глаза то на одного, то на другаго и, очевидно, на половину не понималъ того, что говорилось.

Позвали Сельби. Какъ онъ былъ жалокъ на свидѣтельской скамьѣ! Его несвязный разсказъ былъ очень простъ. Онъ приказалъ своему слугѣ, говорилъ онъ:—прибрать куда нибудь вещи Гавеленда, чтобы онѣ не портились. Онъ полагалъ, что Абдулахъ ихъ спряталъ, но затѣмъ, къ немалому своему огорченію и негодованію, онъ вдругъ узналъ, что Абдулахъ ихъ заложилъ. Онъ отлично отзывался объ Абдулахѣ и съ трудомъ удержался отъ слезъ. Разсказъ этотъ подтвердился свидѣтельствомъ закладчика и полицейскимъ, нашедшимъ расписки въ ветхихъ шароварахъ Абдулаха. Разсказъ Сельби противорѣчилъ моему разговору съ Абдулахомъ, о которомъ я счелъ своимъ долгомъ сообщить суду. Мои показанія произвели сильное впечатлѣніе, а съ Сельби сдѣлался даже обморокъ. Но разсказъ мой не послужилъ на пользу Абдулаху, принявшему всю вину на себя.

— Вы закладывали вещи? спросилъ предсѣдатель.

— Да, сэръ, отвѣчалъ негръ.

— Отъ кого же?

— Отъ себя.

— А вашъ господинъ зналъ объ этомъ?

Абдулахъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ его баринъ и дрожалъ съ головы до ногъ, представляя себѣ всѣ ужасы тюрьмы, съ хлѣбомъ и водою.

— Господинъ не зналъ, живо отвѣчалъ египтянинъ.

Онъ слабо улыбнулся, и бѣлые зубы точно освѣтили его мрачное лицо.

— Что же вы дѣлали съ деньгами? спросилъ предсѣдатель.

— Покупалъ вещи, живо проговорилъ негръ.

— Какія вещи?

— Разныя... и гулялъ на эти деньги.

Ничего больше судъ не могъ добиться отъ Абдулаха. Онъ только и говорилъ:—„покупалъ вещи, кутилъ“.

Сельби былъ предложенъ вопросъ: платилъ ли онъ своему слугѣ жалованье.

— Въ послѣднее время не платилъ, лорды.

Судьи разсмѣялись,—неизвѣстно, надъ тѣмъ ли, что онъ назвалъ ихъ лордами, или надъ его отвѣтомъ.

Приговоръ послѣдовалъ весьма скоро. Въ одной изъ рѣчей было со смѣхомъ прибавлено, въ видѣ шутки—иногда допускаемой въ судѣ—что подсудимый, не получая жалованья и незнакомый съ обычаями западной жизни, можетъ быть, этимъ способомъ хотѣлъ получить вознагражденіе. Но, во всякомъ случаѣ, такъ какъ Абдулахъ самъ сознался въ томъ, что заложилъ чужія вещи, то и былъ приговоренъ къ шестинедѣльному заключенію и арестантскимъ работамъ. Приговоръ былъ объявленъ египтянину цвѣтущимъ чиновникомъ, растопырившимъ шесть пальцевъ передъ его физіономіей.

— На шесть недѣль въ тюрьму? спросилъ Абдулахъ, глядя на шесть жирныхъ красныхъ пальцевъ.

— Да.

— Такъ кто же будетъ ходить за господиномъ?

И безмятежное спокойствіе его лица смѣнилось тревожнымъ подергиваніемъ. Абдулаха, задыхавшагося отъ кашля, увели изъ залы суда, а Сельби, окруженный нѣсколькими родственниками, плача, проговорилъ:

— Можно ли было подумать, чтобъ Абдулахъ сдѣлалъ это! Такой честный парень!

Я прошелъ мимо несчастнаго, въ то время какъ онъ отиралъ свои, всегда готовыя литься, слезы, не обративъ на него ни малѣйшаго вниманія, такъ какъ я былъ вполнѣ убѣжденъ, что Абдулахъ принесъ себя въ жертву своему безчестному господину, дѣлавшему, въ свою очередь, видъ, будто онъ меня

не замѣчаетъ. Черезъ нѣсколько дней, я услыхалъ, что родные отправили Сельби во Францію къ какому-то доктору, и болѣе я его ужъ не видалъ. Лѣченіе оказалось настолько успѣшнымъ, что черезъ восемнадцать мѣсяцевъ оно убило Сельби, къ немалому удовольствію родныхъ и къ огорченію врача.

IV.

Что же сталось съ Абдулахомъ? Признаюсь, совѣсть меня постоянно мучила, когда я вспоминалъ о немъ. Кому нибудь слѣдовало помочь ему по выходѣ изъ тюрьмы. Живя въ деревнѣ, мнѣ пришлось оставить египтянина на произволъ судьбы. Такимъ образомъ и вышло, что Абдулахъ перешелъ изъ небольшой тюрьмы, гдѣ онъ былъ сытъ и согрѣтъ, въ обширную тюрьму, гдѣ онъ умиралъ съ голоду и съ холоду. Я не могъ узнать ничего о его бѣдствіяхъ, но былъ свидѣтелемъ ихъ конечнаго результата.

Я жилъ, въ это время, въ Девоншайрѣ. Лѣто было сырое и холодное, дожди шли цѣлыми днями, что, однако, не избавляло меня отъ необходимости ѣздить въ нашъ городокъ по дѣламъ. Возвращаясь однажды домой въ сумерки, когда, не смотря на рѣзкій вѣтеръ, съ болотъ поднимается туманъ, я вдругъ увидалъ какую-то странную фигуру.

Остановивъ лошадь, я, съ болью въ сердцѣ, узналъ Абдулаха. Изъ-подъ чалмы виднѣлось худое черное лицо, съ глазами, закрывавшимися отъ усталости. Я соскочилъ съ лошади и подошелъ къ нему, но онъ не пошевельнулся. Его широкіе красные шаровары были всѣ въ грязи, а измятая куртка и рубашка висѣли на немъ, какъ мокрый флагъ на затонувшимъ суднѣ. Изъ стоптанныхъ ботинокъ съ резинками, вовсе не подходившихъ къ его восточному костюму, торчали черные пальцы. Худое, изнуренное черное лицо, ввалившаяся узенькая грудная клѣтка слишкомъ ясно говорили о его страданіяхъ.

Бѣдный, великодушный дикарь, какъ негостепріимно былъ онъ принятъ западной цивилизаціей! Онъ лежалъ тутъ, въ мокромъ болотѣ, и, закрывъ глаза, отдался на произволъ вѣтру и дождю.

— Да. Онъ обманщикъ! мошенникъ! очевидно, какъ попугай, повторялъ Абдулахъ то, что слышалъ отъ своего барина.

Тутъ послышался изъ сосѣдней комнаты голосъ Сельби, крикнувшій: „Абдулахъ!“ и негръ съ почтительной поспѣшностью бросился на зовъ, а я остался одинъ. Когда же Сельби вошелъ въ комнату, я былъ пораженъ происшедшею въ немъ перемѣною. Глаза у него были красны и смотрѣли совершенно безсмысленно; онъ распространялъ вокругъ спиртуозный запахъ и несомнѣнно уже приложился къ черной бутылкѣ, только что принесенной ему Абдулахомъ.

— Очень, очень радъ видѣть васъ, сказалъ онъ:—теперь мало кто навѣщаетъ меня. Вы, конечно, уже знаете о постигшемъ меня дурацкомъ несчастіи. Вѣдь шотландскій воръ надулъ меня съ „Аркадіей“.

Послѣ этого онъ началъ плакаться на свое несчастіе, говоря, что онъ подъискиваетъ себѣ какую нибудь работу и желалъ бы загладить прошлое. Подобные люди обыкновенно говорятъ такъ и собираются быть добродѣтельными уже слишкомъ поздно. Мнѣ показалось, что Сельби говорилъ неискренно. Передъ уходомъ, я далъ ему пятифунтовую бумажку взамѣнъ его чека, по которому я могъ получить только черезъ десять дней. Я не очень удивился, когда банкиръ вернулъ мнѣ этотъ чекъ, говоря, что онъ никуда не годится. Я написалъ объ этомъ Сельби, но тотъ ничего не отвѣтилъ, и мнѣ пришлось въ концѣ концовъ пойти къ нему самому. По дорогѣ къ Сельби, я опять встрѣтилъ въ переулкѣ Абдулаха. Онъ несъ большой серебряный кубокъ.

— Что это вы намѣрены дѣлать съ этой штукой, Абдулахъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Хочу продать... Господину нужны деньги, просто отвѣчалъ онъ, точно это была вещь самая обыкновенная.

Вспомнивъ о школьной жизни Сельби и о своихъ пирожкахъ, я изумился еще болѣе. Это серебро принадлежало Гавеленду, у котораго жилъ Сельби; но какъ же онъ могъ продавать чужое? Пока я раздумывалъ объ этомъ, Абдулахъ вошелъ въ лавку съ увѣренностью человѣка, постоянно исполняющаго подобныя порученія. Войдя въ сѣни дома, гдѣ жилъ Сельби, я былъ встрѣченъ кѣмъ-то въ родѣ привратника, *обратившагося ко мнѣ* съ такими словами:

нѣ онъ далъ мнѣ перочинный ножичекъ съ такимъ множествомъ лезвій, что я тотчасъ же успокоился. Онъ, не стѣсняясь, отдавалъ свои вещи, какъ и бралъ чужія.

Наша школа помѣщалась неподалеку отъ дома опекуна Сельби, и по праздникамъ я ходилъ къ нимъ играть, но не очень любилъ бывать тамъ. У Сельби было множество игрушекъ, которыя онъ безпощадно ломалъ, а мнѣ онъ страшно надоѣдалъ разными химическими опытами, результатами которыхъ были прожженныя желтыя пятна на его платьѣ, распространявшія отвратительный запахъ. Окружающіе льстили ему и увѣряли, что онъ очень способенъ къ научнымъ изслѣдованіямъ. Дѣйствительно мальчикъ этотъ былъ золотымъ тельцомъ. Въ среднемъ учебномъ заведеніи Сельби не могъ идти съ классомъ, и вмѣсто познаній пріобрѣлъ преждевременную склонность къ коньяку и содовой водѣ, вслѣдствіе чего директоръ посовѣтовалъ опекуну взять его и отдать въ частный пансіонъ. Спустя нѣсколько времени, я встрѣтилъ Сельби уже въ Оксфордѣ. Мы были сначала на одномъ и томъ же факультетѣ, но затѣмъ онъ былъ исключенъ изъ университета, и я потерялъ его изъ виду. Я женился и поселился въ деревнѣ въ Девоншайрѣ, а онъ продолжалъ прожигать жизнь. Однажды, въ іюлѣ, пріѣхавъ зачѣмъ-то въ Лондонъ, я наткнулся на Гильтона, выходившаго изъ клуба. Онъ былъ со мной и съ Сельби въ одной школѣ.

— А я какъ разъ отправляюсь къ одному нашему общему знакомому, сказалъ онъ.

— Къ кому? спросилъ я.

— Къ Сельби. Онъ только что вернулся изъ Египта, гдѣ разъигрывалъ роль паши. Ѣдемте къ нему.

Мы поѣхали. Насъ провели въ роскошно меблированныя комнаты, уставленныя массою вещей, доказывавшихъ знакомство хозяина съ таинственнымъ востокомъ. По стѣнамъ висѣли трубки съ длинными чубуками, страшные кинжалы и другое смертоносное оружіе. Въ стекляномъ ящикѣ, между другими рѣдкостями, лежало даже нѣчто въ родѣ куска муміи, и самый воздухъ въ комнатѣ былъ пропитанъ запахомъ, свойственнымъ *восточнымъ* товарамъ.

— *Паша*, сказалъ мнѣ Гильтонъ:—хочетъ поразить насъ *своимъ великолѣпіемъ*.

Въ комнату вошелъ Сельби въ туфляхъ и въ фескѣ на головѣ, и радушно привѣтствовалъ насъ. Онъ значительно потолстѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ мы съ нимъ не видались. Губы у него нѣсколько обвисли, а глаза показались мнѣ мутными. Онъ сообщилъ мнѣ, что слышалъ о моемъ бракѣ, и выразилъ надежду, что я счастливъ.

— Да, вы всегда были солиднымъ человѣкомъ, съ покровительственнымъ видомъ замѣтилъ онъ, точно его безпорядочная жизнь должна была считаться чѣмъ-то высшимъ.

— А вы всегда были склонны высоко летать, сказалъ я. —Я отъ васъ ожидалъ многаго съ того дня, какъ вы прокатились съ лѣстницы въ университетѣ на подносѣ.

— На подносѣ? повторилъ Гильтонъ, недовѣрчиво глядя на тучную фигуру Сельби.—Неужели вы помѣстились на подносѣ?

— Помѣстился! сказалъ я:—помните?

— Ничего не помню, смѣясь, отвѣчалъ онъ.

Гильтонъ смотрѣлъ на меня, ожидая объясненія.

— Нѣсколько человѣкъ студентовъ пришли въ комнату Сельби „на вино“, какъ у насъ говорилось,—началъ я, глядя въ лицо Сельби, который, вспомнивъ о происшествіи, просіялъ.—Когда студенты шумно вышли изъ его комнаты, хозяинъ пожелалъ имъ показать канадскій способъ передвиженія, какъ онъ выражался, и, усѣвшись на подносъ, скатился съ лѣстницы, быстро и шумно, какъ лавина. Это катанье такъ ему понравилось, что онъ пожелалъ повторить его, но въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Онъ зажегъ нѣсколько петардъ и скатился съ ними, говоря, что хочетъ походить на комету съ яркимъ хвостомъ. Петарды лопались, производя такой адскій гвалтъ, что весь университетъ всполошился и выскочилъ посмотрѣть, что случилось. Сельби сидѣлъ на подносѣ внизу лѣстницы и бормоталъ что-то непонятное.

— И что же было на слѣдующій день? спросилъ Гильтонъ, находя исторію эту весьма забавной.

— Меня выгнали, отвѣчалъ Сельби:—находя, что я, по своимъ наклонностямъ, долженъ заниматься въ циркѣ, а не въ университетѣ. Но вамъ, господа, вѣрно хочется что нибудь *выпить?*

Онъ вдругъ сильно захлопалъ въ ладоши.

— Что это? Кому вы аплодируете? съ удивленіемъ спросилъ Гильтонъ.

— Это, чтобы не звонить, сказалъ Сельби, опрокидываясь на широкій диванъ и поднявъ ноги въ красныхъ туфляхъ.

На хлопанье въ комнату вошелъ негръ въ довольно странномъ костюмѣ, заимствованномъ частью отъ матадора, а частью отъ важнаго мусульманина. Огромная чалма и широкія шаровары напоминали востокъ, а короткая бархатная куртка и бѣлая рубашка напоминали матадоровъ, которыхъ мы привыкли видѣть въ маскарадахъ. Подъ черной кожей его щекъ замѣтна была алая кровь, но выраженіе лица было задумчивое и печальное. Онъ, очевидно, ни слова не понималъ изъ того, что мы говорили, и стоялъ передъ нами съ безсмысленнымъ выраженіемъ въ черныхъ глазахъ, представляя изъ себя граціозно-патетическій образъ среди нашей прозаической лондонской жизни. За стѣнами слышался непріятный уличный шумъ, и мальчишки рѣзкими голосами выкрикивали названія разныхъ газетъ. Между этимъ маленькимъ чернымъ человѣчкомъ и уличною жизнью не могло быть ни малѣйшаго сочувствія. Вся его любовь, очевидно, сосредоточивалась на его баринѣ, съ котораго онъ не спускалъ своихъ взоровъ.

— Кто онъ такой?

Сельби посмотрѣлъ на него, очевидно, очень довольный произведеннымъ на насъ впечатлѣніемъ.

— Я привезъ его изъ Египта, сказалъ онъ.—Зовутъ его Абдулахомъ.

— Развѣ это его національный костюмъ?

— Несовсѣмъ. Это, въ нѣкоторомъ родѣ, изобрѣтенная мною ливрея. Красиво, не правда ли?

— Очень, сказалъ я, въ то время какъ Сельби не безъ гордости любовался на своего лакея.

Гильтонъ пробовалъ поговорить съ нимъ, какъ говорилъ бы съ ребенкомъ иностраннаго происхожденія, но все таки, повидимому, тотъ не понялъ его.

— По англійски... говорите? спросилъ онъ.

Абдулахъ улыбнулся, показалъ два ряда крѣпкихъ бѣлыхъ зубовъ и отвѣчалъ что-то страннымъ горловымъ тономъ.

— Что онъ хочетъ сказать? спросилъ я.

— Онъ передразниваетъ каирскихъ мальчишекъ съ обезь-

янами, отвѣчалъ Сельби.—Онъ тоже ходилъ когда-то съ обезьяной. Больше этого онъ по англійски не говоритъ.

Съ немалымъ трудомъ заставилъ онъ Абдулаха понять, что надо сходить за виномъ, и во время его отсутствія разсказалъ намъ, какъ онъ съ нимъ познакомился.

Однажды, стоя на якорѣ на Нилѣ, въ какомъ-то пустынномъ мѣстѣ, они были встревожены криками и звуками ударовъ на берегу. Одинъ изъ проводниковъ Сельби выстрѣлилъ изъ ружья, и они услыхали, что кто-то удалялся по мягкому песку. Подъѣхавъ къ берегу, они нашли Абдулаха со страшно разбитой головой, но еще съ признаками жизни. Его принесли на корабль, и онъ пришелъ въ себя. Сельби не зналъ, за что Абдулахъ былъ такъ избитъ, но подозрѣвалъ, что въ этомъ дѣлѣ была замѣшана какая-то женщина; но такъ какъ онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ограбленъ, то утверждать что нибудь положительное—было трудно.

— Онъ оказался отличнымъ парнемъ, продолжалъ Сельби:—и выказалъ безконечную благодарность. Онъ сберегъ мнѣ кучу денегъ, не позволяя другимъ грабить меня.

Зная, какая судьба ожидала въ будущемъ Сельби, я отъ души пожалѣлъ, что онъ не встрѣтилъ такого же вѣрнаго слугу въ числѣ своихъ соотечественниковъ.

Абдулахъ вернулся съ подносомъ и съ различными напитками, подъ вліяніемъ которыхъ Сельби сдѣлался болтливѣе и сообщилъ уже извѣстные намъ факты—какъ онъ поистратился, живя въ Египтѣ царькомъ, и какъ настойчиво одолѣвала его съ каждымъ днемъ увеличивающаяся толпа кредиторовъ.

— Къ счастію, они еще не знаютъ, въ какихъ я страшныхъ тискахъ. Я вѣдь живу своей прошлой репутаціей богача.

Онъ посмотрѣлъ на насъ съ такимъ видомъ, точно ожидалъ, что мы придемъ въ восторгъ отъ его ловкости.

— Долго вѣдь такъ жить, нельзя, прямо сказалъ Гильтонъ.—Что же вы думаете дѣлать?

— Я нашелъ средство поправить свои обстоятельства, *лукаво отвѣчалъ онъ.*

Помолчавъ немного, онъ подъ строжайшей тайной со

и утѣшительнаго; видно было, что всѣ эти люди пригрѣлись тамъ, и мы съ еще большей надеждой причалили къ новому берегу.

Вообще это время, проведенное между небомъ и водой, оставило самое пріятное впечатлѣніе. Всѣ вокругъ были веселы. Кормили отлично. Каюты намъ дали прекрасныя. Каждому изъ насъ, не исключая и дѣтей, была отведена отдѣльная койка. Скажите объ этомъ нашему общему другу Р. Онъ еще въ Гамбургѣ дразнилъ насъ, что мы *уже* попались на удочку аферистовъ, не успѣвъ покинуть европейскаго берега. Мнѣ смѣшно вспомнить, какъ, подъ вліяніемъ такихъ инсинуацій и неопредѣленныхъ опасеній, мы обидѣли своими подозрѣніями почтеннаго нѣмца-агента и привели его въ справедливое негодованіе. Кстати замѣтить здѣсь, что, не смотря на нашу неопытность и полное незнаніе англійскаго языка, насъ никто ни разу не пытался ни обмануть, ни обсчитать, ни обокрасть, какъ этого ожидали всѣ наши русскіе друзья.

Дѣти съ утра до ночи были на палубѣ, любовались на прозрачную зеленую воду, на большихъ морскихъ птицъ и маленькихъ ласточекъ, которыя летѣли все время за нами. Множество дельфиновъ прыгало вокругъ корабля; попадались и киты. Страшно было во время тумана: свистокъ почти не прерывался. Его густой, низкій звукъ производилъ впечатлѣніе чего-то фатальнаго и наводилъ тоску. Иногда мы слышали невдалекѣ отвѣтные свистки, и какой нибудь встрѣчный пароходъ проходилъ близехонько отъ насъ. Но его можно было только угадывать по неясному свѣту огней, почти терявшихся въ туманѣ. На палубѣ шли разговоры о столкновеніяхъ разныхъ судовъ въ этомъ году, и многимъ становилось какъ-то неуютно. Готовились спасательныя лодки. Въ каютахъ дамы примѣряли спасательныя куртки, разложенныя наготовѣ повсюду. По счастію, намъ рѣдко приходилось испытывать такія ощущенія. Погода стояла прекрасная, не смотря на конецъ августа.

Зато въ ясные вечера, завидя какой нибудь „родственный“ пароходъ, мы освѣщались бенгальскими огнями, и въ отвѣтъ встрѣчный пароходъ изукрашивался также присвоенными ему цвѣтами. Выходило просто волшебное зрѣлище.

Послѣдніе дни плаванія мы были уже не одни. Множество судовъ разнаго вида, большія и малыя, паровыя и парусныя, оживляли со всѣхъ сторонъ видъ горизонта. Постоянно стали попадаться плавучіе значки самаго оригинальнаго устройства. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были придѣланы колокола, которые издавали густой звонъ при каждой нахлынувшей волнѣ. Наконецъ, на тринадцатый день плаванія, мы завидѣли берегъ обѣтованной земли. Пассажиры заволновались. Весь порядокъ дня нарушился самъ собой. Мы вошли въ Гудзонъ и поплыли тихо-тихо.

Гавань Нью-Іорка поразительно красива. Она тянется на 60 миль въ длину. Съ обѣихъ сторонъ берега покрыты цвѣтущими поселеніями, ро-

всегда присутствуетъ при моемъ обѣдѣ, и я думаю, что онъ позабавитъ васъ.

Пока я раздумывалъ, кто этотъ Самбо, я услыхалъ за дверями крики какого-то измученнаго или разъяреннаго животнаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ увидалъ Абдулаха, тащившаго подставку на колесикахъ, къ которой была прикована на цѣпи обезьяна, какъ маленькій бѣснующійся Прометей къ своей скалѣ. Самбо визжалъ, грызъ цѣпь, рвался и, конечно, бросился бы на Абдулаха, еслибы цѣпь не была коротка.

— Такъ вотъ кто Самбо! сказалъ Дугаль.—Какой безобразный бѣсенокъ.

Обезьяну подвезли къ столу, и тутъ только она угомонилась. Подали обѣдать. Мы начали разсуждать о будущности „Аркадіи“. Дугаль осмѣялъ всѣ мои аргументы, доказывавшіе, что Сельби рисковалъ, пріобрѣтая газету.

— У меня громадная опытность въ газетномъ дѣлѣ, сказалъ онъ:—мы намѣрены создать что нибудь оригинальное... что нибудь между великосвѣтскимъ журналомъ и Пончемъ“. Успѣхъ будетъ несомнѣнный!—Онъ налилъ себѣ стаканъ шампанскаго и прибавилъ:—Успѣхъ будетъ несомнѣнный! не такъ ли, Сельби?

— Ну, конечно, отвѣчалъ Сельби, повидимому, пившій цѣлый день и потому едва ворочавшій языкомъ.

Тутъ начались различные тосты, въ которыхъ я, какъ человѣкъ трезвый, не могъ принимать участія. Этого обѣда мнѣ никогда не забыть! Абдулахъ, хотя и не подавалъ кушаній, но стоялъ безмолвно и апатично, какъ статуя, и только иногда пристально смотрѣлъ на своего, все болѣе пьянѣвшаго, господина. Мнѣ становилось досадно слушать увѣренія Дугаля, что всѣ мои литературные разсчеты не имѣютъ основаній, и я изучалъ восточную важность Абдулаха, которой не могъ повредить даже причудливый нарядъ, изобрѣтенный Сельби. Противъ него сидѣла на полкѣ обезьяна и, отвратительно гримасничая, выискивала въ своей шерсти блохъ, очевидно, страдая удушьемъ и тоской по родинѣ.

Не смотря на свою сдержанность, я все таки выпилъ *болѣе, чѣмъ слѣдовало,* и потому громко захохоталъ, когда Дугаль, *пустивъ дымъ* сигары въ лицо обезьяны, былъ наказанъ

какъ поднявъ ноги къ верху или положивъ ихъ на спинку сосѣдняго стула. Намъ это очень не нравилось, и мы твердо рѣшились не давать имъ спуску. Однако во всемъ этомъ мы были пріятно разочарованы во время переѣзда отъ Саванны до Джэксонвиля.

Классовъ, дѣйствительно, не существовало. Были вагоны для курящихъ и не курящихъ, и отдѣльные вагоны для негровъ. Публика, вся безъ исключенія, оказалась очень чинной и вѣжливой. Къ дѣтямъ всѣ относились очень ласково и предупредительно. Мы замѣтили также, что леди съ маленькими дѣтьми пользовались гораздо бо̀льшимъ комфортомъ, чѣмъ наши русскія дамы, имѣющія несчастіе путешествовать съ дѣтьми безъ нянекъ. Отцы-американцы, безъ всякаго ложнаго стыда, помогали имъ въ уходѣ за самыми маленькими дѣтьми и держали ихъ почти все время на рукахъ. Глядя на нихъ, мы горько раскаивались въ своей несправедливости.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды, мы остановились въ Джэксонвилѣ, самомъ значительномъ городѣ Флориды на рѣкѣ Сент-Джонсъ. Прямо съ дебаркадера, мы въ омнибусѣ отправились на рѣчной пароходъ и почти не видали города. Въ садахъ мелькали тропическія растенія, бананы, фиговыя и апельсиновыя деревья, гранаты и громадные кактусы, но, къ сожалѣнію, не было времени разглядѣть все это въ подробности. Мы успѣли только сдать нашъ багажъ—и пароходъ двинулся по рѣкѣ Сент-Джонсъ.

II.

Итакъ, мы во Флоридѣ, въ странѣ цвѣтовъ и вѣчнаго лѣта, въ странѣ, такъ мало извѣстной большинству русскихъ. Флорида была открыта испанцами въ XVI столѣтіи. Исторію ея развитія можно прослѣдить со дня основанія города Сент-Августина (древнѣйшаго города Соединенныхъ Штатовъ) въ 1565 году. Съ того времени до 1819 года территорія эта принадлежала Испаніи, за исключеніемъ двадцати лѣтъ британскаго владычества (съ 1763 до 1783 г.) Но въ 1783 году, когда Великобританія потеряла свои тринадцать колоній во время войны 1776 года, она возратила и Флориду испанцамъ.

Съ тѣхъ поръ, эта территорія находилась во власти дальней монархіи, которая очень мало заботилась о заселеніи и развитіи этой дѣвственной страны, полной чудесъ тропической природы. Въ 1819 году заключенъ былъ трактатъ между Соединенными Штатами и Испаніей, причемъ Соединенные Штаты уплатили 20 милліоновъ долларовъ, и Флорида вошла въ составъ республики.

Географическое положеніе ея, какъ полуострова, обезпечиваетъ ее

ступъ почти къ каждому изъ ея графствъ, что̀ имѣло громадное вліяніе на развитіе торговли и производства. Ея береговая линія тянется на 1200 миль и, на всемъ своемъ протяженіи, представляетъ огромныя преимущества для судоходства. Лучшія гавани Америки—у береговъ Флориды. Гавань Кэй-Вестъ (Key-West) имѣетъ глубину въ 35 футовъ, тогда какъ гавани Нью-Іорка, Балтимора и Филадельфіи—не глубже 24 футовъ. 19 флоридскихъ рѣкъ уже открыты для пароходства на протяженіи 1000 миль.

Желѣзнодорожная сѣть насчитываетъ болѣе шестидесяти дорогъ, изъ которыхъ 900 миль уже эксплуатируются. Правительство уступаетъ желѣзно-дорожнымъ компаніямъ всѣ около лежащія земли на шесть миль по обѣ стороны дороги, такъ что продажа этихъ земель вполнѣ окупаетъ постройку дороги. Кромѣ того, отсутствіе возвышенностей настолько удешевляетъ постройку, что послѣднія узкоколейныя дороги во Флоридѣ обошлись по 5 тысячъ долларовъ за милю, не смотря на высокую заработную плату. Въ другихъ штатахъ нѣтъ дорогъ дешевле 20 тысячъ, а въ Англіи средняя стоимость мили опредѣлена въ 40 тысячъ долларовъ.

На тѣхъ же основаніяхъ отчужденія земель, во Флоридѣ дѣйствуетъ около полудюжины громадныхъ обществъ канализаціи. Они соединяютъ рѣки и озера, осушаютъ необозримыя равнины на своемъ пути и устанавливаютъ такимъ образомъ цѣлую систему водянаго сообщенія по всей странѣ, открывая для заселенія недоступныя до сихъ поръ мѣстности. Вслѣдъ за первымъ пароходомъ, въ страну устремляются охотники, которыхъ ждетъ неисчислимое множество аллигаторовъ, тропическихъ птицъ и пушныхъ звѣрей. За ними являются и настоящіе сэтлеры—люди, спѣшащіе занять дешевыя земли и надѣлы отъ правительства, съ тѣмъ чтобы чрезъ нѣсколько лѣтъ выростить апельсиновыя рощи, а также и спекулировать на быстромъ повышеніи цѣнъ на землю. Затѣмъ, въ только что отвоеванной мѣстности строются отели: съ сѣвера наѣзжаютъ туристы и разбогатѣвшіе янки, которые съ наслажденіемъ уходятъ отъ сравнительно суровой зимы сѣвера въ страну цвѣтовъ и вѣчнаго лѣта. Тогда городки растутъ, какъ бы по волшебству, по всему протяженію желѣзныхъ дорогъ и водяныхъ сообщеній.

Рѣка Сент-Джонсъ, по которой мы все это время плыли, поражала насъ своимъ дикимъ величіемъ. Берега низкіе, сплошь поросшіе пальмами, магноліями, кедрами, кипарисомъ, виноградомъ и тысячью другихъ породъ, которыхъ съ парохода нельзя было разсмотрѣть. Вечеромъ на пароходѣ горѣло электрическое солнце и освѣщало оба берега. Обстановка казалась какой-то не реальной, сказочной.

Утреннее солнце освѣтило живописную картину озера съ темнозелеными берегами, надъ которыми развѣвались верхушки пальмъ. Въ одномъ

изъ живописнѣйшихъ его уголковъ раскинулся городокъ Санфордъ, гдѣ пароходъ нашъ и остановился.

Озеро Монро заканчиваетъ плаваніе по рѣкѣ Сент-Джонсъ; далѣе внутрь страны можно пробраться только по желѣзной дорогѣ. Любезный капитанъ парохода сообщилъ намъ, что Санфордъ началъ строиться только 3 года тому назадъ. Мы едва вѣрили его словамъ, глядя на изящныя виллы и сады, роскошные отели, прямыя, широкія улицы, множество магазиновъ и нарядно одѣтыхъ леди. Проходя по городу, мы имѣли случай убѣдиться въ справедливости словъ капитана своими собственными глазами. Рядомъ съ цѣлой улицей домовъ, магазиновъ, кіосковъ съ газетами или прохладительными напитками, внезапно попадался незанятый участокъ земли, въ которомъ природа была еще не тронута человѣкомъ. Пальмы, дикія акаціи, обвитыя виноградомъ и цѣпкими, колючими вьющимися растеніями, росли тамъ привольно въ сосѣдствѣ съ культурными растеніями нарядныхъ американскихъ садиковъ, раздѣленныя лишь легкой проволочной, почти невидимой для глазъ, изгородью. Высокая трава и яркіе цвѣты, чуждые нашему европейскому глазу по формамъ и колориту, покрывали такіе участки вплоть до самыхъ тротуаровъ.

Городокъ этотъ былъ лишь въ 10 миляхъ отъ выбраннаго нами мѣста, и мы всѣ горѣли нетерпѣніемъ быть „дома“ и отдохнуть отъ длиннаго путешествія. Однако, къ величайшему нашему огорченію, день былъ воскресный, и поѣздовъ желѣзной дороги не было. Пришлось проскитаться еще цѣлыя сутки. Мы пріютились въ boarding-house (нѣчто въ родѣ нѣмецкаго пансіона), а мужчины наши отправились пѣшкомъ „домой“, съ тѣмъ чтобы приготовить все для нашего пріѣзда на слѣдующій день.

Хозяева нашего boarding-hous'a оказались очень милыми, гостепріимными янки *). Хозяинъ — мѣстный мировой судья. Жена и дочь, красавица лѣтъ двадцати, ведутъ все хозяйство, держатъ негритянку для черной работы, а за столомъ прислуживаютъ сами. Вечеромъ, въ гостинной и на верандѣ собралось все наличное общество живущихъ въ домѣ. Наши хозяйки, одѣтыя по послѣдней модѣ, были до такой степени внимательны и предупредительны,—въ особенности къ намъ, только что пріѣхавшимъ изъ далекихъ краевъ,—что мы вскорѣ почувствовали себя совершенно какъ дома.

Въ гостинной нашлись фортепіано и фисгармонія. Кое-кто изъ американокъ спѣли намъ церковные гимны (по случаю воскресенья, свѣтское пѣніе считается ими неумѣстнымъ). Мы, конечно, не остались въ долгу, и вечеръ прошелъ очень музыкально. Въ концѣ его американцы разо-

*) *Янки*, въ точномъ смыслѣ, не означаетъ каждаго уроженца Америки, а исключительно—уроженца Новой Англіи.

лись настолько, что попросили насъ познакомить ихъ съ русскими народными пѣснями и отъ души аплодировали. Мужчины, не смущаясь тѣмъ обстоятельствомъ, что мы едва понимали по англійски и съ трудомъ подбирали фразы, знакомили насъ съ обычаями и нравами страны, разсказывали объ охотѣ на аллигаторовъ, пантеръ, предлагали разные совѣты и предосторожности противъ укушенія змѣй и показали въ назиданіе скелетъ гремучей змѣи, убитой хозяиномъ два года тому назадъ. Мы разошлись по своимъ комнатамъ, весьма довольные другъ другомъ, и не могли не сознаться, что представленіе о янки у насъ на родинѣ очень далеко отъ истины.

Но, наконецъ, вотъ и поѣздъ южной флоридской желѣзной дороги, вотъ и послѣдній свистокъ, и мы снова слышимъ русскія привѣтствія. Насъ ожидаютъ товарищи съ мулами и громадными ресорными телѣгами,—по здѣшнему, вагонами. Мы тутъ же знакомимся съ двумя русскими соотечественниками, которые берутъ дѣтей подъ свое покровительство и провожаютъ насъ до дома.

Мы идемъ сплошнымъ сосновымъ боромъ. Издали онъ имѣлъ видъ густаго, темнаго лѣса, но вблизи оказывается совершенно прозрачнымъ и лишеннымъ тѣни. Мулы тяжело трусили по сыпучему песку. Изрѣдка попадались домики, окруженные только что засаженными апельсинными плантаціями. Мы намѣрены были остановиться на время у нашего болѣе состоятельнаго соотечественника, который уѣхалъ въ Америку еще раньше и пріобрѣлъ тамъ землю съ домомъ и апельсинной плантаціей или, какъ здѣсь говорятъ, апельсиннымъ гровомъ (что буквально означаетъ рощу). Пока мы ѣхали эти три мили (около пяти верстъ), солнце закатилось, и наступила совершенная темь. Мы принуждены были ѣхать шагомъ. Невдалекѣ отъ дома горѣли громадные костры на новыхъ расчисткахъ лѣса и дѣлали темноту еще непроглядиѣе. Подъѣзжая, мы съ любопытствомъ всматривались въ очертанія апельсинныхъ деревьевъ, которые казались намъ зачарованными въ своей неподвижности, при свѣтѣ костровъ. За ними чуть виднѣлся маленькій домикъ, въ которомъ, благодаря нашимъ товарищамъ, мы нашли ожидавшій насъ ужинъ, и скоро вокругъ стола собралась вся семья русскихъ, закинутыхъ сюда съ разныхъ концовъ Россіи. Разспросамъ, разсказамъ не было конца, но усталость взяла наконецъ свое; мы размѣстились, какъ могли, и, не смотря на тревожное настроеніе духа, заснули, какъ убитые.

III.

Съ первымъ лучемъ солнца, я была уже на ногахъ и, Боже, какъ чуждо показалось мнѣ все кругомъ! Подъ окнами громадные олеандры,

вдвое выше самаго дома, сплошь покрытые милліонами цвѣтовъ. Вокругъ темнозеленыя апельсинныя деревья уставились чинными рядами по ярко-бѣлому песку; нѣкоторыя изъ нихъ уже гнутся подъ тяжестью золотыхъ плодовъ. Сейчасъ же за апельсинными деревьями—безконечный, прозрачный сосновый боръ.

Къ колодцу стали собираться люди: кто съ кувшиномъ за водой, а кто и безъ церемоніи тутъ же совершалъ свой туалетъ. Въ кухнѣ трещалъ огонекъ и кипѣлъ кофе. Вокругъ красивой чугунной печи суетился нашъ новый знакомецъ-землякъ, къ которому я и присоединилась въ надеждѣ повывѣдать разныя хозяйственныя подробности и помочь приготовить завтракъ на нашу многочисленную семью.

Въ тотъ же день, мы отправились осматривать нашу землю въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Участокъ въ 80 акровъ, который мы собирались занять, принадлежалъ прежде одному американцу, который взялъ его 5-ть лѣтъ тому назадъ, въ то время, когда здѣсь еще было много вакантныхъ правительственныхъ земель для раздачи поселенцамъ, но потерялъ права на эту землю, такъ какъ не сдѣлалъ никакой обработки, требуемой закономъ, и, не получивъ на нее крѣпостныхъ документовъ, — умеръ. По какой-то счастливой случайности, этотъ уголокъ уцѣлѣлъ отъ заселенія, и мы могли занять его, исполнивъ должныя формальности и доказавъ свидѣтельскими показаніями сосѣдей потерю правъ бывшаго владѣльца. Земля эта оказалась продолженіемъ того же сосноваго лѣса на песчаной почвѣ, спускавшагося уклономъ къ преріи, т. е. безлѣсному, открытому пространству, отчасти покрытому водой и грубой, высокой травою.

Мы снѣшили выбрать мѣсто для дома, такъ какъ необходимо было начать постройку сейчасъ же.

— Оставьте вы это все—говорили намъ земляки.—Взгляните на насъ. Мы прожили здѣсь пять, шесть лѣтъ, а нѣкоторые и дольше, и что мы нажили, кромѣ тоски по родинѣ? Не быть вамъ американцами никогда! Не выжить вамъ безвыходно и тѣхъ пяти лѣтъ, которыя полагаются закономъ для полученія купчей крѣпости на землю; затратите свои послѣдніе гроши и здоровье, а въ концѣ концовъ бросите все и вернетесь въ Россію. Русскому человѣку не живется въ Америкѣ.

Но оставить все—теперь было уже поздно. Вернуться въ Нью-Іоркъ было не на что и казалось изъ рукъ вонъ глупо, только что истративъ около 200 рублей на переѣздъ отъ Нью-Іорка до Флориды.

— Живутъ же другіе! говорили мы въ отвѣтъ, внутренно сознавая, что съ „другими“ намъ равняться невозможно.

— Другіе! Другіе здѣсь дома. Они знаютъ языкъ, знаютъ нравы и обычаи страны, знаютъ, что выгодно и что нѣтъ, а—главное—привыкли къ работѣ съ дѣтства. „Другіе“ не имѣютъ вашихъ требованій, не привыкли къ роскоши и позволяютъ себѣ пользоваться ею только тогда,

этомъ; вѣдь вы допьетесь до того, что попадете въ рабочій домъ.

— Знаю, что попаду, отвѣчалъ онъ: — или въ острогъ, или куда нибудь еще похуже. Я всегда объ этомъ думаю. Но вѣдь это мое единственное утѣшеніе, сказалъ онъ, кивнувъ на шкафъ, гдѣ, вѣроятно, хранилась черная бутылка.— Послушайте, старый товарищъ, одолжите мнѣ гинею... Мнѣ нужно сдѣлать объявленіе. Я буду вамъ долженъ тогда шесть фунтовъ. До слѣдующей получки процентовъ у меня не будетъ ни гроша, а потомъ я съ вами разсчитаюсь.

Я далъ ему денегъ, и, взявъ въ руки золотой, онъ тотчасъ же заговорилъ иначе. Онъ горячо поблагодарилъ меня.

— Да, дѣйствительно, сказалъ онъ:—мнѣ слѣдуетъ приняться за что нибудь. Отъ нечего дѣлать человѣку и лѣзетъ всякая дурь въ голову.

— Прежде всего, надо вамъ избавиться отъ вашего египтянина, замѣтилъ я:—гдѣ же вамъ содержать его?

Я сказалъ это только для того, чтобы испытать его, такъ какъ зналъ очень хорошо, что Аббулахъ не получалъ никакого жалованья. При моемъ замѣчаніи, лицо Сельби вытянулось.

— Конечно, надо бы, сказалъ онъ:—но только что же я буду безъ него дѣлать? Вы себѣ и представить не можете, какой онъ вѣрный песъ. Онъ ходитъ за мной, какъ настоящая нянька, и мы толкуемъ съ нимъ о Нилѣ и о томъ счастливомъ времени, которое провели тамъ. Онъ очень привязанъ ко мнѣ, и если я его прогоню, то не знаю, что съ нимъ будетъ? Онъ съ голоду умретъ. Ужъ лучше умирать съ голоду вдвоемъ.

— Вамъ слѣдовало бы отправить его въ Египетъ.

— И отправлю, когда будутъ средства, какъ честный человѣкъ!

Я всталъ, чтобы уйти, и онъ, повидимому, вовсе не сожалѣлъ объ этомъ, и поплелся за мною къ двери.

— Знаете что, сказалъ онъ, пожимая мнѣ руку: — если вы услышите, что кто нибудь... ну, какой нибудь членъ парламента... ищетъ себѣ секретаря... или что нибудь въ этомъ *родѣ... ищетъ человѣка* съ университетскимъ образованіемъ...

то вспомните обо мнѣ. Я могу поддержать вашу рекомендацію.

Онъ былъ способенъ сказать, чтобы я поручился за него.

— Вамъ незачѣмъ говорить, что я люблю выпить, прибавилъ онъ:—но я брошу пить.

Я обѣщалъ, что если услышу что нибудь подходящее для него, то непремѣнно похлопочу, и оставилъ его въ сладкой надеждѣ. Онъ всегда легко увлекался.

Черезъ нѣсколько шаговъ отъ дому, я встрѣтилъ Абдулаха безъ серебрянаго кубка, но зато съ черной бутылкой и со сверткомъ табаку въ рукахъ.

— Вотъ это, сказалъ я, останавливая его и сердито глядя на бутылку, которую онъ несъ, какъ ребенокъ куклу:—это главный врагъ вашего барина, Абдулахъ.

Онъ съ упрекомъ покачалъ своей измятой чалмой.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ:—это негодяй Дугаль... проклятый шотландецъ обокралъ барина.

Очевидно, простосердечный негръ приписывалъ журналисту всѣ бѣдствія своего господина.

— А хотѣлось бы вамъ уѣхать въ Египетъ, Абдулахъ? спросилъ я.

— Да, сэръ.

Въ голосѣ его послышалось что-то трогательное.

— Что вы дѣлаете цѣлый день?

— Утромъ прибираю за господиномъ; вечеромъ стою въ живыхъ картинахъ.

— Вамъ платятъ за это?

Онъ протянулъ незанятую руку, вытянулъ длинный, черный средній палецъ, а указательный согнулъ пополамъ.

— Вотъ что мнѣ платятъ, серьезно и гордо сказалъ онъ —шиллингъ и шесть пенсовъ. А иногда и больше.

— Что вы дѣлаете съ деньгами?

— Господинъ беретъ ихъ.

Я досталъ двѣ полукроны и положилъ ихъ на его черную ладонь.

— Вотъ вамъ маленькій подарокъ, проговорилъ я.

— Благодарю васъ, сэръ.

Онъ зажалъ деньги въ кулакъ.

— Что вы на нихъ сдѣлаете?

— Отдамъ ему. Бѣдный господинъ! Я у него тел[redacted] только одинъ.

— Ну, прощайте, добрый мусульманинъ, сказалъ я:—да спасетъ васъ Аллахъ! Еслибы у вашего барина были все такіе друзья, какъ вы, онъ не прибѣгалъ бы теперь къ черной бутылкѣ.

Онъ улыбнулся печально, съ полной покорностью передъ судьбою, и пошелъ домой, не понявъ, какъ мнѣ кажется, того, что я хотѣлъ сказать.

Я посмотрѣлъ ему вслѣдъ, какъ онъ шелъ по лондонской улицѣ, выдѣляясь яркимъ пятномъ въ ея туманѣ. Двое мальчишекъ, проходя мимо него, крикнули „У! арапъ!“ но онъ не обратилъ на нихъ вниманія.

III.

Добродѣтель всегда вознаграждается въ книгахъ, въ басняхъ и въ теоріи, такъ что мнѣ всегда становится досадно, когда я слышу, что она вознаграждается и въ нашей обыденной жизни.

Спустя нѣкоторое время послѣ моей встрѣчи съ Абдулахомъ, Гильтонъ подошелъ ко мнѣ въ клубѣ и съ волненіемъ спросилъ:

— Какъ бы вы думали, что̀ сдѣлалось съ Сельби?

— Что̀ же? бѣлая горячка?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—Вы знаете, вѣдь онъ жилъ на квартирѣ Гавеленда. Тотъ пріѣхалъ недавно и потребовалъ съ Сельби плату за квартиру. Сельби заплатить не могъ, но обѣщалъ отдать деньги, когда получитъ проценты, почему-то не присланные ему во̀-время. Онъ однако же очистилъ квартиру Гавеленда, который не нашелъ въ ней множества серебряныхъ кубковъ и разныхъ вещей, весьма для него дорогихъ. Взбѣшенный до высшей степени, онъ бросился къ Сельби, который сказалъ, что онъ рѣшительно ничего не зналъ о пропавшихъ вещахъ. Гавеленд̀ъ далъ знать о *пропажѣ полиціи,* и та разъискала, что серебро заложено *какимъ-то негромъ-лакеемъ* отъ имени Гавеленда. Закладныя

IV.

Въ одно изъ воскресеній, мы полюбопытствовали заглянуть въ воскресную школу. Такъ какъ въ американскихъ нормальныхъ школахъ преподаваніе религіи обязательно исключено, то воскресная школа является единственнымъ учрежденіемъ, посвященнымъ религіознымъ вопросамъ, и обыкновенно помѣщается въ церкви. Наши дѣти не хотѣли вѣрить, чтобы зданіе, къ которому мы подъѣхали, была церковь. Это просто небольшой сарай изъ досокъ, съ досчатой каѳедрой для проповѣдника и досчатыми нестроганными скамьями для паствы. Когда мы вошли, происходила духовная бесѣда между проповѣдникомъ и его слушателями. Проповѣдникъ, худощавый, плохо одѣтый янки, съ глазами, полными фанатизма, сразу привлекъ наше исключительное вниманіе. Какъ жаль, что мы понимали едва половину изъ всего того, о чемъ шла оживленная рѣчь! Въ концѣ бесѣды онъ задалъ тему изъ ветхаго завѣта на слѣдующее воскресенье и обратился къ дѣтямъ. Съ ними онъ заговорилъ другимъ языкомъ, почти шутливо. Но когда онъ произносилъ заключительную молитву, его лучистые глаза снова приняли неземное выраженіе, и мы совершенно забыли его некрасивую наружность, дурно сшитое платье, угловатыя, некрасивыя манеры и рабочія руки. Затѣмъ всѣ хоромъ пропѣли гимнъ и затолпились къ выходу.

Вся публика отнеслась къ намъ до крайности привѣтливо; всѣ наперерывъ звали къ себѣ. Мы очень смущались незнаніемъ языка, но отъ насъ, повидимому, ничего и не ожидали, и добродушно доказывали, что наискорѣйшій способъ къ его изученію есть ближайшее знакомство съ сосѣдями и интимной жизнью маленькой общины. Насъ наградили разными духовными газетами, а дѣтей—маленькими книжками духовнаго содержанія. Все кругомъ насъ дышало такой увѣренностью, такимъ довольствомъ и такимъ добродушнымъ отношеніемъ къ невиданной нами доселѣ бѣдности обстановки, что и намъ стало какъ-то веселѣе на душѣ, и мы вернулись домой, полные новыхъ мыслей о нравственной физіономіи американцевъ.

Вскорѣ мы воспользовались приглашеніями и познакомились съ нѣсколькими американскими семьями. Мы встрѣтили такое радушіе и участіе, что невольно поминали нашу милую родину лихомъ,—какъ церемонно и недоброжелательно встрѣчаютъ у насъ каждаго новаго пришельца, какъ порываются дознаться о всей подноготной человѣка; и горе ему, если онъ окажется человѣкомъ безъ средствъ и безъ предковъ. Здѣсь насъ никто никогда не спросилъ: каково наше прошлое и изъ какого общественнаго слоя мы вышли. Люди просто и довѣрчиво отнеслись къ новымъ пришельцамъ и старались помочь и словомъ, и дѣломъ, а этому нельзя не придавать значенія здѣсь, гдѣ „время—деньги“, гдѣ каждый *работаетъ въ потѣ* лица. Въ нашей общинѣ богатыхъ людей совсѣмъ нѣтъ.

Онъ слабо улыбнулся, и бѣлые зубы точно освѣтили его мрачное лицо.

— Что же вы дѣлали съ деньгами? спросилъ предсѣдатель.

— Покупалъ вещи, живо проговорилъ негръ.

— Какія вещи?

— Разныя... и гулялъ на эти деньги.

Ничего больше судъ не могъ добиться отъ Абдулаха. Онъ только и говорилъ:—„покупалъ вещи, кутилъ“.

Сельби былъ предложенъ вопросъ: платилъ ли онъ своему слугѣ жалованье.

— Въ послѣднее время не платилъ, лорды.

Судьи разсмѣялись,—неизвѣстно, надъ тѣмъ ли, что онъ назвалъ ихъ лордами, или надъ его отвѣтомъ.

Приговоръ послѣдовалъ весьма скоро. Въ одной изъ рѣчей было со смѣхомъ прибавлено, въ видѣ шутки—иногда допускаемой въ судѣ—что подсудимый, не получая жалованья и незнакомый съ обычаями западной жизни, можетъ быть, этимъ способомъ хотѣлъ получить вознагражденіе. Но, во всякомъ случаѣ, такъ какъ Абдулахъ самъ сознался въ томъ, что заложилъ чужія вещи, то и былъ приговоренъ къ шестинедѣльному заключенію и арестантскимъ работамъ. Приговоръ былъ объявленъ египтянину цвѣтущимъ чиновникомъ, растопырившимъ шесть пальцевъ передъ его физіономіей.

— На шесть недѣль въ тюрьму? спросилъ Абдулахъ, глядя на шесть жирныхъ красныхъ пальцевъ.

— Да.

— Такъ кто же будетъ ходить за господиномъ?

И безмятежное спокойствіе его лица смѣнилось тревожнымъ подергиваніемъ. Абдулаха, задыхавшагося отъ кашля, увели изъ залы суда, а Сельби, окруженный нѣсколькими родственниками, плача, проговорилъ:

— Можно ли было подумать, чтобъ Абдулахъ сдѣлалъ это! Такой честный парень!

Я прошелъ мимо несчастнаго, въ то время какъ онъ отиралъ свои, всегда готовыя литься, слезы, не обративъ на него ни малѣйшаго вниманія, такъ какъ я былъ вполнѣ убѣжденъ, *что Абдулахъ принесъ* себя въ жертву своему безчестному *господину, дѣлавшему*, въ свою очередь, видъ, будто онъ меня

не замѣчаетъ. Черезъ нѣсколько дней, я услыхалъ, что родные отправили Сельби во Францію къ какому-то доктору, и болѣе я его ужь не видалъ. Лѣченіе оказалось настолько успѣшнымъ, что черезъ восемнадцать мѣсяцевъ оно убило Сельби, къ немалому удовольствію родныхъ и къ огорченію врача.

IV.

Что же сталось съ Абдулахомъ? Признаюсь, совѣсть меня постоянно мучила, когда я вспоминалъ о немъ. Кому нибудь слѣдовало помочь ему по выходѣ изъ тюрьмы. Живя въ деревнѣ, мнѣ пришлось оставить египтянина на произволъ судьбы. Такимъ образомъ и вышло, что Абдулахъ перешелъ изъ небольшой тюрьмы, гдѣ онъ былъ сытъ и согрѣтъ, въ обширную тюрьму, гдѣ онъ умиралъ съ голоду и съ холоду. Я не могъ узнать ничего о его бѣдствіяхъ, но былъ свидѣтелемъ ихъ конечнаго результата.

Я жилъ, въ это время, въ Девоншайрѣ. Лѣто было сырое и холодное, дожди шли цѣлыми днями, что, однако, не избавляло меня отъ необходимости ѣздить въ нашъ городокъ по дѣламъ. Возвращаясь однажды домой въ сумерки, когда, не смотря на рѣзкій вѣтеръ, съ болотъ поднимается туманъ, я вдругъ увидалъ какую-то странную фигуру.

Остановивъ лошадь, я, съ болью въ сердцѣ, узналъ Абдулаха. Изъ-подъ чалмы виднѣлось худое черное лицо, съ глазами, закрывавшимися отъ усталости. Я соскочилъ съ лошади и подошелъ къ нему, но онъ не пошевельнулся. Его широкіе красные шаровары были всѣ въ грязи, а измятая куртка и рубашка висѣли на немъ, какъ мокрый флагъ на затонувшимъ суднѣ. Изъ стоптанныхъ ботинокъ съ резинками, вовсе не подходившихъ къ его восточному костюму, торчали черные пальцы. Худое, изнуренное черное лицо, ввалившаяся узенькая грудная клѣтка слишкомъ ясно говорили о его страданіяхъ.

Бѣдный, великодушный дикарь, какъ негостепріимно былъ *онъ принятъ* западной цивилизаціей! Онъ лежалъ тутъ, въ *мокромъ болотѣ*, и, закрывъ глаза, отдался на произволъ *вѣтру и дождю*.

Я прислушался къ его дыханію и услыхалъ роковой хрипъ въ дыхательныхъ органахъ. Я осторожно дотронулся до его плеча, и онъ открылъ большіе черные глаза, замѣчательно походившіе на глаза крупнаго животнаго, и вспыхнувшіе надеждой при видѣ меня.

— Абдулахъ! что вы вы тутъ дѣлаете? сказалъ я.

— Ищу господина, сэръ! слабымъ голосомъ сказалъ онъ:— но я такъ нездоровъ.

— Мистеръ Сельби во Франціи, сказалъ я:—къ нему вамъ нельзя. Да и, кромѣ того, онъ ничего для васъ не можетъ сдѣлать.

— Франція тамъ? спросилъ онъ, приподнимаясь на свои слабыя колѣни и указывая худымъ чернымъ пальцемъ на слабый свѣтъ, виднѣвшійся послѣ закатившагося солнца.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я:—она далеко, за моремъ. Вамъ туда не дойти.

Когда онъ услыхалъ это, мрачное отчаяніе затуманило его лицо, и онъ опрокинулся назадъ на камень; а я стоялъ передъ нимъ, держа лошадь подъ устцы. Трудно представить себѣ, до какой степени этотъ несчастный негръ, въ своемъ фантастическомъ нарядѣ, не гармонировалъ съ окружающей его сырой и унылой природой.

— Что же вы намѣрены дѣлать? спросилъ я.

— Спать... больше ничего, отвѣчалъ онъ, и вздохнулъ такъ глубоко, что все усталое тѣло его задрожало и еще болѣе ослабѣло.

— Хорошо, Абдулахъ, сказалъ я:—спать вы можете только у меня въ домѣ. Ѣдемте со мною, я дамъ знать вашему господину, гдѣ вы.

Онъ стряхнулъ съ себя летаргію.

— Такъ господинъ также, какъ и я, въ тюрьмѣ?

— Нѣтъ, онъ у своихъ знакомыхъ.

Я помогъ ему подняться на ноги и потомъ съ немалымъ трудомъ—сѣсть на лошадь. Я повелъ лошадь подъ устцы, и мы двинулись впередъ; а по дорогѣ мнѣ удалось узнать кое-какіе отрывки изъ его исторіи. То, что онъ не съумѣлъ высказать, пришлось добавлять воображеніемъ.

Онъ не имѣлъ понятія ни о времени, ни о мѣстѣ. Вы*йдя изъ тюрьмы* съ нѣсколькими шиллингами, полученными

отъ смотрителя, онъ пошелъ разыскивать своего господина по всѣмъ его прежнимъ квартирамъ.

— Но никто ничего не говорилъ... всѣ надо мною смѣялись... мальчишки кричали: „черный дуракъ“.

Пробродивъ нѣсколько часовъ понапрасну, онъ вспомнилъ обо мнѣ. Какимъ-то чудомъ у него сохранилась моя карточка. Она явилась ему талисманомъ, на который онъ смотрѣлъ, какъ на единственное звено, соединяющее его жизнь съ надеждой. Онъ вышелъ изъ Лондона и шелъ къ западу, разспрашивая о дорогѣ и униженно показывая мою карточку прохожимъ, встрѣчавшимся ему по грязнымъ проселочнымъ дорогамъ. Нѣсколько шиллинговъ скоро вышли; дождь его мочилъ, вѣтеръ продувалъ; но онъ все шелъ, ночуя то въ сараяхъ, то въ ригахъ, а то и подъ открытымъ небомъ. Въ деревняхъ ребятишки бѣгали за нимъ и, кидая каменьями, кричали:—„черный! черный!“ или спрашивали, скоро ли пріѣдетъ циркъ, очевидно, соединяя его живописную фигуру съ представленіемъ о какой нибудь странствующей труппѣ акробатовъ. Разъ кто-то подалъ ему шиллингъ, фермеры давали хлѣба, и такимъ образомъ онъ съ каждымъ днемъ все болѣе приближался къ моему дому. Но боль въ груди постоянно усиливалась, силы съ каждымъ днемъ слабѣли, и, наконецъ, онъ въ страшномъ утомленіи упалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ я нашелъ его.

Мы пріѣхали домой подъ проливнымъ дождемъ; моя жена и маленькая дочь съ удивленіемъ встрѣтили насъ въ прихожей. Абдулахъ такъ озябъ и окоченѣлъ, что мы съ трудомъ сняли его съ лошади. Поставленный на ноги, онъ качался во всѣ стороны, и наконецъ прислонился къ косяку.

Мы уложили его въ постель, предложили поѣсть, но ѣсть онъ не могъ, и мы оставили его на ночь. На слѣдующій день, рано поутру, я вошелъ къ нему въ комнату. Лежа на бѣлой подушкѣ, онъ отчего-то казался еще чернѣе, и смотрѣлъ на потолокъ, широко раскрывъ глаза.

—Абдулахъ! позвалъ я, но онъ не слышалъ меня.

Мысли его гдѣ-то блуждали, и онъ тихо шепталъ слова *на своемъ родномъ языкѣ. Кожа у него была горячая и сухая, дыханіе* прерывистое. Я послалъ за докторомъ, который *вскорѣ пріѣхалъ*.

Между тѣмъ женѣ моей удалось заставить его съѣсть нѣсколько ложекъ бульона. Докторъ нашелъ, что больной страдалъ весьма сложной болѣзнью легкихъ, очевидно, давнишней, и, услыхавъ разсказъ о томъ, что перенесъ Абдулахъ, удивился, что онъ еще живъ. Намъ всѣмъ было ясно, что онъ умиралъ.

Докторъ уѣхалъ: прислуга на цыпочкахъ проходила мимо дверей; она боялась больнаго, такъ что я самъ сидѣлъ около него. Горничная, свѣженькая девоншайрская дѣвушка, страшно поблѣднѣла, войдя въ комнату съ лѣкарствомъ, присланнымъ докторомъ.

—Докторъ прислалъ вотъ это для язычника, сэръ, сказала она, торопливо выбѣгая. Страхъ ея нисколько не удивлялъ меня, потому что Абдулахъ становился дѣйствительно страшнымъ. Два дня онъ лежалъ, не шевелясь и по большей части не приходя въ себя. На третій день, часовъ въ двѣнадцать, онъ точно очнулся. Мы были съ нимъ одни, и онъ повернулся ко мнѣ.

—Сэръ! прошепталъ онъ такъ тихо, что я едва могъ разслышать.

—Что тебѣ? спросилъ я, прикладывая ухо къ его сухимъ губамъ.

—Господинъ пріѣхалъ?

—Нѣтъ еще.

Лицо его исказилось; онъ закрылъ глаза и началъ перебирать простыню черными пальцами, шепча что-то непонятное.

Услыхавъ мой голосъ, маленькая дочь моя, стоявшая за дверью, тихонько вошла въ комнату и остановилась, прислушиваясь, у дверей. Губы Абдулаха шевелились.

—Бѣдный негръ вѣрно читаетъ молитвы? прошептала дѣвочка.

Она начала плакать... но тихонько, изъ боязни обезпокоить его.

— Мистеръ Сельби... Я сказалъ, что сдѣлалъ это я... Потомъ мы уѣдемъ въ Каиръ съ вашей обезьяной, сэръ...

Затѣмъ онъ пересталъ шептать. Темное лицо вытянулось, *глаза остановились*, дыханіе прекратилось.

— Смотри, папа, съ ужасомъ вскричала дѣвочка:—вѣдь онъ.. Да, бѣдный Абдулахъ умеръ.

Если вы пройдете на наше маленькое кладбище, гдѣ на всѣхъ памятникахъ высѣчены старыя фамиліи нашей деревни, вы увидите новую могилу Абдулаха, и будете знать, что подъ нею покоится прахъ олицетворенной вѣрности.

ПИСЬМА ИЗЪ ФЛОРИДЫ.

(1880—1884).

I.

Нашъ длинный путь оконченъ. Напрасны были всѣ ваши страхи и пасенія, мои друзья. Длинное путешествіе за океанъ вовсе не такъ страшно, акъ казалось намъ въ Россіи среди милыхъ, старыхъ друзей, рѣдко поидавшихъ родную страну и родныя привычки. Океанъ принялъ насъ лагосклонно.

Двѣ недѣли на пароходѣ „Suevia“ показались вовсе не такъ длинны, акъ мы ожидали. Мы совершенно освоились со всѣми порядками парода и обществомъ нашихъ многочисленныхъ спутниковъ; дали всѣмъ клички, знали, кто въ кого влюбленъ и кто на кого дуется. Старики степенно бсуждали политическія и торговыя дѣла; пожилыя дамы говорили другъ ругу любезности и не покидали рукодѣлья, чувствуя себя, повидимому, овершенно какъ дома. Молодые люди ухаживали за дамами. Ихъ состаился цѣлый кружокъ, который проводилъ время превесело, не смотря на орскую болѣзнь, часто совершенно некстати прерывавшую интересную всѣду...

По вечерамъ пассажиры II-го класса,—почти поголовно нѣмцы,—заягивали хоромъ что нибудь насчетъ фатерланда (изъ котораго прихоилось имъ удирать за неимѣніемъ куска хлѣба), слышались звуки флейы или скрипки, и выходило очень трогательно. Иногда и I классъ увлеался ихъ примѣромъ, и общество уютно собиралось въ столовую вокругъ іянино.

Въ хорошую погоду матросъ приносилъ шарманку, и подъ звуки его альсовъ все общество пускалось въ плясъ.

Повсюду слышался исключительно нѣмецкій языкъ, такъ какъ спутники наши были по большей части или вновь переселяющіеся въ Америку нѣмцы, или старые переселенцы, ѣздившіе въ Германію на побывку.

Всѣ *они, старые и малые*, были такъ довольны своимъ новымъ отечествомъ—*гостепріимной* Америкой, и много разсказывали хорошаго

и утѣшительнаго; видно было, что всѣ эти люди пригрѣлись тамъ, и мы съ еще большей надеждой причалили къ новому берегу.

Вообще это время, проведенное между небомъ и водой, оставило самое пріятное впечатлѣніе. Всѣ вокругъ были веселы. Кормили отлично. Каюты намъ дали прекрасныя. Каждому изъ насъ, не исключая и дѣтей, была отведена отдѣльная койка. Скажите объ этомъ нашему общему другу Р. Онъ еще въ Гамбургѣ дразнилъ насъ, что мы *уже* попались на удочку аферистовъ, не успѣвъ покинуть европейскаго берега. Мнѣ смѣшно вспомнить, какъ, подъ вліяніемъ такихъ инсинуацій и неопредѣленныхъ опасеній, мы обидѣли своими подозрѣніями почтеннаго нѣмца-агента и привели его въ справедливое негодованіе. Кстати замѣтить здѣсь, что, не смотря на нашу неопытность и полное незнаніе англійскаго языка, насъ никто ни разу не пытался ни обмануть, ни обсчитать, ни обокрасть, какъ этого ожидали всѣ наши русскіе друзья.

Дѣти съ утра до ночи были на палубѣ, любовались на прозрачную зеленую воду, на большихъ морскихъ птицъ и маленькихъ ласточекъ, которыя летѣли все время за нами. Множество дельфиновъ прыгало вокругъ корабля; попадались и киты. Страшно было во время тумана: свистокъ почти не прерывался. Его густой, низкій звукъ производилъ впечатлѣніе чего-то фатальнаго и наводилъ тоску. Иногда мы слышали невдалекѣ отвѣтные свистки, и какой нибудь встрѣчный пароходъ проходилъ близехонько отъ насъ. Но его можно было только угадывать по неясному свѣту огней, почти терявшихся въ туманѣ. На палубѣ шли разговоры о столкновеніяхъ разныхъ судовъ въ этомъ году, и многимъ становилось какъ-то неуютно. Готовились спасательныя лодки. Въ каютахъ дамы примѣряли спасательныя куртки, разложенныя наготовѣ повсюду. По счастію, намъ рѣдко приходилось испытывать такія ощущенія. Погода стояла прекрасная, не смотря на конецъ августа.

Зато въ ясные вечера, завидя какой нибудь „родственный“ пароходъ, мы освѣщались бенгальскими огнями, и въ отвѣтъ встрѣчный пароходъ изукрашивался также присвоенными ему цвѣтами. Выходило просто волшебное зрѣлище.

Послѣдніе дни плаванія мы были уже не одни. Множество судовъ разнаго вида, большія и малыя, паровыя и парусныя, оживляли со всѣхъ сторонъ видъ горизонта. Постоянно стали попадаться плавучіе значки самаго оригинальнаго устройства. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были придѣланы колокола, которые издавали густой звонъ при каждой нахлынувшей волнѣ. Наконецъ, на тринадцатый день плаванія, мы завидѣли берегъ обѣтованной земли. Пассажиры заволновались. Весь порядокъ дня нарушился самъ *собой*. Мы вошли въ Гудзонъ и поплыли тихо-тихо.

Гавань Нью-Іорка поразительно красива. Она тянется на 60 миль въ *длину*. Съ *обѣихъ* сторонъ берега покрыты цвѣтущими поселеніями, рос-

кошными виллами и садами. Пріѣхали американскіе чиновники. Суета и безпорядокъ были невообразимые. Пассажиры прощались, давали другъ другу адресы, разбирали свой багажъ. На пристани столпились родные и знакомые со множествомъ цвѣтовъ въ букетахъ и корзинахъ, и какъ только пароходъ причалилъ, все это двинулось на нашу палубу; все перемѣшалось, спуталось и заговорило сразу по англійски. Мы поспѣшили на пристань, получили отпускъ таможни, послали вещи съ экспрессомъ, а сами пѣшкомъ отправились въ отель.

Описывать Нью-Іоркъ я не стану, такъ какъ вамъ приходилось уже читать эти описанія сотни разъ. Какъ и всякаго европейца, насъ поразили громадность города, колоссальныя постройки и множество оригинальныхъ нововведеній, бросающихся въ глаза съ перваго раза. Всюду зелень, незнакомыя породы деревьевъ и цвѣтовъ! И со всѣмъ этимъ приходилось разстаться такъ скоро, не видавъ и тысячной доли нью-іоркскихъ диковинокъ.

Чтобы попасть во Флориду, намъ надо было еще спуститься на самый крайній югъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. И вотъ мы опять въ океанѣ, опять на пароходѣ,—на этотъ разъ, настоящемъ американскомъ, со всею роскошью, комфортомъ и нарядностью отдѣлки, какую американцы привыкли находить повсюду—въ отеляхъ, пароходахъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Прислуга—исключительно негры въ бѣлоснѣжныхъ курткахъ—такъ и смотрѣла намъ въ глаза. Сервировка роскошная, столъ весь покрытъ разными яствами, а мы почти ничего не могли ѣсть—такъ все приправлено перцемъ, имбиремъ и разными пряностями.

Послѣ пятидневнаго плаванія, незадолго до заката солнца, нашъ пароходъ причалилъ къ городу Саванна (штатъ Джорджія). Мы съ любопытствомъ всматривались въ этотъ первый южный городъ и, глядя на его тѣнистыя аллеи и персиковые сады, жалѣли, что приходилось покидать его такъ скоро. Мы проѣзжали мимо роскошныхъ отелей и магазиновъ, не уступавшихъ по красотѣ и роскоши магазинамъ нашего роднаго Невскаго проспекта. Саванна—центръ хлопчатобумажной торговли. Здѣсь нагружаютъ хлопокъ для отправки во всѣ концы свѣта. Тысячи негровъ хлопочутъ около громадныхъ тюковъ и поражаютъ европейскій глазъ чисто южнымъ колоритомъ.

Сейчасъ же послѣ заката и водворившагося мрака, городъ освѣтился замѣчательно эффектнымъ электрическимъ свѣтомъ сверху. Мы не сразу поняли, въ чемъ дѣло, и только когда намъ разсказали о существованіи электрическаго маяка, сообразили, откуда лился этотъ волшебный свѣтъ.

Въ Савannѣ мы сѣли на поѣздъ желѣзной дороги. Намъ говорили еще и раньше, что на американскихъ желѣзныхъ дорогахъ не существуетъ различія *классовъ*. Наши дамы готовились дать отпоръ невѣжамъ-*американцамъ, которые*, какъ мы слышали въ Россіи, иначе не сидятъ,

какъ поднявъ ноги къ верху или положивъ ихъ на спинку сосѣдняго стула. Намъ это очень не нравилось, и мы твердо рѣшились не давать имъ спуску. Однако во всемъ этомъ мы были пріятно разочарованы во время переѣзда отъ Саванны до Джэксонвиля.

Классовъ, дѣйствительно, не существовало. Были вагоны для курящихъ и не курящихъ, и отдѣльные вагоны для негровъ. Публика, вся безъ исключенія, оказалась очень чинной и вѣжливой. Къ дѣтямъ всѣ относились очень ласково и предупредительно. Мы замѣтили также, что леди съ маленькими дѣтьми пользовались гораздо бо̀льшимъ комфортомъ, чѣмъ наши русскія дамы, имѣющія несчастіе путешествовать съ дѣтьми безъ нянекъ. Отцы-американцы, безъ всякаго ложнаго стыда, помогали имъ въ уходѣ за самыми маленькими дѣтьми и держали ихъ почти все время на рукахъ. Глядя на нихъ, мы горько раскаивались въ своей несправедливости.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды, мы остановились въ Джэксонвилѣ, самомъ значительномъ городѣ Флориды на рѣкѣ Сент-Джонсъ. Прямо съ дебаркадера, мы въ омнибусѣ отправились на рѣчной пароходъ и почти не видали города. Въ садахъ мелькали тропическія растенія, бананы, фиговыя и апельсиновыя деревья, гранаты и громадные кактусы, но, къ сожалѣнію, не было времени разглядѣть все это въ подробности. Мы успѣли только сдать нашъ багажъ — и пароходъ двинулся по рѣкѣ Сент-Джонсъ.

II.

Итакъ, мы во Флоридѣ, въ странѣ цвѣтовъ и вѣчнаго лѣта, въ странѣ, такъ мало извѣстной большинству русскихъ. Флорида была открыта испанцами въ XVI столѣтіи. Исторію ея развитія можно прослѣдить со дня основанія города Сент-Августина (древнѣйшаго города Соединенныхъ Штатовъ) въ 1565 году. Съ того времени до 1819 года территорія эта принадлежала Испаніи, за исключеніемъ двадцати лѣтъ британскаго владычества (съ 1763 до 1783 г.) Но въ 1783 году, когда Великобританія потеряла свои тринадцать колоній во время войны 1776 года, она возратила и Флориду испанцамъ.

Съ тѣхъ поръ, эта территорія находилась во власти дальней монархіи, которая очень мало заботилась о заселеніи и развитіи этой дѣвственной страны, полной чудесъ тропической природы. Въ 1819 году заключенъ былъ трактатъ между Соединенными Штатами и Испаніей, причемъ *Соединенные* Штаты уплатили 20 милліоновъ долларовъ, и Флорида вошла *въ составъ* республики.

Географическое положеніе ея, какъ полуострова, обезпечиваетъ ей

ступъ почти къ каждому изъ ея графствъ, что̀ имѣло громадное вліяніе на развитіе торговли и производства. Ея береговая линія тянется на 1200 миль и, на всемъ своемъ протяженіи, представляетъ огромныя преимущества для судоходства. Лучшія гавани Америки—у береговъ Флориды. Гавань Кэй-Вестъ (Key-West) имѣетъ глубину въ 35 футовъ, тогда какъ гавани Нью-Іорка, Балтимора и Филадельфіи—не глубже 24 футовъ. 19 флоридскихъ рѣкъ уже открыты для пароходства на протяженіи 1000 миль.

Желѣзнодорожная сѣть насчитываетъ болѣе шестидесяти дорогъ, изъ которыхъ 900 миль уже эксплуатируются. Правительство уступаетъ желѣзно-дорожнымъ компаніямъ всѣ около лежащія земли на шесть миль по обѣ стороны дороги, такъ что продажа этихъ земель вполнѣ окупаетъ постройку дороги. Кромѣ того, отсутствіе возвышенностей настолько удешевляетъ постройку, что послѣднія узкоколейныя дороги во Флоридѣ обошлись по 5 тысячъ долларовъ за милю, не смотря на высокую заработную плату. Въ другихъ штатахъ нѣтъ дорогъ дешевле 20 тысячъ, а въ Англіи средняя стоимость мили опредѣлена въ 40 тысячъ долларовъ.

На тѣхъ же основаніяхъ отчужденія земель, во Флоридѣ дѣйствуетъ около полудюжины громадныхъ обществъ канализаціи. Они соединяютъ рѣки и озера, осушаютъ необозримыя равнины на своемъ пути и устанавливаютъ такимъ образомъ цѣлую систему водянаго сообщенія по всей странѣ, открывая для заселенія недоступныя до сихъ поръ мѣстности. Вслѣдъ за первымъ пароходомъ, въ страну устремляются охотники, которыхъ ждетъ неисчислимое множество аллигаторовъ, тропическихъ птицъ и пушныхъ звѣрей. За ними являются и настоящіе сэтлеры—люди, спѣшащіе занять дешевыя земли и надѣлы отъ правительства, съ тѣмъ чтобы чрезъ нѣсколько лѣтъ выростить апельсиновыя рощи, а также и спекулировать на быстромъ повышеніи цѣнъ на землю. Затѣмъ, въ только что отвоеванной мѣстности строются отели: съ сѣвера наѣзжаютъ туристы и разбогатѣвшіе янки, которые съ наслажденіемъ уходятъ отъ сравнительно суровой зимы сѣвера въ страну цвѣтовъ и вѣчнаго лѣта. Тогда городки растутъ, какъ бы по волшебству, по всему протяженію желѣзныхъ дорогъ и водяныхъ сообщеній.

Рѣка Сент-Джонсъ, по которой мы все это время плыли, поражала насъ своимъ дикимъ величіемъ. Берега низкіе, сплошь поросшіе пальмами, магноліями, кедрами, кипарисомъ, виноградомъ и тысячью другихъ породъ, которыхъ съ парохода нельзя было разсмотрѣть. Вечеромъ на пароходѣ горѣло электрическое солнце и освѣщало оба берега. Обстановка казалась какой-то не реальной, сказочной.

Утреннее солнце освѣтило живописную картину озера съ темнозелеными берегами, надъ которыми развѣвались верхушки пальмъ. Въ одномъ

или за винтомъ, а доброй, свѣжей и за работой. Пріятно начинать такъ день. Чувствуешь, что не искажаешь законовъ природы, а сливаешься съ ней въ одно цѣлое. Но, конечно, подобнымъ мыслямъ не суждено переходить въ длинныя мечтанія, такъ какъ мужъ—уже всталъ. Я наливаю кофе, болтаю съ нимъ о томъ, о семъ; затѣмъ онъ отправляется на работу. Медлить некогда. Ему предстоитъ $2^1/_2$ мили ходьбы, и работа начинается въ 7 часовъ.

Теперь на сцену являются дѣти. Завтракъ быстро оканчивается, и всѣ расходятся по разнымъ дѣламъ. Старшая дѣвочка остается мыть посуду и убирать комнаты, остальныя—кто за водой, кто за сучьями, кто выпускать и кормить куръ. А я сама отправляюсь или на огородъ, или на стирку бѣлья, а если такихъ спѣшныхъ работъ нѣтъ, сажусь за швейную машину. Стирка сначала утомляла меня до изнеможенія. Но теперь я попривыкла, да и стирать здѣсь гораздо легче, чѣмъ дома, въ Россіи, и руки не такъ портятся съ помощью стиральной доски и порошка. Благодатное солнце помогаетъ мнѣ немало въ бѣлизнѣ и быстротѣ сушки, и въ тотъ же день вечеромъ я уже могу сложить на полку свое бѣлье, сухое и бѣлое, какъ снѣгъ. Если у меня такая работа—обѣдъ готовитъ старшая дѣвочка. Теперь я могу уже поручить ей это, хотя ей всего 9 лѣтъ. Но за эти мѣсяцы мы много работали вмѣстѣ и обѣ научились многому. Впрочемъ, и это дѣло у насъ до крайности просто. Въ одномъ углу—бочка съ мукой, въ другомъ—бочка съ кукурузной крупой. На полкѣ нѣсколько жестянокъ сгущеннаго молока, кофе, крахмалъ для киселя, патока и рисъ. Тутъ же, въ видѣ украшенія, ветчина въ ярко-желтыхъ холщевыхъ мѣшкахъ. Какъ видите, разнообразіе невелико! Хитро ли сварить кукурузную кашу или кусокъ ветчины? Моя дѣвочка постигла это искусство, знаетъ, когда надо затопить печку, если мамы нѣтъ дома; знаетъ, когда ставить самоваръ, чтобы онъ закипѣлъ какъ разъ тогда, когда папа возвращается домой (мы все еще не можемъ отрѣшиться отъ родныхъ обычаевъ, какъ бы ни были они неудобны и неумѣстны). Но чаще всего я дѣлаю это сама, такъ какъ печенія хлѣба я не могу никому поручить, а печь моя такъ миніатюрна, что не вмѣщаетъ въ себя большаго запаса, и приходится ежедневно этимъ заниматься. Одинъ или два раза въ недѣлю, къ нашему домику подъѣзжаетъ фура съ мясомъ. Мясникъ трубитъ въ рогъ, и мы въ этотъ день варимъ супъ и жаримъ печенку.

Самое свободное здѣсь время дня для каждой хозяйки—промежутокъ отъ часу до 3—4-хъ пополудни, такъ какъ всѣ безъ исключенія обѣдаютъ въ 12 часовъ. Въ это время дня, женщины занимаются посѣщеніемъ другъ друга, закупками, а иногда и просто сидятъ на своей собственной верандѣ, на качалкѣ, съ книгой въ рукахъ. Мои ближайшія сосѣдки рѣдко выходятъ изъ дому, такъ какъ населеніе здѣсь еще не густо, и каждый визитъ отнимаетъ много времени, да и утомляетъ ужасно. Не

лись настолько, что попросили насъ познакомить ихъ съ русскими народными пѣснями и отъ души аплодировали. Мужчины, не смущаясь тѣмъ обстоятельствомъ, что мы едва понимали по англійски и съ трудомъ подбирали фразы, знакомили насъ съ обычаями и нравами страны, разсказывали объ охотѣ на аллигаторовъ, пантеръ, предлагали разные совѣты и предосторожности противъ укушенія змѣй и показали въ назиданіе скелетъ гремучей змѣи, убитой хозяиномъ два года тому назадъ. Мы разошлись по своимъ комнатамъ, весьма довольные другъ другомъ, и не могли не сознаться, что представленіе о янки у насъ на родинѣ очень далеко отъ истины.

Но, наконецъ, вотъ и поѣздъ южной флоридской желѣзной дороги, вотъ и послѣдній свистокъ, и мы снова слышимъ русскія привѣтствія. Насъ ожидаютъ товарищи съ мулами и громадными ресорными телѣгами,—по здѣшнему, вагонами. Мы тутъ же знакомимся съ двумя русскими соотечественниками, которые берутъ дѣтей подъ свое покровительство и провожаютъ насъ до дома.

Мы идемъ сплошнымъ сосновымъ боромъ. Издали онъ имѣлъ видъ густаго, темнаго лѣса, но вблизи оказывается совершенно прозрачнымъ и лишеннымъ тѣни. Мулы тяжело трусили по сыпучему песку. Изрѣдка попадались домики, окруженные только что засаженными апельсинными плантаціями. Мы намѣрены были остановиться на время у нашего болѣе состоятельнаго соотечественника, который уѣхалъ въ Америку еще раньше и пріобрѣлъ тамъ землю съ домомъ и апельсинной плантаціей или, какъ здѣсь говорятъ, апельсиннымъ гровомъ (что буквально означаетъ рощу). Пока мы ѣхали эти три мили (около пяти верстъ), солнце закатилось, и наступила совершенная темь. Мы принуждены были ѣхать шагомъ. Невдалекѣ отъ дома горѣли громадные костры на новыхъ расчисткахъ лѣса и дѣлали темноту еще непроглядиѣе. Подъѣзжая, мы съ любопытствомъ всматривались въ очертанія апельсинныхъ деревьевъ, которые казались намъ зачарованными въ своей неподвижности, при свѣтѣ костровъ. За ними чуть виднѣлся маленькій домикъ, въ которомъ, благодаря нашимъ товарищамъ, мы нашли ожидавшій насъ ужинъ, и скоро вокругъ стола собралась вся семья русскихъ, закинутыхъ сюда съ разныхъ концовъ Россіи. Разспросамъ, разсказамъ не было конца, но усталость взяла наконецъ свое; мы размѣстились, какъ могли, и, не смотря на тревожное настроеніе духа, заснули, какъ убитые.

III.

Съ первымъ лучемъ солнца, я была уже на ногахъ и, Боже, какъ чуждо показалось мнѣ *все* кругомъ! Подъ окнами громадные олеандры,

вдвое выше самаго дома, сплошь покрытые милліонами цвѣтовъ. Вокругъ темнозеленыя апельсинныя деревья уставились чинными рядами по ярко-бѣлому песку; нѣкоторыя изъ нихъ уже гнутся подъ тяжестью золотыхъ плодовъ. Сейчасъ же за апельсинными деревьями—безконечный, прозрачный сосновый боръ.

Къ колодцу стали собираться люди: кто съ кувшиномъ за водой, а кто и безъ церемоніи тутъ же совершалъ свой туалетъ. Въ кухнѣ трещалъ огонекъ и кипѣлъ кофе. Вокругъ красивой чугунной печи суетился нашъ новый знакомецъ-землякъ, къ которому я и присоединилась въ надеждѣ повывѣдать разныя хозяйственныя подробности и помочь приготовить завтракъ на нашу многочисленную семью.

Въ тотъ же день, мы отправились осматривать нашу землю въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Участокъ въ 80 акровъ, который мы собирались занять. принадлежалъ прежде одному американцу, который взялъ его 5-ть лѣтъ тому назадъ, въ то время, когда здѣсь еще было много вакантныхъ правительственныхъ земель для раздачи поселенцамъ, но потерялъ права на эту землю, такъ какъ не сдѣлалъ никакой обработки, требуемой закономъ, и, не получивъ на нее крѣпостныхъ документовъ, — умеръ. По какой-то счастливой случайности, этотъ уголокъ уцѣлѣлъ отъ заселенія, и мы могли занять его, исполнивъ должныя формальности и доказавъ свидѣтельскими показаніями сосѣдей потерю правъ бывшаго владѣльца. Земля эта оказалась продолженіемъ того же сосноваго лѣса на песчаной почвѣ, спускавшагося уклономъ къ преріи, т. е. безлѣсному, открытому пространству, отчасти покрытому водой и грубой, высокой травою.

Мы снѣшили выбрать мѣсто для дома, такъ какъ необходимо было начать постройку сейчасъ же.

— Оставьте вы это все—говорили намъ земляки.—Взгляните на насъ. Мы прожили здѣсь пять, шесть лѣтъ, а нѣкоторые и дольше, и что мы нажили, кромѣ тоски по родинѣ? Не быть вамъ американцами никогда! Не выжить вамъ безвыходно и тѣхъ пяти лѣтъ, которыя полагаются закономъ для полученія купчей крѣпости на землю; затратите свои послѣдніе гроши и здоровье, а въ концѣ концовъ бросите все и вернетесь въ Россію. Русскому человѣку не живется въ Америкѣ.

Но оставить все—теперь было уже поздно. Вернуться въ Нью-Іоркъ было не на что и казалось изъ рукъ вонъ глупо, только что истративъ около 200 рублей на переѣздъ отъ Нью-Іорка до Флориды.

— Живутъ же другіе! говорили мы въ отвѣтъ, внутренно сознавая, что съ „другими“ намъ равняться невозможно.

— Другіе! Другіе здѣсь дома. Они знаютъ языкъ, знаютъ нравы и обычаи страны, знаютъ, что выгодно и что нѣтъ, а—главное—привыкли къ работѣ съ дѣтства. „Другіе“ не имѣютъ вашихъ требованій, не *привыкли къ роскоши* и позволяютъ себѣ пользоваться ею только тогда,

учебный сезонъ продолжался всего 4 мѣсяца. По статистическимъ свѣдѣніямъ послѣдняго года, количество бѣлыхъ учениковъ во Флоридѣ доходитъ до 44,523, а цвѣтныхъ — 40,000 человѣкъ. Кромѣ общественныхъ элементарныхъ школъ, во Флоридѣ существуютъ 2 семинаріи,—одна въ Генсвилѣ, а другая — въ Талагасси, и гимназія въ Джэксонвилѣ.

Каждые четыре года выбирается школьный инспекторъ и комитетъ для всего штата, и отдѣльные подкомитеты и инспекторы для каждаго графства. Каждая школа, кромѣ того, имѣетъ 5 попечителей, выбранныхъ общиной и утвержденныхъ подкомитетомъ графства.

Такимъ образомъ, каждый ребенокъ пользуется безплатной школой. На сѣверѣ въ каждомъ городѣ есть общественныя безплатныя гимназіи (grammar schools), нормальныя школы для подготовленія учителей, высшія школы (high schools), университеты и разныя другія. Во Флоридѣ пока, кромѣ элементарныхъ школъ и двухъ семинарій,—общественныхъ высшихъ школъ нѣтъ. Кромѣ общественныхъ школъ, существуетъ множество частныхъ, въ которыхъ плата довольно высока. Всѣ консерваторіи, академіи художествъ, рисовальныя школы и проч. — въ частныхъ рукахъ. Программы ихъ чрезвычайно разнообразны и богаты названіями всевозможныхъ наукъ. Насколько онѣ выполняются на дѣлѣ — судить трудно. Фактъ налицо тотъ, что воспитанные въ нихъ юные американцы очень рано оканчиваютъ свое ученье и приспособляются къ жизни, причемъ, за немногими исключеніями, *сами* дѣлаютъ свою карьеру и состояніе. Мало, однако, можно встрѣтить людей, хорошо владѣющихъ иностранными языками, музыкой и проч. А если и попадаются такіе, то почти всегда среди людей, учившихся въ Европѣ. Зато образованіе распространено равномѣрно на всѣ классы, и каждый самый бѣдный чернорабочій болѣе или менѣе образованъ и умѣетъ вести себя въ обществѣ.

Ко всему сказанному я должна прибавить еще нѣсколько словъ. Положеніе школьнаго дѣла во Флоридѣ въ настоящую минуту, какъ видите, довольно плохо, частью — вслѣдствіе недостаточности средствъ, а частью—вслѣдствіе отсутствія истинно образованныхъ людей. Въ нашей общинѣ, напримѣръ, 3 года тому назадъ были выбраны попечители школы. Въ то время здѣсь вообще людей было очень мало, а многосторонне-образованныхъ и совсѣмъ не было. Въ попечители пришлось выбрать людей изъ мелкихъ купцовъ и владѣльцевъ апельсинныхъ плантацій—уроженцевъ Флориды. Весьма возможно, что уже чрезъ 3 — 4 года всѣ эти условія радикально измѣнятся. Наплывъ поселенцевъ удвоитъ средства школьнаго фонда, а удачно выбранные попечители школы возьмутъ дѣло въ свои руки и обставятъ школы иначе. Нѣтъ сомнѣнія, что при такихъ условіяхъ и въ городахъ появятся хорошія частныя школы.

А. П.

(Окончаніе будетъ).

стая ночь снова раскрыла свой покровъ, и мы покойно спали до восхода солнца.

Вотъ уже два мѣсяца, какъ мы живемъ у себя дома, и многое за это время пережилось. Флорида—страна цвѣтовъ, такъ радушно улыбающаяся многимъ—встрѣтила насъ неласково. На первомъ же шагу, намъ пришлось услышать предостереженія и предвѣщанія разныхъ бѣдъ и напастей. Но мы рѣшились сдѣлать все возможное, чтобы достичь цѣли, и терпѣливо сносить все, что подвернется на пути.

Вы просите меня разсказать, гдѣ и какъ мы живемъ, и какое впечатлѣніе произвела на насъ флоридская природа. По правдѣ сказать, Флорида совсѣмъ не такова, какою мы себѣ воображали ее въ Россіи. Я нигдѣ не видала такой поразительной красоты, какую описываетъ Циммерманъ, которымъ мы такъ неосторожно и довѣрчиво зачитывались на родинѣ. Климатъ здѣсь дѣйствительно превосходный и на многихъ дѣйствуетъ цѣлебно. Почва замѣчательно разнообразная и, за немногими исключеніями, даетъ мѣсто всѣмъ представителямъ сѣверной растительности, а также изобилуетъ полутропическими растеніями, какъ напр.: апельсины, лимоны, гуавы, японскія сливы, бананы, ананасы и множество другихъ.

Во Флоридѣ ясно можно различить двѣ совершенно противоположныя группы. Бо́льшая часть полуострова представляетъ изъ себя безконечный сосновый боръ. Сосны замѣчательно высоки, но покрыты хвоей только на самыхъ вершинахъ, что́ даетъ этимъ лѣсамъ совершенно оригинальный видъ. Того, что́ у насъ называется подсѣдомъ, во флоридскихъ сосновыхъ лѣсахъ не существуетъ, вслѣдствіе ежегодныхъ луговыхъ пожаровъ. И потому лѣса эти такъ прозрачны, а деревья такъ рѣдки, что можно въ любомъ мѣстѣ ѣхать въ экипажѣ парой. Кое-гдѣ попадаются и дубовыя рощи. Эти сосновыя мѣстности, усѣянныя множествомъ прозрачныхъ озеръ, выбираются исключительно поселенцами, такъ какъ сравнительная высота ихъ надъ уровнемъ моря обезпечиваетъ гигіеническія условія жизни, хотя почва исключительно песчаная и бѣдная.

Совершенную противоположность съ сосновыми лѣсами составляютъ лиственные лѣса, такъ называемые гаммоки (hammock), которые покрываютъ громадныя пространства и оживляютъ однообразіе сосновыхъ лѣсовъ. Иногда гаммоки располагаются узкой полосой вдоль рѣкъ и ручейковъ, окружаютъ непроходимой чащей озера и преріи, а иногда покрываютъ собой громадныя равнины и болота. Въ нихъ сосредоточивается вся прелесть роскошной полутропической природы. Высокія пальмы, столѣтніе кипарисы, дикіе апельсины и лимоны, магноліи, лавры, красные кедры, колоссальные кусты капустной пальмы и безчисленное множество другихъ породъ тѣснятся тамъ непроницаемой стѣной, перевитые лианами, виноградомъ и другими вьющимися растеніями. Множество птицъ, самыхъ

яркихъ цвѣтовъ, перекликаются тамъ непривычными для европейскаго уха голосами; множество яркихъ бабочекъ и всевозможныхъ насѣкомыхъ самаго оригинальнаго вида и цвѣта оживляютъ гаммоки. По берегамъ рѣкъ и озеръ дремлютъ громадные аллигаторы; множество оленей, пантеръ и черныхъ медвѣдей находятъ пріютъ въ этихъ чащахъ и служатъ неистощимой приманкой для охотниковъ, съ тѣхъ поръ какъ индѣйцы покинули эти мѣста и отодвинулись на самый югъ Флориды.

Почва такихъ лиственныхъ лѣсовъ, или гаммоковъ, въ особенности во влажныхъ мѣстностяхъ, замѣчательно тучная, богатая растительнымъ перегноемъ; но расчистка ихъ такъ трудна, что до сихъ поръ очень малая часть ихъ разработана. Кромѣ того, они неудобны для заселенія съ гигіенической точки зрѣнія. Солнце никогда не проникаетъ въ эти чащи; упавшіе деревья и листья, вѣками гніющіе тамъ, распространяютъ міазмы, которые вредно дѣйствуютъ на здоровье. Если расчистка производится въ большихъ размѣрахъ, мѣстность оздоровляется въ теченіе одного-двухъ лѣтъ и вполнѣ пригодна для поселенія.

Сѣверныя и восточныя графства Флориды отличаются болѣе удобными для обработки землями и изобилуютъ чрезвычайно богатыми, такъ называемыми, сухими гаммоками, гдѣ растительность не такъ густа и легче поддается обработкѣ. Зато эти графства исключительно занимаются хлѣбопашествомъ. Они производятъ хлопчатникъ, кукурузу, овесъ, рисъ, сахарный тростникъ, табакъ, овощи всевозможныхъ сортовъ, тропическіе и полутропическіе фрукты, а также и большинство фруктовъ умѣреннаго климата, и вывозятъ въ большомъ количествѣ рыбу, губки, скипидаръ, смолу и всѣхъ сортовъ лѣсъ. Хлопчатникъ особенно хорошо растетъ во Флоридѣ. Половина всего американскаго хлопка идетъ отсюда.

Сахарный тростникъ обѣщаетъ занять выгодное мѣсто въ длинномъ спискѣ предметовъ вывоза и покрыть собою всѣ вновь осушенныя мѣстности, почвенныя условія которыхъ замѣчательно хороши для сахарныхъ плантацій.

Недалеко отъ нашего дома, въ трехъ верстахъ приблизительно, есть такой гаммокъ, окружающій маленькую живописную рѣчку. Мы очень любимъ ходить туда по воскресеньямъ и тамъ проводимъ съ дѣтьми цѣлый день. На берегу рѣчки расположенъ старый гровъ, владѣлецъ котораго постоянно живетъ на сѣверѣ и никогда не заглядываетъ въ свои флоридскія владѣнія. Въ этомъ мѣстѣ рѣчка соединяется съ большимъ сѣрнымъ ключемъ. Это—любимое мѣсто прогулокъ всѣхъ окрестныхъ жителей. Пріятно и отрадно провести денекъ среди тропической природы въ тѣни магнолій и каштановъ, послушать, какъ шелестятъ пальмы надъ головой. Въ *нашемъ сосновомъ лѣсу* такъ знойно и однообразно, и—увы!—такой полный *недостатокъ* тѣни!

себя исключительно изящной литературѣ. На его маленькой книжной полкѣ стояли рядышкомъ Гёте, Шиллеръ, Вольтеръ и Шекспиръ, Сервантесъ и Лермонтовъ, Данте и Гомеръ, а въ головѣ, какъ рой пчелъ, тѣснились звучные стихи, цѣлыя цитаты. Онъ постоянно находился въ одномъ пріятномъ возбужденіи,—отвѣшивалъ ли изюмъ, вылавливалъ ли изъ бочки селедку, или смотрѣлъ на статую Лаокоона. Все, что̀ попадалось ему на глаза, приводило его въ одинаковый восторгъ, — была ли это распустившаяся роза, или красивая женщина, или стихотвореніе Гейне.

Вмѣстѣ съ Мàрхеллесомъ жила его сестра; она была годомъ моложе брата и называлась Левиной. Нельзя сказать, чтобы она была красива, и если не считалась безобразною, то только потому, что безобразіе ея было до такой степени поразительно и оригинально, что дѣлало ее пикантною и привлекательною дѣвушкой. Левина очень сносно играла на роялѣ, и это было ея лучшимъ качествомъ. Однажды вечеромъ, когда братъ ея декламировалъ въ своей комнатѣ „Лауру у клавесина“ съ такимъ пыломъ, что стекла дрожали въ рамахъ, Левина усѣлась къ старому инструменту, который купилъ ей въ припадкѣ великодушія отецъ, и принялась играть сонату Бетховена. Мàрхеллесъ тотчасъ же появился на порогѣ и, едва смолкъ послѣдній аккордъ, бросился на колѣни передъ сестрою, цѣлуя ей руки. Было ли это слѣдствіемъ могучаго таланта Бетховена, или же полумракъ, наполнявшій комнату, одинъ былъ тутъ виновникомъ,—какъ бы то ни было, Левина показалась ему въ этотъ мигъ самымъ дивнымъ, самымъ совершеннымъ существомъ въ мірѣ, и онъ повторялъ въ экстазѣ:—„Ты—ангелъ! ты—богиня!“ а когда дѣвушка съ улыбкою охлаждала эти порывы, добавилъ:—„Ты, повидимому, сама не знаешь, что̀ за небесныя силы дремлютъ въ душѣ твоей! твои руки скользятъ по клавишамъ, Левина, и изъ звуковъ созидается передъ нами волшебный дворецъ“.

— А все таки я остаюсь такой же безобразной...

— Ты вовсе не безобразна, Левина,—ты больше, нежели прекрасна, вскричалъ ея братъ:—я убью того, кто осмѣлится назвать тебя безобразною! Въ твоей фигурѣ есть даже какая-то оригинальная прелесть,—только геніальный духъ, дьявольски выказывающійся въ тонкихъ чертахъ твоего лица, не можетъ много выиграть на фонѣ простаго домашняго платья и передника; тебѣ надо придумать особый поэтическій костюмъ.

— Не могу же я нарядиться турчанкой или цыганкой, со смѣхомъ прервала его Левина.

Нашъ ближайшій сосѣдъ—южанинъ, бывшій рабовладѣлецъ и отецъ многочисленнаго семейства. Онъ поселился здѣсь 11 лѣтъ тому назадъ. Изъ его разсказовъ о своей піонерской жизни во Флоридѣ можно заключить, что пріѣхалъ онъ сюда безъ денегъ, хотя имѣлъ маленькій ежегодный доходъ со своей хлопчато-бумажной плантаціи въ Джорджіи. Онъ, со всей семьей, цѣлый годъ жилъ безъ дома, довольствуясь парусинной палаткой, а жена стряпала на всю семью у костра. Самъ, безъ помощи наемныхъ рукъ, расчистилъ онъ свой лѣсъ и до сихъ поръ не можетъ вспомнить безъ нѣкотораго наивнаго умиленія, какъ мало по малу расширялся просвѣтъ, и онъ любовался на безоблачное небо послѣ паденія каждаго срубленнаго имъ гиганта. Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, вся семья питалась лишь кукурузной кашей, сладкимъ картофелемъ, соленымъ свинымъ саломъ и кофе безъ молока и безъ сахара. Иногда удавалось сдѣлать запасъ дикихъ апельсиновъ, которые въ то время еще водились въ ближнихъ гаммокахъ, не принадлежавшихъ частнымъ владѣльцамъ. Въ теченіе этихъ 11-лѣтъ, онъ засадилъ около 20 акровъ апельсинными деревьями и въ настоящее время имѣетъ болѣе сотни плодоносныхъ апельсиновъ, лимоновъ, фигъ и множество ананасовъ.

Едва ли найдется страна на земномъ шарѣ, которая могла бы похвалиться болѣе выгодными условіями для плодоводства. Разнообразію дикихъ и культурныхъ фруктовъ нѣтъ конца, но главное мѣсто среди нихъ неоспоримо принадлежитъ апельсинамъ. Фруктъ удобный для перевозки и съ постоянно обезпеченнымъ сбытомъ, онъ составляетъ настоящій raison d'être для каждаго жителя Флориды, поселившагося въ теченіе послѣднихъ 20—30 лѣтъ.

Доходъ съ апельсинныхъ рощъ громаденъ. На десятомъ-одиннадцатомъ году дерево начинаетъ приносить плоды. На двѣнадцатомъ году дерево нерѣдко приноситъ по тысячѣ и болѣе штукъ. Въ благопріятныхъ случаяхъ полный сборъ съ дерева, послѣ 20-лѣтняго возраста, считается среднимъ числомъ около 4000 штукъ, хотя есть деревья не старше 20 лѣтъ, приносящія до 8000.

На акрѣ земли помѣщается около 65 деревьевъ. Цѣна на апельсины за послѣдніе года не спускалась ниже 10 долларовъ за тысячу, что составляетъ 40 дол. съ дерева, т. е. 2600 дол. съ акра, или 7800 долл. съ десятины (около 15,500 руб.). Такая поразительная доходность апельсиновыхъ рощъ привлекаетъ множество охотниковъ попытать счастія и составить себѣ обезпеченное состояніе.

Дикій апельсинъ роскошно произрастаетъ въ гаммокахъ, но онъ не имѣетъ сбыта. Необходимо выращивать облагороженные культурой сорта. Большинство апельсинныхъ плантацій находится не въ *сродной имъ обстановкѣ, среди* гаммоковъ, а въ болѣе высокихъ боровыхъ

себя исключительно изящной литературѣ. На его маленькой книжной полкѣ стояли рядышкомъ Гёте, Шиллеръ, Вольтеръ и Шекспиръ, Сервантесъ и Лермонтовъ, Данте и Гомеръ, а въ головѣ, какъ рой пчелъ, тѣснились звучные стихи, цѣлыя цитаты. Онъ постоянно находился въ одномъ пріятномъ возбужденіи,—отвѣшивалъ ли изюмъ, вылавливалъ ли изъ бочки селедку, или смотрѣлъ на статую Лаокоона. Все, что̀ попадалось ему на глаза, приводило его въ одинаковый восторгъ, — была ли это распустившаяся роза, или красивая женщина, или стихотвореніе Гейне.

Вмѣстѣ съ Мàрхеллесомъ жила его сестра; она была годомъ моложе брата и называлась Левиной. Нельзя сказать, чтобы она была красива, и если не считалась безобразною, то только потому, что безобразіе ея было до такой степени поразительно и оригинально, что дѣлало ее пикантною и привлекательною дѣвушкой. Левина очень сносно играла на роялѣ, и это было ея лучшимъ качествомъ. Однажды вечеромъ, когда братъ ея декламировалъ въ своей комнатѣ „Лауру у клавесина“ съ такимъ пыломъ, что стекла дрожали въ рамахъ, Левина усѣлась къ старому инструменту, который купилъ ей въ припадкѣ великодушія отецъ, и принялась играть сонату Бетховена. Мàрхеллесъ тотчасъ же появился на порогѣ и, едва смолкъ послѣдній аккордъ, бросился на колѣни передъ сестрою, цѣлуя ей руки. Было ли это слѣдствіемъ могучаго таланта Бетховена, или же полумракъ, наполнявшій комнату, одинъ былъ тутъ виновникомъ,—какъ бы то ни было, Левина показалась ему въ этотъ мигъ самымъ дивнымъ, самымъ совершеннымъ существомъ въ мірѣ, и онъ повторялъ въ экстазѣ:—„Ты—ангелъ! ты—богиня!“ а когда дѣвушка съ улыбкою охлаждала эти порывы, добавилъ:—„Ты, повидимому, сама не знаешь, что̀ за небесныя силы дремлютъ въ душѣ твоей! твои руки скользятъ по клавишамъ, Левина, и изъ звуковъ созидается передъ нами волшебный дворецъ“.

— А все таки я остаюсь такой же безобразной...

— Ты вовсе не безобразна, Левина,—ты больше, нежели прекрасна, вскричалъ ея братъ:—я убью того, кто осмѣлится назвать тебя безобразною! Въ твоей фигурѣ есть даже какая-то оригинальная прелесть,—только геніальный духъ, дьявольски выказывающійся въ тонкихъ чертахъ твоего лица, не можетъ много выиграть на фонѣ простаго домашняго платья и передника; тебѣ надо придумать особый поэтическій костюмъ.

— Не могу же я нарядиться турчанкой или цыганкой, со смѣхомъ прервала его Левина.

и способъ посадки и обработки имѣютъ громадное вліяніе на успѣхъ. Случайности въ родѣ морозовъ, засухи и бури вліяютъ иногда разрушительно на урожаи и самый ростъ деревьевъ.

Вначалѣ за разведеніе апельсинныхъ плантацій брались въ большинствѣ случаевъ бѣдняки, которые, обработавъ участокъ и засадивъ его саженцами, принуждены были уходить на сторонніе заработки. Такія полузаброшенныя плантаціи росли чрезвычайно туго, деревья не давали правильнаго ствола, кустились отъ недостатка обрѣзки, покрывались паразитными насѣкомыми, а часто и совсѣмъ пропадали съ лица земли, забитыя другой растительностью. Не смотря на то, что такіе случаи повторялись довольно часто, нельзя отрицать и того факта, что множество людей совершенно безъ средствъ, но при благопріятныхъ условіяхъ, при близости населенныхъ мѣстъ и заработка, выращивали прекрасныя плантаціи и въ настоящее время пользуются громаднымъ доходомъ. Были высказываемы и такого рода опасенія, что доходность апельсинныхъ плантацій привлечетъ такую массу людей, что въ недалекомъ будущемъ рынокъ переполнится, и цѣны упадутъ совершенно. Но достаточно вникнуть немного въ это дѣло, чтобы убѣдиться въ противномъ. Яблоки продаются также легко теперь, какъ продавались 40 лѣтъ тому назадъ; тамъ, гдѣ продавалась сотня, теперь продаются милліоны. А между тѣмъ существуютъ тысячи акровъ, годныхъ для разведенія яблонь, и только сотни акровъ, годныхъ для разведенія апельсиновъ. Потребленіе апельсиновъ въ границахъ Соединенныхъ Штатовъ опредѣлено въ 600 милліоновъ ежегодно. Изъ этого числа, только 50 мил. выращивается дома; все остальное, какъ показываютъ отчеты таможни, получается изъ-за границы. Натуральный приростъ населенія Америки составляетъ около одной трети дѣйствительнаго,—остальныя двѣ трети пополняются эмиграціей. Болѣе полумилліона иностранцевъ ежегодно переселяются въ Америку и тѣмъ увеличиваютъ спросъ. Каждая новая желѣзная дорога, каждый новый каналъ удешевляетъ перевозку апельсиновъ и даетъ все болѣе и болѣе удобствъ доставлять этотъ прекрасный фруктъ въ наиотдаленнѣйшіе уголки Америки.

Итакъ, разведеніе апельсинныхъ плантацій представляетъ совершенно оригинальныя условія и, по цѣнности продукта, занимаетъ неоспоримо первое мѣсто. Это обстоятельство имѣетъ громадное вліяніе на исторію развитія страны, а въ недалекомъ будущемъ это вліяніе скажется несравненно сильнѣе.

Хлѣбопашцу на сѣверѣ, востокѣ и западѣ Америки необходимо имѣть нѣсколько сотъ акровъ поля, чтобы безбѣдно кормиться, причемъ онъ *неизбѣжно долженъ* затратить порядочную сумму денегъ на рабочій скотъ *и сельско-хозяйственный* инвентарь. Въ то же время, флориду достаточно *двухъ-трехъ акровъ*, чтобы существовать не только безбѣдно, но и ро

шла въ голову совершенно новая для Врубловицъ мысль—читать въ обществѣ классическія произведенія, распредѣливъ роли между участвующими; братъ, разумѣется, съ восторгомъ принялъ и поддержалъ такую мысль. Скоро составился кружокъ любителей; для начала былъ выбранъ „Донъ-Карлосъ“ Шиллера. Въ чтеніи принимали участіе подруги Левины,—красивая остроглазая Зельма Гранатштейнъ, въ своей розовой шолковой кацавейкѣ, выложенной бѣлою лисицею, и миленькая Бела Мизесъ, затѣмъ прелестная мадамъ Аксамитъ, и наконецъ друзья Мàрхеллеса: ученый Мòрхеллесъ, Альтшуль, Теллеръ, Эрлихъ, Леземъ и Биненштокъ.

Роковымъ образомъ, Зельма, въ своей роскошной кацавейкѣ, читала роль Эболи; но, быть можетъ, она и безъ того хорошо изучила искусство нравиться, потому что и Мàрхеллесъ, и Мòрхеллесъ влюбились въ нее до безумія,—а когда дѣвушка красива и хочетъ покорять себѣ сердца, то ей легко это сдѣлать. Краснорѣчивые взгляды, которые Левина устремляла на Мòрхеллеса, остались незамѣченными, точно также какъ восхитительный смѣхъ Белы, чуть не прислонявшейся къ плечу Мàрхеллеса, Зельма побѣдила обоихъ, Мàрхеллеса и Мòрхеллеса, первымъ же взглядомъ, — даже, строго говоря, она, подобно сказочному портному, однимъ ударомъ положившему на мѣстѣ семь мухъ,—однимъ только взглядомъ своихъ томныхъ глазъ плѣнила всѣхъ семерыхъ друзей.

И вотъ, каждое воскресенье, вечеромъ, общество это собиралось для чтенія то у Мàрхеллеса, то у Гранатштейна или Аксамита, и даже наступившее лѣто не могло прекратить этихъ собраній. Прочитали Шиллера, Гёте, затѣмъ перешли къ Шекспиру. Такимъ образомъ, однажды, во время чтенія „Венеціанскаго купца“, въ саду Гранатштейна, внезапно разразилась буря; исполнители бросились спасаться въ комнаты и подоспѣли сюда какъ разъ въ ту минуту, когда хозяинъ дома, сдвинувъ съ мѣста столъ, положилъ на него Моисѣево пятикнижіе, раскрылъ главу о твореніи міра и насыпалъ посреди́нѣ и на четырехъ углахъ по кучкѣ соли.

Мàрхеллесъ внимательно слѣдилъ за нимъ.

— Къ чему вамъ все это? спросилъ онъ наконецъ.

— Къ чему? чтобы отвратить громовой ударъ! вскричалъ Гранатштейнъ.

— Для этой цѣли гораздо лучше было бы устроить на крышѣ громоотводъ, возразилъ Мàрхеллесъ.

— Зачѣмъ мнѣ пользоваться такими вещами, которыя приду-

долженіе 30 лѣтъ, а къ тому времени вырубленныя мѣста покроются новыми зарослями. Мѣстные лѣсопромышленники испытали на дѣлѣ, что ростъ деревьевъ здѣсь гораздо быстрѣе, чѣмъ въ болѣе сѣверныхъ штатахъ, и уже черезъ 20 лѣтъ получается отличный матеріалъ для лѣсопильныхъ заводовъ. Кромѣ вышепоименованныхъ промышленныхъ предпріятій, существуетъ множество болѣе мелкихъ производствъ, утилизирующихъ лѣсное богатство, какъ напр., производство терпентина, смолы, дегтя, дубовой коры и проч.

Подъѣзжая къ лѣсопилкѣ, мы поминутно встрѣчали логкарты, нагруженные громадными бревнами. Логкартъ — это два громадныя колеса съ простымъ механизмомъ, придѣланнымъ къ оси, который, съ помощью цѣпи и двухъ желѣзныхъ крючьевъ, захватываетъ бревно, приподнимаетъ его и на вѣсу везетъ къ мѣсту назначенія. Нагрузка бревна производится въ какую нибудь минуту времени.

Такимъ образомъ вывозятъ тяжелые кипарисы громадной величины изъ болотъ, сплошь заросшихъ всевозможной растительностью и заваленныхъ валежникомъ. Ихъ везли два или три мула съ погонщикомъ-негромъ, верхомъ на одномъ изъ нихъ. Привѣтствуя насъ, негры весело скалили свои ослѣпительно-бѣлые зубы, и крики ихъ далеко разносились по лѣсу. Иногда попадались новыя расчистки, гдѣ негры съ пѣснями рубили сосны, причемъ ритмъ пѣсни непремѣнно совпадалъ съ паденіемъ топора. Сильный запахъ смолы разносился далеко вокругъ. Съ улыбкой сожалѣнія вспомнили мы склянки съ сосновыми опилками, предлагаемыя въ Россіи для очищенія воздуха, за которыя нашъ общій знакомый платилъ когда-то бо́льшія деньги. Вотъ куда бы ему пріѣхать подышать чистымъ лѣснымъ воздухомъ, пропитаннымъ сосновымъ ароматомъ!

Наконецъ, вотъ и усадьба или, какъ здѣсь называется, мѣсто (place) нашего американца. Его гровъ еще молодъ, но уже рѣзко выдѣляется темной зеленью отъ окружающей дикой обстановки. Маленькій домъ съ верандами вокругъ едва виднѣется изъ-за высокихъ, прелестныхъ, тѣнистыхъ деревьевъ, которыя здѣсь называютъ china-tree. Ихъ вѣтви располагаются зонтикообразно, и въ 5—6 лѣтъ отъ посадки они выростаютъ въ громадныя деревья.

Обогнувъ уголъ, мы остановились у воротъ его рощи, и передъ нами открылся широкій видъ на озеро, на берегу котораго помѣщалась лѣсопилка въ зданіи самаго нехитраго устройства. Оно представляло собою громадный навѣсъ, подъ которымъ помѣщался паровикъ, машина и круглая пила. Бревна по рельсовому пути подкатывались къ пилѣ, а оттуда распиленныя доски моментально разбирались по сортамъ рабочими и, по разнымъ рельсовымъ путямъ, развозились въ надлежащее мѣсто. Богатство лѣснаго матеріала настолько велико, что лѣсопилки не только не утилизируютъ *опилокъ, но* даже горбыли и обрѣзки сжигаютъ, чтобы не за-

— По моему—стрѣляться.

— Хорошо. Барьеръ — десять шаговъ.

— По моему—черезъ платокъ.

— Ну, черезъ платокъ, ладно.

Гусарскіе офицеры хохотали, но Мàрхеллесъ и Мòрхеллесъ не думали шутить. Напрасно друзья старались успокоить ихъ; напрасно Бела и Левина заливались слезами.

— Разъ мужчина сказалъ что бы то ни было, упрямился Мàрхеллесъ:—онъ долженъ стоять на своемъ.

— Пусть свѣтъ увидитъ, что и между евреями попадаются храбрые люди, твердилъ Мòрхеллесъ.

— Это не люди, это—тигры! воскликнулъ Биненштокъ, придя вечеромъ къ дѣвушкамъ съ подробнымъ докладомъ; но онѣ уже осушили свои слезы, начали лукаво шептаться съ нимъ, а затѣмъ ревностно взялись за ножницы и иголку.

Когда, раннимъ утромъ слѣдующаго дня, Мàрхеллесъ и Мòрхеллесъ показались на мѣстѣ битвы, Биненштокъ еще разъ спросилъ ихъ, по прежнему ли думаютъ они стрѣляться черезъ платокъ.

Оба отвѣчали утвердительно.

— Хорошо! сказалъ Биненштокъ:—а затѣмъ честь ваша будетъ удовлетворена?

— Разумѣется!

Тогда Биненштокъ принялся разматывать большой клубокъ.

— Что̀ это значитъ? спросили въ одно время Мàрхеллесъ и Мòрхеллесъ.

— Мы отъискали самый большой платокъ во Врубловицахъ, спокойно отвѣчалъ Биненштокъ:—а Бела и Левина разрѣзали его въ тонкія полоски и сшили ихъ вмѣстѣ. Но вѣдь платокъ все таки остается платкомъ.

Когда Биненштокъ и Теллеръ натянули его, разстояніе между дуэлянтами оказалось около ста двѣнадцати шаговъ.

— Вотъ! сказалъ Биненштокъ, а Эрлихъ и Аксамитъ подали противникамъ пистолеты: — теперь можете стрѣлять другъ въ друга, сколько вамъ вздумается.

Мàрхеллесъ и Мòрхеллесъ сразу расхохотались, разрядили въ воздухъ свои пистолеты и бросились въ объятія другъ друга.

Въ эту минуту, верхомъ на лошади, прискакалъ Леземъ, крича во весь голосъ:

— Не стрѣляйтесь! Зельма только что помолвлена съ Атласомъ изъ Тарнополя.

Въ этотъ самый вечеръ, Мàрхеллесъ и Мòрхеллесъ со своими

ѣсколько сотъ куръ различныхъ усовершенствованныхъ породъ и около 00 молодыхъ.

— Зачѣмъ это вы держите такъ много куръ? удивлялись мы.—Не мѣя прислуги, это такъ хлопотливо и отнимаетъ столько времени!

— Я нахожу это очень выгоднымъ, отвѣтила она.—Я люблю это дѣло, еду акуратно счеты и всегда знаю, что приноситъ мнѣ мое куро-одство. Яйца здѣсь очень дороги, отъ 30 до 50 центовъ *). за дю-ину, а зимой, передъ рождествомъ, когда кругомъ всѣ отели и частные ома полны сѣверянъ, пріѣзжающихъ провести зиму на югѣ,—цѣна яицъ оходитъ до 1 доллара за дюжину. Такимъ образомъ, я получаю ежегодно ѣсколько сотъ долларовъ чистой прибыли. Что касается хлопотливости кода, взгляните сперва на устройство моего курятника, и вы сами убѣ-итесь, что я могу тратить весьма мало времени на уходъ. Все дѣлается мо собой, если сразу поставить дѣло какъ слѣдуетъ.

При этомъ она отперла ключемъ небольшее зданіе, построенное изъ онкихъ брусочковъ съ просвѣтомъ между каждымъ изъ нихъ, лучше казать—совершенно сквозное, гдѣ только крыша была плотна и не про-ускала ни дождя, ни солнца. Всю средину занималъ сильно покатый полъ, надъ нимъ насѣсти. Полъ не доходилъ до земли, а ограничивался со сѣхъ сторонъ лотками, куда скатывался пометъ и собирался въ бочки, акъ настоящее гуано для удобренія апельсинныхъ деревьевъ. Подъ гимъ поломъ устроены были сотни чистенькихъ гнѣздъ для кладки яицъ. ъ нихъ сидѣло множество куръ, а тамъ, гдѣ ихъ не было, виднѣлись учки яицъ и фарфоровыя подкладки. Для кладки яицъ куры входили въ урятникъ по лѣстницѣ, въ маленькое окно, нарочно для того приспособлен-ое. Кромѣ хозяйки, никто не могъ попадать въ курятникъ. Трудно раз-казать всѣ усовершенствованныя приспособленія для кормленія, вывода ыплятъ и прочихъ мелочей; но мы убѣдились, что каждая мелочь была рого обдумана и цѣлесообразна, а время на уходъ доведено до возмож-аго minimum'а. Мы удивлялись только тому, что, при такомъ усовершен-твованномъ устройствѣ птичника, хозяйка ограничивается одними курами.

— Отчего вы не держите индюшекъ, утокъ, гусей и проч.? поинте-есовались мы.

— Оттого что главный доходъ я получаю съ яицъ и въ эту сторону аправляю всѣ свои заботы. Кормить же птицъ на мясо здѣсь невыгодно, акъ какъ кормъ весь привозный, и потому стоитъ дорого. Мы предостав-яемъ это другимъ штатамъ, гдѣ кормъ въ изобиліи, а оттуда получаемъ ясо уже въ консервахъ.

Осмотрѣвъ въ подробности это хозяйство, мы прошли въ апельсинную

*) Центъ—*около 2 коп. по курсу.*

скрипкѣ, или рубили дрова. Однако, не смотря на свою глухоту, Янкель Мускатъ былъ веселъ и счастливъ, насколько можетъ быть счастливъ человѣкъ въ этомъ мірѣ. Еслибы онъ былъ учителемъ въ хедѣрѣ [1]) или музыкантомъ, то отсутствіе слуха, по всей вѣроятности, нѣсколько безпокоило бы его; но онъ принадлежалъ къ числу самыхъ состоятельныхъ купцовъ въ своемъ городѣ; его окружали служащіе, дѣти и жена,—всѣ они имѣли здоровыя уши, могли вести переговоры съ покупателями, а самъ онъ велъ только торговыя книги, да писалъ нужныя письма и счеты: такъ какая же ему была нужда слышать, что̀ говорятъ около него? И отчего бы ему не чувствовать себя счастливцемъ,—вѣдь у него были хорошіе глаза, а видъ жены его Рифки доставлялъ ему большое удовольствіе, хоть и приходилось отказывать себѣ въ удовольствіи разговаривать съ нею.

Рифка была красивая женщина, невысокаго роста, но и не очень ужь маленькая; ея полныя формы придавали ей большую пикантность и сильно импонировали собесѣдниковъ — или, по крайней мѣрѣ, мужа, когда она стояла передъ нимъ, гордо закинувъ голову. Очень можетъ быть, что на него дѣйствовали также томный взглядъ ея бархатистыхъ глазъ и насмѣшливая улыбка вокругъ полныхъ розовыхъ губокъ; какъ бы то ни было, онъ всегда смотрѣлъ на жену съ большимъ удовольствіемъ и ни разу еще не пожалѣлъ, что не можетъ слышать ея рѣчей, такъ какъ она говорила не всегда одни только ласковыя слова. Рифка была очень вспыльчива и раздражительна. Въ прежнія времена, Янкель Мускатъ часто зажималъ себѣ уши, чтобы не слышать женину брани. Теперь же это было не нужно ему, и онъ только улыбался, когда Рифка сердилась и ругала его.

Пріятно обладать красивою женою, которую нѣжно любишь; а Янкель Мускатъ имѣлъ, кромѣ того, троихъ милыхъ дѣтей,—мальчика и двухъ дочерей, приносившихъ ему много радости; затѣмъ, у него были преданные служащіе, много хорошихъ родственниковъ и вѣрныхъ друзей; самъ онъ пользовался милостью и уваженіемъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ города. Если же ему случалось когда нибудь почувствовать себя недовольнымъ, то подъ рукой у него было еще одно утѣшеніе, никогда не обманывавшее его,—это водка. Янкель Мускатъ очень любилъ водку; онъ пилъ ее и рано утромъ, сейчасъ же послѣ молитвы, и днемъ, часто даже—и ночью, уже въ постели; но больше всего онъ пилъ

[1]) *Еврейское* училище.

быть застигнутыми темнотой ночи по незнакомой дорогѣ, и распростились съ радушными хозяевами.

VI.

Изъ писемъ вашихъ, милые друзья, вижу, что условія нашей жизни, а также климатъ и нравы Флориды вамъ невполнѣ уяснились и представляются въ превратномъ свѣтѣ. Потому сегодня я займусь подробнѣе этими вопросами.

Относительно климата вы, вѣроятно, припоминая повѣствованіе Робинзона Крузе, предполагаете, что у насъ теперь вмѣсто зимы дождливый сезонъ. Въ этомъ вы сильно ошибаетесь. Мы не такъ несчастны, чтобы къ холоду примѣшивалась еще и сырость. Боже сохрани! Зима здѣсь вся стоитъ очень сухая. Во время полнолунія, ночи бываютъ холодныя, иногда даже морозныя. Бывали морозы до двухъ-трехъ градусовъ по Реомюру. Но лишь только взойдетъ солнце, снова тепло и даже жарко. Такіе легкіе морозы не вредятъ ни апельсинамъ, ни лимонамъ, а ананасы защищаются только покрышкой изъ листьевъ palmetto, на аршинъ или полтора отъ земли, такъ что даже запоздалые плоды ихъ вызрѣваютъ зимой. Подъ этой же покрышкой, между ананасами, мы посадили томаты и теперь собираемъ ихъ каждый день понемногу для домашняго обихода. Обстановка вокругъ почти не измѣнилась подъ вліяніемъ зимы, и даже дубы не облетѣли. Только трава потеряла яркій колоритъ, да прерія зажелтѣла. Стада коровъ, владѣльцы которыхъ живутъ, можетъ быть, за десятки миль отсюда, спускаются къ низкимъ мѣстностямъ, гдѣ трава еще посочнѣе, и наша прерія пестрѣетъ коровами всѣхъ цвѣтовъ. Ихъ мы терпимъ, такъ какъ они намъ никакого вреда не приносятъ; но если завидимъ свиней, то немедленно спускаемъ двухъ собакъ, нарочно дрессированныхъ съ этою цѣлью, и происходитъ отчаянная гонка, въ которой часто принимаютъ участіе и дѣти.

Зима еще отличается отъ лѣта относительнымъ многолюдствомъ. Большіе отели, наглухо запертые лѣтомъ, разбросанные въ нашихъ окрестностяхъ, въ болѣе или менѣе живописныхъ мѣстахъ, по большей части на берегу озеръ, теперь наполнены пріѣзжими гостями съ сѣвера. По дорогамъ то и дѣло попадаются бегги (родъ шарабана) и большія линейки, наполненныя праднымъ народомъ и нарядными леди. Пароходы, отправляющіеся на югъ, въ глубь страны, полны пассажирами и туристами, жаждущими оставить за собой снѣга и вьюги сѣвера и провести нѣсколько мѣсяцевъ въ странѣ цвѣтовъ, въ странѣ вѣчнаго лѣта.

Въ особенности славятся экскурсіи на Индіанъ-Риверъ. Эта *полу-рѣка, полу-лагуна* вытекаетъ изъ океана и течетъ параллельно съ берегомъ, *отдѣленная* отъ моря только узкой косой. Во многихъ мѣстахъ

она снова соединяется съ океаномъ, и вода въ ней горько-соленая. По берегамъ роскошные лиственные лѣса и дикія апельсиновыя рощи. Во многихъ мѣстахъ берегъ очень высокъ и спускается къ водѣ отвѣсно. Индіанъ-Риверъ изобилуетъ рыбой, зелеными черепахами и устрицами. Сѣверная часть ея уже заселена довольно густо. Для зимняго сезона не найти мѣста болѣе живописнаго и теплаго. По берегамъ настроено множество отелей, зимою весьма оживленныхъ. Масса туристовъ и охотниковъ располагается по берегу на цѣлые мѣсяцы въ палаткахъ. Все время отъ октября до мая погода здѣсь похожа на наше „бабье лѣто". Утреннее солнце, выходя изъ-за бѣлыхъ кудрявыхъ облаковъ, вѣчно висящихъ надъ гольфстрэмомъ, открываетъ роскошную сказочную обстановку, съ которой можетъ сравниться развѣ только прозрачный, полный красокъ закатъ. Охотники въ прибрежныхъ лиственныхъ лѣсахъ или гаммокахъ находятъ неистощимый запасъ медвѣдей, оленей, дикихъ индюшекъ, перепеловъ, утокъ и разныхъ другихъ водяныхъ птицъ. Богатство этой мѣстности привлекаетъ и постоянныхъ поселенцевъ. Овощи поспѣваютъ здѣсь на 6 недѣль раньше, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ Флориды. Апельсины, ананасы, бананы растутъ здѣсь роскошно; по всему берегу океана можно разводить кокосовую пальму. Сахарный тростникъ достигаетъ здѣсь громадныхъ размѣровъ и садится въ 7—8 лѣтъ одинъ разъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вся эта страна заселилась бы чрезвычайно густо, еслибы поселенцы не боялись множества комаровъ, слѣпней и другихъ насѣкомыхъ, надоѣдающихъ людямъ и животнымъ все лѣто.

Такъ вотъ какова наша зима во Флоридѣ!

Дождливый же сезонъ бываетъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ и заканчивается обыкновенно бурей въ началѣ сентября. На дожди никто и не думаетъ жаловаться, такъ какъ они охлаждаютъ температуру и освѣжаютъ растительность. Ими пользуются для посадокъ нѣкоторыхъ овощей и апельсинныхъ деревьевъ.

Обыкновенно понятіе о дождливомъ періодѣ связывается неразрывно съ сѣрымъ небомъ, безпрерывнымъ дождемъ и непролазной грязью. На самомъ же дѣлѣ, этотъ періодъ—одно изъ пріятнѣйшихъ временъ года. Ясная погода, безоблачное, ярко-голубое небо и никакихъ предвѣстниковъ дождя. Вдругъ налетаетъ облако, порой темная туча, забѣлѣетъ даль, хлынетъ ливень и обложитъ всю окрестность непроглядным бѣлымъ покрываломъ. Дѣтямъ праздникъ! Бѣгутъ подъ крышу, а черезъ 10—20 минутъ опять солнце, и дѣти снова на волѣ. Песчаная почва такъ жадно вбираетъ всю воду, что не остается нигдѣ ни капли. Такіе ливни бываютъ ежедневно въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, и почти всегда въ опредѣленные часы дня. Такая же правильность замѣчается и въ береговомъ вихрѣ (breese). Въ продолженіе всего лѣта, онъ освѣжаетъ страну и дѣлаетъ возможными и безопасными всѣ работы подъ палящими лучами солнца, изъ-

ясь настоящимъ благодѣяніемъ жителей. Поэтому во Флоридѣ неизвѣстны полуденные часы сіесты, являющіеся неизбѣжными во многихъ жаркихъ странахъ.

Но ничто не можетъ сравниться съ прелестью флоридскихъ ночей! Сумерки не существуютъ. Немедленно послѣ заката солнца наступаетъ свѣжая, душистая ночь съ темносинимъ небомъ, яркими звѣздами и сильнымъ ароматомъ безчисленныхъ цвѣтовъ и апельсиновыхъ рощъ. Эти чудныя ночи съ избыткомъ награждаютъ жителей, изъ которыхъ рѣдкій не работаетъ самъ своими руками. Съ 7 часовъ вечера все населеніе сидитъ на верандахъ, въ неизбѣжныхъ качалкахъ или гамакахъ, которыхъ нельзя не встрѣтить даже въ самыхъ бѣдныхъ домишкахъ. Цѣлый міръ насѣкомыхъ просыпается въ этотъ ночной часъ. Весь безконечный боръ полонъ звуковъ. Кругомъ безчисленное множество свѣтящихся жучковъ. Ночныя птицы поютъ надъ самой землей, издавая непривычные для нашего уха звуки. Вдали слышится пѣсня запоздалаго негра, и звонко раздаются по лѣсу ея своеобразныя трели, какъ будто созданныя для этихъ прозрачныхъ, гулкихъ лѣсовъ. Но вотъ и мѣсяцъ выплылъ на небо и озарилъ новой, небывалой красотой всю окрестность. Апельсинныя деревья, какъ очарованныя, стоятъ, не шелохнувъ листкомъ. Каждая вѣточка, каждый листокъ яркой тѣнью ложится на голубовато-бѣломъ пескѣ. Жасмины, розы, мирты наполняютъ воздухъ благоуханіемъ и переносятъ васъ въ сказочный міръ востока. Тихо всюду, такъ тихо и такъ дивно красиво, что боишься произнести слово, боишься нарушить очарованіе южной волшебницы.

Не хотѣлось мнѣ касаться нашей личной жизни во флоридскихъ лѣсахъ, но вы такъ настойчиво обращаетесь къ этому предмету въ каждомъ изъ вашихъ писемъ, что я не смѣю оставить безъ вниманія ваши требованія. Перенеситесь же мысленно къ намъ въ самую средину января, въ ранній утренній часъ. Длиннаго разсвѣта—нашей бѣлой зари—нѣтъ; кругомъ темно; приходится вставать съ огнемъ. Утренній холодъ прогоняется довольно скоро веселымъ огонькомъ въ маленькой чугунной печкѣ. Нехитрый завтракъ для всей семьи ставится на огонь; кофе заваренъ. Но вотъ и первые лучи солнца! Я открываю двери настежъ, и въ нашей комнатѣ становится веселѣе. Она служитъ намъ и кухней, и столовой, а подчасъ—и гостинной. Она прибрана еще съ вечера, такъ что мнѣ остается только замѣсить тѣсто, поставленное съ вечера, и накрыть столъ, а затѣмъ я вправѣ любоваться на восходъ солнца.

Кругомъ дома—молодые дубки, palmetto, трава, виноградъ, пересаженный нами изъ лѣса. Все блеститъ росой. Не знаю, отъ яркости ли солнца, прозрачности воздуха, или отъ обилія росы, но весь лѣсъ кажется *усыпаннымъ брилліантами*. Я каждое утро радуюсь, что могу встрѣтить *восходъ солнца, и не послѣ* безпутнаго вечера въ какомъ нибудь клубѣ

или за винтомъ, а доброй, свѣжей и за работой. Пріятно начинать такъ день. Чувствуешь, что не искажаешь законовъ природы, а сливаешься съ ней въ одно цѣлое. Но, конечно, подобнымъ мыслямъ не суждено переходить въ длинныя мечтанія, такъ какъ мужъ—уже всталъ. Я наливаю кофе, болтаю съ нимъ о томъ, о семъ; затѣмъ онъ отправляется на работу. Медлить некогда. Ему предстоитъ $2^1/_2$ мили ходьбы, и работа начинается въ 7 часовъ.

Теперь на сцену являются дѣти. Завтракъ быстро оканчивается, и всѣ расходятся по разнымъ дѣламъ. Старшая дѣвочка остается мыть посуду и убирать комнаты, остальныя—кто за водой, кто за сучьями, кто выпускать и кормить куръ. А я сама отправляюсь или на огородъ, или на стирку бѣлья, а если такихъ спѣшныхъ работъ нѣтъ, сажусь за швейную машину. Стирка сначала утомляла меня до изнеможенія. Но теперь я попривыкла, да и стирать здѣсь гораздо легче, чѣмъ дома, въ Россіи, и руки не такъ портятся съ помощью стиральной доски и порошка. Благодатное солнце помогаетъ мнѣ немало въ бѣлизнѣ и быстротѣ сушки, и въ тотъ же день вечеромъ я уже могу сложить на полку свое бѣлье, сухое и бѣлое, какъ снѣгъ. Если у меня такая работа—обѣдъ готовитъ старшая дѣвочка. Теперь я могу уже поручить ей это, хотя ей всего 9 лѣтъ. Но за эти мѣсяцы мы много работали вмѣстѣ и обѣ научились многому. Впрочемъ, и это дѣло у насъ до крайности просто. Въ одномъ углу—бочка съ мукой, въ другомъ—бочка съ кукурузной крупой. На полкѣ нѣсколько жестянокъ сгущеннаго молока, кофе, крахмалъ для киселя, патока и рисъ. Тутъ же, въ видѣ украшенія, ветчина въ яркожелтыхъ холщевыхъ мѣшкахъ. Какъ видите, разнообразіе невелико! Хитро ли сварить кукурузную кашу или кусокъ ветчины? Моя дѣвочка постигла это искусство, знаетъ, когда надо затопить печку, если мамы нѣтъ дома; знаетъ, когда ставить самоваръ, чтобы онъ закипѣлъ какъ разъ тогда; когда папа возвращается домой (мы все еще не можемъ отрѣшиться отъ родныхъ обычаевъ, какъ бы ни были они неудобны и неумѣстны). Но чаще всего я дѣлаю это сама, такъ какъ печенія хлѣба я не могу никому поручить, а печь моя такъ миньятюрна, что не вмѣщаетъ въ себя большаго запаса, и приходится ежедневно этимъ заниматься. Одинъ или два раза въ недѣлю, къ нашему домику подъѣзжаетъ фура съ мясомъ. Мясникъ трубитъ въ рогъ, и мы въ этотъ день варимъ супъ и жаримъ печенку.

Самое свободное здѣсь время дня для каждой хозяйки—промежутокъ отъ часу до 3—4-хъ пополудни, такъ какъ всѣ безъ исключенія обѣдаютъ въ 12 часовъ. Въ это время дня, женщины занимаются посѣщеніемъ другъ друга, закупками, а иногда и просто сидятъ на своей *собственной* верандѣ, на качалкѣ, съ книгой въ рукахъ. Мои ближайшія *сосѣдки рѣдко* выходятъ изъ дому, такъ какъ населеніе здѣсь еще не густо, *и каждый* визитъ отнимаетъ много времени, да и утомляетъ ужасно. Не

забывайте, что почва у насъ—сыпучій песокъ, а держать лошадь—недоступная роскошь. Самая неказистая лошадка мѣстнаго происхожденія стоитъ не дешевле 100 долл., и кормить ее приходится привознымъ дорогимъ кормомъ. Впрочемъ, сосѣдки мои и не тяготятся отсутствіемъ общества. Онѣ съ дѣтства ведутъ такую жизнь. Большинство ближайшихъ моихъ сосѣдокъ—уроженки Флориды. Я же пытаюсь иногда бывать у нѣкоторыхъ изъ болѣе интересныхъ для меня людей, и въ особенности охотно навѣщаю двѣ семьи сѣверянъ, гдѣ могу поиграть на фортепіано. Зато вечеромъ прихожу совершенно усталая и съ каждымъ разомъ убѣждаюсь болѣе и болѣе въ томъ, что флоридскіе лѣса и пользованіе общественными удовольствіями—двѣ вещи несовмѣстимыя. Въ 5 часовъ я приготовляю ужинъ. Къ тому времени, когда рабочіе расходятся по домамъ, въ зимніе дни—совершенно темно; дѣти раскладываютъ костеръ, чтобы освѣтить дорогу отцу, возвращающемуся съ работы. Въ 7 часовъ мы ужинаемъ, и затѣмъ, казалось бы, передъ нами еще цѣлый вечеръ, и нашлось бы время посидѣть, почитать. Но за день до того умаешься, что энергіи хватаетъ лишь на то, чтобы посидѣть на балкончикѣ и потолковать о текущихъ дѣлахъ, а иногда полюбоваться лунною ночью. Затѣмъ ставлю тѣсто на слѣдующій день, завожу будильникъ и запираю куръ.

Такъ проводимъ мы время изо дня въ день. Приблизительно также живутъ и всѣ кругомъ, съ бо́льшимъ или меньшимъ комфортомъ, смотря по карману. Но сущность жизни вся въ этомъ процессѣ. Жить и нажить—вотъ главная цѣль; остальное отходитъ на второстепенный планъ.

VII.

Вы легко повѣрите, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидала возможности отдать дѣтей въ американскую школу:—съ одной стороны, имъ такъ необходимо познакомиться съ языкомъ, а съ другой—взрослые члены семьи такъ заняты, что учить ихъ совершенно некогда. Къ сожалѣнію, школа здѣсь открылась очень поздно. На запросы по этому поводу, мнѣ отвѣчали, что Флорида еще такъ мало заселена, и школьный фондъ сравнительно такъ бѣденъ, что не имѣетъ возможности содержать школы во всѣхъ мѣстностяхъ долѣе 5—6 мѣсяцевъ. На будущій годъ надѣются продлить школьный сезонъ до 8 мѣсяцевъ.

Мои дѣти поступили въ школу три недѣли тому назадъ. Я съ интересомъ вглядываюсь въ школьное дѣло, разспрашиваю всѣхъ, отъ кого есть надежда получить подробныя свѣдѣнія, и читаю отчеты и журналы сѣверныхъ школъ. Съ величайшимъ сожалѣніемъ я должна признаться вамъ, что въ этомъ вопросѣ мы потерпѣли страшное разочарованіе. Помните, *какія хвалебныя статьи* объ американскихъ школахъ печатались въ *нашихъ толстыхъ журналахъ*? Всѣ отзывы русскихъ путешественниковъ

не выказывалъ этого ни одной душѣ въ городѣ: доставить удовольствіе Рифкѣ—было для него высочайшимъ блаженствомъ.

Янкель назначилъ для этого день ея рожденія. Тѣмъ временемъ ему пришлось зайти какъ-то вечеркомъ по дѣлу къ раввину Іеростеверу; хотя этотъ послѣдній не могъ сравняться въ славѣ съ садагорскимъ, но былъ все таки ученый мужъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ. Янкелю хотѣлось посовѣтоваться съ нимъ относительно кое-какихъ вопросовъ, но ему пришлось подождать: у раввина сидѣлъ уже мясникъ Моритъ Мельзеллесъ. Въ отвѣтъ на поклонъ Янкеля, раввинъ кивнулъ головою и продолжалъ разговоръ съ мясникомъ, какъ будто бы въ комнатѣ, кромѣ ихъ двоихъ, никого не было; а между тѣмъ глаза Янкеля наполнились слезами, пока онъ, помимо своей воли, слушалъ этотъ разговоръ.

Рѣзникъ отказался зарѣзать для мясника двухъ прекрасныхъ, тяжеловѣсныхъ быковъ, сомнѣваясь въ ихъ годности; Моритъ Мельзеллесъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ раввину; тотъ отнялъ сначала у несчастнаго послѣднюю надежду, но потомъ, когда мясникъ вытащилъ изъ кармана одинъ червонецъ, за нимъ—другой и наконецъ—третій, смиловался надъ нимъ.

— Скажите рѣзнику, рѣшилъ благочестивый мужъ:—что я самъ видѣлъ быковъ и нашелъ ихъ кошерными [1]).

Мясникъ ушелъ съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, а, немного времени спустя, отправился домой и Янкель: у него не хватило духу говорить съ раввиномъ о своемъ дѣлѣ.—„Какимъ честнымъ человѣкомъ считаетъ его свѣтъ“, говорилъ онъ самъ съ собою:—„а вѣдь какой онъ мошенникъ на самомъ дѣлѣ! Да, очень много можно узнать новаго, когда прекрасно слышишь и, въ то же время, считаешься глухимъ; теперь я поостерегусь обнаруживать передъ кѣмъ бы то ни было, что глухота моя прошла“.

На слѣдующій день, утромъ, къ Янкелю пришелъ цирюльникъ Шмуль, постоянно ухаживавшій за его бородой и волосами. Янкель очень любилъ его за неизмѣнно вѣжливое обращеніе

— Вашъ покорнѣйшій слуга, господинъ Мускатъ, началъ Шмуль:—каково почивали? Не правда ли, какая сегодня прекрасная погода? (Въ это время на дворѣ стояли уже весна). Вы глядите сегодня превосходно,—я всегда говорю, что вы съ божьею помощью проживете до ста лѣтъ, если не больше.

— Что вы сказали? переспросилъ Янкель, дѣлая видъ, будто бы не понялъ ни слова.

---

[1]) *Годный для* употребленія, безпорочный.

учебный сезонъ продолжался всего 4 мѣсяца. По статистическимъ свѣдѣніямъ послѣдняго года, количество бѣлыхъ учениковъ во Флоридѣ доходитъ до 44,523, а цвѣтныхъ — 40,000 человѣкъ. Кромѣ общественныхъ элементарныхъ школъ, во Флоридѣ существуютъ 2 семинаріи,—одна въ Генсвилѣ, а другая — въ Талагасси, и гимназія въ Джэксонвилѣ.

Каждые четыре года выбирается школьный инспекторъ и комитетъ для всего штата, и отдѣльные подкомитеты и инспекторы для каждаго графства. Каждая школа, кромѣ того, имѣетъ 5 попечителей, выбранныхъ общиной и утвержденныхъ подкомитетомъ графства.

Такимъ образомъ, каждый ребенокъ пользуется безплатной школой. На сѣверѣ въ каждомъ городѣ есть общественныя безплатныя гимназіи (grammar schools), нормальныя школы для подготовленія учителей, высшія школы (high schools), университеты и разныя другія. Во Флоридѣ пока, кромѣ элементарныхъ школъ и двухъ семинарій,—общественныхъ высшихъ школъ нѣтъ. Кромѣ общественныхъ школъ, существуетъ множество частныхъ, въ которыхъ плата довольно высока. Всѣ консерваторіи, академіи художествъ, рисовальныя школы и проч. — въ частныхъ рукахъ. Программы ихъ чрезвычайно разнообразны и богаты названіями всевозможныхъ наукъ. Насколько онѣ выполняются на дѣлѣ — судить трудно. Фактъ налицо тотъ, что воспитанные въ нихъ юные американцы очень рано оканчиваютъ свое ученье и приспособляются къ жизни, причемъ, за немногими исключеніями, *сами* дѣлаютъ свою карьеру и состояніе. Мало, однако, можно встрѣтить людей, хорошо владѣющихъ иностранными языками, музыкой и проч. А если и попадаются такіе, то почти всегда среди людей, учившихся въ Европѣ. Зато образованіе распространено равномѣрно на всѣ классы, и каждый самый бѣдный чернорабочій болѣе или менѣе образованъ и умѣетъ вести себя въ обществѣ.

Ко всему сказанному я должна прибавить еще нѣсколько словъ. Положеніе школьнаго дѣла во Флоридѣ въ настоящую минуту, какъ видите, довольно плохо, частью — вслѣдствіе недостаточности средствъ, а частью—вслѣдствіе отсутствія истинно образованныхъ людей. Въ нашей общинѣ, напримѣръ, 3 года тому назадъ были выбраны попечители школы. Въ то время здѣсь вообще людей было очень мало, а многосторонне-образованныхъ и совсѣмъ не было. Въ попечители пришлось выбрать людей изъ мелкихъ купцовъ и владѣльцевъ апельсинныхъ плантацій—уроженцевъ Флориды. Весьма возможно, что уже чрезъ 3 — 4 года всѣ эти условія радикально измѣнятся. Наплывъ поселенцевъ удвоитъ средства школьнаго фонда, а удачно выбранные попечители школы возьмутъ дѣло въ свои руки и обставятъ школы иначе. Нѣтъ сомнѣнія, что при такихъ условіяхъ и въ городахъ появятся хорошія частныя школы.

А. П.

(Окончаніе будетъ).

— Какое дѣльце?—да относительно шолка и бархата, а съ кѣмъ же инымъ, какъ не съ этимъ пустоголовымъ глухаремъ Янкелемъ.

Бѣдный Янкель, даже не моргнувъ, спокойно продолжалъ писать.

— Понимаю, вы получили изъ Бродовъ партію бракованнаго товара и хотите спустить ее по дорогой цѣнѣ этому хамѐру [1]), этому àхпрошу [2]).

— Что̀ за вздоръ!

— Меня вы не надуете, господинъ Іейтелесъ,—довольно и того, что вы при каждой возможности одурачиваете хозяина; очень можетъ быть, что онъ потому и сталъ глухой скотиной.

И оба расхохотались.

— Что̀ же вы спросите съ меня, Якобъ?

— А много тамъ у васъ аршинъ? освѣдомился прикащикъ.

— Да всего только одинъ кусокъ чернаго бархата въ шестьдесятъ аршинъ, одинъ кусокъ краснаго—въ пятьдесятъ четыре, кусокъ голубаго—въ пятьдесятъ два, кусокъ чернаго атласа въ пятьдесятъ аршинъ и такой же кусокъ бѣлаго.

— Дайте четыре червонца.

— Что̀ вы? да вѣдь это съ ума сойти надо.

— Сколько же вы даете?

— Одинъ.

Якобъ Мильхъ, молча, скрылся за дверью; но Іейтелесъ не двинулся съ мѣста, и тотъ, минутъ черезъ пять, снова вернулся.

— Три...

— Два.

— Три.

— Ну,—два червонца и шолковую жилетку—знаете?—ту, съ разводами...

— Хорошо, я согласенъ, только прибавьте еще фунтика два хорошаго табаку.

Таусигъ Іейтелесъ кивнулъ, въ знакъ согласія, головою. Часъ спустя, Якобъ Мильхъ принялся уговаривать глухаго Янкеля, но на этотъ разъ все его краснорѣчіе оказалось безполезнымъ; Янкель не хотѣлъ даже и слушать о выставляемыхъ ему на видъ выгодахъ, точно также какъ и на другой день, когда искренно-преданный ему другъ Іейтелесъ самъ предложилъ товаръ.

---

[1]) *Оселъ.*

[2]) *Глупецъ, дуракъ.*

или Шрёдеръ никогда не вызывали своею игрою столько слезъ, сколько течетъ ихъ здѣсь во время представленія странствующей труппы комедіантовъ.

Такимъ дѣтски-наивнымъ стремленіемъ къ истинѣ и прекрасному, о которомъ гордый западъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, были полны двое друзей, Мàрхеллесъ и Мòрхеллесъ; оба они увидѣли впервые свѣтъ во Врубловицахъ, маленькомъ мѣстечкѣ восточной Галиціи, и проводили здѣсь свои дни въ пріятномъ однообразіи.

Іона Мàрхеллесъ, стройный, высокаго роста, со смѣлымъ орлинымъ носомъ и темными кудрями, былъ сынъ купца и усердно помогалъ отцу въ его маленькой лавчонкѣ;тѣмъ временемъ низенькій, кругленькій Авраамъ Мòрхеллесъ, съ толстыми, какъ у негра, губами и хитрыми сѣрыми глазками, безъ устали развозилъ покупателямъ товары своего отца, который велъ торговлю саломъ и кожами. Оба они сначала прилежно склоняли свои молодыя головы, украшенныя пейсами и ермолкой, надъ тòрою и талмудомъ, а все свободное время отдавали замысловатымъ диспутамъ другъ съ другомъ. Но вотъ въ руки Мàрхеллеса попалъ какъ-то „Фаустъ“ Гёте, а Мòрхеллесъ, въ одну изъ дальнихъ поѣздокъ своихъ, въ первый разъ въ жизни увидѣлъ у какого-то сельскаго врача электрическую машину. Эти два незначительныхъ сами по себѣ происшествія произвели въ головахъ нашихъ друзей полный переворотъ. Оба они съ безграничнымъ рвеніемъ бросились теперь въ изученіе и усвоеніе тѣхъ наукъ и литературы, золотые плоды которыхъ казались имъ до сихъ поръ запрещенными; мало по малу они все больше и больше забывали талмудъ, начали носить христіанское платье и даже перемѣнили свои имена: Мàрхеллесъ насвалъ себя Юліаномъ, а Мòрхеллесъ—Альбертомъ; и скоро оба считались у строго-вѣрующихъ врубловицкихъ жителей если и не мешумѣдами [1]), то трѣфниками [2]), хотя они даже и дыханіемъ не думали преступать Моисеева закона.

Мòрхеллесъ со всѣмъ тщаніемъ погрузился въ изученіе естественныхъ наукъ; въ своей комнаткѣ онъ собралъ множество сокровищъ, какъ напримѣръ: телескопъ, воздушный насосъ, электрическую машину, реторты, скелеты, засушенныя растенія и минералы, и не разъ приводилъ въ изумленіе кругъ своихъ знакомыхъ различными экспериментами; между тѣмъ Мàрхеллесъ посвятилъ

---

[1]) *Вѣроотступникъ, ренегатъ.*

[2]) *Беззаконникъ, поганецъ.*

СИБИРСКАЯ ОБЛАГОРОДНАЯ

кель какъ-то подавился у него за ужиномъ куриною косточкой, обратился съ такими словами къ женѣ своей, родной сестрѣ Янкеля:—„Хоть бы онъ околѣлъ скорѣе, этотъ ганевъ [1]), за то, что далъ тебѣ маленькое приданое, да еще обокралъ, когда умеръ твой отецъ".

Ему пришлось также услышать, какъ лучшій его другъ Іонатанъ Хонигъ, повернувшись на улицѣ спиною къ нему, ругалъ его какому-то знакомому, говоря, что Янкель Мускатъ—тряпка, безхарактерный человѣкъ, жалкій рабъ жены своей, и даже плохой купецъ, которому въ близкомъ будущемъ грозитъ банкротство.

Затѣмъ ему пришлось услышать, какъ платили ему за нѣжную любовь двѣ его дочери, двѣнадцатилѣтняя Сара и пятилѣтняя Рахиль; Сара жаловалась на отвращеніе, которое причиняютъ ей поцѣлуи отца, такъ какъ у него гнилые зубы, — а Рахиль утверждала, что онъ моется только разъ въ недѣлю, передъ шаббесомъ, да и тогда только чуть-чуть окунаетъ въ воду кончики пальцевъ.

Но это было еще не все. Наступила уже зима; однажды, подъ вечеръ, Янкель пришелъ домой, весь занесенный снѣгомъ; долго стоялъ онъ въ прихожей, вытирая лицо и бороду и счищая снѣгъ со своего платья и сапогъ; въ это время, въ сосѣдней комнатѣ услышалъ онъ очень оживленный разговоръ: его жена говорила съ какимъ-то незнакомымъ мужчиной.

— Не могу повѣрить, сказалъ мужской голосъ:—чтобы вы, такая красавица, осудили себя на вѣчную скорбь.

— Кто вамъ сказалъ, что я горюю? со смѣхомъ возразила Рифка:—я не думаю печалиться даже и о разрушеніи Іерусалима.

— Вы хотите увернуться, мадамъ Мускатъ, только изъ деликатности, продолжалъ незнакомецъ:—лучше скажите мнѣ откровенно...

— Вы просите отъ меня откровенности? отвѣчала Рифка:—ну, такъ признаюсь вамъ, что положительно не могу выносить мужа.

— О, дорогая моя!

— Подождите, вы ошибаетесь во мнѣ, быстро замѣтила Рифка:—не смотря на это, я все таки никогда не измѣню своимъ обязанностямъ, хотя бы ради дѣтей.

Бѣдный Янкель вздохнулъ и вошелъ въ комнату. У ярко пы-

[1]) *Мошенникъ.*

— Зачѣмъ? стоитъ только одѣваться въ дорогія матеріи яркихъ цвѣтовъ.

— Очень можетъ быть, отвѣчала Левина:—на дняхъ какъ-то мнѣ вздумалось примѣрить кацавейку Зельмы, такъ всѣ дѣвушки замѣтили, что я гляжу въ ней чрезвычайно хорошо.

— Да, да! воскликнулъ вдругъ братъ:—твоей стройной фигурѣ....

— Скажи лучше—сухопарой....

— Повторяю,—твоей стройной фигурѣ мѣха придали бы нѣкоторую полноту, очень не лишнюю въ данномъ случаѣ... Но почему же у тебя нѣтъ кацавейки?

Левина пожала плечами.

— Тебѣ непремѣнно нужно заказать кацавейку, рѣшилъ братъ: —красную съ темнымъ мѣхомъ, а въ волоса вплести нитку жемчуга.

— Видишь ли, у меня отложено немного денегъ, сказала Левина:—но этого слишкомъ мало.

Братъ сію же минуту притащилъ всѣ свои сбереженія; затѣмъ оба усѣлись къ столу, принялись дѣлать разные разсчеты, и въ результатѣ у Левины дѣйствительно появилась кацавейка. Начиная съ этого времени, Мархеллесъ называлъ свою сестру не иначе, какъ „Лаурой“ или „чудной волшебницей“; высшимъ наслажденіемъ для него было теперь оказывать ей разныя услуги и окружать всевозможнымъ вниманіемъ; одного ея знака, одного слова было достаточно, чтобы онъ бѣжалъ, куда ей было угодно; но нельзя описать блаженства его въ тотъ вечеръ, когда принесли наконецъ красную бархатную кацавейку, опушенную темнымъ мѣхомъ, и онъ помогъ сестрѣ облечься въ обновку.

Между тѣмъ поклоненіе брата совсѣмъ не дѣлало Левину тщеславною или гордою; напротивъ того, бѣдная дѣвушка, на которую до сихъ поръ никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, сильно конфузилась и ни за что въ мірѣ не согласилась бы надѣть свою великолѣпную кацавейку въ другое время дня, кромѣ вечера, когда братъ читалъ ей поэмы въ стихахъ, а она играла ему на фортепіано.

Мало по малу, любимой идеей добродушнаго Мархеллеса сдѣлалось—увидѣть сестру свою женою Мюрхеллеса, котораго онъ также любилъ отъ всего сердца; однако Мюрхеллесъ не обращалъ на нее вниманія, а сама Левина была не такова, чтобы привлечь его къ себѣ; братъ же не рѣшался ни однимъ словомъ намекнуть своему другу о такомъ деликатномъ предметѣ.

Судьба распорядилась иначе. Однажды вечеромъ, Левинъ при-

шла въ голову совершенно новая для Врубловицъ мысль—читать въ обществѣ классическія произведенія, распредѣливъ роли между участвующими; братъ, разумѣется, съ восторгомъ принялъ и поддержалъ такую мысль. Скоро составился кружокъ любителей; для начала былъ выбранъ „Донъ-Карлосъ“ Шиллера. Въ чтеніи принимали участіе подруги Левины,—красивая остроглазая Зельма Гранатштейнъ, въ своей розовой шолковой кацавейкѣ, выложенной бѣлою лисицею, и миленькая Бела Мизесъ, затѣмъ прелестная мадамъ Аксамитъ, и наконецъ друзья Мàрхеллеса: ученый Мòрхеллесъ, Альтшуль, Теллеръ, Эрлихъ, Леземъ и Биненштокъ.

Роковымъ образомъ, Зельма, въ своей роскошной кацавейкѣ, читала роль Эболи; но, быть можетъ, она и безъ того хорошо изучила искусство нравиться, потому что и Мàрхеллесъ, и Мòрхеллесъ влюбились въ нее до безумія,—а когда дѣвушка красива и хочетъ покорять себѣ сердца, то ей легко это сдѣлать. Краснорѣчивые взгляды, которые Левина устремляла на Мòрхеллеса, остались незамѣченными, точно также какъ восхитительный смѣхъ Белы, чуть не прислонявшейся къ плечу Мàрхеллеса, Зельма побѣдила обоихъ, Мàрхеллеса и Мòрхеллеса, первымъ же взглядомъ, — даже, строго говоря, она, подобно сказочному портному, однимъ ударомъ положившему на мѣстѣ семь мухъ,—однимъ только взглядомъ своихъ томныхъ глазъ плѣнила всѣхъ семерыхъ друзей.

И вотъ, каждое воскресенье, вечеромъ, общество это собиралось для чтенія то у Мàрхеллеса, то у Гранатштейна или Аксамита, и даже наступившее лѣто не могло прекратить этихъ собраній. Прочитали Шиллера, Гёте, затѣмъ перешли къ Шекспиру. Такимъ образомъ, однажды, во время чтенія „Венеціанскаго купца“, въ саду Гранатштейна, внезапно разразилась буря; исполнители бросились спасаться въ комнаты и подоспѣли сюда какъ разъ въ ту минуту, когда хозяинъ дома, сдвинувъ съ мѣста столъ, положилъ на него Моисѣево пятикнижіе, раскрылъ главу о твореніи міра и насыпалъ посрединѣ и на четырехъ углахъ по кучкѣ соли.

Мàрхеллесъ внимательно слѣдилъ за нимъ.

— Къ чему вамъ все это? спросилъ онъ наконецъ.

— Къ чему? чтобы отвратить громовой ударъ! вскричалъ Гранатштейнъ.

— Для этой цѣли гораздо лучше было бы устроить на крышѣ *громоотводъ*, возразилъ Мàрхеллесъ.

— Зачѣмъ мнѣ пользоваться такими вещами, которыя прид-

маны гòями [1])? кричалъ Гранатштейнъ:—домъ мой—еврейскій домъ, понимаете ли вы, шлèміель [2])!

— Лучше я буду шлèміель, чѣмъ бàръ [3])!

— Вы просто хамèръ [4])!

— Если я—хамèръ, то вы мèйсе-бегèме [5])!

Дѣло было сдѣлано. Màрхеллесъ принужденъ былъ уйти изъ-подъ кровли Гранатштейна на ужасный проливной дождь. Друзья вышли вмѣстѣ съ нимъ. Пока еще все было въ порядкѣ. Màрхеллесъ въ концѣ концовъ примирился съ тѣмъ, что ему нельзя больше переступать порогъ дома Гранатштейна, и съ тѣмъ, что красавицы Зельмы не будетъ уже на литературныхъ вечерахъ; одно только обстоятельство выводило его изъ себя:—именно, онъ слышалъ, что другъ его Мòрхеллесъ все еще посѣщалъ домъ Гранатштейна и усердно ухаживаетъ за Зельмою.

Màрхеллесъ не могъ перенести спокойно этой одновременной измѣны любви и дружбы. Онъ засталъ какъ-то Мòрхеллеса въ ресторанѣ, и они поругались.

— Такъ ты ходишь еще къ Гранатштейну?

— Почему же мнѣ не ходить къ Гранатштейну?

— Ты еще ухаживаешь за Зельмою?

— Почему же мнѣ не ухаживать за Зельмою?

— Это очень безхарактерно, Юліанъ!

— Какъ ты смѣешь оскорблять меня?

— Ты думаешь, быть можетъ, запугать меня?—я тебя не боюсь!

— Я не позволю называть себя безхарактернымъ!

Весь ресторанъ пришелъ въ смятеніе; друзья пытались помирить спорящихъ, а гусарскіе офицеры, ради шутки, еще больше натравляли ихъ другъ на друга.

— Нельзя спускать безнаказанно такія дерзости, говорили они Мòрхеллесу.

— Если вы—мужчина, то не отступайте назадъ, говорили они Màрхеллесу.

— Откажись отъ своихъ словъ! кричалъ Мòрхеллесъ.

— Никогда! отвѣчалъ Màрхеллесъ.

— Въ такомъ случаѣ, намъ надо драться!

---

[1]) Язычникъ, христіанинъ.

[2]) Тюлень,—бранное слово.

[3]) Бранное слово.

[4]) *Осѣлъ, свинья.*

[5]) *Некрасивая корова*—очень крупная брань между евреями.

начался гораздо раньше и сдѣлался болѣе или менѣе замѣтнымъ вскорѣ послѣ смерти И. С. Тургенева. Покойный авторъ „Записокъ Охотника“ пользовался любовью и уваженіемъ не въ одной Россіи; его хорошо знали и высоко цѣнили, какъ человѣка и какъ писателя, и во Франціи. Его смерть вызвала цѣлый рядъ біографическихъ очерковъ и отчетовъ объ его литературной дѣятельности. Изъ нихъ Франція съ удивленіемъ узнала, что на Руси, кромѣ Тургенева, есть еще Толстой, Достоевскій, Гончаровъ, Гоголь, Пушкинъ и др., у которыхъ есть чему поучиться даже французскимъ писателямъ. Поэтому, вслѣдъ за сочиненіями Тургенева, съ которыми французская публика была нѣсколько знакома и раньше, появились переводы „Войны и Мира“, „Анны Карениной“, „Записокъ изъ Мертваго Дома“, „Преступленія и наказанія“, открывшихъ Франціи совершенно новую и оригинальную для нея жизнь. Французская критика пришла отъ нихъ въ крайній восторгъ. Она нашла ихъ нѣсколько тяжеловатыми для произведеній литературныхъ, но, въ то же время, крайне интересными и поучительными. Публика не отстала отъ критики, и знакомство съ произведеніями Толстаго, Достоевскаго, Гоголя скоро сдѣлалось въ образованныхъ сферахъ настолько же обязательнымъ, какъ съ произведеніями Додэ и Гонкуровъ. Теперь произведенія этихъ писателей, особенно перваго, переведены всѣ до послѣднихъ мелочей, и переводчики съ издателями стали уже приподносить публикѣ безъ разбору все, что попадается подъ руку, начиная съ „Сожженной Москвы“ Данилевскаго и кончая устарѣлыми разсказами Григоровича, тогда какъ французскіе литераторы начинаютъ сильно досадовать на такую неожиданную конкуренцію. Нѣкоторые изъ нихъ, поддѣлываясь подъ вкусы публики, заимствуютъ сюжеты для своихъ произведеній изъ русской жизни, разумѣется, коверкая ее самымъ безпощаднымъ образомъ, между тѣмъ какъ большинство собирается проповѣдовать крестовый походъ противъ нашествія русской литературы.

Такимъ небывалымъ успѣхомъ русскіе писатели прежде всего, разумѣется, обязаны своимъ собственнымъ достоинствамъ и своему крайне своеобразному для Франціи направленію. Французская критика въ этомъ отношеніи придаетъ имъ такое значеніе, что ожидаетъ отъ нихъ очень благодѣтельнаго вліянія на свою родную литературу, а нѣкоторыя изъ ихъ произведеній ставитъ рѣшительно выше всего, что было написано до сихъ поръ въ этомъ родѣ. Но были и другія причины, заставившія французскую публику съ такимъ жаромъ наброситься на произведенія русскихъ писателей,—причины, коренящіяся въ нравственномъ состояніи самого французскаго общества.

Разсуждая о Франціи, у насъ часто упускаютъ изъ виду то переходное состояніе, которое она переживаетъ. Ея старыя формы жизни, *старыя общественныя* отношенія рушатся одна за другими, а *новый политическій строй* не успѣлъ еще вылиться въ опредѣленную форму и полу-

друзьями, замаскировавшись, расположились противъ дома Гранатштейна и задали Зельмѣ кошачій концертъ.

Послѣ этого они всѣ вмѣстѣ пили у Мархеллеса чай. И случилось такъ, что Морхеллесъ усѣлся рядомъ съ Левиной.

— Какъ я счастлива, сказала дѣвушка: — что вы остались цѣлы! О, мужчины! Красота для васъ—все, а умъ и сердце ничего не значатъ въ вашихъ глазахъ!

— Зельма—кокетка, замѣтилъ Морхеллесъ:—но все таки она прелестна!

— Что? воскликнула Левина: — да вѣдь и я буду прелестна, если надѣну кацавейку.

Она вскочила изъ-за стола, а когда вернулась назадъ въ своей красной кацавейкѣ, обернувъ тюрбаномъ вокругъ головы красный платокъ, то въ ней дѣйствительно было что-то дьявольски-привлекательное. Морхеллесъ уставился въ нее глазами и сказалъ наконецъ, чтобы только не сидѣть молча:

— Такъ это была ваша выдумка? Мы вамъ обязаны жизнью?

— Нѣтъ, Белѣ,—она плакала о моемъ братѣ, какъ будто бы его уже застрѣлили.

— Обо мнѣ, Бела,—вы плакали обо мнѣ? воскликнулъ Мархеллесъ.

Бѣдная Бела, покраснѣвъ до корня волосъ, убѣжала въ сосѣднюю комнату; но лишь только она усѣлась за фортепіано и начала играть, къ ногамъ ея вдругъ упалъ Мархеллесъ; въ то же самое время Морхеллесъ пошелъ вслѣдъ за Левиной,—которой было жарко въ мѣховой кацавейкѣ,—въ темный коридоръ, гдѣ бузина и акаціи распространяли свой пріятный ароматъ, — и, среди жаркихъ поцѣлуевъ, и здѣсь и тамъ, былъ заключенъ на всю жизнь счастливый союзъ чистыхъ любящихъ сердецъ.

II.

Глухой Янкель.

Много лѣтъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ оглохъ Янкель Мускатъ; сперва онъ сталъ туго слышать только на правое ухо, а затѣмъ и лѣвое мало по малу дѣлалось все невосприимчивѣе къ разнымъ звукамъ.

Правда, онъ могъ отличить пушечный выстрѣлъ отъ щелканья хлопушки, но не слышалъ вообще ни слова, какъ бы громко съ *нимъ ни говорили,—и для* него было безразлично, играли ли на

скрипкѣ, или рубили дрова. Однако, не смотря на свою глухоту, Янкель Мускатъ былъ веселъ и счастливъ, насколько можетъ быть счастливъ человѣкъ въ этомъ мірѣ. Еслибы онъ былъ учителемъ въ хедѣрѣ [1]) или музыкантомъ, то отсутствіе слуха, по всей вѣроятности, нѣсколько безпокоило бы его; но онъ принадлежалъ къ числу самыхъ состоятельныхъ купцовъ въ своемъ городѣ; его окружали служащіе, дѣти и жена,—всѣ они имѣли здоровыя уши, могли вести переговоры съ покупателями, а самъ онъ велъ только торговыя книги, да писалъ нужныя письма и счеты: такъ какая же ему была нужда слышать, что̀ говорятъ около него? И отчего бы ему не чувствовать себя счастливцемъ,—вѣдь у него были хорошіе глаза, а видъ жены его Рифки доставлялъ ему большое удовольствіе, хоть и приходилось отказывать себѣ въ удовольствіи разговаривать съ нею.

Рифка была красивая женщина, невысокаго роста, но и не очень ужь маленькая; ея полныя формы придавали ей большую пикантность и сильно импонировали собесѣдниковъ — или, по крайней мѣрѣ, мужа, когда она стояла передъ нимъ, гордо закинувъ голову. Очень можетъ быть, что на него дѣйствовали также томный взглядъ ея бархатистыхъ глазъ и насмѣшливая улыбка вокругъ полныхъ розовыхъ губокъ; какъ бы то ни было, онъ всегда смотрѣлъ на жену съ большимъ удовольствіемъ и ни разу еще не пожалѣлъ, что не можетъ слышать ея рѣчей, такъ какъ она говорила не всегда одни только ласковыя слова. Рифка была очень вспыльчива и раздражительна. Въ прежнія времена, Янкель Мускатъ часто зажималъ себѣ уши, чтобы не слышать женину брани. Теперь же это было не нужно ему, и онъ только улыбался, когда Рифка сердилась и ругала его.

Пріятно обладать красивою женою, которую нѣжно любишь; а Янкель Мускатъ имѣлъ, кромѣ того, троихъ милыхъ дѣтей,—мальчика и двухъ дочерей, приносившихъ ему много радости; затѣмъ, у него были преданные служащіе, много хорошихъ родственниковъ и вѣрныхъ друзей; самъ онъ пользовался милостью и уваженіемъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ города. Если же ему случалось когда нибудь почувствовать себя недовольнымъ, то подъ рукой у него было еще одно утѣшеніе, никогда не обманывавшее его,—это водка. Янкель Мускатъ очень любилъ водку; онъ пилъ ее и рано утромъ, сейчасъ же послѣ молитвы, и днемъ, часто даже—и ночью, уже въ постели; но больше всего онъ пилъ

[1]) Еврейское училище.

ее въ минуты непріятностей,—хотя, правда, мало что могло разстроить его.

Впрочемъ, одно обстоятельство приносило ему нѣкоторое неудовольствіе, а именно—что Рифка не вѣрила его глухотѣ; и она имѣла отчасти основаніе. Дѣло въ томъ, что Янкель былъ не всегда одинаково глухъ, смотря по времени дня или года, а также и по погодѣ: лѣтомъ онъ слышалъ лучше, чѣмъ зимой, почью—лучше, чѣмъ днемъ, и если въ дурную погоду оказывался совершенно глухъ, то въ ясный теплый день могъ зато кое-что разобрать. Вслѣдствіе этого, между нимъ и женою завязывались иногда споры, то есть Рифка ругала мужа, а тотъ слушалъ или, говоря точнѣе, молчалъ, такъ какъ не могъ отвѣчать на брань, которой не былъ въ состояніи понять.

Надоѣдало ли Рифкѣ переругиваться, или же она продолжала ссориться съ мужемъ,—глухому Янкелю было вполнѣ безразлично. Наконецъ Рифка пришла къ убѣжденію, что словами съ нимъ ничего не подѣлаешь; тогда она стала удаляться, въ минуты гнѣва, отъ мужа, отворачиваться при видѣ его, по цѣлымъ днямъ сидѣла особнякомъ, гдѣ нибудь въ сторонѣ, не позволяла ему подходить къ ней или брать ее за руку. Такая холодность причиняла добродушному Янкелю гораздо больше огорченія, чѣмъ гнѣвные упреки жены, потому что Рифка была въ его глазахъ красавицею, и красота ея еще болѣе увеличивалась, когда она, со злобной улыбкой, бросала на мужа строгіе взоры; а Янкель былъ страстно влюбленъ въ свою жену.

Какъ-то разъ... трудно теперь сказать навѣрное, когда это было,—пятаго или шестаго ноября; но, во всякомъ случаѣ, былъ ужь ноябрь мѣсяцъ 1870-го года, то есть такое время года, когда часто уже падаетъ сильный снѣгъ и потрескиваютъ морозы... Такъ вотъ въ началѣ ноября зять Янкеля, Адольфъ Тулипанекъ, привезъ въ подарокъ красавицѣ Рифкѣ двѣ бутылки токайскаго; она крикнула изъ сосѣдней комнаты мужу, чтобы тотъ пришелъ попробовать вино, и Янкель,—по странной случайности,—разслышалъ ея слова и сію же минуту прибѣжалъ, торопясь,какъ будто на пожаръ.

Въ ту же самую ночь выпалъ снѣгъ; на утро снѣжный вихрь еще не унялся, и на улицѣ нельзя было ничего увидѣть за пять шаговъ, а въ комнатахъ царила египетская тьма. Рифка проснулась позже обыкновеннаго. Долго пришлось Янкелю дожидаться завтрака; но вмѣсто того, чтобы рѣшиться разбудить жену, онъ предпочелъ, *какъ всегда* въ такихъ случаяхъ, поискать утѣшенія *въ милой его сердцу* водкѣ. Онъ выпилъ рюмочку, а тамъ еще и

свойства, и съ жаромъ бросается на все, что̀ можетъ дать ему хоть искорку вѣры въ людей и возможность лучшихъ людскихъ отношеній. Литература въ такомъ положеніи могла бы сослужить обществу большую службу; но она сама страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, заражена тѣмъ же скептицизмомъ. Съ легкой руки Флобера, ея лучшая часть считаетъ своей обязанностью постоянно долбить узкаго, эгоистичнаго буржуа, забавляясь его филистерствомъ и его бездушіемъ въ людскихъ отношеніяхъ, и усердствуетъ въ этомъ до такой степени, что ее совершенно основательно упрекаютъ иногда въ крайней односторонности, въ томъ, что она подмѣчаетъ въ жизни только отрицательныя стороны и пропускаетъ мимо ушей всѣ болѣе или менѣе отрадныя явленія. Французскіе литераторы идутъ еще дальше публики и считаютъ своей обязанностью систематически чураться всякихъ общественныхъ идеаловъ. Полный индиферентизмъ къ кипящей кругомъ общественной жизни, полное презрѣніе къ людямъ, занимающимся политикой, какъ къ бездушнымъ, своекорыстнымъ пройдохамъ и интриганамъ, и служеніе искусству только ради него самого—вотъ основное правило ихъ дѣятельности. Поэтому положительные типы въ ихъ произведеніяхъ—крайняя рѣдкость; поэтому же, если они иногда и интересуются политикой, то только затѣмъ, чтобы отмѣтить ея темныя закулисныя стороны. Въ Англіи и Германіи такія свѣтлыя личности, какъ Гамбетта, Поль Бэръ, такія бурныя эпохи, какъ время борьбы молодой, вѣрящей въ свои силы республиканской партіи съ реакціей, послужили бы навѣрно темой для широкаго общественнаго романа; во Франціи же за это время появились Нума Руместанъ и Евгеній Ругонъ. Впрочемъ, и во Франціи есть группа третьестепенныхъ писателей, которые считаютъ своей обязанностью давать положительные типы и которые именно поэтому, не смотря на всѣ свои неособенно завидныя литературныя достоинства, иногда на очевидную дѣланность своихъ произведеній,—въ большой модѣ у читающей публики. Но ихъ идеалы не идутъ дальше общепринятой буржуазной морали, и потому не могутъ дать ничего новаго тѣмъ, кого эта мораль перестала удовлетворять.

Итакъ, полное, систематическое отрицаніе или фарисейство—вотъ что̀ находитъ въ своей литературѣ французскій читатель, успѣвшій разочароваться въ общепринятыхъ нравственныхъ идеалахъ и ищущій въ ней хоть какихъ нибудь указаній на возможность другой, лучшей жизни, другихъ, лучшихъ человѣческихъ отношеній. Она его не удовлетворяетъ, она давно уже набила ему оскомину. Въ такомъ-то состояніи онъ знакомится съ молодой, сильной литературой, съ произведеніями людей, высоко одаренныхъ отъ природы, стоящихъ въ авангардѣ мыслящей части человѣчества, болѣющихъ тѣми же сомнѣніями, ищущихъ той же правды *жизни*, какъ и онъ, но относящихся къ людямъ и людскому горю съ *совершенно* необыкновенными для него теплотой и участіемъ. Не удив-

— Тебѣ тепло, сказалъ Янкель:—мнѣ также очень, очень тепло.

— Не серди же меня! крикнула Рифка:—посмотри-ка лучше юда.

Она подняла руку, въ которой была чашка и обратила вниманіе мужа на рукавъ, гдѣ обшивка совсѣмъ отпоролась.

— Если кофе разгорячаетъ тебя, то выпей водки.

— Слушай, Янкель, не старайся увернуться. Ты постоянно увѣряешь меня въ своей любви, а теперь скупишься бросить для моего удовольствія нѣсколько гульденовъ. Я хочу сдѣлать себѣ новую кацавейку, чтобы понравиться тебѣ, мой дорогой муженекъ; да, къ тому же, какъ пріятно въ холодные зимніе дни кутаться въ мягкихъ мѣхахъ!

— Что тебѣ надо?

— Закажи мнѣ новую кацавейку.

— Не могу ничего понять.

— Не представляйся глухимъ! вышла наконецъ изъ себя Рифка:—ты прекрасно слышишь, стоитъ тебѣ только захотѣть.

— Не могу разобрать ни слова, положительно ни одного слова!

— Сдѣлай мнѣ новую кацавейку! крикнула ему на ухо жена.

— Разрази меня Богъ, если я хоть что нибудь понялъ!

— Когда я позвала тебя вчера попробовать вина, кричала Рифка:—такъ ты прекрасно понялъ меня,—а теперь, когда я прошу сдѣлать мнѣ удовольствіе, представляешься глухимъ...

Тутъ она быстро вскочила со стула и, гнѣвнымъ движеніемъ, швырнула на полъ чашку. Она хотѣла пустить ею въ голову мужа; но если тотъ ничего не слышалъ, зато имѣлъ прекрасные глаза, и въ критическую минуту успѣлъ нагнуться; чашка пролетѣла надъ его головою и съ трескомъ разбилась вдребезги. Сорвавъ съ себя кацавейку, Рифка и ее бросила на полъ, оттолкнула отъ себя ногою и, разозленная, выбѣжала изъ комнаты, шурша шолковымъ платьемъ.

— Что такое говорила мамаша? спросилъ вполголоса у дѣтей Янкель.

— Ей хотѣлось новую кацавейку, закричали тѣ хоромъ.

— Что за несчастіе быть глухимъ! вздохнулъ Янкель:—я все таки не понимаю, чего ей надо.

Сара, старшая дѣвочка, подняла съ полу кацавейку и показала *ему.*

— *Ага, вотъ что!* промолвилъ Янкель:—такъ ей, значитъ, ста-

— Вы опять принялись за водку, крикнулъ ему цадикъ надъ самымъ ухомъ.

— Да, пью!

— Вы пьете слишкомъ много водки.

— Правда, слишкомъ много.

— Зачѣмъ же вы пьете такъ много?

— Зачѣмъ? отвѣчалъ глухой Янкель: — я совсѣмъ не пилъ водки, цѣлый годъ не пилъ водки, ни одной капли не пилъ; но изъ всего того, что̀ я успѣлъ услышать за это время, ничего не было лучше водки. Нехорошо слышать все, что̀ говорятъ вокругъ!..

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Tempora mutantur. Еще недавно для насъ, русскихъ, во Франціи не было другаго названія, кромѣ медвѣдей и дикарей. Насъ принимали вѣжливо, передъ нами разсыпа̀лись въ любезностяхъ, такъ какъ мы имѣемъ привычку являться въ Парижъ съ туго набитымъ кошелькомъ, но нашей родиной не интересовались нисколько. „Ваша исторія, ваше отечество не можетъ дать намъ ничего новаго, интереснаго: все это мы давнымъ давно уже пережили", говорили намъ далеко не послѣдніе представители французской интеллигенціи, совершенно игнорируя развивающуюся тамъ гдѣ-то, чуть не въ Азіи, молодую общественную жизнь. Это было какихъ нибудь 5—6 лѣтъ назадъ; а теперь куда ни повернешься, съ кѣмъ ни заговоришь, во всѣхъ по отношенію къ Россіи замѣчается поразительная перемѣна. Въ газетахъ и правящихъ сферахъ всесторонне обсуждается вопросъ о возможности и желательности тѣснаго сближенія съ Россіей; на полкахъ книжныхъ магазиновъ—масса переводовъ произведеній русскихъ писателей; въ солидныхъ газетахъ и журналахъ гораздо чаще обыкновеннаго встрѣчаются дѣльныя статьи о разныхъ сторонахъ общественной русской жизни; въ послѣднее время появились и—что̀ всего удивительнѣе —имѣли громадный успѣхъ нѣсколько большихъ и серьезныхъ работъ о Россіи и русской литературѣ, возникла даже спеціальная издательская фирма, которая возлагаетъ на изданіе переводовъ русскихъ писателей большія надежды для начала своего дѣла; какіе-то господа, наконецъ, затѣваютъ изданіе франко-русской газеты, имѣющей въ виду спеціально содѣйствовать сближенію Россіи съ Франціей. Словомъ, куда ни повернись, вездѣ и всюду рѣзко бросается въ глаза, что Россія теперь—въ особенной чести у французовъ, что они стали интересоваться самыми мелкими сторонами ея жизни.

Этотъ интересъ отчасти вызванъ извѣстными мотивами чисто политическаго свойства, заставляющими Францію въ сближеніи съ Россіей искать противовѣса угрожающей ей коалиціи государствъ центральной Европы. Но это только отчасти *вѣрно;* политическія соображенія только усилили *интересъ къ Россіи и всему* русскому; поворотъ же въ отношеніи къ ней

не высказывалъ этого ни одной душѣ въ городѣ: доставить удовольствіе Рифкѣ—было для него высочайшимъ блаженствомъ.

Янкель назначилъ для этого день ея рожденія. Тѣмъ временемъ ему пришлось зайти какъ-то вечеркомъ по дѣлу къ раввину Іеростеверу; хотя этотъ послѣдній не могъ сравняться въ славѣ съ садагорскимъ, но былъ все таки ученый мужъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ. Янкелю хотѣлось посовѣтоваться съ нимъ относительно кое-какихъ вопросовъ, но ему пришлось подождать: у раввина сидѣлъ уже мясникъ Моритъ Мельзеллесъ. Въ отвѣтъ на поклонъ Янкеля, раввинъ кивнулъ головою и продолжалъ разговоръ съ мясникомъ, какъ будто бы въ комнатѣ, кромѣ ихъ двоихъ, никого не было; а между тѣмъ глаза Янкеля наполнились слезами, пока онъ, помимо своей воли, слушалъ этотъ разговоръ.

Рѣзникъ отказался зарѣзать для мясника двухъ прекрасныхъ, тяжеловѣсныхъ быковъ, сомнѣваясь въ ихъ годности; Моритъ Мельзеллесъ въ отчаяніи прибѣжалъ къ раввину; тотъ отнялъ сначала у несчастнаго послѣднюю надежду, но потомъ, когда мясникъ вытащилъ изъ кармана одинъ червонецъ, за нимъ—другой и наконецъ—третій, смиловался надъ нимъ.

— Скажите рѣзнику, рѣшилъ благочестивый мужъ:—что я самъ видѣлъ быковъ и нашелъ ихъ кошерными [1]).

Мясникъ ушелъ съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, а, немного времени спустя, отправился домой и Янкель: у него не хватило духу говорить съ раввиномъ о своемъ дѣлѣ.—„Какимъ честнымъ человѣкомъ считаетъ его свѣтъ“, говорилъ онъ самъ съ собою:—„а вѣдь какой онъ мошенникъ на самомъ дѣлѣ! Да, очень много можно узнать новаго, когда прекрасно слышишь и, въ то же время, считаешься глухимъ; теперь я поостерегусь обнаруживать передъ кѣмъ бы то ни было, что глухота моя прошла“.

На слѣдующій день, утромъ, къ Янкелю пришелъ цирюльникъ Шмуль, постоянно ухаживавшій за его бородой и волосами. Янкель очень любилъ его за неизмѣнно вѣжливое обращеніе

— Вашъ покорнѣйшій слуга, господинъ Мускатъ, началъ Шмуль:—каково почивали? Не правда ли, какая сегодня прекрасная погода? (Въ это время на дворѣ стояли уже весна). Вы глядите сегодня превосходно,—я всегда говорю, что вы съ божьею помощью проживете до ста лѣтъ, если не больше.

— Что вы сказали? переспросилъ Янкель, дѣлая видъ, будто бы не понялъ ни слова.

---

[1]) *Годный для употребленія, безпорочный.*

— Вы проживете до ста лѣтъ, крикнулъ надъ самымъ ухомъ его цирюльникъ, накидывая на него бѣлый чехолъ.

— Доска? какая доска? опять спросилъ Янкель. Въ эту минуту въ комнату вошла кухарка Бина, чтобы накрыть столъ къ завтраку.

— Съ тѣхъ поръ, какъ онъ потерялъ свою трубу, сказала кухарка:—онъ снова сталъ глухъ, какъ камень.

— Однако это должно быть истинной мукой для всего дома, замѣтилъ, за стрижкой волосъ, Шмуль.

— Разумѣется, ничего нѣтъ пріятнаго.

— И когда только чортъ возьметъ его! продолжалъ цирюльникъ:—ваша барыня могла бы жить гораздо счастливѣе, развязавшись съ нимъ.

— Не одна барыня, возразила кухарка:—онъ мучитъ всѣхъ насъ, и въ домѣ нѣтъ ни одного человѣка, кто бы выносилъ его.

„А я думалъ, что окружилъ себя искренно преданными мнѣ людьми!“ мелькнуло въ головѣ Янкеля Мускаta, и онъ глубоко вздохнулъ.

— Какъ вы вдругъ помолодѣли, господинъ Мускатъ! льстиво обратилась къ нему кухарка.

— Что тебѣ надо?

Бина, улыбаясь, показала пальцемъ на его лицо.

— Да, я красивъ, я это знаю; иди себѣ.

— Мартышка, дуракъ! восклинула Бина:—какъ много онъ воображаетъ о себѣ!

— Этакая образина! прибавилъ цирюльникъ:—жена его не очень-то сообразительна, но я зато обращу на нее вниманіе господина ротмистра здѣшняго гусарскаго полка,—я кое-что значу въ его глазахъ: это будетъ пріятное знакомство для вашей барыни.

Янкель чуть-чуть не спрыгнулъ съ кресла, чтобы задушить нахала, но постарался овладѣть собою; молча, остался онъ на мѣстѣ, и только въ этотъ день, вмѣсто обычныхъ сорока крейцеровъ, далъ Шмулю всего десять.

Въ другой разъ сидѣлъ онъ въ своей конторѣ за счетами, а рядомъ съ нимъ расположился одинъ изъ добрыхъ друзей, Таусигъ Іейтелесъ, которому онъ не разъ уже оказывалъ разныя услуги и видѣлъ въ немъ преданность, какъ бы роднаго брата. Сюда же пришелъ приказчикъ Якобъ Мильхъ, и между двумя послѣдними завязался слѣдующій разговоръ:

— Сколько вы возьмете съ меня, Якобъ, за то, чтобы устроить *мнѣ одно маленькое* дѣльце?

— *Какое именно*, господинъ Іейтелесъ, и съ кѣмъ?

— Какое дѣльце?—да относительно шолка и бархата, а съ кѣмъ же инымъ, какъ не съ этимъ пустоголовымъ глухаремъ Янкелемъ.

Бѣдный Янкель, даже не моргнувъ, спокойно продолжалъ писать.

— Понимаю, вы получили изъ Бродовъ партію бракованнаго товара и хотите спустить ее по дорогой цѣнѣ этому хамѐру [1]), этому àхпрошу [2]).

— Что̀ за вздоръ!

— Меня вы не надуете, господинъ Іейтелесъ,—довольно и того, что вы при каждой возможности одурачиваете хозяина; очень можетъ быть, что онъ потому и сталъ глухой скотиной.

И оба расхохотались.

— Что̀ же вы спросите съ меня, Якобъ?

— А много тамъ у васъ аршинъ? освѣдомился прикащикъ.

— Да всего только одинъ кусокъ чернаго бархата въ шестьдесятъ аршинъ, одинъ кусокъ краснаго—въ пятьдесятъ четыре, кусокъ голубаго—въ нятьдесятъ два, кусокъ чернаго атласа въ пятьдесятъ аршинъ и такой же кусокъ бѣлаго.

— Дайте четыре червонца.

— Что̀ вы? да вѣдь это съ ума сойти надо.

— Сколько же вы даете?

— Одинъ.

Якобъ Мильхъ, молча, скрылся за дверью; но Іейтелесъ не двинулся съ мѣста, и тотъ, минутъ черезъ пять, снова вернулся.

— Три...

— Два.

— Три.

— Ну,—два червонца и шолковую жилетку—знаете?—ту, съ разводами...

— Хорошо, я согласенъ, только прибавьте еще фунтика два хорошаго табаку.

Таусигъ Іейтелесъ кивнулъ, въ знакъ согласія, головою. Часъ спустя, Якобъ Мильхъ принялся уговаривать глухаго Янкеля, но на этотъ разъ все его краснорѣчіе оказалось безполезнымъ; Янкель не хотѣлъ даже и слушать о выставляемыхъ ему на видъ выгодахъ, точно также какъ и на другой день, когда искренно-преданный ему другъ Іейтелесъ самъ предложилъ товаръ.

---

[1]) *Оселъ.*

[2]) *Глупецъ, дуракъ.*

— Послушай, говорилъ послѣдній:—вѣдь купить товаръ за такую цѣну—все равно, что̀ получить его даромъ.

— Твоя правда, только я не хочу ничего получать даромъ отъ стараго пріятеля.

Въ томъ же самомъ городѣ жила богатая еврейка мадамъ Люцеръ, очень богатая и красавица, — образецъ добродѣтели, по мнѣнію всѣхъ ея знакомыхъ,—ангелъ во плоти въ глазахъ Янкеля; кто же былъ бы въ силахъ, поэтому, описать его скорбь, когда онъ услышалъ разъ, какъ мадамъ Люцеръ, въ его присутствіи, назначила rendez-vous молодому графу Жевускому, и, вдобавокъ еще, въ пятницу вечеромъ: мужъ ея уѣхалъ куда-то по дѣламъ, говорила она, и ни за что въ мірѣ не рѣшится отправиться во время шаббеса въ обратный путь. Или какъ разсказать объ огорченіи Янкеля, когда одинъ изъ самыхъ богатыхъ и почтенныхъ купцовъ въ городѣ, Ахисъ Фейльхенфельдъ, спросилъ при немъ прикащика, подмѣшалъ ли тотъ къ корицѣ толченаго кирпича, и довольно ли цикорія всыпано въ молотый кофе; тутъ же Янкель кстати узналъ, что этотъ честный купецъ постоянно подмѣшиваетъ къ меду сахарный песокъ, къ изюму присыпаетъ простаго песочку, а миндаль продаетъ вмѣстѣ со сливовыми косточками. Кромѣ всего этого, уже готовясь перешагнуть черезъ порогъ, онъ успѣлъ услышать, какъ Фейльхенфельдъ приказывалъ замѣнить настоящими—аршинъ, нѣсколько короткій, и фальшивые вѣсы,—потому что на дняхъ надо было ожидать казеннаго осмотра,—и поблагодарить предупредившаго объ этомъ канцелярскаго служителя двадцатью крейцерами и стаканомъ сливовицы.

— Неужели же всѣ люди такъ лживы и безчестны? бормоталъ про себя глухой Янкель:—что-то еще придется узнать мнѣ?...

А онъ узналъ и услышалъ еще много новаго; напримѣръ, сынъ его Самъ, десятилѣтній мальчикъ, не разъ насмѣхался надъ нимъ, не стѣсняясь присутствіемъ отца, и съ гордостью разсказывалъ однажды двумъ своимъ школьнымъ товарищамъ, что онъ недавно ѣлъ свинину въ гостяхъ у господина окружнаго начальника.—„Отецъ мой просто хамеръ [1]), прибавилъ самъ:—вѣдь это только старомодныя воззрѣнія! Кто теперь обращаетъ вниманіе на всѣ эти предразсудки, кромѣ такихъ, какъ онъ, недалекихъ поклонниковъ старины“.

Ему пришлось услышать, какъ зять его, Адольфъ Тулипанекъ,—прежде ползавшій передъ нимъ на колѣнахъ,—когда Ян-

[1]) *Объяснено выше.*

кель какъ-то подавился у него за ужиномъ куриною косточкой, обратился съ такими словами къ женѣ своей, родной сестрѣ Янкеля:—„Хоть бы онъ околѣлъ скорѣе, этотъ ганевъ [1]), за то, что далъ тебѣ маленькое приданое, да еще обокралъ, когда умеръ твой отецъ".

Ему пришлось также услышать, какъ лучшій его другъ Іонатанъ Хонигъ, повернувшись на улицѣ спиною къ нему, ругалъ его какому-то знакомому, говоря, что Янкель Мускатъ—тряпка, безхарактерный человѣкъ, жалкій рабъ жены своей, и даже плохой купецъ, которому въ близкомъ будущемъ грозитъ банкротство.

Затѣмъ ему пришлось услышать, какъ платили ему за нѣжную любовь двѣ его дочери, двѣнадцатилѣтняя Сара и пятилѣтняя Рахиль; Сара жаловалась на отвращеніе, которое причиняютъ ей поцѣлуи отца, такъ какъ у него гнилые зубы, — а Рахиль утверждала, что онъ моется только разъ въ недѣлю, передъ шаббесомъ, да и тогда только чуть-чуть окунаетъ въ воду кончики пальцевъ.

Но это было еще не все. Наступила уже зима; однажды, подъ вечеръ, Янкель пришелъ домой, весь занесенный снѣгомъ; долго стоялъ онъ въ прихожей, вытирая лицо и бороду и счищая снѣгъ со своего платья и сапогъ; въ это время, въ сосѣдней комнатѣ услышалъ онъ очень оживленный разговоръ: его жена говорила съ какимъ-то незнакомымъ мужчиной.

— Не могу повѣрить, сказалъ мужской голосъ:—чтобы вы, такая красавица, осудили себя на вѣчную скорбь.

— Кто вамъ сказалъ, что я горюю? со смѣхомъ возразила Рифка:—я не думаю печалиться даже и о разрушеніи Іерусалима.

— Вы хотите увернуться, мадамъ Мускатъ, только изъ деликатности, продолжалъ незнакомецъ:—лучше скажите мнѣ откровенно...

— Вы просите отъ меня откровенности? отвѣчала Рифка:—ну, такъ признаюсь вамъ, что положительно не могу выносить мужа.

— О, дорогая моя!

— Подождите, вы ошибаетесь во мнѣ, быстро замѣтила Рифка:—не смотря на это, я все таки никогда не измѣню своимъ обязанностямъ, хотя бы ради дѣтей.

Бѣдный Янкель вздохнулъ и вошелъ въ комнату. У ярко пы-

[1]) *Мошенникъ.*

лавшей печки, передъ веселымъ огонькомъ, сидѣла его жена въ своей роскошной кацавейкѣ, съ повязкой на гордой головкѣ, сверкавшей драгоцѣнными каменьями; противъ нея расположился ротмистръ; его стройная фигура, пышущая силой и здоровьемъ, казалось, еще больше выигрывала отъ костюма: высокихъ сапогъ, узкихъ красныхъ рейтузъ и коротенькаго долмана свѣтло-голубаго цвѣта съ золотыми шнурами. Въ ту же минуту, въ другія двери вошла мать Рифки, госпожа Натанзонъ.

— Вотъ и мой мужъ, сказала Рифка съ тонкой усмѣшкой:— какъ онъ вамъ нравится?

Янкель поклонился гостю, на что ротмистръ отвѣчалъ легкимъ кивкомъ.

— Онъ совсѣмъ глухъ, и это его лучшее достоинство, продолжала Рифка.

— Какъ это удобно для васъ! замѣтилъ гусаръ, вставая и протягивая молодой женщинѣ руку.

Когда онъ вышелъ изъ комнаты, на его мѣсто сѣла теща Янкеля.

— Ну, какъ твои дѣла съ нимъ? спросила она Рифку.

— Пока еще недалеко ушли.

— Ты сама въ этомъ виновата.

— Да вѣдь надо же мнѣ помнить о дѣтяхъ!

— Неужели ты всю свою жизнь будешь мучиться съ мужемъ, съ этимъ мѣйсе-бегѣме [1])?

Рифка пожала плечами, а затѣмъ, подойдя къ Янкелю, закинула свои полныя руки вокругъ его шеи и поцѣловала мужа. Но тотъ болѣзненно улыбнулся, кротко высвободился изъ объятій и вышелъ.

—„Что съ нимъ такое?“ услышалъ онъ за собою вопросъ тещи. —„А я почемъ знаю!“ отвѣчала Рифка:—„мнѣ что за дѣло, о чемъ думаетъ этотъ шлѣміель [2])!“

Снова наступила уже весна, когда Янкель Мускатъ пріѣхалъ зачѣмъ-то въ Садагору и на улицѣ случайно встрѣтился съ ученымъ раввиномъ.

— Ну, какъ дѣла? началъ тотъ.

Янкель приложилъ руку къ уху.

— Что такое? вы опять стали плохо слышать?

— Говорите громче, цадикъ [3]),—вѣдь я глухъ.

---

[1]) Объяснено выше.

[2]) *Тюлень, неуклюжій человѣкъ.*

[3]) *Святой человѣкъ, праведникъ.*

— Вы опять принялись за водку, крикнулъ ему цадикъ надъ самымъ ухомъ.

— Да, пью!

— Вы пьете слишкомъ много водки.

— Правда, слишкомъ много.

— Зачѣмъ же вы пьете такъ много?

— Зачѣмъ? отвѣчалъ глухой Янкель: — я совсѣмъ не пилъ водки, цѣлый годъ не пилъ водки, ни одной капли не пилъ; но изъ всего того, что̀ я успѣлъ услышать за это время, ничего не было лучше водки. Нехорошо слышать все, что̀ говорятъ вокругъ!..

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

Tempora mutantur. Еще недавно для насъ, русскихъ, во Франціи не было другаго названія, кромѣ медвѣдей и дикарей. Насъ принимали вѣжливо, передъ нами разсыпа̀лись въ любезностяхъ, такъ какъ мы имѣемъ привычку являться въ Парижъ съ туго набитымъ кошелькомъ, но нашей родиной не интересовались нисколько. „Ваша исторія, ваше отечество не можетъ дать намъ ничего новаго, интереснаго: все это мы давнымъ давно уже пережили", говорили намъ далеко не послѣдніе представители французской интеллигенціи, совершенно игнорируя развивающуюся тамъ гдѣ-то, чуть не въ Азіи, молодую общественную жизнь. Это было какихъ нибудь 5—6 лѣтъ назадъ; а теперь куда ни повернешься, съ кѣмъ ни заговоришь, во всѣхъ по отношенію къ Россіи замѣчается поразительная перемѣна. Въ газетахъ и правящихъ сферахъ всесторонне обсуждается вопросъ о возможности и желательности тѣснаго сближенія съ Россіей; на полкахъ книжныхъ магазиновъ—масса переводовъ произведеній русскихъ писателей; въ солидныхъ газетахъ и журналахъ гораздо чаще обыкновеннаго встрѣчаются дѣльныя статьи о разныхъ сторонахъ общественной русской жизни; въ послѣднее время появились и—что̀ всего удивительнѣе —имѣли громадный успѣхъ нѣсколько большихъ и серьезныхъ работъ о Россіи и русской литературѣ, возникла даже спеціальная издательская фирма, которая возлагаетъ на изданіе переводовъ русскихъ писателей большія надежды для начала своего дѣла; какіе-то господа, наконецъ, затѣваютъ изданіе франко-русской газеты, имѣющей въ виду спеціально содѣйствовать сближенію Россіи съ Франціей. Словомъ, куда ни повернись, вездѣ и всюду рѣзко бросается въ глаза, что Россія теперь—въ особенной чести у французовъ, что они стали интересоваться самыми мелкими сторонами ея жизни.

Этотъ интересъ отчасти вызванъ извѣстными мотивами чисто политическаго свойства, заставляющими Францію въ сближеніи съ Россіей искать противовѣса угрожающей ей коалиціи государствъ центральной Европы. Но это только *отчасти вѣрно;* политическія соображенія только усилили *интересъ къ Россіи* и всему русскому; поворотъ же въ отношеніи къ ней

начался гораздо раньше и сдѣлался болѣе или менѣе замѣтнымъ вскорѣ послѣ смерти И. С. Тургенева. Покойный авторъ „Записокъ Охотника“ пользовался любовью и уваженіемъ не въ одной Россіи; его хорошо знали и высоко цѣнили, какъ человѣка и какъ писателя, и во Франціи. Его смерть вызвала цѣлый рядъ біографическихъ очерковъ и отчетовъ объ его литературной дѣятельности. Изъ нихъ Франція съ удивленіемъ узнала, что на Руси, кромѣ Тургенева, есть еще Толстой, Достоевскій, Гончаровъ, Гоголь, Пушкинъ и др., у которыхъ есть чему поучиться даже французскимъ писателямъ. Поэтому, вслѣдъ за сочиненіями Тургенева, съ которыми французская публика была нѣсколько знакома и раньше, появились переводы „Войны и Мира“, „Анны Карениной“, „Записокъ изъ Мертваго Дома“, „Преступленія и наказанія“, открывшихъ Франціи совершенно новую и оригинальную для нея жизнь. Французская критика пришла отъ нихъ въ крайній восторгъ. Она нашла ихъ нѣсколько тяжеловатыми для произведеній литературныхъ, но, въ то же время, крайне интересными и поучительными. Публика не отстала отъ критики, и знакомство съ произведеніями Толстаго, Достоевскаго, Гоголя скоро сдѣлалось въ образованныхъ сферахъ настолько же обязательнымъ, какъ съ произведеніями Додэ и Гонкуровъ. Теперь произведенія этихъ писателей, особенно перваго, переведены всѣ до послѣднихъ мелочей, и переводчики съ издателями стали уже приподносить публикѣ безъ разбору все, что попадается подъ руку, начиная съ „Сожженной Москвы“ Данилевскаго и кончая устарѣлыми разсказами Григоровича, тогда какъ французскіе литераторы начинаютъ сильно досадовать на такую неожиданную конкуренцію. Нѣкоторые изъ нихъ, поддѣлываясь подъ вкусы публики, заимствуютъ сюжеты для своихъ произведеній изъ русской жизни, разумѣется, коверкая ее самымъ безпощаднымъ образомъ, между тѣмъ какъ большинство собирается проповѣдовать крестовый походъ противъ нашествія русской литературы.

Такимъ небывалымъ успѣхомъ русскіе писатели прежде всего, разумѣется, обязаны своимъ собственнымъ достоинствамъ и своему крайне своеобразному для Франціи направленію. Французская критика въ этомъ отношеніи придаетъ имъ такое значеніе, что ожидаетъ отъ нихъ очень благодѣтельнаго вліянія на свою родную литературу, а нѣкоторыя изъ ихъ произведеній ставитъ рѣшительно выше всего, что было написано до сихъ поръ въ этомъ родѣ. Но были и другія причины, заставившія французскую публику съ такимъ жаромъ наброситься на произведенія русскихъ писателей,—причины, коренящіяся въ нравственномъ состояніи самого французскаго общества.

Разсуждая о Франціи, у насъ часто упускаютъ изъ виду то переходное состояніе, которое она переживаетъ. Ея старыя формы жизни, старыя общественныя отношенія рушатся однѣ за другими, а новый политическій строй не успѣлъ еще вылиться въ опредѣленную форму и подвер-

гается непостоянной, хотя и мало замѣтной со стороны, переработкѣ, не удовлетворяя пока многихъ искреннихъ и вполнѣ убѣжденныхъ республиканцевъ даже умѣреннаго лагеря. Та же неудовлетворенность, то же броженіе замѣтно и въ соціальныхъ отношеніяхъ. Гражданское общество употребляетъ всѣ усилія, чтобы стряхнуть съ себя послѣдніе остатки вѣковаго господства католическаго духовенства, вслѣдствіе чего неизбѣжный въ такихъ случаяхъ разладъ не только окрашиваетъ собой всѣ общественныя отношенія, но проникаетъ и въ сферу жизни семейной. Трудящееся населеніе съ своей стороны недовольно своимъ подчиненнымъ положеніемъ относительно капитала и, оставаясь въ предѣлахъ легальности, ищетъ возможности занять слѣдующее ему по праву мѣсто въ производствѣ; а буржуазія, напротивъ, старается отстоять свои „пріобрѣтенныя права“. Отсюда постоянное скрещиванье противоположныхъ интересовъ и общее недовольство, заставляющее однихъ съ сожалѣніемъ оглядываться назадъ, на безвозвратно минувшее прошлое, а другихъ—возлагать свои надежды на лучшее будущее. Исторія послѣднихъ десятилѣтій, къ тому же, сложилась такъ, что политическія заботы совершенно заслонили собой нравственныя стремленія личности, вслѣдствіе чего во французскомъ обществѣ съ теченіемъ времени водворился сильный разладъ между политическими идеалами, общественной дѣятельностью и жизнью личной. Вращаясь среди французовъ, вы часто наталкиваетесь на такія явленія, что человѣкъ образованный, развитый политически, стоящій въ авангардѣ республиканской партіи, въ своихъ личныхъ отношеніяхъ ничѣмъ не отличается отъ самаго заскорузлаго буржуа. Пока онъ на трибунѣ, за редакторскимъ столомъ—онъ горячій радикалъ, искренній и вполнѣ убѣжденный соціалистъ; но, возвратившись въ сферу отношеній личныхъ, онъ сейчасъ же становится тѣмъ же, чѣмъ были его отецъ и дѣдъ. Благодаря этой раздвоенности, этому затемнѣнію нравственныхъ стремленій, выдохлись какъ-то, потеряли въ глазахъ массы населенія значительную долю своей прежней обаятельности и самые идеалы общественные, сплошь и рядомъ уступая мѣсто полному индиферентизму ко всему, кромѣ своего личнаго благополучія, вслѣдствіе чего мѣсто руководящихъ нравственныхъ принциповъ стариннаго служенія культу le Beau, le Bien et le Vrai, все больше и больше занимаетъ теперь грубый интересъ, драпирующійся въ громкія фразы и самыя возвышенныя стремленія. Понятно, что этотъ разладъ между словомъ и дѣломъ, это приниженіе общественныхъ идеаловъ даютъ себя чувствовать даже лучшей части успѣвшаго сжиться съ ними отживающаго поколѣнія, заставляетъ даже ее стремиться къ другой лучшей жизни; все же живое и мыслящее въ поколѣніи молодомъ переживаетъ настоящій нравственный кризисъ, то по уши зарываясь въ какую *нибудь узенькую* спеціальность, то впадая въ такъ мало свойственный *подвижной, общительной* французской натурѣ пессимизмъ самаго мрачнаго

свойства, и съ жаромъ бросается на все, что̀ можетъ дать ему хоть искорку вѣры въ людей и возможность лучшихъ людскихъ отношеній. Литература въ такомъ положеніи могла бы сослужить обществу большую службу; но она сама страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, заражена тѣмъ же скептицизмомъ. Съ легкой руки Флобера, ея лучшая часть считаетъ своей обязанностью постоянно долбить узкаго, эгоистичнаго буржуа, забавляясь его филистерствомъ и его бездушіемъ въ людскихъ отношеніяхъ, и усердствуетъ въ этомъ до такой степени, что ее совершенно основательно упрекаютъ иногда въ крайней односторонности, въ томъ, что она подмѣчаетъ въ жизни только отрицательныя стороны и пропускаетъ мимо ушей всѣ болѣе или менѣе отрадныя явленія. Французскіе литераторы идутъ еще дальше публики и считаютъ своей обязанностью систематически чураться всякихъ общественныхъ идеаловъ. Полный индифферентизмъ къ кипящей кругомъ общественной жизни, полное презрѣніе къ людямъ, занимающимся политикой, какъ къ бездушнымъ, своекорыстнымъ пройдохамъ и интриганамъ, и служеніе искусству только ради него самого—вотъ основное правило ихъ дѣятельности. Поэтому положительные типы въ ихъ произведеніяхъ—крайняя рѣдкость; поэтому же, если они иногда и интересуются политикой, то только затѣмъ, чтобы отмѣтить ея темныя закулисныя стороны. Въ Англіи и Германіи такія свѣтлыя личности, какъ Гамбетта, Поль Бэръ, такія бурныя эпохи, какъ время борьбы молодой, вѣрящей въ свои силы республиканской партіи съ реакціей, послужили бы навѣрно темой для широкаго общественнаго романа; во Франціи же за это время появились Нума Руместанъ и Евгеній Ругонъ. Впрочемъ, и во Франціи есть группа третьестепенныхъ писателей, которые считаютъ своей обязанностью давать положительные типы и которые именно поэтому, не смотря на всѣ свои неособенно завидныя литературныя достоинства, иногда на очевидную дѣланность своихъ произведеній,—въ большой модѣ у читающей публики. Но ихъ идеалы не идутъ дальше общепринятой буржуазной морали, и потому не могутъ дать ничего новаго тѣмъ, кого эта мораль перестала удовлетворять.

Итакъ, полное, систематическое отрицаніе или фарисейство—вотъ что̀ находитъ въ своей литературѣ французскій читатель, успѣвшій разочароваться въ общепринятыхъ нравственныхъ идеалахъ и ищущій въ ней хоть какихъ нибудь указаній на возможность другой, лучшей жизни, другихъ, лучшихъ человѣческихъ отношеній. Она его не удовлетворяетъ, она давно уже набила ему оскомину. Въ такомъ-то состояніи онъ знакомится съ молодой, сильной литературой, съ произведеніями людей, высоко одаренныхъ отъ природы, стоящихъ въ авангардѣ мыслящей части человѣ*чества, болѣющихъ* тѣми же сомнѣніями, ищущихъ той же правды въ *жизни*, какъ и онъ, но относящихся къ людямъ и людскому горю съ *совершенно* необыкновенными для него теплотой и участіемъ. Не удив-

тельно поэтому, что такая литература, особенно въ лицѣ своихъ наиболѣе крупныхъ и самобытныхъ писателей, имѣла громадный успѣхъ, сразу пріобрѣла въ обществѣ очень важное значеніе. Тургеневъ былъ ближе къ своимъ западнымъ друзьямъ и по направленію, и по характеру своего творчества, и потому его произведенія хотя и очаровывали, но не могли такъ подѣйствовать на французскаго читателя, завладѣть имъ съ такой силой, какъ произведенія „скиѳа“ Достоевскаго и „мистика“ Толстаго. Въ послѣднихъ многое непонятно даже тѣмъ изъ французовъ, которые имѣли возможность близко познакомиться съ русской жизнью и русскимъ характеромъ, многое они совершенно упускаютъ изъ виду; но это умѣнье входить въ положеніе каждаго, симпатизировать людскимъ горестямъ, искать правды и только правды въ жизни, стараться схватывать всѣ стороны послѣдней—было такъ ново, дѣйствовало такъ обаятельно, такъ очаровывало своей свѣжестью чувства и благородствомъ, что французская публика преодолѣла всѣ трудности непривычнаго для нея чтенія и прочитывала до конца даже такія вещи, какъ „Война и Миръ“ и „Преступленіе и наказаніе“. Французская критика называетъ русскихъ писателей, за ихъ скептическое отношеніе къ существующему строю жизни и за ихъ широкія гуманныя стремленія,—и нигилистами, и поклонниками нирваны, и мистиками; подмѣтила въ нихъ, какъ и вообще во всѣхъ русскихъ, близкое сходство съ индійцами, склонна даже подозрѣвать въ наклонности къ пантеизму; но это нисколько не мѣшаетъ ей подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ создавать религію состраданія, проповѣдовать уваженіе къ человѣческому чувству, гдѣ бы и какъ бы оно ни проявлялось. Словомъ, въ этомъ успѣхѣ русскихъ писателей во Франціи, какъ и вообще за границей, мы присутствуемъ при очень интересномъ столкновеніи двухъ различныхъ міровъ—стараго, успѣвшаго вылиться въ опредѣленныя, начавшія уже выдыхаться, формы, и новаго, сильнаго своимъ юношескимъ благородствомъ, своими широкими симпатіями къ ближнему и своими стремленіями къ общему благу. Въ исходѣ столкновенія сомнѣній быть не могло; побѣда необходимѣйшимъ образомъ должна была остаться за юностью. Она, разумѣется, не можетъ быть такой прочной и полной, какъ побѣда зрѣлости надъ юностью; но она все таки не можетъ не оставить своего довольно замѣтнаго слѣда, не можетъ не заразить своимъ гуманнымъ отношеніемъ къ жизни и своими надеждами. Сами французы отъ вліянія русской литературы ждутъ даже бо̀льшаго. Они думаютъ, что оно отразится на самомъ направленіи французской литературы, что, благодаря ему, исчезнутъ крайности натурализма, и ихъ писатели станутъ также смотрѣть на божій міръ и относиться къ жизни гораздо проще и безпристрастнѣе.

Въ здѣшней общественной жизни самымъ крупнымъ явленіемъ послѣдняго времени представляется все болѣе и болѣе замѣтное разложеніе *монархической партіи* и возникновеніе на ея развалинахъ партіи правыхъ

республиканскаго центра. Деморализація монархистовъ началась на другой же день послѣ изгнанія претендентовъ: неудачный исходъ выборовъ въ генеральные совѣты, на которые они возлагали такія надежды, настолько усилилъ ее, что два далеко не послѣднихъ представителя ихъ партіи въ палатѣ, Рауль Дюваль и Ленотръ, сочли нужнымъ поднять вопросъ о необходимости для правой совершенно перемѣнить свою тактику и, помирившись,—до поры до времени, по крайней мѣрѣ,—съ республикой, стать на стражѣ семьи, собственности и религіи. Ихъ попытка на первый разъ не имѣла особеннаго успѣха; но это не обезкуражило Дюваля, и онъ недавно повторилъ ее снова, развивши на этотъ разъ свою мысль уже съ парламентской трибуны и доказывая монархистамъ, что они должны принять его предложеніе изъ простаго чувства самосохраненія, такъ какъ избиратели послали ихъ въ палату только какъ консерваторовъ, но не какъ враговъ республики, и легко могутъ отказать имъ въ своемъ довѣріи, если они будутъ подкапываться подъ существующій порядокъ. Послѣдовавшіе вслѣдъ за этимъ въ Сѣверномъ департаментѣ дополнительные законодательные выборы какъ нарочно подтвердили справедливость его словъ. Этотъ департаментъ былъ прежде республиканскимъ; но на послѣднихъ общихъ выборахъ онъ послалъ въ палату только монархистовъ. Поэтому послѣдніе имѣли полное право считать его своимъ и, когда тамъ назначены были дополнительные выборы для замѣщенія ихъ умершаго товарища, нисколько не сомнѣвались въ легкой и полной побѣдѣ надъ республиканцами. Дѣйствительность однако же сильно разочаровала, ихъ, такъ какъ избиратели на этотъ разъ предпочли послать въ палату республиканца. Монархисты, по обыкновенію, попробовали было объяснить свое пораженіе административнымъ давленіемъ, но скоро должны были сознаться, что его причина была нѣсколько иная. Вотъ какъ объяснилъ мнѣ ее человѣкъ, близко знакомый съ краемъ и принимавшій дѣятельное участіе въ выборахъ. По его словамъ, населеніе Сѣвернаго деп. дѣлится по своимъ политическимъ стремленіямъ на три неравныхъ части. Одна изъ нихъ—городское и заводское рабочее населеніе—всей душой за республику и ни за что отъ нея не отречется; другая—хозяева заводовъ и фабрикъ, крупные землевладѣльцы и инженеры—завзятые монархисты; третья, наконецъ, къ которой принадлежитъ все сельское населеніе и мелкая буржуазія и которая собственно и рѣшаетъ побѣду одной изъ первыхъ—по своимъ консервативнымъ взглядамъ гораздо ближе къ монархистамъ, чѣмъ къ республиканцамъ; она, какъ огня, боится всякой неурядицы. На послѣднихъ общихъ выборахъ она вотировала за монархистовъ, принимая ихъ за простыхъ консерваторовъ, и потомъ была крайне поражена, когда ея представители приняли участіе въ демонстраціи по поводу отъѣзда за *границу графа* Парижскаго. Монархисты, вѣроятно, знали это и потому на *дополнительныхъ* выборахъ постарались поставить кандидатуру человѣка

очень извѣстнаго, вліятельнаго въ краѣ, не имѣвшаго до сихъ поръ никакихъ непосредственныхъ сношеній съ дѣятельными членами ихъ партіи. Но одного того обстоятельства, что его кандидатуру поддерживали монархисты и что онъ въ своей программѣ ни словомъ не заикнулся о своемъ отношеніи къ республикѣ, было совершенно достаточно, чтобы скомпрометировать его въ глазахъ избирателей и заставить послѣднихъ отдать предпочтеніе его сопернику-республиканцу. Монархисты думаютъ воспользоваться этимъ урокомъ и при каждомъ удобномъ случаѣ кричатъ о томъ, что они готовы до поры до времени отказаться отъ своей прежней обструкціонистской тактики, готовы даже поддерживать республиканское правительство, если оно будетъ защищать консервативные принципы; на дѣлѣ же пользуются всякимъ предлогомъ, чтобы сунуть палку въ колеса государственнаго механизма, вызвать кризисъ за кризисомъ и добиться распущенія палаты, въ которомъ они видятъ теперь свое послѣднее спасеніе. Но это имъ едва ли удастся.

Затѣмъ особеннаго интереса заслуживаетъ, недавно принятый парламентомъ и вошедшій уже въ силу, новый школьный законъ, который запрещаетъ лицамъ духовнаго званія преподаваніе въ государственной народной школѣ, поручаетъ непосредственное завѣдываніе школой департаментскому училищному совѣту, въ составъ котораго входятъ представители министерства, делегаты отъ генеральнаго совѣта и учительскаго персонала, и принимаетъ мѣры для защиты народныхъ учителей отъ произвола администраціи (училищный совѣтъ, напр., можетъ уволить учителя отъ должности или запретить ему преподаваніе въ народной школѣ только послѣ обсужденія его поведенія въ полномъ засѣданіи, и притомъ въ присутствіи самого обвиняемаго, который имѣетъ право пригласить себѣ защитника и требовать сообщенія всѣхъ относящихся до его дѣла документовъ, а потомъ обжаловать постановленіе передъ министромъ или высшимъ училищнымъ совѣтомъ). Далѣе идетъ цѣлый рядъ финансовыхъ и административныхъ реформъ, поставленныхъ на очередь уже давно, но выплывшихъ на поверхность съ особенной настойчивостью при обсужденіи смѣты бюджета на 1887 годъ; ихъ разсмотрѣніемъ парламенту придется заняться съ самаго начала этого года.

Нынѣшней осенью было нѣсколько сенсаціонныхъ процессовъ, бросающихъ очень печальный свѣтъ на состояніе французской деревни. Въ деп. Верхнихъ-Пиренеевъ, напр., за поджогъ скирда соломы судился 77-лѣтній крестьянинъ Сару. Преступленіе само по себѣ не имѣетъ ничего экстраординарнаго, но посмотрите на обстоятельства, которыми оно было вызвано. Сару въ юности былъ пастухомъ, сколотилъ кое-какія деньжонки, женился и обзавелся своимъ домомъ;—купилъ даже клочокъ землицы. И онъ самъ, и его молодая жена были люди работящіе, но въ то же время *очень скупые*; *наживая*, деньги скоро овладѣли ихъ помыслами. За-

тѣмъ жена умерла, оставивши мужу двухъ дѣтей, сына и дочь. Сынъ, женившись, отдѣлился отъ отца и являлся къ нему только требовать выдѣла своей доли наслѣдства. Это всегда сильно мучило старика, и потому онъ сосредоточилъ всю свою привязанность на своей дочери, тоже очень работящей дѣвушкѣ. Настала пора выдавать замужъ и послѣднюю. Явился и женихъ изъ богатой семьи; но онъ требовалъ, чтобы Сару отдалъ ему въ приданое за дочерью всю свою землю. Старикъ долго не соглашался на это, не желая обидѣть своего сына, потомъ уступилъ просьбамъ своей любимицы, которой сильно хотѣлось попасть въ богатую семью, и потребовалъ только, чтобы молодые поселились въ его домѣ. И дочь, и женихъ, повидимому, согласились, но изъ церкви отправились съ приглашенными прямо къ жениху, куда было перенесено уже, тихонько отъ старика, не только имущество его дочери, но все, что́ можно было забрать въ его домѣ. Эта черная неблагодарность дочери до того поразила старика, что онъ рѣшилъ было поджечь домъ ея новой семьи; но, изъ сожалѣнія къ ней, удержался и запалилъ только стогъ соломы.—Въ этомъ процессѣ на скамьѣ подсудимыхъ фигурировалъ оскорбленный неблагодарностью дочери отецъ, а въ Жерскомъ окружномъ судѣ, въ качествѣ обвиняемыхъ за истязаніе и убійство 67-лѣтняго старика, мы видимъ старуху, его жену, падчерицу и мужа послѣдней. Всѣ они жили вмѣстѣ одной семьей, и жили, повидимому, безбѣдно. У стариковъ былъ довольно недурной виноградникъ съ небольшимъ домикомъ, но они передали его зятю, съ тѣмъ чтобы тотъ помѣстилъ ихъ въ своемъ домѣ и давалъ имъ необходимое для жизни. Самъ старикъ былъ уже человѣкъ хилый и работалъ очень мало; поэтому въ домѣ всѣ смотрѣли на него, какъ на лишнюю обузу, обходились съ нимъ крайне грубо и наконецъ рѣшились отъ него отдѣлаться разъ навсегда, но сначала косвеннымъ образомъ. По соглашенію съ матерью, падчерица зазвала его какъ-то въ виноградникъ и, воспользовавшись минутой, когда старикъ прикурнулъ передъ очагомъ, вылила ему на голову цѣлый горшокъ кипятку. Старикъ, разумѣется, обезумѣлъ отъ боли, а падчерица бросилась на него и начала припекать ему лицо раскаленнымъ желѣзомъ. Старикъ кое-какъ вырвался у нея изъ рукъ и, подъ градомъ палочныхъ ударовъ, спасся къ сосѣдямъ. На другой день онъ слегъ, и его свезли домой, разсчитывая, что онъ скоро отправится въ могилу; но онъ началъ было поправляться и потому семья въ одну зимнюю ночь задушила его общими силами, причемъ всѣхъ энергичнѣе и рѣшительнѣе дѣйствовала его жена, 64-лѣтняя старуха.—Наконецъ, въ окружномъ судѣ города Блуа разбиралось еще болѣе ужасное дѣло о сожженіи—тоже, главнымъ образомъ, изъ корыстныхъ цѣлей—дряхлой старухи Лебонъ ея же собственными дѣтьми. Эта несчастная старушка *давно жила* въ работницахъ на сосѣдней фермѣ, скопила нѣсколько *сотъ франковъ* денегъ и перебралась доживать свой недолгій вѣкъ къ

замужней дочери. Она почему-то слыла въ околодкѣ за вѣдьму и, по общему мнѣнію, приносила несчастіе всѣмъ, кто съ ней близко сталкивался. Ея дочь долго не могла выйти замужъ именно потому, что всѣ боялись ея матери; она, сверхъ того, винила ее, какъ колдунью, во всѣхъ своихъ несчастіяхъ, а потому относилась къ ней не особенно дружелюбно. Но она все таки охотно приняла къ себѣ въ домъ мать, разсчитывая послѣ ея смерти воспользоваться ея сбереженіями. Кромѣ дочери, у старухи было еще два совершеннолѣтнихъ сына, которые жили въ работникахъ на сосѣднихъ фермахъ и тоже разсчитывали на материнскія сбереженія послѣ смерти. Но смерть что-то долго медлила. Несчастная старуха скоро сдѣлалась въ тягость дочери, которая стала обходиться съ ней очень грубо, попрекала ее каждымъ кускомъ, не стѣснялась угощать ее толчками (разъ какъ-то она толкнула се даже въ огонь, причемъ та обожгла себѣ бровь). Ее попробовали было сдать въ домъ умалишенныхъ; но тамъ не приняли, и потому нѣжная дочь рѣшила спровадить ее на тотъ свѣтъ насильственнымъ образомъ. Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ она приглашаетъ къ себѣ своихъ братьевъ и за ужиномъ начинаетъ убѣждать ихъ въ необходимости сжечь свою мать. Какъ и чѣмъ она доказывала такую необходимость, осталось неизвѣстнымъ; но, по окончаніи ужина, братья взяли спавшую на кровати мать и перенесли на приготовленную въ очагѣ вязанку дровъ, а дочь съ зятемъ сейчасъ и подожгли ее. Несчастная старуха, внѣ себя отъ страшной боли, попробовала было подняться на ноги, но зять ударомъ ноги повалилъ ее въ огонь и удержалъ тамъ до тѣхъ поръ, пока она не задохнулась въ пламени. Затѣмъ братья, оставивши трупъ матери догорать на кострѣ, поспѣшили сначала къ священнику покаяться въ своемъ грѣхѣ, а затѣмъ въ мэріи заявили, что ихъ мать случайно упала въ огонь и сгорѣла. Но имъ, разумѣется, не повѣрили, а присутствовавшая при ужасной сценѣ семилѣтняя, но очень смышленая внучка несчастной старухи разсказала всѣ ея подробности.

Цѣлый рядъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ процессовъ такого рода не могъ не обратить общественнаго вниманія на состояніе деревни, тѣмъ болѣе, что масса другихъ, хотя и менѣе яркихъ, но не менѣе краснорѣчивыхъ явленій,—въ родѣ крайне тяжелаго положенія въ крестьянской семьѣ „инвалидовъ труда и жизни“, довольно частыхъ случаевъ отцеубійства съ корыстной цѣлью и распространенія алкоголизма и неомальтузіанизма,—давно уже указываетъ на крайнюю ненормальность. Французскій крестьянинъ, какъ извѣстно, никогда не пользовался особенными симпатіями правящихъ классовъ. Съ легкой руки Бальзака, его до сихъ поръ еще считаютъ хитрымъ, двуличнымъ, жестокимъ и эгоистичнымъ. *Мишлэ пробовалъ было* бороться противъ такого представленія о *крестьянахъ, но ему удалось* убѣдить очень немногихъ. Тѣмъ не менѣе, факты

начинаютъ говорить за себя такъ громко, что лучшей части французской интеллигенціи волей-неволей приходится сознаться, что крестьянинъ сталъ такимъ жестокимъ и эгоистичнымъ далеко не по своей винѣ, что отвѣтственность за это падаетъ почти исключительно на правящіе классы, которые до самаго послѣдняго времени систематически держали деревню въ черномъ тѣлѣ и, пользуясь плодами ея труда, дѣлали все возможное, чтобы развить въ ней антисоціальные инстинкты. При старомъ режимѣ, въ замкѣ и въ городѣ, на крестьянство смотрѣли только какъ на вьючный скотъ, обязанный доставлять правящимъ классамъ все нужное для широкой комфортабельной жизни. Первая республика навѣрное уничтожила бы такую вопіющую несправедливость, но ее скоро смѣнила имперія со своими опустошительными войнами, разорившими и обезлюдившими деревню. Затѣмъ явилась реставрація, со стаей аристократовъ-эмигрантовъ, старавшихся при помощи ажіотажа отнять у крестьянина то, что̀ перепало на его долю при ликвидаціи стараго строя жизни, противъ натиска которыхъ онъ могъ бороться только хитростью, упорнымъ трудомъ и крайней бережливостью. Реставрація же снова отдала его въ руки духовенства, которое систематически держало его въ темномъ невѣжествѣ, чтобы вѣрнѣе помыкать имъ. Вторая имперія и іюльская монархія, со своимъ, невиданнымъ прежде, развитіемъ спекуляціи и погони за наживой, могли только содѣйствовать развитію грубыхъ эгоистичныхъ инстинктовъ въ крестьянинѣ, предоставленномъ однимъ своимъ силамъ, и не встрѣчающемъ ни въ комъ и ни въ чемъ поддержки. Немудрено, поэтому, что подъ вліяніемъ такихъ условій жизни—выраженіе homo homini lupus съ теченіемъ времени сдѣлалось руководящимъ житейскимъ правиломъ и во французской деревнѣ. Республика, наконецъ, со своей широкой свободой прессы, своимъ всенароднымъ голосованіемъ, своей кратковременной, но общей воинской повинностью и своими заботами о народномъ образованіи, сдѣлала уже довольно много для поднятія умственнаго уровня деревни; но и она пока еще не приняла никакихъ мѣръ, чтобы облегчить крестьянину тяжелую для него борьбу за существованіе и содѣйствовать такимъ образомъ развитію соціальныхъ инстинктовъ. На эту-то сторону крестьянской жизни французская интеллигенція, взбудораженная послѣдними сенсаціонными процессами, и считаетъ необходимымъ теперь какъ можно скорѣе обратить все свое вниманіе.

К. Д—чъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Повторяется ли исторія?—Аналогія прошедшаго и опасенія будущаго.—Нѣмецкій отвѣтъ на русское сообщеніе.—Какъ легко было бы разрѣшить болгарскій вопросъ, еслибы этого хотѣла Германія.—Англійскія угрозы.—Болгарскіе депутаты въ Лондонѣ и припадки батенбергоманіи. — Новый поручикъ-кандидатъ на болгарскій престолъ.—Республика, разсуждающая логичнѣе дружественныхъ монарховъ и враждебныхъ консерваторовъ.—Русскія симпатіи въ Чехіи и Хорватіи.—Рѣчь Старчевича.—Оставленіе нѣмецкими депутатами пражскаго сейма.—Мадьярскія преслѣдованія сербскихъ газетъ.—Юбилей Добрянскаго.—Вѣнское общество „Единенія". — Младочехи. — Хорватъ Барчичъ.—Прусскій милитаризмъ.—Рѣчь Бисмарка въ защиту увеличенія арміи.—Распущеніе рейхстага.—Упрямство и распаденіе консервативнаго министерства въ Англіи.—Война итальянскаго правительства съ папою и съ общественнымъ мнѣніемъ, возстающимъ противъ австрійской политики министерства.

15 (3) января.

Говорятъ: исторія не повторяется. Это вѣрно въ томъ смыслѣ, что событія не возвращаются. Но, съ другой стороны, однѣ и тѣ же причины могутъ порождать если не одинаковые, то аналогичные факты, и въ этомъ отношеніи между событіями разныхъ эпохъ можетъ быть, если не тожество, то замѣчательное сходство. Такъ, между нынѣшнимъ временемъ и тѣмъ, что происходило ровно десять лѣтъ тому назадъ, очень большая аналогія. Въ 1875 году начались смуты и возстанія на Балканскомъ полуостровѣ. 1876-ой годъ прошелъ въ переговорахъ и конференціяхъ, которые, вмѣсто того, чтобы распутать и уладить политическія дѣла, еще болѣе содѣйствовали ихъ неурядицѣ, особенно поддерживаемой Англіею, въ лицѣ ея тогдашняго посланника въ Константинополѣ, маркиза Салисбюри, нынѣшняго англійскаго премьера. Въ 1877-мъ году, Россія, не смотря на все свое миролюбіе, должна была, помогая сначала своимъ братьямъ-славянамъ, наконецъ прямо начать войну, затянувшуюся до слѣдующаго года, потому что русскія силы были не подготовлены къ борьбѣ. Что же мы видимъ черезъ десять лѣтъ? Борьба, кончившаяся славою русскаго оружія и пораженіемъ русской дипломатіи, неминуемо должна была возгорѣться, потому что берлинскій трактатъ, расчленивъ освобожденную Россіею страну, нарочно оставлялъ въ ней причины раздора и неустройства—сѣмена будущей войны. Уступая во всемъ европейской дипломатіи, сдѣлавъ ошибку въ выборѣ болгарскимъ княземъ нѣмецкаго авантюриста, Россія продолжала уступать и ему, отзывая, по его прихоти, русскихъ министровъ, позволяя ему безнаказанно: то нарушать, то возстановлять конституцію страны, явно интриговать и тайно сноситься съ врагами *Россіи, для уничтоженія* ея вліянія на полуостровѣ, какъ успѣло уже оно

уничтожиться въ Сербіи и Румыніи, для которыхъ мы принесли также немало жертвъ. И вотъ, въ 1885 году, болгарскія смуты и перевороты стали угрожать европейскому миру гораздо болѣе, чѣмъ герцеговинское возстаніе 1875 года. Весь 1886-ой годъ прошелъ въ новыхъ дипломатическихъ конференціяхъ и переговорахъ, которые нарочно путала все та же Англія, руководимая все тѣмъ же Салисбюри. Чего же остается ожидать намъ по логическому ходу событій въ 1887-мъ году?

Тяжело отвѣчать на этотъ вопросъ, не хотѣлось бы быть политической Кассандрой, хотѣлось бы ошибиться, но гдѣ данныя для того, чтобы не быть пессимистомъ? Столкновенія съ каждымъ днемъ умножаются, потому что на этотъ разъ затронуто гораздо больше разнородныхъ интересовъ, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ. Составляются коалиціи между державами противъ одного общаго врага, котораго видятъ въ Россіи. Новогодніе органы общественнаго мнѣнія на западѣ полны зловѣщихъ предсказаній. Всѣ газеты, какъ и правительства, конечно, противъ войны, всѣ понимаютъ, что, при нынѣшнихъ усовершенствованныхъ системахъ избіенія людей огромными массами посредствомъ новоизобрѣтенныхъ „панкластитовъ“ и „мелинитовъ“, война будетъ ужасна. Но всѣ, въ то же время, сознаются, что она неизбѣжна и вспыхнетъ немедленно, какъ только европейскій концертъ успѣетъ спѣться и найдетъ надежнаго капельмейстера. Въ принципѣ роль эта давно предназначается Англіи, но она все еще ждетъ чего-то, чтобы принять ее на себя—и все выставляетъ впередъ Австрію, которая однако упорно продолжаетъ повторять своей союзницѣ историческія слова: messieurs les anglais—tirez les premiers! Стоитъ, конечно, раздаться только первому выстрѣлу, чтобы началась новая безчеловѣчная и безсмысленная война. Горючаго матеріала накопилось столько, что хоть отбавляй.

Ровно мѣсяцъ тому назадъ (15-го декабря) явилось, какъ извѣстно, офиціальное заявленіе нашего правительства, что оно „имѣетъ полное основаніе быть увѣреннымъ, что Германія будетъ продолжать воздерживаться отъ всякихъ дѣйствій, могущихъ затронуть достоинство и интересы Россіи, и что вліяніе Германіи будетъ направлено лишь къ поддержанію всеобщаго мира“. Отвѣтъ на это заявленіе явился только черезъ пять дней въ офиціальномъ органѣ германскаго канцлера „Norddeutsche Zeitung“, отвѣтъ запутанный, туманный, всего менѣе отличающійся опредѣлительностью, которая одна только могла положить конецъ всѣмъ политическимъ недоразумѣніямъ. Нѣмецкая газета распространяется о томъ, что хорошія отношенія между Германіей и Россіей хотѣли нарушить—французскія газеты, которымъ выгодна вражда этихъ державъ,—*англійскія, для которыхъ* „сплоченность“ (а не союзъ?) трехъ имперій является *неудобнымъ*,—польскія, для которыхъ война съ Россіей первая потребность,—*даже нѣмецкія оппозиціонныя*, располагающія большинствомъ въ парламен-

нѣ и предпочитающія болгарскіе интересы германскимъ. Въ этомъ огульномъ обвиненіи газетъ всѣхъ націй недостаетъ только русскихъ, изъ которыхъ многія продолжаютъ не вѣрить въ дружбу канцлера, не смотря на его запутанныя заявленія. Органъ его радуется больше всего признанію русскаго офиціальнаго органа, что „объ интересахъ Германіи въ Болгаріи—не можетъ быть и рѣчи". Какъ будто это была главная цѣль русскаго сообщенія! О подтвержденіи же, что Германія солидарна съ Россіей во взглядѣ на болгарскій вопросъ—ни одного слова! Россія ясно и опредѣленно высказала свои требованія по отношенію къ Болгаріи: прекращеніе въ ней анархіи,—поддерживаемой незаконнымъ правительствомъ, назначеннымъ княземъ, отрекшимся отъ престола,—и сохраненіе вліянія Россіи въ странѣ, для освобожденія которой погибли сотни тысячъ русскихъ людей и истрачены сотни милліоновъ рублей. Не менѣе категоричны въ болгарскомъ вопросѣ стремленія Англіи и Австріи: вытѣснить совершенно русское вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ, какъ уже вытѣснено оно изъ Сербіи и Румыніи, отчасти изъ Греціи, и признать законнымъ нынѣшнее болгарское правительство и его преслѣдованія всѣхъ сторонниковъ Россіи, подвергаемыхъ истязаніямъ и массами изгоняемыхъ. Между этими діаметрально противоположными стремленіями—Германіи предстоитъ сказать рѣшительное слово, принять твердое положеніе, а между тѣмъ она отдѣлывается двусмысленными дипломатическими фразами, твердитъ только о томъ, что въ Болгаріи у нея нѣтъ интересовъ, и что она надѣется на помощь Господа Бога для сохраненія мира въ Европѣ. Между тѣмъ ей стоитъ сказать только одно слово, чтобы миръ этотъ остался ненарушимъ и крѣпокъ. Объявивъ, что въ болгарскомъ вопросѣ она раздѣляетъ русскія воззрѣнія, Германія разомъ положитъ конецъ всѣмъ притязаніямъ—англійскимъ, австрійскимъ, мадьярскимъ, польскимъ, итальянскимъ и болгарскимъ. Но этого-то она и не объявляетъ, а выражается загадочными изреченіями древнихъ оракуловъ, которыя можно толковать, какъ кому вздумается. Очевидно, что такая неопредѣленность, вмѣсто того, чтобы успокоить умы, еще болѣе волнуетъ ихъ и поддерживаетъ тревожное настроеніе европейской политики. Вѣдь не можетъ же Россія вѣчно оставаться въ выжидательномъ положеніи, отъ котораго страдаютъ ея финансовые и экономическіе интересы. Да и чего же еще ждать, когда истощены всѣ примирительныя и пальятивныя мѣры? Если болгарское правительство, поддерживаемое Англіею и Австріею, не исполняло ни одного требованія Россіи, когда въ странѣ были русскіе агенты и консулы,—на что же надѣяться теперь, когда во всей Болгаріи не осталось почти ни одного русскаго, а сторонники Россіи сидятъ по тюрьмамъ, избитые жандармами и палочниками? Или мы будемъ дожидаться той позорной минуты, когда *дважды отрекшійся* Батенбергъ вторично явится въ страну, *избранный незаконнымъ собраніемъ*, поддерживаемый нѣмецкими, англійскими, мадьяр-

явилъ, что назначеніе габсбургской монархіи—поддерживать независимость маленькихъ балканскихъ племенъ (конечно, кромѣ захваченныхъ австрійцами Босніи и Герцеговины). Барчичъ говорилъ, что австрійцамъ хочется устроить на полуостровѣ подобіе Пармы, Модены, Піаченцы и управлять ими, какъ управляли они нѣкогда этими итальянскими герцогствами, пока оттуда ихъ не выгнали. „Настоящій хорватскій патріотъ, прибавилъ Барчичъ, не можетъ подать голоса въ пользу правительства противославянскаго, противорусскаго. Мы не будемъ скрывать, что любимъ Россію, гордимся ею, вѣримъ, что она исполнитъ свое историческое предназначеніе. Мы вѣримъ, что она водрузитъ на Балканахъ..." Тутъ Барчичъ былъ прерванъ предсѣдателемъ хорватскаго сейма угрозой—лишить его слова, но успѣлъ закончить свою рѣчь словами: „Должно быть, все гнило въ томъ государствѣ, гдѣ только на его пораженіе разсчитываютъ въ надеждахъ на лучшее будущее. Пусть мадьяры знаютъ, что въ тотъ часъ, когда на мостовой Вѣны зазвучатъ копыта казацкаго коня, пробьетъ и часъ свободы славянскихъ національностей, и тогда на развалинахъ противонароднаго, дуалистическаго правленія воскреснетъ свободная Хорватія!"

Прусскій милитаризмъ стремится превратить Германію не въ имперію, владѣющую арміею, а въ армію, владѣющую имперіею. По новому законопроэкту, Германія должна имѣть, въ теченіе семи лѣтъ, 468,400 человѣкъ подъ ружьемъ въ мирное время, вмѣсто 427,270, числящихся въ настоящее время. Но дѣло въ томъ, что и эта послѣдняя цифра ниже дѣйствительности: въ нее не включены болѣе 18,000 офицеровъ, 4,000 нестроевыхъ и до 6,000 однолѣтнихъ вольноопредѣляющихся. При такомъ мирномъ составѣ уже и теперь, въ военное время, Германія можетъ выставить 2.075,560 человѣкъ, кромѣ 900,000, назначенныхъ на покрытіе убыли въ дѣйствующихъ частяхъ. Но и этихъ трехъ милліоновъ солдатъ мало для „устойчивой охраны благъ мира", какъ говорилось въ тронной рѣчи. Правительство требуетъ еще 44,000 человѣкъ для сформированія новаго полеваго армейскаго корпуса, число которыхъ въ военное время дойдетъ до 20-ти. Новому корпусу потребуются офицеры, нестроевые, вольноопредѣляющіеся; кромѣ постоянной арміи, возрастетъ резервъ и ландверъ. И чѣмъ же оправдываютъ новое увеличеніе нѣмецкой арміи, влекущее за собою новое обремененіе налогами всѣхъ вѣрноподданныхъ? Недаромъ Мольтке говорилъ, что такого напряженнаго положенія не вынесетъ долго самая богатая страна, а недавно извѣстный публицистъ Лоренцъ Штейнъ заявилъ прямо, что такой вооруженный миръ стоитъ народу дороже войны. Стало быть, война необходима. Въ засѣданіи рейхстага, открывшагося послѣ новогоднихъ праздниковъ, Бисмаркъ, нарочно пріѣхавшій въ Берлинъ для защиты своего законопроэкта объ увеличеніи германской арміи, прямо объявилъ, что война неизбѣжна — если проэктъ будетъ отвергнутъ или измѣненъ. О дружбѣ Германіи къ Россіи канцлеръ

кость выраженій по отношенію къ султану. „До сихъ поръ, говорило сообщеніе Порты, критикуя образъ дѣйствій правительства, принято было за правило относиться все таки съ извѣстнымъ уваженіемъ къ особѣ монарха. Но съ тѣхъ поръ, какъ зашла рѣчь о русско-турецкомъ соглашеніи, англійскія и венгерскія газеты по преимуществу относятся къ султану агрессивно, а „National Zeitung“ видитъ даже у султана отсутствіе нравственныхъ качествъ, необходимыхъ главѣ государства, и увѣряетъ, что онъ привелъ Турцію на край пропасти“. При этомъ случаѣ, Турція отрицаетъ всякое соглашеніе съ Россіею и заявляетъ, что не поступится для нея своими существенными интересами. Другой офиціозный органъ консервативнаго министерства, газета „Standard“, еще въ ноябрѣ превозносившая султана до небесъ и утверждавшая, что Англія и Турція связаны узами вѣковой дружбы, теперь говоритъ, что „Порта не отличается дипломатическимъ искусствомъ, а обладаетъ только смѣсью хитрости и глупости, и дорого поплатится за постыдную сдѣлку, цѣною которой пріобрѣла отъ русскаго правительства кое-какія ничтожныя выгоды. И что сдѣлала Турція для Болгаріи?“ спрашивается въ концѣ этой статьи.—„А что сдѣлала Англія для Ирландіи?“ отвѣчаетъ подобнымъ же вопросомъ офиціальная турецкая газета, приводя въ заключеніе арабскую поговорку: „еслибы верблюдъ увидѣлъ свой горбъ, онъ отъ испуга упалъ бы и сломалъ себѣ ноги“. Недаромъ и офиціозный „Post“, въ своей новогодней статьѣ о положеніи дѣлъ, считаетъ столкновеніе въ Европѣ неизбѣжнымъ (unvermeidlich) хотя и выгораживаетъ изъ него Германію. По мнѣнію газеты, Россія одна, или въ союзѣ съ Турціей, должна будетъ вступить въ борьбу съ Англіей, Австріей, Сербіей, Румыніей и Болгаріей. Италія почему-то не пристегивается къ этой коалиціи; умалчивается и о Франціи. Но общій выводъ изъ этихъ политическихъ разсужденій одинъ: Англія и Австрія не сдѣлаютъ никакихъ уступокъ; стало быть, уступить должна Россія—и тогда въ Европѣ немедленно возстановятся миръ и спокойствіе. И эта манія считать Россію виновницею тревожнаго положенія дѣлъ въ Европѣ и не обращать, въ то же время, вниманія на болгарскія безобразія, англійскія интриги, австрійскіе происки—господствуетъ во всей европейской журналистикѣ, за исключеніемъ французской.

Увеселительной поѣздкѣ болгарскихъ депутатовъ по дворамъ европейскихъ державъ не предвидится конца. Да и къ чему торопиться, когда отъ оттягиванія рѣшенія дѣла можно только выиграть? Офиціально ихъ приняли только въ Вѣнѣ и Лондонѣ. Въ Берлинѣ сынъ канцлера, Гербертъ Бисмаркъ, принималъ ихъ не вмѣстѣ, а каждаго изъ трехъ депутатовъ порознь,—какая, подумаешь, тонкая дипломатическая уловка! Въ столицѣ Англіи имъ сдѣланъ былъ положительно царскій пріемъ, почти такой же, *какъ и самому* Батенбергу, прибывшему незадолго до ихъ пріѣзда въ *Лондонъ, по приглашенію* королевы Викторіи—быть воспріемникомъ своего

скія. Но германскій рейхстагъ и не претендуетъ управлять арміями и назначать генераловъ. Онъ говоритъ только, что бремени военныхъ налоговъ страна не выноситъ, и что такой вооруженный миръ неминуемо поведетъ къ войнѣ, что̀ сознаютъ и полководцы, какъ Мольтке, и ученые, какъ Штейнъ. „Нигдѣ, кромѣ Германіи, въ парламентахъ не позволяютъ себѣ придираться къ требованіямъ, обусловленнымъ заботой о государственной безопасности". Но вѣдь эта забота, выражающаяся въ чрезмѣрномъ усиленіи войска, возбуждаетъ опасенія другихъ державъ. На заявленіе Виндгорста, что Россія—союзница Германіи, Бисмаркъ отвѣчалъ, что это нейдетъ къ дѣлу, и высказался, что, въ случаѣ войны съ Франціей, Австрія не будетъ помогать Германіи, а въ случаѣ войны Россіи съ Австріей, Германія не будетъ помогать послѣдней. Бисмаркъ говорилъ и о Каролинскихъ островахъ, изъ-за которыхъ, конечно, не слѣдовало вести войну съ Испаніей, и объ отношеніяхъ къ бывшему ганноверскому королю, обманывавшему Пруссію. Онъ упрекалъ также рейхстагъ въ томъ, что большинство его членовъ отрекается теперь отъ Болгаріи, а недавно еще требовало, чтобы Германія преградила Россіи доступъ въ Константинополь—тогда какъ въ этомъ можетъ быть заинтересована только Англія, а задача Германіи—поддерживать миръ и играть роль посредника между дружественными державами. Никто, конечно, не нашелся въ парламентѣ, чтобы замѣтить, какъ плохо сыграна была эта роль, если черезъ восемь лѣтъ послѣ берлинскаго трактата пришлось опять улаживать восточный вопросъ. Канцлеръ говорилъ, что въ войну съ Россіей хотятъ втянуть поляки, хотя и трудно понять, зачѣмъ это они дѣлаютъ, такъ какъ въ случаѣ побѣды Россіи „выгоды ихъ окажутся весьма сомнительнаго свойства". „Я не понимаю, прибавилъ онъ, какимъ образомъ та самая партія, которая хочетъ втянуть насъ въ войну, отказываетъ въ средствахъ для веденія ея". Въ рѣчи своей Бисмаркъ далъ себѣ новую кличку и, вмѣсто „честнаго маклера", называетъ себя „адвокатомъ мира", но, объявляя категорически, что въ столкновеніи, могущемъ возникнуть между Россіей и Австріею, Германія не станетъ ни на ту, ни на другую дорогу, канцлеръ тѣмъ самымъ допускаетъ возможность этого столкновенія, тогда какъ, принявъ рѣшительно сторону одной изъ державъ, онъ заставилъ бы другую не спѣшить открытіемъ военныхъ дѣйствій до пріисканія новыхъ союзовъ. И потомъ, что это за мирное посредничество, требующее безусловно увеличенія арміи для сохраненія мира? Немудрено, что сомнѣнье въ необходимости этого увеличенія, и еще въ теченіе семи лѣтъ, заставило рейхстагъ отвергнуть этотъ срокъ и утвердить потребованное усиленіе арміи только на три года. Большинствомъ 32-хъ голосовъ септеннатъ признанъ излишнимъ, хотя за него стояли не только консерваторы, но и національ-либералы. Соціалисты и эльзасцы воздержались отъ голосованія, вслѣдъ за которымъ Бисмаркъ тотчасъ же прочиталъ повелѣніе императора о распущеніи парла-

подданныхъ, въ газетахъ начались усиленные толки о невозможности всякаго кандидата на престолъ Болгаріи и, поэтому, о необходимости возвращенія Батенберга. Но послѣ восторженнаго пріема въ Англіи этихъ комми-вояжеровъ гг. Стамбулова и Муткурова, ихъ ожидало полное разочарованіе въ Парижѣ, гдѣ новый министръ иностранныхъ дѣлъ въ новомъ кабинетѣ Гобле, сынъ извѣстнаго ученаго и братъ коммунара, погибшаго въ битвѣ съ версальской арміею, Флурансъ, лишилъ ихъ всякой надежды на поддержку Франціи. Этотъ министръ, не принадлежащій ни къ депутатамъ, ни къ сенаторамъ, не бывшій никогда дипломатомъ, прямо объявилъ болгарскимъ туристамъ то, чего не рѣшались сказать имъ дипломаты другихъ странъ: пользуясь внутренней независимостью, Болгарія въ своихъ международныхъ сношеніяхъ зависитъ отъ Турціи, которая одна только имѣетъ право говорить съ Европою отъ имени Болгаріи. Поэтому французскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ, что не можетъ признать за болгарскими депутатами офиціальнаго характера. Между тѣмъ, не только въ Вѣнѣ и Лондонѣ, но даже въ Берлинѣ ихъ принимали за посланцовъ серьезнаго правительства, имѣющаго право сноситься, хотя бы и неофиціально, черезъ своихъ агентовъ съ европейскими кабинетами. Хорошій урокъ всей дипломатіи далъ этотъ новичокъ въ политическихъ вопросахъ, разсуждающій совершенно логично и здраво, хотя и не дипломатически. Также прямо и откровенно отвѣчалъ онъ на вопросъ депутатовъ: „не поможетъ ли Франція пріискать кандидата на болгарскій престолъ“:—„Ни одна держава, кромѣ Турціи, не имѣетъ на это надлежащихъ правъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ далъ имъ только одинъ совѣтъ—сообразоваться съ желаніями Россіи, которой Болгарія обязана своимъ существованіемъ. Выслушавъ такой „репримандъ“, стамбуловскіе прикащики отправились съ горя къ папѣ, такъ какъ въ Турцію ихъ тоже, кажется, не хотятъ пустить, какъ не пустили въ Россію. Регентство однако же не унываетъ и, распустивши слухъ, что выходитъ въ отставку,—это оно дѣлаетъ всякій разъ, какъ курсы его падаютъ,—отвѣчало однако новою дерзкою нотою на циркуляръ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, разъясняющій отношенія Россіи къ Болгаріи. Въ этой нотѣ регенты заявляютъ, что они приняли власть только для того, чтобы спасти отечество, что генералъ Каульбарсъ вовсе не вліялъ на успокоеніе умовъ въ Болгаріи, а, напротивъ, возбуждалъ страсти партій и всѣми средствами нападалъ на болгарскія власти; никогда не предлагалъ преобразованія регѣнства на основаніи сліянія обѣихъ партій, а противодѣйствовалъ проэкту Цанкова, желавшаго образовать коалиціонное министерство.

Любопытно, что неблагодарность болгаръ по отношенію къ Россіи вызвала прямые или косвенные протесты въ двухъ другихъ славянскихъ племенахъ, которымъ мы не оказывали благодѣяній и которыя никогда *не относились къ намъ* съ особенною симпатіею. Но на этотъ разъ чув-

съ каждымъ днемъ, не прибѣгаетъ къ какому нибудь отчаянному шагу—въ родѣ бомбардировки Константинополя, которою угрожали офиціозы благороднаго лорда. Ради сохраненія консервативныхъ принциповъ и министровъ—отчего не зажечь пламя войны во всей Европѣ?..

Въ Италіи открытая война объявлена папою—правительству короля Гумберта. Въ своей аллокуціи, произнесенной на торжественномъ пріемѣ кардиналовъ и прелатовъ въ концѣ прошлаго года, Левъ XIII особенно рѣзко порицалъ итальянское правительство за его открытое потворство антиклерикализму и покровительство масонству, а короля Гумберта назвалъ: „протекторомъ антихристіанскаго движенія". По случаю пріѣзда въ Римъ вдовы Наполеона III, папская газета „Osservatore Romano" совѣтуетъ ей, при взглядѣ на Квириналъ, который, конечно, напомнилъ ей о человѣческой неблагодарности, посмотрѣть на Ватиканъ, гдѣ объятія папства открыты для всѣхъ несчастныхъ. Клерикалы до того ненавидятъ правительство, что прибѣгаютъ къ самимъ непозволительнымъ средствамъ, чтобы насолить ему. Такъ, при выборахъ въ депутаты венеціанской области каторжника Чипріани, приверженцы папы вотировали заодно съ анархистами и поддержали кандидатуру этого разбойника, осужденнаго за убійство съ грабежемъ. Серьезная оппозиція высказывается также противъ внѣшней политики Депретиса и министра иностранныхъ дѣлъ Робилана. Патріотическія чувства итальянцевъ возмущаются при мысли быть союзниками Австріи. Большинство газетъ—на сторонѣ болгарскихъ проходимцевъ, представителей якобы-либеральныхъ принциповъ, но серьезные органы Ломбардіи и Рима рѣшительно высказываются противъ союза съ имперіею, столько лѣтъ угнетавшей Италію и владѣющей еще и теперь коренными итальянскими областями. Болѣе распространенныя газеты: римская „Diritto" и милапская „Secolo" съ горечью высказываются о томъ, что Италію принуждаютъ драться не противъ Австріи, а рядомъ съ нею, безъ всякой пользы для цивилизаціи. Въ Неаполѣ, въ клубѣ „Circolo RepuBlicano" собрался огромный митингъ съ цѣлью протеста противъ австрійской политики Депретиса, котораго и въ палатѣ депутатъ Пантано назвалъ „австрійствующимъ" (austriacante). Засѣданіе клуба,—вовсе не революціоннаго, не смотря на его названіе, и состоящаго изъ депутатовъ, сенаторовъ, чиновниковъ, офицеровъ, студентовъ и рабочихъ, принимающихъ республику, какъ форму будущаго правительства,—было назначено на 23 декабря, въ четвертую годовщину казни Оберданка, повѣшеннаго австрійцами за заговоръ, имѣвшій цѣлью присоединеніе Тріеста въ Италіи. Празднованіе этой годовщины было запрещено на улицахъ, но въ клубѣ запретить его было нельзя по конституціи—и полиція только присутствовала на митингѣ. Главнымъ ораторомъ былъ старый гарибальдіецъ Ренато Имбріани, братъ извѣстныхъ итальянскихъ патріотовъ Поэріо, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ австрійцами, *другой же сосланъ* въ каторжныя работы неаполитанскимъ королемъ, а кор-

Загребѣ слушалъ дѣло о напечатаніи въ газетѣ „Hrvatska“ статей (такихъ-то), составляющихъ преступленіе противъ параграфовъ (такихъ-то), а посему постановилъ: пріостановить означенное изданіе“. Не подобныхъ ли мѣръ добиваются наши „добрые сосѣди“, утверждающіе, что русская печать угрожаетъ европейскому миру и нарушаетъ дружественныя международныя отношенія, позволяя себѣ осуждать поступки Стамбуловыхъ, Муткуровыхъ и другихъ Батенберговъ?...

Движеніе въ славянскомъ мірѣ сильно озабочиваетъ Австрію, хотя она устраиваетъ уже провіантскіе склады и военные запасы въ пограничныхъ округахъ Галичины и Венгріи. Въ Чехіи, въ концѣ прошлаго года, произошла на пражскомъ сеймѣ небывалая сцена. Всѣ нѣмецкіе члены сейма, въ числѣ 76-ти депутатовъ, вышли изъ залы, объявивъ, что не будутъ болѣе посѣщать засѣданій. Виноваты въ этомъ разрывѣ между двумя національностями—безспорно нѣмцы. Еще въ 1880 году, въ имперіи обнародованъ законъ, утверждавшій равноправность чешскаго и нѣмецкаго языка въ судахъ и администраціи. Законъ этотъ былъ подтвержденъ въ сентябрѣ 1886 года, и вдругъ, въ декабрѣ, д-ръ Пленнеръ внесъ въ сеймъ предложеніе объ отмѣнѣ этого закона, принуждающаго богемскихъ нѣмцевъ учиться чешскому языку. Пленнеръ предложилъ раздѣлить Чехію на двѣ части—нѣмецкую, въ 1.820,000 нѣмцевъ и 24,000 чеховъ, и славянскую, въ 3.349,000 чеховъ и 22,000 нѣмцевъ, признавъ въ каждой изъ нихъ господствующимъ тотъ или другой языкъ. „Нынѣшніе порядки, говоритъ Пленнеръ, ведутъ лишь несомнѣнно къ обостренію національной вражды. Мы требуемъ для нѣмцевъ въ Богеміи тѣхъ самыхъ правъ, которыя предоставлены имъ въ Моравіи, австрійской Силезіи и Штиріи. Мы не признаёмъ законности подчиненія славянскимъ порядкамъ нѣмцевъ, живущихъ въ нѣмецкой странѣ. Раздоры въ Богеміи являются для имперіи главною причиною внутренняго безсилія“. Предложеніе это было отвергнуто большинствомъ 241 голоса, принадлежащихъ чехамъ. Тогда нѣмецкіе члены сейма объявили, что „представителямъ нѣмецкаго народа неумѣстно долѣе засѣдать въ этомъ сеймѣ“, и вышли всѣ изъ засѣданія, которое все таки считается законнымъ, такъ какъ въ немъ, какъ и во всѣхъ слѣдующихъ, остается болѣе двухъ третей всѣхъ членовъ.

Въ то время, какъ австрійскій вассалъ Миланъ преслѣдуетъ „независимыхъ“ сербовъ за малѣйшее выраженіе непріязни къ австрійцамъ, друзья его мадьяры неистовствуютъ противъ сербовъ, живущихъ въ земляхъ короны св. Стефана. Пештская прокуратура отдала подъ судъ редактора сербской газеты „Застава“ за статью, доказывавшую, что сербамъ и хорватамъ слѣдуетъ не враждовать, а дѣйствовать сообща, какъ братьямъ. „Пока мы, славяне, споримъ и пререкаемся, говорила газета, наши враги, угнетая насъ, уничтожая нашу свободу, уничтожая наши права, *не допуская развитія* мысли и жизни, довели народъ нашъ до отчаян-

возникаютъ все таки въ „головѣ“ Россіи, а не въ ея „сердцѣ“, и отъ нея, а не отъ него расходятся уже по всѣмъ медвѣжьимъ угламъ русскаго царства. Москва дала намъ, правда, вмѣстѣ съ калачами, и славянофильство, но и это явленіе, утративъ здѣсь свой первобытный видъ призыва „домой“, къ батогамъ и византійско-татарскому укладу, приняло въ Петербургѣ болѣе благообразныя формы, способствовавшія къ водворенію у насъ этого ученія. Теперь Петербургъ увлекается малороссійской сценой, и увлеченіе это переходитъ въ Москву, хотя тамъ оно менѣе понятно, такъ какъ тамъ хороши и частныя, и казенныя труппы, а здѣсь малороссійскій театръ имѣлъ успѣхъ болѣе всего потому, что нашъ русскій достаточно плохъ, и, при поразительной бѣдности современнаго репертуара, показались интересными даже дѣтскія, допотопныя малороссійскія пьесы, наивности которыхъ не скрадываетъ даже талантливое исполненіе. Да и мудрено ли достигнуть художественнаго исполненія, играя все одинъ и тотъ же десятокъ пьесъ, изъ которыхъ состоитъ вся малороссійская драматургія въ теченіе почти столѣтія?...

У насъ уже нѣсколько разъ возобновлялись попытки возбудить въ русской публикѣ любовь къ малороссійской литературѣ. Издавались журналы и сборники, составлялись словари и грамматики малороссійскаго языка; на нихъ Костомаровъ пожертвовалъ даже особую сумму. Малороссійская труппа уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ давала представленія въ Маломъ театрѣ, хотя успѣха не имѣла. Теперь успѣхъ ея, повидимому, упроченъ. Надолго ли только? Одно время публика подозрительно смотрѣла на литературу нашихъ югозападныхъ окраинъ, подозрѣвая ее въ украинофильствѣ, даже въ сепаратизмѣ. Воздвигались странныя гоненія на все малороссійское, не исключая даже костюмовъ; предписывалась офиціальная орѳографія, взамѣнъ кулишовки, не привившаяся, какъ все, что предписывается, а не вырастаетъ изъ стремленій народа, изъ духа времени. Поэтому, нельзя не привѣтствовать появленія въ Петербургѣ полумалороссійскаго сборника „Степъ“, доказывающаго, что современная малороссійская литература уже не подвергается остракизму, хотя сборникъ этотъ, не смотря на свой малороссійскій заголовокъ, на половину наполненъ русскими статьями. И это все лучшія, серьезныя статьи: А. Руссова „Областное начало въ земской статистикѣ“, Маріи Ганенко „Семейно-имущественныя отношенія крестьянскаго населенія по обычному праву“, К. Шрама „Украинская деревня“, Елены Марковичъ „Свадебныя пѣсни Елисаветградскаго уѣзда“. По отдѣлу беллетристики помѣщены два разсказа—А. Браунера „Идиллія въ плавняхъ“ и Дмитрія Марковича „Иванъ изъ Буджака“, и стихотвореніе г. Тулуба. На малороссійскомъ языкѣ написаны остальныя пятнадцать статей сборника—все мелкіе разсказы и стихи, кромѣ довольно большой драмы „Бондарівка“, исполняемой въ Петербургѣ малороссійской труппой. Но эти *произведенія* въ литературномъ отношеніи не выходятъ изъ уровня посред-

стей, отпраздновать этотъ день. Явились всѣ племена—кромѣ поляковъ, говорились рѣчи; президентъ Живный выяснилъ значеніе для славянства —Вячеслава, какъ носителя кирило-меѳодіевской идеи славянской церкви, письменности и славянскаго языка. Чехи называютъ себя „народомъ св. Вячеслава", этого достойнаго внука Буривоя и Людмилы, которому народъ сложилъ молитву, оканчивающуюся словами: „Svaty Vacslave ne dai zahinonti nam, ni buducim". Эта забота о спасеніи не только насъ, но и потомковъ нашихъ выражаетъ идею славянскаго соединенія. Русскій гость, д-ръ Дудыкевичъ, въ рѣчи на русскомъ языкѣ, сожалѣлъ о томъ, что чехи, словенцы, хорваты и словаки, оставаясь вѣрными славянской идеѣ, уклонились отъ единой церкви. Сербъ Стойковичъ развивалъ мысль, что народу св. Вячеслава предстоитъ много препятствій для осуществленія своей идеи, но что въ борьбѣ съ ними сербы будутъ на сторонѣ своихъ чешскихъ братьевъ. Чехъ Шохай, принявшій православіе, предсказывалъ, что близокъ день, когда всѣ чехи примутъ не только языкъ и письменность св. Вячеслава, но и его церковь. То же подтвердили далматъ Радусловичъ и словакъ Кухта. Общій выводъ изъ всѣхъ рѣчей былъ тотъ, что у всѣхъ славянъ должны быть одинъ языкъ, одна письменность и одна церковь; послѣдняя не можетъ быть церковью Болеслава, носителя латино-германскихъ идей и убійцы своего брата, св. мученика Вячеслава. Въ Прагѣ, докторъ Скрейшовскій, братъ извѣстнаго публициста, основалъ газету „Vychod" (Востокъ), въ которой доказывалъ, что чехи должны говорить по русски, какъ на своемъ родномъ языкѣ, что русскій языкъ долженъ непремѣнно сдѣлаться всеславянскимъ языкомъ. Стыдно, что словаки, хорваты, словенцы, чехи, сербы, чтобы понимать другъ друга, должны объясняться на нѣмецкомъ языкѣ. Зато на галицкомъ сеймѣ князь Сапѣга совѣтовалъ полякамъ изучать нѣмецкій языкъ, „чтобы воспитывать въ себѣ добро-австрійскія чувства и усилить свою связь съ Габсбургской имперіей". Глава партіи младочеховъ, Грегръ прямо заявилъ на послѣдней сходкѣ: „намъ нечего ждать отъ нѣмцевъ, мы возлагаемъ всѣ свои надежды на Россію". А органъ этой партіи, „Народные Листы", доказывалъ, что славяне могутъ надѣяться на улучшеніе своего положенія лишь послѣ войны Россіи съ Австріей, если притомъ война окончится пораженіемъ Австріи.

Еще рѣзче высказались объ австро-мадьярской политикѣ — хорваты. Депутатъ Барчичъ сказалъ на сеймѣ, что пока считали Турцію довольно сильной для того, чтобы препятствовать освобожденію балканскихъ славянъ, правительство стояло за турокъ, радовалось результатамъ крымской войны, выражало сочувствіе Осману-пашѣ въ Плевнѣ. Мадьяры посылали почетную саблю Кериму-пашѣ, парламентъ восторженно кричалъ: eljen! при извѣстіи о войнѣ сербовъ съ болгарами; а когда стало очевиднымъ, что *Турція не можетъ противиться* возрожденію славянскихъ племенъ, Тиса объ-

Въ сборникѣ „Степъ“ помѣщено также „оповидане“, подписанное Даныло Мордовець, но и эта вещь гораздо слабѣе всего, что написано по русски даровитымъ авторомъ. Не смотря на все пристрастіе къ родной Украйнѣ, изъ тридцати томовъ, изданныхъ до сихъ поръ г. Мордовцевымъ, только одинъ написанъ малороссійскимъ языкомъ. Это доказываетъ, что онъ считаетъ себя русскимъ писателемъ, хотя южное происхожденіе его сказывается у него во многихъ мѣстахъ его разсказовъ и монографій. Гдѣ можно, онъ говоритъ горькія истины „Москвѣ“, особенно по отношенію ея къ южной Россіи. По смерти Костомарова, г. Мордовцевъ является у насъ представителемъ малороссійскаго элемента въ русской литературѣ. Какъ его собратъ, онъ составилъ себѣ извѣстность историческими и беллетристическими произведеніями: въ первыхъ онъ слабѣе, во вторыхъ—выше Костомарова. У г. Мордовцева нѣтъ, правда, такихъ драмъ, полныхъ глубокаго знанія древняго міра, какъ „Кремуцій Кордъ“ и „Эллины Тавриды“; зато онъ является замѣчательнымъ туристомъ-этнографомъ въ своихъ путешествіяхъ въ Іерусалимъ, къ пирамидамъ, на Арарать, по Испаніи, Италіи. „Самозванцы и понизовая вольница“ принадлежатъ къ чисто историческимъ этюдамъ, хотя изложены тѣмъ же блестящимъ образнымъ языкомъ, какъ и его историческіе романы. Въ первомъ томѣ сборника помѣщены разсказы о трехъ самозванцахъ, называвшихъ себя Петромъ III, до и послѣ Пугачева, и о самомъ Пугачевѣ въ первый періодъ его дѣятельности. Личность Богомолова, Ханина и Степана Малаго очень живо очерчены авторомъ, не объясняющимъ, почему онъ не кончилъ исторіи Пугачева и довелъ свои разсказы только до взятія Татищевской крѣпости. Во второмъ томѣ помѣщены восемь очерковъ жизни разбойничьихъ атамановъ. Во всѣхъ тринадцати портретахъ разбойниковъ, оставшихся если не въ исторіи, то въ народныхъ преданіяхъ, нѣтъ ничего особенно выдающагося, кромѣ нѣсколькихъ подвиговъ дикой отваги и презрѣнія къ смерти; но всѣ эти личности, являвшіяся большею частью въ блестящій вѣкъ Екатерины II-й, характеризуютъ эту эпоху, когда подъ наружнымъ блескомъ условія внутренней жизни нашего отечества были до того тяжелы, что лица, не выносившія этой тяжести, массами мѣняли общественную жизнь на бродячую, въ которой могли существовать только насиліями и преступленіями. Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ неполны, и судьба дѣйствующихъ лицъ остается невыясненною, конечно, потому, что авторъ не могъ найти объ нихъ подробныхъ свѣдѣній; но все, что сохранило преданіе, онъ передалъ со своимъ обычнымъ искусствомъ. Подобные очерки и историческіе разсказы—настоящая сфера г. Мордовцева, въ которой талантъ его является въ полной силѣ, заставляя забывать и о его „оповиданяхъ“, и не весьма удачныхъ юмористическихъ фельетонахъ. Юморъ вовсе несвойственъ дарованію г. Мордовцева, и хотя малороссы большіе охотники „жартовать“, но жарты ихъ почти всегда тяжелы и на-

наговорилъ очень много. „Дружба эта, непрерывно сохранявшаяся въ періодъ всѣхъ войнъ, стоитъ и теперь выше всякихъ сомнѣній. Мы ни въ какомъ случаѣ не ожидаемъ со стороны Россіи ни нападенія, ни враждебной политики, и съ нашей стороны дружественныя отношенія къ Россіи никакимъ образомъ не будутъ нарушены. Я не вѣрю, чтобы со стороны Россіи искали заключенія союзовъ для совмѣстнаго съ кѣмъ либо нападенія на насъ". Все это—прекрасныя слова, также какъ и фразы: „мы никого не допустимъ поссорить насъ съ Россіей изъ-за Болгаріи". Но вслѣдъ за тѣмъ канцлеръ особенно настаиваетъ на томъ, что берлинскому правительству „совершенно все равно, кто будетъ управлять Болгаріей". Да вѣдь Россіи-то это далеко не все равно, и дружественныя отношенія къ ней требуютъ именно раздѣленія ея взгляда на этотъ вопросъ, такъ какъ взгляды Англіи и Австріи діаметрально противоположны русскимъ интересамъ. Вмѣсто всѣхъ громкихъ фразъ о дружбѣ, достаточно было бы сказать два слова о солидарности Германіи и Россіи по этому вопросу, чтобы положить конецъ англійскимъ и австрійскимъ притязаніямъ; но этихъ словъ нѣтъ въ рѣчи Бисмарка, какъ не было ихъ въ его органѣ „Norddeutsche Zeitung", въ отвѣтѣ на сообщеніе русскаго правительства отъ 3 (15) декабря. Это все та же система—умолчанія о главномъ предметѣ недоразумѣній и запутыванія его кудреватыми, двусмысленными фразами. И еще встрѣчаются политики, толкующіе о прямодушной откровенности германскаго канцлера! Сказалъ ли и самъ онъ, и его офиціозы-хранители во все время этой болгарской трагикомедіи, что нибудь похожее на прямое отрицаніе легальнаго положенія болгарскихъ депутатовъ министромъ французской республики? Послѣ Флуранса, и глава кабинета, Гоблэ, подтвердилъ имъ безусловное нежеланіе Франціи идти въ разрѣзъ съ болгарской политикой Россіи, и назвалъ нынѣшнее положеніе Болгаріи—поводомъ къ волненію и безпокойству для всей Европы. „Journal des Débats" называетъ регентство правительствомъ революціоннымъ, установившимся незаконно и держащимся только силою. „Болгарская демократія—въ рукахъ у горсти честолюбцевъ и проходимцевъ. Россія имѣетъ право на опеку надъ Болгаріей, и такъ какъ ея требованія поддерживаются Турціей, сюзереномъ Болгаріи, то другія державы не имѣютъ никакого права поддерживать софійскихъ диктаторовъ и созданную ими неурядицу".

Два дня (12 и 13 января) продолжались пренія по законопроэкту канцлера объ увеличеніи арміи. Онъ возражалъ на всѣ нападки своихъ противниковъ, но не убѣдилъ ихъ въ необходимости усилить армію еще на сорокъ тысячъ по мирному положенію, и непремѣнно на семь лѣтъ. Онъ грозилъ и распущеніемъ парламента, и тѣмъ, что если Германія не дастъ этихъ сорока тысячъ, то ихъ дастъ Пруссія. Тогда для чего же проэктъ этотъ внесенъ въ германскій, а не въ прусскій парламентъ? Сущность вопроса, по словамъ *канцлера, въ томъ*, что войска должны быть императорскія, а не парламент-

что она сама придетъ къ нему. „Наша Наташа“—неоконченная исторія 15-ти-лѣтней дѣвушки, дочери разорившейся помѣщицы, которая сходитъ съ ума отъ мысли, что должна жить въ бѣдности, и пытается, въ помѣшательствѣ, даже убить свою дочь. Авторъ оставилъ свою героиню въ самую интересную минуту,—когда она вступаетъ въ трудовую жизнь, ни къ чему не подготовленная. Еще болѣе отрывочности, незаконченности и даже невѣроятности въ разсказѣ „Ни дна, ни покрышки“, героиня котораго учительница Оселкова совершаетъ невозможные подвиги: ночуетъ подъ лѣстницею и въ колодцѣ, отправляется изъ провинціи въ Петербургъ „хлопотать о свободѣ печати“, наконецъ уводитъ съ собой молоденькую дѣвушку, дочь хорошихъ знакомыхъ, и заставляетъ ее раздать или разбросать на фабрикѣ „пачку печатныхъ листковъ“, чѣмъ и заканчиваются эти невѣроятныя похожденія. „Парижскій день“—простой фельетонъ о томъ, какъ русская женщина утромъ слушаетъ лекціи Лабуле въ Сорбоннѣ, осматриваетъ Palais de Justice, Jardin des plantes, а вечеръ проводитъ въ театрѣ. Повѣсть „Старые знакомые“—вполнѣ выдержанная, законченная исторія злоключеній гувернера въ семьѣ предводителя дворянства—и потомъ встрѣчи съ этой семьей черезъ 20 лѣтъ. Типы членовъ этой семьи обрисованы художественно. Но лучшій и самый обширный изъ всѣхъ девяти разсказовъ—повѣсть „Судьба“—правдивая, трогательная исторія институтки, ѣдущей, по окончаніи курса, въ Москву къ брату своему, единственному родственнику, и остающаяся ночью безъ средствъ, безъ пріюта въ незнакомомъ городѣ, потому что брата ея куда-то взяли, и ей не совѣтуютъ даже разъискивать его. Что выноситъ это бѣдное молодое созданіе въ поискахъ за кускомъ хлѣба, въ борьбѣ за свое существованіе, какіе образчики человѣческой низости встрѣчаетъ она въ погонѣ за честнымъ трудомъ, съ какими экземплярами общественной гнусности приходится ей сталкиваться на своемъ тернистомъ пути!.. Молодая натура не выдерживаетъ этой непосильной борьбы: дѣвушка отъискиваетъ товарищей своего брата, „а черезъ мѣсяцъ была вмѣстѣ съ ними арестована“. Этими тяжелыми строками оканчивается мастерски разсказанный, полный жизни и правды эпизодъ недавняго тяжелаго прошлаго, къ счастію, перешедшаго уже въ область преданій. Этимъ разсказомъ г-жа Винницкая пріобрѣла вполнѣ заслуженную извѣстность въ нашей литературѣ. Не понялъ его художественности только крѣпкоголовый критикъ жидовствующей газеты. А то, пожалуй, „хозяинъ“ его и прямо запретилъ хвалить писательницу, осмѣлившуюся въ своемъ разсказѣ вывести автора-жида, который намаралъ такую дрянь, что представившая его рукопись въ редакцію учительница говоритъ, оправдываясь: „и могло ли мнѣ прійти въ голову, чтобы даже жидъ могъ источать изъ *себя что нибудь* подобное!“

мента. Новые выборы назначены на 21 февраля. Фельдмаршалъ Мольтке по ошибкѣ подалъ голосъ противъ правительственнаго проэкта. Распущеніе парламента произвело сильное впечатлѣніе. Народъ привѣтствовалъ Бисмарка восторженными кликами при выходѣ изъ парламента.

Такъ называемые консерваторы, или охранители всѣхъ странъ, кромѣ охраненія своихъ личныхъ шкурныхъ интересовъ, отличаются, вмѣстѣ съ тѣмъ, особеннымъ упрямствомъ въ поддержаніи своихъ принциповъ, хотя бы сами давно убѣдились въ ихъ несостоятельности. Оно и понятно: держаться за свои обветшалыя основы предписываетъ имъ забота о своемъ собственномъ существованіи. Къ тому же, основы эти до того гнилы, что паденіе одной изъ нихъ увлекаетъ за собою все надтреснувшее зданіе. Система консервативнаго англійскаго министерства трещитъ по всѣмъ пазамъ, расползается по всѣмъ швамъ, а маркизъ Салисбюри упорно ведетъ политику, которой держался его учитель Биконсфильдъ и которая уже столько разъ вела къ кровавымъ войнамъ и ставила Англію на край погибели. Ирландія глухо волнуется и готова возстать: аграрныя преступленія въ ней учащаются; ландлордамъ отказываютъ въ платежѣ аренды, не смотря на вооруженную полицію. Изъ Египта англичанъ явно выживаетъ Франція и тайно—Турція, не испугавшаяся угрозъ „Morning Post'a“ и отвѣчавшая въ своемъ официальномъ органѣ. что Порта „не запятнана преступленіями“и ничего не боится. Въ Индіи—сильное броженіе не только между мусульманами, но и между туземными раджами. Бирманія не хочетъ покориться и ведетъ упорную народную войну со вторгнувшимися въ нее пришельцами. Во всей Европѣ у Салисбюри друзья только въ Австріи, да и тѣ говорятъ: начинайте вы первые войну съ Россіей, а мы тамъ посмотримъ. Консервативный кабинетъ рѣшительно распадается: изъ него вышелъ едва ли не самый даровитый членъ, Чорчилль, будто бы потому, что не согласился признать необходимымъ увеличеніе расходовъ, потребованныхъ премьеромъ. Но кто же не знаетъ, что для Англіи финансовый и денежный вопросъ никогда не затруднялъ ея агрессивной политики. Все дѣло въ томъ, что члены кабинета видятъ нелѣпость внѣшней политики Салисбюри, увлекающей страну въ опасную войну. Министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Иддеслей, также сбирался оставить свой постъ, какъ внезапно умеръ, на совѣщаніи у Салисбюри. Открытія засѣданій парламента, отложеннаго до конца января, потомъ до февраля—больше нельзя откладывать, и, при первомъ вотированіи палаты комонеровъ, паденіе консервативнаго министерства неизбѣжно. И, не смотря на это, оно продолжаетъ упорно выражать всѣми средствами, въ печати и дипломатическихъ интригахъ, ничѣмъ не оправдываемое озлобленіе противъ Россіи, клеветать и поднимать на нее всѣхъ, кто только повѣритъ объщаніямъ *озвѣрѣлыхъ консерваторовъ*. Надо еще удивляться, какъ потерявшій всякое *чувство мѣры премьеръ*, видя, что его власть и значеніе падаютъ въ Англіи

съ каждымъ днемъ, не прибѣгаетъ къ какому нибудь отчаянному шагу—въ родѣ бомбардировки Константинополя, которою угрожали офиціозы благороднаго лорда. Ради сохраненія консервативныхъ принциповъ и министровъ—отчего не зажечь пламя войны во всей Европѣ?..

Въ Италіи открытая война объявлена папою—правительству короля Гумберта. Въ своей аллокуціи, произнесенной на торжественномъ пріемѣ кардиналовъ и прелатовъ въ концѣ прошлаго года, Левъ XIII особенно рѣзко порицалъ итальянское правительство за его открытое потворство антиклерикализму и покровительство масонству, а короля Гумберта назвалъ: „протекторомъ антихристіанскаго движенія“. По случаю пріѣзда въ Римъ вдовы Наполеона III, папская газета „Osservatore Romano“ совѣтуетъ ей, при взглядѣ на Квириналъ, который, конечно, напомнилъ ей о человѣческой неблагодарности, посмотрѣть на Ватиканъ, гдѣ объятія папства открыты для всѣхъ несчастныхъ. Клерикалы до того ненавидятъ правительство, что прибѣгаютъ къ самимъ непозволительнымъ средствамъ, чтобы насолить ему. Такъ, при выборахъ въ депутаты венеціанской области каторжника Чипріани, приверженцы папы вотировали заодно съ анархистами и поддержали кандидатуру этого разбойника, осужденнаго за убійство съ грабежемъ. Серьезная оппозиція высказывается также противъ внѣшней политики Депретиса и министра иностранныхъ дѣлъ Робиланъ. Патріотическія чувства итальянцевъ возмущаются при мысли быть союзниками Австріи. Большинство газетъ—на сторонѣ болгарскихъ проходимцевъ, представителей якобы-либеральныхъ принциповъ, но серьезные органы Ломбардіи и Рима рѣшительно высказываются противъ союза съ имперіею, столько лѣтъ угнетавшей Италію и владѣющей еще и теперь коренными итальянскими областями. Болѣе распространенныя газеты: римская „Diritto“ и миланская „Secolo“ съ горечью высказываются о томъ, что Италію принуждаютъ драться не противъ Австріи, а рядомъ съ нею, безъ всякой пользы для цивилизаціи. Въ Неаполѣ, въ клубѣ „Circolo RepuBlicano“ собрался огромный митингъ съ цѣлью протеста противъ австрійской политики Депретиса, котораго и въ палатѣ депутатъ Пантано назвалъ „австрійствующимъ“ (austriacante). Засѣданіе клуба,—вовсе не революціоннаго, не смотря на его названіе, и состоящаго изъ депутатовъ, сенаторовъ, чиновниковъ, офицеровъ, студентовъ и рабочихъ, принимающихъ республику, какъ форму будущаго правительства,—было назначено на 23 декабря, въ четвертую годовщину казни Оберданка, повѣшеннаго австрійцами за заговоръ, имѣвшій цѣлью присоединеніе Тріеста въ Италіи. Празднованіе этой годовщины было запрещено на улицахъ, но въ клубѣ запретить его было нельзя по конституціи—и полиція только присутствовала на митингѣ. Главнымъ ораторомъ былъ старый гарибальдіецъ Ренато Имбріани, братъ извѣстныхъ итальянскихъ патріотовъ Поэріо, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ австрійцами, *другой же* сосланъ въ каторжныя работы неаполитанскимъ королемъ, а кор-

лемъ итальянскимъ Викторомъ Эммануиломъ сдѣланъ сенаторомъ (ему воздвигнутъ теперь памятникъ въ Неаполѣ). Говоря о внѣшней политикѣ Италіи, Имбріани обвинялъ министерство, которое забыло кровавыя жертвы, принесенныя Миланомъ, Венеціей, Болоньей, Брешіей для освобожденія отъ австрійскаго ига, и снова старается подчинить ему Италію. Робиланъ—австріецъ больше, чѣмъ сами австрійцы. Въ прошломъ году, когда Австрія подняла сербовъ противъ Болгаріи, онъ знать не хотѣлъ этой страны, а теперь, когда Австрія, подъ предлогомъ защиты болгарской независимости, хочетъ подчинить себѣ и это балканское княжество, Робиланъ рабски поддерживаетъ коварную австрійскую политику. Доказывая противоестественный союзъ Италіи съ Австріей, Имбріани кончилъ свою мастерскую рѣчь, возбудившую общій восторгъ—словами своей покойной матери, сестры Поэріо: „итальянцы ненавидятъ австрійцевъ и будутъ ихъ вѣчно ненавидѣть“. Не смотря однако на этотъ митингъ и подобные ему во многихъ городахъ Италіи, большинство парламента на сторонѣ Робилана, потому что онъ обѣщаетъ присоединеніе Тріеста и Трента—за союзъ съ Австріей, которая подтвердила это обѣщаніе, разумѣется, съ цѣлью обмануть свою союзницу. Только народъ возстаетъ противъ австрофильскаго министерства. Въ Веронѣ открытъ былъ памятникъ Карлотѣ Аскіери, убитой въ 1848 году австрійскими солдатами. Правительство приказало снять съ памятника надпись, упоминающую о звѣрскомъ поступкѣ нынѣшнихъ добрыхъ друзей Италіи. У Депретиса потребовали въ парламентѣ объясненія этого поступка. Министръ отвѣчалъ пустыми, запутанными фразами, возбудившими еще большее негодованіе. Въ память Оберданка произошли демонстраціи, за которыми послѣдовали аресты. Составлялись многочисленныя манифестаціи въ пользу сближенія съ Франціей.

НОВЫЯ КНИГИ.

Самозванцы и понизовая вольница. Историческая монографія *Д. Мордовцева.* Изданіе 2-ое. Два тома. 1887.

Степь, херсоньскій беллетристычный сбирнык. Херсонъ. 1886.

Не случайно соединили мы два эти изданія: они даютъ намъ поводъ поговорить о предметѣ, котораго намъ еще не приходилось касаться въ нашихъ отчетахъ о новыхъ книгахъ, а именно—о малороссійскомъ элементѣ въ нашей литературѣ. Поговорить объ немъ тѣмъ болѣе кстати, что этотъ элементъ является въ настоящее время „злобою дня“, если не въ Россіи то въ Петербургѣ, а изъ столицы, какъ извѣстно, всякаго сорта „мода“ *быстро распространяется* въ провинціи. Что бы ни говорила наша „Бѣлокаменная“ *и* „златоглавая“, но умственныя и общественныя движенія

возникаютъ все таки въ „головѣ“ Россіи, а не въ ея „сердцѣ“, и отъ нея, а не отъ него расходятся уже по всѣмъ медвѣжьимъ угламъ русскаго царства. Москва дала намъ, правда, вмѣстѣ съ калачами, и славянофильство, но и это явленіе, утративъ здѣсь свой первобытный видъ призыва „домой“, къ батогамъ и византійско-татарскому укладу, приняло въ Петербургѣ болѣе благообразныя формы, способствовавшія къ водворенію у насъ этого ученія. Теперь Петербургъ увлекается малороссійской сценой, и увлеченіе это переходитъ въ Москву, хотя тамъ оно менѣе понятно, такъ какъ тамъ хороши и частныя, и казенныя труппы, а здѣсь малороссійскій театръ имѣлъ успѣхъ болѣе всего потому, что нашъ русскій достаточно плохъ, и, при поразительной бѣдности современнаго репертуара, показались интересными даже дѣтскія, допотопныя малороссійскія пьесы, наивности которыхъ не скрадываетъ даже талантливое исполненіе. Да и мудрено ли достигнуть художественнаго исполненія, играя все одинъ и тотъ же десятокъ пьесъ, изъ которыхъ состоитъ вся малороссійская драматургія въ теченіе почти столѣтія?...

У насъ уже нѣсколько разъ возобновлялись попытки возбудить въ русской публикѣ любовь къ малороссійской литературѣ. Издавались журналы и сборники, составлялись словари и грамматики малороссійскаго языка; на нихъ Костомаровъ пожертвовалъ даже особую сумму. Малороссійская труппа уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ давала представленія въ Маломъ театрѣ, хотя успѣха не имѣла. Теперь успѣхъ ея, повидимому, упроченъ. Надолго ли только? Одно время публика подозрительно смотрѣла на литературу нашихъ югозападныхъ окраинъ, подозрѣвая ее въ украинофильствѣ, даже въ сепаратизмѣ. Воздвигались странныя гоненія на все малороссійское, не исключая даже костюмовъ; предписывалась офиціальная орѳографія, взамѣнъ кулишовки, не привившаяся, какъ все, что предписывается, а не вырастаетъ изъ стремленій народа, изъ духа времени. Поэтому, нельзя не привѣтствовать появленія въ Петербургѣ полумалороссійскаго сборника „Степъ“, доказывающаго, что современная малороссійская литература уже не подвергается остракизму, хотя сборникъ этотъ, не смотря на свой малороссійскій заголовокъ, на половину наполненъ русскими статьями. И это все лучшія, серьезныя статьи: А. Руссова „Областное начало въ земской статистикѣ“, Маріи Ганенко „Семейно-имущественныя отношенія крестьянскаго населенія по обычному праву“, К. Шрама „Украинская деревня“, Елены Марковичъ „Свадебныя пѣсни Елисаветградскаго уѣзда“. По отдѣлу беллетристики помѣщены два разсказа—А. Браунера „Идиллія въ плавняхъ“ и Дмитрія Марковича „Иванъ изъ Буджака“, и стихотвореніе г. Тулуба. На малороссійскомъ языкѣ написаны остальныя пятнадцать статей сборника—все мелкіе разсказы и стихи, кромѣ довольно большой драмы „Бондарівка“, исполняемой въ Петербургѣ малороссійской труппой. Но эти *произведенія* въ литературномъ отношеніи не выходятъ изъ уровня посред-

ственности, какъ и вообще все, что произвела малороссійская литература въ теченіе всего своего существованія,—конечно, за исключеніемъ высокодаровитаго лирическаго поэта, съ котораго началось возрожденіе малороссійской поэзіи. Но одна ласточка не составляетъ весны—и въ этомъ можно убѣдиться, пробѣжавъ „Исторію украинской литературы“ профессора Петрова. Въ исторіи этой немало именъ поэтовъ и беллетристовъ, писавшихъ недурные разсказы и стихотворенія, но кто знаетъ ихъ, кромѣ своего муравейника? Да и слѣдуетъ ли, наконецъ, интеллигенціи поддерживать въ своемъ отечествѣ этотъ литературный расколъ, особенно въ то время, когда всѣ славянскія племена стремятся усвоить себѣ одинъ общій для всего славянства языкъ, какимъ можетъ быть только русскій? Пусть народъ повторяетъ свои историческія легенды, поетъ свои старыя пѣсни, складываетъ даже новыя—но для чего же образованному классу поддѣлываться подъ складъ народной рѣчи, усвоивать себѣ ея неправильные обороты, искаженный говоръ! Вѣдь это все таки не языкъ, а жаргонъ, испорченное нарѣчіе, нѣсколько болѣе распространенное, чѣмъ бѣлорусское, костромское, олонецкое, калужское и другихъ русскихъ провинцій. Малороссія, столько вѣковъ находившаяся подъ польскимъ владычествомъ, невольно внесла въ свой говоръ множество полонизмовъ, отъ которыхъ слѣдуетъ очищать его, а не вводить ихъ въ литературу. Вѣдь наши югозападные братья — малороссы, а не малополяки. Когда-то и южная, и средняя, и сѣверная Русь говорила однимъ и тѣмъ же языкомъ, и если языкъ „Слова о полку Игоревѣ“, несомнѣнно написаннаго южаниномъ, выработался съ теченіемъ вѣковъ въ общерусскій литературный языкъ, для чего же Украйнѣ не примкнуть къ этому языку, а оставаться въ томъ же отчужденіи отъ своихъ братьевъ, въ какомъ они были подъ властью поляковъ? Вѣдь чисто русскому человѣку языкъ всѣхъ этихъ малороссійскихъ драмъ кажется просто дѣтскимъ лепетомъ, очень милымъ въ устахъ ребенка. Но вѣдь нельзя же весь вѣкъ ребячиться, и старикъ, подражающій ломаному языку младенца, нисколько не интересенъ. Чтобы понять всю невозможность малороссійскаго театра, стоитъ представить себѣ любую изъ классическихъ пьесъ, исполненную на этомъ жаргонѣ, немыслимомъ въ серьезныхъ произведеніяхъ. Вообразите себѣ „Горе отъ ума“, воспроизводимое парубками и дивчинами, или „Гамлета“, произносящаго монологъ: „Чи быти, чи не быти? оце заковыка!“—и вы невольно расхохочетесь. Малороссійская драма возможна только изъ крестьянской, народной среды. Недаромъ всѣ лучшіе малороссійскіе писатели, начиная съ Основьяненка—лучшія свои вещи писали не по малороссійски, и самъ Гоголь, понявшій, что великимъ писателемъ можно сдѣлаться, только писавши по русски, сознавался, что во всѣхъ *малороссійскихъ произведеніяхъ* слишкомъ много дегтя. А вѣдь даже одна *ложка дегтя портитъ* цѣлую бочку меду.

Въ сборникѣ „Степь“ помѣщено также „оповидане“, подписанное Данило Мордовець, но и эта вещь гораздо слабѣе всего, что̀ написано по русски даровитымъ авторомъ. Не смотря на все пристрастіе къ родной Украйнѣ, изъ тридцати томовъ, изданныхъ до сихъ поръ г. Мордовцевымъ, только одинъ написанъ малороссійскимъ языкомъ. Это доказываетъ, что онъ считаетъ себя русскимъ писателемъ, хотя южное происхожденіе его сказывается у него во многихъ мѣстахъ его разсказовъ и монографій. Гдѣ можно, онъ говоритъ горькія истины „Москвѣ“, особенно по отношенію ея къ южной Россіи. По смерти Костомарова, г. Мордовцевъ является у насъ представителемъ малороссійскаго элемента въ русской литературѣ. Какъ его собратъ, онъ составилъ себѣ извѣстность историческими и беллетристическими произведеніями: въ первыхъ онъ слабѣе, во вторыхъ—выше Костомарова. У г. Мордовцева нѣтъ, правда, такихъ драмъ, полныхъ глубокаго знанія древняго міра, какъ „Кремуцій Кордъ“ и „Эллины Тавриды“; зато онъ является замѣчательнымъ туристомъ-этнографомъ въ своихъ путешествіяхъ въ Іерусалимъ, къ пирамидамъ, на Араратъ, по Испаніи, Италіи. „Самозванцы и понизовая вольница“ принадлежатъ къ чисто историческимъ этюдамъ, хотя изложены тѣмъ же блестящимъ образнымъ языкомъ, какъ и его историческіе романы. Въ первомъ томѣ сборника помѣщены разсказы о трехъ самозванцахъ, называвшихъ себя Петромъ III, до и послѣ Пугачева, и о самомъ Пугачевѣ въ первый періодъ его дѣятельности. Личность Богомолова, Хлопина и Степана Малаго очень живо очерчены авторомъ, не объясняющимъ, почему онъ не кончилъ исторіи Пугачева и довелъ свои разсказы только до взятія Татищевской крѣпости. Во второмъ томѣ помѣщены восемь очерковъ жизни разбойничьихъ атамановъ. Во всѣхъ тринадцати портретахъ разбойниковъ, оставшихся если не въ исторіи, то въ народныхъ преданіяхъ, нѣтъ ничего особенно выдающагося, кромѣ нѣсколькихъ подвиговъ дикой отваги и презрѣнія къ смерти; но всѣ эти личности, являвшіяся большею частью въ блестящій вѣкъ Екатерины II-й, характеризуютъ эту эпоху, когда подъ наружнымъ блескомъ условія внутренней жизни нашего отечества были до того тяжелы, что лица, не выносившія этой тяжести, массами мѣняли общественную жизнь на бродячую, въ которой могли существовать только насиліями и преступленіями. Нѣкоторые изъ этихъ очерковъ неполны, и судьба дѣйствующихъ лицъ остается невыясненною, конечно, потому, что авторъ не могъ найти объ нихъ подробныхъ свѣдѣній; но все, что̀ сохранило преданіе, онъ передалъ со своимъ обычнымъ искусствомъ. Подобные очерки и историческіе разсказы—настоящая сфера г. Мордовцева, въ которой талантъ его является въ полной силѣ, заставляя забывать и о его „оповиданяхъ“, и не весьма удачныхъ юмористическихъ фельетонахъ. Юморъ вовсе несвойственъ дарованію г. Мордовцева, и хотя малороссы большіе охотники „жартовать“, но жарты ихъ почти всегда тяжелы и на-

тянуты. Веселость не въ характерѣ народа, въ исторической судьбѣ котораго было немного ясныхъ и свѣтлыхъ годинъ.

Повѣсти и разсказы *А. Винницкой* (Будзіанникъ). 1887.

Имя г-жи Винницкой только въ послѣднее время начало появляться въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ. Это писательница новѣйшей формаціи и, судя по началу, русская литература вправѣ ожидать отъ нея произведеній серьезныхъ, зрѣло обдуманныхъ, если только ее не увлечетъ минотавръ журналистики, погубившій уже столько талантовъ, истощившихся въ спѣшномъ и срочномъ скорописаніи. Особенно пагубны для начинающихъ дарованій ежедневныя изданія, хуже всякаго Прокрустова ложа укорачивающія эти дарованія, втискивая ихъ въ газетные столбцы извѣстнаго объема и числа строкъ. Такъ, еще недавно очень недурной очеркъ г-жи Винницкой „Расплата", помѣщенный въ „Новомъ Времени", не получилъ должнаго развитія, очевидно, потому, что авторъ былъ стѣсненъ размѣромъ фельетона. Такъ и осталось неразъясненнымъ каталептическое состояніе стараго негодяя, котораго убиваетъ его бывшій крѣпостной, за возмутительные поступки эпохи крѣпостничества. Психическіе мотивы, по которымъ помѣщикъ позволяетъ рѣзать себя совершенно спокойно, слѣдовало бы выяснить гораздо полнѣе и подробнѣе. Авторъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, собранныхъ въ одну книгу, почему-то избѣгаетъ психическаго анализа и большею частью ограничивается простымъ разсказомъ фактовъ и описаніемъ событій. Такъ, въ повѣсти „Улиткино дѣло", также первоначально напечатанной въ „Новомъ Времени", недостаточно развито, психически очень интересное, положеніе человѣка, котораго считаютъ сумашедшимъ жители маленькаго городка, вслѣдствіе глупой шутки, продѣланной съ нимъ рѣзвою дѣвчонкою. Помѣщая въ своемъ сборникѣ этотъ разсказъ, автору слѣдовало бы придать ему болѣе серьезную и менѣе фельетонную форму. Слишкомъ неотдѣланъ по формѣ и незначителенъ по содержанію разсказъ: „Врачъ по призванію". Характеръ дѣвушки, ухаживавшей за больнымъ отцомъ, а потомъ, выйдя замужъ, мечтающей о томъ, чтобы открыть больницу для крестьянъ, очерченъ слабо и остается невыясненнымъ. „Непризнанныя художницы"—разсказъ о двухъ дѣвочкахъ-сестрахъ, изъ которыхъ одна, подсмотрѣвъ, какъ подрисовываетъ себѣ глаза и щеки ея маменька, тоже пачкаетъ себѣ лицо, конечно, очень неудачно; а другая, разрисовавъ углемъ обои своей комнаты, изъ желанія изобразить небо съ херувимами, и высѣченная за это—идетъ купаться и тонетъ въ морѣ (дѣйствіе происходитъ въ Ригѣ). Уже въ самомъ сопоставленіи этихъ двухъ „художницъ" есть что-то натянутое, дѣланное, хотя типы дѣтей, подругъ дѣвочекъ и ихъ старшей сестры Любочки очерчены живо и вѣрно. „Та коронація"—также „дѣтскій" разсказъ въ *обоихъ смыслахъ этого слова*: и написанъ онъ по дѣтски, и дѣйствуютъ въ *немъ дѣти, т. е.* одинъ мальчикъ, котораго неберутъ на коронацію, увѣряя

что она сама придетъ къ нему. „Наша Наташа“—неоконченная исторія 15-ти-лѣтней дѣвушки, дочери разорившейся помѣщицы, которая сходитъ съ ума отъ мысли, что должна жить въ бѣдности, и пытается, въ помѣшательствѣ, даже убить свою дочь. Авторъ оставилъ свою героиню въ самую интересную минуту,—когда она вступаетъ въ трудовую жизнь, ни къ чему не подготовленная. Еще болѣе отрывочности, незаконченности и даже невѣроятности въ разсказѣ „Ни дна, ни покрышки“, героиня котораго учительница Оселкова совершаетъ невозможные подвиги: ночуетъ подъ лѣстницею и въ колодцѣ, отправляется изъ провинціи въ Петербургъ „хлопотать о свободѣ печати“, наконецъ уводитъ съ собой молоденькую дѣвушку, дочь хорошихъ знакомыхъ, и заставляетъ ее раздать или разбросать на фабрикѣ „пачку печатныхъ листковъ“, чѣмъ и заканчиваются эти невѣроятныя похожденія. „Парижскій день“—простой фельетонъ о томъ, какъ русская женщина утромъ слушаетъ лекціи Лабуле въ Сорбоннѣ, осматриваетъ Palais de Justice, Jardin des plantes, а вечеръ проводитъ въ театрѣ. Повѣсть „Старые знакомые“—вполнѣ выдержанная, законченная исторія злоключеній гувернера въ семьѣ предводителя дворянства—и потомъ встрѣчи съ этой семьей черезъ 20 лѣтъ. Типы членовъ этой семьи обрисованы художественно. Но лучшій и самый обширный изъ всѣхъ девяти разсказовъ—повѣсть „Судьба“—правдивая, трогательная исторія институтки, ѣдущей, по окончаніи курса, въ Москву къ брату своему, единственному родственнику, и остающаяся ночью безъ средствъ, безъ пріюта въ незнакомомъ городѣ, потому что брата ея куда-то взяли, и ей не совѣтуютъ даже разъискивать его. Что выноситъ это бѣдное молодое созданіе въ поискахъ за кускомъ хлѣба, въ борьбѣ за свое существованіе, какіе образчики человѣческой низости встрѣчаетъ она въ погонѣ за честнымъ трудомъ, съ какими экземплярами общественной гнусности приходится ей сталкиваться на своемъ тернистомъ пути!.. Молодая натура не выдерживаетъ этой непосильной борьбы: дѣвушка отъискиваетъ товарищей своего брата, „а черезъ мѣсяцъ была вмѣстѣ съ ними арестована“. Этими тяжелыми строками оканчивается мастерски разсказанный, полный жизни и правды эпизодъ недавняго тяжелаго прошлаго, къ счастію, перешедшаго уже въ область преданій. Этимъ разсказомъ г-жа Винницкая пріобрѣла вполнѣ заслуженную извѣстность въ нашей литературѣ. Не понялъ его художественности только крѣпкоголовый критикъ жидовствующей газеты. А то, пожалуй, „хозяинъ“ его и прямо запретилъ хвалить писательницу, осмѣлившуюся въ своемъ разсказѣ вывести автора-жида, который намаралъ такую дрянь, что представившая его рукопись въ редакцію учительница говоритъ, оправдываясь: „и могло ли мнѣ прійти въ голову, чтобы даже жидъ могъ исторчать изъ себя что нибудь подобное!“

Александръ Круловъ. **Господа земцы.** Провинціальныя картинки. 1887 г.

Александръ Круловъ. **Провинціальные корреспонденты.** Повѣсть изъ губернской жизни. 1887.

Талантливый беллетристъ въ своихъ двухъ томахъ, вышедшихъ почти одновременно, рисуетъ намъ, послѣ своихъ „Живыхъ душъ", типы душъ не живыхъ, или такихъ, которымъ незачѣмъ жить на свѣтѣ, хотя сами они, конечно, въ этомъ не сознаются. И тѣмъ печальнѣе встрѣчаться съ подобными типами, вѣрно и рельефно очерченными, что всѣ они принадлежатъ къ земству, которое только что призвано къ жизни и могло бы сдѣлать столько добраго и полезнаго даже въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, какими ограничена его дѣятельность. А между тѣмъ взгляните, что̀ дѣлаютъ эти лица, которымъ ихъ сограждане и правительство ввѣряютъ заботы объ экономическомъ и хозяйственномъ бытѣ нашихъ губерній. Вотъ и „Золотушенскіе земцы", въ лицѣ предсѣдателя земской управы, не выдающіе по два мѣсяца жалованья бѣднымъ учителямъ, ѣздящимъ по десяти разъ въ управу, за 30 верстъ, за полученіемъ 12-ти рублей. Одного изъ этихъ учителей, осмѣлившагося роптать на то, что его морятъ голодомъ, предсѣдатель тотчасъ же выгоняетъ изъ службы, а другимъ, пріѣзжающимъ въ управу безъ сапогъ, приказываетъ выдать, смилостивившись, по три и по пяти рублей. Зато управа эта высылаетъ въ помощь Сербіи восемь тысячъ рублей земскихъ денегъ. Вотъ „Земскіе сластолюбцы", въ лицѣ члена земской управы, пьянаго купца, потомъ интеллигентнаго доктора, пытающіеся сдѣлать своей любовницей земскую акушерку, а когда имъ это не удается, обвиняющіе ее въ дерзостяхъ противъ начальства и доводящіе ее до того, что она оставляетъ службу. Вотъ другіе господа земцы, отправляющіеся ревизовать разныя учрежденія и требующіе крестьянскихъ лошадей по открытымъ листамъ, которые они же, засѣдая въ управѣ, не хотятъ замѣнить денежнымъ сборомъ (разсказъ: „Ревизоры"). Еще другіе земцы силою заставляютъ крестьянъ отдать въ аренду за дешевую цѣну ихъ луга, вслѣдствіе чего голодаетъ крестьянскій скотъ (разсказъ „На фельдшерскомъ пунктѣ". Въ этомъ же разсказѣ выведенъ мерзавецъ, земскій врачъ, преслѣдующій честнаго фельдшера, которому управа не высылаетъ лѣкарствъ—изъ экономіи). Въ разсказѣ „Чистилище" описано засѣданіе губернской земской управы, члены которой: отставной штаб-ротмистръ, гуляка и картежникъ, и богатый кулакъ—очень обыкновенные экземпляры земскихъ дѣятелей, но способные привести въ отчаяніе всѣхъ, кто надѣется на то, что земство наше можетъ приносить пользу своимъ согражданамъ. И эти господа экзаменуютъ интеллигентнаго учителя, заставляя его, по опредѣленію управы, писать сочиненіе, котораго не читаютъ, но свидѣтельствуютъ передъ инспекторомъ училищъ *о „полной годности* для высокой дѣятельности учителя". Тотъ же *учитель является и* въ послѣднемъ, шестомъ очеркѣ „Темное житье", изо-

бражающемъ нѣсколько правдивыхъ и бойко набросанныхъ сценъ изъ непригляднои учительской жизни. Всѣ очерки помѣчены 1880-мъ годомъ и представляютъ, по словамъ автора, только небольшой уголокъ, нѣсколько карточекъ изъ альбома земскихъ дѣятелей. Первопачально они были напечатаны въ „Русской Рѣчи", также какъ и повѣсть „Провинціальные корреспонденты". Это довольно обширное, хорошо написанное, хотя и очень молодое произведеніе. Тутъ выведено нѣсколько знакомыхъ провинціальныхъ типовъ: молодой чиновникъ, пріобрѣтающій расположеніе губернаторши статьями о ея просвѣщенной благотворительности; учитель, отдѣлывающій въ своихъ корреспонденціяхъ директора и смотрителя училища; редакторъ губернскихъ вѣдомостей, не смѣющій перепечатывать статей даже изъ подцензурныхъ изданій; сотрудникъ его, даровитый, но спившійся съ круга отъ нищенской жизни. Повѣсть оканчивается трагически: корреспондента, обличающаго своихъ согражданъ, избиваютъ до смерти, напавъ на него ночью, въ темной улицѣ, и онъ умираетъ въ больницѣ. Въ концѣ книги помѣщена еще небольшая губернская быль „Ремесленное училище"—исторія одной изъ затѣй, которыхъ немало проэктируется на Руси, но которыя также скоро исчезаютъ, какъ и появляются, не имѣя подъ собою почвы.—Обѣ книги г. Круглова оставляютъ вообще очень пріятное впечатлѣніе, хотя и слабѣе его „Живыхъ душъ".

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Голодъ или бездорожье?—Торговые курьезы.—Законопроэктъ о подъѣздныхъ путяхъ.—Его хорошія и слабыя стороны.—„Усиленіе власти" и кавказскія неурядицы.—Колонизація черноморскаго побережья.—Явные и тайные поселенцы.—„Ничего не подѣлаешь".—Много дается—много и спрашивается.—„Ученыя блохи" и Тюмень.—Новые подвиги „хорошихъ и честныхъ" степенствъ.—Необходимость торговой инспекціи.

Извѣстно, что въ эпоху перваго самарскаго голода, въ 1873 году, съ двухъ только сторонъ несомнѣнный фактъ этого голода рѣшительно отвергался: съ одной стороны, министерство внутреннихъ дѣлъ, желавшее, чтобы все обстояло благополучно, утверждало, что есть только „усиленная нужда въ хлѣбѣ", а не „голодъ", съ другой — такъ называемая шестая великая держава, извѣстная всему міру подъ названіемъ газеты „Times", доказывала, что голода въ Россіи даже и быть не можетъ, потому что неурожай въ одной мѣстности всегда можетъ покрываться урожаемъ въ другой, и что Россія „страдаетъ не столько отъ голода, сколько отъ бездорожья".

За истекшія съ той поры тринадцать лѣтъ затрачено много милліоновъ и на расширеніе желѣзнодорожной нашей сѣти, и на улучшеніе водныхъ путей, и на развитіе пароходныхъ сообщеній, а „усиленная нужда въ хлѣбѣ“ не только чаще и чаще повторяется, но очень нерѣдко идетъ рядомъ и объ руку съ несомнѣннымъ урожаемъ, устраняя всякую возможность для нашего отечества конкурировать на сосѣднихъ европейскихъ рынкахъ даже съ отдаленнѣйшими штатами Сѣверной Америки. Не далѣе, какъ въ 1884 году, нижневолжскіе производители пшеницы отдавали свой товаръ на мѣстныхъ базарахъ по 2 р. 50 к. за четверть и даже дешевле; потребители той же пшеницы въ губерніяхъ Пермской, Вятской, Нижегородской и Костромской платили уже по 12—18 руб. за четверть, тогда какъ и въ Лондонѣ цѣна русскихъ сортовъ пшеницы не поднималась выше 11 р. 55 коп.! Въ Бузулукѣ имѣли мѣсто даже и такіе курьезы: два казака привезли свою пшеницу на базаръ, заплативъ за извозъ по 25 коп. съ пуда; изъ нихъ одному, доставившему 2,000 пудовъ, никто изъ тамошнихъ кулаковъ не давалъ дороже 25 коп., а другому, доставившему 7,000 пудовъ, предлагали только по 23 коп. за пудъ. Тогда первый, взявъ у извощиковъ 3 р. на дорогу, уѣхалъ домой испытывать „усиленную нужду въ хлѣбѣ“, а второй прямо скрылся изъ города, не получивъ и трехрублевой бумажки. Въ Америкѣ доставка пуда пшеницы изъ Чикаго въ Нью-Іоркъ, за 1505 верстъ, обходилась, въ послѣднія 12 лѣтъ, на наши кредитныя деньги не дороже 7—14 коп.; а у насъ, на такомъ же почти разстояніи, отъ Саратова и Самары до С.-Петербурга, въ 19—31 коп., или *на 121—171 процентъ дороже*! И, рядомъ съ этимъ, постройка закаспійской желѣзной дороги имѣла однимъ изъ самыхъ неожиданныхъ послѣдствій, что уже въ 1885 году партія *персидской* пшеницы появилась на одесскомъ рынкѣ, гдѣ превзошла всѣ мѣстные сорты, за исключеніемъ только бердянской арнаутки, а *тегеранская* мука пароваго размола успѣла проникнуть даже въ Варшаву!...

Всѣ эти факты, заимствованные нами изъ офиціальныхъ „обзоровъ“ департамента земледѣлія и сельской промышленности, несомнѣнно убѣждаютъ, что пока не измѣнится кореннымъ образомъ кулаческій строй нашей торговли и не будутъ приложены всевозможныя средства къ устраненію нашего бездорожья, мы не только не гарантированы отъ періодическихъ голодовокъ, но ни о какой конкуренціи, даже съ Персіей, и мечтать не можемъ,—тѣмъ болѣе, что не имѣемъ ни сельско-хозяйственной статистики, ни такого самостоятельнаго *вѣдомства*, для котораго промышленность, *въ разныхъ ея видахъ*, была бы дочерью, а не падчерицей. Съ этой

точки зрѣнія нельзя не отнестись съ величайшимъ сочувствіемъ къ министерству путей сообщенія, которое, послѣ пятнадцатилѣтней разработки въ разныхъ комисіяхъ, въ исходѣ 1884 года представило наконецъ въ государственный совѣтъ проэктъ положенія о подъѣздныхъ сухопутныхъ дорогахъ, замѣнившій собою составленное инженерами еще въ 1874 году кабинетное предположеніе устроить на счетъ казны 17,093 версты шоссированныхъ дорогъ отъ городовъ и торгово-промышленныхъ пунктовъ къ желѣзнодорожнымъ станціямъ, стоимостью во 115.500,000 рублей, при среднемъ курсѣ рубля въ С.-Петербургѣ въ 87,25 коп.

Въ основу своего проэкта министерство положило добытое опытомъ убѣжденіе, что 1) хотя сооруженіе подъѣздныхъ путей вообще есть дѣло государственной важности, но что въ большинствѣ отдѣльныхъ случаевъ оно удовлетворитъ прежде всего потребности прилегающихъ къ желѣзнымъ дорогамъ мѣстностей и самихъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, которыя не могутъ не интересоваться увеличеніемъ своей собственной доходности; 2) что, поэтому, ближайшая забота объ устройствѣ такихъ путей должна лежать не на правительствѣ, и тягость издержекъ по ихъ сооруженію должна падать не на государственную казну, но что заботы этого рода и сопряженныя съ ними затраты должны исходить главнымъ образомъ отъ мѣстныхъ общественныхъ и земскихъ учрежденій, желѣзнодорожныхъ предпріятій и частныхъ лицъ; 3) что задача правительства въ этомъ важномъ дѣлѣ должна заключаться въ томъ, чтобы всячески облегчать предпринимателямъ постройку и эксплуатацію подъѣздныхъ дорогъ, оказывая имъ необходимое содѣйствіе, и, наконецъ, 4) что способы такого облегченія и содѣйствія, равно какъ и условія постройки и эксплуатаціи подъѣздныхъ дорогъ, должны быть опредѣлены самимъ закономъ. Точно также и по отношенію къ задачамъ законодательства въ этомъ дѣлѣ министерство основательно полагало, что для лучшаго достиженія намѣченной цѣли необходимо: а) чтобы проэктируемый законъ не стѣснялъ частнаго почина избыткомъ формальностей, а, напротивъ, облегчилъ ему исполненіе ихъ и, въ то же время, съ возможной точностью опредѣлилъ всѣ тѣ права, на которыхъ строители могутъ основывать свои разсчеты при подобныхъ предпріятіяхъ; б) чтобы тѣ мѣстныя силы, которыя въ дѣлѣ устройства подъѣздныхъ путей почти одинаково заинтересованы, но въ настоящее время слишкомъ разрознены и обособлены, нашли себѣ объединеніе, причемъ каждая въ отдѣльности имѣла бы возможность удѣлить на достиженіе общей цѣли столько средствъ, сколько требуютъ ея отношенія къ другимъ и доля участія въ практической дѣятельности данной мѣстно-

сти; в) чтобы въ крайнихъ случаяхъ, а равно и тогда, когда въ постройкѣ подъѣздныхъ путей непосредственно заинтересована и казна, правительство приходило на помощь мѣстному почину, въ той или иной формѣ и въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ, и, наконецъ, г) чтобы устраиваемые такимъ образомъ подъѣздные пути не обременялись избыткомъ обязательствъ, способныхъ замедлить или совсѣмъ остановить ихъ сооруженіе, и чтобы возможный просторъ въ способахъ ихъ постройки, согласно мѣстнымъ особенностямъ, не встрѣчалъ препятствій въ заранѣе установляемыхъ однообразныхъ формахъ и условіяхъ какъ самаго ихъ сооруженія, такъ и дальнѣйшей эксплуатаціи.

На этихъ главныхъ основаніяхъ новымъ законопроэктомъ и предположено открыть городскимъ и сельскимъ обществамъ, земскимъ учрежденіямъ, разнымъ товариществамъ и частнымъ лицамъ широкую возможность устраивать на собственныя средства и при содѣйствіи правительства всякаго рода второстепенные пути, какъ рельсовые съ механическими или живыми двигателями, такъ шоссированные, мощеные и разнаго типа улучшенные грунтовые. будутъ ли они сооружаться для общаго, или для частнаго пользованія. Въ общихъ чертахъ, разсматриваемый законопроэктъ составленъ съ замѣчательной обстоятельностью, и именно потому, что послѣдняя комисія, занимавшаяся его разработкой подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Гюббенета, не только не считала нужнымъ секретничать въ столь важномъ и общеинтересномъ дѣлѣ, но сама разослала предположенія свои мѣстнымъ губернскимъ дѣятелямъ, многочисленными замѣчаніями которыхъ и воспользовалась на общее благо. Этотъ примѣръ практикуется, къ сожалѣнію, очень немногими изъ многочисленныхъ нашихъ вѣдомствъ, но вполнѣ заслуживаетъ подражанія уже и съ той точки зрѣнія, что наши петербургскія канцеляріи знаютъ только „бумажную“ Россію, почему нерѣдко пишутъ такіе законы, которые либо на первыхъ же порахъ вызываютъ цѣлые томы разъяснительныхъ циркуляровъ, либо даже сразу оказываются неисполнимыми. Не далѣе, какъ на этихъ дняхъ, намъ случилось перелистывать подготовляемый къ новому изданію „уставъ сельскаго хозяйства“, въ которомъ два раза (въ ст. 251 и 313) повторено слѣдующее, цѣликомъ перенесенное изъ стараго свода, правило объ охотѣ: „*всякая собака должна имѣть своего хозяина*“! Разумѣется, было бы очень занятно прочесть циркуляры, долженствующіе разъяснить мѣстнымъ урядникамъ—какъ должны они поступать съ тѣми изъ собакъ, которыя осмѣлятся не имѣть хозяевъ, и какими мѣ*ропріятіями заставить* ихъ исполнять закономъ возложенную обя-

занность; но, думается, было бы гораздо лучше не компрометировать хоть новыхъ изданій свода законовъ подобными правилами.

Какъ бы то ни было, нельзя сказать, чтобы и законопроэктъ о подъѣздныхъ путяхъ не нуждался въ поправкахъ, которыя во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе было бы сдѣлать раньше, чѣмъ послѣ извѣданныхъ на практикѣ неудобствъ. На нашъ взглядъ, такія поправки должны бы коснуться прежде всего статьи 4-й, которая возлагаетъ на «*подлежащія министерства* обязанность *издавать и публиковать облегченныя правила сооруженія и эксплуатаціи разныхъ подъѣздныхъ путей, соотвѣтственно ихъ назначенію и разнообразнымъ мѣстнымъ условіямъ*». Требованіе это не только находится въ явномъ разладѣ съ предвзятой руководительной мыслью—не стѣснять предпринимателей избыткомъ шаблонныхъ предуказаній, но представляется просто неисполнимымъ, даже для спеціально-техническаго министерства, столько же вслѣдствіе чрезвычайнаго разнообразія „мѣстныхъ условій", которыя далеко не всегда могутъ быть предусмотрѣны, сколько вслѣдствіе тѣхъ быстрыхъ успѣховъ, какіе дѣлаютъ въ настоящее время всякаго рода прикладныя знанія. Очевидно, что этимъ требованіемъ, если оно обратится въ законъ, будутъ поставлены въ одинаково-затруднительное положеніе какъ сами „подлежащія министерства", безсильныя составить сколько нибудь удовлетворительныя для каждаго предпріятія правила, такъ и строители подъѣздныхъ дорогъ, которымъ, безъ сомнѣнія, долго пришлось бы ожидать ихъ опубликованія. Нельзя, сверхъ того, не замѣтить, что въ подобныхъ правилахъ и надобности не представляется, ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что каждый предприниматель, задумавшій строить подъѣздную дорогу, нисколько не затруднится ни составленіемъ техническаго проэкта, ни начертаніемъ себѣ такихъ облегченныхъ правилъ ея содержанія и эксплуатаціи, которыя будутъ и наилучше соотвѣтствовать какъ назначенію дороги, такъ и мѣстной обстановкѣ: сама комисія, разработавшая законопроэктъ, въ примѣчаніи къ той же 4 ст. предувѣдомила строителей, что правилами подлежащихъ министровъ они могутъ и не стѣсняться, „ходатайствуя о дальнѣйшихъ упрощеніяхъ и изъятіяхъ". Въ виду такой оговорки, возлагаемая на министерства непосильная работа окажется видимо безцѣльною.

Немаловажныя неудобства можетъ породить и редакція статьи 10-й, гдѣ сказано, что, „*если при изысканіяхъ окажется*, что для устройства подъѣзднаго пути необходимо пересѣчь шоссе, каналы, рѣки, а также если имѣется въ виду примкнуть къ шоссе и внутреннимъ водамъ, то на устройство переѣздовъ, мостовъ или пере-

правъ требуется особое разрѣшеніе подлежащаго министерства". Но какъ необходимость пересѣчь шоссе, каналы и рѣки, или примкнуть къ нимъ, по сознанію самихъ составителей законопроэкта, легко предвидима и ранѣе всякихъ изысканій, то было бы во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣе и проще изложить начало этой статьи такъ: „если устройствомъ подъѣзднаго пути имѣется въ виду пересѣчь шоссе, каналы и рѣки, или примкнуть къ нимъ, то..." и т. д. Понятно, что при первой редакціи начатыя изысканія легко могутъ затормозиться ожиданіемъ разрѣшенія и причинить строителю ненужный ущербъ, тогда какъ при второй онъ и не приступитъ къ изысканіямъ, покуда не получитъ необходимаго разрѣшенія. Самое разрѣшеніе пересѣкать *шоссейныя* дороги или примыкать къ нимъ казалось бы гораздо цѣлесообразнѣе предоставить той же мѣстной власти, о которой упомянуто въ ст. 14 и которая въ данномъ случаѣ будетъ, конечно, вполнѣ компетентною, нежели затруднять столь маловажнымъ дѣломъ подлежащія министерства.

Нельзя, далѣе, не пожалѣть, что въ законопроэктъ о подъѣздныхъ путяхъ не внесено никакого правила по весьма важному вопросу о томъ, получаютъ ли владѣльцы отчужденной подъ дорогу земли право и на подземныя въ ней богатства, или нѣтъ, а если получаютъ, то въ какомъ размѣрѣ? Высказавшись въ томъ смыслѣ, что собственники подъѣзднаго пути „отнюдь не должны пріобрѣтать правъ и на разработку нѣдръ земли въ полосѣ отчужденія", составители законопроэкта не признали нужнымъ вносить въ него особую по этому предмету оговорку, „полагая, что необходимый на этотъ случай законъ долженъ исходить отъ министерства государственныхъ имуществъ", въ вѣдѣніи котораго находятся нѣкоторые изъ нашихъ горныхъ промысловъ (говоримъ—*нѣкоторые*, такъ какъ очень крупные „кабинетскіе" вовсе ему неподвѣдомы). Съ такимъ воззрѣніемъ нелегко согласиться, и прежде всего потому, что разработка—разработкѣ рознь. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что тотъ, кто добровольно или принудительно покупаетъ землю *для устройства дороги*, не имѣетъ никакого права давать ей другое назначеніе. Но вѣдь и при устройствѣ дороги легко могутъ случиться такія обстоятельства, при наличности которыхъ вопросъ о правѣ на подземныя богатства выдвинется самъ собою; такъ напр., строитель, прорывая выемку, наткнется на весьма цѣнные слои различной руды, камня, угля, гравія, песку и т. п. Извлечь изъ нѣдръ земли всѣ эти цѣнности и, стало быть, „разработать" ихъ онъ *вынужденъ* необходимостью, иначе не будетъ выполненъ утвержденный техническій проэктъ дороги; безъ оговорки же въ законѣ *неизбѣжно станутъ* возникать споры о томъ, кому должно

принадлежать право на эти цѣнности. Предупредить самую возможность подобныхъ споровъ — дѣло не послѣдней важности; но едва ли нужный въ этихъ цѣляхъ законъ долженъ исходить непремѣнно отъ горнаго вѣдомства, такъ какъ вовсе не дѣло послѣдняго—пролагать дороги и слѣдить, что при этомъ выкапывается изъ-подъ земли или зарывается въ нее. Такъ или иначе, но мы полагаемъ, что было бы весьма практично, подобно англійскому законодательству, заранѣе установить, что съ отчужденіемъ земли подъ дорогу признаются отчужденными и всѣ тѣ подземныя богатства въ полосѣ отчужденія, которыя будутъ извлечены при устройствѣ дороги, согласно съ утвержденнымъ техническимъ ея проэктомъ.

Наконецъ, невполнѣ удачною представляется намъ и 19 ст. законопроэкта. Въ ней сказано, что договоры о временномъ пользованіи землями необходимыми для устройства подъѣздныхъ путей, могутъ быть заключаемы на сроки, болѣе продолжительные, чѣмъ установленные въ 1692 ст. I ч. X т. (12 лѣтъ); а въ примѣчаніи къ той же 19 статьѣ—говорится, что въ случаѣ неустройства къ назначенному сроку подъѣзднаго пути, или въ случаѣ упраздненія его, *„дѣйствіе долгосрочныхъ контрактовъ далѣе установленныхъ закономъ сроковъ продолжаться не можетъ“*. Редакція эта прежде всего оказывается очень неопредѣленною, такъ какъ, кромѣ 12-лѣтняго, нашими *законами установлены* для найма недвижимыхъ имуществъ и разные другіе сроки, простирающіеся до 30, 36, 48, 70, 90, 99 лѣтъ и даже въ потомственное пользованіе *), въ виду которыхъ остается неизвѣстнымъ, какой же изъ нихъ долженъ подразумѣваться въ данномъ случаѣ? А затѣмъ мы не усматриваемъ и юридическихъ поводовъ оставлять въ силѣ на какой бы то ни было срокъ такой договоръ, самый объектъ котораго перестаетъ существовать: если немыслимо считать продолжающимся договоръ о наймѣ квартиры въ сгорѣвшемъ домѣ, то въ одинаковой степени не можетъ сохранять свою силу и договоръ о наймѣ земли подъ такую дорогу, которая или совсѣмъ не построена, или до истеченія условленнаго срока упразднена. Въ нашей практикѣ былъ уже случай, что желѣзнодорожная вѣтвь отъ Скопина до павелецкихъ угольныхъ копей закрылась черезъ пять лѣтъ послѣ открытія, потому что самыя копи истощились. Спрашивается—по какимъ же основаніямъ ея строителю пришлось бы платить за нанятую подъ нее

*) 1691 — 1693 ст. 1 ч. X т. и прим. къ нимъ по изд. 1876 года, IX т. св. зак. пол. о выкупѣ ст. 171 прил. ко 2 примѣч. и пол. о башкир. ст. 16 прил. ст. 22 и XII т. уст. о гор. и сел. хоз. ст. 43 и 108.

землю до истеченія даже минимальнаго изъ „установленныхъ“,12-лѣтняго срока, еслибы проэктированное правило обратилось въ законъ?

Въ заключеніе, нельзя не упомянуть, что предположенныя проэктомъ льготы строителямъ отличаются замѣчательной широтой. Прежде всего предуказана возможность правительственныхъ пособій: а) безвозвратными выдачами, денежными или матеріальными, б) безпроцентными или процентными ссудами, денежными и матеріальными, в) предоставленіемъ безплатнаго или за пониженную плату пользованія казенными сооруженіями, постройками, землями и строительнымъ изъ нихъ матеріаломъ, г) дарованіемъ правъ принудительнаго отчужденія частныхъ имуществъ, отходящихъ подъ сооружаемые пути, и д) разрѣшеніемъ взиманія въ пользу строителей рельсовыхъ путей слишкомъ дорогой платы за перевозку грузовъ (до $^1/_8$ коп. съ пуда и версты) и пассажировъ (до 4 коп. съ версты), а для строителей усовершенствованныхъ грунтовыхъ дорогъ, мостовъ и переправъ—особыхъ сборовъ съ проѣзжающихъ, по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія (ст. 20 и 27). Далѣе предположено даже рельсовые пути, построенные безъ этихъ льготъ и пособій, освободить отъ обязанности перевозить безплатно почту и за уменьшенную плату войска и арестантовъ съ ихъ грузами, и не привлекать ихъ ни къ платежу государственнаго сбора съ пассажировъ и грузовъ, ни къ участію въ расходахъ правительства по содержанію желѣзнодорожной полиціи и технической инспекціи (ст. 29). Несомнѣнно, что всѣми этими льготами привлечено будетъ къ устраненію нашего бездорожья много частныхъ капиталовъ, безъ толку обременяющихъ собою разныя банковыя кассы; но въ нашихъ глазахъ столь же несомнѣнно, что можно было бы и не освобождать рельсовыхъ дорогъ отъ безплатной перевозки почты. Комисія, разработавшая проэктъ, оговорила, правда, что это изъятіе изъ общаго правила введено ею не вслѣдствіе трудности для маленькихъ дорогъ возить почту, а единственно вслѣдствіе того, что „наше почтовое вѣдомство требуетъ постановки въ поѣздъ особаго, спеціальнаго вагона для своихъ служащихъ“, и что устройство такихъ вагоновъ составило бы непосильную для мелкихъ предпріятій тягость. Думается однако, что не закрыта же возможность убѣдить почтовое вѣдомство, чтобы оно не ставило требованій, столько же неисполнимыхъ, сколько и ненужныхъ. Вѣдь въ другихъ странахъ умѣютъ же возить почту не въ крѣпостныхъ вагонахъ.

Каждый разъ, какъ извѣстные органы нашей печати, подъ фирмой „усиленія власти“, проповѣдуютъ необходимость раздробленія *нашихъ уѣздовъ на* маленькія „воеводства“ и отдачи ихъ „*подъ начало“ излюбленнымъ* своимъ кліентамъ, взоры наши невольно

обращаются къ отдаленнымъ окраинамъ Россіи—къ многострадальной Сибири, къ заброшенному Уссурійскому краю, злополучному Кавказу и т. д. Ужь тамъ ли не господствовалъ десятки лѣтъ широчайшій просторъ власти, въ лицѣ самыхъ крошечныхъ ея представителей? Развѣ не тамъ возникли эти внушительныя пословицы: *„на небѣ Илья, а въ Якутскѣ я“*, или *„на небѣ Богъ, а въ Охотскѣ Кохъ“* ит. д.? И найдется ли хоть одинъ *только одинъ* честный голосъ, который могъ бы свидѣтельствовать о „благоденственномъ житіи“ этихъ странъ? Какъ ни обширна уже литература, посвященная имъ, но подобнаго голоса мы въ ней не встрѣчаемъ. Знаемъ, напротивъ, что волосъ дыбомъ становится, когда читаешь безконечную лѣтопись по истинѣ сказочныхъ безобразій и хищеній, отъ которыхъ и казна несетъ громадныя потери, и цѣлыя области систематически обращаются въ пустыни.

Особенно несчастливится въ этомъ отношеніи роскошнѣйшему черноморскому побережью Кавказскаго края, присоединеніе котораго къ составу имперіи началось еще въ 1803 году, а завершилось въ послѣднюю войну,—и несчастливится (какъ это ни странно съ перваго взгляда) именно потому, что природа слишкомъ щедро надѣлила это побережье всевозможными дарами, такъ что всегда оказывалось и оказывается слишкомъ много охотниковъ пользоваться имъ не такъ, какъ желаетъ государство, а такъ, какъ хочется усиленновластнымъ, но свободнымъ отъ всякой отвѣтственности мѣстнымъ дѣятелямъ, до какого нибудь землемѣра включительно. Остановимся хотя бы на вопросѣ о заселеніи названнаго побережья, поднятомъ уже *болѣе двадцати лѣтъ* тому назадъ, многократно обсуждавшемся не только въ офиціальныхъ комисіяхъ, но и въ ученыхъ и сельско-хозяйственныхъ обществахъ, поглотившемъ многіе милліоны изъ государственной казны, но и понынѣ стоящемъ на точкѣ замерзанія.

Извѣстно, что уже закономъ 10 марта 1866 года все пространство отъ Анапы до Абхазіи, протяженіемъ по берегамъ Чернаго моря на 325 верстъ и въ глубь страны до самыхъ вершинъ главнаго кавказскаго хребта, предназначалось *„для сельскихъ гражданскихъ поселеній“*; закономъ 18 октября 1870 года, для *той же цѣли*, государство передало въ гражданское вѣдомство новую огромную площадь отъ рѣки Туапсе до Новороссійска, на которой раньше еще было водворено 12 казачьихъ станицъ, съ тѣмъ чтобы и станицы эти были надѣлены землею на общинномъ правѣ, въ количествѣ двадцати десятинъ удобной земли на душу. Названными законами категорически предписывалось надѣлять новыхъ *добровольныхъ* переселенцевъ землею, смотря по мѣстнымъ удоб-

ствамъ, либо на общинномъ правѣ, въ размѣрѣ не свыше тридцати десятинъ на каждую семью, либо подворно, для хуторскаго хозяйства, въ размѣрѣ по 30 же десятинъ на каждый дворъ. Независимо отъ того, разрѣшались не только льготные отводы земель желающимъ, на основаніи устава о городскомъ и сельскомъ хозяйствѣ, для заранѣе опредѣленныхъ хозяйственныхъ цѣлей, но и продажа земельныхъ участковъ, не свыше 300 десятинъ, въ частную собственность, съ разсрочкой десятирублевой платы за десятину на десять лѣтъ. Затѣмъ, очень недавнее и всѣмъ памятное прошлое страны ясно указывало, что новыми ея поселенцами должны быть исключительно люди, на которыхъ англо-турецкіе эмиссары, въ родѣ извѣстныхъ Джемса Беля и пана Лапинскаго, ни въ какомъ случаѣ не могли бы разсчитывать, какъ на вѣрнѣйшихъ союзниковъ. Но тутъ-то и вышелъ самый неожиданный казусъ: политическія соображенія главнаго управленія намѣстника кавказскаго „неотразимо требовали привлеченія въ край *чисто-русскихъ*“ малоземельцевъ, въ числѣ которыхъ однихъ снабженныхъ нищенскими надѣлами насчитывалось у насъ безъ малаго 600,000 душъ, тогда какъ экономическія соображенія предписывали, будто бы, „*относиться съ большою осторожностью къ заселенію края выходцами изъ внутреннихъ губерній*, потому-де, что климатическія, топографическія и сельско-хозяйственныя условія черноморскаго прибрежья Кавказа рѣзко отличаются отъ такихъ же условій внутреннихъ губерній“. По этимъ основаніямъ, главное управленіе заботливо рѣшило: „давать преимущество русскимъ поселенцамъ, но не отказывать и другимъ христіанскимъ переселенцамъ изъ закавказскаго края, Анатоліи, славянскихъ земель и т. п., въ томъ предположеніи, что первые изъ нихъ будутъ ядромъ, которое обезпечитъ этнографическую связь края съ имперіей, тогда какъ послѣдніе положатъ основаніе свойственнымъ климату и почвѣ отраслямъ хозяйства“. На бумагѣ, такимъ образомъ, все казалось предусмотрѣно, взвѣшено и соразмѣрено. Но за бумагой настала дѣйствительность, и оказалось: 1) что въ девятнадцать лѣтъ по 1885 годъ, въ теченіе которыхъ одна мѣстная администрація округа съ межевыми чинами обошлась казнѣ въ 1.393,530 рублей, не считая подъемныхъ, суточныхъ, прогонныхъ, наградныхъ и т. п. денегъ,—въ черноморскомъ округѣ поселено русскихъ людей *только 679 душъ обоего пола*, тогда какъ разныхъ грековъ du Bas empire 1,377, черкесовъ 1,046, молдаванъ 895, чеховъ 735, армянъ 430, нѣмцевъ 78 и поляковъ 14 душъ обоего пола; 2) что въ числѣ кровныхъ русскихъ, *желавшихъ поселиться въ краѣ или обзавестись въ немъ землею, немало* было крупныхъ тузовъ (Хлудовъ, Катковъ и друг.),

изъ которыхъ многіе ничего не добились, нѣкоторые же получили отъ землемѣровъ участки, вложили въ нихъ десятки тысячъ на разныя хозяйственныя предпріятія (какъ напр., полковникъ Христофоровъ, Сѣверцовъ и дѣйств. ст. сов. Сафоновъ), даже заплатили всѣ деньги въ казну за указанную имъ землю; но въ концѣ концовъ должны были или бросить все и ретироваться по добру, по здорову, или заводить безконечные процессы съ казною, потому что выданные имъ планы и указанныя границы *не имѣли ничего общаго съ натурой и не могли служить основаніемъ для составленія купчихъ крѣпостей* (sic!); и 3) что ни одна изъ предписанныхъ правительствомъ мѣръ къ заселенію несчастнаго края не привела къ ожидавшимся результатамъ: въ концѣ 1880 года спеціально командированный сюда намѣстникомъ кавказскимъ генералъ Старосельскій докладывалъ, что *„дѣло колонизаціи округа никакъ нельзя назвать удачнымъ и достигшимъ результатовъ, сколько нибудь соотвѣтствующихъ желаніямъ правительства и истраченнымъ на него денежнымъ средствамъ“*; что объ экономической жизни этого края и рѣчи быть не можетъ, *„такъ какъ самое слово* **жизнь** *нельзя считать соотвѣтствующимъ для обозначенія тѣхъ чахлыхъ зачатковъ и ростковъ, которые тамъ и сямъ обнаруживаются“*, и наконецъ, что мириться съ такимъ положеніемъ *«совершенно невозможно, уже по одному тому, что оно наноситъ ущербъ достоинству правительства, взявшаго дѣло колонизаціи въ свои руки“*.

Казалось, что послѣ такого сильнаго и авторитетнаго доклада дѣло должно бы наладиться иначе. Но случилось опять-таки не то. Вслѣдъ за упраздненіемъ кавказскаго намѣстничества, въ одной изъ крупныхъ столичныхъ газетъ появилась корреспонденція изъ Тифлиса, въ которой,—рядомъ съ воспоминаніемъ о томъ, какъ всецѣло расхватаны были многомилліонные нефтяные казенные участки и какъ „изъ суммъ на полезныя въ краѣ предпріятія“ 40,000 рублей ушло на уплату карточныхъ долговъ какого-то поручика,—прямо указывалось, что, *„какъ бы въ предвидѣніи начала конца, у насъ идетъ усиленный и торопливый расхватъ государственныхъ имуществъ разными генералами и генеральшами, для приплода благонадежнаго населенія“*, и что готовится даже предположеніе *„по бывшимъ примѣрамъ*, раздавать въ награду и въ надѣлъ виновникамъ свободныя земли Абхазіи, значительная часть которой, вплоть до самаго кавказскаго хребта, покрыта чуть ли не единственными въ Россіи дѣвственными корабельными и пальмовыми *лѣсами“* („Голосъ“ 1881, № 192). По счастію, предположеніе это *въ такомъ* видѣ не осуществилось; но зато въ началѣ 1885 года

почти всѣ газеты обѣихъ столицъ, со словъ „вольнаго человѣка“ изъ Цебельдинской станицы, повѣстили на весь міръ: что по ту сторону снѣговыхъ вершинъ кавказскаго хребта,—гдѣ, надо думать, климатическія, топографическія и сельско-хозяйственныя условія еще рѣзче отличаются отъ таковыхъ же условій внутреннихъ губерній, нежели въ черноморскомъ побережьѣ,—давно уже живутъ по старой вѣрѣ русскіе вольные люди, которые смѣшались съ неушедшими въ Турцію черкесами и нисколько не затрудняются положить прочное основаніе свойственнымъ климату и почвѣ отраслямъ хозяйства; что живутъ они въ такихъ трущобахъ и котловинахъ, до которыхъ и добраться-то, не зная мѣстныхъ тропинокъ, невозможно; что къ себѣ, кромѣ завѣдомо-надежныхъ вольныхъ людей, никого они не впускаютъ, да и сами почти никогда не отлучаются, хотя, впрочемъ, имѣютъ даже „тайную ярмарку въ Карачаѣ“ (sic!). Въ случаѣ крайней необходимости, они посылаютъ изъ своей среды самыхъ вѣрныхъ и ловкихъ людей. Пашень, озеръ, пастбищъ и лѣсовъ у нихъ въ изобиліи, скота и лошадей вдоволь; они занимаются хлѣбопашествомъ, шелководствомъ и пчеловодствомъ; около домовъ развели фруктовые сады, виноградники и тутовыя плантаціи, а оружіе, порохъ, шолковыя и шерстяныя матеріи приготовляютъ для себя собственноручно, и хотя долго ощущали крайній недостатокъ въ ситцахъ и другихъ бумажныхъ тканяхъ, но успѣли ихъ замѣнить шолковыми, да вдобавокъ снарядили ходоковъ въ Китай, для изученія тамошнихъ пріемовъ шелководства и чайнаго производства. Наконецъ сообщалось, что хотя разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ, подлѣ озеръ, поселенія ихъ вообще немноголюдны и большею частью не превышаютъ 100—200 душъ, однако есть одно, имѣющее уже болѣе 200 домовъ, и другое, гдѣ сгруппировалось до 2,000 домовъ или 10,000 душъ, изъ которыхъ цѣлая треть русскихъ; и наконецъ, что, въ общемъ итогѣ, подобныхъ тайно поселившихся въ горахъ „вольныхъ людей“ не менѣе 20,000 человѣкъ, или почти вчетверо больше, нежели легально водворенныхъ въ 19 лѣтъ инородцевъ въ черноморскомъ округѣ! Всѣ эти данныя, въ которыхъ ничего сказочнаго нѣтъ *), вольный человѣкъ заключилъ слѣдующимъ поясненіемъ:

*) Примѣры самовольныхъ поселеній у насъ, какъ въ лѣсныхъ трущобахъ сѣвера, такъ и въ степяхъ юга и востока, составляютъ столь обычное явленіе, что нѣтъ ничего удивительнаго, если вольный человѣкъ добрался и до роскошнѣйшихъ *трущобъ Кавказа*. Въ Самарской степи здравствуетъ и сейчасъ громадное посе-

„мы просимъ, чтобы насъ зачислили казаками, да десять лѣтъ не трогали податьми и повинностями, потому въ десять-то годовъ мы всѣмъ обзаведемся, а тамъ и начнемъ правильную службу. Если покуда насъ немного, въ томъ не бѣда: отвели бы только землю—мы въ три года заселили бы все побережье Чернаго моря, а вѣдь когда мы осядемъ на Кавказѣ, тогда зачѣмъ туда и войска-то много посылать? мы тогда все устережемъ, вѣдь мы не то, что̀ чухна (т. е. чехи), которую тамъ селятъ; вѣдь мы свой народъ, и за царя голову-то изъ насъ всякій положитъ съ удовольствіемъ". На предложенный вольному человѣку совѣтъ обратиться къ главному начальнику края, онъ отвѣтилъ, что „князь Дондуковъ-то дружокъ намъ, да мѣстное начальство не за насъ, а за чухну; только ей, да полякамъ и житье... паспортовъ, небось, никто у нихъ не спрашиваетъ, къ намъ же на горло наступаютъ... Да вотъ и сейчасъ получилъ депешу:—„прибыло съ пароходомъ двадцать пять полтавскихъ семействъ; не принимаютъ, приказываютъ ѣхать обратно"—ничего и не подѣлаешь".

Все это, какъ мы сказали, имѣло мѣсто въ началѣ 1885 года. Нѣсколько позже, но въ томъ же году, наша печать разъяснила, что на черноморскомъ побережьѣ никакихъ проѣзжихъ дорогъ доселѣ не имѣется, хотя деньги, вырученныя за землю, проданную въ частную собственность, предназначались закономъ именно „на дорожныя въ краѣ сооруженія"; что о сношеніяхъ съ остальнымъ міромъ здѣсь и думать невозможно, такъ какъ иностранный каботажъ безусловно запрещенъ, а свой и народиться не можетъ, покуда Черное море отдано въ собственность монопольнаго „русскаго общества пароходства и торговли", нещадно эксплуатирующаго всѣхъ и вся въ собственную выгоду; что, ко всему этому, существуетъ какой-то „мудреный циркуляръ", въ силу котораго, если русскій поселенецъ добудетъ изъ мѣшающаго хозяйству лѣса орѣховый наплывъ или пальму и вздумаетъ отослать въ русскій же Севастополь, то тамъ съ него берутъ пошлину золотомъ, какъ съ иностранца, доставившаго штучное дерево изъ-за границы; что въ то же время разные пришлые турки немилосердно истребляютъ для англичанъ запасы пальмы, которая въ Лондонѣ продается по 3 рубля за пудъ перваго сорта, по 2 р. 35 к. за пудъ втораго и по 1 р. 35 к. за пудъ третьяго сорта. но за которую министерство государственныхъ имуществъ взимаетъ не болѣе 15, а министерство финансовъ только—по 10 копѣекъ съ пуда („Нов. Время", №№ 3332 и 3335).

леніе, нѣкогда захватившее 30,000 десятинъ пустовавшей казенной земли, *которое такъ* и называется „*Самовольная Ивановка*".

Наконецъ, въ ноябрѣ текущаго года, сталъ извѣстенъ любопытный отчетъ о поѣздкѣ главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ по Кубанской области и Черноморскому округу. Въ отчетѣ этомъ авторитетно удостовѣрено, что „богато одаренный природою край, вмѣщавшій въ себѣ стотысячное горское населеніе, послѣ 15-лѣтнихъ заботъ объ его колонизаціи, представляетъ собою почти пустыню: ни въ какой другой части имперіи не давалось поселенцамъ такихъ значительныхъ льготъ и такихъ щедрыхъ пособій, какъ въ Черноморскомъ округѣ; а между тѣмъ многіе изъ поселенцевъ считаютъ себя до сей поры временными пришельцами *) и готовы во всякое время покинуть мѣста, насиженныя въ продолженіе пятнадцати лѣтъ". Главный начальникъ края не скрылъ при этомъ, что причины столь плачевнаго положенія заключаются въ томъ, что „и въ планѣ заселенія округа, и въ способахъ его исполненія *были допущены крупныя ошибки*" („Рус. Кур." № 304), въ виду которыхъ, въ засѣданіи 28 ноября, Н. А. Соханскій и предлагалъ „обществу содѣйствія русскому торговому мореходству" ходатайствовать, чтобы заселеніе и оживленіе западной береговой полосы Кавказа было поручено сильной единоличной власти, въ родѣ той, какою пользуется энергическій строитель закаспійской дороги. Очевидно, однако, что такое рѣшеніе злополучнаго вопроса могло быть продиктовано только развѣ отчаяніемъ. На Кавказѣ былъ вѣдь въ свое время не менѣе сильный генералъ Раевскій, который началъ было успѣшно приручать дикихъ горцевъ путемъ торговыхъ съ ними сношеній; но на смѣну его пришелъ генералъ Анрепъ, признавшій нужнымъ отмѣнить все сдѣланное Раевскимъ, а замѣнившій Анрепа генералъ Серебряковъ счелъ долгомъ передѣлать все сдѣланное его предмѣстникомъ, и т. д. Притомъ же, совсѣмъ не безсиленъ и нынѣшній главный начальникъ кавказскаго края, котораго русскіе вольные люди недаромъ же называютъ своимъ „дружкомъ"; но бѣда въ томъ, что еще сильнѣе оказывается мѣстная администрація. При первой же встрѣчѣ съ сотрудникомъ „Новаго Времени", Сухумскій городничій не затруднился оправдывать себя въ недружелюбіи къ тамбовскимъ переселенцамъ такою чудовищной фразой: „*мы что? ученыя блохи-съ, которыя кусаютъ подставленную руку! У насъ предписанія есть не допускать сюда русскихъ*!..." (№ 3877). Такимъ образомъ несомнѣнно, что дѣло колонизаціи окраинъ можетъ поправиться только тогда, когда,—по мудрому правилу: „кому много дается, съ того много

*) *Еще бы! когда не выдаются документы даже на оплаченные земельные участки, а годами производимыя межевыя съемки оказываются совсѣмъ непригодными.*

спрашивается",—рядомъ съ сильной властью (власть безъ силы и немыслима) будетъ стоять и сильная отвѣтственность, какъ за „крупныя ошибки", такъ и за „кусанія ученыхъ блохъ"; а это только и достижимо при единственномъ условіи, чтобы, *параллельно* съ усиленіемъ *административной власти*, усиливались *въ равной степени прокурорскій надзоръ* и *власть судебная*, притомъ не на Кавказѣ только, а повсемѣстно, такъ какъ дѣло колонизаціи не лучше идетъ у насъ вездѣ, куда только, по волѣ правительства или самовольно, направляются переселенцы. Тюмень очень не маленькій въ этомъ отношеніи пунктъ,—и вотъ что продѣлывалось тамъ, по словамъ г. Нельмина, въ кампанію 1885 года: „на баржу, буксированную пароходомъ Ершъ, втиснули 2500 переселенцевъ, когда и 800 человѣкъ едва могутъ въ ней помѣститься; а въ самой Тюмени, въ ожиданіи парохода, людей валили, какъ скотъ, въ сараяхъ, хлѣвахъ и на открытомъ воздухѣ; въ одномъ сараѣ помѣстили 300 переселенцевъ, въ средѣ которыхъ масса заразныхъ больныхъ, и продержали цѣлыхъ семнадцать дней! Никакого надзора и призора; болѣзненность и смертность страшныя". („Рус. Мысль" 1886. февраль, стр. 126).

Часъ отъ часу не легче. Не успѣли высохнуть чернила декабрьской книги нашего журнала (стр. 50—52), какъ съ разныхъ концовъ Россіи и въ разные органы дождемъ посыпались новыя свѣдѣнія на старинныя плутни нашихъ торговцевъ. Изъ г. Вязьмы Смоленской губерніи, сообщенъ „Русскому Курьеру" судебный приговоръ, которымъ „именитое мѣстное степенство", обозначенное, къ сожалѣнію, не полной фамиліей, а только буквой С., присуждено къ мѣсячному заключенію въ тюрьмѣ, къ сторублевому штрафу въ пользу города и къ воспрещенію торговли навсегда, за то, что, съ помощью фальшивыхъ вѣсовъ, „въ теченіе двадцати лѣтъ обвѣсилъ или, вѣрнѣе, укралъ у покупателей мяса изъ его лавки на 45,000 рублей". Изъ г. Кашина, Тверской губерніи, пишутъ въ „Новое Время", что тамъ открыто и воочію всѣмъ желающимъ, но, къ несчастію, безнаказанно, производится фабричное превращеніе бессарабскихъ и крымскихъ винъ въ иностранные портвейны, хереса, мадеру и шампанское, и что фальсификація эта, при помощи 60 мастеровъ, перерабатываетъ такимъ способомъ *до 50,000 ведеръ* своего вина въ чужеземное, на сумму отъ 200 до 300 тысячъ рублей! „Новороссійскій Телеграфъ" сообщаетъ, что и лондонское купечество обратилось съ жалобой къ мѣстному генералъ-губернатору на недоброкачественность отправляемыхъ изъ Одессы *разныхъ сортовъ хлѣба, который совсѣмъ не соотвѣтствуетъ посылаемымъ въ Англію образцамъ*. Газета прибавляетъ,

что на запросъ генералъ-губернатора комитеты торговли и мануфактуръ и биржевой отвѣтили, что „факты недобросовѣстной отправки дурнаго качества хлѣбнаго зерна, несоотвѣтствующаго предварительно посланнымъ образцамъ, дѣйствительно существуютъ, благодаря чему реномэ Одессы, какъ крупнаго отпускнаго центра, значительно пало въ глазахъ иностранцевъ; что болѣе видное участіе въ этомъ важномъ злѣ принимаютъ мелкіе экспортеры, не дорожащіе репутаціей Одессы, и что средствъ къ борьбѣ съ этимъ зломъ они, комитеты, не имѣютъ". Изъ той же Одессы сообщаютъ, что обуявшимъ ее гешефтмахерствомъ не побрезгало и субсидируемое правительствомъ черноморско-дунайское общество князя Юр. Гагарина: принявъ во вниманіе, что, по новому тарифу, Турція взимаетъ пошлину съ румынской муки въ 30 процентовъ ея стоимости, тогда какъ съ русской только въ 8%, общество это посылаетъ свои пароходы въ Галацъ, грузитъ ихъ тамошней мукой, отвозитъ ее въ Одессу, здѣсь перегружаетъ, беретъ русскіе сертификаты и везетъ въ Константинополь подъ названіемъ русской муки! Параллельно съ этимъ, въ „Русской Старинѣ" (ноябрь, стр. 379—390) приведена документальная справка о томъ, какъ еще въ 1846—1854 годахъ *первѣйшія московскія степенства,* воспользовавшись широкими льготами, данными въ видахъ расширенія и упроченія русской торговли на Кавказѣ, доторговались до того, что даже деликатнѣйшій князь М. С. Воронцовъ, въ письмѣ на имя гг. *Четверикова, Гучкова, Прохорова и комп.*, отъ 2 мая 1850 года № 1634, нашелся вынужденнымъ заявить имъ, что въ истекшіе четыре года они ничего не сдѣлали для оправданія возлагавшихся на нихъ государемъ и кавказскимъ краемъ надеждъ, и что „теперь намъ остается, по будущимъ дѣйствіямъ вашимъ, заключить, имѣете ли вы намѣреніе дѣйствовать въ видахъ государственной обоюдной пользы, или хотите *остаться, какъ теперь, только мелочными торговцами,* съ ничтожной пользой для края и со значительнымъ вредомъ для туземныхъ купцовъ". Наконецъ и „Юридическій Вѣстникъ" воспроизвелъ офиціальный отзывъ бывшаго тверскаго губернатора графа Баранова о фабричныхъ степенствахъ: „ни о народномъ богатствѣ (писалъ онъ), ни о воспитаніи народа фабриканты не думаютъ, а заботятся единственно о своемъ карманѣ; они—эксплуататоры силъ народа и его способностей, эксплуататоры въ полномъ смыслѣ этого слова!" Въ наши дни фабричные инспекторы и морозовскій процессъ нагляднѣйшимъ образомъ удостовѣрили, что исконный девизъ нашихъ торговцевъ „*не надуешь—не продашь*" сдѣлалъ свое дѣло: нравственная гангрена *пустила такіе глубокіе* и повсемѣстные корни, что необходимость

самаго энергическаго лѣченія выдвинулась на первый планъ. Настала пора снять съ нашихъ степенствъ ту маску, благодаря которой такъ долго и такъ щедро баловали ихъ избыткомъ всяческихъ протекцій, отъ дешеваго и общедоступнаго для всей касты казеннаго кредита до высокаго и дорогаго для всего народа таможеннаго тарифа. Недаромъ вѣдь и сейчасъ московскіе фабриканты до того взъѣлись на фабричную инспекцію, что неутомимо строчатъ цѣлые ворохи жалобъ, забывая, что именно въ этихъ жалобахъ и заключается наилучшая для инспекціи аттестація. Будемъ же надѣяться, что жалобы эти никого не обморочатъ, и что недолго уже ждать *правительственной торговой инспекціи*, безъ которой „честныя и хорошія“ степенства доведутъ и злополучную нашу промышленность до такого же ужаснаго положенія, до какого фабриканты довели было рабочихъ. Протесты такихъ міровыхъ рынковъ, какъ лондонскій, противъ мошенническихъ пріемовъ торговли не могутъ вѣдь не обходиться слишкомъ дорого: вся промышленность дискредитируется, теряетъ и государство на таможенномъ доходѣ, котораго уже въ 1885 году не добрано противъ смѣтныхъ ожиданій на 11, а противъ 1884 года на 2 милліона рублей; падаетъ и отпускная торговля, падаетъ почти въ *одинаковой степени* съ привозною, для которой наши ворота плотно заперты протекціоннымъ тарифомъ. Достаточно сравнить только среднія цифры нашего привоза и вывоза въ трехлѣтіе съ 1882 года съ таковыми же въ трехлѣтіе съ 1883 года, чтобы наглядно въ этомъ убѣдиться; изъ нихъ въ первое трехлѣтіе привозъ оцѣнивался въ 512.766,000 р., а вывозъ въ 616.242,000 р., тогда какъ во второе— привозъ упалъ до 465.494,000 р., или *на 10,1 процентовъ*, а вывозъ до 562,055,000 р., или *на 9,6 процентовъ*! Столь крупное паденіе отпуска не можетъ не сопровождаться паденіемъ всей производительной дѣятельности государства, и затѣмъ пора призадуматься надъ вопросомъ—во имя *чьихъ* же интересовъ и бѣдный потребитель поставленъ въ тиски искусственной дороговизны, и самый богатый производитель обреченъ на искусственную дешевизну своихъ продуктовъ? Вѣдь въ концѣ концовъ выходитъ, что государство всячески покровительствуетъ производительной дѣятельности; а ихъ степенства всячески дискредитируютъ и подрываютъ ее, искусственно отталкиваютъ отъ нея самыхъ щедрыхъ покупателей (какими, во всю нашу исторію и для всѣхъ нашихъ продуктовъ, были именно англичане), сами становятся монополистами и распоряжаются цѣнами въ собственное удовольствіе. Въ Саратовскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, уже въ 1880 году, было удостовѣрено, что тонкорунное овцеводство, доступное *только* крупнымъ землевладѣльцамъ и развившееся у нихъ ши-

Обывателю.

Свои „частныя дѣлишки“
Мы обдѣлывать умѣемъ:
На обухѣ рожь молотимъ,
А подчасъ и шиломъ брѣемъ.
Но зато, чуть лишь приступимъ
Къ дѣлъ общественныхъ вершенью,
Въ тотъ же часъ на насъ находитъ
Мыслей странное затмѣнье:
Извращаются всѣ чувства,
Измѣняетъ намъ идея—
И царитъ въ дѣлахъ и преньяхъ
Всеблагая ахинея!
Въ этой сферѣ нашей жизни
Нѣтъ ни смысла, ни порядку,
И взамѣнъ живаго дѣла—
Сапоги выходятъ въ смятку!

Балалайкинъ.

Утопія.

Ахъ, гдѣ тотъ край отдохновенья
Души отъ каверзъ и обидъ,
Тотъ край, гдѣ злаго сожалѣнья
Мечта о прошломъ не таитъ?
Гдѣ та страна счастливыхъ пѣсенъ,
Обитель чистой красоты,
Гдѣ міръ не какъ темница тѣсенъ,
Гдѣ нѣтъ ни зла, ни клеветы,
Гдѣ нѣтъ житейскаго ненастья—
Сердецъ холодныхъ, горькихъ слезъ,
Притворныхъ жалобъ и участья,
Гдѣ *жить*—не роковой вопросъ?..
Кто мнѣ укажетъ ту обитель,
Гдѣ ангелъ, добрый охранитель,
Жалѣя сирыхъ, какъ отецъ,
Всѣ раны вылѣчитъ сердецъ?..
Ахъ, очень этотъ край далеко!
Далеко такъ, что не бывалъ
Никто изъ страждущихъ глубоко—
И въ немъ душой не отдыхалъ!..
Мы терпимъ вѣкъ. И плодъ терпѣнья—
Не ложья весь, а дикій лѣсъ;
Святые-жъ ангелы небесъ—
Больнаго сердца измышленья!
Ужь нѣтъ и слезъ, нѣтъ силъ терпѣть,
Переносить борьбу нѣтъ мочи...
И всѣ поэты наши, нѣтъ
Пытаясь, выплакали очи!...

Н. Ежовъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 1-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

I. Семья богатырей. Романъ Вас. Ив. Немировича-Данченко 5
II. Два стихотворенія Ѳ. Э. Ромера 56
III. Вольные и невольные слуги московскихъ государей. В. И. Сергѣевича 58
IV. Герои легкой наживы. (Les reins cassés). Романъ Эрнеста Додэ 90
V. Культурные вопросы нашего народнаго хозяйства. Я. В. Абрамова 139
VI. Свитокъ божества. Стихотвореніе К. Фофанова 182
VII. Любовь и политика. Романъ Базейля 184
VIII. Мечта въ зимнія сумерки. Стихотвореніе Л. И. Пальмина. 284
IX. Лилія. (Поэма въ прозѣ). І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго) 286
X. Янки на морскомъ берегу. Де-Вариньи 300
XI. Паспортная система въ Россіи. А. Ляховецкаго . . . 320
XII. Абдулахъ. Разсказъ Ферси Уайта 343
XIII. Письма изъ Флориды А. П. 365
XIV. Разсказы Захеръ-Мазоха 392

Современное обозрѣніе.

XVI. Парижскія письма. Д—ча 1
XVII. Политическая хроника 11
XXIII. Новыя книги 27
XIX. Наши внутреннія дѣла 34
XX. Фонографъ (фельетонъ „Наблюдателя“) Стихотворенія: Ефима Скорпіонова, Балалайкина и Н. Ежова. . 52

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ **1887** ГОДУ ГАЗЕТЫ

„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“,

(бывшій „САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ“).

Спеціальный органъ публикацій Поволжья и района Оренбургской и Уфимской желѣзныхъ дорогъ.

„САМАРСКІЙ ВѢСТНИКЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ“

БУДЕТЪ ВЫХОДИТЬ ТРИ РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ:

по Воскресеньямъ, Средамъ и Пятницамъ, и разсылаться

БЕЗПЛАТНО

по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ бываетъ публика, какъ-то: торговымъ домамъ и конторамъ, банкамъ, присутственнымъ мѣстамъ, клубамъ, магазинамъ, лавкамъ, номерамъ, гостинницамъ, ремесленнымъ и промышленнымъ заведеніямъ и пр. и пр. Разсылаться во всѣ уѣздные города Самарской губерніи и, кромѣ того, во многіе значительные города Поволжья и района Оренбургской и Уфимской ж. д., какъ-то: въ Уфу, Екатеринбургъ, Оренбургъ, Нижній-Новгородъ, Казань, Симбирскъ, Сызрань, Саратовъ и Астрахань, гдѣ также будетъ находиться въ наиболѣе посѣщаемыхъ публикою мѣстахъ, и наконецъ

во всѣ, безъ исключенія, волостныя правленія Самарской губерніи. Программа „Самарскаго вѣстника объявленій“ слѣдующія:

I. Телеграммы. II. Наиболѣе интересныя свѣдѣнія, заимствованныя изъ столичныхъ и иностранныхъ газетъ. **III. Торговый отдѣлъ.** Торговыя корреспонденціи изъ всѣхъ важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ Поволжья о цѣнахъ и сдѣлкахъ какъ съ хлѣбными, такъ и съ прочими товарами. **IV. Справочный отдѣлъ:** а) мѣсяцесловъ-календарь; б) расписаніе поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ; время прихода и отхода пароходовъ; в) зрѣлища и увеселенія; г) метеорологическій бюллетень; д) о пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ и т. п.; **V. Адресъ-Указатель** торговыхъ и промышленныхъ фирмъ г. Самары, и **VI Объявленія**, казенныя и частныя.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ДЛЯ ИНОГОРОДНЫХЪ:

За годъ . . . . . 3 руб. | За 3 мѣсяца. . . 1 р. 50 к.

» $^1/_2$ года . . . . 2 руб. | » 1 — . . . » » 75 к.

Тарифъ на объявленія:

За строку петита взимается: за 1 разъ 6 к., 2 раза по 5 к., за 3 раза (до 6) по 4 к., свыше 6 разъ по 3 к. На мѣсячныя и годовыя объявленія дѣлается уступка въ такомъ порядкѣ: на объявленіе, заказанное на 1 мѣсяцъ (или 12 разъ) уступается 10%, 2 мѣсяца (или 24 разъ)—15%, 3 мѣсяца (или 36 разъ)—20%, 4 мѣсяца (или 48 разъ)—25%, 5 мѣсяцевъ (или 60 разъ)—30%, на полгода (или 85 разъ)—35% и на годъ (или 150 разъ)—40%. Объявленія персдъ текстомъ на 50% дороже.

За объявленія въ Адресъ-Указателѣ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ, за 6 строкъ петита, въ каждомъ номерѣ—15 р. въ годъ, 8 р. въ $^1/_2$ года и 1 р. 50 к. въ мѣсяцъ.

Отдѣльно напечатанныя объявленія для разсылки при газетѣ принимаются съ платою по 3 р. съ тысячи.

***АДРЕСЪ редакціи:* Самара, Дворянская ул., противъ Губернскаго *Правленія, при типографіи* Г. Е. Курбатова.**

30*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1887-й ГОДЪ

на общественную, литературную и политическую газету

„ВОЛЖСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО, КРОМѢ ПОСЛѢПРАЗДНИЧНЫХЪ ДНЕЙ.

ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

программа, направленіе, составъ редакціи и постоянныхъ сотрудниковъ—остаются прежніе.

Къ участію въ газетѣ привлечено на будущій годъ нѣсколько новыхъ литературныхъ силъ.

ОСНОВНАЯ ЗАДАЧА ГАЗЕТЫ—возможно полное изученіе мѣстнаго Волжско-Камскаго края и всестороннее, по возможности, представительство его нуждъ и интересовъ.

Передовыя статьи по различнымъ общественнымъ вопросамъ.

Обзоръ текущей прессы и журналистики.

Ежедневныя политическія и два раза въ недѣлю торговыя **телеграммы.**

Собственныя **корреспонденціи** изъ С.-Петербурга и Москвы.

Постоянныя корреспонденціи и хроника жизни Камскаго и Приволжскаго края.

Казанская хроника: земство, городъ, засѣданія ученыхъ обществъ, увеселенія, происшествія и т. п..

Судебная хроника.

Библіографія.

Театръ и музыка: отчеты объ оперныхъ и драматическихъ спектакляхъ, концерты, музыкальные вечера и пр.

Политическое обозрѣніе текущей международной жизни, въ видѣ самостоятельныхъ статей, помѣщаемыхъ четыре раза въ недѣлю.

Сельское хозяйство и промышленность.

Торговый отдѣлъ.

Фельетоны и беллетристика. На развитіе этого отдѣла будетъ обращено особое вниманіе редакціи, съ цѣлью дать читателямъ легкое, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, осмысленное чтеніе. Въ этомъ отдѣлѣ найдутъ себѣ мѣсто и **общедоступныя статьи научнаго направленія,** составляемыя спеціалистами.

Тиражи выигрышей, справочный отдѣлъ, объявленія и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для иногородныхъ, съ пересылкою: на годъ—**9** руб., на полгода - **5** руб., на 3 мѣсяца—2 руб. **75** к., на 1 мѣсяцъ—**1** р. *Допускается слѣдующая разсрочка платы:* при подпискѣ вносится 5 р., къ 1 іюня—**4** руб. **Для казанскихъ** (*городскихъ*) **подписчиковъ** подписная плата съ доставкою на домъ: на годъ—**7** руб. на полгода 4 руб., на 3 мѣсяца 2 р. 25 к., на 1 мѣсяцъ —**75** к. Для гг. народныхъ учителей и учащихся—льготныя условія подписки.

Всѣ подписчики на 1887 годъ, въ октябрѣ 1887 года, получатъ БЕЗПЛАТНУЮ ПРЕМІЮ:

„КАЛЕНДАРЬ ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА"

НА 1888 ГОДЪ.

Предпринимаемый редакціею „Волжскаго Вѣстника" къ изданію календарь—*будетъ имѣть характеръ* **ОБЛАСТНАГО КАЛЕНДАРЯ**, въ который войдутъ *разнородныя свѣдѣнія, касающіяся губерній, входящихъ въ районъ Волжско-Камскаго края. Составленный въ объемѣ* **БОЛЬШАГО КАЛЕНДАРЯ**, не менѣе 20 печатныхъ листовъ (т. е. 320 страницъ), „Календарь Волжскаго Вѣстника", кромѣ

бщихъ календарныхъ свѣдѣній, дастъ по возможности **полный обзоръ жиз-и мѣстнаго Камско-Волжскаго края** (земское и городское самоуправленіе, кола, сельское хозяйство, торговля, промышленность и проч.), а также будетъ ужить **справочною книгою** для жителей губерній, входящихъ въ районъ Камско-олжскаго края (адресъ-календарь, некрологъ, почта, телеграфъ, пароходство, желѣзныя дороги, судебныя свѣдѣнія, краткій указатель городовъ и т. п.).

обый отдѣлъ календаря составитъ „**ПОДРОБНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КАЗАНИ и Я ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНОСТЕЙ**“, съ планомъ города и важнѣйшими историческими свѣдѣніями.

ИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ календаря составятъ нѣсколько статей, посвященныхъ изслѣдованію различныхъ сторонъ жизни Камско-Волжскаго края.

Примѣчаніе: Правомъ на безплатное полученіе „Календаря Волжскаго Вѣстника“ воспользуются только годовые подписчики.

Требованіе на газету и высылку подписныхъ денегъ адресовать слѣдующимъ разомъ: **Казань, редакція „ВОЛЖСКАГО ВѢСТНИКА“.**

Редакторъ-Издатель, профессоръ **Н. Загоскинъ.**

ПОДПИСКА НА

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ВЪ 1887 ГОДУ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

освященная изслѣдованіямъ въ Азіи, новостямъ политики, наукъ и общественной жизни на русскомъ Востокѣ, въ Сибири и Туркестанѣ.

Цѣна газеты на годъ 8 руб., на 9 мѣсяцевъ 6 руб., на 6 мѣс. 5 руб., на 3 мѣс. 3 руб.

ри газетѣ принимаются объявленія по 15 коп. за строку на послѣдней страницѣ и по 30 коп. на первой.

Адресъ редакціи и конторы газеты: Въ С.-Петербургѣ, Кавалергардская, д. О, кв. 3. Подписка принимается также въ Томскѣ, въ редакціи „Сибирской Газеты“ и книжномъ магазинѣ П. И. Макушина, и въ Иркутскѣ, въ редакціи газеты „Сибирь“.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

1. Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями.
2. Отдѣлъ оффиціальный—важнѣйшія правительственныя распоряженія.
3. Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихъ областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ.
4. Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ.
5. Политическія извѣстія общія и, въ частности, касающіяся азіатскихъ странъ.
6. Корреспонденціи изъ провинціи: съ русскихъ окраинъ, изъ Сибири, Туркестана и сосѣднихъ азіатскихъ государствъ.
7. Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ; свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности.
8. Литературное обозрѣніе—критика и библіографія, особенно—сочиненій объ Азіи. Извлеченія и переводы.
9. Изящная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія.
10. Фельетонъ.
11. *Судебная хроника.*
12. *Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ.*
13. *Объявленія казенныя и частныя.*

Въ продолженіе пяти истекшихъ лѣтъ, въ газетѣ помѣщались статьи, касающіяся главныхъ вопросовъ края: его администраціи, экономической жизни, поземельнаго вопроса, переселенческаго, ссыльнаго и инородческаго вопроса, городского и сельскаго самоуправленія, вопроса о золотопромышленности и другихъ, причемъ особое вниманіе изданія было обращено на положеніе крестьянскаго дѣла въ Сибири. Газета, посвятившая себя ознакомленію русской публики съ Сибирью и Востокомъ, какъ и спеціально изслѣдованію Сибири во всѣхъ отношеніяхъ, старалась сгруппировать лучшихъ знатоковъ и изслѣдователей. Въ изданіи принимали участіе: **А. В. Адріановъ**, **Д. Н. Анучинъ** (профессоръ), **В. И. Вагинъ**, **В. П. Васильевъ** (профессоръ), протоіерей **В. Вербицкій**, **М. Г. Гребенщиковъ**, **П. М. Головачевъ**, **О. А. Дейхманъ**, **Я. П. Дуброва**, **Д. М. Завалишинъ**, **А. К. Завитковъ**, **М. В. Загоскинъ**, **М. С. Знаменскій**, **С. Я. Капустинъ**, **А. П. Красновъ**, **Петропавловскій** (**Короninъ**), **К-нцъ**, **В. Лесевичъ**, **Я. А. Макаровъ**, **С. В. Максимовъ**, **Д. М. Маминъ** (**Д. Сибирякъ**), **К. П. Михайловъ**, **В. М. Михѣевъ**, **Н. И. Наумовъ**, **Нелюбинскій**, **П. Ф. Николаевъ**, **А. О. Огсеновъ**, **В. А. Пановъ**, **Л. Ф. Пантелѣевъ**, **Э. Ю. Петри** (профессоръ Берлинскаго университета), **Петровичъ**, **М. Я. Писаревъ**, **И. С. Поляковъ**, **Г. Н. Потанинъ**, **А. В. Потанина**, **А. М. Позднѣевъ** (профессоръ), **А. С. Пругавинъ**, **В. В. Птицынъ**, **М. В. Пѣвцовъ**, **В. В. Радловъ** (академикъ), **В. И. Семевскій**, **И. Я. Словцовъ**, **И. Я. Фойницкій** (профессоръ) и другіе. Въ нынѣшнемъ году намъ обѣщано участіе новыхъ сотрудниковъ, а именно: **Гг. НЕЛЬМИНА** и **КОРОЛЕНКО**.

Газета пользуется правомъ выпускать ежегодно приложенія.

Въ 1885 г. былъ выпущенъ „ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ“, въ отдѣльной продажѣ стоющій 2 р. 50 к., для подписчиковъ 1887 года 2 р.

Въ 1886 г. приложенія состоятъ изъ четырехъ книгъ „СИБИРСКАГО СБОРНИКА“, въ отдѣльной продажѣ стоющихъ 5 р., для подписчиковъ 1887 года — 3 р.

Изданіемъ этихъ приложеній мы желали положить начало болѣе капитальной литературѣ и содѣйствовать развитію областной журналистики. Мы надѣемся періодически продолжать изданіе этихъ приложеній, о чемъ своевременно будемъ дѣлать объявленія.

Редакторъ-издатель **Н. Ядринцевъ**.

О ПОДПИСКѢ
НА
„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“
НА 1887 ГОДЪ

ВЪ МОСКВѢ	НА ГОРОДА	ЗА ГРАНИЦУ
съ доставкой:	съ пересылкою:	
на 12 мѣс. 10 р. — к.	на 12 мѣс. 11 р.	на 12 мѣс. 18 р.
„ 6 „ 5 „ 50 „	„ 6 „ 6 „	„ 6 „ 9 „

„РУССКІЯ ВѢДОМОСТИ“ будутъ выходить ежедневно, не исключая дней послѣ-праздничныхъ, листами большаго формата, съ приложеніемъ, по мѣрѣ надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе. Въ литературномъ отдѣлѣ газеты принимаютъ участіе: *Н. М. Астыревъ*, *В. П. Безобразовъ*, *П. Д. Боборыкинъ*, *И. Ѳ. Василевскій* (*Буква*), *А. И. Введенскій*, *А. Н. Веселовскій*, *В. А. Гольцевъ*, *Н. Н. Златовратскій*, *Н. Д. Кашкинъ*, *В. Г. Короленко*, *В. Крестовскій* (*псеедонимъ*), *А. И. Лукинъ* (*Скромный Наблюдатель*), *В. Н. Макъ-Гаханъ*, *Л. Н. Мечниковъ*, *Н. К. Михайловскій*, *Вас. И. Немировичъ-Данченко*, *Ф. Д. Нефедовъ*, *А. Н. Плещеевъ*, *А. С. Пругавинъ*, *В. С. Пругавинъ*, *М. Е. Салтыковъ* (*Н. Щедринъ*), *А. М. Скабичевскій*, *Г. И. Успенскій*, *М. К. Цебрикова*, *А. И. Эртель* и другіе.

Гг. подписчики благоволятъ обращаться съ требованіями о подпискѣ въ **Москву, въ контору редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“**, Чернышевскій переулокъ близъ Никитской, домъ № 7.

1—2.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1887 ГОДУ

ПОЛИТИЧЕСКО-ЛИТЕРАТУРНО-ЮРИДИЧЕСКОЙ

ГАЗЕТЫ

„КАВКАЗСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

(Бывшее «ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ»).

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

Издавая въ теченіе шести лѣтъ «Юридическое Обозрѣніе», посвященное изученію юридическихъ вопросовъ, судебной практики и правовой жизни, редакція журнала, въ виду наростающихъ потребностей, признала необходимымъ расширить программу и съ 1-го января 1887 года издавать ежедневную политико-литературно-юридическую газету, подъ названіемъ «**КАВКАЗСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ**».

Оставляя въ газетѣ самостоятельный юридическій отдѣлъ и не отступая отъ направленія «Юрид. Обозр.», которому слѣдовала въ теченіе шести лѣтъ, служа идеѣ законности и права,—редакція приложитъ всѣ старанія къ добросовѣстному разъясненію вопросовъ, вызываемыхъ какъ общегосударственною, такъ и мѣстною жизнью, будетъ знакомить читателей со всѣми выдающимися событіями въ области русской и иностранной жизни, политики, литературы, юридическихъ и др. наукъ, искусствъ, торговли и промышленности. Редакція обратитъ особое вниманіе на послѣдніе два отдѣла, а также на увеличеніе числа корреспонденцій, телеграммъ и справочныхъ свѣдѣній. Редакція будетъ получать корреспонденціи изъ большей части городовъ и селеній Кавказскаго края, изъ С.-Петербурга, Москвы, Нижняго-Новгорода, Одессы и др. россійскихъ городовъ, а также Константинополя, Тегерана и Парижа.

Независимо отъ этого, газета намѣрена также знакомить и русскую публику съ Кавказомъ и, по мѣрѣ возможности, съ рельефными проявленіями жизни его населенія.

Въ газетѣ примутъ участіе многіе столичные, иногородные и мѣстные кавказскіе корреспонденты и извѣстные писатели-спеціалисты по разнымъ отдѣламъ изданія.

Газета будетъ выходить ежедневно, не исключая и послѣ-воскресныхъ дней, въ количествѣ 350 №№ въ годъ, въ форматѣ обыкновеннаго газетнаго листа, по слѣдующей программѣ:

I. **Статьи по вопросамъ**: а) теоріи и практики права и судопроизводства, экономическимъ, финансовымъ, государственнымъ, международнымъ, общественнымъ, по обычному праву и статистикѣ; б) *русской и иностранной* общественной жизни, политики и литературы; и в) *промышленнымъ*: нефтяному, винодѣлію, шелководству,

марганцовому дѣлу и др.—II. **Обозрѣніе правительственныхъ р**
ряженій.—III. **Судебное обозрѣніе** (судебные отчеты и кассац.
шенія).—IV. **Общественное обозрѣніе** (отчеты о засѣданіяхъ
щественныхъ собраній и ученыхъ обществъ).—V. **Тифлисск**
Кавказское обозрѣніе (новости и корреспонденціи).—VI. **Рус**
обозрѣніе.—VII. **Иностранное обозрѣніе.**—VIII. **Обозрѣніе русск**
иностранной періодической печати; критика и библіографія.—
Торговопромышленное обозрѣніе (торговопромышленныя свѣдѣ
курсы).—X. **Фельетонъ:** романы, повѣсти, разсказы о явле
общественной жизни и стихотворенія.—XI. **Послѣднія новост**
телеграммы.—XII. **Смѣсь.**—XIII. **Театръ и музыка.**—XIV. **Спр**
ный указатель (резолюціи тифлисскихъ судебныхъ установлен
дѣламъ апелляціоннымъ и кассаціоннымъ и пр.).—XV. **Объяв**

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

РЕДАКЦІЯ И АДМИНИСТРАЦІЯ ГАЗЕТЫ (для пріема
писки, объявленій и розничной продажи)—*ТИФЛИСЪ, С*
ки, Нагорная улица, д. № 21.

Подписная цѣна на газету (съ доставкою и пересылкою)

Въ Россіи:	*Руб.*	*Коп.*	*За границею:*	*Руб.*
На 12-ть мѣсяцевъ —	12	„	На годъ — —	— 19
— 6 — — — —	6	50	— полгода —	— 10
— 3 — — — —	3	50		
— 1 — — — —	1	50		

Для гг. студентовъ годовая плата—9 р., съ разсрочкою:
подпискѣ, въ апрѣлѣ и августѣ по 3 р.

Отдѣльные №№ газеты по 5 коп.

ОБЪЯВЛЕНІЯ, за занимаемое мѣсто строка петита 5
при неоднократныхъ объявленіяхъ, дѣлается скидка.

Подписка на газету и объявленія также принимаетс
ТИФЛИСѢ:—*въ типографіи „Кавказское Обозрѣніе“* (Дво
улица, караванъсерай, бывшій Арцруни) и въ *Центральной*
ной торговлѣ; въ Петербургѣ и Москвѣ, въ книжныхъ магази
П. И. Анцсимова и „Новаго Времени“; въ Харьковѣ—въ к
магаз. *„Новаго Времени“; въ Одессѣ*—у *Распопова; въ Варш*
у Райхмана и Френдлера и др.

При доставленіи въ редакцію экземпляра сочиненія юри
скаго или инаго содержанія, о немъ будетъ данъ отчетъ и с
публикація.

Редакторъ-издатель А. С. ФРЕНКЕЛЬ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ:

«НАРОДНАЯ ШКОЛА»

ВЪ 1887 ГОДУ.

(Девятнадцатый годъ).

ъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по
ніямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства
ого Просвѣщенія и удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности,
состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ.

АРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ издаваться въ 1887-мъ году на прежнихъ
іяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.
ограмма журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодатель-
о народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія
аго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.**
отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ жур-
. Онъ заключаетъ въ себѣ — кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій —
тическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе
ныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ
же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго
анія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно,
убрикою «**Разныхъ извѣстій**», любопытные для народнаго учителя факты
щественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству
мъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда вхо-
) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго раз-
политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ пред-
знанія и пр.

АРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ выходить въ 1887 году, по прежнему, ежемѣ-
и книжками отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго
. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пять-
коп.** съ пересылкою или доставкою. За границу—**6 руб.** Подписка
ается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ»,
кой переулокъ, д. № 5; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова,
я, противъ Университета, и въ конторѣ г-жи Печковской, Петровскія
Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами,
авшимися въ главной конторѣ.

елая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ
журнала за 1878—79—82 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недо-
средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предла-
выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто
руб. за три года, **по 9 руб. съ пересылкою.** При подпискѣ же на 1887
слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 13 руб.

1880, 1881, 1883, 1884, 1885, 1886 и 1887 гг. журналъ выписывается
нальной стоимости.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

въ 1887 году. (Годъ шестой).

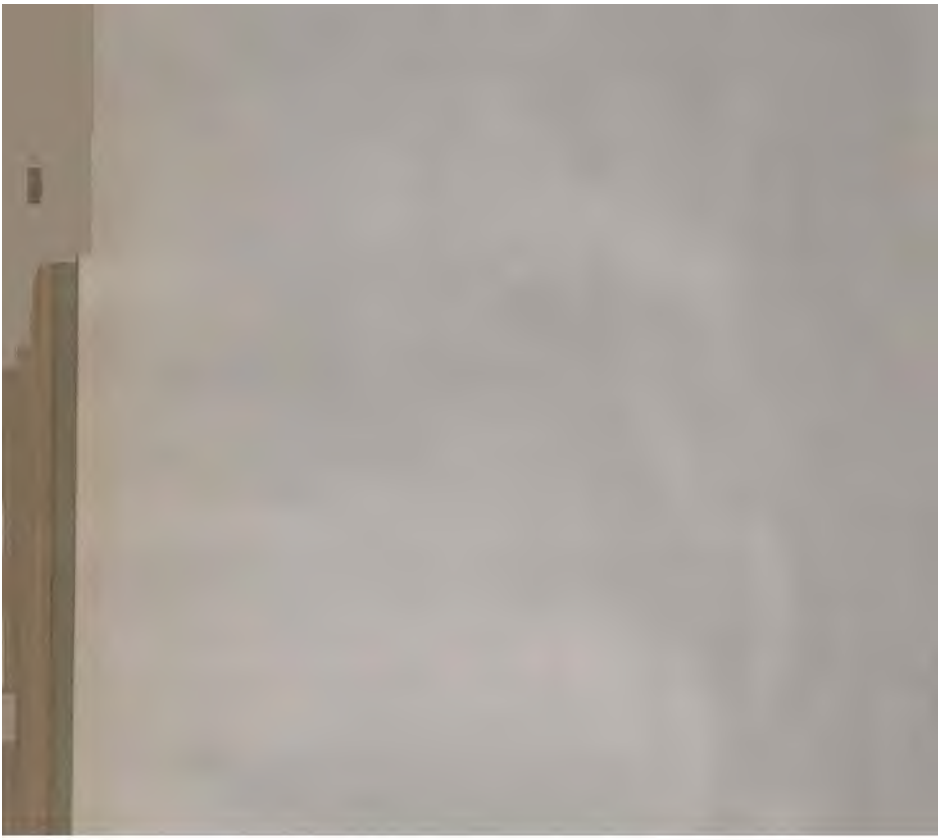
Журналъ будетъ издаваться въ 1887 г. подъ прежней реда
при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварите
цензуры.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книга
25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемъ журнала увеличе
размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій. Подписная це
остается прежнею: 12 р. за годъ безъ доставки; 13 р. съ доста
въ С.-Петербургѣ; 14 р. съ перес.; 16 р. съ пересылкою за гра

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ
дакціи (Поварской переулокъ, д. № 5); въ Москвѣ: въ книжномъ
газинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета) и въ кон
Печковской, Петровскія линіи; въ Варшавѣ—въ книжномъ магазинѣ
басникова; а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только по
лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

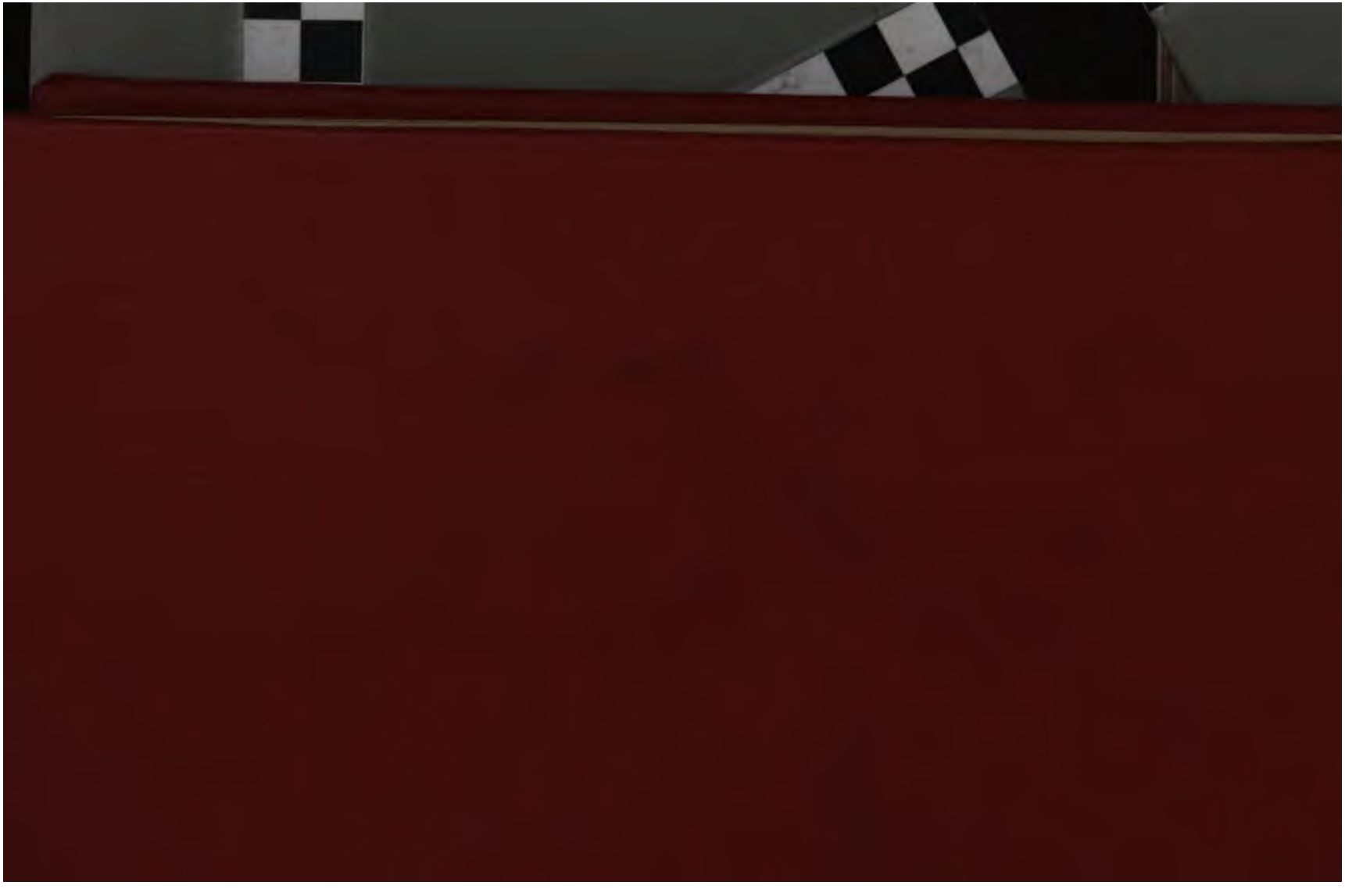
Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополу
кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи по чет
гамъ, отъ часу до двухъ.



STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES
LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891

Stanford University Libraries
3 6105 004 943 812

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIE
STANFORD AUXILIARY LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6(
(415) 723-9201
All books may be recalled after 7 da

DATE DUE

28D APR 28 1994